Class PG R1262
Book .B2

YUDIN COLLECTION

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
А.С.КАЦАНА
№ 1532

Н. А. Ч.

Chaev, Nikolaĭ Aleksandrovich

БОГАТЫРИ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изъ времени Императора Павла

Н. Чаева.

Москва 1873 г.

PCR 1162

PG 3453
.C3B6

244162*

БОГАТЫРИ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

(*Изъ времени императора Павла*).

Часть первая.

I.

Было ясное февральское утро; желтый, съ гербами на дверцахъ, возокъ, гусемъ, тройкою, рысью подъѣзжалъ къ усадьбѣ, стоявшей на горѣ; свѣтло-голубой куполъ бѣлаго каменнаго дома прежде всего выглянулъ изъ-за садовыхъ деревьевъ, съ чернѣвшими на нихъ вороньими гнѣздами; возокъ поднялся въ гору и, перебравшись черезъ мостъ, повернулъ влѣво, мимо пруда; на островкѣ выстроена была бесѣдка съ жертвенникомъ; изъ-за сада появилась старая деревянная церковь, и, будто разбредшееся стадо, зачернѣли, лѣпившіеся по горѣ, крестьянскіе избы и овины. Въ возкѣ сидѣлъ, развалясь, баринъ, лѣтъ пятидесяти съ чѣмъ-нибудь, въ гороховой собольей шубѣ и мѣховой шапкѣ, въ родѣ той, какою накрылъ Державина на портретѣ знаменитый Тончи. Рядомъ съ нимъ, завернувшись въ шинель, сидѣлъ молодой офицеръ.

— Ты вѣдь еще офицеромъ не былъ у насъ въ Раздольѣ? спросилъ баринъ.

— Какъ же, былъ. Я пріѣзжалъ съ княземъ, когда онъ воротился изъ Оксфорда, отвѣчалъ офицеръ.

— Легче, братецъ! прикнулъ баринъ, когда возокъ заколыхался, спускаясь подъ гору.

— Слушаю, ваше сіятельство, отозвался лакей, сидѣвшій на облучкѣ.—Осади. Легче, обратился онъ къ кучеру.

Спустившись шагомъ подъ гору, возокъ повернулъ опять вправо и рысью началъ подниматься къ помѣстью; дорога извивалась въ разныя стороны, какъ всѣ дороги, ведущія къ усадьбамъ русскихъ помѣщиковъ. Пока заводская тройка колеситъ по полямъ, мы успѣемъ познакомить читателя поближе съ путешественниками.

Старикъ былъ князь Александръ Ильичъ Тунгусовъ, гофмейстеръ блестящаго Екатерининскаго вѣка. Время, кажется, не дальнее, а между тѣмъ, не вдругъ, не скоро доберется до правды художникъ, желающій вѣрно нарисовать людей, а особенно придворныхъ, этого времени. Читая многочисленные памятники, чувствуешь себя будто въ маскерадѣ, и долго, долго нужно приглядываться къ иному замаскировавшемуся, чтобы съ нѣкоторою увѣренностію сказать: «я тебя знаю, маска». Какая нибудь Анна Тихоновна является Кипридой, Дафною, на портретѣ, въ стихотвореніи, ей посвященномъ пудренымъ поэтомъ, даже въ собственныхъ французскихъ письмахъ; сановникъ, памятный еще по нынѣ въ управляемой имъ мѣстности за человѣка не совсѣмъ церемоннаго на руку, изображается пустынникомъ, просѣкающимъ въ непроходимой дебри путь къ просвѣщенію, или же геркулесомъ, поражающимъ гидру. Въ жизнеописаніи, съ предисловіемъ, въ коемъ сочинитель приравнялъ его, ни болѣе, ни менѣе, какъ къ солнцу, обогрѣвающему и высокій кедръ, и ничтожный цвѣтокъ, растущій въ долинѣ.... (подъ цвѣткомъ, очевидно, разумѣлъ самъ себя сочинитель),—въ жизнеописаніи встрѣтите вы много, много формулярный списокъ. Но это еще слава Богу; къ несчастію, тогда были въ модѣ книги, подъ названіемъ: «духъ такого-то»; въ этихъ произведеніяхъ, наводняющихъ, въ новое время, толкучіе рынки, уже не встрѣтите ровно ничего, кромѣ высокопарныхъ фразъ и отчаяннѣйшихъ метафоръ. Описаніе князя Тунгусова тогдашній поэтъ непремѣнно бы началъ восклицаніемъ: «о ты!» Онъ бы его изобразилъ ѣдущимъ на колесницѣ, а никакъ не въ желтомъ возкѣ, съ обшитыми медвѣжьимъ мѣхомъ оконницами; или спустилъ бы съ облаковъ, окруживъ циркулями, глобусами и полуразвернутыми планами крѣпостей, при взятіи которыхъ его сіятельство сидѣлъ въ почтительномъ отдаленіи отъ ядеръ и глядѣлъ въ зрительную трубку. «Не се ли эдемъ?» спрашиваешь самъ себя, вмѣстѣ съ знаменитымъ поэтомъ того вре-

мени, читая описанія кадрилей изъ юныхъ грацій и младыхъ полубоговъ или созерцая портреты пудреныхъ дамъ, окруженныхъ, точно мухами, роемъ амуровъ и купидоновъ. Прибавьте къ этому тогдашнее свободомысліе, дружескія переписки съ Дидро, съ Волтеромъ, Руссо—и вамъ покажется тогдашняя Россія, выражаясь опять словами поэта Потемкинскаго времени, «какою-то поднебесностью или волшебною страною».

Не состязаясь съ пѣвцами описываемыхъ дней, я приступаю къ изображенію князя Тунгусова безъ миѳологическихъ украшеній и атрибутовъ. Наружный лоскъ, замѣняющій нерѣдко и нынче просвѣщеніе, знатный родъ и пять тысячъ душъ, пріятная наружность, хорошій французскій выговоръ и манеры, усвоенные отъ гувернера француза, давали возможность князю Тунгусову стоять не въ послѣднихъ рядахъ при дворѣ; въ церемоніалахъ онъ стоялъ даже на первомъ планѣ, но безъ рѣчей, какъ актеры, изображающіе грандовъ и маркизовъ въ драмахъ и операхъ; фигура князя Тунгусова была знакома всѣмъ, посѣщавшимъ выходы и пріемы; въ своемъ шитомъ мундирѣ, онъ вѣчно вертѣлся около дамъ, смѣялся своимъ мягкимъ смѣхомъ; на балахъ отлично танцовалъ менуэты; кромѣ того, онъ мастерски преклонялъ колѣно, гдѣ это требовалось. Никто съ такою ловкостью не могъ ввести даму въ салонъ, какъ князь Тунгусовъ: князь какъ-то особенно выгибался при этомъ; этимъ выгибомъ любовалась тогдашняя свѣтская молодежь и даже, болѣе или менѣе удачно, старалась подражать князю. Свѣтскость князя и французскія заученныя фразы о политикѣ, наукѣ, о поэзіи, религіи, о чемъ угодно—совершенно отнимали возможность опредѣлить, уменъ онъ или нѣтъ; въ серьезномъ разговорѣ онъ такъ кстати умѣлъ глубокомысленно вздыхать, произнося при этомъ загадочное: «oui, cher такой-то, mais».... пожимать плечами, приподниматься на носкахъ, закидывать вверхъ голову, слегка поглаживая при этомъ свой раздушенный подбородокъ,—что многіе не прочь были признать въ немъ тонкаго политика и осторожнѣйшаго, опытнаго царедворца. Послѣднее убѣжденіе утвердилось у многихъ окончательно, когда князь посланъ былъ въ Вѣну съ какими-то порученіями къ нашему посольству. Фамилію свою князь производилъ отъ шведовъ; нашелся даже какой-то археологъ, обладавшій смѣлостью подтвердить эту родословную учеными цитатами въ брошюрѣ, изданной иждивеніемъ князя, съ заглавіемъ: «достохвальный родъ князей Тунгусовыхъ». Князь женился на одной изъ

фрейлинъ, бывшихъ въ фаворѣ еще у наслѣдницы, Екатерины, и такимъ образомъ еще больше упрочилъ свое придворное положеніе. Только со смертію императрицы Екатерины поколебался невысокій пьедесталъ, на которомъ утвердился было довольно крѣпко князь Тунгусовъ. Смерть императрицы застала его въ Вѣнѣ; возвратясь оттуда, князь нашелъ дворъ переодѣтымъ въ военный мундиръ; старики, всю жизнь свою невозлагавшіе на себя никакихъ воинскихъ доспѣховъ, переодѣлись воинами, напоминая фигурою своею Фридриха великаго; эдему съ купидонами, сибаритами и аполлонами, которыхъ нерѣдко изображалъ въ живыхъ картинахъ и балетахъ князь, пришлось плохо. Эта перемѣна при дворѣ производила впечатлѣніе, какое производитъ протяжный звонъ къ вечернѣ въ чистый понедѣльникъ, послѣ шумной и веселой, широкой масляницы. Государь, увидавъ екатерининскаго гофмейстера въ новомодномъ, заграничномъ, шитомъ кафтанѣ, покосился и прямо спросилъ его: «когда ты уѣзжаешь въ деревню?» Князь хотѣлъ что-то отвѣтить, но государь отвернулся и заговорилъ съ другимъ. Князь, смущенный неожиданнымъ вопросомъ, отправился было кое къ кому узнать «о причинѣ», какъ онъ выражался, «такой дисграціи», но кое-кто принялъ его сухо, промычалъ что-то вмѣсто отвѣта. Князю не оставалось больше ничего, какъ уѣхать; онъ уѣхалъ въ новгородское имѣнье, гдѣ и жилъ въ описываемое время, разъѣзжая лѣтомъ и осенью по своимъ многочисленнымъ помѣстьямъ, неизвѣстно зачѣмъ; съ его придворнымъ воспитаніемъ и полнѣйшимъ незнаніемъ хозяйства, онъ былъ посмѣшищемъ управляющихъ и старостъ. «Такъ нынче неурожай, ты говоришь?» спрашивалъ онъ, притворяясь агрономомъ, какого нибудь бурмистра.— «Плоховаты хлѣба, ваше сіятельство»..—«Оброки, братецъ, оброки главное», подтверждалъ князь.—«Соберемъ, ваше сіятельство.... Только что мужики нынче жалуются», оговаривался, переминаясь, бурмистръ. Князь позабывалъ, о чемъ шла рѣчь, заводилъ совсѣмъ другую матерію и ѣхалъ въ другое имѣніе. Бурмистръ верхомъ, безъ шапки, провожалъ карету до большой дороги, раздумывая про себя: «уродитъ же Богъ эдакого безтолковаго». Княгиню бѣсили эти разъѣзды съ хозяйственною цѣлью. «Ты только портишь крестьянъ», говорила она.—«Нельзя же, ma chere: свой глазъ—вещь важная», отвѣчалъ обыкновенно на это проницательный хозяинъ. За то камердинеру Тимошкѣ эти путешествія были просто благодатью: раздѣвая его сіятельство, онъ имѣлъ обыкно-

веніе дѣлать краткія критическія замѣчанія на дѣйствія управляющихъ, старостъ; эта оцѣнка не всегда оставалась безъ послѣдствій, что и заставляло деревенскія власти ублаготворять Тимоѳея Савельича сотней—другой полновѣсныхъ екатерининскихъ рублевиковъ.

Цѣль этихъ разъѣздовъ, говорили злые языки, была, будто бы, совсѣмъ другая; но передавать то, чего не знаешь на вѣрное, мы не рѣшаемся. Князь любилъ очень Парни и эротическія стихотворенія въ родѣ Державинскаго:

«Еслибъ милыя дѣвицы
Такъ могли летать, какъ птицы,
Я желалъ бы быть сучочкомъ» и т. д.

Онъ находилъ, что это «charmant», чрезвычайно граціозно, легко. «Отчего ты, братецъ, не кюльтивируешь этотъ жанръ? Ну что такое эти твои оды?» спрашивалъ онъ Державина, встрѣчая его при дворѣ. Вѣроятно, поэтому живописецъ Занетти и нашелъ приличнымъ изобразить князя, съ книгою въ рукѣ, среди цвѣтущей природы, придавъ его сонному лицу и свѣтло-голубымъ глазамъ меланхолическое, шиллеровское выраженіе.

Читатель видитъ князя возвращающимся домой послѣ трехнедѣльнаго путешествія съ экономическою цѣлью. Молодаго офицера, дальняго родственника своего, онъ захватилъ съ собою, встрѣтивъ его случайно на станціи. Офицеръ, только что кончившій курсъ въ шляхетно-артиллерійскомъ корпусѣ, пріѣзжалъ въ деревню къ отцу показать офицерскій мундиръ. Онъ думалъ и самъ завернуть не надолго къ князю. Молодой человѣкъ былъ небогатый дворянинъ, Петръ Тимоѳеевичъ Катеневъ. Онъ былъ крестникъ Суворова; отецъ его, генералъ-поручикъ въ отставкѣ, былъ сосѣдъ фельдмаршала и сослуживецъ; старикъ участвовалъ въ нѣсколькихъ Суворовскихъ походахъ и былъ однимъ изъ любимыхъ батарейныхъ или ротныхъ, какъ называли ихъ тогда, командировъ фельдмаршала; оторванная нога мѣшала старику отправиться снова, какъ онъ выражался, «откатенивать невѣрующихъ французишковъ.»—Ну, Петуньку, Пѣтушка давай», говорилъ фельдмаршалъ, заѣхавъ къ нему по дорогѣ въ Петербургъ, куда онъ отправлялся, по извѣстному приглашенію императора Павла, съ знаменитыми словами: «теперь не время разсчитываться. Виноватаго Богъ проститъ.» Подъ Петунькой фельдмаршалъ разумѣлъ крестника. «Окрестилъ водой, надо огнемъ крестить», говорилъ графъ. Онъ

былъ необыкновенно веселъ, поминутно обнималъ стараго сослуживца, его старушку жену, и пробылъ у нихъ, какъ онъ выражался ,«сверхъ инструкціи», почти сутки. Молодой Катеневъ встрѣтился ему на дорогѣ и тутъ же получилъ приказаніе не засиживаться въ деревнѣ. «Отецъ тебя мнѣ отдалъ», говорилъ графъ. «Простись и тотчасъ ко мнѣ; часъ собираться, другой отправляться.... Не опоздай, ворочайся, пока я въ Питерѣ.» Молодой человѣкъ былъ въ восторгѣ отъ этого приглашенія: имя Суворова уже было обаятельнымъ именемъ для военнаго. Отецъ черезъ три дня, несмотря на слезы жены, снарядилъ сына въ обратный путь, снабдивъ сотнею рублей и дѣдовскимъ образкомъ Петра Апостола. Князь Тунгусовъ встрѣтилъ молодаго воина на станціи и уговорилъ его дня на два заѣхать въ Раздолье, обязавшись доставить на своихъ лошадяхъ въ Петербургъ. Отъ имѣнья князя до столицы было верстъ восемдесятъ, и на половинѣ дороги, для гостей, держались постоянно перемѣнныя лошади. Петръ Тимоѳеевичъ (такъ звали молодаго Катенева) отправилъ слугу своего съ вещами въ Петербургъ, а самъ согласился ѣхать съ княземъ. Онъ часто, ребенкомъ еще, гащивалъ и въ Петербургѣ и въ деревнѣ у князя, доводившагося дальнимъ родственникомъ Катеневымъ; отецъ отправлялъ его туда во время вакацій для практики въ французскомъ и итальянскомъ языкахъ, такъ какъ самъ, по бѣдности, не въ состояніи былъ нанимать гувернера. До поступленія въ шляхетскій артиллерійско-инженерный корпусъ, молодой Катеневъ, лѣтъ до четырнадцати, росъ вмѣстѣ съ крестьянскими и дворовыми мальчиками, катаясь зимою на ледянкѣ съ сугробовъ, а лѣтомъ запуская змѣй. Старые русскіе порядки, не взирая на свою живучесть, вытѣсняемые, все болѣе и болѣе, изъ столицъ, оставались долго, мѣстами, особенно въ дальнихъ губерніяхъ, въ неприкосновенной цѣлости. Отецъ и мать Катенева были совсѣмъ старинные русскіе люди; въ домѣ у нихъ справлялись всѣ обряды: кутьи въ сочельники, поминки, съ непремѣнными блинами, въ родительскія субботы: выдавая замужъ сестру свою, мать Катенева справляла и дѣвишникъ по старинѣ, и косу плели невѣстѣ съ пѣснями, и золотой положили ей въ башмакъ, кусочекъ хлѣба съ солью за пазуху, чтобъ жить ей полнымъ домомъ; старикъ Катеневъ глядѣлъ на эти обряды хотя съ улыбкою и замѣчалъ гостямъ: «бабы де это свое соблюдаютъ», однако не порицалъ этого соблюденія обрядовъ, если не вполнѣ вѣруя въ нихъ, то думая: «а кто ихъ

знаетъ? Старыми людьми заведено; они не глупѣе насъ были, а вотъ вѣрили». Такая смѣсь предразсудковъ съ новыми понятіями встрѣчалась нерѣдко въ то время даже у людей, считавшихся просвѣщенными; въ обществѣ, въ свѣтѣ, они не выказывали своихъ суевѣрій, а наединѣ, втихомолку, дома, иногда рабски подчинялись имъ. Въ старинныхъ русскихъ домахъ старыя понятія долго хранились и передавались юному поколѣнію няньками и бабушками. Въ модныхъ, щеголявшихъ образованностью семьяхъ удаляли поэтому нянекъ отъ дѣтей и поручали ихъ съ колыбели попеченію нѣмокъ или француженокъ; послѣднія осмѣивали передъ дѣтьми нерѣдко не однѣ суевѣрія, а и вещи поважнѣе. Я помню, какъ гувернеръ, французъ, передразнивалъ les popes russes и сравнивалъ русскую церковь и ея богослуженіе съ еврейскою синагогою. Катеневъ, проведя дѣтство въ средѣ русскихъ людей и въ то же время встрѣчаясь съ новыми, западными понятіями въ домѣ Тунгусовыхъ, равнодушно относился къ старинѣ; онъ уважалъ отца и мать, считая ихъ въ то же время людьми отжившими, стараго покроя; въ пользу и правду безразлично всего западнаго юноша вѣровалъ, какъ мусульманинъ въ Магомета; зналъ же лучше другихъ наукъ и любилъ математику; философія, о которой слышалъ онъ только изрѣченія, что это «наука всѣхъ наукъ» и т. п., представлялась ему чѣмъ то въ родѣ святилища, доступнаго лишь для посвященныхъ, для жрецовъ; онъ и не покушался долго подходить даже къ преддверію, думая: «гдѣ мнѣ, солдату, лѣзть въ ученые?» Во время вакацій Катеневъ, не будучи въ корпусѣ, учился, вмѣстѣ съ княземъ и княжною Тунгусовыми, у баккалавра, о которомъ будетъ рѣчь впереди, и у француза изъ эмигрантовъ, производившаго свой родъ, чуть не по прямой линіи, отъ цесаря.

Шевалье де Шампъ, де ля Вале (такъ звали учителя) училъ ихъ поэзіи, этикѣ, языкамъ, читалъ съ ними Плутарха; о республикѣ эмигрантъ не могъ говорить хладнокровно. «La republique n'a d'autre but,» говорилъ онъ, «que de fouler aux pieds toutes les lois divines et humaines.» *) При этомъ ораторъ стучалъ серебряною табатеркой по столу, вскакивалъ съ своего стула и принимался бѣгать по комнатѣ, отмахиваясь раздушеннымъ батистовымъ платкомъ своимъ. Катеневъ мастерски передразни-

*) Республика не имѣетъ другой цѣли, какъ попрать всѣ законы, божескіе и человѣческіе.

валъ шевалье; поэтому ему стоило, въ этихъ патетическихъ мѣстахъ, взглянуть на княжну, чтобъ разсмѣшить ее; бѣдная дѣвушка не выдерживала и начинала смѣяться. Французъ выходилъ изъ себя. «Вы смѣетесь, дитя мое», начиналъ онъ,—«не смѣяться, а плакать нужно, en voyant ce bouleversement des bases. Qui peut nous dire?»... *) продолжалъ ораторъ. Княжна кусала губы, но не могла удержаться отъ смѣха, встрѣтивъ черные глаза Катенева, на нея устремленные. Французъ сердито отдвигалъ свой стулъ и бѣжалъ къ княгинѣ жаловаться на свою ученицу. Тогда торжественнымъ шагомъ входила въ учебную комнату княгиня; кротко замѣтивъ дочери, что невѣжливо смѣяться во время уроковъ, она обыкновенно заставляла ее извиниться передъ шевалье де Шампъ. Добрякъ успокоивался и продолжалъ урокъ.

Злѣйшимъ врагомъ француза былъ другой учитель, стоявшій, впрочемъ, на второмъ планѣ, несмотря на любовь и уваженіе къ нему дѣтей, баккалавръ Гаврило Даниловичъ; причиною ненависти былъ слѣдующій случай: однажды, встрѣтившись съ шевалье въ началѣ своего урока въ классѣ, Гаврило Даниловичъ затѣялъ съ нимъ споръ; разговоръ шелъ сначала на французскомъ, на которомъ изъяснялся кое-какъ баккалавръ, намѣренно коверкая слова «языка пустозвоновъ», какъ онъ называлъ французскій языкъ; по мѣрѣ оживленія спора, перешедшаго, наконецъ, чуть не въ брань, баккалавръ вставлялъ больше и больше русскихъ словъ и, наконецъ, началъ говорить по русски. «Да что вы нападаете такъ, monsieur, на республиканцевъ.... Кто они? Французы?... А французы, всѣ до одного, вертопрахи»...

— Que dit il? **) Qu'est ce que c'est вертопрахъ? спросилъ французъ, съ трудомъ выговаривая мудреное слово остававшагося въ классной Катенева.

Катеневъ перевелъ. Гувернеръ схватилъ стулъ, но въ эту минуту вошла въ комнату княгиня. Шевалье опомнился. Съ этихъ поръ француза ни за что нельзя было усадить въ одинъ экипажъ съ Гавриломъ Даниловичемъ, при переѣздахъ въ другое помѣстье, дѣлавшихся иногда всѣмъ домомъ; баккалавръ самъ смѣялся послѣ своей выходкѣ, а Катеневъ иначе не называлъ съ этого дня шевалье де Шампъ, какъ «вертопрахомъ».

Между молодыми Тунгусовыми и Катеневымъ завязалась

---

*) Видя это ниспроверженіе основъ. Кто можетъ намъ сказать?..

**) Что онъ говоритъ? Что такое вертопрахъ?

дружба, основанная отчасти на воспоминаніи дѣтскихъ общихъ невзгодъ и проказъ; къ княжнѣ кузинѣ чувствовалъ еще въ дѣтствѣ Петръ Тимоѳеевичъ особенную привязанность, симпатію, какъ выражались тогдашніе модники; онъ выпросилъ въ послѣдній пріѣздъ силуэтъ ея хорошенькой головки и носилъ его въ золотомъ сердечкѣ-медальонѣ, подаренномъ ему княгинею; каждый разъ, уѣзжая въ корпусъ, онъ горько плакалъ и всего тяжеле ему было разставаться съ кузиною. Такъ и теперь сердце у него билось сильнѣе и сильнѣй по мѣрѣ того, какъ тяжелый возокъ приближался къ знакомому дому; сколько разъ, вспоминалось ему, копируя съ одного рисунка, онъ наклонялся бывало близко такъ къ благовоннымъ волосамъ кузины, касался бѣлой ея ручки, мѣняясь съ нею карандашомъ или кисточкой. Молодой человѣкъ былъ грустенъ: на станціи князь разсказалъ ему, что княжна помолвлена за итальянца, маркиза ди Сальма, служащаго при неаполитанскомъ посольствѣ.

Возокъ, обогнувъ прудъ, переѣхалъ мостикъ, въѣхалъ въ ворота, съ гипсовыми львами на столбахъ, и остановился у подъѣзда; на крыльцо выбѣжала прислуга, гайдукъ отворилъ дверцы, и князь, поддерживаемый слугами, кряхтя и отдуваясь, опустился изъ возка на землю. Катеневъ выскочилъ вслѣдъ за нимъ, привѣтливо кивая людямъ.

— Княгиня здорова? спрашивалъ князь, взбираясь при помощи слугъ на каменное крыльцо дома.

— Все слава Богу, ваше сіятельство, отвѣчалъ одинъ изъ лакеевъ, заботливо поддерживая князя подъ руку.

Вслѣдъ за возкомъ подъѣхала кибитка, на тройкѣ косматыхъ крестьянскихъ лошадей, съ вещами, камердинеромъ и поваромъ; сидѣвшій вмѣсто кучера мужикъ, еще при въѣздѣ въ ворота, снялъ шапку. Въ переднюю выбѣжала княжна; поцѣловавъ ее, князь удалился въ свой кабинетъ переодѣться. Катеневъ, сбросивъ епанчу, поцѣловалъ ручку княжны.

— C'est bien aimable, Pierre, *) проговорила дѣвушка, что ты заѣхалъ.

Она покраснѣла отъ нечаянно вырвавшагося «ты» и ушла въ залъ. Катеневъ принялся оправлять свой мундиръ и не напудренные, по случаю путешествія, длинные, завязанные въ шелковый черный кошелекъ, густые волосы.

---

*) Это очень любезно, Пьеръ.

— А надо бы припудриться, замѣтилъ онъ, обращаясь къ стоявшей вокругъ него прислугѣ.

— Такъ что-жь? Пожалуй, я васъ живо припудрю, отвѣчалъ одинъ изъ слугъ.—Садись, батюшка, я принесу пудры...

— А бѣда—эта нынѣшняя форма, началъ, усаживая Катенева, старикъ буфетчикъ: длинная коса, пукли... Третьяго-дни солдатъ расказывалъ: «насалилъ», говоритъ, «я себѣ косу то, да и заснулъ въ казармахъ; просыпаюсь, хвать, косы то нѣтъ, какъ нѣтъ; крысы», говоритъ, «пока я спалъ, всю цѣликомъ отъѣли.»

— Что дѣлать? Служба! отвѣчалъ Катеневъ, накидывая пудрманто, принесенное слугою.

Слуга припудрилъ его. Катеневъ опять оглядѣлъ себя въ зеркало; въ своемъ коротенькомъ свѣтлозеленомъ полукафтанѣ, съ загнутыми спереди и сзади фалдами, въ ботфортахъ, онъ былъ похожъ на молодаго журавля. Высокій ростъ, жиденькій, не сложившійся торсъ и быстрыя, юношескія движенія молодаго офицера довершали сходство съ несовершеннолѣтнею птицею.

— Прикажете доложить ея сіятельству? спросилъ одинъ изъ слугъ, обчищая щеткою мундиръ Катеневу.

— Да... доложи, пожалуй... Только одѣта ли княгиня? произнесъ нерѣшительно офицеръ.

— Надо быть, одѣты... Двѣнадцать часовъ, глубокомысленно замѣтилъ слуга, поглядѣвъ на серебрянные семилоровые часы свои и выходя на цыпочкахъ изъ комнаты.—Вотъ я спрошу Прасковью Ивановну.

Прасковья Ивановна или Параша была дѣвица лѣтъ сорока, любимая горничная княгини и злѣйшій врагъ княжаго камердинера, отбивавшаго у нея нерѣдко приношенія старостъ и бурмистровъ. Прасковьи боялась вся дворня; это было всевидящее око; все замѣчалъ зоркій глазъ любимицы: нестертую пыль съ мебели, грязь на дворѣ, немытую кастрюльку въ кухнѣ, безпорядокъ въ подвалахъ, въ погребѣ; обо всемъ подобномъ сообщалось Прасковьею своевременно княгинѣ, и не одинъ дворовый былъ обязанъ Прасковьѣ Ивановнѣ своимъ перемѣщеніемъ изъ ключниковъ въ пастухи, ссылкою въ дальнее помѣстье, а иногда и отдачею въ рекруты.

— Ея сіятельство просятъ васъ, сударь, пожаловать въ уборную, доложилъ слуга, войдя въ залъ, гдѣ дожидался, стоя противъ окна, Катеневъ.

Петръ Тимоѳеевичъ прошелъ по мягкимъ половикамъ длинный

рядъ комнатъ и очутился у бѣлой, съ позолотою, двери уборной. Сухощавая дѣвица, лѣтъ сорока, поклонилась ему, какъ старому знакомому, и отворила дверь, проговоривъ: «пожалуйте, ея сіятельство ждутъ васъ».

Молодой человѣкъ вошелъ въ озаренную солнцемъ небольшую комнату съ бѣлою, раззолоченою и обитою желтымъ штофомъ мебелью. Передъ высокимъ трюмо, въ креслѣ, сидѣла, съ книгою въ рукѣ, княгиня; поднявъ глаза на вошедшаго, она опустила книгу на колѣни.

— Bon jour, Pierre. О, да какимъ ты воиномъ!...

Петръ Тимоѳеевичъ немного покраснѣлъ и, поцѣловавъ руку княгини, усѣлся на указанный ему табуретъ.

— Я слышала, мнѣ писалъ вчера князь, что ты ѣдешь въ союзную армію... Да?... Правда это?

— Правда, княгиня. Я благосклонно приглашенъ фельдмаршаломъ.

— Въ качествѣ?...

— Право, не знаю... Я инженеръ немного, артиллеристъ... Вѣроятно, графъ найдетъ мнѣ занятіе по моимъ силамъ и способностямъ.

— Это хорошо...

Княгинѣ было лѣтъ пятьдесятъ, но она была моложава. По наружности она принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя хотя сохранили слѣды прежней красоты, но получили уже, отъ возраста ли, или отъ высокаго положенія, выраженіе неприступности; красота этого рода женщинъ напоминаетъ псевдоклассическую красоту Минервъ и Ѳемидъ, въ то время помѣщавшихся на фронтонахъ судебныхъ мѣстъ, сената, арсеналовъ; всѣ онѣ похожи одна на другую до того, что созерцателю не приходитъ даже въ голову разсмотрѣть подробно черты богинь. Бѣлый широкій пеньуаръ и бѣлыя стѣны уборной довершали сходство княгини съ изваяніемъ. Красноворотый мундиръ и ботфорты молодаго гостя плохо вязались съ обстановкою комнаты и барельефною фигурою хозяйки.

— Вотъ тебѣ прекрасный случай посмотрѣть чужіе края, говорила наставительнымъ тономъ княгиня. Не кидай занятій, учись... Можно и въ походѣ cultiver les sciences...*) Чѣмъ играть въ карты, да вертопрашничать, лучше бесѣдовать съ книгою.

---

*) Заниматься науками.

Проговоривъ это нравоученіе, она умолкла; офицеръ сидѣлъ, потупившись, на табуретѣ. Княгиня предложила ему, наконецъ, сходить къ молодому князю, на верхъ.

— Онъ, вѣрно, у себя въ библіотекѣ, говорила она; вѣчно съ книгами, я даже боюсь за него,—мнѣ кажется, c'est trop... *) Я очень рада, что ты вспомнилъ насъ.

Катеневъ поцѣловалъ еще разъ руку и, поклонившись, вышелъ изъ уборной. Въ гостиной встрѣтилъ онъ стараго князя, уже одѣтаго, напудреннаго и раздушеннаго; на немъ былъ гороховый суконный кафтанъ съ перламутровыми, рѣзными пуговицами, темнолиловые бархатные брюки по колѣна, черные шелковые чулки и башмаки съ блестящими пряжками; кружевные нарукавники и гофреная манишка были ослѣпительной бѣлизны; косясь на зеркало, онъ шелъ немного прихрамывая, опираясь на камышевую трость съ золотою, эмалированною ручкою.

— Одѣта? спросилъ онъ, увидя Катенева.

— Нѣтъ еще, но приняла меня.

— А... Куда-жь ты?... Къ Борису?

— Да, я иду къ нему.

Князь ласково потрепалъ по плечу молодаго человѣка своею бѣлою, съ бриллiантовымъ перстнемъ, рукою, улыбнулся и, шаркая лѣвымъ башмакомъ, направился къ уборной ея сіятельства.

II.

Домъ былъ коротко знакомъ Катеневу; миновавъ нѣсколько комнатъ, уставленныхъ канапе и столами, то краснаго дерева, то корельской березы, убранныхъ гобеленовыми и шелковыми обоями, онъ прошелъ хорошо знакомую ему картинную галлерею и поднялся по широкой, деревянной, покрытой ковромъ лѣстницѣ на верхъ, къ молодому князю. Пройдя длинную комнату, увѣшанную ружьями, кольчугами, оленьими рогами и охотничьими принадлежностями, Катеневъ вступилъ въ кабинетъ молодаго князя. За широкимъ, массивнымъ письменнымъ столомъ, развалясь въ креслахъ, сидѣлъ съ книгою молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ; за креслами стояла княжна, разглаживая длинные бѣлокурые волосы князя; бросивъ поспѣшно книгу, молодой человѣкъ всталъ и обнялъ вошедшаго.

— Какъ я радъ тебя видѣть, Pierre. Садись сюда. Позвони,

*) Это слишкомъ.

ma chere... Здѣсь что-то холодно; надо развести каминъ, сказалъ онъ, потирая руки и усаживая гостя.

Наружность князя Бориса напоминала отца, но въ темноголубыхъ глазахъ, выраженіи лица было больше мысли; грустная улыбка почти не оставляла красиво очерченныхъ губъ князя и, вмѣстѣ съ матовою бѣлизною лица, придавала задумчивый тонъ продолговатому лицу его. Княжна похожа, вѣроятно, была нѣсколько на мать, когда послѣдняя была въ первой молодости; правильный, греческій профиль, тонкія, высоко поднятыя брови напоминали княгиню, но привѣтливость и ясность карихъ глазъ, свѣжесть лица и особенно улыбка уже никакъ не напоминали неподвижныя лица барельефныхъ Ѳемидъ; повременамъ княжна задумывалась, но черезъ минуту тучка изчезала съ молодаго лица, и дѣвушка, какъ бы очнувшись, вскакивала съ своего стула, смѣялась и неотступно просила Катенева представить шевалье де Шампъ, съ его: «la republique n' a d'autre but, mes cheres enfants»... *) Черезъ пять минутъ кабинетъ превратился въ дѣтскую.

— Вы смѣетесь, дитя мое, говорилъ, съ дрожащими отъ гнѣва губами, Катеневъ, расхаживая походкою шевалье и обращаясь къ княжнѣ.... il faut pleurer.... Да; надо плакать, плакать, видя это bouleversement des bases....

Княжна хлопала въ ладоши и хохотала, какъ ребенокъ; князь Борисъ улыбался, раздувая мѣхами огонь въ каминѣ.

— Ты тотъ же прежній школьникъ, Pierre.... Шевалье де Шампъ непремѣнно поставилъ бы тебя въ уголъ, замѣтилъ князь.

— А гдѣ онъ? спросилъ Катеневъ.

— Вообрази, у принца Конде.... Не мудрено, что ты встрѣтишься съ нимъ въ арміи; старикъ опять надѣлъ свою заржавленную шпагу, сѣлъ на коня.... Онъ поступилъ въ какой-то regiment des dragons, chasseurs à cheval, **) не помню... Онъ писалъ батюшкѣ. Ну, а твои науки, математика?

— Читаю кое-что.... Но вотъ, предстоитъ другое, отвѣчалъ Катеневъ.

— Ахъ, какъ я радъ, что ты пріѣхалъ, говорилъ князь.—Побудь у насъ; нельзя ли хоть на мѣсяцъ отпроситься у фельдмаршала?.. Послѣ святой—свадьба Nadine.

---

*) Республика не имѣетъ другой цѣли, милые дѣти.

**) Драгунскій полкъ, въ конные егеря.

Катеневъ поблѣднѣлъ, но всталъ и поцѣловалъ руку княжны; она покраснѣла; рука ея дрожала; князь вздохнулъ, поправляя дрова въ каминѣ; княжна кивнула брату и гостю и ушла, сказавъ, что ей нужно зачѣмъ-то къ матери.

— А кто?... спросилъ Катеневъ.—Я слышалъ, графъ какой то?

— Нѣтъ; маркизъ ди Сальма, отвѣчалъ князь.... Онъ при неаполитанскомъ посольствѣ, attaché.... Но.... Будетъ объ этомъ....

— А что? спросилъ, оживившись вдругъ, Катеневъ.

— Послѣ, отвѣчалъ князь.—Я не знаю, что изъ этого выйдетъ, добавилъ онъ по-французски и началъ барабанить худощавою рукою по золоченной ручкѣ кресла, глядя куда-то въ сторону.

Катеневъ замѣтилъ навернувшіяся слезы на глазахъ сверстника, и точно тяжелый камень навалился ему на сердце. Слуга доложилъ, что завтракъ готовъ, и молодые люди пошли внизъ, въ столовую; тамъ за столомъ сидѣли князь, княжна и княгиня, уже одѣтая, со взбитыми высоко, напудренными волосами, въ бархатномъ фіолетовомъ платьѣ. Разговоръ начался о Суворовѣ; княгиня выхваляла великодушіе императора, вызвавшаго его изъ деревни и забывшаго такъ по-христіански все старое. Старый князь, прихлебывая мадеру, замѣтилъ, что, при всемъ своемъ умѣ, Суворовъ невыносимъ своими странностями; въ подтвержденіе, онъ разказалъ, какъ Суворовъ, пріѣхавъ однажды къ Потемкину, поминутно притворно чихалъ и на вопросъ князя: «вѣроятно, у васъ насморкъ?»—отвѣчалъ: «измаильская чахотка, ваша свѣтлость.» Ну, что это такое, прибавилъ князь послѣ разсказаннаго анекдота. Катеневъ раза два горячо вступался за фельдмаршала, за что княгиня, поднимаясь изъ-за стола, потрепала его по щекѣ и замѣтила: «всегда такъ защищай людей достойныхъ; это дѣлаетъ честь твоему сердцу».

Она говорила съ молодежью не иначе, какъ нравоучительными фразами; исключеніемъ былъ князь Борисъ, въ которомъ она души не слышала; съ нимъ просиживала она вдвоемъ цѣлые вечера, слушая его расказы объ Англіи, восторженныя рѣчи о Руссо и его идеяхъ; называя публично эти идеи вредными, княгиня въ дружеской бесѣдѣ, разчувствовавшись, говорила: «c'est dangereux, *) но все-таки геніально». Это говорилось отчасти изъ боязни получить худую аттестацію отъ какой-нибудь заграничной сомнительной знаменитости, удостоивавшей изрѣдка

*) Это опасно.

письмами своихъ сѣверныхъ поклонницъ. Какъ у купчихъ бродяги, притворяющіеся юродивыми, пользуются почетомъ и считаются чуть не преподобными, такъ у тогдашнихъ свѣтскихъ барынь, у каждой, до революціи, за границей былъ непремѣнно свой угодникъ; у королевъ, у дамъ высшаго полета—Волтеръ, у дамъ, не такъ высоко парящихъ, были свои волтерики, жанъжачки, если позволительно употребить имена этихъ идоловъ того вѣка въ уменьшительномъ видѣ. Иная, получивъ письмецо отъ идола, рыскала недѣлю—двѣ по Петербургу, дѣлала ненужные визиты только для того, чтобъ объявить: «hier j'ai reçu une lettre tres interessante de... *) Я вѣдь съ нимъ въ перепискѣ»; или: «у меня былъ вчера такой-то; онъ вѣдь получилъ кресло въ академіи....»

Отпуская отъ себя сына послѣ такихъ задушевныхъ бесѣдъ, княгиня цѣловала его въ лобъ и говорила обыкновенно: «прощай, мой разумникъ»

На Катенева княгиня смотрѣла, какъ на кадета съ казеннымъ образованіемъ, и не удостоивала его поэтому допущеніемъ къ этимъ бесѣдамъ.

Послѣ завтрака старый князь ушелъ къ себѣ читать только-что полученныя петербургскія вѣдомости, а княгиня, княжна и молодые люди поѣхали въ двухъ парныхъ саняхъ кататься. Катеневъ сѣлъ съ княземъ Борисомъ; нѣсколько разъ заговаривалъ онъ съ нимъ о предстоявшемъ бракѣ княжны, но князь упорно молчалъ, закутавшись въ свою соболью шубу. Послѣ непродолжительнаго катанья, Катеневъ ушелъ въ свою комнату, подлѣ кабинета молодаго князя, чтобы написать письмо къ отцу; общество соединилось въ два часа, за обѣдомъ. Вечеромъ князь усѣлся играть съ пріѣхавшимъ сосѣдомъ въ пикетъ; княгиня сѣла подлѣ камина въ маленькой гостиной; князь Борисъ и Катеневъ сѣли подлѣ нея; княжна ушла въ свою комнату. Часовъ въ семь вечера послышался звонъ почтоваго колокольчика.

— Вѣрно маркизъ, замѣтила княгиня.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ слуга и доложилъ о пріѣздѣ маркиза.

— Гдѣ же онъ? спросила княгиня.

— Переодѣваются, отвѣчалъ слуга.

Въ освѣщенную столовою лампою и пылающимъ каминомъ

---

*) Вчера я получила очень интересное письмо отъ такого-то.

гостиную, черезъ полчаса, вошелъ высокій, худощавый человѣкъ лѣтъ сорока въ щегольскомъ коричневомъ кафтанѣ, съ звѣздою и съ иностраннымъ орденомъ въ петлицѣ; сдѣлавъ поклонъ у дверей, вошедшій прижалъ къ сердцу свою маленькую трехуголку, подошелъ къ хозяйкѣ и, сказавъ довольно длинное французское привѣтствіе, приложился къ рукѣ ея; затѣмъ онъ пожалъ руку князю Борису, вопросительно поглядѣлъ на Катенева и подошелъ къ старому князю; князь обнялъ его.

— Позвольте мнѣ представить вамъ, княгиня, началъ маркизъ, опять прижавъ трехуголку къ груди, моего стариннаго друга.... Вы вѣрно о немъ слышали... Это—l'abbé *) Шуазель.

— Ахъ, очень, очень рада, отвѣчала, вспыхнувъ, княгиня.— Гдѣ же онъ?

Маркизъ писалъ ей объ аббатѣ изъ Петербурга, Шуазель былъ однимъ изъ второстепенныхъ членовъ депутаціи, прибывшей къ императору съ предложеніемъ магистерства мальтійскаго ордена.

Маркизъ заглянулъ за дверь; изъ сосѣдней комнаты въ черномъ, длинномъ сюртукѣ вошелъ пріятель маркиза; это былъ невысокаго роста человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ ястребинымъ носомъ и рябоватымъ лицомъ; собранные въ кошелекъ, сѣдые волосы и длинный сюртукъ дѣлали его похожимъ на сельскаго дьячка, но въ манерахъ было замѣтно сознаніе своего достоинства и даже нѣкоторая снисходительность къ собесѣдникамъ, какая бываетъ у иныхъ ученыхъ къ людямъ, стоящимъ умственно ниже ихъ. Послѣ обычныхъ представленій новаго знакомца князю, княгинѣ, молодому князю—всѣ сѣли; слуга подалъ чай.

— Какъ вы нашли Россію, Петербургъ? спросила княгиня аббата.

— Я видѣлъ пока только Петербургъ, отвѣчалъ пріѣзжій,— и долженъ признаться, что все видѣнное мною далеко превзошло мои ожиданія; мы, иностранцы, къ стыду нашему, худо знаемъ Россію. Духъ преобразователя, вѣроятно, радуется, видя такое блестящее выполненіе его идей, надеждъ и предначертаній, окончилъ гость.

— А вы знаете, насчетъ этого что сказалъ одинъ не совсѣмъ глупый человѣкъ? замѣтилъ князь, сдавая карты.

— Что же? спросилъ аббатъ, допивая свой чай.

И князь расказалъ по-французски остроту Разумовскаго по поводу обращенія къ гробу Петра митрополита Платона въ

---

*) Аббатъ.

проповѣди: «возстань, великій государь».—«Чого винъ его кличе? Якъ встане, то всихъ насъ достане». Анекдотъ произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе; маркизъ улыбнулся, замѣтивъ, что рускіе вообще скромны въ отзывахъ о себѣ; аббатъ говорилъ, что это можно примѣнить къ нѣкоторымъ и западнымъ людямъ, если сообразить, на какую ложную дорогу завела ихъ цивилизація.

Затѣмъ начался переборъ различныхъ графинь и баронессъ, общихъ знакомыхъ аббата и княгини; о графинѣ Лихтеншейнъ, съ которою княгиня познакомилась въ Вѣнѣ, гость выразился, что подпись подъ ея бюстомъ: «cui mens divinior» *) совершенно справедлива и не преувеличена; о графинѣ Н. замѣтилъ, что это одна изъ образованнѣйшихъ и очаровательнѣйшихъ женщинъ, какихъ когда либо встрѣчалъ онъ; говоря объ одномъ молодомъ князѣ, гость выразился, что самъ Аполлонъ позавидовалъ бы красотѣ и прекраснымъ манерамъ его сіятельства; вообще аббатъ ни о комъ не относился иначе, какъ съ похвалами.

Окончивъ эту снисходительную оцѣнку общихъ знакомыхъ, іезуитъ заговорилъ съ молодымъ княземъ, предварительно объяснивъ, что онъ много слышалъ о его познаніяхъ и любви къ наукамъ; отойдя съ княземъ Борисомъ къ окну, аббатъ затѣялъ съ нимъ скоро ученый споръ, изъясняясь то по-французски, то по-латыни; до слуха общества долетали отдѣльныя слова и фразы, произносимыя теноркомъ іезуита, въ родѣ: «definitio rerum est... Suum cui que... Puto veritatem defendere» **). Князь возражалъ довольно свободно по-латыни, что доставляло княгинѣ несказанное удовольствіе; по временамъ съ улыбкою поглядывая на диспутантовъ, она замѣчала маркизу: «ихъ теперь не скоро разлучишь; должно быть и monsieur l'abbé любитъ поспорить».

— О, это одинъ изъ ученѣйшихъ членовъ ордена, отвѣчалъ маркизъ, поднявъ голову и выразивъ въ лицѣ непоколебимую увѣренность въ глубокой мудрости аббата.—Князю будетъ пріятно и не безполезно съ нимъ побесѣдовать.

— Да, онъ мало имѣетъ такихъ случаевъ, отвѣчала княгиня, взглянувъ на Катенева, переминавшагося съ ноги на ногу подлѣ диспутантовъ;—его единственные собесѣдники здѣсь—это книги.

---

*) Умъ ея еще божественнѣе.

**) Опредѣленіе вещей есть... Всякому свое... Думаю, что защищаю истину.

Разговоръ между маркизомъ и княгинею перешелъ на политическую почву; маркизъ сообщилъ нѣсколько новостей, полученныхъ частнымъ путемъ, о дѣйствіяхъ французовъ въ Италіи; выхваляя намѣреніе русскаго императора защитить вѣру и возстановить права государей, онъ слегка намекнулъ о томъ, какъ жаль, что существуетъ рознь между церквами русскою и римско-католическою. Іезуитъ, заслышавъ послѣднее, взялъ за руку князя Бориса и, выразивъ удивленіе къ его начитанности и эрудиціи, незамѣтно подсѣлъ къ маркизу и княгинѣ. Князь Борисъ сталъ пробѣгать поданную слугою новую газету. Катеневъ, усѣвшись поодаль, вглядывался въ тонкія, сухія черты маркиза. Отъ желтовато-блѣднаго лица, поднятыхъ, тонкихъ, черныхъ бровей и сжатыхъ крѣпко, едва замѣтныхъ губъ дипломата вѣяло холодомъ и худо скрытымъ притворствомъ; въ его манерахъ, несмотря на изысканную вѣжливость, просвѣчивало не то презрѣніе къ лицу, съ которымъ онъ бесѣдовалъ, не то тупое сожалѣніе взрослаго, снисходительно разговорившагося съ ребенкомъ. Слегка напудренные, спрятанные, по модѣ, въ черный шелковый кошелекъ волосы и свѣтъ лампъ нѣсколько смягчали желтизну кожи итальянца, дѣлали мягче даже выраженіе лица; но, при небольшомъ дарѣ наблюдательности, не трудно было угадать, что много перекипѣло кой-чего въ этой душѣ, много перенесено и пережито до окончательнаго рѣшенія надѣть на себя навсегда таинственную маску. Вѣжливые поклоны его, наклоненія, вскидыванья головы напоминали почему-то актера, промѣнявшаго на время на манеры изображаемаго лица свои собственныя. «Что это за созданіе?» думалъ, вглядываясь въ новаго знакомца, молодый наблюдатель. Маркизъ замѣтилъ, что его наблюдаютъ, и нѣсколько разъ взглядывалъ на Катенева своими черными, непріятно рѣзкими зрачками, какъ бы спрашивая безъ словъ: «что вамъ отъ меня угодно?» Катеневъ попробовалъ вообразить свѣжую, дѣтски-живую фигуру княжны рядомъ съ худощавымъ, похожимъ на автомата женихомъ; сердце у него замерло, заныло при одной попыткѣ подумать, что этотъ изношенный человѣкъ встанетъ рядомъ, назоветъ женою простую, милую и свѣжую, какъ василекъ, какъ ландышъ, русскую дѣвушку. Онъ всталъ со стула, отошелъ къ окну и, сложивъ на груди руки, задумался, уставясь въ темноту февральской ночи.

— О чемъ ты думаешь, воинъ? спросилъ, ударивъ его по плечу, князь Борисъ.

Катеневъ ничего не отвѣчалъ, взялъ князя подъ руку, и молодые люди, пройдясь раза два по гостиной, незамѣтно вышли въ сосѣднюю, полуосвѣщенную висячимъ разноцвѣтнымъ фонаремъ, комнату.

— Это нельзя, Борисъ.... Это несообразно, невозможно, жестоко!... почти вскрикнулъ Катеневъ, кинувшись въ первое кресло, такъ, что оно откатилось отъ стола. — Ты долженъ объяснить матери, что это.... какъ назвать тебѣ? — Злодѣйство.... Что тутъ церемониться? продолжалъ онъ, взглянувъ на стоявшаго передъ нимъ князя. — Наконецъ.... Хочешь я его вызову на картель? И.... и застрѣлю, какъ выдру! окончилъ юноша, вскочивъ, какъ сумасшедшій, съ креселъ.

Въ это время скрипнула дверь, ведущая въ неосвѣщенную картинную галлерею; князь оглянулся и шепнулъ по-французски:

— Послѣ; насъ подслушиваютъ, пойдемъ къ обществу.

Когда они вошли въ гостиную, всѣ уже поднялись съ мѣстъ, чтобъ идти въ столовую; маркизъ предложилъ руку княжнѣ, вошедшей уже въ гостиную; іезуитъ повелъ княгиню; старый князь, опираясь на свою трость, шелъ рядомъ съ своимъ партнеромъ, толстымъ старикомъ-сосѣдомъ, бѣднякомъ, жившимъ почти безвыѣздно въ Раздольѣ. Катеневъ и князь Борисъ посторонились, чтобы не помѣшать церемонному шествію.

— Что, милый богатырь? началъ старый князь, ласково обнявъ одною рукой на ходу Катенева. — Мечтаешь, какъ пойдешь въ баталію? Я думаю, ты и во снѣ видишь сраженія, знамена, пушки — а?

— А развѣ въ армію, сударь, Петръ Тимоѳеичъ — ась? спросилъ, понюхавъ табаку, сосѣдъ, партнеръ князя, знавшій еще ребенкомъ Катенева.

— Какъ же!... Съ Суворовымъ, отвѣчалъ за Катенева старый князь. — Будущій герой.... Et qui sait? *) Можетъ быть, фельдмаршалъ.... А? Будешь фельдмаршаломъ?

— Немного далеконько отъ моего ранга, отвѣчалъ Катеневъ, шагая подлѣ князя въ своихъ ботфортахъ.

— Со временемъ, mon cher, говорилъ князь, вступая въ ярко освѣщенную столовую.

Всѣ усѣлись за убранный хрусталемъ и палевыми, съ княжескимъ гербомъ, тарелками столъ; слуги, въ ливреяхъ и чул-

---

*) И кто знаетъ?

кахъ, вытянулись съ тарелками за стульями; старый князь, проглотивъ рюмку настойки, завѣсился салфеткою, какъ завѣшиваютъ дѣтей. Княгиня сѣла на другомъ концѣ стола, между аббатомъ и маркизомъ; княжна сѣла подлѣ отца, рядомъ съ Катеневымъ; по другую сторону князя сѣлъ Борисъ и сосѣдъ помѣщикъ. Княгиня была необыкновенно весела и разговорчива; ей было пріятно появленіе у ней въ деревнѣ знаменитаго іезуита, который былъ на-расхватъ въ Петербургѣ. Она расказывала о своей жизни за границей, о покойной императрицѣ, о своихъ встрѣчахъ съ Волтеромъ, Юмомъ и другими знаменитостями. Аббатъ слушалъ внимательно; маркизъ улыбался своею принужденною улыбкой, похожею на улыбку паціента подъ ножомъ оператора.

— А что ты не раскажешь, ma bonne amie, какъ Иванъ Матвѣичъ состязался съ волтеріанцемъ, перебилъ князь жену, расхохотавшись и взглянувъ на сосѣда помѣщика.

— Что жь? Было дѣло, скромно понурившись, подтвердилъ сосѣдъ.

Княгиня поморщилась, давъ этимъ замѣтить неприличіе занимать пустяками такого глубокомысленнаго посѣтителя, какъ аббатъ; но князь, не смотря на мимику жены, расказалъ, какъ Иванъ Матвѣевичъ на всѣ доводы одного камеръ-юнкера, волтеріанца, о томъ, что не будетъ загробной жизни, цѣлый вечеръ повторялъ одно: «а ну какъ будетъ?» Аббатъ разсмѣялся и, возведя глаза къ небу, вздохнулъ, проговоривъ теноркомъ: «да; гидра невѣрія растетъ и растетъ на неотвратимую гибель человѣчества.» Разговоръ перешелъ какъ-то на подвиги католическихъ миссіонеровъ; аббатъ съ жаромъ расказывалъ объ опасностяхъ, какимъ они подвергались, объ ихъ самоотверженіи; князь Борисъ внимательно прислушивался къ жаркимъ рѣчамъ аббата; старый князь заигрывалъ съ сосѣдомъ, поминутно наливавшимъ себѣ мадеры. Катеневъ болталъ съ княжною; маркизъ изрѣдка взглядывалъ на нихъ своими стеклянными зрачками. Ужинъ кончился; всѣ разошлись тотчасъ же. Катеневъ отправился, вмѣстѣ съ княземъ Борисомъ, наверхъ; его помѣстили въ оружейной, такъ какъ комнаты для гостей отдѣлывались къ предстоявшей свадьбѣ. Раздѣвшись, онъ отпустилъ слугу и легъ.

— Ты не спишь? раздался за перегородкою голосъ Бориса.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Катеневъ.

Князь вошелъ къ нему, уже раздѣтый, въ шелковомъ шлафрокѣ, и, придвинувъ кресло, сѣлъ подлѣ его кровати.

— Раскажи мнѣ, какъ это все случилось? началъ Катеневъ, сѣвъ на своей постелѣ.—Гдѣ познакомился этотъ невозможный маркизъ съ вами, съ княгинею?

Князь, сложивъ на груди руки, помолчалъ нѣкоторое время, уставясь въ полъ, какъ бы соображая, съ чего начать, и, наконецъ, началъ:

— Маркизъ познакомился съ отцомъ моимъ въ Вѣнѣ, при дворѣ; они вмѣстѣ пріѣхали въ Петербургъ; маркизъ ѣхалъ къ своему посольству въ Россіи съ какими-то важными депешами; когда мы переселились въ деревню, онъ гостилъ у насъ почти цѣлое лѣто, изрѣдка дѣлая экскурсіи въ Петербургъ. Онъ съ первыхъ же дней умѣлъ понравиться maman; черезъ годъ сдѣлался женихомъ Nadine. Maman узнавала о немъ, черезъ друзей нашихъ, въ Петербургѣ; оказалось, что онъ служитъ, дѣйствительно, при посольствѣ, что у него есть имѣніе въ Неаполѣ, кажется, на Исхіи, и что онъ одинъ изъ близкихъ людей короля.

— Мнѣ онъ, не знаю почему, замѣтилъ, покраснѣвъ, Катеневъ,—просто противенъ.... Можетъ быть, я ошибаюсь, но.... Ну, скажи, а сестра твоя?

Князь пожалъ плечами и, по нѣкоторомъ молчаніи, отвѣчалъ, что сестра согласилась, кажется, единственно изъ нежеланія противорѣчить княгинѣ.

— Ты знаешь несчастный, раздражительный характеръ, maman, продолжалъ князь,—знаешь и уваженіе къ ней сестры.

— Но вѣдь нельзя же изъ уваженія обречь себя на жертву, на страданіе до могилы? горячо перебилъ его Катеневъ, быстро поднявшись съ подушки.

— Стало быть, можно. Я тебѣ передаю фактъ, отвѣчалъ князь.— Такъ ты въ дѣйствующую армію? спросилъ онъ, видимо желая перемѣнить разговоръ.

— Да; въ Италію. Фельдмаршалъ приказалъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, а онъ, вѣроятно, пробудетъ не больше недѣли въ Петербургѣ.

Князь пожалъ плечами и, поднявъ брови, началъ нерѣшительно и разставляя слова:

— Все это прекрасно.... Ты долженъ служить, pour faire une carriere enfin, mais.... *) Все-таки я смотрю на тебя, какъ на че-

*) Чтобъ сдѣлать карьеру, наконецъ, но...

ловѣка мыслящаго, который.... не пойдетъ же безсознательно бить кого угодно, стоять за идею, которая не совсѣмъ вяжется съ его убѣжденіями.

— Съ какими убѣжденіями? спросилъ Катеневъ, думая совсѣмъ о другомъ.

— Съ твоими собственными убѣжденіями.... Ты понимаешь, tu comprends, вѣдь не пойдешь же ты противъ свободы, liberté, egalité?... *) Легко сказать: идти противъ французовъ.

Катеневъ немного покраснѣлъ, промычалъ что-то и легъ; князь, съ побѣдоноснымъ выраженіемъ въ лицѣ, растянулся въ своемъ волтеровскомъ креслѣ.

— Да, но.... началъ было молодой герой.

— Но что же? Что ты скажешь? За что они стоятъ? —Ты скажешь, не за истину? проговорилъ притворно небрежнымъ тономъ князь, выразивъ въ лицѣ мину, выражающую: «это любопытно бы послушать».

Катеневъ чувствовалъ, что князь не правъ, но не сознавалъ ясно, въ чемъ именно были несостоятельны его доводы о свободѣ; кое-какъ, мѣстами, онъ прочелъ Эмиля Руссо, Рейналя; Дидро зналъ больше по наслышкѣ; князь читалъ все почти; но, несмотря на годичное посѣщеніе оксфордской аудиторіи, онъ не получилъ прочнаго образованія; то и дѣло переѣзжая изъ Гейдельберга въ Іену, въ Оксфордъ, онъ, какъ большая часть нашей тогдашней знати, вынесъ изъ-за границы весьма скромную долю свѣдѣній; профессора, которымъ онъ былъ ввѣряемъ матерью, не позволяли ему читать безъ ихъ цензуры, и князь, по возвращеніи только изъ-за границы, познакомился ближе съ современными кумирами. Утопія дѣлаетъ, какъ извѣстно, чудеса и пользуется большимъ успѣхомъ только тамъ, гдѣ она принимается на вѣру, гдѣ не встрѣчаетъ строгой оцѣнки и критики; въ Германіи она не уживалась рядомъ съ философіей и скоро блекла. И странно, свѣжая природа мальчика, почти кадета, Катенева, слышала фальшь, а раздраженный, но не удовлетворенный умъ молодаго князя не могъ отличить лжи отъ истины.

— Но, напримѣръ, говорилъ Катеневъ... что они дѣлаютъ въ Италіи?—Насилуютъ; хотятъ наперекоръ воли жителей насадить вольность.

Князь возразилъ, что все мыслящее въ Италіи—на сторонѣ

---

*) Свобода, равенство.

французовъ, а вопіетъ противъ нихъ одно невѣжество, безграмотный народъ, бараны. Катеневъ замолчалъ, отчасти изъ боязни попасть въ число барановъ, отчасти оттого, что ему было не до свободы, и круто повернулъ разговоръ на прежнее.

— Я перерву тебя, началъ онъ послѣ небольшаго раздумья.— Ты говорилъ однако съ сестрою?

— Говорилъ, отвѣчалъ князь.

— Что же она?

— Плачетъ, но говоритъ: «я рѣшилась и не перемѣню рѣшенія.»

Катеневъ пожалъ плечами и легъ, подложивъ обѣ руки подъ голову. Князь началъ было опять говорить о неприличіи войны противъ освободителей, но воинъ молчалъ и продолжалъ лежать, созерцая лѣпной потолокъ комнаты; князь пожалъ ему руку и ушелъ въ свою спальню; Катеневъ потушилъ восковую свѣчу, но до свѣта вертѣлся безъ сна на мягкомъ пуховикѣ своемъ. Домъ спалъ; аббатъ, помѣщенный въ комнатѣ, когда-то занимаемой шевалье де Шампъ, давно храпѣлъ въ вязаномъ колпакѣ своемъ; маркизъ, расположившійся въ кабинетѣ стараго князя, тоже отпустилъ своего итальянца-камердинера; на дворѣ слышались оклики сторожей, стукъ въ чугунную доску, да отдаленный лай собакъ, а молодой человѣкъ все еще не спалъ, разрѣшая вопросъ: почему выдаетъ княгиня дочь за неизвѣстнаго почти человѣка противъ желанія дѣвушки? Онъ зналъ подробно семейныя отношенія; зналъ, что любимцемъ княгини былъ сынъ, что княжну она почему-то не долюбливала, но, несмотря на это, никакъ не могъ предположить, чтобы княгиня сбывала ее, не заботясь о ея дальнѣйшей участи. На разсвѣтѣ онъ заснулъ немного, но раньше всѣхъ всталъ, одѣлся и сошелъ въ столовую.... Въ домѣ все глядѣло по прежнему, но прислуга, мужская и женская, была молчалива; на лицахъ всѣхъ было написано сдавленное внутри, не смѣющее выразиться горе: княжна была заступницею людей предъ матерью и потому любимицею всѣхъ; съ нею отлетало многое для нихъ, исчезалъ навсегда теплый, грѣющій лучъ участія и милости. Желтый маркизъ, съ своею принужденною улыбкою, казался Катеневу просто злымъ духомъ, посланнымъ для наказанія семьи. Даже аббатъ, съ его теноркомъ, не былъ ему такъ противенъ, какъ эта вытянутая, молчаливая фигура. Вотъ, вышли князь, княгиня, гости въ столовую; княжна вышла позднѣе, съ заплаканными глазами, и была

неразговорчива; князь Борисъ опять принялся спорить съ іезуитомъ; княгиня осторожно наблюдала за дочерью, когда она говорила съ маркизомъ. Катеневъ старался выбрать удобную минуту, чтобы поговорить наединѣ съ княжною, но она какъ будто избѣгала разговора съ нимъ. Катеневъ взбѣсился.... «Впрочемъ, съ чего же я взялъ», думалъ онъ, прихлебывая чай, «что будетъ откровенничать гордое княжеское семейство со мною, бѣднымъ, дальнимъ родственникомъ, изъ милости допущеннымъ когда-то къ участію во французскихъ урокахъ. Понятна и холодность Бориса; онъ—ученый теперь, не прежній мальчикъ, и у него нѣтъ ничего общаго съ бѣднякомъ, прапорщикомъ Катеневымъ. И зачѣмъ я пріѣхалъ?... Ѣду сегодня же».

Борисъ, усадивъ за чай іезуита, заговорилъ съ Катеневымъ; но разсерженный сверстникъ едва отвѣчалъ ему и, улучивъ приличную минуту, попросилъ стараго князя одолжить ему лошадей до первой станціи. Князья и княгиня принялись было уговаривать его остаться еще денекъ, но Катеневъ, поблагодаривъ ихъ за радушіе, отказался, сказавъ, что онъ обязанъ застать въ Петербургѣ фельдмаршала. Маркизъ и аббатъ приглашали его ѣхать вмѣстѣ вечеромъ, но онъ и отъ нихъ отговорился боязнью не застать Суворова.

— Вы гдѣ остановитесь въ Петербургѣ? спросилъ маркизъ.

— Не знаю еще, отвѣчалъ Катеневъ.—А гдѣ вы живете?

— У Дюмуши, отвѣчалъ маркизъ.

Гостинница мадамъ Дюмуши была тогда одною изъ лучшихъ въ Петербургѣ; поднявшись изъ-за стола, Катеневъ расхаживалъ, въ ожиданіи лошадей, по комнатамъ и въ картинной галлереѣ встрѣтился съ княжною.

— Вы уѣзжаете таки, Pierre? спросила княжна.

— Да; уѣзжаю княжна, отвѣчалъ, не глядя ей въ глаза, Катеневъ.

Оба замолчали; наконецъ, Катеневъ не выдержалъ.

— Позвольте мнѣ, княжна, возвратить вамъ когда-то подаренный вами мнѣ силуэтъ; мнѣ кажется, врядъ ли пріятно вамъ, что я храню его, что вообще я имѣю при себѣ вещицу, напоминающую нѣкоторую интимность, положимъ въ дѣтствѣ, съ вами и съ почтеннымъ семействомъ вашимъ.

Княжна покраснѣла и вопросительно посмотрѣла на него.

— Это съ чего вы взяли?.. Не стыдно ли вамъ, Pierre!

Катеневъ уставился въ полъ, наматывая на руку золотую цѣпочку медальона.

— Я вижу, княжна, началъ онъ,—изъ перемѣны вашего обращенія со мною, на которое, прибавилъ онъ шаркнувъ ногою,— я, впрочемъ, и не имѣю права сѣтовать: я—бѣднякъ, дальній вашъ родственникъ, а вы....

— Борисъ и я, мы любимъ васъ попрежнему, maman любитъ васъ тоже, вѣрьте мнѣ, какъ сына, горячо защищалась княжна, взявъ обѣ руки молодаго человѣка.—Не грѣхъ ли вамъ?

Катеневъ поцѣловалъ обѣ руки дѣвушки и заплакалъ.

— Княжна, началъ онъ, вскинувъ голову и поглядѣвъ на дверь,—вы на меня глядите, какъ на мальчика, я знаю, но я.... Скажите мнѣ, любите ли вы вашего жениха, этого.... маркиза?

Дѣвушка поблѣднѣла. Высвободивъ легонько руки, она отошла къ окну и, уставясь въ стекло, спросила:

— Зачѣмъ вамъ надобно знать это?

— Мнѣ нужно, княжна.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что.... не сердитесь, я люблю васъ, отвѣчалъ Катеневъ.... Любите ли вы меня сколько нибудь? Скажите «да»,—и я или самъ лягу, или уложу этого выходца, за котораго, я вижу, васъ принуждаютъ выйти....

— Не говорите мнѣ объ этомъ. Безполезно... Я не люблю его, но я рѣшилась....

— Вы меня любите? допрашивалъ Катеневъ.

— Какъ сестра брата, отвѣчала княжна.—Но дайте мнѣ слово не вызывать маркиза, не сходиться съ нимъ.... Даете?

Катеневъ молча поцѣловалъ ея руку. —Даете? повторила княжна.

Но въ это время княгиня вошла въ картинную галлерею съ двумя пакетами. Выразивъ Пьеру сожалѣніе, что онъ такъ мало погостилъ въ Раздольѣ, княгиня вручила ему два письма: одно къ фельдмаршалу, который, какъ она выразилась, «когда-то отличалъ ее», а другое къ Милорадовичу; съ матерью послѣдняго княгиня была дружна еще въ дѣвушкахъ. Отдавъ пакеты, княгиня благословила молодаго воина, надѣла ему на шею финифтяный образокъ Сергія и прослезилась; прослезился и юноша; княгиня внутренно похвалила его религіозность, не догадываясь, что къ этому чувству присоединялось другое, не противорѣчащее, пожалуй, но и не совсѣмъ одного съ нимъ свойства. Княжна стояла подлѣ матери, потупивъ темнокаріе глаза въ пестрый, паркетный полъ галлереи; купидоны, освѣщенные ворвавшимся солнцемъ, смотрѣли такъ живо на эту сцену, что, казалось, хотѣли выскочить изъ своихъ раззолоченныхъ рамъ.

— А теперь пойдемъ завтракать. Nous sommes servi, *) произнесла княгиня, утирая платкомъ глаза и милостиво предложивъ руку отъѣзжающему герою. Не забывай насъ, говорила она.

— Отсутствіе мое, княгиня, отвѣчалъ, пристукнувъ шпорою, молодой богатырь, какъ бы оно продолжительно ни было, никогда не измѣнитъ сентиментовъ эстима, которые я питалъ и питаю къ особѣ вашей и всему семейству вашему.

Княгиня осталась очень довольна этою почтительною рѣчью юноши и усадила его за столомъ, какъ отъѣзжающаго, рядомъ съ собою. Аббатъ, узнавъ, что Катеневъ отправляется въ дѣйствующую армію, произнесъ, возведя глаза къ небу: «да благословитъ васъ Богъ, молодой человѣкъ, на служеніе святому дѣлу водворенія вѣры, тишины и мира». Князь Борисъ сдѣлалъ недовольную гримасу, но чокнулся бокаломъ; маркизъ, молча, пожалъ руку отъѣзжающему ратнику.

Послѣ завтрака Борисъ увелъ къ себѣ на верхъ Катенева.

— Сестра сказала мнѣ, началъ онъ, вводя его подъ руку на лѣстницу, что ты какъ будто обидѣлся на насъ за что-то, замѣтилъ перемѣну въ обращеніи съ тобою?

Катеневъ покраснѣлъ и, ничего не отвѣчая, взялъ со стола книгу и началъ перелистывать; главную причину досады онъ не рѣшался объяснять; князь не догадывался. Оба молчали; наконецъ, Катеневъ вспылилъ первый, по обыкновенію.

— Тебѣ непростительно, Борисъ, началъ онъ, швырнувъ книгу,—не вступиться за сестру; я, я—чужой, вступлюсь, я вызову маркиза на дуэль.

Не договоривъ, Катеневъ началъ шагать изъ угла въ уголъ, сильно стуча каблуками и шпорами ботфортъ своихъ.

— Это дѣло другое, Pierre, отвѣчалъ князь.—Тебя возмущаетъ бракъ сестры; за это я тебѣ, конечно, благодаренъ... Я тоже не за этотъ бракъ, но согласись... что дѣлать мнѣ?.. Она, наконецъ, старше насъ, хоть однимъ годомъ правда, и потомъ...

— Но она дѣвушка, она неопытнѣе насъ.... она не знаетъ, чѣмъ она расплатится, платиться будетъ цѣлую жизнь за это послушаніе, горячился Катеневъ.

— Но какъ же ты заставишь ее не повиноваться?

— Не заставить—а поговорить съ нею серьезно, убѣдить; ты братъ ей.

---

*) Накрыто.

— Ты понимаешь, убѣждалъ, говорилъ уже сквозь слезы князь Борисъ.... Быть можетъ—онъ ей нравится?

— Этого быть не можетъ, возразилъ Катеневъ;—не можетъ нравиться женщинѣ этотъ провяленный дипломатъ; онъ весь—холодъ и притворство.

— Оставимъ это дѣло.... Мнѣ больно говорить о немъ, именно потому, что оно непоправимо, отвѣчалъ князь.—Вѣрь одному, что мы тебя любимъ, дорожимъ твоею дружбою по прежнему.... Вѣришь ты этому?

— Вѣрю, отвѣчалъ Катеневъ.

— А вѣришь, такъ обними же.

Молодые люди обнялись; они заплакали оба. Черезъ часъ Катеневъ сидѣлъ въ кибиткѣ; тройка, гуськомъ, пробиралась узкимъ проселкомъ; путникъ выглядывалъ повременамъ изъ-за волчка кибитки и смотрѣлъ на удаляющееся помѣстье, гдѣ онъ оставилъ, навсегда, любимую имъ дѣвушку. «И что ждетъ ее впереди? Что заставляетъ кидаться въ эту пропасть?» думалъ безнадежно влюбленный... «Это—злодѣйство со стороны матери. Нѣтъ; надо вызвать этого окоченѣлаго маркиза, или пусть дастъ онъ мнѣ слово, что безъ ея воли.... Но вѣдь она согласна.... Ужъ не правъ ли князь?» раздумывалъ одинокій путникъ, подтряхиваемый на ухабахъ несущеюся межъ полей повозкою.

III.

— Что же это вы, ирой? Чего вы тамъ засѣли-то? встрѣтилъ дядька, Аѳанасій, высаживая Катенева изъ перекладныхъ саней.—Вѣдь графъ Александръ Васильевичъ давно уѣхалъ.... Первый блинъ, да комомъ.... Что жь это ты, батюшка? А еще піонеръ артиллерійскій, въ бомбардирскомъ званіи.

— Какъ? Развѣ уѣхалъ фельдмаршалъ? съ испугомъ спросилъ Катеневъ, остановившись передъ высокимъ крыльцомъ постоялаго двора.

— Какъ же не уѣхалъ-то? А то ждать насъ съ вами станетъ. Я чай, и не вѣсть ужь гдѣ. Что ты это? А еще воинъ. Ну, ступайте, знай, ступайте въ избу-то; сегодня ночью выѣдемъ, Богъ дастъ, догонимъ. Подорожная готова, толковалъ старикъ, вытаскивая изъ саней мѣшокъ и корзинку съ провизіей, которою

непремѣнно снабжалъ тогда каждаго гостя русскій хлѣбосолъ-помѣщикъ.

— Пожалуй ручку, сударь, говорилъ откуда-то появившійся, толстый, краснолицый мужикъ въ накинутомъ суконномъ тулупѣ.

Это былъ хозяинъ постоялаго двора, крѣпостной Катеневыхъ; у него останавливался и старикъ Катеневъ, изрѣдка пріѣзжая въ Петербургъ.

— Вотъ сюда, кормилецъ, въ свѣтелку; ребятишки въ избѣ-то; тутъ вольготнѣй вашей милости, говорилъ хозяинъ, провожая пріѣзжаго темными сѣнями и отворяя дверь въ комнату.

Катеневъ вошелъ; сбросивъ епанчу, онъ сѣлъ на лавку у дубоваго стола, поставленнаго въ углу, подъ образами. Аѳанасій внесъ вещи и, обратясь къ хозяину, началъ скороговоркою:

— Ну, что же ты, Михеичъ? Самоварчикъ, да яишенку-глазунью.... Покормить надо дорожнаго.

— Сейчасъ. Не знаю, гдѣ у меня бабы-то... Никакъ, на рѣку уѣхали.... Самъ-отъ не съумѣю.... Поставь, ино, ты Аѳанасьюшко.

— Когда же уѣхалъ графъ? спросилъ Катеневъ.

— Вчера уѣхалъ, вечеромъ, отвѣчалъ Аѳанасій, доставая самоваръ съ полки.

— Такъ надо сей же часъ и намъ.

— Догонимъ.... Не тревожьтесь, отвѣчалъ Аѳанасій.—Ночью выѣдемъ... Гдѣ у васъ тамъ угли-то?

— Пойдемъ, отвѣчалъ хозяинъ.—Не нужно ли тебѣ еще чего, Петръ Тимоѳеичъ?

— Ничего не нужно, отвѣчалъ Катеневъ, прибавивъ про себя:—а это непріятно.... Какъ бы не заслужить дисграціи.... А не слыхать, гдѣ наша рота? спросилъ онъ Аѳанасья, возвратившагося зачѣмъ-то въ свѣтелку.

— Въ роту незачѣмъ. При себѣ состоять, быть на ордонанси приказалъ графъ-фельдмаршалъ, отвѣчалъ старикъ, понюхавъ табаку изъ тавлинки.... Вотъ, и надобно намъ заслуживать такія его милости.

— При себѣ?—Чѣмъ? Адъютантомъ?

— Широко шагаешь, сударь... Адъютантомъ..... И то тебѣ честь, что прикомандированъ къ главнокомандующему, говорилъ Аѳанасій, роясь въ корзинкѣ.—Батюшка твой, Тимоѳей Игнатьичъ, всѣ кампаніи у пушки стоялъ.... А ты не успѣлъ изъ яйца

вылѣзть, да прямо въ адъютанты.... Будешь и адъютантомъ... Отъ себя зависитъ. Какъ вести себя станешь.

— Да я и такого счастья не ожидалъ.—Я не лѣзу.... А ты вѣрно знаешь? спрашивалъ озадаченный прапорщикъ артиллеріи.

— Какъ же мнѣ не знать.... Отъ самого его, отца нашего, слышалъ.... Ну, садитесь, да кушайте чай. Сейчасъ принесу яишницу.

Хозяинъ поставилъ самоваръ на столъ и досталъ изъ поставца чашки.... Аѳанасій заварилъ чай и вынулъ изъ погребца сахарницу.

— Мнѣ бы надо съѣздить, Аѳанасій, робко произнесъ Катеневъ.

— Куда еще? спросилъ старикъ, быстро взглянувъ на барина.

— Да кой-куда.—Проститься надобно съ товарищами.

— Денежки изъ мошны запросились, Питеръ зачуяли. Этотъ Питеръ не одному молодчику бока повытеръ. Сиди-ка лучше... Проститься... отвѣчалъ, наливая въ чашку чай, Аѳанасій.—Да съ кѣмъ прощаться-то? Абалдуевъ уѣхалъ въ полкъ; Симаревы у родителей; Галдинъ, слышь, въ лазаретѣ;—покушай-ка вотъ лучше, да прилягъ.—Дорога предстоитъ не близкая.

Катеневъ допилъ чашку и задумался: «нѣтъ, къ маркизу я съѣзжу; пріѣхалъ ли только онъ? Во что бы то ни стало, объяснюсь».

— Вотъ что, началъ онъ рѣшительнымъ тономъ: почисти мнѣ другой мундиръ, вынь шляпу.—Я съѣзжу на полчаса.

Аѳанасій почесалъ за ухомъ.

— Да вѣдь уложено у меня и шляпа, и все.... Это распаковывать съизнова? Пожалѣй старика, Петръ Тимоѳеевичъ.

Когда не дѣйствовали убѣжденія, Аѳанасій обыкновенно пробовалъ нельзя ли возбудить состраданіе къ себѣ молодаго барина.

— Какой ты, право, Афанасій.... Долго развязать чемоданъ, вскочивъ съ лавки, почти вскрикнулъ офицеръ.—Давай, я самъ выну и уложу.

— Уложишь.... Дамъ я тебѣ укладывать.... Уложили, пріѣхали изъ Питера въ деревню: все перемято, скомкано. Да куда вамъ и впрямь, Петръ Тимоѳеичъ, къ какому еще шуту? сердито спросилъ Аѳанасій, нагибаясь надъ туго набитымъ, увязаннымъ веревками чемоданомъ, стоявшимъ у лежанки.

— Тебѣ говорятъ, нужно.—Безъ нужды не поѣхалъ бы.... Какой ты чудакъ.

— Чудакъ. Сами вы чудаки.... Вотъ теперь развязывай, ворчалъ старикъ, отодвигая тяжелый чемоданъ отъ печки. Вдвоемъ стягивали мы съ Михеичемъ.... Вишь какой тяжелый, шутъ съ нимъ.

Поворчавъ минутъ пять, Аѳанасій развязалъ чемоданъ и вытащилъ новенькій мундиръ; потомъ, понюхавъ табаку, досталъ изъ короба шляпу съ галуномъ.

— Ну, а ботфорты, давайте, эти вычищу, проговорилъ онъ.

Катеневъ согласился; старикъ стащилъ съ него ботфорты и ушелъ въ сѣни; Катеневъ терпѣливо сидѣлъ, свѣсивъ ноги въ однихъ чулкахъ съ лавки. Несмотря на тяжелое душевное настроеніе, ему все таки льстило назначеніе въ свиту. «Начало недурно», думалъ онъ: «при фельдмаршалѣ». И въ молодомъ воображеніи пронеслось нѣсколько картинъ: вотъ его посылаетъ фельдмаршалъ съ порученіемъ на правый флангъ; онъ летитъ полемъ, передаетъ приказаніе, мчится обратно подъ свистомъ пуль, ворочается, рапортуетъ;графъ благодаритъ: «спасибо»... Но отъ боевыхъ сценъ онъ скоро перенесся въ Раздолье; и мерещилась ему дѣвушка, печальная, грустная; горничная несетъ примѣривать вѣнчальный нарядъ.... «Во чтобы ни стало, а я вызову этого иностраннаго шарлатана», прошепталъ онъ, вскочивъ и принимаясь шагать по комнатѣ.

— Что вы это, сударь, въ чулочкахъ-то? Полъ грязный.... Вотъ ботфорты, остановилъ его Аѳанасій, поставивъ къ лавкѣ пару на диво вычищенныхъ сапогъ.—Надѣвайте.

Катеневъ надѣлъ, перемѣнилъ мундиръ и взялъ шляпу.

— А пудриться то? спросилъ Аѳанасій.

— Не буду.

— Ну, смотри, сударь; попадешь на гауптвахту.

Молодой офицеръ накинулъ епанчу и вышелъ за ворота. Стало смеркаться; перейдя площадь, онъ сѣлъ въ извощичьи сани, въ одну лошадь, и велѣлъ ѣхать въ Конюшенную. Санки катили по широкимъ, освѣщеннымъ тусклыми фонарями, улицамъ. Сердце юнаго воина усиленно билось: онъ не то что трусилъ, но волновался, обдумывая, какъ бы пристойнѣе и прямѣе начать объясненіе съ маркизомъ.... Проѣхавъ нѣсколько улицъ, такъ какъ постоялый дворъ былъ почти на краю столицы, сани остановились у подъѣзда освѣщеннаго двухъ-этажнаго дома.

— Здѣсь живетъ маркизъ ди Сальма?—спросилъ Катеневъ величаваго, напудреннаго привратника, стоявшаго на крыльцѣ.

— Monsieur le marquis? Здѣсь, отвѣчалъ швейцаръ, твердо произнося букву *е*, какъ произносятъ иностранцы.

— Онъ возвратился? спросилъ уже по-французски Катеневъ.

— Только что.... съ часъ тому назадъ.

— Можно видѣть маркиза? спросилъ Катеневъ.

— Я думаю.... Подождите, я узнаю.... Votre nom, monsieur? *)

Катеневъ сказалъ и, вылѣзши изъ саней, вошелъ въ освѣщенную переднюю; сбросивъ епанчу, онъ одернулъ свой синезеленый, съ красными отворотами, мундиръ и поправилъ мотавшуюся сзади, по тогдашней формѣ, шпагу.

— Пожалуйте, пригласилъ его по-русски, швейцаръ.

Катеневъ вбѣжалъ, въ сопровожденіи швейцара, на лѣстницу и, миновавъ довольно длинный, освѣщенный корридоръ, вошелъ въ растворенную дверь, указанную ему швейцаромъ. Слуга, пожилой итальянецъ, съ улыбающимся, глуповато-привѣтливымъ лицомъ, во фракѣ и чулкахъ, низко поклонившись, указалъ ему на другую, притворенную дверь, сказавъ на ломаномъ французскомъ: «неугодно ли вамъ войти; вы тамъ найдете маркиза». Катеневъ вошелъ. Въ волтеровскихъ креслахъ передъ потухающимъ каминомъ сидѣлъ маркизъ въ своемъ коричневомъ фракѣ и съ звѣздою; онъ, какъ видно, только что одѣлся, чтобъ ѣхать куда-то на вечеръ; на кругломъ столѣ горѣла лампа.

— Я очень радъ, началъ онъ по-французски, приподнявшись и протягивая руку. Давно ли вы пріѣхали?

— Почти сейчасъ, отвѣчалъ Катеневъ.

— Мы тоже недавно... Мы васъ, стало быть, догнали.... А дорога очень худа... Садитесь.

Катеневъ сѣлъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, маркизъ, началъ Катеневъ послѣ минутнаго молчанія, переговорить объ одномъ весьма щекотливомъ дѣлѣ. Такъ какъ я на дняхъ, сегодня можетъ быть, уѣзжаю въ дѣйствующую армію (молодой богатырь любилъ, кстати и не кстати, приплетать о своей поѣздкѣ въ армію), то я и поспѣшилъ поскорѣе видѣться съ вами.

---

*) Ваше имя, сударь?

Маркизъ, поднявъ высоко брови, вопросительно глядѣлъ на молодаго посѣтителя.

— Чѣмъ же.... Чѣмъ я могу служить? началъ онъ, вѣжливо наклонивъ свой худощавый станъ и вытянувъ длинную, повязанную бѣлымъ галстукомъ шею.

— Вы просите руки княжны Тунгусовой? произнесъ, вспыхнувъ весь, Катеневъ.

— Просилъ, и она удостоила меня своимъ....

— Я требую, чтобы вы отказались, сдержаннымъ, но твердымъ тономъ произнесъ Катеневъ.

Маркизъ откинулся къ высокой спинкѣ креселъ и, опустивъ вѣки, принялся качать ногою, обутою въ блестящій лаковый башмакъ, съ металлическою пряжкою. Минуты съ двѣ продолжалось молчаніе; маркизъ какъ будто желалъ дать время одуматься пылкому юношѣ; Катеневъ понялъ это и смѣло глядѣлъ на блѣдное, неподвижное лицо собесѣдника.

— Я долженъ васъ просить объясниться нѣсколько яснѣе, проговорилъ, наконецъ, сдержанно, не подымая вѣкъ, маркизъ. Я недоискиваюсь смысла въ произнесенной вами фразѣ.

— Смыслъ отыскать, мнѣ кажется, не трудно, отвѣчалъ твердо и рѣшительно Катеневъ; повторяю вамъ: я требую, чтобы вы отказались отъ брака съ княжною.... Требую этого, какъ родственникъ ея, другъ дома; наконецъ, какъ человѣкъ, который ее уважаетъ.

— Я вижу тутъ, наоборотъ, неуваженіе къ княжнѣ; но это мы пока оставимъ, отвѣчалъ маркизъ, все продолжая глядѣть въ полъ.—Поговоримъ о другомъ, а именно, даетъ ли право самое близкое родство, дружба къ дому вмѣшиваться въ тѣ отношенія, которыя существуютъ между женихомъ и невѣстою? Я шелъ прямой дорогой, получилъ согласіе ея самой, ея родителей, изъ этого вы видите, что я человѣкъ честный.

— Я этого не отнимаю у васъ, маркизъ.... Съ какой мнѣ стати думать, что вы безчестны.... Я не имѣю на это ни малѣйшаго повода, перебилъ Катеневъ;—но я долженъ вамъ высказать, наконецъ, хоть это мнѣ и непріятно, причину моего требованія.

Маркизъ медленно кивнулъ головой, поправивъ брилліантовый перстень на своемъ длинномъ указательномъ пальцѣ и еще выше поднявъ тонкія брови надъ опущенными рѣсницами.

— Вы ей не нравитесь, произнесъ напряженно Катеневъ.

— Я имѣю причины думать противное, но.... Во всякомъ случаѣ, благодарю васъ за это предостереженіе.... Стало быть, вы допускаете въ вашей кузинѣ нѣкоторую неискренность, лукавство.

— Сохрани Богъ.... Развѣ она говорила вамъ, что.... расположена къ вамъ? спросилъ, сильно повернувшись въ креслахъ, Катеневъ.

— Это уже мое дѣло, но такъ какъ я, нѣкоторымъ образомъ, оскорбилъ ее подозрѣніемъ въ неискренности, то и считаю себя обязаннымъ вамъ сказать: «да, говорила».

У Катенева потемнѣло въ глазахъ; онъ помертвѣлъ; погладивъ себѣ лобъ, онъ вскинулъ голову и пристально взглянулъ на маркиза.

— И вы не лжете? спросилъ онъ, воззрившись въ него своими черными зрачками.

— Monsieur, произнесъ, грустно улыбнувшись, но тѣмъ же спокойнымъ тономъ, и еще болѣе нагнувшись, маркизъ. Этотъ вопросъ я извиняю вамъ, только какъ мальчику.

— Позвольте же мнѣ доказать вамъ, маркизъ, началъ, вскочивъ съ своего мѣста, юный богатырь, что вы имѣете дѣло съ взрослымъ, съ русскимъ дворяниномъ, офицеромъ, который требуетъ отъ васъ сатисфакціи.... Оружіе назначьте сами.

Маркизъ улыбнулся своею принужденною улыбкою, вздохнулъ и, поднявъ, наконецъ, вѣки, минуты съ двѣ, молча, смотрѣлъ на собесѣдника.

— Послушайте.... Мнѣ жаль васъ, началъ онъ. Вы влюблены.

— Маркизъ, произнесъ въ свою очередь, вспыхнувъ, Катеневъ.

— Не притворяйтесь.... Я слишкомъ опытенъ, продолжалъ маркизъ, и слишкомъ было бы низко мнѣ не высказать вамъ прямо, что я вижу. Я поговорю съ княжной и, если правда то, что вы мнѣ передали, разумѣется, я сочту долгомъ отказаться отъ чести, мнѣ такъ благосклонно оказанной вашей кузиной и ея родителями.

Катеневъ опѣшилъ.

— Вы мнѣ дадите честное слово, маркизъ? спросилъ онъ, протянувъ руку.

— Почему же, отвѣчалъ маркизъ, коснувшись своей холодною рукою руки гостя;—тѣмъ болѣе, что здѣсь становится на

карту мое собственное будущее, продолжалъ онъ. Что васъ заставило, прибавилъ онъ затѣмъ съ грустною улыбкою, такъ дурно думать обо мнѣ? Присядьте.

Катеневъ растерялся.

— Я нисколько не думалъ, маркизъ; я опасался лишь здѣсь недомолвки; хоть это, можетъ быть, не скромно, но когда дѣло идетъ о судьбѣ дѣвушки и вашей вмѣстѣ, то я позволяю себѣ спросить: вы знаете отношенія княжны къ матери?

— Я знаю, отвѣчалъ маркизъ, и приму ихъ во вниманіе.

— Вы благородный человѣкъ, произнесъ торжественно Катеневъ, крѣпко пожавъ руку хозяина. Извините, если во мнѣ зародилось подозрѣніе.... Я васъ не зналъ, видѣлъ разъ; я отказываюсь отъ своего предположенія.... и еще разъ извиняюсь... Но вы дайте мнѣ слово и сдержите его, иначе мы съ вами встрѣтимся, прибавилъ онъ опять съ нѣкоторою торжественностью.

Маркизъ пожалъ ему руку, поднявшись съ своего кресла; прощаясь, онъ обнялъ Катенева; подставивъ ему попеременно свои гладко выбритыя, обтянутыя щеки, онъ проводилъ гостя до передней и, пожелавъ счастливаго пути и лавровъ, воротился въ гостиную.

Почтовая кибитка тройкою стояла уже у воротъ, когда Катеневъ подъѣхалъ къ постоялому; въ свѣтелкѣ, тускло освѣщенной сальною свѣчею въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, Аѳанасій хлопоталъ около накрытаго стола; хозяинъ стоялъ посреди комнаты съ сковородою, на которой шипѣла и пузырилась яишница.

— Куда ее? спросилъ онъ, повертывая сковороду на деревянномъ блюдѣ.

— Ставь вотъ сюда, отвѣчалъ Аѳанасій. А сказали, полчаса, не больше, проѣздите, произнесъ онъ съ упрекомъ, принимая плащъ Катенева. Ну, раздѣвайтесь, надо уложить мундиръ; да кушайте проворнѣе.

Черезъ полчаса кибитка летѣла, подпрыгивая на выбоинахъ, къ одной изъ заставъ; Аѳанасій показалъ въ караульнѣ подорожную, и тройка побѣжала рысцей, побрякивая отвязаннымъ колокольцемъ, по ухабистой, начинавшей мѣстами чернѣть отъ оттепелей дорогѣ. Аѳанасій, спрятавъ бережно подорожную, завернулся въ свой нагольный тулупъ и отвалился въ уголъ кибитки; Катеневъ глядѣлъ въ пустое поле, съ едва выдѣляющимся въ темнотѣ кустарникомъ, вслушиваясь въ однообразный

звонъ колокольца и невеселый покрикъ ямщика, съ такимъ высокимъ воротомъ кафтана, что шапки и головы совсѣмъ не видать было.

Трудно художнику около сѣверной столицы нашей выбрать солнечный день и мѣстность для пейзажа; отъ небогатой природы, поневолѣ, обращается онъ чаще къ портретной живописи. Очеркъ молодаго воина уже набросанъ; надо теперь нарисовать его стараго спутника. Аѳанасій, крѣпостной, дворовый Катеневыхъ, человѣкъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, сначала сопровождалъ отца молодаго Катенева въ походахъ въ Польшу, въ Турцію, потомъ приставленъ былъ дядькою къ Петру Тимоѳеевичу; съ этихъ поръ онъ звалъ себя дядькой «личардомъ». Онъ былъ одинокій, неженатый человѣкъ; родныхъ у него не было, и никто, даже изъ стариковъ дворовыхъ, не помнилъ его отца и матери; онъ привезенъ былъ мальчикомъ, лѣтъ осьми, изъ степнаго, дальняго имѣнья дѣдомъ молодаго Катенева. Желтое, морщинистое лицо, съ вздернутымъ нѣсколько, широкимъ носомъ, небольшой ростъ, сутуловатость и беззвучный, сиплый голосъ Аѳанасья дали ему прозваніе «сморчка»; дворня не давала ему прохода съ этимъ прозвищемъ и нерѣдко выводила Аѳанасья изъ терпѣнія; заслышавъ ненавистное «сморчокъ», онъ пускалъ въ дразнивш го полѣномъ, сапогомъ, и нѣсколько разъ жаловался даже старому барину. Аѳанасья знали всѣ кадеты, сверстники молодаго Катенева, такъ какъ онъ жилъ при своемъ питомцѣ и въ корпусѣ, у надзирателя, француза, которому за нѣсколько рублей въ мѣсяцъ, съ придачею на рождество и на святую поросятъ, гусей и масла, поручено было наблюденіе за воспитаніемъ кадета; здѣсь языкъ Аѳанасья получилъ нѣкоторый ученый оттѣнокъ; вліяніемъ корпуса нужно объяснять его выраженія въ родѣ: «ты мнѣ эту планиметрію не расказывай»; или: «а вы свою тактику ведите, и—шабашъ». Аѳанасій жилъ въ самомъ корпусѣ, въ комнаткѣ подлѣ кухни надзирателя; собравшись въ тѣсное жилище старика дядьки, кадеты иногда по цѣлымъ часамъ слушали его разсказы о суворовскихъ походахъ или о томъ, какъ Аѳанасій игралъ на театрѣ въ Тамбовѣ, гдѣ стояла одно время баттарея стараго барина. Расказы о театрѣ превращались нерѣдко въ представленіе; Аѳанасій вставалъ посреди комнаты, принималъ величественныя позы и декламировалъ.

— Смѣйтесь, господа; сыграйте-ка вы такъ, а я игрывалъ, говорилъ обыкновенно старикъ; разъ Гаврило Романычъ Державинъ самъ мнѣ далъ рублевикъ. «Молодецъ», говоритъ.

И затѣмъ, поднявъ высоко голову, Аѳанасій начиналъ декламировать своимъ сиплымъ, беззвучнымъ голосомъ, ударяя себя въ грудь въ жаркихъ мѣстахъ. Вмѣсто буквы *е* онъ почему-то употреблялъ почти вездѣ *и*.

«Нѣтъ, нѣтъ, мичтательной отрадой,
Безъ вѣрныхъ, сильныхъ мѣръ, нильзя сибя ласкать....
Я мнилъ бы завликать противоборника».

— А тотъ: «но какъ?» А я ему: «чрезъ обольщенье». Чрезъ что? говоритъ. «Чрезъ страсть любви», оканчивалъ Аѳанасій, сжавъ кулаки и вдругъ затрясшись весь, точно въ падучкѣ.

Этотъ монологъ всякій разъ оканчивался звонкимъ хохотомъ кадетовъ.

— Смѣйтесь, говорилъ старикъ. Сыграйте-ка вы.... А я еще, кажется, и сичасъ въ грязь лицомъ не ударю.

Аѳанасій былъ грамотенъ; любимымъ и единственнымъ чтеніемъ его былъ гдѣ-то добытый имъ романъ, въ кожаномъ, крѣпкомъ переплетѣ: «Ринальдо Ринальдини или атаманъ разбойниковъ». Книгу эту, точно Александръ Македонскій Иліаду, онъ возилъ съ собою всюду, читалъ ее и перечитывалъ, говоря всѣмъ: «бизподобнѣйшая книга». Посадивъ на носъ мѣдные, огромные очки, Аѳанасій цѣлые часы просиживалъ за чтеніемъ Ринальдо Ринальдини. Молодой Катеневъ подарилъ было ему «приключенія какого-то маркиза и слуги его Ричарда»; Аѳанасій прочиталъ и отложилъ ее.

— Нѣтъ, Петръ Тимоѳеичъ, то-исть, вотъ какъ, половины не стоитъ эта книга супротивъ Ринальда Ринальдини.

Монологи декламировалъ Аѳанасій не всегда; узнаетъ, что баринъ не зналъ урока, ни за что не уговорятъ его кадеты представить, какъ онъ игралъ на театрѣ.

— Уроки ступайте лучше учить, отвѣтитъ тогда Аѳанасій. И чего вы тутъ болтаетесь? Вотъ я мусье Манго позову. Маршъ! оканчивалъ онъ, выпроваживая шалуновъ изъ своей конурки.

Когда же молодой Катеневъ отвѣчалъ урокъ, особенно выдерживалъ какъ слѣдуетъ экзаменъ, шуткамъ старика конце не было; вычистивъ тесакъ барина, онъ, обнаживъ его, подскакивалъ къ кому-нибудь изъ кадетъ и начиналъ:

— Ну, чтожь? Вставайте въ позитуру. Ба-ли-зармъ! Ну?

Защищайтесь иль сдавайтесь! Сійчасъ смерть, оканчивалъ онъ, наступая на кадетъ и прижимая ихъ въ уголъ. Эхъ вы, ирои!

За барское бѣлье у него была вѣчная, нескончаемая брань и перепалка съ прачками: то не заштопаны карпетки, то тесемка зачѣмъ оторвана отъ ворота, вымыто не хорошо; пропади какъ-нибудь чулокъ, рубашка, Аѳанасій выходилъ изъ себя, подымалъ такой шумъ, что нерѣдко французъ, надзиратель, входилъ къ нему въ комнату.

— Э, какъ мошна Атанасъ, какъ мошна такъ критшать? Ты безпокоишь мадамъ.

— Ни могу, мусье Манго. Это не люди, это изверги. Извольте взглянуть дѣтскія рубашки.... Развѣ это вымыто? Развѣ такъ моютъ?

Французъ выходилъ, махнувъ рукою, и приказывалъ казеннымъ прачкамъ перестирать бѣлье Катенева.

Аѳанасій былъ лично извѣстенъ фельдмаршалу; Суворовъ, часто пріѣзжая на баттарею къ старику Катеневу, прежде всего спрашивалъ: «а что, Аѳоня, дашь рюмочку водочки, да биточикъ?» Аѳанасій надѣвалъ тотчасъ фартукъ, добывалъ кусокъ говядины и, если дѣло было на бивуакѣ, тутъ же, на пушкѣ или на лафетномъ колесѣ, выколачивалъ битокъ, жарилъ у огонька и подавалъ фельдмаршалу.

— Гдѣ ты учился, Аѳоня, битки жарить? спрашивалъ фельдмаршалъ, уплетая говядину.

— У пирвѣйшихъ поваровъ французскихъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ сиплымъ голоскомъ, незадумываясь, Аѳанасій.

— Такъ; а лукъ какой кладешь?

— Пирсидской, ваше сіятельство, отвѣчалъ Аѳанасій, твердо помня, что фельдмаршалъ не любилъ немогузнайства.

— То-то онъ больно забористъ. Молодецъ—спасибо, битки славные, говорилъ фельдмаршалъ, влѣзая на своего казачьяго конька. Спасибо, братъ, Аѳонюшка.

Аѳанасій былъ, кромѣ того, портной, сапожникъ, столяръ въ случаѣ нужды; какъ большая часть тогдашнихъ деньщиковъ, онъ былъ человѣкъ на всѣ руки. Состоявъ въ дѣтствѣ при старомъ баринѣ, не столько крутаго, сколько горячаго нрава, Аѳанасій былъ человѣкъ сильно-помятый; не разъ видалъ онъ и нагайку, и шпагу въ ножнахъ на спинѣ своей. «За пинкомъ не гонись», говаривалъ онъ молодымъ лакеямъ; «наше дѣло

такое; битая посуда два вѣка живетъ». Отправляя его съ сыномъ, старый баринъ сказалъ ему: «служи, гляди, также, какъ мнѣ служилъ». Афанасій отвѣчалъ: «кому же мы, сударь, служить должны, какъ не вамъ», и тотчасъ же отправился воевать съ ключницей, отпускавшей бѣлье для отъѣзжающаго молодаго барина. Съ перевязанною сзади, короткою косою и съ вьющимися, свѣтлорусыми, съ просѣдью, височками по сторонамъ, понюхивая табакъ изъ своей берестовой тавлинки, Аѳанасій вѣчно совался, чистилъ, хлопоталъ; развѣ усядется за своего Ринальдо у окна и успокоится на полчаса за чтеніемъ. Таковъ былъ спутникъ новобранца воина.

Стало свѣтать; узкая полоска зари, перерѣзанная длиннымъ чернымъ облакомъ, точно георгіевская лента, показалась на небосклонѣ, когда кибитка подъѣзжала къ первой станціи. Заспанный смотритель, прописывая подорожную сообщилъ, что фельдмаршалъ, надо быть, станцій около пятка впереди, и что спѣшитъ страшно. «Врядъ вамъ догнать его», прибавилъ станціонный, отсчитывая тяжеловѣсными пятаками сдачу Аѳанасью. Катеневъ задремалъ было, растянувшись на лавкѣ, но Аѳанасій разбудилъ его: «пожалуйте, готовы лошади». Одно и тоже, съ небольшими измѣненіями, повторялось на каждой изъ безчисленныхъ станцій тысячеверстнаго пути. Молодой путникъ то дремалъ, то грезилъ, полулежа на перекладныхъ, легкихъ саняхъ. Особымъ, теплымъ, радужнымъ свѣтомъ озарялось прошедшее, и лица, и мѣста, покинутыя имъ, если не навсегда, то навѣрное надолго. То вспоминалъ онъ зимній вечеръ въ раздольевскомъ, неосвѣщенномъ, по случаю отъѣзда князя и княгини въ Петербургъ, домѣ; княжна, Борисъ, онъ, тогда еще дѣти, сидятъ въ углу широкаго дивана, въ дѣтской; нянька расказываетъ что-то страшное; а въ церкви, говорили горничныя, стоитъ покойникъ; страшно было дѣтямъ слушать расказъ, а любопытно; крѣпко жались они другъ къ другу, поглядывая боязливо въ полурастворенную дверь сосѣдней, темной комнаты.... То вспоминался ясный зимній день; онъ сидѣлъ рядомъ съ ней въ легкихъ саняхъ, летящихъ берегомъ блестящей рѣчки, аллеей парка, межъ двумя рядами высокихъ, высеребренныхъ инеемъ, березъ и сосенъ.... То приходилъ на память лѣтній вечеръ, Шевалье де Шампъ игралъ съ своимъ Трезоромъ на лугу, а они прятались во ржи; княжна, сбросивъ соломенную шляпку, бѣгала тутъ же, отпросившись идти

съ ними за васильками у миссъ Вайтъ, старушки, гувернантки. И ныло, замирало сердце юноши при мысли: «а что вдругъ маркизъ не сдержитъ слова, женится, погубитъ дѣвушку? А она.... Она, я знаю, не рѣшится идти противъ желанья, воли матери», думалъ молодой человѣкъ, оканчивая сдержаннымъ вздохомъ свою думу. Ощупавъ медальонъ съ силуэтомъ княжны, висѣвшій подъ сюртукомъ, влюбленный еще разъ вздохнулъ и подумалъ: «тогда—въ жаркій огонь, подъ пули, подъ картечь.... Пускай узнаетъ она, что это было не ребячество, не увлеченіе, а страстная любовь, любовь до гроба».

Дорога портилась, что не мало замедляло путешествіе. Катеневъ поглядывалъ искоса на своего сосѣда, большею частію храпѣвшаго подъ своимъ нагольнымъ тулупомъ; прозаическая фигура оруженосца не совсѣмъ согласовалась съ рыцарски восторженнымъ настроеніемъ влюбленнаго героя. Герой сердился даже не на шутку на отца, назначившаго ему стараго дядьку въ спутники.

— Что ты это, братецъ, все спишь? привязывался онъ къ Аѳанасью.

— Да что же дѣлать-то въ дорогѣ, сударь? отвѣчалъ на это Аѳанасій, набивая вздернутый носъ свой табакомъ.

— Литва пошла, замѣтилъ старикъ, когда вмѣсто дуги явилась шорная упряжь, и русскаго ямщика смѣнили, съ бритымъ подбородкомъ, бѣлокурые, усастые, литвины. Подъѣзжая утромъ къ одной изъ станцій, путники увидали у крыльца станціоннаго дома множество повозокъ и кучу солдатъ.

— Фельдмаршалъ что ли проѣзжаетъ? спросилъ Катеневъ рослаго солдата, стоявшаго подлѣ одной изъ повозокъ.

— Точно такъ, ваше благородіе, отвѣчалъ, вытянувшись, солдатъ.

Катеневъ выскочилъ изъ саней и подошелъ къ полуразвалившемуся крыльцу каменнаго одноэтажнаго станціоннаго дома; въ полурастворенную дверь сѣней валилъ на улицу дымъ изъ трубы самовара, около котораго хлопоталъ молодой, неуклюжій деньщикъ. На крыльцо вышли въ однихъ поношенныхъ сюртукахъ два штабъ-офицера. Катеневъ сдѣлалъ имъ фронтъ, отрекомендовался и спросилъ: «можно ли явиться къ графу?»

— Онъ только что откушалъ, отвѣчалъ ему одинъ изъ офицеровъ. Вы съ нами вѣдь?—Въ Вѣну? Я помню вашу фамилію въ спискѣ свиты.

— Да; я имѣю честь состоять при его сіятельствѣ, отвѣчалъ Катеневъ.

— Такъ черезъ полчаса мы выѣзжаемъ.... Сейчасъ закладываютъ лошадей, ласково объяснялъ ему штабъ-офицеръ. Передъ отъѣздомъ и явитесь.

— Вы вѣрно ночевали гдѣ нибудь? спросилъ Катеневъ.

— Да; ночевали... А то бы вы, пожалуй, не догнали насъ; впрочемъ, дорога, чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ хуже дѣлается.... Намъ придется плестись чуть не шагомъ.

Штабъ-офицеры закурили трубки и принялись расхаживать около станціоннаго дома, стоявшаго на пустырѣ, въ сторонѣ отъ села съ католическою деревянною киркою; Аѳанасій пошелъ отыскивать Прохора, знаменитаго слугу Суворова. Катеневъ сѣлъ на наваленныя у крыльца бревна. Съ крыльца то и дѣло выходили деньщики; нѣкоторые рылись въ повозкахъ; ямщики запрягали лошадей; кучка солдатъ и нѣсколько евреевъ переминались на снѣгу, поджидая выхода фельдмаршала.

Катеневъ немного трусилъ, не зная, какъ взглянетъ фельдмаршалъ на его позднее появленіе; въ ожиданіи, онъ то расхаживалъ около суетившихся ямщиковъ, литвиновъ, то опять садился на бревна. Аѳанасій укладывалъ вещи въ другіе, заложенные свѣжею тройкою, безъ дуги, пошевни. Изъ избы вышли еще трое офицеровъ въ военныхъ фуражкахъ, но въ мѣховыхъ, короткихъ, лисьихъ шубкахъ.

Свита графа мало походила на фельдмаршальскую; всѣ держали себя просто; на нѣкоторыхъ были, какъ мы сказали, шубки, казакины; прислуга своими овчинными полушубками и сибирками изъ толстаго, домашняго сукна напоминала дворню средней руки помѣщика. Наконецъ, къ крыльцу подъѣхала простая кибитка, съ закинутою на волчокъ, новою цыновкою; хохлатый, съ сердитымъ, заспаннымъ лицомъ, слуга, лѣтъ тридцати, въ военной, на волчьемъ мѣху, шинели, поправилъ сѣно въ кибиткѣ, переложилъ кожаную, засаленную подушку, и на крыльцо вышелъ, въ старомъ, родительскомъ плащѣ своемъ, сверхъ лисьей коротенькой шубки, самъ фельдмаршалъ. Суворовъ поеживался и поминутно зѣвалъ, завертываясь въ плащъ. Катеневъ вытянулся.

— Здорово, крестникъ; подъ арестъ бы надо, заговорилъ фельдмаршалъ.—Опоздалъ. Отецъ не опаздывалъ.

Катеневъ подошелъ поцѣловать руку; Суворовъ обнялъ его,

подставивъ небритую, щетинистую щеку, спросилъ о здоровьѣ отца и сѣлъ въ кибитку.

— Чей полкъ? спросилъ онъ, увидя солдатъ.

— Дендрыгина, ваше сіятельство, отвѣчали солдаты.

Суворовъ изчезъ, за опущенною слугою рогожкою; онъ былъ видимо утомленъ.

— Садитесь, говорилъ Аѳанасій, хлопая рукою по ковру, накинутому на высоко взбитое сѣно.

У Катенева точно гора съ плечъ свалилась; онъ усѣлся, и вереница повозокъ потянулась по рыхлой дорогѣ. Трудно было догадаться, что это ѣдутъ чудо-богатыри, постороннему, встрѣтившему плетущійся, то мелкою рысью, то нога за ногу, длинный поѣздъ.

IV.

Жизнь двора и высшаго круга столицы совершенно измѣнилась съ воцареніемъ новаго императора; нѣжившіеся до полудня въ будуарахъ, вельможи, въ семь часовъ утра должны были являться, въ полной формѣ, на ежедневные ученья и смотры, иногда производимые на открытомъ воздухѣ, при двадцати и больше градусахъ мороза; дамы должны были выходить, для реверанса, изъ каретъ, встрѣтивъ государя; указомъ запрещено было носить намотанные широко галстуки, а вмѣсто жилетовъ и фраковъ предписывались камзолы и кафтаны при трехуголкѣ; отставленнымъ за нерадѣніе офицерамъ, на просьбы ихъ о принятіи на службу, отвѣчали, безъ церемоніи, въ газетахъ, что они приняты не будутъ, такъ какъ въ нихъ не предвидится никакой надобности; обѣды, вечера вельможами давались рѣдко; иностранцы почти не приглашались въ частные дома; всѣ боялись сказать лишнее слово, проболтаться и потому избѣгали даже встрѣчъ съ послами и ихъ свитою; за неловко сказанное слово можно было угодить, прямо съ куртага, въ Вятку или вологодскую деревню; теперь стало немного подороже расплачиваться за свободныя слова, и вольнодумцы попритихли. Павшіе кумиры, проживающіе въ опалѣ по дальнимъ деревнямъ своимъ, ворчали про себя и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ смотрѣли на новыя, восходящія свѣтила, большею частію, изъ гатчинскихъ любимцевъ императора. Возведеніе Екатерины называлось революціей, и изгнанные участ-

ники событія считали себя людьми не дюжинными; гордость ихъ и высокое мнѣніе о себѣ воспитались, между прочимъ, комплиментами Дидро и письмами Волтера, наполненными лестью, на какую едвали былъ способенъ самый низкопоклонный русскій подъячій того времени. Императрицу, напримѣръ, Волтеръ то и дѣло возводилъ въ чинъ божества; умная русская царица неоднократно упрекала его за это въ своихъ письмахъ, но ратникъ свободомыслія продолжалъ пресмыкаться у ногъ повелительницы сѣвера. Изгнанные почти отвсюду іезуиты пріютились у насъ; воспользовавшись уваженіемъ государя къ религіи и страстью общества ко всему заграничному, они видѣли въ Россіи обѣтованную землю и принялись работать, ad majorem gloriam Dei *); они завели школу въ Петербургѣ, втирались въ дома въ качествѣ друзей и душеспасительныхъ собесѣдниковъ. Пугая невѣріемъ, возраставшимъ будто бы въ русскомъ обществѣ, они приводили на видъ неспособность нашего необразованнаго духовенства противостоять злу и, подъ шумокъ, обдѣлывали свои дѣлишки. Въ обществѣ, между тѣмъ, въ большинствѣ, ни невѣрія, ни особенной вѣры не было; у него было все занятое, выписанное изъ-за границы вмѣстѣ съ пудрою и перчатками; молодежь не прочь была посмѣяться, для краснаго словца, надъ тѣмъ, другимъ, старики ходили въ церковь и ѣли грибы, горохъ по постамъ pour les gens, для дворни и мужиковъ, какъ будто не эта самая дворня откармливала телятъ и рѣзала барановъ для хранителей народной нравственности. Дидро и другіе тогдашніе западные пророки, разъѣзжая по петербургскимъ гостинымъ, изумлялись, какъ быстро Россія догоняетъ Францію, не замѣчая, что скороходы, на другой день отъѣзда ихъ, расправлялись, по старинѣ, на конюшнѣ съ нарѣзавшимся поваромъ или стегали его по щекамъ французскою книжкою о братствѣ и всеобщемъ равенствѣ.

Общество разнообразилось появленіемъ эмигрантовъ; знаменитые щеголи Версаля, Тріанона: Брогли, Растиньякъ, Мезонфоръ, Сенъ-При, въ своихъ шитыхъ кафтанахъ, вертѣлись при дворѣ, въ салонахъ. Людовикъ XVIII, радушно приглашенный императоромъ, жилъ, на нашемъ иждивеніи, въ Митавѣ. Принцъ Конде командовалъ особымъ корпусомъ изъ эмигрантовъ, къ ко-

---

*) Къ вящшей славѣ Божіей.

которому причислено было нѣсколько русскихъ полковъ; корпусъ этотъ или: «пятьсотъ старичковъ», какъ называлъ его Суворовъ, стоялъ въ Минской губерніи.

Въ Петербургѣ явилась депутація отъ Мальтійскаго ордена, съ предложеніемъ императору принять званіе великаго магистра. Депутація была принята торжественно. Орденъ совершалъ по временамъ свои непонятные никому обряды, такъ, напримѣръ, сожиганіе жертвенниковъ: на площади складывалось семь костровъ, убранныхъ вѣнками и цвѣтами; кавалеры въ мантіяхъ, съ факелами въ рукахъ, зажигали костры при огромномъ стеченіи народа. «А что такое это значило, не знали мы», оканчиваетъ свое описаніе свидѣтель торжества.

Въ числѣ нѣкоторыхъ иностранцевъ, достойныхъ всякаго уваженія, пробиралось въ Россію не мало людей сомнительныхъ, искателей приключеній; этому помогала готовность русскихъ, не разузнавъ, отворять двери дома каждому заѣзжему. И вотъ явились люди въ родѣ маркиза ди-Сальма. Маркизъ принадлежалъ къ числу личностей, воспитанныхъ революціею, позорищемъ поминутной, кровавой смѣны направленій, мѣръ, дѣятелей и кумировъ. Люди эти, обманутые нѣсколько разъ, увѣровали наконецъ въ одну силу, въ чемъ бы она ни выражалась, во власти, въ деньгахъ или въ томъ и другомъ: они страшны были именно тѣмъ, что не имѣли никакихъ убѣжденій. Съ ними было также опасно имѣть дѣло, какъ по открытому, незнакомому, морю ѣздить безъ компаса.

Образцомъ подобныхъ страшныхъ личностей былъ Наполеонъ I. Взявъ въ руки знамя революціи, онъ попралъ всякое уваженіе къ свободѣ, чужой мысли, личности, не только человѣческой, но и народной; гдѣ не дѣйствовали слова, онъ принимался убѣждать, безъцеремоніи, штыками. Но это былъ человѣкъ съ прирожденнымъ даромъ повелѣвать массами, увлекать ихъ за собою. Люди этого же сорта, не такъ даровитые, искали путями менѣе блистательными и широкими случаевъ протолкаться впередъ. Эти не брезговали никакой дорогой, никакимъ пьедесталомъ, лишь бы подняться повыше другихъ. Не обладая наполеоновскими способностями, избралъ послѣдній, скромный способъ и маркизъ, женихъ княжны Тунгусовой. Сынъ сумасброда, помѣшавшагося на черной магіи, онъ бѣжалъ изъ отцовскаго имѣнья, будучи лѣтъ шестнадцати; къ побѣгу вынудила его вторичная женитьба вдоваго отца на молодой вдовѣ, забравшей въ руки и старика, и не-

большое его хозяйство. Имѣя сына отъ перваго мужа, мачиха заставила стараго маркиза лишить молодаго ди-Сальма наслѣдства. Этотъ поступокъ мачихи и служилъ для молодаго маркиза, во всю жизнь, оправданіемъ предъ самимъ собою всѣхъ, иногда довольно грязныхъ, продѣлокъ. Воспитанъ онъ былъ кое-какъ дядею, старымъ, разорившимся холостякомъ, умершимъ въ годъ женитьбы отца; дядя учился въ одной изъ іезуитскихъ коллегій; онъ жилъ на мызѣ, у одного пріятеля, въ полумилѣ отъ брата; къ нему и ходилъ ежедневно молодой Джузеппе съ латинскою грамматикой или учебникомъ математики подъ мышкою; немного латыни, математики, астрономіи, смѣшанной съ астрологіею,—вотъ запасъ свѣдѣній, съ которымъ молодой маркизъ, выведенный изъ терпѣнія обращеніемъ отца и мачихи, перелѣзъ черезъ невысокую стѣну отцовскаго замка, чтобы пуститься въ свѣтъ. Отецъ, узнавъ о бѣгствѣ сына, не только не послалъ погони за нимъ, но махнувъ рукою произнесъ: «давно бы ему слѣдовало избавить меня отъ своего присутствія». Приключенія молодаго ди-Сальма заняли бы большую часть романа, еслибы авторъ рѣшился сопутствовать ему въ клубы революціонеровъ въ Парижѣ, въ будуары актрисъ, въ салоны и уборныя фаворитокъ и женщинъ двусмысленной репутаціи, нерѣдко пользовавшихся для своихъ цѣлей громкимъ именемъ маркиза и его способностью разыгрывать роль богача, при обстановкѣ маломальски соотвѣтственной. Маркизъ никому не разсказывалъ своихъ похожденій; выдавая себя въ Петербургѣ за человѣка небогатаго, но и не бѣднаго, онъ числился при неаполитанскомъ королевскомъ посольствѣ и былъ принятъ поэтому въ лучшемъ кругу; онъ разъѣзжалъ съ какими то порученіями то въ Вѣну, то въ Неаполь, что придавало ему вѣса въ глазахъ общества, былъ друженъ со многими изъ іезуитовъ, жившихъ въ Россіи; жилъ скромно, но прилично. Бракъ съ далеко не бѣдною русскою княжною давалъ маркизу прочное положеніе; ему предлагали даже мѣсто въ русской службѣ, но онъ не соглашался перемѣнить подданство. Получивъ два, три иностранные ордена, изъ которыхъ одинъ былъ похожъ на звѣзду, маркизъ принимаемъ былъ большинствомъ за лицо немаловажное при посланникѣ. Въ разговорахъ онъ избѣгалъ крайностей; говоря съ легкимъ презрѣніемъ о революціонерахъ, онъ мастерски отмалчивался, когда поднимались похвалы людямъ противной партіи. Суевѣрамъ маркизъ разсказывалъ о своемъ знакомствѣ съ С. Жерменомъ,

Месмеромъ и графомъ Каліостро, разсказывалъ, впрочемъ, такъ, что трудно было рѣшить, вѣритъ онъ или нѣтъ въ магнетизмъ и въ существованіе агента, надѣляющаго безсмертіемъ. Общество скоро привыкло къ нему; вытянутая, молчаливая фигура маркиза, съ блѣдно-желтымъ лицомъ, поднятыми, тонкими бровями и грустною улыбкою, сдѣлалась необходимою принадлежностью всѣхъ пети-леве, soirées intimes; парадныхъ обѣдовъ.... «Онъ какой то атташе», говорили про него, «сардинскаго, неаполитанскаго, какого-то изъ этихъ посольствъ.» Ко двору онъ втерся, написавъ для образца, по порученію одного изъ любимцевъ императора, pour et contre; въ этой статьѣ, трактовавшей о пользѣ союзовъ для Россіи съ западными державами, подъ маскою смѣлаго противорѣчія, очень искусно было польщено рыцарскому чувству благородства государя и ловко вплетены его собственныя замѣчанія, подслушанныя сочинителемъ въ обществѣ и у любимцевъ, такъ ловко, что государь, читая резюме, обратился въ одномъ мѣстѣ къ Растопчину съ словами: «вчера еще мы съ тобой это самое говорили... Что это за маркизъ? Это—un homme d'esprit. Привези его завтра на разводъ и представь мнѣ».—Онъ не военный, государь, отвѣчалъ Растопчинъ... «А! Ну, такъ представь мнѣ его въ комедіи». И маркизъ былъ представленъ императору въ спектаклѣ, дававшемся на другой день разговора въ эрмитажѣ.

Поклонники таинственныхъ наукъ и нѣкоторыя суевѣрныя старушки поговаривали другъ другу на ухо, что маркизъ покорилъ агента, надѣляющаго безсмертіемъ, и этимъ объясняли его холодное обращеніе со всѣми и легкое презрѣніе къ свѣтскому обществу.

Былъ вечеръ у графа Растопчина; приглашенныхъ было немного; общество собралось у канцлера послѣ русской комедіи; спектакль оканчивался тогда рано, часовъ въ девять. Гости расхаживали по великолѣпной залѣ канцлерскаго дома (противъ зимняго дворца); дамы сидѣли въ гостиной; дипломаты, русскіе и иностранные, въ-полголоса толковали о союзѣ съ Австріею, избѣгая, конечно, даже намека на искреннее свое воззрѣніе на это дѣло. Вошелъ Кобенцель, австрійскій посолъ; всѣ взоры обратились на него, какъ на героя дня. Хозяинъ встрѣтилъ его особенно радушно, почему присутствующіе тоже отвѣшивали низкіе поклоны и усердно смѣялись довольно сальнымъ остротамъ толстаго, веселаго вѣнца, представителя его цезарскаго величества. Онъ не успѣлъ дойти до гостиной, какъ уже разсказалъ два, три анекдота.

— Мнѣ сообщаютъ, началъ хозяинъ, выслушавъ анекдоты и взявъ подъ руку посланника,—что Розенбергъ съ передовымъ корпусомъ недалеко отъ границы.

— Дороги ужасныя, замѣтилъ одинъ изъ юныхъ дипломатовъ....

Хозяинъ смѣрилъ его своими сѣро-синими глазами; дипломатъ покраснѣлъ и стушевался въ толпѣ.

— Да; отвѣчалъ Кобенцель. — А графъ Суворовъ долженъ быть не нынче—завтра въ Вѣнѣ. J'ai reçu une lettre de baron de Tougout *).

Растопчинъ ввелъ посланника въ гостиную, а самъ воротился въ залъ принять двухъ только что вошедшихъ дамъ; введя ихъ, онъ обратился къ маркизу, стоявшему въ дверяхъ гостиной, съ заложенными назадъ руками, съ шляпою, и молча разсматривавшему дамъ.

— Какъ вамъ понравилась комедія?

— Къ сожалѣнію, я не понимаю по-русски, отвѣчалъ маркизъ;— но играютъ довольно развязно.

— Что вы не сядете?

Маркизъ поклонился и присѣлъ на стоявшее у двери кресло. Въ гостиной, у дамъ, разговоръ шелъ о Наполеонѣ, начинавшемъ особенно интересовать всѣхъ съ своего похода въ Египетъ. Кобенцель покрывалъ разговоръ своимъ громкимъ, неторопливо-важнымъ, снисходительнымъ смѣхомъ. Но какъ ни щебетали дамы, какъ громко ни смѣялся Кобенцель шуткамъ хозяина, то входившаго, то уходившаго изъ гостиной, въ обществѣ замѣтна была натянутость, будто боязнь другъ друга. Всѣ, видимо, прислушивались къ своимъ рѣчамъ; каждый соображалъ, тотчасъ послѣ произнесенной фразы, не сказалъ ли онъ чего лишняго, не произнесъ ли имени человѣка, попавшаго въ немилость, не повредилъ ли себѣ разсказомъ о визитѣ, сдѣланномъ такому-то? Въ залѣ появились два іезуита въ своихъ черныхъ сутанахъ; поздоровавшись съ хозяиномъ, они подсѣли къ дамамъ.

Слуги разносили чай. Графъ Растопчинъ, большаго роста, широкоплечій человѣкъ, съ широкимъ лицомъ, оттѣненнымъ рыжеватыми баккенбардами, съ голубыми глазами и вздернутымъ нѣсколько носомъ, расхаживалъ въ своемъ темносѣромъ фракѣ, съ звѣздою на груди и по камзолу лентою, между гостями. «Типъ

*) Я получилъ письмо отъ барона Тугута.

этотъ», говоритъ одинъ изъ видѣвшихъ его, «не встрѣчается въ древнихъ, знатныхъ семействахъ, слишкомъ объевропеившихся и опридворившихся, слишкомъ отшлифованныхъ и даже сшлифованныхъ, но распространенъ въ хорошемъ, среднемъ дворянствѣ». Рѣзкія, быстрыя движенія графа плохо маскировали пристальное наблюденіе появившагося, особенно въ первый разъ, гостя и дѣйствительно дѣлали его непохожимъ на придворнаго, несмотря на утонченную вѣжливость, которою обворожалъ графъ, когда бывалъ въ духѣ; но держаться на шаткомъ мѣстѣ министра иностранныхъ дѣлъ и быть любимцемъ императора—нельзя было въ то время безъ знанія людей и осторожной зоркости: порывистый нравъ государя, готоваго подчасъ нарушить только что заключенный союзъ, мягкость нашихъ посланниковъ, изъ вѣжливости, какъ Разумовскій, старавшихся избѣгать ясныхъ и рѣшительныхъ объясненій съ дворами, наконецъ, двуличность близкихъ государю людей, на которую не разъ жалуется министръ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ,—бороться со всѣмъ этимъ, повторяемъ, нужно было имѣть много ума, зоркости и энергіи.

Зоркость министра и рѣшительный взглядъ на европейскую политику не нравились иностранцамъ. «Энергическій, насмѣшливый, ѣдкій,» говоритъ про него одинъ изъ заѣзжихъ, «Растопчинъ соединялъ съ вѣжливостью француза нравъ Чингисхана, отъ котораго производилъ себя этотъ хитрый, съ шуточками, вглядывающійся въ новаго иностранца, министръ.» Вѣна, Лондонъ, Берлинъ не ожидали встрѣтить такую проницательность въ человѣкѣ, не занимавшемъ поста посланника, человѣкѣ, похожемъ складомъ ума на смышленнаго, смѣтливаго ярославца, попавшаго въ общество иностранныхъ комерсантовъ. Но только такой человѣкъ и могъ крѣпко держать знамя, за которое шла биться наша армія. Удары, наносимые Вѣною Суворову, летѣли прежде всего на Растопчина, какъ на министра; будь раньше посланъ Колычевъ въ Вѣну посланникомъ, австрійскій кабинетъ не дошелъ бы до дерзостей и оскорбленій, которыя онъ смѣло наносилъ русскому флоту и русской арміи въ Италіи, благодаря снисходительности и мягкимъ, придворнымъ манерамъ нашего посланника.

Но, несмотря на хитрость Чингисхана, въ которой обвиняетъ иностранецъ русскаго министра, Австрія загребала отлично жаръ нашими руками.

Графъ Растопчинъ былъ даровитъ во всемъ, но, кажется, эта

разносторонность и есть признакъ человѣка живаго, талантливаго пожалуй, но не такого, который бы, взявшись однажды за избранное дѣло, привелъ его въ исполненіе, чего бы это ему ни стоило. Онъ былъ экономомъ, наживъ отъ экономіи огромный долгъ, писателемъ, не написавъ ничего, кромѣ, даровитыхъ правда, двухъ-трехъ бездѣлицъ и знаменитаго оправданія о пожарѣ Москвы,—коннозаводчикомъ, и кончилъ свою дѣятельность подписью подъ собственнымъ портретомъ: «безъ дѣла и безъ скуки сижу, сложивши руки.» Онъ въ этомъ признавался самъ искренно въ письмахъ къ друзьямъ и въ знаменитомъ очеркѣ самого себя, написанномъ въ альбомъ пріятельницѣ, объясняя свои неуспѣхи во всемъ лѣностью. Лѣнь лѣнью, но, конечно, половина обвиненія, должна пасть и на среду, съ которою принужденъ былъ бороться даровитый дѣятель. Въ замѣткѣ своей онъ говоритъ, напримѣръ, что игралъ всѣ роли, кромѣ ролей лакеевъ. Кто знаетъ? Можетъ быть, излишнее пренебреженіе къ дебютамъ въ этомъ благодарномъ амплуа, было тоже одною изъ немаловажныхъ причинъ неудачъ и быстраго паденія министра? Мы его видимъ ясно, благодаря двумъ-тремъ строкамъ, писаннымъ, можетъ быть отчасти и пристрастно, иностранцами, а главное, благодаря связаннымъ съ его именемъ громкимъ событіямъ и собственнымъ письмамъ изъ того времени, когда ему не зачѣмъ было притворяться и не договаривать. Объ окружавшихъ же министра сотрудникахъ остались одни житія и описанія дѣяній, «изданныя съ дозволенія указнаго», да осторожныя характеристики, въ родѣ слѣдующей: «нравъ князя достоинъ былъ искренняго почтенія и непритворныя любви»; или: «пристойно бы здѣсь начертать душу и сердце сего почтеннаго гражданина, но эпоха жизни его столь близка, что многія важныя причины не позволяютъ пространно говорить о томъ, чего исторія не преминетъ современемъ передать потомству.» Руководствуясь этими краткими, но далеко неясными свѣдѣніями, трудно будетъ исторіи начертать образы этихъ добродѣтельныхъ мужей; подобный опытъ будетъ страннѣе опыта живописца, взявшагося написать портретъ по примѣтамъ, выставленнымъ становымъ приставомъ въ паспортѣ. «Но, помилуйте»,—я уже слышу возраженіе,—«теперь издается столько собственныхъ записокъ, исповѣдей, мемуаровъ».... Читали мы ихъ и, признаемся, меньше всего вѣримъ этимъ «собственнымъ признаніямъ». Какъ часто пишутся и писались они лишь для того, чтобы свести кое-ка-

кіе, неоконченные счеты; въ нихъ постоянно пишущій изображаетъ себя Іовомъ многострадальнымъ, а окружающіе, въ его очеркѣ, порядкомъ смахиваютъ на лукаваго, приходившаго испытывать терпѣнье праведнаго мужа; читаете вы записки одного изъ окружающихъ,—роли мѣняются: онъ уже Іовъ, а всѣ прочіе лукавые.

Общество дамъ оживилось нѣсколько прибытіемъ одного эмигранта полковника; онъ сыпалъ каламбурами, развалясь въ креслахъ; между прочимъ, разсказалъ, какъ одинъ изъ принцевъ отдѣлалъ директорію, требовавшую его въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, отъ нижеписаннаго числа, явиться на судъ. «Принцъ отвѣчалъ имъ», говорилъ полковникъ: «если вы въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, отъ нижеписаннаго числа не образумитесь и останетесь все такими же бѣшеными дураками, то васъ запрутъ всѣхъ въ сумасшедшій домъ». Дамы смѣялись. Кобенцель, произнеся: «das ist einzig», ушелъ играть въ карты; хозяинъ переходилъ отъ дамъ къ мущинамъ, перекидываясь то съ тѣмъ, то съ другимъ парою словъ. Маркизъ продолжалъ сидѣть на своемъ креслѣ. Эмигрантъ началъ показывать фокусы, собиралъ кольца у дамъ, складывалъ ихъ въ платокъ, гдѣ кольца исчезали. Передъ ужиномъ графъ Растопчинъ подвелъ къ нему маркиза.

— Позвольте познакомить васъ, произнесъ онъ.... Маркизъ ди-Сальма....

Полковникъ пожалъ руку новому знакомцу, отшатнулся, посмотрѣлъ на него и почти вскрикнулъ:

— Diable! Mais c'est le petit marquis! Вы были секретаремъ у Вертье?

Растопчинъ отошелъ къ другимъ гостямъ.

— Да, я жилъ нѣкоторое время въ домѣ генерала, отвѣчалъ маркизъ, поблѣднѣвъ нѣсколько.

— Онъ генералъ, Вертье?... кричалъ полковникъ. Онъ не умѣетъ держать шпагу.... Какіе они генералы... Moi, je suis colonel.... Но, я служу королю, а они.... Это калифы на часъ, les generaux du moment.... Адвокаты!... продолжалъ кричать, обращаясь къ маркизу, эмигрантъ.

— Я съ вами не спорю, останавливалъ его нѣсколько разъ маркизъ, замѣтивъ, что общество начинаетъ обращать на него и на полковника вниманіе.

— Да тутъ и невозможно спорить, продолжалъ полковникъ... Это ясно, какъ день... Я позволю назвать себя лгуномъ, если

Вертье не убѣжитъ съ поля сраженія, заслышавъ первый ружейный выстрѣлъ.

Кавалеры взяли дамъ; общество вошло въ освѣщенную ярко столовую; загремѣвъ стульями, гости усѣлись за столъ. Полковникъ выпивъ добрую чарку русской «вотка», какъ онъ называлъ ерофеичъ, вслѣдъ затѣмъ пропустилъ стаканъ лафиту и сдѣлался еще разговорчивѣе. Кобенцель даже раза два смѣрялъ его, замѣтивъ сидѣвшему подлѣ шведскому посланнику: «какая, однако-жь здоровая грудь у полковника». Маркиза угораздило сѣсть прямо противъ говоруна; онъ старался не обращать на него вниманія и разговаривалъ съ сидѣвшею рядомъ пожилою дамою.

— Souvenez vous, marquis, началъ полковникъ....

Хозяинъ навострилъ уши; ему давно хотѣлось разгадать, что за птица маркизъ; но птицъ въ это время налетѣло изъ-за моря такое множество, и гораздо покруннѣе этой, что охотникъ не зналъ, въ которую прежде прицѣлиться.

— Вы помните, какъ я платилъ за квартиру и за столъ этого самозванца генерала, вашего патрона? И вдругъ ему даютъ команду чуть не дивизіей... Бѣдная Франція! Но разскажите же, какъ вы сюда попали? Вотъ не ожидалъ.... Не, le petit marquis.... Вы знаете, графъ, вѣдь мы съ нимъ старые знакомые.

Маркизъ улыбался, но губы его дрожали; на блѣдномъ лицѣ его ясно видны были слѣды скрытой злобы и опасенія.

— Я всегда говорилъ, продолжалъ эмигрантъ, подкрѣпляясь поминутно лафитомъ, Вертье.... хорошій товарищъ, добрый малый.... bon vivant.... Но дать ему команду.... Это безсмыслица.... Но какъ же вы раздѣлались тогда съ этими Матчи? Съ Henriette?...

Хозяинъ вспыхнулъ и намѣренно громко заговорилъ; маркизъ притворился, что не слышитъ, и обратился съ какимъ то вопросомъ къ дамѣ.

— Вы стали горды. А?... продолжалъ охмѣлѣвшій уже порядкомъ французъ.—А помните? Ге? Джузеппе! Andiamo dalle donzelle *)... Нà, la jeunesse!

Кобенцель взоромъ гувернера смѣрилъ опять весельчака; самъ посланникъ позволялъ себѣ, даже въ дамскомъ обществѣ, двусмысленности, но преслѣдовалъ строго чужое неосторожное слово; дамы уставились въ тарелки и усерднѣе обыкновеннаго приня-

---

*) Пойдемте къ барышнямъ.

лись разрѣзывать рябчика; маркизъ глядѣлъ въ потолокъ и не отвѣчалъ ни слова на поминутные вопросы полковника.

Французъ, ероша свой напудренный тупей, хохоталъ и знай подливалъ себѣ лафиту.

— Никакъ не думалъ я васъ встрѣтить, продолжалъ онъ, уже не совсѣмъ твердо выговаривая слова.—Mon Dieu! Давно ли, кажется, все это было.... le petit marquis.... Да.... Славное было время.... Но Вертье.... Вертье республиканецъ....

Маркизъ молчалъ.

Ужинъ кончился. Кобенцель уѣхалъ.... Маркизъ тотчасъ изчезъ; полковникъ потребовалъ еще рюмку венгерскаго; слуга подалъ; дамы и мужчины постарше вышли изъ столовой; нѣсколько молодыхъ гвардейцевъ окружили полковника; размахивая руками и пошатываясь, онъ принялся разсказывать подтрунивавшимъ надъ нимъ слушателямъ про свои походы. «Tambours battants, drapeaux deployées»... кричалъ онъ,—«vive le roi!» *) Хозяинъ, проводивъ какихъ-то двухъ дамъ въ переднюю, сказалъ слугамъ, чтобы не подавали больше вина полковнику.

— Э, дай мнѣ, пожалуйста, un verre du вутка», обратился было французъ къ буфетчику, убиравшему со стола. Voyez, messieurs... Я роялистъ, французъ... Во мнѣ бьется честное сердце... Вы русскіе, наши друзья, кричалъ онъ, колотя себя въ грудь, къ величайшему удовольствію хохотавшей и задорившей его молодежи.... Но этотъ маркизъ.... Онъ выскочка, un parvenu.... Онъ служилъ у Вертье чуть не лакеемъ.... Но я....

Растопчинъ, проходя мимо, кивнулъ одному изъ офицеровъ; тотъ подошелъ; графъ сказалъ ему что-то въ полголоса, пожавъ плечами; офицеръ покраснѣлъ и, почтительно отвѣтивъ: «слушаю, дядюшка», подошелъ къ кучкѣ товарищей. Поговоривъ съ ними онъ удалился отъ разскащика; вслѣдъ за нимъ разошлись и остальные. Полковникъ, не дождавшись водки, отыскалъ свою трехуголку, накинулъ епанчу и, спустившись при помощи слуги съ лѣстницы на подъѣздъ, крикнулъ: «эй, Тимотэ!» На этотъ зовъ подъѣхала извощичья карета, заложенная парою клячъ, съ привязанною назади охабкой сѣна. Эта мѣра привязывать дневной запасъ сѣна была весьма благоразумна со стороны старика извощика, такъ какъ полковникъ разъѣзжалъ битые сутки по Петербургу и только на разсвѣтѣ возвращался домой. Слуга отворилъ дверцу; полковникъ сѣлъ въ карету и крикнулъ своему извощику: «къ Палашка!»

*) Съ барабаннымъ боемъ, съ распущенными знаменами... Да здраствуетъ король!

V.

Въ мартовское, сіяющее утро, по ровной, обсаженной деревьями дорогѣ къ Шёнбруну, подъѣзжала рысью вереница экипажей; впереди въ высокой, отдѣланной подъ черепаху каретѣ, цугомъ въ шесть лошадей, съ кучеромъ и вершникомъ въ трехуголкѣ и двумя гайдуками позади, сидѣли; посланникъ нашъ при вѣнскомъ дворѣ, графъ Разумовскій, красивый мужчина лѣтъ сорока шести и прибывшій только что въ Вѣну фельдмаршалъ; въ другихъ колясках и каретахъ, четверками, съ прислугою въ придворной ливреѣ, ѣхала свита. Ихъ то и дѣло обгоняли экипажи вѣнцевъ; дамы и мужчины съ любопытствомъ заглядывали въ окна кареты фельдмаршала. Обогнувъ замокъ, стоявшій въ лѣво отъ дороги на горѣ, поѣздъ остановился у широкой, покрытой свѣжей, первою зеленью, поляны; вдали, въ концѣ ея, стояли длинные ряды пѣхоты; по бокамъ выстроилась конница. Это былъ авангардъ русской арміи, идущей въ Италію.

Поле было усѣяно народомъ и экипажами; вся Вѣна была въ этотъ день у Шёнбруна. Суворовъ навелъ зрительную трубку и, прижавшись къ открытому окну кареты, внимательно разсматривалъ войска.

— А! Вотъ и императоръ, произнесъ онъ, завидя пеструю толпу всадниковъ, спускавшуюся съ горы отъ замка; надо подъѣхать намъ поближе, графъ.

Разумовскій сказалъ что-то стоявшему у дверцы кареты гайдуку; гайдукъ, крикнувъ: «vorwärts», вскочилъ на запятки, и карета тронулась. Фельдмаршалъ высунулся изъ окна и махалъ приближающейся толпѣ своею трехугольной шляпою. Длинная, неподвижная фигура Франца, въ бѣломъ мундирѣ, выдѣлилась изъ толпы; императоръ приложилъ руку къ шляпѣ въ отвѣтъ на привѣтствіе фельдмаршала и, повернувъ съ дороги на поляну, остановилъ свою рыжую, англизированную лошадь. Берейторы подвели къ каретѣ нѣсколько верховыхъ лошадей для фельдмаршала и его свиты. Карета остановилась. Суворовъ выпрыгнулъ и сѣлъ на подведеннаго гнѣдаго коня; свита его, состоявшая человѣкъ изъ десяти, тоже выйдя изъ экипажей, разбирала лошадей. Разумовскій остался въ каретѣ. Катеневъ, въ своемъ темнозеленомъ прапорщичьемъ мундирѣ, вертѣлся тутъ же

между полковниками и генералами. Фельдмаршалъ поскакалъ галопомъ къ императору; свита пустилась догонять его; Катеневу достался высокій, рыжій, сухопарый, энглизированный конь, съ широкою лысиною во всю морду; пришпоривъ его, прапорщикъ тоже поскакалъ за фельдмаршаломъ. Свита императора, состоявшая изъ щегольскихъ мундировъ и венгерокъ, расшитыхъ золотыми шнурами, съ любопытствомъ поглядывала на Суворова. Остановивъ коня передъ Францемъ, фельдмаршалъ снялъ шляпу; императоръ приподнялъ свою и, сказавъ по-нѣмецки: «я радъ васъ видѣть, графъ, въ добромъ здоровьѣ», поѣхалъ рысью къ войску. Войска отдали честь, отбрякнувъ дружно ружьями; трескъ барабановъ и привѣтственные крики слились съ звуками австрійскаго гимна: «Gott! erhalte Franz der Kaiser.» Быстро объѣхавъ войска, Францъ, Суворовъ и свита стали посреди поляны, и войска подъ музыку пошли мимо императора. Суворовъ стоялъ рядомъ съ Францемъ; бриллiантовый эполетъ его и алмазный бантъ на шляпѣ, пожалованные покойною императрицею, горѣли на солнцѣ.

Сухопарый конь Катенева ни за что не хотѣлъ стоять смирно, какъ поручикъ ни увѣщевалъ его и мундштукомъ, и шпорами; заслышавъ звуки марша, конь подпрыгивалъ, выдѣлывая какія то мелкія па своими длинными и плохо гнувшимися ногами; стоявшіе рядомъ венгерцы, покачиваясь на своихъ красивыхъ, крутошеихъ скакунахъ, насмѣшливо поглядывали на танцующаго коня и его всадника. Катеневъ краснѣлъ, поглядывая то на свиту, то на молодыхъ дамъ, сидѣвшихъ въ коляскѣ впереди толпы, собравшейся смотрѣть парадъ, шпорилъ коня, но конь знай танцовалъ подъ звуки марша.

Послѣ перваго, пѣхотнаго полка, пошли казаки; впереди ѣхалъ широкоплечій, лѣтъ сорока, полковникъ; сѣрый, красивый, донской конь его, приложивъ уши и выпятивъ широкую грудь, выступалъ щегольской иноходью мимо свиты; за нимъ мелкой побѣжкою сыпали казаки на маленькихъ, разношерстныхъ конькахъ своихъ; побрякивали сабли, и цѣлый лѣсъ длинныхъ пикъ колебался надъ черными, надѣтыми набекрень шапками; музыка, стоя посереди поляны, наигрывала мелкую рысь. Императоръ поминутно одобрительно кивалъ головою, покачиваясь на своей рыжей лошади. Катеневъ приподнимался на стременахъ, чтобъ разглядѣть Франца, но неугомонный, сухопарый конь, подзадориваемый оркестромъ, никакъ не могъ воздержаться отъ выдѣлыванія мелкихъ па своихъ, къ отчаянію начинавшаго выхо-

дить изъ себя всадника. Свитскіе внимательно разсматривали бородачей-казаковъ. Музыка заиграла маршъ; пошла опять пѣхота, отвѣчая на нѣмецкое: «sehr brav» императора русскимъ: «рады стараться, ваше императорское величество».—Спасибо, молодцы, богатыри, переводилъ Суворовъ.—Императоръ доволенъ вами.

Казаки завернули за рощу и исчезли; прошли еще два пѣхотныхъ полка; офицеры вытягивались въ стрѣлку, поравнявшись съ императоромъ; проѣхало нѣсколько полевыхъ орудій; въ хвостѣ дивизіи опять ѣхали казаки. Фельдмаршалъ сказалъ что то стоявшему подлѣ него адъютанту; тотъ подскакалъ къ казачьему полковнику, стройному, сѣдому старику на гнѣдомъ, приземистомъ конькѣ, и отъ полка отдѣлилось человѣкъ тридцать наѣздниковъ; отдѣлившіеся дали нѣсколько круговъ по полянѣ, прилегши къ шеямъ коней, махая саблями, стрѣляя изъ винтовокъ, и воротились опять на мѣста свои. Францъ одобрительно покачалъ головою и пожалъ руку фельдмаршалу; венгерцы снисходительно улыбнулись, по окончаніи джигитовки.

Смотръ кончился; оркестръ снова заигралъ австрійскій гимнъ; Суворовъ, проводивъ императора до дороги, слѣзъ съ коня и сталъ откланиваться; императоръ сказалъ своимъ неизмѣнно-однообразнымъ тономъ, что онъ доволенъ бодрымъ видомъ войскъ, пожалъ еще разъ фельдмаршалу руку и поскакалъ впереди своей свиты къ Шёнбруну. Суворовъ, наканунѣ смотра, приглашенъ былъ имъ къ обѣду въ Шёнбрунъ, но отказался; по случаю великаго поста, онъ отказывался отъ всѣхъ приглашеній и пріѣзжалъ во дворецъ по утрамъ. Потолковавъ съ подъѣхавшими командирами, фельдмаршалъ взялъ подъ руку Разумовскаго, вышедшаго изъ экипажа поклониться императору, и пошелъ къ каретѣ.

— Отчего не пріѣхалъ Тугутъ? спросилъ Суворовъ.

—Не знаю; мнѣ говорили, впрочемъ, что онъ худо себя чувствовалъ вчера, отвѣчалъ Разумовскій, садясь въ карету.

Фельдмаршалъ усѣлся, и карета тронулась.

Катеневъ разстался, наконецъ, съ своимъ неугомоннымъ танцоромъ-конемъ, наградивъ его при разлукѣ тремя ударами шпоръ въ крутые и ребристые бока. Усѣвшись съ маіоромъ въ парную, двумѣстную коляску, онъ отправился тоже въ Вѣну, поглядывая на несущіеся мимо экипажи съ разряженными кавалерами и дамами. Поѣздъ фельдмаршала остановился у богатаго отеля нашего посланника. Катеневъ тоже, въ качествѣ прикомандиро-

ваннаго къ свитѣ, занималъ небольшую комнатку въ верхнемъ этажѣ отеля.

—Ну, что, купилъ ли ты что нужно? спросилъ онъ, войдя къ себѣ на верхъ и снимая шпагу, Аѳанасья, рывшагося въ чемоданѣ.

—Ничего не купилъ, сердито отвѣчалъ Аѳанасій, не глядя на барина.—Это изверги рода человѣческаго, а не люди. Приступа ни къ чему нѣтъ... Да еще эти дульдены, проклятые; ступайте сами; я ихъ обругалъ что ни есть хуже, лавочниковъ, и ушелъ... Цвей дульденъ, дрей дульденъ... Чортъ ихъ разберетъ, прости Господи... Нехристь, видно, нехристь и будетъ.

Прапорщикъ улыбнулся и, разложивъ бумагу и походные инструменты, усѣлся чертить заданный ему фельдмаршаломъ образецъ полеваго укрѣпленія, во столько-то саженъ по фасу, съ углами подъ такимъ-то градусомъ. Суворовъ посылалъ его на ученья присматриваться къ пріемамъ австрійской артиллеріи и приказалъ составлять подробныя записки о видѣнномъ.

Вечеромъ въ этотъ день Суворовъ выѣзжалъ въ Верону. Онъ наканунѣ былъ назначенъ фельдмаршаломъ союзной арміи; часть авангарда нашихъ войскъ шла уже ускоренными маршами туда же, несмотря на распутицу, разливы рѣкъ и снѣгъ въ горахъ. На всѣ разспросы о планѣ дѣйствій Суворовъ отвѣчалъ военному совѣту обиняками или шутками, почему, вѣроятно, императоръ начиналъ недовѣрчиво смотрѣть на фельдмаршала, хотя и говорилъ ему любезности. Могъ ли опредѣлить Суворовъ планъ, не ознакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ,—предоставляемъ судить стратегикамъ. Все время въ Вѣнѣ онъ былъ веселъ; между прочимъ, когда доложили ему, что пріѣхалъ портной, чтобы снять съ него мѣрку австрійскаго бѣлаго мундира, Суворовъ спросилъ: «какой онъ націи? Если французъ, я буду говорить съ нимъ, какъ съ артистомъ, итальянецъ, какъ съ маэстро, если же нѣмецъ, то какъ съ докторомъ мундирологическаго факультета.»

Свита тоже не скучала въ Вѣнѣ. Катеневъ осматривалъ соборъ с. Стефана, катался въ пратерѣ на верховыхъ лошадяхъ Разумовскаго, ѣздилъ разъ съ Фуксомъ, секретаремъ, жизнеописателемъ Суворова, слушать ораторію «Сотвореніе міра», дирижируемую самимъ Гайдномъ; изъ послѣдней онъ понялъ очень немного и запомнилъ одно самое громкое, выдающееся мѣсто: «il terremoto»; съ нѣкоторою гордостью расхаживалъ онъ въ своемъ мундирѣ съ отложнымъ краснымъ воротникомъ и въ трехуголкѣ, отороченной

золотымъ галуномъ, по узкимъ улицамъ стариннаго города. Пріемъ, оказанный фельдмаршалу въ Вѣнѣ, и громкіе клики на улицахъ, при появленіи его кареты, поддавали жару молодому русскому военному.

«Мы выѣзжаемъ въ Верону», писалъ онъ, окончивъ чертежъ укрѣпленія, отцу; «фельдмаршалъ милостивъ ко мнѣ; онъ, несмотря на блестящій пріемъ въ Вѣнѣ, ведетъ свой прежній образъ жизни, встаетъ въ четыре часа, въ восемь утра обѣдаетъ; два раза въ Вѣнѣ я имѣлъ честь получить инвитацію къ его столу; меня, когда веселъ, онъ называетъ по-прежнему «Пѣтунькою». Князь Андрей Ивановичъ (Горчаковъ, племянникъ Суворова) разсказывалъ намъ», писалъ далѣе поручикъ, «что фельдмаршалъ, выслушавъ длинную записку гофкригсрата о планѣ военныхъ дѣйствій, вмѣсто замѣчаній, о которыхъ просили члены, взялъ перо, зачеркнулъ всю записку и отвѣчалъ:—я начну дѣйствія переходомъ за Адду, а кончу, гдѣ будетъ угодно Богу. Въ нотѣ гофкригсрата были начертаны, будто бы, подробно дѣйствія только до рѣки Адды».

Къ письмамъ своимъ Катеневъ часто прилагалъ карты мѣстностей съ расположеніемъ войскъ. Княгинѣ онъ тоже написалъ кудрявую гратуляцію « съ приближающимся свѣтлымъ праздникомъ».

Откланявшись императору и простившись съ посланникомъ, двадцать четвертаго марта, ночью, фельдмаршалъ выѣхалъ изъ Вѣны, на Брукъ и Виллахъ, въ Верону. Прощаясь съ хозяйкою, графинею, старый селадонъ повѣсилъ ей на часовую цѣпочку золотое сердечко, заперъ ключикомъ и ключъ положилъ себѣ въ карманъ. Катеневъ опять усѣлся въ коляску четвернею съ маіоромъ Ильею Ильичемъ, цалмейстеромъ русской арміи, невысокимъ, худощавымъ человѣкомъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, надоѣвшимъ ему стукомъ на счетахъ въ Вѣнѣ, долетавшимъ до слуха прапорщика черезъ перегородку смежной комнаты, занимаемой маіоромъ. Фельдмаршалъ ѣхалъ въ каретѣ въ шесть, иногда въ восемь лошадей—одинъ; поѣздъ состоялъ изъ восьми экипажей; задерживаемый снѣгомъ на горахъ, онъ растягивался иногда верстъ на пять; то колесо сломается, то увязнетъ коляска, и ее вытаскиваютъ народомъ, позваннымъ изъ сосѣдняго мѣстечка; тяжелую двумѣстную карету фельдмаршала часто приходилось втаскивать въ горы на волахъ. Катеневъ не скучалъ медленностью путешествія; его занимала новая страна, нарядъ, славянскій типъ жителей

украйны и ихъ языкъ, похожій на нашъ русскій. Учебники исторіи и географіи, по которымъ учился въ корпусѣ прапорщикъ, ни слова не упоминали о славянахъ; отъ учителя нѣмца онъ узналъ только, что это «sclavi», то-есть рабы, стало-быть племя, о которомъ много распространяться нечего.

— Что за оказія, Петръ Тимоѳеичъ, говорилъ Аѳанасій, повертываясь на своихъ козлахъ къ барину,—откуда это хохлы взялись?

— Это не хохлы, а славяне, отвѣчалъ Катеневъ.

— Ничего не славяне, а заправскіе хохлы. Только вотъ стрижка у нихъ наша, не хохлацкая; а бороду брѣютъ, усы. Вонъ онъ, какъ есть хохолъ. И рѣчь у него хохлацкая, люлька съ тютюномъ и все, рѣшалъ Аѳанасій, кивая головою на сосѣда, ямщика,—какой онъ славянинъ? Чумакъ, цопъ, цобе... Какіе славяне...

— А самъ-то ты кто?. Ты тоже славянинъ, замѣтилъ маіоръ, закуривая трубку.

— Чего не скажете, Илья Ильичъ! Послушай только васъ, отзывался Аѳанасій, открывая свою тавлинку.—А сторона въ половину нашей Рассеи не стоитъ: горы, овраги, буераки—толковалъ онъ, поглядывая по сторонамъ.—Дивное дѣло; чѣмъ они только тутъ питаются?

Мало-по-малу мѣстность дѣлалась ровною; на покатыхъ подошвахъ горъ, въ долинахъ, появились села съ остроконечными верхушками католическихъ церквей, зазеленѣли виноградники; бѣлокурые славяне, ямщики, смѣнились итальянцами. Аѳанасій крестился, снявъ свой ваточный картузъ, и толковалъ, заслышавъ другой говоръ: «вотъ когда матушка Россія кончилась». Путешественники обгоняли то и дѣло идущіе полки, фуры, орудія.

— Чей батальонъ? спрашивалъ, высовываясь изъ кареты, фельдмаршалъ.

— Митягина, ваше сіятельство, отвѣчали солдаты, вытягаясь на грязной дорогѣ.

Иногда Суворовъ приказывалъ каретѣ ѣхать шагомъ и толковалъ съ солдатами.

— Помилуй Богъ, горы какія!.. Перелетимъ, орлы?

— Перелетимъ, ваше сіятельство, отвѣчали солдаты.—Никто, какъ Богъ.

— Вѣрно. Карповъ, ты? обращался онъ къ старому солдату.—Помнишь Измаилъ?

— Какъ не помнить, ваше сіятельство.

Наконецъ, въ двадцати верстахъ отъ Вероны, ѣдущихъ встрѣтилъ маркизъ Шателеръ, генералъ-квартирмейстеръ союзной арміи. Суворовъ говаривалъ про него: «это моя походная библіотека, только въ безпорядкѣ». Маркизъ, при обширныхъ свѣдѣніяхъ своихъ, былъ необыкновенно разсѣянъ и въ самомъ дѣлѣ походилъ на богатое книгохранилище, разставленное кое-какъ безпечнымъ хозяиномъ. Поглядывая изъ своей покойной коляски на шагающихъ, иногда чуть не по колѣно, по грязи солдатъ, Катеневъ припомнилъ послѣдній разговоръ свой съ княземъ Борисомъ. «А въ самомъ дѣлѣ», размышлялъ поручикъ, «что мы идемъ такое защищать?—Мы идемъ бить свободу, братство, равенство... Вѣдь послѣ этого какъ же не звать насъ иностранцамъ варварами?» И не на шутку начинало болѣть подъ гнетомъ этихъ, неразрѣшимыхъ—казалось, вопросовъ честное сердце молодаго воина; молчаніе княжны объ этомъ онъ объяснялъ себѣ тѣмъ, что она находила безполезнымъ говорить о такихъ важныхъ вещахъ съ нимъ, полуграмотнымъ кадетомъ, мальчикомъ... «Да и нельзя винить ее», продолжалъ свои размышленія прапорщикъ; «вѣдь я всталъ на одну доску, добровольно, съ простолюдиномъ, съ Аѳанасьемъ; а все-таки я человѣкъ образованный», прибавлялъ самодовольно офицеръ, не безъ нѣкотораго любованья умственнымъ зобкомъ своимъ. Такъ думалъ не одинъ Катеневъ, такъ думало все тогдашнее, болтающее съ грѣхомъ пополамъ по-французски, молодое офицерство. «Мужественный Шарретъ», честь французскихъ рыцарей», какъ называлъ его Суворовъ, въ знаменитомъ письмѣ къ нему, и другіе герои Вандеи стали терять обаяніе на русскую военную молодежь, когда она увидала, лицомъ къ лицу, въ Россіи эмигрантовъ. Разрушающійся типъ добродѣтельнаго помѣщика и храбраго рыцаря добраго стараго времени, шатался и готовъ былъ рухнуть подъ ударами остротъ Волтера и предъ напоромъ новыхъ идей о равенствѣ, вольности и братствѣ. Русская молодежь, нерѣшительными шагами начинала перебираться уже въ лагерь новыхъ понятій, заманчивыхъ для нея, между прочимъ, какъ все преслѣдуемое и запрещенное. Въ рескриптѣ императора Павла мы встрѣчаемъ слѣдующее: «остерегайтесь равномѣрно, дабы войска наши не заразились духомъ сей пагубной вольности и по окончаніи войны не внесли съ собою искры сего пламени въ предѣлы имперіи нашей, и для сего всякое буйство, вольнодуміе и озорничество наказывайте, яко поводы къ вящему и дальному разврату умовъ».

Для вѣрнѣйшаго преслѣдованія вольнодумства предлагалось содѣйствіе «находящагося при корпусѣ полеваго почтмейстера». Почтмейстеру дѣла, вѣроятно, было не много: новыя идеи только начинали свое дѣйствіе; это были первые признаки эпидеміи, смутно сознаваемые больнымъ и не опредѣлившіеся еще ясно для самого доктора. «Но другое дѣло—«peuple»; стоять съ нимъ, французскимъ peuple еще бы можно; но какой же peuple эти Петрушки, Аѳанасьи, Прошки? Развѣ это peuple? Это, просто-запросто, наши собственные крѣпостные, дворня»,—думала образованная молодежь, воображая, что она стоитъ на недосягаемой высотѣ, чуть не на страсбургской колокольнѣ разумѣнія, въ сравненіи съ стариками, не читавшими Волтера и Гельвеція. Винить ли ихъ? Кого изъ насъ, и не такъ давно еще, не тревожили тѣ же самыя думы? Мы больше видѣли, чѣмъ старинная молодежь. Она, незнакомая съ нашими разочарованіями, всѣмъ сердцемъ полюбивъ святыя слова: «свобода, братство», оправдывала жаркимъ желаніемъ добра человѣчеству самыя звѣрства революціи. Катеневъ былъ скромнѣе; онъ боялся смѣлыхъ рѣшеній; здоровая, свѣжая душа его не могла примириться съ презрѣніемъ нѣкоторыхъ изъ его сверстниковъ къ безропотному смиренію и неистощимому терпѣнью русскаго простолюдина. «Нѣтъ, тутъ что-нибудь не такъ; тутъ есть недоразумѣніе», думалъ онъ и теперь, поглядывая, какъ, крестясь, шагала наша армія черезъ снѣжныя вершины, по мановенію вождя, къ которому горѣла она, Богъ знаетъ почему, такою жаркою любовью. Не сладивъ съ возникшею въ умѣ трудною задачею, Катеневъ думалъ было сообщить свои недоразумѣнія маіору. Но не сообщилъ, зная напередъ отвѣтъ на нихъ Ильи Ильича: «оставьте вы эту французскую пустошь. Просто-запросто сумасброды эти проклятые французишки».

Вечеромъ, часовъ въ шесть, покачиваясь на своихъ высокихъ рессорахъ, карета фельдмаршала подъѣзжала къ Веронѣ. Съ нимъ рядомъ сидѣлъ Шателеръ и объяснялъ ему что-то; Суворовъ, молча, разсѣянно слушалъ, глядѣлъ на карту, лежавшую на колѣняхъ маркиза и изрѣдка, какъ будто содрогаясь, нервно повторялъ: «штыки, штыки!» По дорогѣ тащились фуры съ провіантомъ, амуниціей, оружіемъ на волахъ и обывательскихъ лошадяхъ; погонщики снимали свои соломенныя шляпы, съ любопытствомъ поглядывая на окна фельдмаршальской кареты.

Не доѣзжая верстъ трехъ до города, стали показываться на окраинахъ дороги толпы жителей; чѣмъ ближе поѣздъ подъѣз-

жалъ къ городу, тѣмъ толпа увеличивалась и, наконецъ, образовала по сторонамъ двѣ сплошныя стѣны. Завидя издали карету, толпа заколебалась и, махая шляпами, встрѣтила ѣдущихъ оглушительнымъ: «evviva!» Суворовъ высунулся изъ окна и громко отвѣчалъ: «evviva, cara «Italia!»—«Evviva!» подхватила толпа, двинувшись и окруживъ карету.

Фельдмаршалъ кланялся то въ одно, то въ другое окошко. Лицо его какъ-то помолодѣло; даже морщины нѣсколько сгладились на высокомъ, открытомъ челѣ; глаза сверкали; замѣтно было, какъ все болѣе и болѣе овладѣвало его кипучею натурою восторженное настроеніе. Шателеръ, убравъ карту, отвалился въ уголъ экипажа. Суворовъ выпрямился, точно юноша, и, улыбаясь, со слезами на глазахъ, привѣтливо кивалъ толпѣ, гремѣвшей знай непрерывающееся: «evviva»! Почтальоны принуждены были раза два останавливать лошадей и ѣхали шагомъ; толпа все росла по мѣрѣ приближенія къ городскимъ воротамъ. Здѣсь экипажъ остановили; нѣсколько человѣкъ влѣзли на карету и принялись привязывать къ ней древко появившагося откуда то знамени. «Viva» стояло непрерывающеюся бурею.—«Via i cavalli! Отпрягай лошадей!» раздалось въ толпѣ. Два дюжіе парня въ плисовыхъ курткахъ, надѣвъ шляпы, принялись откладывать лошадей; толпа помогала имъ; вершникъ слѣзъ съ лошади, а почтальонъ съ козелъ, и толпа, схвативъ постромки и дышло, повлекла экипажъ съ неумолкаемыми криками: «evviva!»

Катеневъ, вскочивъ на ноги въ своей коляскѣ, глядѣлъ во всѣ глаза на толпу и не вѣрилъ ни слуху своему, ни зрѣнію. «Какъ, намъ виватъ?» думалъ онъ, ожидавъ за полчаса еще совсѣмъ другаго,—свистковъ, каменьевъ, грязи и упрековъ въ варварствѣ.

—Evviva, viva!... между тѣмъ гремѣла толпа, везя, какъ дѣтскую телѣжку, грузную карету.

—Что за оказія? говорилъ Аѳанасій, осматривая съ козелъ толпу.—Чего это они такъ взбѣленились?

Поѣздъ въѣхалъ въ ворота, porta del Vescovo. Окна домовъ были изукрашены коврами, русскими флагами; всѣ крыши были набиты и усѣяны народомъ; женщины махали платками изъ оконъ домовъ; смѣшавшись съ звуками военнаго оркестра, шедшаго отъ заставы передъ каретою, крики слились въ одинъ громадный гулъ; толпа колебалась, точно волны взбушевавшаго вдругъ моря. Вотъ засинѣла Адда, и поѣздъ потянулся черезъ мостъ delle Navi, миновалъ догану... Суворовъ кланялся изъ окна кареты; улыбка исчезла съ

блѣднаго лица старца, слезы катились по щекамъ... «Побѣда, генералъ! Маркизъ, побѣда!» восторженно произнесъ онъ, обратившись къ Шателеру и, перекрестясь, прибавилъ уже по-русски: «слава тебѣ, Господи!»

Въ этотъ день Верона праздновала побѣду австрійцевъ надъ французами; на площади Бра стояли отбитые ящики и пушки; а на террасѣ дворца Маріани развѣвались взятыя республиканскія трехцвѣтныя знамена съ молніеноснымъ пѣтухомъ посерединѣ.

Наконецъ карета остановилась у подъѣзда палаццо Эмиліо. Прошка, съ трудомъ пробравшись сквозь толпу, отворилъ дверцу; откинувъ длинную цѣпь подножекъ, онъ высадилъ фельдмаршала и маркиза. Суворовъ, взойдя на крыльцо, раскланялся на всѣ четыре стороны, отеръ платкомъ навертывающіяся поминутно слезы и, быстро повернувшись, исчезъ въ широкихъ дверяхъ палаццо. Толпа продолжала стоять на площади, махая шляпами и платками, навязанными на трости. Катеневъ съ маіоромъ, пробравшись сквозь толпу, побѣжалъ въ палаццо, чтобы посмотрѣть встрѣчу; Аѳанасій и человѣкъ маіора остались при экипажѣ, недоумѣвая, куда имъ выносить вещи.

Во дворцѣ ждали уже генералы, духовенство, но были и члены городскаго управленія; Суворовъ вошелъ въ пріемную, въ орденахъ, въ бѣломъ австрійскомъ мундирѣ, надѣтомъ на послѣдней станціи, и подошелъ къ архіепископу принять благословеніе; выслушавъ привѣтствіе епископа, онъ отвѣчалъ по-итальянски: «я пришелъ для изгнанія французовъ, для возстановленія спокойствія народовъ, для защиты престоловъ и вѣры христіанской. Прошу молитвъ вашихъ... А у васъ», прибавилъ онъ, обратясь къ дворянству и городскимъ властямъ, «содѣйствія и усердія къ святому дѣлу». Затѣмъ онъ поклонился и вышелъ изъ пріемной залы въ слѣдующія комнаты; зеркала были завѣшаны: Веронцы были предупреждены объ этой странности фельдмаршала.

Катеневъ вышелъ изъ пріемной вмѣстѣ съ депутаціею; онъ спросилъ одного изъ адъютантовъ, гдѣ помѣщена свита, но адъютантъ отвѣчалъ, что самъ не знаетъ, куда дѣться. Прапорщикъ пошелъ было отыскивать квартирмейстера, но Аѳанасій, съ чемоданомъ на плечѣ, закричалъ ему съ лѣстницы: «пожалуйте». Проведя барина освѣщеннымъ корридоромъ, онъ ввелъ его въ просторную комнату въ нижнемъ этажѣ, съ готовою уже постелью и мебелью.

— Да намъ ли назначена эта комната? спросилъ Катеневъ.

— А вы раздѣвайтесь, знай... Закуску сейчасъ принесу,— покушайте, да и ложитесь, отвѣчалъ Аѳанасій, сбросилъ съ плеча чемоданъ и, оправляя височки, вышелъ изъ комнаты.

Ненавистный прапорщику нагольный тулупъ Аѳанасья лежалъ тутъ ужь, подлѣ чемодана. Катеневъ сбросилъ шпагу, разстегнулъ мундиръ и, разлегшись на широкомъ, мраморномъ подоконникѣ, принялся разсматривать въ открытое окно, стоящую все еще на площади, толпу народа. Красноватые лучи заходящаго солнца играли въ стеклахъ, на пестрой толпѣ, будто зажигая мѣстами, то бѣлый, шитый красною бумагой, рукавъ крестьянки, то соломенную новую шляпу щеголя, то красную шаль красавицы, взгромоздившейся при помощи вѣжливаго cavaliero на бочку, въ надеждѣ увидать illustro feldmaresciallo. Но прапорщикъ все еще не могъ опомниться. «Какъ, русскихъ, насъ, встрѣчаютъ съ viva? Вѣдь мы идемъ противъ республики?» думалъ онъ, не отвѣчая на приглашеніе Аѳанасья: «садитесь, кушайте». Наконецъ, солнце погасло; мгновенно спустилась темная итальянская ночь; огоньки засвѣтились въ окнахъ; на площади засверкали плошки; дома, балконы одѣвались разноцвѣтными огнями, и вспыхнулъ щитъ передъ дворцомъ съ вензелями Павла и Франциска; внизу горѣла подпись: «Suvoroff il liberatore». Схвативъ шляпу, Катеневъ вышелъ изъ дворца и пустился бродить по площади. По ярко освѣщеннымъ снизу до верха стѣнамъ высокихъ домовъ двигались длинныя тѣни гуляющихъ; пахло саломъ отъ пылавшихъ плошекъ; огни повторялись въ лужахъ, мѣстами стоявшихъ на вымощенной мраморомъ мостовой; порою раздавался звонкій женскій смѣхъ; дамы, мущины съ любопытствомъ оглядывали мундиръ Катенева, произнося вполголоса: «un russo». Прапорщикъ уже съ нѣкоторою гордостью слушалъ имя своего отечества; онъ ожидалъ къ нему совсѣмъ другихъ прибавленій, вмѣсто liberatori. Въ воздухѣ стояла теплая влага южнаго лѣтняго вечера; ласкающіе звуки мелодическаго языка, громъ превосходнаго австрійскаго оркестра—все это навѣвало на молодую душу что-то чуть не сказочное. «Вотъ она—Италія», думалъ молодой человѣкъ, поглядывая на проходившихъ мимо черноокихъ синьоръ подъ руку съ мущинами, на савояра въ войлочной шляпѣ съ своей лирою подъ мышкою... До сихъ поръ Италія, знакомая только на ландкартѣ, представлялась прапорщику чѣмъ-то въ родѣ сапога, такъ какъ въ корпусѣ учитель, заставляя кадетовъ чертить Италію говаривалъ: «нарисуйте сапогъ, и выдетъ Италія».

Побродивъ съ часъ по площади, Катеневъ воротился въ свою комнату. Аѳанасій чистилъ въ корридорѣ епанчу.

— А вы въ другой разъ такъ не дѣлайте, встрѣтилъ онъ барина.

— А что? спросилъ прапорщикъ, словно окаченный вдругъ холодною водою—практическимъ замѣчаніемъ своего спутника.

— Да какъ же.... что? Уйдти-то ушли, а не заперли.... Тутъ всякаго народу много; обчистятъ такъ, что останетесь въ одной сорочкѣ.... И куда васъ это понесло? Котлеты совсѣмъ простыли. Раздѣвайтесь, да кушайте.

— Откуда ты досталъ котлеты? спросилъ Катеневъ, садясь за ужинъ.

— Откуда бы ни досталъ,—не ваше дѣло, отвѣчалъ Аѳанасій, вѣшая епанчу на задвижку двери.

Катеневъ отужиналъ и улегся въ постель; его удивило, что вмѣсто одѣяла лежалъ легонькой пуховикъ.

— Что-жь это? спросилъ онъ.

— Я ужь и самъ дивился, отвѣчалъ, разсмѣявшись Аѳанасій.— Говорятъ, здѣсь этимъ одѣваются.

Катеневъ накрылся. Аѳанасій доѣлъ котлету, прибралъ тарелки и снялъ сюртукъ; вынувъ изъ-за жилета образокъ, онъ поставилъ его на окно, помолился, потушилъ свѣчку и улегся около чемодана, на каменномъ полу, завернувшись съ головой своимъ тулупомъ. Рядомъ, далеко за полночь, раздавался кашель Фукса, сочинявшаго воззваніе къ народамъ Италіи.

Въ четыре часа утра дворецъ Emilio уже ожилъ; бѣгали деньщики съ платьемъ, по мраморнымъ широкимъ лѣстницамъ; проходили генералы, полковники, ординарцы, прибывшихъ только-что къ Веронѣ русскихъ и австрійскихъ полковъ, съ докладами къ фельдмаршалу. Австрійскіе мундиры толпились, перемѣшиваясь съ нашими въ просторной пріемной; союзники съ любопытствомъ разглядывали другъ друга. Наконецъ, вышелъ фельдмаршалъ. Первые представлялись ему русскіе генералы.

Катеневъ, одѣвшись, вошелъ на верхъ и сталъ позади свиты.

Одинъ изъ генераловъ называлъ по фамиліи каждаго представлявшагося. Фельдмаршалъ стоялъ, зажмурившись; услыхавъ незнакомую фамилію, онъ произносилъ: «помилуй Богъ, такого не знаю»; когда же произносилось знакомое ему имя, онъ открывалъ глаза, здоровался, обнималъ нѣкоторыхъ, припоминалъ походы.

Отпустивъ генераловъ, фельдмаршалъ поѣхалъ въ открытой коляскѣ съ Розенбергомъ смотрѣть австрійскія войска, стоявшія подъ Вероною, и только-что пришедшіе русскіе полки; Катенева опять пригласилъ ѣхать вмѣстѣ маіоръ-цалмейстеръ. Фельдмаршалъ уѣхалъ впередъ. До ѣдущихъ долетали крики народа, валившаго за заставу, привѣтствовавшіе фельдмаршала. Когда они выѣхали на поляну, гдѣ стояли войска, фельдмаршалъ съ двумя адъютантами уже скакалъ на конѣ вдоль австрійскаго фронта, при трескѣ барабановъ, звукахъ музыки и кликахъ войска; свита его росла прибывающими австрійскими и русскими генералами, воротившимися только-что съ пріема. Катеневу и маіору тоже подвели двухъ верховыхъ лошадей, и они присоединились къ свитѣ. Австрійцы прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо фельдмаршала, поминутно кричавшаго имъ: «sehr brav»; Суворовъ, подъѣхавъ къ русскимъ полкамъ, поздоровался съ ними и, поздравивъ тотчасъ же съ походомъ въ Валеджіо, уѣхалъ.

День былъ солнечный; толпы народа, множество экипажей съ разряженными дамами, придавали праздничный видъ смотру... Раздалась команда, и русскіе полки тронулись подъ звуки скораго марша къ городу. Впереди шелъ пѣхотный полкъ; за нимъ слѣдовали казаки. Австрійцы остались снимать лагерь.

Катеневъ, потерявъ маіора, ѣхалъ на гнѣдомъ, на этотъ разъ красивомъ конѣ, рядомъ съ молоденькимъ, бѣлокурымъ офицеромъ, поминутно поправлявшимъ то свои локоны, то полы новенькаго, съ иголочки, мундира. Бодро шли солдаты подъ звуки скораго марша, и не замѣтно было, что они только-что сломали нелегкій походъ; звуки оркестра громко раздавались въ улицахъ, когда войско вступило въ городъ; въ окнахъ появились опять головы зрителей и зрительницъ; толпа кричала «viva». Но вотъ оркестръ умолкъ.

— Пѣсенники впередъ! скомандовалъ длинный, сухой старикъ, полковникъ, осадивъ своего сѣраго, тяжелаго коня.

«Во лузяхъ».... высоко затянулъ откуда-то теноръ.

«Во лузяхъ».... подтянуло ему нѣсколько голосовъ.

«Таки во лузяхъ, зеленыихъ лузяхъ».... зачастилъ хоръ подъ грохотъ бубна, молодецкій свистъ и покрики.

Откуда-то взявшійся солдатикъ, съ засученными въ сапоги штанами, съ двумя погремушками въ рукахъ, вылетѣлъ изъ фронта и началъ отплясывать подъ пѣсню, повертываясь то къ товарищамъ, то къ окружающей толпѣ зрителей. Казачій пол-

ковникъ, ѣдущій впереди, подергивалъ широкими плечами; даже донскія лошадки казаковъ какъ будто приправились, заслышавъ звуки пѣсни.

«Выросла, выросла».... затягивалъ молодецки запѣвало.

«Выростала трава шелковая».... подхватывалъ хоръ, и солдатикъ съ засученными штанами опять принимался выдѣлывать выкрутасы, побрякивая погремушками. Бубенъ гудѣлъ и грохоталъ, поддавая жару пѣснѣ.

— Браво, браво! кричала озадаченная публика.

Казачій полковникъ еще замѣтнѣе пошевеливалъ широкими плечами.

— Ecco il saltarello del nordo. *) Браво! говорила толпа.

Катеневу почему-то сдѣлалось совѣстно за себя, за казачьяго полковника, котораго все больше и больше пробирала пѣсня, и за солдата, выдѣлывавшаго передъ толпою выкрутасы.

— Напрасно они поютъ, замѣтилъ онъ ѣдущему рядомъ офицеру. Въ Италіи, въ Европѣ—наша пѣсня...

— Oui, c'est un peu... пробормоталъ офицеръ.—Il y à quelque chose de sauvage dans notre chanson russe, прибавилъ онъ, желая, вѣроятно, поправиться свитскому.

— Браво! знай кричали, между тѣмъ, сильнѣе и сильнѣй итальянцы. Нѣкоторые подходили къ пляшущему солдатику и разсматривали его съ любопытствомъ естествоиспытателя, изучающаго въ микроскопъ невиданное насѣкомое.

«Подведу, подведу»... затягивалъ ободренный похвалами запѣвало.

«Подведу я коня батюшкѣ».... подхватывалъ могучій, богатырскій хоръ, подъ разсыпающійся грохотъ бубна, подъ соловьиный свистъ и удалые покрики.

— Браво! гремѣла толпа, покрывая рукоплесканіями и криками неслыханную сѣверную гостью—пѣсню.

VI.

Часу въ девятомъ утра въ княжескомъ домѣ, въ Раздольѣ, прислуга, горничныя ходили на цыпочкахъ и шептались, встрѣчаясь другъ съ другомъ; освѣщенныя, едва проглядывавшимъ, сквозь плывущія облака, солнцемъ комнаты, даже лѣпные купидоны и музы на барельефахъ залы глядѣли какъ-то скучно;

*) Вотъ плясунъ сѣвера.

протяжный, великопостный благовѣстъ къ часамъ, раздававшійся вдали, увеличивалъ еще больше тоску, налегшую туманомъ на весь домъ. Княгиня, перевязавъ бѣлымъ платкомъ голову, полулежала на диванѣ въ своей уборной, нюхая поминутно спиртъ изъ стоявшей на столикѣ граненой стклянки. Старый князь еще не вставалъ. Князь Борисъ, только-что сдѣлавъ туалетъ, шагалъ изъ угла въ уголъ по своему кабинету.... На мольбертѣ стоялъ овальный портретъ княжны, масляными красками, только-что конченный; князь Борисъ часто останавливался предъ нимъ и, сложивъ трубкою блѣдную кисть руки, любовался привѣтливымъ, свѣжимъ лицомъ дѣвушки.

— Ну, что? спросилъ онъ вошедшаго камердинера, высокаго человѣка съ цѣпочками и брелоками у карманнаго жилета, съ лицомъ и манерами, какія бываютъ у чиновниковъ, обязанныхъ дѣлать ежедневные доклады важнымъ сановникамъ.

— Почиваютъ еще, ваше сіятельство, отвѣчалъ, почтительно нагнувшись, камердинеръ. Дуняша говоритъ бредъ былъ, но поменьше...

— Докторъ уѣхалъ?

— Уѣхали, ваше сіятельство... Вечеромъ воротится, отвѣчалъ, рисуясь, камердинеръ.

— Ты говорилъ, чтобы меня увѣдомили, когда она проснется?

— Говорилъ, ваше сіятельство.

— Хорошо... Вели мнѣ сюда подать кофе.

Камердинеръ вышелъ. Князь сѣлъ къ письменному столу, взялъ было книгу, но черезъ минуту положилъ ее и задумался, развалившись въ креслахъ. Онъ считалъ себя виноватымъ въ тяжкой болѣзни сестры, посовѣтовавъ ей откровенно объяснить матери свое нежеланіе выходить за маркиза... Княжна, какъ мы сказали, согласилась отдать руку маркизу.

Пріѣздъ Катенева неожиданно опять поколебалъ дѣвушку: допрашивая себя, она не могла рѣшить, любитъ или нѣтъ своего сверстника, но появленіе его рядомъ съ женихомъ произвело на нее впечатлѣніе похожее на то, какое производитъ струя чистаго сельскаго воздуха, ворвавшаяся неожиданно въ окно душной тюрьмы заключеннаго; окно затворилъ сторожъ, и еще томительнѣе и тяжелѣ сдѣлалось на душѣ затворника, припомнившаго дальнее село свое, свободу, волю... Она сказала брату о невыносимой, безъотходной тоскѣ, вдругъ налетѣвшей, какъ она говорила, «неизвѣстно почему», на душу... Князь Бо-

рисъ обрадовался и уговорилъ ее объясниться съ матерью «Но я вѣдь дала слово: я помолвлена», робко возражала княжна. «Ничего; нельзя же жертвовать собою для пустыхъ приличій», отвѣчалъ князь, и княжна разъ, тотчасъ послѣ ужина, отправилась въ спальню матери. Княгиня еще не раздѣлась; сѣвъ въ кресло, она выслушала робкую рѣчь дочери, принужденно разсмѣялась, пригладила ей волосы и, молча поцѣловавъ въ лобъ, отпустила. На другой день утромъ княжну позвали въ уборную. Дѣвушка наскоро одѣлась и сошла внизъ; отворивъ дверь и увидавъ бѣлый платокъ на головѣ матери, княжна тотчасъ догадалась, что быть грозѣ. Она подошла поцѣловать руку матери, но княгиня отдернула руку и рѣзкимъ шепотомъ произнесла: «прочь». У княжны потемнѣло въ глазахъ; комната шла кругомъ; она схватилась за спинку креселъ, пошатнулась и упала на коверъ, къ ногамъ испугавшейся матери. На шумъ вошла Прасковья; приведя въ чувство княжну, Прасковья и Дуняша отвели ее на верхъ. Цѣлый день она лежала въ полудремотѣ; вечеромъ начался жаръ и бредъ. Княгиня перепугалась, послали за докторомъ въ уѣздный городъ; княжна поплатилась за неудачное объясненіе съ матерью горячкою, и три недѣли уже лежала въ постелѣ. Борисъ, страстно любившій мать, услыхавъ отъ Дуняши о поступкѣ княгини, былъ оскорбленъ имъ глубоко. Онъ боялся взойти къ сестрѣ, опасаясь, какъ бы она не начала съ нимъ объясненія о бракѣ и не воротила этимъ начинавшей потухать горячки. Въ семьѣ всѣ были неразговорчивы, какъ это бываетъ, когда между членами есть какое-нибудь недоразумѣніе. Княгиня ни слова не говорила никому о сценѣ, разыгравшейся въ спальнѣ; старый князь не зналъ причины болѣзни дочери и приписывалъ ее простудѣ. Сходясь по неволѣ за обѣдомъ, завтракомъ и по вечерамъ, всѣ молчали; Борисъ читалъ газеты, старый князь игралъ въ пикетъ съ своимъ сосѣдомъ, княгиня раскладывала гранпасьянсъ; иногда старый князь начиналъ разговоръ; ему отвѣчали сынъ, или жена двумя тремя словами, и снова наступало молчаніе, не предвѣщавшее ничего добраго.

Маркизъ съ іезуитомъ съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ ихъ читатель, не бывали въ Раздольѣ; письма отъ жениха получались съ нарочными курьерами чуть не ежедневно; маркизъ писалъ, что посланникъ поручилъ ему составить одно очень важное résumé и онъ сидитъ, вотъ уже двѣ недѣли, за письменнымъ столомъ,

заваленный депешами и мемуарами. «Въ минуты отдыха», писалъ маркизъ, «я закрываю глаза и воображеніе переноситъ меня въ ваше Раздолье, въ вашу уютную гостиную съ каминомъ... Такъ, когда дѣйствительность перестаетъ тѣшить человѣка», писалъ далѣе маркизъ, «тогда является воображеніе съ своимъ волшебнымъ фонаремъ и занимаетъ его плѣнительными картинами будущаго или прошлаго». Письма обыкновенно оканчивались желаніемъ тысячи хорошихъ вещей для charmante princesse Nadine, поклонами князьямъ и обычнымъ: «agreez madame». Со времени болѣзни княжны письма наполнялись подробнѣйшими распросами о состояніи больной. Полученіе щегольского конверта, съ гербовою печатью маркиза, каждый разъ вызывало улыбку на мраморномъ лицѣ княгини. Маркизъ съ своимъ титуломъ, звучною итальянскою фамиліею, съ своею вѣжливостью, никогда не выходящею изъ границъ, опредѣляемыхъ сознаніемъ собственнаго достоинства, осуществлялъ вполнѣ идеалъ свѣтскаго человѣка, слѣдовательно, идеалъ княгини; минутный успѣхъ при дворѣ и, вслѣдствіе этого успѣха, близкое знакомство съ графомъ Литтою и маркизомъ Серра ди Капріола, сардинскимъ посланникомъ, женатыми тоже на русскихъ, довершили очарованіе, и лучшаго мужа для дочери не могла себѣ представить княгиня. О помолвкѣ княжны знало уже почти все столичное общество. «Разстройство свадьбы можетъ скомпрометировать дѣвушку и все семейство; объясняй сколько угодно, почему свадьба не состоялась, общество не повѣритъ и будетъ истолковывать по-своему», думала княгиня; «къ тому же Nadine не молода, ей двадцать второй годъ,—какъ упускать такого прекраснаго жениха». При этомъ видѣлось княгинѣ, какъ ее будутъ спрашивать знакомые: «скажите, гдѣ теперь маркиза?» Видѣлся петербургскій салонъ молодыхъ, гдѣ собирается вся иностранная дипломатія; слышалось, какъ почтительно произносятъ лакеи въ другихъ салонахъ имя ея дочери: «маркиза ди Сальма». Княгиня такая-то, князь такой-то—тоже не дурно, но титулъ «маркиза» звучалъ изящнѣе офранцуженному воспитаніемъ слуху ея сіятельства.

Маркизу дѣйствительно везло въ послѣднее время; даже полковникъ эмигрантъ, донимавшій его воспоминаніями о неказистомъ прошломъ съ генераломъ Вертье, у котораго когда-то проживалъ маркизъ, выѣхалъ изъ Петербурга, поступивъ въ корпусъ принца Конде; маркизъ вздохнулъ свободнѣе, избавившись

отъ докучныхъ воспоминаній стараго знакомца. Онъ продолжалъ выѣзжать въ оперу, въ общество. Свадьбу свою онъ думалъ сыграть послѣ святой, «на красна горка», какъ шутя онъ говорилъ знакомымъ, вытвердивъ это народное русское названіе недѣли, слѣдующей за святою. Объ обѣщанномъ Катеневу объясненіи съ княжною не было, конечно, и помина, хотя маркизъ писалъ княгинѣ, что молодой воинъ заѣзжалъ къ нему проститься; при этомъ маркизъ выразилъ сожалѣніе, что не успѣлъ дать молодому человѣку писемъ къ друзьямъ своимъ въ Вѣнѣ и въ Италіи. Маркизъ сближался все болѣе и болѣе съ іезуитами, которые въ это время, то въ качествѣ служащихъ при мальтійскомъ орденѣ, то воспитателей, кишили въ Петербургѣ; маркизъ узнавалъ въ этомъ муравейникѣ, что дѣлается въ высшихъ кругахъ, при дворѣ, кто завтра будетъ на пьедесталѣ, кто скоро полетитъ съ непрочныхъ подмостокъ фаворита и, согласно полученнымъ свѣдѣніямъ, распредѣлялъ свои поклоны и посѣщенія. Іезуиты, пользуясь вниманіемъ къ нимъ, какъ дѣятелямъ ad majorem gloriam Dei, императора, завели уже свой коллегіумъ; къ итальянскимъ примкнули нѣмецкіе, бѣлорусскіе, польскіе братья, и index personarum societatis Iesu *) день ото дня росъ и увеличивался. Эмигранты и заѣзжіе должны были не ссориться съ этою разрастающеюся болѣе и болѣе силою; чрезъ іезуитовъ подчасъ добывалось мѣсто, назначеніе, прибавка содержанія, полезное знакомство, выгодная невѣста. Маркизъ былъ свой между отцами и, вѣрнѣе всего, тайно принадлежалъ къ обществу. Отцамъ уже казалось, что скоро весь востокъ покроется сѣтью ихъ муравейниковъ; въ русскихъ знатныхъ домахъ свои священники принимаемы были только съ крестомъ по праздникамъ; іезуиты сдѣлались неформенными духовниками, наставниками, руководителями душъ къ свѣту и истинѣ, какъ называли они себя; вмѣсто русскихъ проповѣдей дамы и дѣвицы читали различные «traité de morale», составленные заѣзжими отцами; чтеніе книгъ этого рода сдѣлалось моднымъ чтеніемъ. Набожныя дамы считали іезуитовъ благодѣтелями своими; у одной дочь, у другой племянница не разставались съ нравственными, переплетенными въ атласъ и бархатъ, книжками; благочестивыя дамы таяли; святые отцы, между тѣмъ, загоняли то овечку, а то и цѣлаго барана въ свое стадо. Такая близорукость общества будетъ по-

*) Списокъ лицъ общества іезуитовъ.

нятна, ели мы вспомнимъ воспитаніе того времени. Свѣчина, напримѣръ, разсказываетъ, что закону Божію учили ее по-французски, а русскій учитель допускался только тогда, когда дѣтямъ заблагоразсудится принять его; въ домахъ же такъ называемыхъ «волтеріанцевъ» о священникѣ, о церкви не дозволялось говорить при дѣтяхъ. Въ оставшихся мемуарахъ, мысляхъ переселенцевъ на римскія пажити, не взирая на ихъ благодарственные адресы своей спасительницѣ—римской церкви, слышится глубокая скорбь, похожая на тоску колониста по своей родинѣ; старается увѣрить онъ себя, что здѣсь и выгоднѣе, и теплѣе, и уютнѣе... Нѣтъ, вспоминается, стоитъ передъ очами снѣжный сѣверъ, деревушка, неуютная быть можетъ, но своя, знакомая съ пеленокъ, съ дѣтства. Назадъ?... Но къ возвращенію есть страшная, неодолимая преграда—гордость, самолюбіе. «Какъ я сознаюсь всенародно, что ошибся, былъ ослѣпленъ?» Какъ будто есть на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, который бы никогда, ни въ чемъ не ошибался.

Камердинеръ доложилъ, между тѣмъ, Борису, что княжна проснулась; князь прошелся раза два по комнатѣ; онъ боялся встрѣтиться съ сестрою, послѣ размолвки ея съ матерью; боялся за себя, за нее, за мать. Княгиня не знала до какой степени любятъ ее дѣти, какія жаркія рѣчи у нихъ, наединѣ, идутъ иногда о ней; она знала, что ее уважаютъ, любятъ, но, принимая это за должное, не давала ни малѣйшей цѣны чувству. Даже на французской прописи, купленной ею для дѣтей, было изрѣченіе: «дѣти должны любить своихъ родителей».—Что-жь удивительнаго, если они исполняютъ то, что мною внушено имъ съ дѣтства? думала княгиня, похваляя мысленно себя за то, что она купила имъ тогда именно эту тетрадку прописей. Робкій отпоръ княжны, по этому, княгиня сочла обидою себѣ, какъ воспитательницѣ.

— Кажется, не тѣ правила я внушала имъ;—вся жизнь моя, имъ посвященная, заслуживала бы, съ ихъ стороны, другого, послушанія, говорила сквозь горькія слезы княгиня Прасковьѣ, повѣренной всѣхъ задушевныхъ тайнъ и грозѣ дворни и горничныхъ.

— Нынче, матушка, ваше сіятельство, отвѣчала на это, пришепетывая и со вздохами Прасковья,—не цѣнитъ молодежь ни милостей, ни попеченій родительскихъ; сами своимъ умомъ жить хотятъ.

Княгиня не любила почему-то дочь; кротость княжны даже бѣсила ее; ей казалось, что она разыгрываетъ жертву, хотя княжна была весела и безъ привѣтливой улыбки ее трудно было представить. Любовь къ ней горничныхъ, дворни, тоже возбуждала подозрѣніе въ княгинѣ: «разыгрываетъ ангела», говорила она, думая въ то же время, и не безъ основанія: «какъ меня должны ненавидѣть люди». Такъ, почему-то, на этой кроткой, привѣтливой дѣвушкѣ, съ самаго дѣтства, гнетомъ лежалъ тяжелый нравъ матери; рано удалена была отъ нея русская нянька для того, чтобы не портились манеры ребенка, чтобы не «набивалась голова», по выраженію княгини, «нелѣпыми предразсудками», и приставлена была сначала изломанная француженка, раболѣпствовавшая передъ княгинею, потомъ англичанка, послѣдняя была, впрочемъ, умная и воспитанная хорошо женщина; за то и прожила она не долго въ домѣ; пробывъ два года, миссъ уѣхала, несмотря на свою кротость, выведенная изъ терпѣнія безтолковымъ, поминутнымъ вмѣшательствомъ княгини въ воспитаніе дочери; дѣвочка осталась безъ гувернантки: баккалавръ былъ единственнымъ ея наставникомъ; ему она обязана была многимъ, но уроки не могли идти правильно: то путешествіе за границу, то выѣзды въ свѣтъ нарушали, и иногда надолго, необходимую для педагога правильность и постоянность занятій съ ученицею. Достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста, княжна, пристрастившаяся къ занятіямъ, должна была прекратить ихъ, по волѣ матери, и баккалавръ былъ отпущенъ; дѣвушкѣ поручено было вести хозяйство, что прибавило ей не мало новыхъ невзгодъ: каждую недѣлю въ Петербургѣ, подавая счетъ по дому матери, она должна была выслушивать выговоры за все, начиная отъ расходовъ по кухнѣ до починки кареты, отдѣлки гостиной и высокой цѣны, выставленной француженкой-модисткою за послѣднее выѣздное платье. Княжна отмалчивалась, уговаривала иногда француженку сбавить десятокъ рублей при уплатѣ: эта сбавка опять бѣсила скупую, но вмѣстѣ гордую, княгиню: «въ тебѣ нѣтъ ни малѣйшаго point d'honneur: съ ними надо торговаться сначала, а не упрашивать ихъ по-нищенски потомъ о сбавкѣ десяти рублей; она вообразитъ, что дѣлаетъ намъ одолженіе». Княгиня преслѣдовала, при посредствѣ зоркой Прасковьи Ивановны, также сближеніе княжны съ сверстницами-горничными, любившими ее безъ памяти. «О чемъ тебѣ разговаривать съ ними? Чему ты отъ нихъ

научишься? И что у тебя можетъ быть съ ними общаго»? выговаривала дочери княгиня, узнавъ, что вчера вечеромъ въ комнатку княжны забѣгали двѣ дѣвушки и что-то со слезами разсказывали ей. Положеніе Дуни, горничной княжны, племянницы Прасковьи Ивановны, тоже было непрочно; дѣвушка, изъ опасенія быть удаленной, должна была притворяться холодною, непреданною своей госпожѣ; только наединѣ служанка бросалась цѣловать руки княжны; та обыкновенно обнимала, въ отвѣтъ на это, преданную безкорыстно, честную дѣвушку.

Сколько душевныхъ явленій высокой красоты, даруемой одною любовью, скрывается въ незнаемыхъ міромъ тѣсныхъ уголкахъ обыденной, иногда полной лишеній, жизни. Такъ трудно угадать, куда ударитъ, что озаритъ лучъ солнечнаго свѣта, пробравшись въ окно, сквозь складки тяжелаго занавѣса, которымъ заботливо заслонила было рука человѣка свой уединенный уголокъ отъ этихъ животворныхъ лучей тепла и свѣта.

Князь Борисъ, воротившись взрослымъ молодымъ человѣкомъ изъ-за границы, замѣтилъ, съ первыхъ же дней, тяжелое положеніе сестры и намекалъ нѣсколько разъ о немъ матери; на эти намеки княгиня обыкновенно отвѣчала ему: «finissez, mon cher. Ты слишкомъ добръ и видишь все въ увеличительныя стекла». Люди, не испытавшіе на себѣ гнета, не разумѣютъ его тяжести, какъ сытые не разумѣютъ голодныхъ. Молодой князь страдалъ за сестру, но этимъ и ограничивалось его участіе. Отецъ, не рѣдко испытывавшій на себѣ тяжелый нравъ жены, выказывалъ свое участіе къ дочери тѣмъ, что цѣловалъ ее въ лобъ наединѣ, послѣ нападокъ на нее княгини и, проговоривъ со вздохомъ: «pauvre enfant», уходилъ, шаркая лѣвою, поражен ною подагрою, ногой, въ свой кабинетъ, или, когда еще они жили въ Петербургѣ, уѣзжалъ куда-нибудь съ визитомъ.

Въ деревнѣ княжна избавлена была еще отъ самыхъ тяжкихъ нападеній матери: чаще всего княгиня выходила изъ себя при туалетѣ дочери, при сборахъ ея въ оперу, на балъ, на раутъ; тутъ придиркамъ, оскорбленіямъ, а не рѣдко и пощечинамъ Дунѣ, отзывавшимся нестерпимою болью въ сердцѣ княжны, не было конца; то платье измято, прическа не къ лицу, не такъ надѣта, худо выглажена шемизетка, перчатки узки, длинны и такъ далѣе. Измученная ѣхала бѣдная дѣвушка на балъ, но

должна была улыбаться, танцовать, болтать съ подругами; послѣ бала опять начинались выговоры: «какъ ты держалась въ менуэтѣ, зачѣмъ ты подошла сама къ такой-то, отчего отвернулась отъ такого-то»?

Вотъ школа, въ которой воспитывалась княжна. За то какъ цѣнила она рѣдкую улыбку, ласку матери. «Maman добра, но что-жь дѣлать, если у нее такой характеръ»? говорила она, послѣ этихъ рѣдкихъ, счастливыхъ минутъ, своей Дуняшѣ.

Вошедшій камердинеръ доложилъ Борису, что княжна проснулась; князь допилъ чашку кофе, всталъ, прошелся раза два по комнатѣ и отправился сначала въ уборную матери; онъ рѣшился переговорить сначала съ нею о бракѣ сестры. Когда онъ вошелъ въ уборную, Прасковья перевязывала княгинѣ на головѣ платокъ, намоченный уксусомъ.

— Bon jour, встрѣтила княгиня сына, протянувъ ему руку.

— Какъ ваша головная боль? спросилъ князь, цѣлуя руку матери.

— Немного лучше, отвѣчала княгиня.

Прасковья Ивановна поклонилась князю и вышла своею неслышною походкою изъ уборной.

— Я хотѣлъ съ вами поговорить, maman, насчетъ.... сестры, началъ нерѣшительно князь, съ усиліемъ, отъ котораго выступили даже жилы на лбу и румянецъ, сквозь тонкую кожу его блѣднаго, нѣжнаго лица.—Я не осмѣливаюсь думать, что вы не желаете ей счастья, что вы меньше ее любите чѣмъ я, но я замѣтилъ, что сестрѣ не совсѣмъ пріятенъ этотъ бракъ съ маркизомъ.

Княгиня вспыхнула, но сдержалась.

— Она мнѣ говорила, начала она съ притворнымъ спокойствіемъ.... И признаюсь, я много слишкомъ придала вѣса рѣчамъ этого ребенка, разгорячилась и, вотъ, какъ это всегда бываетъ когда погорячишься, наказана и ея болѣзнію и своимъ разстройствомъ нервъ.—Что-жь она тебѣ такое говорила?

— Она не говорила прямо, но я замѣчаю, она плачетъ при одномъ намекѣ на бракъ; разъ даже прямо мнѣ сказала: «я боюсь его», отвѣчалъ князь.

Княгиня засмѣялась.

— Какой ты еще, однако, дитя. Да кто же этого не говорилъ, не плакалъ изъ всѣхъ насъ, замужнихъ женщинъ, въ невѣстахъ, начала она.—Понятно, перемѣна положенія, неиз-

вѣстность. Наконецъ, я полагаю, наружная холодность маркиза пугаетъ Nadine; она воображаетъ, вѣроятно, что это натянутый, холодный, свѣтскій человѣкъ, и ошибается. У него теплое, способное любить глубоко, сердце. Она сама съ нимъ не разстанется, полюбитъ, узнавъ его покороче. Развѣ она знаетъ людей? Можно ли полагаться на какое-то глупое, безотчетное чувство боязни дѣвушки къ человѣку, котораго она и оцѣнить-то не въ состояніи, прибавила уже съ сдержанною очень плохо злобою княгиня.—Пожалуй, я согласна. Пусть она не выходитъ за него, но ты подумай, mon cher, вѣдь ей двадцать второй годъ. Это граница, за которой дѣвушкѣ опасно быть разборчивою. Пренебрегать такою партіей....

— Но, чтожь за особенно лестная партія? произнесъ, вспыхнувъ въ свою очередь, князь. Онъ не особенно богатъ, потомъ....

— Но и не бѣденъ. А главное, ужь не чета нашимъ полуграмотнымъ князьямъ; умѣетъ жить, разсчетливъ; у Nadine есть свое; потомъ, онъ на хорошей дорогѣ, перебила княгиня. Уменъ, поставленъ хорошо въ обществѣ. Поговори, впрочемъ, съ ней.... Если она положительно не согласна, ma foi, пусть не выходитъ, хотя дѣло зашло очень далеко и отказывать теперь, ты согласись, не совсѣмъ прилично.... Но я рѣшусь и на это, я рѣшусь; переговори съ сестрой.

Князь поцѣловалъ руку матери, сказавъ, что пойдетъ къ сестрѣ.

— Я такъ и скажу ей, что вы согласны отказать маркизу, если она?... спросилъ онъ боязливо.

— Да, да, такъ и скажи. Хотя мнѣ, понимаешь, это не будетъ пріятно, но чѣмъ я не пожертвую изъ любви къ дочери. Вѣдь я не тиранка же какая, отвѣчала княгиня, понюхавъ спирту изъ стклянки, стоявшей на столикѣ и улыбаясь.

Князь опять приложился къ рукѣ. Красныя пятна, показавшіяся на щекахъ княгини, обличали, подымающуюся внутри ея, бурю.

— До свиданія, сказала она, поцѣловавъ въ голову сына. Только будь остороженъ; не возобновился бы у нея бредъ.

— Я знаю, отвѣчалъ князь, выходя изъ уборной. Я, можетъ быть, отложу даже этотъ разговоръ, если замѣчу, что она слаба еще.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, отвѣчала на вопросъ князя «можно ли войдти» Дуняша, бѣлокурая, съ продолговатымъ, правильно овальнымъ лицомъ, дѣвушка лѣтъ двадцати.

Князь вошелъ въ комнату сестры; княжна сидѣла обложенная подушками въ постели, въ бѣломъ ночномъ чепчикѣ и кофтѣ; увидавъ брата, она протянула ему свою маленькую, нѣсколько дрожащую руку и улыбнулась. Князь поцѣловалъ руку.

— Бери же кресло и садись. Какъ я рада, что ты зашелъ, Борисъ, сказала она, цѣлуя брата въ голову.

— Я было вчера хотѣлъ зайдти къ тебѣ, мой другъ, но боялся, тебѣ было запрещено говорить, отвѣчалъ князь, осторожно придвигая кресло. Какъ ты сегодня себя чувствуешь? Хорошо ли ты дѣлаешь, что читаешь? спросилъ онъ, взглянувъ на лежащую на столѣ небольшую книгу.

— Я прочла строкъ пять.... Не могу больше; слаба голова еще, отвѣчала княжна, проведя ручкою по лицу. Что maman? Ты былъ у нея?

— Былъ; она здорова, велѣла поцѣловать тебя, отвѣчалъ князь. Черезъ часъ, полтора, она, вѣроятно, зайдетъ къ тебѣ.

— Не сердится она на меня? сквозь слезы, шопотомъ, спросила дѣвушка.

— Ни мало. Она даже поручила мнѣ передать тебѣ, если ты не желаешь выходить за маркиза, она согласна отказать ему, проговорилъ князь, обрадовавшись, что сестра заговорила сама о матери. Все происшедшее между тобою и maman, повѣрь, одно недоразумѣніе; у maman есть несчастная привычка тотчасъ разгорячиться и не слушать день-другой никакихъ доводовъ; сегодня она сама созналась, что погорячилась и виновата передъ тобою.

Княжна разсматривала свои розовые ноготки и молчала; выслушавъ брата, она вздохнула и спокойно отвѣчала вполголоса: «я виновата больше передъ ней».

— Не думай объ этомъ, ради Бога. Все уладится, перебилъ князь. Я беру на себя передать ей твою просьбу.

— Какую? спросила княжна, взглянувъ съ удивленіемъ на брата своими карими глазами.

— То есть, вѣрнѣе, твое рѣшеніе, чтобы маркизу было отказано.... Я не такъ выразился.... Какая же можетъ быть просьба въ дѣлѣ, которое касается одной тебя? Тутъ ты сама себѣ хозяйка, отвѣчалъ князь.

— Я передумала, mon cher. Я согласна за него выйдти, спокойно отвѣчала княжна.

Князь испугался спокойствія, съ которымъ были произнесены эти слова и подумалъ: «ужь не начался ли опять бредъ?» Онъ пощупалъ пульсъ у сестры; пульсъ былъ довольно ровенъ, дѣвушка улыбнулась, догадавшись о подозрѣніи брата.

— Какой ты смѣшной, Борисъ, проговорила она. Ты думаешь, я брежу. А что Pierre? спросила она послѣ непродолжительнаго молчанія. Гдѣ онъ? Ты не получалъ отъ него?

— Получилъ. Онъ тебѣ цѣлуетъ ручку. Maman онъ тоже писалъ, гратулировалъ съ наступающимъ праздникомъ, отвѣчалъ князь. Онъ пишетъ изъ Вѣны, но теперь вѣрно уже въ Италіи; онъ при фельдмаршалѣ и въ восторгѣ отъ Суворова. Чуть не на каждой строчкѣ пишетъ: «фельдмаршалу угодно было поручить мнѣ, фельдмаршалъ приказалъ мнѣ явиться», окончилъ, улыбнувшись, князь.—Словомъ, Pierre важничаетъ.

Князю хотѣлось продолжать съ сестрою разговоръ о свадьбѣ, но видя болѣзненную слабость княжны, онъ боялся возобновлять его.

— Pierre не способенъ важничать, заступилась княжна. А не полюбить Суворова нельзя, находясь подлѣ него. Я его видѣла одинъ разъ всего; онъ былъ у насъ.... Ты былъ тогда въ Оксфордѣ.... Если бы ты взглянулъ на него только, ты, я ручаюсь, полюбилъ бы его. Какъ всякій геній, вѣроятно, это обаятельный человѣкъ.

Князь пожалъ плечами.

— Не спорю, началъ онъ, можетъ быть уменъ Суворовъ, но меня уволь отъ этого обаянія. Я не охотникъ до такихъ людей: я даже, откровенно говоря, не признаю его за генія, а за раба, за исполнителя чужихъ велѣній, но.... оставимъ это.

— Почему? спросила княжна, вспыхнувъ немного и взглянувъ на брата.

— Такъ, отвѣчалъ понурившись князь. Геній.... Геній свободенъ.

— Не совсѣмъ, замѣтила княжна.

— Да отъ кого же онъ зависитъ? спросилъ князь.

— Да первое отъ вѣка, отъ времени, а воля высшая?

— Такъ онъ не геній, возразилъ князь, подымаясь съ своего мѣста.

Княжна задумалась, перебирая кружево своей кофты.

— Посиди, Боря, сказала она, замѣтивъ, что братъ хочетъ идти.

— Я приду лучше послѣ, вечеромъ, ты утомилась, отвѣчалъ князь, цѣлуя сестру.

— Не утомилась.... Какой ты.... Ну, зайди вечеромъ.

Князь вышелъ. Дѣвушка, быстро повернувшись, кинулась лицомъ на одну изъ обшитыхъ кружевомъ подушекъ и беззвучно зарыдала.

VII.

Ночью, на отлогомъ, лѣвомъ берегу Адды, тамъ, гдѣ она, вырвавшись изъ крутыхъ береговъ, разметалась по приволью зеленыхъ равнинъ сотнею рукавовъ и заливцевъ, тянулась длинная цѣпь огоньковъ нашего лагеря; у рѣки толпился табунъ казачьихъ лошадей; однѣ, войдя по колѣно въ рѣку, жадно тянули свѣжую воду, другія ржали, поднявъ головы и втягивая въ ноздри свѣжій вечерній воздухъ, смѣнившій томительный зной южнаго, апрѣльскаго дня. Кучка казаковъ, покуривая трубки, поглядывала молча на противоположный берегъ; тамъ тоже вдали краснѣли огненныя точки непріятельскихъ постовъ. Вечеръ былъ тихій; легкій туманъ подымался отъ воды, фыркалъ усталый конь, плескалась тамъ и сямъ рыба, жужжалъ пролетающій жукъ, комары тянули свою однообразную, скучную пѣсню; по временамъ протяжные оклики часовыхъ нарушали вечернюю тишь; на облачномъ небѣ то выплывалъ, то снова закутывался облаками еще не полный мѣсяцъ.

— Ну, дури.... Вишь вѣдь, косматый, не уходился, замѣтилъ вполголоса одинъ изъ казаковъ, стегнувъ легонько нагайкою коня, ладившаго было ухватить зубами за ухо сосѣда, на что сосѣдъ легонько визгнулъ и намѣревался угостить задними ногами кусаку-пріятеля.

Водворивъ порядокъ, казакъ выколотилъ трубку о сапогъ, зѣвнулъ и обратился къ развалившимся на высокой травѣ товарищамъ:

— Куда вы это давѣ ѣздили?

— Такъ, шнырили на погляди, отвѣчалъ старый казакъ, прижавъ пепелъ въ трубкѣ и сплюнувъ.

— Что же? Не знать по этой сторонѣ?

— Нѣтъ; надо быть слиняли, а были человѣкъ съ десятокъ на разсвѣтѣ, около мосту; ребята видѣли; что-то, слышь, ѣздили, разглядывали знать, отвѣчалъ старый, повертываясь на брюхо въ густой травѣ.

Раздался рѣзкій свистъ; табунъ шарахнулся и отбѣжавъ рысцею отъ рѣки, поплелся шагомъ по лугу; старый казакъ закурилъ новую трубку, поднялся съ травы и побрелъ за кучкою товарищей.

— Ты на ночнинѣ?

— Я, прахъ ее возьми; спать смерть какъ хочется, не удалось всхрапнуть мнѣ давѣ, отвѣчалъ старикъ, запахнувъ толстую шинель, накинутую на широкія плечи.

— Стреножить что-ль француза-то? спросилъ, разсмѣявшись, молодой парень.

— Стреножь. Третеднись насилу отыскали въ кустахъ; отъ табуна все, дьяволъ, ладитъ, отвѣчалъ старый казакъ.

— А и блажной онъ у тебя, замѣтилъ парень, хватая за холку высокаго, гнѣдаго коня.—Стой, чортъ. Вишь блажь французская.

— Нагайку любитъ, проговорилъ, разсмѣявшись, старикъ. Больно влѣзать высоко.

— Ровно на колокольню, замѣтилъ, продолжая хохотать и упутывая недоуздкомъ длинныя ноги французскаго коня.—Ему, братъ, не до бѣготни; онъ хозяина поминаетъ, черезъ недѣлю сорочины. Что, басурманъ, не любишь? прибавилъ онъ, любезно хлопнувъ по спинѣ спутаннаго коня.

Конь вздрогнулъ отъ удара и пошелъ прыгать за табуномъ, высоко подымая спутанныя, переднія ноги. На встрѣчу казакамъ бѣжали рысцою къ рѣкѣ два солдатика съ кадкою на палкѣ.

— Куда, земляки? спросилъ шедшій впереди высокій казакъ.

— За водой... Кашевары! отвѣчали солдаты, спускаясь въ припрыжку къ водѣ.

— Ну, кто куда? Кто на ночнинѣ? крикнулъ передній казакъ.—Гляди, не зѣвай, братцы!

Человѣкъ пять казаковъ разлеглись на траву; остальные человѣкъ восемь пошли къ лагерю; лошади разбрелись по лугу; французскій конь попрыгалъ и принялся щипать траву. Въ лагерѣ, около огней, двигались темныя фигуры солдатъ; ушедшіе

казаки пошли мимо палатокъ. У одного костра сидѣлъ на корточкахъ, въ одной рубахѣ, молодой солдатъ и читалъ что-то; трое другихъ, разлегшись на землѣ, слушали. «Младъ еси», читалъ, предварительно складывая каждое слово, чтецъ, «не можешь на конѣ сидѣти, копія не можешь держати. Милостивый государь, мой батюшка, отвѣчалъ Еруслан, лѣта возраста моего подходятъ....» Слушатели иногда хохотали, иногда дѣлали замѣчанія въ родѣ: «Да, вишь ты, прахъ его возьми; храбрость, стало-быть, въ себѣ почуялъ».—«Однако, любезный сынъ мой»... продолжалъ чтецъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на замѣчаніе слушателей и подвигаясь все ближе къ костру.

— Ужинать, къ кашѣ, молодцы, къ цыцарской похлебкѣ! Живѣе, ей вы! приглашалъ скороговоркою кашеваръ, пробѣгая мимо.—Къ котламъ.... Живѣе, братцы; пока съ пылу!

Солдатъ-чтецъ бережно сложилъ своего засаленнаго Еруслана и положилъ за пазуху; слушатели поднялись и всѣ трое побрели ужинать. Черезъ пять минутъ солдаты разсѣлись около котелковъ, достали ложки и принялись за цыцарскую похлебку.

Катеневъ, выйдя изъ своей палатки, подошелъ къ одной изъ кучекъ.

— Что, не подбавить ли? спросилъ кашеваръ, подбѣжавъ съ длинною чумичкой.

— Подбавь. Пересолили, съострилъ одинъ изъ ужинавшихъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Сейчасъ, сейчасъ, тарантилъ кашеваръ.—Пилось бы да ѣлось.

— Жарко больно; ѣда-то на умъ нейдетъ, замѣтилъ рябоватый солдатъ, отирая рукавомъ рубахи катившійся градомъ потъ.

— Эту похлебку, братъ, только въ жару и ѣсть, замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ солдатъ;—самая легкая.

— Съ нея не сбѣсишься, подтвердилъ пожилой унтеръ-офицеръ, круто насоливъ себѣ ломоть ситнаго.

— Хлебай знай, молодцы. Соль есть ли? спрашивалъ кашеваръ, подливая изъ другаго котелка варева.

— Есть, отвѣчали солдаты и снова принялись за ложки.

— А послѣдки-то жирнѣе, сказалъ кто-то робкимъ, тоненькимъ голоскомъ.

— Это наваръ пошелъ, объяснилъ здоровый гренадеръ.

— Хлѣбъ да соль, братцы! проговорилъ Катеневъ.

— Хлѣба кушать, ваше благородіе, отвѣчали ужинавшіе.

Прапорщику хотѣлось разговориться съ ними, но онъ не зналъ, съ чего начать; все, чѣмъ онъ думалъ завязать бесѣду, казалось блѣднымъ, не подходящимъ, вялымъ, рядомъ съ здоровымъ, простонароднымъ юморомъ. «Я только помѣшаю имъ», подумалъ онъ, почувствовавъ себя вдругъ чужимъ этимъ людямъ; постоявъ молча подлѣ смолкнувшихъ при офицерѣ солдатъ, онъ побрелъ, съ чувствомъ недовольства собою, вдоль цѣпи потухающихъ огней, къ своей палаткѣ; съ рѣки, вмѣстѣ съ благовоннымъ запахомъ сѣна, доносился откуда-то смрадъ тлѣющаго трупа; протяжное «слушай» часовыхъ раздавалось въ разныхъ концахъ лагеря. Это былъ канунъ боя съ французами на Аддѣ. Бресчіа была уже взята; жители сами отворили ворота, срубили деревья вольности, врывались въ дома, занятые французами, и даже въ квартиры горожанъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи къ республикѣ; союзныя войска едва могли остановить грабежъ и рѣзню, начатую ожесточенными противъ республиканцевъ жителями. Французы сосредоточились на Аддѣ, чтобы дать отпоръ наступающей силѣ союзниковъ.

Катеневъ былъ прикомандированъ фельдмаршаломъ къ одной изъ обозныхъ баттарей; онъ не былъ еще въ огнѣ, видѣлъ его издали и рвался испытать впечатлѣніе перваго боя. То дѣлалось жутко ему при мысли, что завтра придется стоять подъ свистомъ пуль и картечъ, подъ ядрами, то рисовало юное воображеніе ему, какъ онъ громитъ непріятельскую баттарею, въ щепы летятъ лафеты, сбитая прислуга бѣжитъ отъ орудій. «Впередъ, ура!»—и онъ летитъ съ своими на окопъ, забираетъ пушки, беретъ въ плѣнъ командира... Фельдмаршалъ, подъѣхавъ, хвалитъ его: «молодецъ, спасибо» и вѣшаетъ ему, прапорщику, на грудь Георгія.

— Ложитесь-ка вы. Завтра къ баттареѣ.... Надо пораньше будетъ встать, встрѣтилъ его у палатки Аѳанасій.

Прапорщикъ вошелъ въ палатку и сталъ раздѣваться при трепещущемъ свѣтѣ добытой гдѣ-то лючерны. Усталость взяла свое; прапорщикъ улегся на складной кровати маіора, владѣльца палатки, уѣхавшаго куда-то съ порученіемъ, и тотчасъ захрапѣлъ. До свѣта еще разбудилъ его неугомонный Аѳанасій.

— Развѣ ужь подъемъ? спросилъ, протирая глаза, Катеневъ.

— А то что же? Нашъ пѣтухъ—ранній. Сказано: «какъ пѣ-

тухъ запоетъ, подымайтесь», отвѣчалъ Аѳанасій, похаживая около, кипящаго на чурбанѣ, мѣднаго кофейника.

Въ распахнутыя полы палатки тянулъ свѣжій утренній воздухъ, вмѣстѣ съ запахомъ скошенной травы; вдали гремѣли барабаны и тоскливо наигрывала однообразный сигналъ гдѣ-то вдали труба. Катеневъ потянулся и вскочилъ съ кровати. Аѳанасій принесъ кувшинъ воды.

— Я тазъ убралъ, говорилъ онъ;—умывайтесь ужь такъ, прямо на землю.

Прапорщикъ наскоро умылся, проглотилъ чашку кофе, подпоясалъ шпагу и вышелъ изъ палатки. Лагерь не велѣно было снимать, и потому Аѳанасій оставался съ прислугою при палаткахъ и обозѣ.

— Въ случаѣ чего, толковалъ онъ, провожая барина,—такъ вы увѣдомьте....

Онъ хотѣлъ что-то прибавить, какъ видно, сказать какое нибудь благопожеланіе, но замѣтивъ, что баринъ не слушалъ, помялся на одномъ мѣстѣ, махнулъ рукою и ушелъ въ палатку.

Свѣтало. Густой туманъ застилалъ рѣку и оба конца длиннаго лагеря; барабаны трещали; мимо Катенева бѣжали солдаты съ ружьями въ рукахъ, поправляя ранцы; пронеслось рысью нѣсколько орудій; прапорщикъ, со сна, не вдругъ сообразилъ, куда ему нужно идти—вправо или влѣво, хотя и являлся наканунѣ баттарейному командиру.

— Не знаешь ли гдѣ стоятъ сводныя артиллерійскія роты? спросилъ онъ казака, оправлявшаго подпругу у лошади.

— Прямо изволь идти, ваше благородіе, отвѣчалъ казакъ, вскакивая на коня.—Вонъ, гдѣ стоятъ драгуны, тамъ увидите.

Дойдя до эскадрона драгунъ, стоявшихъ, спѣшившись, подлѣ лошадей, въ ожиданіи команды, Катеневъ увидѣлъ своего ротнаго, по нынѣшнему баттарейнаго, разъѣзжавшаго подлѣ пушекъ на ворономъ тяжеломъ конѣ. «Честь имѣю явиться», произнесъ онъ, приложивъ руку къ шляпѣ.

— Здравствуй, сударь, отвѣчалъ толстый командиръ.... Поручикъ Сергѣевъ, крикнулъ онъ.

На зовъ его подошелъ небольшаго роста, бѣлокурый, съ желтоватымъ, худымъ лицомъ и робкими пріемами, человѣкъ.

— Вотъ вамъ помощникъ... Прапорщикъ Катеневъ... проговорилъ баттарейный.—Готовы что ли? Трогай, маршъ!

И баттарея, стуча колесами, выѣхала на дорогу, гдѣ уже тол-

пился отрядъ донцовъ, помѣщенныхъ въ головѣ отряда; минуты черезъ двѣ проскакалъ фельдмаршалъ, въ бѣломъ мундирѣ, на казачьемъ конѣ, съ небольшою свитою и неизмѣннымъ спутникомъ своимъ, донцомъ Иваномъ; громкое «здравія желаемъ!» гудѣло въ отрядахъ, мимо которыхъ ѣхалъ онъ. Наконецъ казаки тронулись и пошли шагомъ; закачался лѣсъ ихъ длинныхъ пикъ; за ними двинулась и баттарея. Катеневъ шелъ рядомъ съ новымъ своимъ знакомцемъ, низенькимъ, невзрачнымъ поручикомъ; у остальныхъ пушекъ шли вмѣсто офицеровъ фейерверкеры; солдаты крестились. Туманъ былъ такъ великъ, что едва видны были шапки и пики казаковъ, ѣдущихъ въ переднихъ рядахъ небольшаго отряда; влѣво блестѣла на секунду рѣка, и опять скрывалась за туманомъ; казаки и баттарея повернули вправо и потащились въ гору по глинистой, окаймленной кустарникомъ, дорогѣ. Какой-то пѣхотный полкъ толпился у понтоннаго моста, наведеннаго ночью нашими и выглянувшаго ближнимъ концомъ своимъ изъ-за тумана. Взобравшись на гору, баттарея остановилась на небольшой площадкѣ, окруженной съ трехъ сторонъ невысокими утесами и кустами; солнце начинало палить; баттарейные и казаки слѣзли съ лошадей; командиръ, взобравшись на одинъ изъ утесовъ, уставился смотрѣть, по направленію къ рѣкѣ, въ зрительную трубку. Туманъ началъ рѣдѣть; солнце, отразившись въ поверхности тихой рѣки, точно позолотило ее; черною, широкою, колеблющеюся лентою, пересѣкали золотую полосу Адды, пѣхотинцы, перебирающіеся по мосту на тотъ берегъ. Вдали, за рѣкою, забѣлѣлись стѣны и башни городка. Командиръ велѣлъ откладывать лошадей и выкативъ четыре пушки оборотилъ ихъ дулами къ рѣкѣ. Катеневъ догадался, что имъ назначено прикрывать мостъ. Черезъ полчаса раздались ружейные выстрѣлы: издали они похожи были на трескъ сырыхъ дровъ въ затопленной только-что печкѣ; но вотъ стукнулъ пушечный выстрѣлъ и раскатился по рѣкѣ; ему отвѣтилъ другой, третій, и выстрѣлы скоро слились въ безпрерывную канонаду.

— Вотъ она, загудѣла! замѣтилъ, отирая потъ съ лица, поручикъ.

По мосту все еще шли пѣхотинцы, блестя штыками; эскадронъ австрійскихъ гусаръ ждалъ, спѣшившись, пока перейдетъ пѣхота; одни оправляли вьюки, привязанные къ сѣдламъ, другіе курили трубки, покрикивая на отмахивающихся хвостами отъ

слѣпней, коней. «На это еще немного нужно героизма, чтобы прикрывать мостъ», подумывалъ Катеневъ, сидя на лафетѣ. Казаки разсѣлись кучками по площади въ нѣкоторомъ отдаленіи; головы ихъ лошадокъ выглядывали изъ-за кустовъ. Поручикъ Сергѣевъ зѣвалъ, стоя подлѣ одной изъ пушекъ, крестя при этомъ каждый разъ ротъ. Канонада слабѣла.

— Гдѣ же прочіе офицеры? спросилъ Катеневъ поручика.

— Двое откомандированы, а одинъ приказалъ долго жить,— умеръ третьяго дня отъ раны, отвѣчалъ Сергѣевъ, прибавивъ:— наша участь, сударь, такова.... Вотъ покойникъ въ какомъ огнѣ бывалъ—Богъ миловалъ, а умеръ: такъ, шальная какая-то, и то слегка задѣла....

— А вѣдь надо быть взяли, отозвался баттарейный, продолжая глядѣть въ трубу.

— А что, полковникъ? Развѣ видать? спросилъ Сергѣевъ.

— Да, пальба меньше.... Э! Это что? Лодки.... Отсюда неловко будетъ.... Запрягай.

Прислуга кинулась къ лошадямъ; другіе потащили пушки; Сергѣевъ засуетился; казаки влѣзли на лошадей.

— Садись. Рысью, скомандовалъ баттарейный, сѣвъ на лошадь.

Баттарея двинулась рысью по дорогѣ, вправо вьющейся межъ кустарника. По серединѣ широкой рѣки шли къ этому берегу лодки, набитыя народомъ.

— Живѣе! Прибавь ходу! командовалъ полковникъ, заскакивая впередъ выносныхъ артиллеристовъ.

Лицо его, замѣтилъ Катеневъ, сидя на лафетѣ, приняло выраженіе, какое бываетъ у доѣзжаго, закидывающаго гончихъ въ островъ.

— Правѣй, сюда! покрикивалъ онъ, не спуская глазъ съ лодокъ, тихо, нерѣшительно идущихъ къ этому берегу.

Казаки тоже вглядывались въ нихъ, шмыгая по кустамъ, рядомъ съ баттареею. Солнце ярко свѣтило, и теперь ясно видны были синіе мундиры и кивера французовъ; они, какъ видно, пользуясь туманомъ, думали перебраться, чтобъ отрѣзать мостъ, но опоздали и не знали куда плыть—назадъ или на непріятельскую сторону.

— Стой, скомандовалъ баттарейный, вылетѣвъ на другую площадку.—Снимай съ передковъ! Отсюда ловко....

Прислуга живо отстегнула постромки и выдвинула орудія;

фейерверкеры зажгли пальники. Сергѣевъ сиплымъ теноркомъ своимъ скомандовалъ, немножко на распѣвъ: «первая, пли!» Пушка грянула, но ядро перелетѣло черезъ лодки.

— Обвысилъ. Плохо, братцы.... Пустите-ка повѣрнѣе, проговорилъ полковникъ, отдавъ лошадь и намѣреваясь опять глядѣть въ трубу.

Но уже стукнуло второе орудіе; за дымомъ не видать было сначала ничего, но когда облако дыма поразсѣялось, Катеневъ увидалъ, что на крайнихъ двухъ лодкахъ шла страшная сумятица.

— А, ну-ка третью, благословясь, толковалъ полковникъ.— Ладь въ середину; вонъ въ середнія.... Тамъ, надо быть, начальство.

Третье ядро угодило, по желанію баттарейнаго, въ середину и уже крикъ утопающихъ долеталъ до слуха Катенева. Онъ вздрогнулъ. Сергѣевъ хлопоталъ около заряжаемой пушки. Полковникъ, посматривая въ трубу, вскрикнулъ: «Ай, молодцы! Спасибо. Это вотъ выстрѣлъ хорошенькій. Спасибо. Лихо»! продолжалъ онъ, оборотясь и выразивъ на свѣжемъ, загорѣломъ лицѣ довольство охотника, когда борзая прямо за шиворотъ взяла на острый щипецъ улепетывавшаго косаго.

Лодки остановились и черезъ минуту стали отчаливать къ своему берегу; отъ флотиліи отдѣлилось нѣсколько досокъ; баттарея продолжала ей во слѣдъ посылать выстрѣлъ за выстрѣломъ. Катеневъ, наводя самъ одну изъ пушекъ, подумалъ было: «жаль; пустить развѣ черезъ головы»? Однако не пустилъ и даже съ нѣкоторымъ самодовольствомъ отошелъ отъ орудія, увидя, что ядро попало въ одну изъ лодокъ; съ лодокъ раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, но пули не долетали до баттареи.

Есть что-то одуряющее въ грохотѣ орудій, какъ во всякомъ проявленіи грубой, неодолимо-безпощадной силы. Великодушный прапорщикъ уже съ гордостію поглядывалъ, какъ солдатъ, отряхнувъ пальникъ, молодецки приставлялъ его къ затравкѣ; чувство силы заговорило въ душѣ, и молодой воинъ почти досадовалъ, что баттарейный, жалѣя зарядовъ, по временамъ останавливалъ пальбу.

Мирная природа, своимъ обычнымъ спокойствіемъ, какъ будто упрекала кровожадность людей: на травѣ блестѣли капли утренней росы; запахъ цвѣтовъ несся съ сосѣдняго поля; птички,

перелетая съ одного сучка на другой, весело щебетали въ кустарникѣ.

— Баста! скомандовалъ полковникъ.

Выстрѣлы смолкли; прислуга принялась банниками вытирать орудія. Солнце начало палить; казаки попрятались подъ кусты. Полковникъ, разстегнувъ мундиръ, тоже разлегся съ трубкою подъ развѣсистымъ кустомъ. Сергѣевъ похаживалъ около пушекъ. Катеневъ, выбравъ тѣнистый уголокъ, заснулъ; его разбудилъ громкій хохотъ баттарейной прислуги и казаковъ; онъ раскрылъ глаза и увидалъ Аѳанасья, подъѣзжающаго верхомъ на осликѣ, съ корзиною на рукѣ; старикъ ѣхалъ въ одной рубашкѣ; синій сюртукъ лежалъ передъ нимъ на сѣдлѣ; оборванный мальчикъ-итальянецъ, въ дырявой, валеной, коричневой шляпѣ, погонялъ сзади осла длинною хворостиною.

— Откуда? Съ того свѣта что-ль? толковали артиллеристы и казаки.—Вотъ такъ конь, братцы: бѣжитъ,—земля дрожитъ. Гдѣ ты это добылъ скакуна-то? Пришпорь, вишь онъ у тебя упирается.

Осликъ поминутно останавливался, несмотря на увѣщанія мальчика, стегавшаго хворостиною: «Via.... e... cativa bestia». Аѳанасій злобно поглядывалъ на солдатъ и казаковъ, поднявшись, наконецъ, на своемъ буцефалѣ на площадку.

— Чего смѣетесь, зубоскалы? началъ онъ.—Здѣсь что ли прапорщикъ Катеневъ?

— Былъ, да весь вышелъ, отвѣтилъ кто-то изъ солдатъ.

— Кого тебѣ? спросилъ, строго взглянувъ на насмѣшниковъ, полковникъ, приподнявшись съ травы.

— Прапорщика Катенева, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ Аѳанасій, снявъ свой ваточный картузъ.

— Здѣсь.... Господинъ Катеневъ, крикнулъ баттарейный, опять развалясь на травѣ,—васъ кто-то спрашиваетъ.

— Зачѣмъ ты пріѣхалъ? спрашивалъ краснѣя Катеневъ.

— Какъ зачѣмъ? Обѣдъ привезъ, отвѣчалъ Аѳанасій, развязывая корзину.—Пригласите начальника-то, шепнулъ онъ барину, и обратясь къ полковнику, проговорилъ: ваше высокоблагородіе, не угодно ли, чѣмъ Богъ послалъ?... Въ полѣ да въ дорогѣ и сынъ съ отцомъ—товарищи.

Катеневъ повторилъ приглашеніе, предложивъ и Сергѣеву раздѣлить походный обѣдъ; Аѳанасій разостлалъ на землѣ салфетку, разложилъ на тарелки жареную рыбу, такъ какъ была

страстная недѣля, и Катеневъ съ гостями усѣлся за обѣдъ. Солдаты шопотомъ продолжали трунить надъ Аѳанасьемъ.

— Ну что, не угомонились? добродушно обратился къ нимъ Аѳанасій, подчуя унтеръ-офицера табакомъ.—Хоть на край свѣта ихъ заведи,—знай балагурятъ.... Эхъ вы—Русь разудалая!

— Пытались, дяденька, и плакать, отвѣтилъ на это разсмѣявшись молодой солдатъ;—вылъ на вѣтеръ-то песъ, да никого, слышь, не разжалобилъ.

Аѳанасій не обратилъ вниманія на эту остроту; онъ объяснялъ въ это время унтеръ-офицеру, какъ надо приготовлять табакъ, порицая всѣ табаки, продающіеся въ лавочкахъ. Солдаты смолкли, наконецъ, и, доставъ воды, принялись за сухари свои; казаки рѣзали саблями траву для лошадей; мальчикъ-итальянецъ усѣлся около своего ослика и ѣлъ булку, сунутую ему Аѳанасьемъ, съ любопытствомъ поглядывая на бородачей—казаковъ нашихъ.

— Да, я и забылъ-было совсѣмъ, началъ Аѳанасій по окончаніи обѣда, подойдя къ барину.—Вамъ письмо есть и посылка. Съ курьеромъ прислано фельдмаршальскимъ.... Давича занесъ мнѣ Прохоръ.

И Аѳанасій подалъ небольшой конвертъ и небольшую, завернутую бережно въ клеенку, посылку; прапорщикъ отошелъ въ кусты и сдернулъ конвертъ съ письма; письмо было отъ князя Бориса; онъ писалъ по-французски. Послѣ обычныхъ увѣдомленій о здоровьѣ княгини, князя, о томъ, какъ часто вспоминаютъ въ Раздольѣ его, Катенева, Борисъ насмѣшливо говорилъ о неустрашимости, съ которою молодой рыцарь беретъ, вѣроятно, крѣпости и душитъ французовъ, совѣтуя ему, при этомъ, не слишкомъ поддаваться духу воинственности и беречь себя для друзей. Въ концѣ письма князь увѣдомлялъ, что свадьба сестры будетъ въ маѣ, что она отложена по случаю болѣзни княжны, теперь миновавшей.

«Подлецъ!» вскрикнулъ молодой человѣкъ. Кровь хлынула ему въ голову такъ, что онъ едва устоялъ на ногахъ. «Жалѣю, что я не задушилъ его». Сквозь навѣрнувшіяся слезы, онъ едва прочиталъ строки, приписанныя по-русски рукою княжны: «посылаю вамъ образокъ Николая Угодника; его мощи лежатъ въ Италіи; пусть онъ будетъ вамъ ангеломъ-хранителемъ. Берегите себя для друзей, васъ любящихъ. Nadine. При семъ прилагаемъ письмо отъ вашего батюшки». Пробѣжавъ

письмо отца, оканчивающееся, по обыкновенію, благословеніемъ матери, на вѣки нерушимымъ, прапорщикъ положилъ посылку и письма въ карманъ и принялся расхаживать взадъ и впередъ по тропинкѣ, вьющейся по кустарнику.

— Ну, я поѣду, Петръ Тимоѳеичъ, говорилъ Аѳанасій, подходя къ барину.—Вещи я отдалъ деньщику поручика: носковъ четыре пары, три сорочки, полотенецъ два, мыла кусокъ положилъ. На водку я ужь далъ ему.... Берегите себя. Духу не теряйте; питайте въ себѣ мужество, а не горячитесь.... Помните батюшки своего рѣчь: отъ службы не отказывайся, а на службу не напрашивайся.

Катеневъ ни слова не слыхалъ изъ нравоученій старика; Аѳанасій поцѣловалъ у него руку, ушелъ, связалъ салфетку съ тарелками и отдалъ остатки трапезы артиллеристамъ; онъ подошелъ къ полковнику съ просьбой «не оставить его барченка.» «Молодъ еще, ваше высокоблагородіе, а молодо—зелено, сами изволите знать», говорилъ старикъ, откланиваясь полковнику. Поподчивавъ, на прощанье, табакомъ унтера, Аѳанасій пошелъ обратно по извивающейся подъ гору дорогѣ; мальчикъ-проводникъ повелъ за нимъ ослика; солдаты не преминули отпустить вслѣдъ имъ нѣсколько остротъ, называя ослика опять «вѣщимъ коуркой», а Аѳанасья Ерусланoвымъ «дядькою Личардомъ, неизмѣннымъ копьемъ».

Жаръ начиналъ спадать; вдали умолкли пушечные выстрѣлы; по мосту тянулась обратно пѣхота и перебирались фуры съ больными и ранеными; по рѣкѣ стлался дымъ. Полковникъ, посмотрѣвъ на часы, велѣлъ солдатамъ разводить огни для варки каши. Живо нарубили солдаты сучьевъ и около пылающихъ костровъ засуетились кашевары.

Катеневъ продолжалъ ходить по уединенной тропинкѣ, отдѣленной, какъ перегородкою, кустарникомъ, отъ отряда. Тихій весенній вечеръ, птицы порхающія съ сучка на сучокъ, даже благовоніе душистыхъ травъ, весь этотъ полный жизни звонъ и ароматъ—сердили его. Онъ мысленно нападалъ на себя, какъ на ничтожнаго, довѣрчиваго мальчишку.... «Правъ былъ этотъ полумертвый маркизъ, сказавъ, что я мальчишка;» нападалъ на Россію, затѣявшую войну; называлъ донкихотомъ фельдмаршала, задумавшаго бороться съ новыми неодолимыми идеями. При мысли о маркизѣ онъ блѣднѣлъ отъ безсильной злобы и вскрикивалъ: «нѣтъ, я съ нимъ не разстанусь, встрѣчусь съ нимъ во что

бы то ни стало. Не можетъ быть, чтобы Nadine не объяснила ему откровенно свои чувства, еслибъ онъ спросилъ ее.... А онъ солгалъ мнѣ: онъ не объяснился съ ней». За этимъ вслѣдъ закипѣла въ душѣ безнадежно влюбленнаго ревность; явилось подопрѣніе, не любитъ ли она его, не есть ли простое притворство эти слезы, про которыя разсказывалъ ему Борисъ. «Она—женщина», думалъ влюбленный юноша и обвинялъ онъ всѣхъ женщинъ въ способности притворяться, хитрить, кокетничать,—обвинялъ голословно, по наслышкѣ, не зная, разумѣется, женщинъ. Впрочемъ любовь доводила нерѣдко и людей болѣе знакомыхъ съ женскимъ сердцемъ до подобныхъ подозрѣній.

— Господинъ Катеневъ! раздался голосъ полковника.

Катеневъ подошелъ.

— Вы отправляетесь, сударь, съ поручикомъ Сергѣевымъ, встрѣтилъ его полковникъ, читая какую-то депешу.

Подлѣ стоялъ присланный съ депешею казакъ, держа въ поводу хохлатую, взмыленную лошаденку.

Катеневъ приложилъ руку къ трехуголкѣ, подумавъ про себя: «хоть съ чортомъ готовъ отправиться; мнѣ теперь все равно».

— Живѣй закладывайте, братцы, хлопоталъ Сергѣевъ.

Черезъ десять минутъ поручикъ и Катеневъ сѣли на казачьихъ лошадей; кучка казаковъ человѣкъ въ двадцать и три орудія тронулись по дорогѣ, извивавшейся кустарникомъ.

— Прощайте, государи мои! кричалъ имъ въ слѣдъ полковникъ. —Сергѣевъ! я надѣюсь на вашу опытность и благоразуміе. Прощайте братцы.

— Счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе, крикнули всѣ вмѣстѣ казаки и артиллеристы.

— Беречь заряды, поручикъ.... По пусту не стрѣлять! кричалъ, осматривая ѣдущія мимо пушки, полковникъ.—Донцы! глядите, слушаться поручика, обратился онъ къ ѣдущимъ за пушками казакамъ.

— Вы вѣрно извѣстіе какое-нибудь неблагопріятное получить изволили? робко спросилъ Сергѣевъ Катенева, когда поѣздъ удалился, наконецъ, отъ отряда.

— Да, отъ отца.... не совсѣмъ пріятное, отвѣчалъ, краснѣя Катеневъ:—боленъ онъ.

— Да, это горько.... Вотъ мнѣ такъ ни худаго, ни хорошаго не откуда получать... Одинъ—какъ перстъ, замѣтилъ Сергѣевъ... Вотъ семья моя—вся тутъ.

— Гдѣ? спросилъ Катеневъ.

— Да вотъ, за нами ѣдетъ.... Вонъ она! отвѣчалъ, улыбаясь и указавъ на пушки и ѣдущихъ солдатъ, Сергѣевъ.—По голосу знаю.... Выпали за версту, — скажу, которая зѣвнула..... Что, колесо поправили Татьянкѣ? спросилъ онъ фейерверкера.

— Надѣли новое, ваше благородіе; то совсѣмъ развалилось, сняли, отвѣчалъ фейерверкеръ.

— Вотъ орудіе, сударь, продолжалъ поручикъ, осадивъ лошадь—я Татьянкой зову.... Бьетъ—вѣрность, сила.... А и собой, взгляните вы, красавица!

Катеневъ взглянулъ изъ вѣжливости, но не нашелъ особенной красы въ подпрыгивавшемъ по каменистой дорогѣ орудіи. Сергѣевъ тронулъ коня и съ недовольнымъ видомъ отвернулся отъ прапорщика, подумавъ, вѣроятно, про себя: «да гдѣ тебѣ, впрочемъ, понять такую красоту.» Онъ даже легонько вздохнулъ, какъ бы сожалѣя о неразвитости эстетическаго вкуса своего молодаго спутника.

Заскакавшій впередъ казакъ-провожатый повернулъ вправо по едва наѣзженному проселку и отрядъ въѣхалъ въ лѣсъ. Пушки нерѣдко останавливались, засѣвъ въ топкую, мѣстами, землю; солдаты брались за лафетъ и съ обычнымъ покрикомъ: «ну, разкомъ», вывозили на себѣ орудіе. Казаки, спѣшившись, шли подлѣ своихъ лошадокъ.

— Далеко ли еще? спросилъ Сергѣевъ провожатаго казака.

— Верстъ пятокъ будетъ, ваше благородіе, отвѣчалъ казакъ.

«Неужто такъ вотъ всю кампанію и будешь ѣздить?» размышлялъ Катеневъ. Онъ воображалъ себѣ войну совершенно иначе; эти однообразные разъѣзды неизвѣстно куда, зачѣмъ, усталые солдаты, перекидывающіеся прибаутками, поручикъ, поминутно зѣвающій, заслоняя при этомъ загорѣлою своею ладонью ротъ,—особенно были не по душѣ, при его раздраженномъ, бурномъ настроеніи.

— А вамъ, я вижу, скучно? обратился къ нему поручикъ.

— Не то что скучно... Служба, конечно... Но, признаюсь, и не особенно весело таскаться изъ мѣста въ мѣсто, отвѣчалъ, стегнувъ зачѣмъ-то нагайкою своего коня, Катеневъ. Я вижу вѣдь и вы не особенно веселы, прибавилъ онъ, осадивъ запрыгавшую отъ удара лошадь.

— Что дѣлать? Иногда мѣсяцы вотъ эдакъ бродишь безъ выстрѣла. Скучненько, а дѣлать нечего. Субординація на то,

отвѣчалъ поручикъ.—Еще это что.... А вотъ, бывало, на зимнихъ квартирахъ одурь возьметъ. Я, вы не повѣрите, прясть выучился отъ скуки: хозяева смѣются: «ай, баринъ, говорятъ, да какъ тонко прядетъ, что твоя пряха», прибавилъ Сергѣевъ, разсмѣявшись и выказавъ рядъ некрасивыхъ, длинныхъ зубовъ.

Поручикъ, видимо, конфузился, робѣлъ передъ новымъ человѣкомъ, краснѣлъ поминутно. Стараясь занять новаго знакомца, онъ въ промежуткахъ разговора толковалъ сиплымъ голосомъ своимъ: «да-съ.... такъ-то, сударь», поминутно оправляя свой выношенный мундиръ и поддергивая голѣнища сапогъ, испещренныхъ заплатками. Задумчивость спутника онъ, какъ видно было, приписывалъ своему неумѣнью вести бесѣду и занять его.

— Вотъ жаль, продолжалъ онъ, обратясь къ солдатамъ, нельзя намъ, братцы, пѣсенку сказать. Страстная.... Жаль. А послушали бы вы, сударь, какъ они у меня «во лѣсахъ» поютъ. Это, я вамъ доложу, все отдай, да мало,—наплачешься. Постромки натяни, ѣздовые, не зѣвай! прибавлялъ онъ уже должностнымъ тономъ, замѣтивъ, что орудіе тащатъ однѣ заднія лошади.

Пять верстъ оказались добрымъ десяткомъ.

— Это, братъ, баба клюкой, знать мѣряла, подтрунивалъ поручикъ надъ проводникомъ, повертываясь съ улыбкою къ Катеневу. Вотъ въ Турціи, али опять въ Молдавіи, бывало точно такъ же, говорилъ онъ;—коли проводникъ сказалъ: «два верста»,—считай вѣрныхъ пятнадцать.

Катеневъ молчалъ; Сергѣевъ, пробормотавъ нѣсколько разъ свои: «да, сударь... такъ-то вотъ...», спросилъ, приняты ли вещи прапорщика отъ полковничьяго деньщика, и, узнавъ, что приняты, обратился къ своему спутнику:

— А славный у васъ этотъ старикъ? Дядька вашъ, надо быть?

— Дядька, отвѣчалъ Катеневъ.

— Преданный, надо быть, замѣтилъ поручикъ и по нѣкоторомъ молчаніи продолжалъ:—вотъ, я человѣкъ темный, на мѣдныя деньги учился; объясните мнѣ, сударь, не пойму я никакъ, за что насъ, русскихъ, французы варварами зовутъ?

Катеневу было не до объясненій; но вопросъ касался прямо его личнаго дѣла, и онъ, оборотясь къ своему спутнику, горячо отвѣчалъ:

— За то, что рабство у насъ ... За то, что по нашему, напримѣръ, погубить дѣвушку, дочь, отдавъ ее противъ ея воли за перваго негодяя, считается дѣломъ обыкновеннымъ, а

не злодѣйствомъ; «повинуйтеся родителямъ»,—и кончено... За то, что эта бѣдняжка-дочь пикнуть не смѣетъ слова матери въ свою защиту; ей запрещено выказывать даже чувство самоохраненія... Вотъ за что, поручикъ, насъ по справедливости зовутъ варварами, прибавилъ прапорщикъ, задыхаясь отъ внутренняго волненія.

— Согласенъ, отвѣчалъ Сергѣевъ. Это — нарушеніе закона со стороны родителей...

— Какого закона? спросилъ Катеневъ.—Законъ говоритъ: повинуйтеся родителямъ.

— А дальше-то? перебилъ Сергѣевъ.—Отцы, любите чадъ вашихъ.—Такъ кажется?

— А они любятъ?

— Иные любятъ, другіе нѣтъ... Да вѣдь эдакъ-то разсуждать, такъ и французы варвары... Вотъ кабы нашъ законъ говорилъ: не повинуйтеся дѣти родителямъ, отцы, не любите чадъ вашихъ,—вотъ бы мы были варвары.... Я не знаю французовъ....Позвольте, однако, васъ спросить: вотъ они о братствѣ, о любви толкуютъ.... Какъ же они братьевъ-то своихъ казнятъ, да грабятъ? Это что-же сударь, не варварство?

— Но они подняли рѣчь о любви, замѣтилъ Катеневъ.

— Да рѣчь-то объ этомъ поднята давно, когда еще и Франціи-то вашей на свѣтѣ не было, разсмѣявшись, отвѣчалъ поручикъ. Много у насъ сору, что и говорить, продолжалъ въ полголоса и подвинувъ свою лошадь поближе къ лошади Катенева, а есть много и добраго, сударь.... Вотъ, Богъ дастъ, вы послужите побольше, узнаете вотъ этихъ варваровъ, говорилъ онъ, кивнувъ на солдатъ;—увидите какъ этотъ варваръ дѣлится послѣднимъ сухаремъ, сударь, съ товарищемъ.... Не дай Богъ вамъ того же, а я въ горячкѣ лежалъ, въ глуши, одинъ одинешенекъ, безъ помощи, безъ копѣйки,—посмотрѣли бы вы, какъ эти варвары пеклись обо мнѣ, ухаживали.... Мать только развѣ станетъ такъ пещись, прибавилъ поручикъ шопотомъ, сквозь навернувшіяся слезы. — Вотъ это любовь, это.... превыше всего.... Это вѣдь: «нагъ быхъ, и одѣсте мене», окончилъ Сергѣевъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Снявъ шляпу, онъ принялся обтирать потъ, выступившій на лицѣ отъ длинной, жаркой рѣчи, и закончилъ:—нѣтъ, сударь, не раздѣляйте этого мнѣнія, что русскій—варваръ.... Ошибетесь.

Катеневъ ничего не отвѣтилъ. Отрядъ выѣхалъ въ открытое

поле, засѣянное кукурузою; солнце садилось; не вдалекѣ въ право стоялъ разрушенный домъ, съ закопченными дымомъ стѣнами.

— Вонъ они, распространители-то вольности, что надѣлали. Извольте взглянуть, проговорилъ поручикъ, указывая нагайкою на раззоренную ферму.

На горѣ, изъ-за зелени сада, выглядывала вилла; къ ней и направился отрядъ вслѣдъ за казакомъ-провожатымъ. Поднявшись въ гору и проѣхавъ мимо каменной, увѣшанной виноградными лозами стѣны, орудія въѣхали на небольшой вымощенный дворикъ и остановились у подъѣзда дома съ выбитыми стеклами и тоже закоптѣлыми по мѣстамъ стѣнами.

— Вотъ и пріѣхали, проговорилъ провожатый, слѣзая съ лошади.

— Кого бы нибудь отыскать надо, замѣтилъ поручикъ, осадивъ лошадь.

— Ни души нѣтъ тутъ, ваше благородіе, отвѣчалъ казакъ.— Мы вчера весь домъ обошли; всѣ разбѣжались, знать... Пожалуйте въ домъ, а мы вотъ тутъ бивакомъ станемъ.

Поручикъ и Катеневъ слѣзли съ лошадей и вошли въ сѣни, заваленные мусоромъ; на мраморной лѣстницѣ, ведущей въ комнаты, мѣстами видны были потоки засохшей крови. Офицеры вошли въ пріемную. На роскошномъ, мозаичномъ паркетѣ лежали остатки потухшей теплины, валялись перебитыя бутылки; въ углу лежала мраморная статуя съ отбитою головою; гобеленовскія обои въ гостиной были изодраны и висѣли клочками на стѣнахъ; въ углу стояла проколотая штыками картина.

— Вотъ это не варвары, твердилъ поручикъ, оглядывая комнаты.—Однако, гдѣ же мы тутъ расположимся? Старченко, крикнулъ онъ, высунувшись въ окно съ вышибенною рамою.

На зовъ явился краснолицый, приземистый солдатъ.

— Вотъ что, братъ, подмети тутъ хоть въ этой комнатѣ маленько, травы намъ постели, да закусить приготовь что-нибудь, обратился къ нему поручикъ.

— Хлѣба да картошки зварыть, ваше благородіе, отвѣчалъ Старченко.

— Ну, картошки хоть.... А то, вѣдь, чай у насъ есть. Чайникъ-то съ нами?

— Та зъ нами, ваше благородіе.... Заразъ поставлю, отвѣчалъ солдатъ, повернувшись и выходя изъ комнаты.

— Извините, сударь, я мундиръ сниму и вы бы сняли. Жарко, обратился къ Катеневу Сергѣевъ.

Офицеры сняли мундиры и усѣлись къ растворенному окну. Солнце сѣло, легкій вѣтерокъ пробѣжалъ по деревьямъ и стихъ тотчасъ; вдали запѣлъ соловей.

— Вотъ благодать-то, проговорилъ Сергѣевъ.—А соловей-то, соловей какъ разливается; вотъ ужь истинно сказано: «вся премудростію сотворилъ еси».

Старченко внесъ свѣчку, воткнутую въ бутылку, и поставилъ на карнизъ камина, такъ какъ ни одного стола не было въ комнатахъ. Кудрявая головка купидона выглянула изъ полусвѣта у потолка, круглое личико его, какъ полумаскою, было прикрыто тѣнью отъ карниза. Еще темнѣй сдѣлалось звѣздное ночное небо.... Поручикъ вышелъ разставить сторожевую цѣпь. Катеневъ, облокотясь на мраморный широкій подоконникъ, задумался.... Двѣ-три летучихъ мыши шмыгали мимо окна; соловей, знай, заливался въ глуши парка; къ нему пристали другой, третій, и зазвенѣли колокольчиками нескончаемыя трели. Деньщикъ принесъ и поставилъ на окно мѣдный чайникъ съ горячею водой, бѣлый хлѣбъ и тарелку съ вареною «картошкою».

— Ось вечеряйте, ваше благородіе, сказалъ онъ, раставляя стаканы,—и лягайте спаты. Я травы заразъ принесу.

Офицеры выпили по стакану чаю, еще вывезенному изъ Россіи Сергѣевымъ, и закусили. Катеневъ, тотчасъ послѣ ужина, развалился на свѣжую, душистую траву, наваленную въ двухъ мѣстахъ комнаты Старченкою, а Сергѣевъ началъ молиться, снявъ съ шеи деревянный образокъ и уставивъ его на одномъ изъ подоконниковъ. Катеневу не спалось; ему хотѣлось потолковать о своемъ задушевномъ дѣлѣ, подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ.... Люди пожившіе чаще внутри себя замыкаютъ тяжкое душевное настроеніе; одна молодежь, еще не умудренная тяжкимъ опытомъ жизни, ищетъ отвѣта—и горю своему и радости.

— Что-то у насъ въ Россіи дѣлается? началъ Катеневъ, когда поручикъ, окончивъ свои земные поклоны, принялся надѣвать деревянный образокъ опять на шею.

— А сегодня выносъ плащаницы былъ за вечерней, отвѣчалъ Сергѣевъ, развязывая галстукъ;—въ монастыряхъ въ эти дни хорошо.... Заутреня большая, длинная, хоть бы сегодня, а простоишь, бывало, и не увидишь какъ.... Да-съ, великіе дни, окончилъ онъ и, свертывая галстукъ, запѣлъ вполголоса сиплымъ тенорком своимъ: благообразный Іосифъ....

Катеневъ отвернулся къ стѣнѣ, видя, что мудрено перевести

разговоръ на любимую тему. Сергѣевъ, потушивъ восковую свѣчку произнесъ: «покойной ночи, сударь», легъ и захрапѣлъ тотчасъ же. Сквозь разбитыя стекла, со двора, доносился звонъ соловьиныхъ пѣсенъ, протяжные оклики сторожевыхъ, храпъ лошадей и протяжныя ноты комаровъ, то приближающіяся къ самому уху, то не надолго замирающія вдали. Солдаты тоже улеглись, подлѣ пушекъ, поужинавъ сухарями и картофелемъ, добытымъ дорогою. Рѣдкій изъ нихъ не вспомнилъ въ этотъ день свою родную сторону: «какъ-де вотъ теперь бабы моютъ, прибираютъ избы, пасхи, куличи творятъ».... И сдерживалась шутка, не уступающая даже утомленію въ нашемъ солдатѣ. Катеневъ долго не спалъ. Мѣсяцъ освѣтилъ, мѣстами, комнату. На мраморномъ барельефѣ, будто прилетѣвъ откуда то, появились два амура съ стрѣлами и колчанами. Трудно изобразить туманныя пестрыя картины, несущіяся одна за другою въ душѣ, въ воображеніи влюбленнаго, переселеннаго, будто чудомъ какимъ, въ этотъ разрушенный замокъ, оглашаемый трелями соловьевъ, изъ которыхъ одинъ особенно тщательно отбивалъ каждую нотку, желая, вѣроятно, удивить заѣзжаго.

Въ головѣ юноши былъ тотъ живописный безпорядокъ, какой бываетъ у переселяющагося на другую квартиру ваятеля: подлѣ стыдливой медицейской Венеры стоитъ суровый римскій гражданинъ; купидоны обступили кругомъ мудраго Сократа; Архимедъ далеко отшвырнулъ, будто въ сердцахъ на математику, свой циркуль съ трехъ-угольникомъ; Юпитеръ безъ своей, мечущей молніи, руки прижался въ уголъ, точно стыдясь показаться Олимпу въ такомъ жалкомъ видѣ; Геркулесъ грянулся на спину, съ своей подъятою дубиной, и гидра, насмѣхаясь, вьется надъ его колоссальнымъ туловищемъ.... А на полу валяется хорошенькая женская головка, торсъ, ступня ноги въ котурнѣ. Но вотъ носильщики подняли, выносятъ всю эту миѳологическую чепуху и мастерская опустѣла. Дворникъ безцеремонно принялся возить метлой, выметая остатки аттрибутовъ величія и скромно толкуя про себя: «вишь вѣдь какъ насорилъ. Охъ ужь мнѣ эти художники».

Въ головѣ прапорщика, какъ мы сказали, было что-то похожее на эту неприбранную мастерскую. Видѣлся ему отцовскій домъ, гдѣ непремѣнно сегодня всенощная; старушка въ бѣломъ, накрахмаленномъ чепцѣ усердно молится, стоя подлѣ стѣнныхъ часовъ съ кукушкою; бравый старикъ на костылѣ, въ поношен-

номъ мундирѣ, кладетъ широкій крестъ на груди, украшенной медалями и Георгіемъ. Затѣмъ воображеніе рисовало Раздольевскій домъ, длинную фигуру маркиза, съ поднятыми бровями и принужденною грустною усмѣшкою князя Бориса, растянувшагося въ своемъ креслѣ съ книгою.... Потомъ вдругъ видѣлъ онъ себя въ дѣтствѣ въ эти дни, въ старинной церкви.... Нянька учитъ его класть земные поклоны; онъ поклонится, бывало, и долго лежитъ, поглядывая снизу на стоящихъ сзади,—лежитъ до тѣхъ поръ, пока нянька не замѣтитъ ему: «вставай, а ты.... чтой-то разлегся, батюшка». Наконецъ, все перепуталось; княжна очутилась зачѣмъ-то въ Веронѣ; Суворовъ распекалъ маркиза за неудачное расположеніе полевыхъ укрѣпленій; князь Борисъ читалъ что-то ему и Сергѣеву по-французски, причемъ Сергѣевъ, не понимая ничего, зѣвалъ и творилъ молитву....

Проснувшись, прапорщикъ первое что увидалъ въ озаренной солнцемъ комнатѣ,—это танцующихъ купидоновъ на барельефѣ; ихъ оказалась цѣлая вереница. Поручикъ, уже одѣтый, расхаживалъ взадъ и впередъ, прихлебывая чай изъ стоявшаго на окнѣ стакана.

— Какъ спали? спросилъ Сергѣевъ, остановясь передъ лежащимъ спутникомъ.

— Хорошо....Что-жь, мы опять въ походъ? спросилъ Катеневъ.

— Не въ дальній; переходъ версты въ три, говорятъ; до деревушки, отвѣчалъ поручикъ.—Тамъ остановимся при другомъ отрядѣ; будемъ ждать приказаній. Дорога тутъ гладкая, живо дойдемъ. Какое утро-то,—благодать! прибавилъ онъ, повернувшись къ окошку.

Въ окнѣ зеленѣлъ садъ; капли росы дрожали, сверкая алмазами на листьяхъ; ласточки со звонкимъ пискомъ летали мимо оконъ, будто заглядывая въ комнаты; птицы щебетали въ густой зелени деревьевъ.... При этомъ ликованіи природы, озаренныя солнцемъ, разрушенныя комнаты глядѣли еще безотраднѣе и непріютнѣе; на полу валялись осколки разорванной бомбы, принесшіе, быть можетъ, цѣлые потоки безутѣшныхъ слезъ семьи о падшемъ на чужбинѣ незабвенномъ другѣ. Катеневъ одѣлся и, выпивъ полстакана чаю, вышелъ черезъ террасу въ садъ. И тамъ, межъ зелени, стояли разбитыя мраморныя группы и фонтанъ, обезображенный ударомъ ядра, валявшагося на пескѣ аллеи.

— Какъ называется эта вилла? спросилъ Катеневъ, выходя изъ саду и встрѣтивъ поручика, расхаживающаго около орудій.

*

— А ей Богу не знаю, отвѣчалъ Сергѣевъ.

Казакъ, подведшій имъ лошадей, сказалъ имя виллы, но исковеркалъ такъ, что реставрація названія врядъ ли бы удалась самому опытному филологу. Катекевъ положилъ сорванный въ саду цвѣтокъ въ свою памятную книжку и написалъ карандашемъ: «ночевали въ нѣкоей виллѣ, разрушенной французами; жаль смотрѣть на низвергнутыя мраморныя изваянія; наканунѣ я получилъ письмо и грустное извѣстіе о скорой свадьбѣ N.». Наконецъ, Сергѣевъ и прапорщикъ сѣли на коней, и отрядъ, выѣхавъ со двора виллы, потянулся, въ этотъ разъ, по гладкому шоссе, обставленному деревьями; за виллою присоединились казаки, ночевавшіе на сосѣднемъ лугу. «Благообразный Іосифъ».., тянулъ вполголоса поручикъ, покачиваясь на своей приземистой лошадкѣ. Впереди, среди развернувшейся внизу передъ глазами путниковъ долины бѣлѣли дома деревни; дымокъ тянулъ изъ трубъ; фіолетовая даль горъ, озаренная солнцемъ зелень виноградниковъ, окутавшихъ горные склоны,—глядѣли необыкновенно весело; стрижи и ласточки поминутно рѣяли со звономъ по ясному небу, точно насмѣхаясь надъ людьми, не умѣющими мирно пользоваться такимъ привольемъ. Вотъ показалась рѣчка, извиваясь голубою лентою по зеленымъ лугамъ, и она съ привѣтливою улыбкою глядѣла на встрѣчу ѣдущимъ. Отрядъ ,спустившись подъ гору, подходилъ къ деревнѣ; кучка русскихъ солдатъ стояла безъ киверовъ у каменной стѣны, увѣшанной посѣрѣвшими отъ пыли виноградными вѣтвями.

— Наши, проговорили артиллеристы, завидѣвъ солдатъ.—Вишь, и Гаврило Дементьичъ вышелъ на вольный воздухъ....

— Гаврило Дементьичъ! подхватили, вдругъ расхохотавшись почему-то, почти всѣ артиллеристы.—Здоровъ ли, Гаврило Дементьичъ? Что ему дѣлается? А размякъ еще больше, братцы, замѣтилъ одинъ изъ артиллеристовъ, подскочивъ къ толстому, съ пухлымъ лицомъ молодому солдату и хлопнувъ его по брюху.

— Убирайся, дьяволъ, сердито отозвался, оттолкнувъ отъ себя насмѣшника, толстякъ.

Артиллеристы расхохотались еще больше и продолжали свое: «Гаврило Дементьичъ! Гаврилу Дементьичу наше почтеніе! Какъ въ своемъ здоровьѣ, Гаврило Дементьичъ?» Толстякъ сердито глядѣлъ куда-то въ сторону, бормоча себѣ подъ носъ: «черти, право черти.»

— Здравія желаю, ваше благородіе, произнесъ, вытянувшись передъ офицерами, высокій, бравый унтеръ.

— Здорово, братъ, отозвался Сергѣевъ.... Ну, какъ вы тутъ? Хороша ли стоянка?

— Грѣхъ Бога гнѣвить, ваше благородіе, отвѣчалъ, не шевеля ни однимъ членомъ, точно окаменѣвшій въ принятой позитурѣ, унтеръ.

— Имъ, ваше благородіе, тутъ не житье, а масляница, замѣтилъ, ухмыляясь, молодой артиллеристъ.—Вотъ извольте посмотрѣть, какъ разжирѣли, прибавилъ онъ, указывая на толстяка... Гаврило Дементьичъ!...

Толстякъ сердито плюнулъ, повернулся и пошелъ въ ворота, ведущія въ деревню. Артиллеристы и однополчане толстяка расхохотались. «Разсердился нашъ Гаврило Дементьичъ», замѣтилъ молодой солдатъ. Сергѣевъ, потолковавъ съ унтеромъ насчетъ квартиръ, велѣлъ отряду поворачивать въ деревню. Пріѣзжіе казаки и солдаты перемѣшались съ вышедшими на встрѣчу; поднялся говоръ и распросы о товарищахъ. «Такой-то въ плѣнъ попалъ при Требіи», говорили въ толпѣ, «этотъ убитъ при Брестѣ» (такъ перекрестили солдаты Бресчію). Унтеръ расхаживалъ изъ дома въ домъ, наряжая, точно гдѣ-нибудь въ Чугуевѣ, квартиры. Крестьяне и крестьянки съ крылецъ посматривали на пріѣзжихъ. Отрядъ остановился на небольшой площади. Катеневъ и поручикъ слѣзли съ лошадей и усѣлись на ступенькахъ каменнаго колодца; казаки добыли травы для лошадей и расположились въ тѣни, подлѣ одного изъ крылецъ. Солдаты, стоявшіе въ деревнѣ, были какъ дома: одинъ рубилъ сучья для топлива, другой несъ воду изъ колодца въ глиняномъ кувшинѣ; приземистый, невысокій солдатъ прилаживалъ колесо къ ручной телѣжкѣ; обладатель телѣжки, итальянецъ, стоялъ съ трубочкою подлѣ и одобрительно кивалъ головою, любуясь ловкими ударами топора самоучки-колесника; здоровый, пожилой унтеръ, стоя на крыльцѣ, няньчилъ груднаго ребенка.

— Вы правы, поручикъ, началъ Катеневъ, обращаясь къ Сергѣеву;—не похожи на варваровъ мы, русскіе.

— А что я вамъ говорилъ? разсмѣявшись, отвѣчалъ поручикъ. Вонъ они, продолжалъ онъ, кивнувъ на унтера, исправлявшаго должность кормилицы. Я вотъ еще чему не надивлюсь: на какомъ языкѣ объясняются они съ итальянцами? Вѣдь я вотъ не знаю по-иностранному, хлѣба не допрошусь, а Старченко пойдетъ, всего

достанетъ, да еще дружбу заведетъ съ хозяиномъ. А посмотрите-ка французъ солдатъ,—мы вотъ недавно выбивали ихъ изъ одного мѣстечка,—какъ вошелъ въ домъ къ мужику, сейчасъ изъ ранца туфли вытащитъ, колпакъ; штиблетъ ему развязывай хозяйка или хозяинъ, руки въ карманы и—пошелъ командовать. Нашъ русскій генералъ не станетъ, сударь, такъ ломаться, важничать... Мы такъ ужь въ полону ровно у этихъ иностранцевъ. Умнѣе, образованнѣй они, слышь, насъ;—не знаю, человѣкъ я темный, а... поглядишь, если еще гдѣ есть маломальски христіанство, право, пожалуй, что — у насъ, у варваровъ.

— Тоже не всюду и у насъ, замѣтилъ задумчиво Катеневъ.

— Кто говоритъ, отвѣчалъ Сергѣевъ.—А все еще нѣтъ-нѣтъ, да и проглянетъ кое-гдѣ, словно вотъ солнышко. Правда ли, нѣтъ ли, продолжалъ онъ, вопросительно взглянувъ на собесѣдника,—вѣдь вотъ французы Бога-то совсѣмъ отставили? Слышь, въ чистую, окончилъ поручикъ, разсмѣявшись своимъ добродушнымъ смѣхомъ.

— А у насъ? Только и затвердили одну заповѣдь: терпи, возразилъ, поднявшись съ своего мѣста, Катеневъ.—Давятъ тебя, —молчи да повинуйся.... Смиряй себя.

— И вѣрно, перебилъ Сергѣевъ.—Возложите на Господа.... Онъ взыщетъ.

— Такъ что же жизнь-то будетъ послѣ этого?—Страданіе?

— А вы думали что?... Праздникъ? отвѣчалъ Сергѣевъ.... Да знаете, сударь, я вамъ скажу, кабы все шло у человѣка какъ по маслу,—хуже бы было.

— Отчего? спросилъ Катеневъ.

— Да отъ того, что одурѣешь, сбѣсишься съ жиру, отвѣчалъ Сергѣевъ.—Я по себѣ сужу: какъ жизнь погладила тебя денекъ-другой по шерсти,—и начнешь взлягивать, козлы такіе строить—страсть. И гордость вдругъ, и самолюбіе явятся, а это, вѣдь, куда какъ скверно, сударь, у, какъ скверно.

Катеневъ ничего не отвѣчалъ, подумавъ про себя: «онъ человѣкъ бы не дурной, но какой-то юродивый». Унтеръ-офицеръ доложилъ, опять окаменѣвъ мгновенно въ вытянутой позѣ, что квартира готова. Сергѣевъ, какъ будто угадавъ мнѣніе о себѣ молодаго прапорщика, проговорилъ, поднявшись съ своего мѣста: «можетъ вамъ, сударь, вмѣстѣ со мной стоять непріятно, такъ мнѣ отыщетъ онъ другую квартиру»?

— Нѣтъ, ничего, напротивъ, если я только не стѣсню васъ, отвѣчалъ, покраснѣвъ, Катеневъ.

И офицеры пошли, въ сопровожденіи унтера, къ одному изъ домовъ, стоявшихъ по краямъ площади.

VIII.

Неподалеку отъ Милана, ночью, толпа солдатъ стояла около широкой и длинной палатки, разбитой въ отдаленіи отъ австрійскаго лагеря, раскинутаго по долинѣ. Ночь была темная и тихая; вокругъ шатра солдаты зажигали восковыя свѣчи, вставленные въ воткнутыя въ землю штыки; всѣ были одѣты въ новыя мундиры; шатеръ былъ освѣщенъ внутри. У входа толпилась кучка офицеровъ; всѣ ждали кого-то; черезъ полчаса къ шатру подъѣхало нѣсколько колясокъ парами; изъ первой, ѣхавшей впереди, вышелъ фельдмаршалъ; снявъ каску, онъ оправилъ свои рѣдкіе, сѣдые волосы и, крестясь, вошелъ въ палатку. Это была походная церковь; натянутый на рамахъ полотняный иконостасъ съ прикрѣпленными образами, изъ которыхъ было нѣсколько вышитыхъ стеклянными бусами и шелками, хоругви, настланный изъ досокъ амвонъ, два-три мѣдныхъ подсвѣчника — вотъ внутреннее убранство тогдашней полковой церкви. Началась служба; хоръ солдатъ довольно стройно запѣлъ: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небеси и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити». Старикъ-священникъ съ крестомъ, офицеры и солдаты съ хоругвями, фельдмаршалъ, свита — двинулись изъ церкви. Трепещущее пламя свѣчекъ, озаряя мѣстами толпу, усиливало темноту благовонной, тихой, южной ночи. Вотъ обошли вокругъ церкви, въ преддверіи пропѣли три раза «Христосъ воскресе», и началась писанная не словами, свѣтомъ, лучами радости, восторга,—утреня. «Утреннюемъ утреннюю глубоку», запѣвалъ старческимъ, дрожащимъ голосомъ священникъ.... «И вмѣсто мѵра пѣснь принесемъ Владыкѣ», продолжалъ мощный хоръ. Фельдмаршалъ усердно молился и громко отвѣчалъ каждый разъ на возгласъ священника, проходящаго мимо него съ кадиломъ и крестомъ: «воистину

воскресе.» Вотъ раздалось: «да воскреснетъ Богъ....»—«И расточатся врази его», загремѣлъ хоръ.... За церквой загудѣлъ громъ сотенъ орудій.

Чехи, словаки, сербы вслушивались въ родные звуки пѣснопѣній. И чувствовалось всѣмъ что-то связующее крѣпко, неразрывно и ужь на вѣки вѣчные славянъ въ этихъ хвалебныхъ гимнахъ, въ этомъ сіяніи торжества изъ торжествъ, великомъ всюду, гдѣ бы и при какой бы бѣдной обстановкѣ оно ни праздновалось. Чѣмъ-то своимъ, забытымъ, но знакомымъ и роднымъ вѣяло на нихъ отъ этого богослуженья.

«Рцемъ: братіе, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ». Вотъ передъ чѣмъ, предъ этимъ словомъ не устоятъ ограды, вереи и цѣпи, связующія богоподобную человѣческую душу, рухнутъ оковы злобы и вражды, гнетущія поднесь разъединенные народы. День примиренія, любви, желанный—святый день пророчитъ міру эта исполненная свѣта наша служба великаго дня; и потому-то душа всякаго, въ комъ теплится хоть искра чувства, сіяетъ, озаряется въ великъ день не надолго хоть радостію женъ сіонскихъ, благовѣстившихъ воскресеніе.

Катеневъ съ Сергѣевымъ едва пробрались въ церковь; они пріѣхали къ началу утрени; Сергѣевъ сіялъ и плакалъ, подпѣвая хору. И не было ни одного, отъ генерала до рядоваго, кто бы не тронутъ былъ до глубины, кто бы не чувствовалъ всего величія этой русской утрени, совершаемой въ чужой землѣ, въ виду враждующаго стана, тотчасъ послѣ побѣды, стоившей многихъ дорогихъ жертвъ. И всѣмъ казалась она извѣщеніемъ, пророчествомъ какого то міроваго событія, имѣющаго совершиться, можетъ быть, черезъ столѣтія, но неминуемаго, непреложнаго, какъ тѣ завѣты, которые давались избранному народу чрезъ вдохновенныхъ мужей, носителей глаголовъ силы.

Катеневъ, весь охваченный сіяніемъ торжества и какой-то чувствуемой правды, стоялъ у дверей, вслушиваясь въ пѣніе; онъ не хотѣлъ поддаться безотчетному ощущенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не находилъ въ себѣ достаточнаго повода сказать, что оно ложь, неправда. «Liberté, egalité»—донеслось откуда-то.... Онъ оглянулся и увидалъ бѣлокураго офицерика-щеголя, въѣзжавшаго съ нимъ рядомъ въ Верону. И какъ ничтожными показались ему доселѣ обаятельныя слова рядомъ съ этимъ: «возлюбимъ другъ друга, скажемъ всѣмъ братья и ненавидящимъ насъ».... «Какое тутъ egalité? подумалъ прапорщикъ. Тутъ всѣмъ, другу и недругу,

объятія; тутъ приглашаютъ простить, позабыть всякую вражду на вѣки, отдать все воскресеніемъ».

— Христосъ воскресе! произнесъ, подойдя къ нему Сергѣевъ.— Что-жь вы къ фельдмаршалу-то?

— А вы христосовались съ нимъ? спросилъ Катеневъ, разцѣловавшись съ своимъ сіяющимъ спутникомъ.

— Богъ привелъ, отвѣчалъ Сергѣевъ, выбравшись изъ толпы, двинувшейся къ кресту, и отирая потъ съ лица.—Насилу пробрался.... Ступайте.

Катеневъ пошелъ, или вѣрнѣе, повлекся напирающею толпою. Похристосовавшись съ Суворовымъ и свитскими, онъ вышелъ изъ церкви опять вмѣстѣ съ толпою. У палатки было накрыто нѣсколько столовъ, уставленныхъ пасхами, обложенными, взявшимися откуда-то, красными яйцами. Вскорѣ вышелъ фельдмаршалъ—и офицеры обступили столы; за ними двигались по-парно солдаты. Походное разговѣнье продолжалось не болѣе часа; фельдмаршалъ уѣхалъ. Катеневъ, не сыскавъ Сергѣева, отправился къ своей баттареѣ, стоявшей невдалекѣ отъ церкви.... Солнце уже всходило, озаряя красноватымъ, первымъ лучомъ лежащую вправо отъ идущаго прапорщика долину съ деревенькою, пріютившеюся у подошвы невысокой горы, опушенной виноградниками.

«Да; еслибы осуществилось, размышлялъ молодой человѣкъ, это всемирное братство, еслибы съ этого дня, на вѣки, навсегда простили мы все врагамъ своимъ, сказали бы имъ отъ души, на самомъ дѣлѣ, братья. А то вотъ, продолжалъ прапорщикъ свои размышленія, подходя медленнымъ шагомъ къ орудіямъ, словно въ раздумьѣ понурившимъ свои мѣдныя дула, пропѣли мы: «простимъ все воскресеніемъ», а черезъ часъ, быть можетъ, примемся отправлять врагамъ своимъ чугунные поцѣлуи».

Артиллеристы разбили палатку для офицеровъ. Катеневъ, войдя въ шатеръ, швырнулъ на складной стулъ шляпу, отцѣпилъ шпагу и, не раздѣваясь, легъ на походную койку. За палаткою послышался голосъ Сергѣева; онъ христосовался съ солдатами; Катеневъ позабылъ объ этомъ. «Стало-быть, ни они, ни мы не правы.... Такъ что ли?»—грезилъ въ полудремотѣ утомленный юноша. «Они».. Но тутъ усталость взяла свое; прапорщикъ захрапѣлъ. Мы этимъ избавляемся опасности заставить задремать читателя надъ созерцаніемъ неясныхъ, смутныхъ думъ молодаго мыслителя.

Трескъ барабановъ скоро разбудилъ юношу; онъ вскочилъ, обдернулъ мундиръ, поправилъ волосы и сѣлъ на койкѣ.

— За фельдмаршаломъ, въ Миланъ велѣно намъ, говорилъ Сергѣевъ, входя въ шатеръ.—Ну что, нашли вы вашего человѣка?

— Да я еще не искалъ его, отвѣчалъ Катеневъ.—По всей вѣроятности, онъ позади, въ обозѣ.

Сергѣевъ сіялъ. Почистивъ рукою свой поношенный мундиръ и оправивъ рѣденькіе, собранные сзади въ коротенькую косу волосы, онъ всталъ посреди палатки и проговорилъ съ улыбкою:

— А истинно торжество изъ торжествъ.... Ась? Съ батюшкой похристосовались.... Въ Миланъ, въ этотъ, въ какой-то, вступаемъ.... Вѣдь это, говорятъ, важнѣйшая столица ихняя. Дивны дѣла Твои, Господи!

— Рота готова, ваше благородіе, доложилъ, вытянувшись, фейерверкеръ.

Сергѣевъ надѣлъ шляпу и вышелъ. Катеневъ послѣдовалъ за нимъ. Утро было ясное; австрійскіе драгуны уже сидѣли на коняхъ, вытянувшись по дорогѣ и ожидая команды, чтобы тронуться. Рота Сергѣева потащилась къ шоссе; Сергѣевъ и Катеневъ шли пѣшкомъ подлѣ орудій; казачьяго отряда и пѣхотинцевъ уже съ ними не было; они ушли къ своимъ полкамъ. На дорогу съ разныхъ сторонъ шли батальоны австрійской пѣхоты. Русскихъ войскъ было мало. Миланъ былъ взятъ ворвавшимся въ городъ небольшимъ казачьимъ отрядомъ.

Вотъ раздалось въ разныхъ мѣстахъ протяжное: «vorwärts» и войска двинулись стройною вереницею, подымая пыль по гладкой дорогѣ. До города было верстъ пять. Солдаты шли весело, перекладывая съ плеча на плечо свои ружья. Войска шли безъ музыки; фельдмаршалъ не велѣлъ играть до города. Сергѣевъ и Катеневъ ѣхали позади, вмѣстѣ съ австрійскою артиллеріею и не видали въѣзда; при въѣздѣ въ ворота, Porta Orientale, войска остановились не надолго, какъ говорили, отъ того, что фельдмаршалъ слушалъ молебствіе, совершаемое у воротъ города, вышедшимъ на встрѣчу католическимъ духовенствомъ. Проѣхавъ нѣсколько улицъ, запруженныхъ народомъ, артиллерія повернула въ переулокъ и выѣхала на площадь предъ цитаделью, еще занятою французами въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ. Площадь была уставлена шалашами изъ древесныхъ вѣтвей и холщевыми навѣсами, чернѣвшими остатками теплинъ; это былъ бивакъ казачьяго полка Молчанова, взявшаго городъ; разсѣд-

ланныя казачьи лошади стояли у сдѣланныхъ изъ пикъ коновязей и жевали свѣжую траву; казаки кучками расхаживали по площади; торговцы и торговки съ макаронами и всякой всячиной сновали тутъ же; нѣкоторые изъ казаковъ христосовались съ итальянцами; послѣдніе, не понимая отчего это разнѣжились такъ ихъ бородатые гости, цѣловались, однако, съ сѣверными капуцинами (gli capucini del nordo), какъ прозвали нашихъ казаковъ миланцы.

Орудія остановились; артиллеристы стали разбивать палатки для офицеровъ, но Катеневъ, не дождавшись шатра, легъ подъ однимъ изъ навѣсовъ на свѣжую траву и задремалъ: безсонная ночь и ходьба утомили порядкомъ юнаго богатыря. Сергѣевъ пошелъ являться къ казачьему полковнику. Очнувшись, Катеневъ оглядывалъ изъ-подъ своего навѣса площадь съ бѣлѣвшими надъ нею стѣнами крѣпости и не вдругъ сообразилъ, гдѣ онъ. Подлѣ навѣса стоялъ Сергѣевъ, толкуя что-то казачьему уряднику и повторяя поминутно: «слышишь?» Урядникъ всякій разъ отвѣчалъ: «слушаю, ваше благородіе».

— Пойдемте, закусимъ что-нибудь, обратился къ нему Сергѣевъ.—Тутъ, говорятъ, трактиръ неподалеку есть. Намъ придется кочевать на площади въ палаткѣ. Полковникъ боится, какъ бы вылазки не сдѣлали изъ крѣпости.

Катеневъ поднялся съ своего ложа, и они отправились въ стоявшую на площади, довольно грязную тратторію; нѣсколько австрійскихъ офицеровъ сидѣли въ трактирѣ за кружками пива; расторопный, курчавый и черноволосый миланецъ-слуга подалъ карточку, съ любопытствомъ поглядывая на нихъ.

— Ну-ка поглядите, что у нихъ тутъ есть? началъ Сергѣевъ, усаживаясь къ столику.—Небойсь все макароны?

Катеневъ предложилъ заказать котлеты.

— Котлеты? Ну, заказывайте, отвѣчалъ Сергѣевъ.—Русскихъ бы щецъ теперь, да чернаго хлѣбца, прибавилъ онъ улыбаясь.— Надоѣлъ мнѣ этотъ бѣлый, ни вкуса въ немъ, ни радости.

— Мнѣ бы надо съѣздить, началъ Катеневъ,—въ квартиру фельдмаршала. Нѣтъ ли мнѣ писемъ, да и о человѣкѣ своемъ узнать.

— Что-жь, съѣздите вечеромъ. Я доложу полковнику, а то вмѣстѣ сходимъ къ нему. Онъ стоитъ тутъ на площади, не подалеку, отвѣчалъ Сергѣевъ.

Закусивъ и расплатившись, офицеры пошли на площадь;

солнце пекло; казаки разлеглись въ тѣни подлѣ шалашей и навѣсовъ, сдѣланныхъ изъ шинелей. Сергѣевъ улегся въ палаткѣ; Катеневъ бродилъ около орудій. Необыкновенно длиннымъ казался ему день, начавшійся раннимъ походомъ; казаки и артиллеристы спали; жители тоже убрались отъ жары; дома съ опущенными деревянными сторами тоже будто дремали; одна крѣпость ярко бѣлѣла на горѣ; казачьи и артиллерійскія лошади отбивались хвостами и ногами отъ слѣпней, что заставляло иногда крикнуть проснувшагося казака: «ну, чортъ; вишь не стоится дьяволу». Катеневъ отъ нечего дѣлать принялся рисовать карандашомъ отъ своей палатки крѣпость. Солнце стало садиться, когда Сергѣевъ, выйдя изъ палатки, обратился къ нему: «такъ если угодно, сударь, сходимте къ полковнику». Катеневъ уложилъ свою записную книжку въ карманъ, застегнулся и они отправились къ небольшому двухэтажному въ три окна дому, стоявшему въ одномъ изъ угловъ площади. У полуразрушеннаго, вѣроятно, ядрами каменнаго крыльца толпились казаки, стояло нѣсколько лошадей, навьюченныхъ сѣномъ; кучка итальянцевъ въ накинутыхъ плисовыхъ курткахъ издали посматривали на русскихъ.

— Пожалуйте, встрѣтилъ вошедшихъ въ сѣняхъ остриженный по-казацки деньщикъ, раздувавшій кофейникъ сапожнымъ голенищемъ.

Офицеры вошли. На стулѣ у окна сидѣлъ довольно толстый, лѣтъ пятидесяти человѣкъ, въ одной рубахѣ, съ разстегнутымъ воротомъ. Сергѣевъ представилъ Катенева.

— Весьма радъ. Ужь извините, государи мои, началъ полковникъ, поднимаясь со стула, — отъ жары не знаю куда дѣться. Садитесь.... Да, въ силу политики, не хотите ли снять мундиры? прибавилъ онъ, вопросительно взглянувъ на гостей и опускаясь опять на свой кожаный стулъ.

Гости поблагодарили и сѣли, взявъ стулья. Полковникъ отдувался и поминутно вытиралъ потъ, катившійся съ лица, рукавомъ рубахи.

— Это хуже Турціи, продолжалъ толстякъ. — Ужь я и въ подвалъ диверсію дѣлалъ давича. Смерть!... Правду Александръ Васильичъ говоритъ про эту Италію: «климатъ», говоритъ, «прекрасный, да потѣешь ужасно».

— Тепло, замѣтилъ улыбаясь Сергѣевъ.

— Да ужь такъ-то тепло, что хоть парься, отвѣчалъ пол-

ковникъ, засучивъ рукава и обнаживъ, обросшія волосами, жилистыя, геркулесовскія руки.—Это издохнешь тутъ, въ силу политики.

Полковникъ любилъ засвѣтить подслушанное гдѣ-нибудь мудренное словцо: «знай де нашихъ, мы-де тоже кое-что смекаемъ; хоть въ лѣсу родились, да не пнямъ молимся». Это былъ знаменитый, взявшій съ одними казаками Миланъ, донецъ Молчановъ. Суворовъ звалъ его обыкновенно «мужественный воинъ». Катеневъ сразу узналъ въ немъ донца, подергивавшаго плечами подъ солдатскую пѣсню, при вступленіи богатырей въ Верону.

— Вамъ не надолго? спросилъ Молчановъ, судорожно подмигивая лѣвымъ глазомъ и отдуваясь, когда Катеневъ объяснилъ ему свою просьбу о поѣздкѣ въ главную квартиру.

— Я вернусь тотчасъ же. Мнѣ только справиться насчетъ человѣка и писемъ, отвѣчалъ прапорщикъ.

— Что-жь, съѣздите.... А завтра, продолжалъ онъ, обратясь къ Сергѣеву,—буде не выйдутъ басурманы сами изъ крѣпости, надо послать имъ сотенку гостинчиковъ, въ силу политики.

Проговоривъ это, полковникъ опять подмигнулъ лѣвымъ глазомъ.

— Что-жь, можно, скромно отозвался Сергѣевъ.

Офицеры поднялись.

— А чаю? Пуншику? остановилъ ихъ полковникъ.—Я, по пословицѣ, думаю клинъ клиномъ выбивать.

Сергѣевъ поблагодарилъ, сказавъ, что нужно еще кое-чѣмъ распорядиться. Полковникъ не удерживалъ, но видно было, что неохотно отпускалъ гостей; онъ было обрадовался собесѣдникамъ.

— Обѣдать, государи мои, говорилъ онъ провожая въ сѣни гостей. Въ двѣнадцать я обѣдаю.... Все-таки веселѣе вмѣстѣ; въ силу политики—служба сама собой, а дружба дружбой. Прощайте, государи....

Офицеры откланялись. Полковникъ вышелъ на крыльцо и, запустивъ руки въ шаровары, принялся толковать съ казаками.... «На ночь не всѣхъ, гляди, разсѣдлывай, въ силу политики»—долетало до слуха шедшихъ къ орудіямъ офицеровъ.—«Ухо востро держать»!... А то какого-нибудь дискурса чтобъ не выкинули басурманы».

Стемнѣло. На площади загорѣлись тамъ и сямъ костры бивака; вдали стояло точно зарево отъ иллюминаціи; одна цитадель, мрачная, безмолвная, выдавалась изъ мрака, будто при-

видѣніе, съ своими бѣлыми, высокими стѣнами. Казаки добыли извощичій фіакръ; Катеневъ сѣлъ, и парная коляска понеслась по освѣщеннымъ плошками и разноцвѣтными шкаликами улицамъ; вензеля императоровъ и Суворова горѣли на балконахъ домовъ; толпы гуляющихъ иногда запружали улицу такъ, что ветуринъ долженъ былъ шагомъ пробираться между пѣшеходовъ. Вотъ миновали они соборъ, съ цѣлою рощею готическихъ башенокъ; бѣлый мраморный фасадъ чуднаго зданія снизу ярко былъ освѣщенъ кострами австрійскаго драгунскаго бивака, расположеннаго на площади; гдѣ-то гремѣла музыка. Миновавъ двѣ-три улицы, фіакръ остановился подлѣ ярко освѣщеннаго палаццо; толпы народа и множество экипажей стояли у подъѣзда; въ отворенныхъ окнахъ видны были движущіяся фигуры дамъ и мущинъ· гремѣла музыка. Ecco il palazzo della comtessa; alogio del illustre generale, обратился, приподнявъ свою лаковую шляпу, ветуринъ къ Катеневу.

Катеневъ поднялся на уставленный плошками подъѣздъ и вошелъ въ ярко освѣщенныя сѣни; швейцаръ, съ булавою и гербомъ на перевязи графини Кастильоне, въ палаццо которой жилъ фельдмаршалъ, спросилъ пригласительный билетъ.

— Я не на балъ; мнѣ нужно въ канцелярію, отвѣчалъ по-итальянски Катеневъ.

Швейцаръ указалъ низенькую, притворенную дверь. Катеневъ вошелъ; вѣстовой вскочилъ со стула, увидавъ офицерскій мундиръ, и отворилъ дверь въ слѣдующую комнату; при слабомъ свѣтѣ догоравшей лючерны, вошедшій едва разглядѣлъ дежурнаго офицера, спавшаго крѣпкимъ сномъ на узенькомъ диванѣ. Катеневъ осторожно разбудилъ его, но не узналъ ничего ни о письмахъ, ни объ Аѳанасьѣ; извинясь, что нарушилъ сонъ, онъ собирался уже ѣхать къ своему биваку, какъ вошелъ въ комнату маіоръ Илья Ильичъ, спутникъ его въ Верону.

— Твой Аѳанасій, сударь, уповательно сегодня или завтра будетъ сюда; онъ при обозѣ, говорилъ маіоръ, поздоровавшись съ прапорщикомъ.—Жаль, не могу на верхъ тебя провести; ты не получилъ инвитаціи отъ графини, продолжалъ Илья Ильичъ, принимая отъ деньщика трубку. А вотъ не желаешь ли съѣздить со мною въ оперу? Надолго ли отпросился?

— Часа полтора я могъ бы пробыть, отвѣчалъ Катеневъ,—но видите, перчатки не совсѣмъ чисты и волосы не причесаны.

— Это ничего.... Мы заѣдемъ по дорогѣ къ парикмахеру....

Поѣдемъ на минутку; я самъ долго не намѣренъ сидѣть въ оперѣ. Я доставлю тебя въ своей коляскѣ къ отряду.

Катеневъ согласился, сказавъ, что у него есть свой фіакръ; за послѣднее Илья Ильичъ сдѣлалъ ему выговоръ, замѣтивъ: «не по чину, сударь, тебѣ еще въ своихъ фіакрахъ разъѣзжать; могъ бы и на казачьей лошади пріѣхать». Минутъ черезъ пять они вышли; Катеневъ, насилу отыскавъ своего ветурина, велѣлъ ему ѣхать за коляскою маіора; небольшой экипажъ, парою, въ который усѣлись старые знакомцы, покатилъ по гладко вымощеннымъ улицамъ, мимо разукрашенныхъ причудливыми, огненными узорами домовъ: повременамъ коляску останавливала движущаяся по улицамъ толпа; къ экипажу подбѣгали, вскакивали на подножки мальчишки съ поднятыми къ верху гравюрами, брошюрой, звонко выкрикивая: «il ritratto del illustre comte maresciallo.... Vita del comte.... Suworov, una mezza lira, le sue gesta. Non è caro.... Prendete, signori.... Una storia curiosissima» *).

— Прочь, чертенята, прости Господи, отбранивался маіоръ, придерживая трехуголку, чуть не сбитую однимъ изъ продавцовъ славныхъ дѣяній фельдмаршала.

Заѣхавъ къ парикмахеру, маіоръ и Катеневъ велѣли ѣхать въ театръ и черезъ нѣсколько минутъ вошли въ ложу, приготовленную для фельдмаршала и его свиты; тамъ уже сидѣло нѣсколько штабъ-офицеровъ. Спектакль уже начался; на сценѣ заливалась широкогрудая пѣвица съ какимъ-то знаменемъ въ рукѣ, повторяя поминутно слово «patria» своимъ звучнымъ контральто; публика рукоплескала и, оглядываясь по временамъ на русскихъ офицеровъ, кричала: «viva Paolo primo». Духота была страшная. Этотъ шумъ, блескъ лампъ и люстры, громъ музыки и пестрая, оживленная толпа производили непріятное впечатлѣніе на Катенева съ его непраздничнымъ настроеніемъ духа и усталостью. Посидѣвъ съ четверть часа, онъ простился съ маіоромъ и, отыскавъ своего ветурина, уѣхалъ къ своему посту. Катясь въ извощичьей коляскѣ, вдыхая жадно свѣжій, вечерній воздухъ, юноша старался привести въ порядокъ разнообразныя впечатлѣнія дня; льстило ему это обращеніе европейскаго народа къ русскимъ, какъ къ освободителямъ, но не въ силахъ былъ связать молодой умъ понятій о вольности съ тѣмъ,

---

*) Портретъ знаменитаго фельдмаршала.... Жизнь графа.... Суворовъ и его дѣянія.... Поллиры.... Недорого. Возьмите, господа. Любопытнѣйшая исторія.

за что стояли русскіе. «Повиновеніе», вѣдь вотъ нашъ девизъ», размышлялъ прапорщикъ. «Ступай, куда укажутъ; вотъ хоть бы религія шлетъ на вѣрную гибель дѣвушку; она идетъ безпрекословно, покоряясь заповѣди: чти родителей. И кто же стоитъ за это рабство? Геній, человѣкъ, способный привязать къ себѣ милліоны однимъ словомъ, появленіемъ, зажечь къ себѣ такую любовь во всякомъ, что не задумываясь пойдешь за нимъ въ огонь и въ воду, на смерть пойдешь? Я понимаю такой образъ мыслей въ какомъ-нибудь поручикѣ Сергѣевѣ; но Суворовъ?... Это темнѣе для меня вотъ этой ночи», думалъ прапорщикъ, поглядывая въ верхъ небосклона, грозно темнѣвшаго надъ освѣщеннымъ городомъ. «Тамъ звѣзды есть; тамъ есть надежда на разсвѣтъ. Какая же у ней надежда? Какая заря ждетъ этого агнца, жертвующаго собою прихоти гордой, помѣшавшейся матери»?

При этомъ онъ сдернулъ шляпу и отвалился въ уголъ экипажа; тяжкая, безвыходная тоска непроглядным туманомъ налегла на молодое сердце.

— Uno francese.... Sta.... He, bandito! раздались голоса вокругъ остановившагося вдругъ фіакра, и прапорщикъ увидѣлъ подлѣ груди блеснувшій штыкъ, два-три приклада и чье-то худое, блѣдное лицо съ рукою, ладившею взять его за лацканы.

Онъ ничего не понималъ. Толпа человѣкъ въ пятьдесятъ, вооруженная копьями, длинными ружьями, штыками, надѣтыми на палки, и кинжалами окружила экипажъ; извощика стащили съ козелъ... «Francese... Ha, diavolo... Un espione... Prendete lo...

— Russo, uno russo! крикнулъ, наконецъ, понявъ въ чемъ дѣло, Катеневъ; онъ вскочилъ на ноги и схватилъ за руку блѣднолицаго, ловившаго его лацканъ.—Russo, signori....

— E qui lo sa? заговорила стихнувшая было на мгновеніе толпа.

— Отведите меня къ отряду, продолжалъ Катеневъ. Вотъ тутъ на площади.

Толпа притихла; блѣднолицый соскочилъ съ подножки; стоявшіе впереди потолковали между собою въ полголоса; наконецъ, двое взяли подъ устцы лошадей и прапорщика повезли шагомъ подъ стражею; ветуринъ, боясь, чтобъ его не оттерли отъ экипажа, примостился, точно архангелъ, на подножкѣ. Въ эту минуту откуда-то появившійся верхомъ австрійскій драгунъ объяснилъ по-итальянски, что офицеръ русскій, прибылъ съ Суворовымъ.... Экипажъ опять остановили; толпа снова обступила

его, но ужь съ громкими: ev viva. Извощикъ влѣзъ на козлы; Катеневъ вздохнулъ свободно; онъ таки порядкомъ струсилъ передъ сверкнувшимъ подлѣ самой груди штыкомъ и возгласами: «francese»; онъ даже не успѣлъ поблагодарить драгуна, исчезнувшаго куда-то съ своею сѣрою лошадью. Коляска тронулась и, миновавъ переулокъ очутилась на площади, у самаго бивака. Катеневъ разсчитался съ извощикомъ и, сказавъ часовому артиллеристу пароль, пошелъ къ своей палаткѣ. Огни уже были потушены. Сергѣевъ спалъ, завернувшись съ головою въ шинель, несмотря на духоту въ притворенной отъ комаровъ палаткѣ. Чтобъ отыскать постель въ темнотѣ, Катеневъ высѣкъ огня и зажегъ восковую свѣчу, воткнутую въ бутылку; присѣвъ къ чурбану на которомъ стоялъ импровизированный подсвѣчникъ, прапорщикъ написалъ въ своей книжкѣ: «былъ въ оперѣ, но по причинѣ духоты скоро ретировался; дорогою былъ принятъ за француза; писемъ покуда нѣтъ.... Бивакъ въ Миланѣ». Затѣмъ сбросивъ мундиръ, онъ потушилъ свѣчу и улегся на свѣжую траву, наваленную на досчатой койкѣ. Долго лежалъ онъ съ открытыми глазами, вслушиваясь въ отдаленный лай собакъ, оклики часовыхъ и однообразную пѣсню комара, залетѣвшаго въ палатку; надъ самымъ ухомъ его, за полотномъ, конь пережевывалъ овесъ, всхрапывая по временамъ и глухо стуча копытами о землю....

Дневныя впечатлѣнія опять толпились въ головѣ, смѣняясь одно другимъ: заутреня, «Христосъ воскресе», пѣтое громкими солдатскими голосами, будто вызывающими на бой невѣрующаго въ эту истину; торжественный въѣздъ при облакахъ пыли и подъ громъ военнаго австрійскаго оркестра, подъ оглушительные возгласы махающей шляпами толпы: Сергѣевъ, напѣвающій вполголоса: «благообразный Іосифъ»; казакъ-полковникъ съ его «въ силу политики»; весь залитый огнями театръ съ пѣвицею, электризующею нарядную толпу двумя словами: «cara patria»; бородачи-казаки, христосующіеся съ итальянцами; знакомое лицо далекой, одинокой русской красавицы—все это поочереди являлось въ молодомъ воображеніи и исчезало, оставляя на душѣ смутный, неуловимый слѣдъ, ощущеніе то ласкающее, то охватывающее мгновенно холодомъ и тоскою чуткое, молодое сердце. Слыхалъ онъ въ дѣтствѣ, отъ баккалавра, что событія посылаются не даромъ человѣку, что онѣ воспитываютъ его. Но недавніе, сегоднишніе факты были слишкомъ близки, что и

мѣшало внутреннему оку охватить ихъ сразу и во всей совокупной цѣльности.... Такъ не охватываетъ взоръ сложную картину, стоящую передъ самымъ носомъ зрителя. «Какое поученіе, что вынесешь», думалъ молодой мыслитель, «изъ этой цѣпи противорѣчій, цифръ, не связанныхъ между собою ни плюсомъ, ни минусомъ? Просто, несетъ тебя случайность, какъ одинокую лодку по бушующей рѣкѣ; то стукнетъ о камень, то пригонитъ къ берегу, для того, чтобъ, при первомъ напорѣ волны, опять нести на середину бурнаго потока. Пусть баккалавръ отыскиваетъ въ этомъ смыслъ, а по-моему вся эта безсвязная вереница событій есть дѣло случая, а человѣкъ есть щепка, которую носитъ жизненная, глупая волна, куда ей заблагоразсудится.

Образъ мыслей прапорщика (если можно назвать образомъ мыслей эту борьбу шаткихъ убѣжденій съ впечатлѣніями и голосомъ безотчетнаго чувства правды) былъ общимъ тогда у молодежи образованной; идя на ряду съ солдатами навстрѣчу смерти, молодые офицеры не безъ умиленія глядѣли на синіе ряды, трехцвѣтныя знамена и высокіе кивера революціонеровъ. Самый языкъ французскій имѣлъ для нихъ что-то чарующее. «En avant! Qui vive», все это звучитъ не такъ грубо, какъ наше: «кто идетъ? Ступай, знай», думала молодежь. Восторженные клики народа, привѣтствовавшаго русскихъ, какъ освободителей, нравились молодежи, но послѣ перваго минутнаго раздумья она называла ихъ, если не во всеуслышаніе, то про себя, ревомъ безсмысленной толпы, не понимающей своего блага. Такъ, напримѣръ, въ Италіи русская молодежь отдавала нерѣдко послѣдній червонецъ семьѣ переселенцевъ, выгнанныхъ изъ роднаго гнѣзда поборниками вольности. Подобныя картины были живымъ опроверженіемъ дѣяній утопистовъ, но человѣческая гордость ума мѣшала прямо и просто глядѣть на вещи и называла раззоренныхъ бѣдняковъ необходимыми жертвами великаго переворота. Какъ будто ближній въ правѣ, во имя чего бы то ни было, обрекать брата своего на жертву. Русская молодежь, при видѣ разграбленныхъ, сожженныхъ селъ и деревень, роднясь сердцемъ съ раззореннымъ народомъ, не смѣла, однако, признаться, что не сочувствуетъ идеямъ революціи. Идеи эти были деспотомъ въ то время. «А ну какъ назовутъ варваромъ? Какъ вдругъ разжалуютъ Россію изъ цивилизованной европейской державы въ азіатскую?» думала молодежь и молчала, подавая послѣдній грошъ раззоренному друзьями человѣчества простолюдину.

Нельзя не обвинять въ этомъ, хотя отчасти, и среду стараго лагеря, въ которой воспитывалось юношество; среда эта требовала исполненія однѣхъ обязанностей, нерѣдко лишая юность даже самаго святаго права на любовь, милость и снисхожденіе. Она впадала въ противоположную крайность: революціонеры проповѣдывали одни права, позабывая о долгѣ и обязанностяхъ; противники ихъ налагали бремена однихъ обязанностей, забывая вовсе о правахъ другаго. О своихъ они отлично помнили.

Первый лучъ солнца едва успѣлъ заглянуть въ щель палатки, какъ стукъ турецкаго барабана и трубъ разбудили Катенева и Сергѣева.

— Что это? Походъ что ли? спросилъ, протирая глаза, Катеневъ у деньщика Старченки, вынимавшаго что-то изъ чемодана.

— Ни, ваше благородые.... Цыцарцы куда-то выступаютъ, отвѣчалъ Старченко.

— А поздно?

— Та по солнцу, мабуть, часъ четвертый, отвѣчалъ малороссъ, уставляя на чурбанѣ жестяной рукомойникъ.

Катеневъ потянулся и всталъ.

— Вотъ такъ всхрапнулъ, проговорилъ Сергѣевъ, выставивъ изъ-подъ шинели свое вспотѣвшее лицо.—Поздно вы вчера пріѣхали?... Я не слыхалъ.

— Часу, должно-быть, въ первомъ, отвѣчалъ Катеневъ, засучивая рукава и принимаясь умываться.

Звуки марша стихли вдали. Сергѣевъ всталъ съ кровати, умылся и принялся прикрѣплять свой образокъ къ полѣ палатки. Одѣвшись, офицеры отправились въ ближній кафе завтракать. Когда они вернулись на бивакъ, изъ цитадели валила пестрая, безоружная толпа французовъ; это былъ сдавшійся, наконецъ, гарнизонъ крѣпости. Ихъ конвоировала рота какого-то русскаго полка; плѣнные съ любопытствомъ разглядывали нашихъ солдатъ. Ободранные синіе мундиры, кивера, фригійскія красныя шапки плѣнниковъ перемѣшивались съ блузами, сюртуками и круглыми статскими шляпами волонтеровъ-республиканцевъ. Бѣгущая за ними толпа горожанъ ругалась, грозила кулаками, палками, швыряла пескомъ въ плѣнныхъ. Наши солдаты, съ ружьями на плечахъ, шли около французовъ съ тѣми же спокойными лицами, съ какими дома конвоировали арестантовъ. Ѣхавшій впереди, на вороной лошади, толстый маіоръ, поворотилъ въ переулокъ; за нимъ потянулась и рота съ плѣнными.

*

Сергѣевъ ушелъ въ шатеръ переодѣться; черезъ четверть часа онъ воротился въ новой мундирной парѣ и съ чистыми перчатками въ рукѣ; новый мундиръ, перчатки и слишкомъ большая, новенькая трехуголка совершенно измѣнили фигуру поручика и нельзя сказать, чтобы къ лучшему; видно было, что его самого стѣснялъ необношенный, щеголеватый мундиръ; въ своемъ походномъ, полиняломъ нарядѣ онъ былъ красивѣе. Урядникъ подвелъ двухъ верховыхъ лошадей; орудія потянулись куда-то по площади.

— Куда мы теперь? спросилъ Катеневъ.

— На парадъ. Велѣно сбираться на площадь какую-то. Александръ Васильевичъ, слышь, хочетъ взглянуть на войска, мимоѣздомъ изъ собора, отвѣчалъ Сергѣевъ, влѣзая на лошадь.

Катеневъ тоже сѣлъ на казачьяго коня и поѣхалъ вслѣдъ за пушками; баттарея потянулась по городскимъ улицамъ, гремя цѣпями и колесами лафетовъ. Сергѣевъ обдергивалъ мундиръ и напѣвалъ вполголоса: «сей нареченный и святый день», покачиваясь на своей сухопарой, неказистой лошади. Катеневъ ѣхалъ съ нимъ рядомъ; улицы были пусты; все народонаселеніе двинулось на парадъ. По мѣрѣ приближенія баттареи къ городской площади, толпа увеличивалась; пушки принуждены были нѣсколько разъ останавливаться и ждать, пока толпа раздвинется и дастъ дорогу. Наконецъ, въѣхали на площадь; балконы и окна сосѣднихъ домовъ были наполнены народомъ и увѣшаны шалями, флагами, коврами. Войска были выстроены шпалерами вокругъ площади; адъютанты сновали верхами отъ одного полка къ другому; офицеры равняли фронты. Сергѣевъ подвелъ свой отрядъ къ одной изъ баттарей, отрапортовалъ что-то старику-полковнику, сидѣвшему на приземистомъ, сѣромъ въ яблокахъ конѣ, и началъ разставлять орудія.

— Не наѣзжай! Не круто! Такъ; полегче, ѣздовые, покрикивалъ онъ, краснѣя, своимъ сиплымъ голоскомъ, вертясь на своей сухопарой лошади. — Петръ Тимоѳеичъ, встаньте вотъ здѣсь.... Сюда, вотъ.

Катеневъ слѣзъ съ лошади, отдалъ ее артиллеристу, оправилъ шпагу и, выступивъ впередъ, вытянулся подлѣ одной изъ пушекъ.

Большая часть полковъ были русскіе; они только сегодня утромъ вступили въ Миланъ, но солдаты глядѣли бодро; амму-

ниція была чиста; все горѣло отъ пуговицы до штыка, отъ офицерскаго знака до краснаго лацкана мундира, освѣщенное утреннимъ солнцемъ; надъ площадью качались распущенныя, ветхія знамена и съ звономъ, молніей носились ласточки и стрижи, словно тоже радуясь празднику.

Природа, какъ художникъ, спокойно глядитъ на людскія тревоги; но ликованью, радости человѣка никто такъ не способенъ отвѣтить, какъ она, вѣчно безстрастная, быть-можетъ, потому, что неизмѣнно-вѣрна она опредѣленнымъ ей законамъ. «Все, солнце, вся тварь радуется со мной вмѣстѣ», думаетъ счастливецъ, позабывая, что просвѣтленное счастіемъ духовное око его во всемъ отыскиваетъ новые дары, новыя встрѣчи своему внутреннему, блаженному настроенію.

Вотъ надъ толпою закачалась высокая, раззолоченная коляска въ шесть лошадей цугомъ; грянули барабаны, музыка; дрогнула площадь отъ криковъ толпы и войска. «Viva! Ура!» прорывалось по временамъ изъ раскатовъ бури, поднятой сотнями тысячъ голосовъ, восторженно привѣтствовавшихъ сѣдовласаго героя. Фельдмаршалъ поднялся на ноги и, приподнявъ шляпу, говорилъ что-то, но за громомъ оркестровъ и кликами нельзя было ничего разслушать. У Катенева морозъ пробѣжалъ по спинѣ; поднявъ высоко шляпу, онъ кричалъ, какъ сумасшедшій, позабывъ, что находится въ строю; Сергѣевъ, приподнявшись на стременахъ, впился глазами въ Суворова.—«Нѣтъ, что ни говори, что кто мнѣ ни доказывай, а мы стоимъ за правое, честное, святое дѣло», думалъ Катеневъ, озираясь то на толпу, то на старца, въ бѣломъ мундирѣ, съ поднятою высоко шляпою, двигающагося надъ толпою.

— Отецъ! вскрикнулъ дрожащимъ голосомъ, не вытерпѣвъ, Сергѣевъ, и слезы ручьями побѣжали вдругъ по желтоватому лицу его.

IX.

Въ Раздольевскомъ, озаренномъ вешнимъ солнцемъ, долѣ шли между тѣмъ приготовленія къ свадьбѣ; дѣвушки то и дѣло бѣгали въ уборную княгини показывать образцы обшитыхъ кружевами кофтъ, наволочекъ, чепчиковъ; въ кабинетѣ князя за особымъ столомъ, засучивъ правый рукавъ долгополаго коричне-

ваго сюртука, сѣдой, высокій старикъ-письмоводитель осторожно переписывалъ, на гербовомъ листѣ, перечень приданаго ея сіятельства; подлѣ серебряныхъ ложекъ, ножей и порцелановаго сервиза съ пладежанжемъ «необходимаго», какъ пояснялось въ описи, «не для вседневнаго употребленія, а паче для случающихся трактаментовъ», красовались имена калмыка Мишки, шести ливрейныхъ, истопника и четырехъ женщинъ для стирки бѣлья; эти лица отдавались тоже въ приданое, вмѣстѣ съ гобеленовскими обоями, тремя каретами, изъ коихъ одна богатая, французская, штатная, съ двумя цугами лошадей. Въ концѣ описи говорилось: «за симъ остается намъ, какъ родителямъ, всеусердно желать любезной дочери нашей, обще съ супругомъ ея не токмо долголѣтняго, совершеннаго здоровья, но и всякаго благополучія съ приращеніемъ потомства».

Княгиня приходила въ восхищеніе при мысли, что вотъ скоро ея дочь всѣ будутъ называть madame la marquise. «Какъ это мило! Боже мой, какъ это мило!... Нѣтъ, что ни говори, а у французовъ есть что-то такое, особенное», думала княгиня, примѣривая, будто платьице къ куклѣ, новый, иностранный титулъ къ своей дочери... Княгинѣ уже слышалось, какъ ливрейные докладываютъ въ петербургскихъ гостиныхъ: «маркизъ и маркиза ди Сальма».—«Только переврутъ, непремѣнно переврутъ эти скоты, не выговорятъ вѣдь какъ слѣдуетъ, продолжала фантазировать ея сіятельство, припоминая, какъ одного эмигранта Прево де-Люмьянъ звали ея люди: «Перво Емельянъ».

Свадьбу положено было сыграть въ Раздольѣ, скромно; маркизъ уѣзжалъ за границу на другой день вѣнчанія, по какимъ-то неотложнымъ дѣламъ посольства; молодая должна была ожидать его возвращенія въ Раздольѣ; на зиму молодая чета переѣзжала въ Петербургъ. Никого не звали, даже изъ родныхъ; но, несмотря на это, пріѣхала изъ своей подмосковной belle soeur стараго князя, екатерининская, кавалерственная статсъ-дама, вдова генералъ-аншефа; прибылъ изъ Петербурга графъ К., одинъ изъ тогдашнихъ любимцевъ императора; онъ былъ долженъ князю довольно большую сумму, чѣмъ и объясняли въ столицѣ его родственное участіе къ семьѣ Тунгусовыхъ; князь увивался около фаворита, надѣясь черезъ него напомнить о себѣ императору и, можетъ-быть, опять попасть ко двору; однако на поминутные, косвенные намеки князя о покровительствѣ, графъ отвѣчалъ или молчаніемъ, или крутыми поворотами разговора совсѣмъ въ

другую сторону; статсъ-дама, пріѣхавшая, какъ она выражалась, «заблаговременно», то-есть недѣли за четыре до свадьбы, съ безчисленною толпою приживалокъ, карлицъ, лакеевъ, съ перваго же дня ужасно надоѣла княгинѣ; гнѣвъ свой ея сіятельство вымѣщала, по обыкновенію, на мужѣ. Belle soeur, впрочемъ, не замѣчала ничего и продолжала преспокойно награждать пощечинами горничныхъ и даже людей княгини за поданный холодный чай, нечистую тарелку и тому подобное; она занимала нѣсколько комнатъ въ верху и утромъ во время продолжительнаго, несмотря на шестидесятилѣтній возрастъ статсъ-дамы, туалета, у горничныхъ шла такая бѣготня по лѣстницѣ, какая бываетъ во время внезапнаго пожара или наводненія; въ уборной la belle aux yeux bleux, какъ называли при дворѣ генералъ-аншефшу когда-то, по столамъ, столикамъ и шифонеркамъ разставлена была цѣлая аптека стклянокъ, флаконовъ съ духами и коробочекъ съ пудрою всѣхъ возможныхъ сортовъ. Туалетъ этотъ походилъ больше на священнодѣйствіе; такъ, кажется, и смотрѣла на этотъ ежедневный, неизбѣжный обрядъ присутствовавшая при ономъ прислуга, судя по благоговѣйному выраженію лицъ, съ которымъ она предстояла передъ возсѣдающей былой богиней. Графъ помѣстился въ кабинетѣ стараго князя и былъ менѣе требователенъ; онъ разыгрывалъ военнаго служаку, привыкшаго къ походной жизни, хотя всѣ знали, что его походы ограничивались поѣздками за государемъ на смотры, въ лагерь полковъ петербургской инспекціи. Статсъ-дама съ отвращеніемъ смотрѣла на тяжелые ботфорты графа, на его косу и свѣтло-зеленый съ красными отворотами мундиръ; даже мальтійскій крестъ фаворита ей почему-то не нравился. «Не нравится мнѣ этотъ орденъ», говорила она княгинѣ. «А ужь его манеры.... Ну, какой это придворный! C'est un soldat». Статсъ-дама, каждый разъ, вздрагивала намѣренно, когда графъ, садясь за завтракъ или обѣдъ, гремѣлъ своимъ стуломъ, швырялъ ножикъ и вилку на тарелку, стучалъ молодецки по столу, ставя стаканъ или бутылку. «Какіе это придворные», шептала она въ этихъ случаяхъ княгинѣ или князю-старику... «Имъ мѣсто никакъ не во дворцѣ, а въ кордегардіи». Воспитанница екатерининскаго двора питала ненависть вообще ко всѣмъ придворнымъ новаго императора; она не могла простить имъ, какъ, еще при жизни императрицы, разъ пріѣхавъ въ Гатчину, гдѣ жилъ великимъ княземъ Павелъ, она должна была ждать битыхъ два часа въ

пріемной, послѣ чего ей объявили вдругъ, что ихъ высочество уѣхали. Объ этомъ случаѣ она не могла иначе разсказывать, какъ прихлебывая воду съ сахаромъ и поминутно обмахиваясь вѣеромъ; разсказъ оканчивался каждый разъ однимъ и тѣмъ же возгласомъ: «ну хоть бы изъ простаго конвенанса... извинились бы какъ-нибудь, подумали бы: она вѣдь все-таки дама... Это придворные!... Да гренадеры, при императрицѣ, изъ мужиковъ, были не въ примѣръ вѣжливѣе и пристойнѣе».

Графъ мало обращалъ вниманія на выходки статсъ-дамы и только расхохотался, когда однажды, на предложеніе его вести ее къ обѣду, она отвернулась и взяла подъ руку князя Бориса.

Старому князю хотѣлось сыграть свадьбу на широкую руку, но княгиня рѣшительно воспротивилась этому; гордость ея не допускала возможнымъ приглашать людей, которые, какъ она думала, и можетъ-быть не безъ основанія, содѣйствовали удаленію ихъ отъ двора; княгиня сомнѣвалась даже, пріѣдутъ ли они: въ то время не совсѣмъ безопасно было посѣтить опальнаго. Рѣшимости графа ѣхать на свадьбу къ Тугнусовымъ дивились при дворѣ, что льстило графу, такъ какъ эта поѣздка еще болѣе убѣждала враговъ его въ непоколебимомъ расположеніи къ нему императора.

— Будь съ нимъ помягче, ma chère, прошу тебя... Ты слишкомъ ужь.... уговаривалъ статсъ-даму князь, все еще не терявшій надежды снова пристроиться ко двору.

— Я не могу, mon chèr, воля твоя. Ces manières, стучитъ, горланитъ. Мои лѣта, enfin, требуютъ, il me semble, нѣкотораго уваженія, отвѣчала обыкновенно на это, поднявъ голову и отмахиваясь вѣеромъ, belle soeur его сіятельства.

— Но онъ вѣдь ничего противъ тебя себѣ не позволяетъ... Ну что дѣлать,—привыкъ, пробовалъ возражать на это князь.

— Не могу, перебивала статсъ-дама.—Я лучше уѣду, если тебѣ дороже этотъ parvenu, чѣмъ близкіе родные.

Князь молча пожималъ плечами и уходилъ съ легкимъ вздохомъ, думая про себя: «испортитъ мнѣ она все дѣло; вотъ чортъ принесъ... Жена права: претяжелый и несноснѣйшій у нея характеръ».

Гости надоѣдали, врядъ ли не болѣе еще, князю Борису и княжнѣ; перваго они отрывали отъ чтенія, а княжну старая придворная требовала каждое утро, до туалета, къ себѣ и читала ей длинныя нравоученія, какъ надобно умѣть поставить себя въ

обществѣ, какъ нужно быть вѣжливою со всякимъ, но безъ униженія. Только-что оправившуюся послѣ тяжкой болѣзни дѣвушку крайне утомляли эти наставленія; ей нужно было одиночество; по цѣлымъ часамъ, вечеромъ, просиживала она у растворенного окошка въ своемъ мезонинѣ. Запахъ ржи, несущійся съ полей, ароматъ отъ распустившихся черемухи, березокъ и сирени напоминали ей мелькнувшее мгновеньемъ дѣтство; и ей казалось, что она не умѣла пользоваться, не умѣла употребить, какъ слѣдовало бы, время ранней весны своей. «Тогда и теперь... Какая разница! Тогда такъ радовало, грѣло сердце это пробужденіе силъ земныхъ, теперь навѣваетъ тоску... Не по душѣ теперь мнѣ этотъ праздникъ оживающей природы», думала дѣвушка, со вздохомъ притворяя окно и опуская стору, чтобъ лечь въ постель и опять думать, думать...

Маркизъ пріѣхалъ дня за четыре до свадьбы съ аббатомъ Шуазелемъ. Для развлеченія иностранцевъ, а главное въ видахъ ознакомленія ихъ съ русскимъ народомъ и обычаями, княгиня приказала старостѣ устроить крестьянскую свадьбу. Маркизъ съ іезуитомъ ѣздили смотрѣть, входили въ избу слушать пѣсни на дѣвишникѣ. Іезуитъ записалъ, между прочимъ въ свою памятную книжку, что русскія «svadebnaja piesnja» есть не иное что, какъ une sorte de requiem». Маркизъ на вопросъ княгини, что онъ думаетъ о русскихъ свадебныхъ обрядахъ, отвѣчалъ, грустно улыбнувшись и пожавъ плечами: «mon Dieu! Чего же ожидать отъ дикаря, отъ звѣря»? Стараясь, вѣроятно, по возможности, согласовать наружность свою съ новымъ положеніемъ жениха, маркизъ одѣвался щеголеватѣе и пестрѣе обыкновеннаго: на немъ все было новое, съ иголки; онъ даже помолодѣлъ, гораздо чаще улыбался своею грустною улыбкою и еще выше поднималъ брови. На княжну онъ производилъ впечатлѣніе похожее на то, какое производитъ на человѣка нервнаго раздушенный и богато разряженный трупъ.

— А скучный человѣкъ этотъ твой маркизъ, mon cher, замѣтилъ графъ однажды князю.

— Почему? Что ты находишь въ немъ такого, особенно скучнаго? спросилъ князь, озадаченный этимъ неожиданнымъ замѣчаніемъ.

— Да, такъ.... какой то молчаливый.... Я его встрѣчалъ въ обществѣ.... «Oui, non» никогда ничего больше отъ него не добьешься, отвѣтилъ, зѣвая, графъ.

Графу, ужь безъ маркиза, начинала надоѣдать деревенская тишь; его стихія былъ дворъ съ пересудами и сплетнями; недѣля, проведенная у князя, казалась придворному чуть не цѣлымъ вѣкомъ.

Наконецъ, насталъ день свадьбы. Старый князь съ утра толковалъ съ управляющимъ, съ поваромъ, ѣздилъ осмотрѣть церковь. Старинная, деревянная, запущенная церковь глядѣла такъ грустно, что князь даже смѣшался нѣсколько, войдя въ нее; переходъ отъ бѣлой съ колоннами залы, съ раззолоченными карнизами, къ столѣтнимъ, потемнѣвшимъ дубовымъ стѣнамъ былъ слишкомъ рѣзокъ. «Ковры, братецъ, хоть разослать.... И потомъ перемыть стекла.... Какъ это грязно все у тебя, батько, замѣтилъ онъ священнику, робкому человѣку лѣтъ сорока, вбѣжавшему торопливо въ это время въ церковь.

— Метемъ, ваше сіятельство, но ветхо, сами изволите знать, краснѣя отвѣчалъ священникъ.

Князь поморщился и смѣрялъ съ ногъ до головы іерея, вѣроятно желая разглядѣть, ужь не осмѣливается ли онъ дѣлать косвеннаго выговора ему, камергеру и сіятельной особѣ? Священникъ потупилъ глаза и пригладилъ свои рыжеватые, вьющіеся волосы.

— Осмѣлюсь спросить, ваше сіятельство, началъ онъ, вытирая бумажнымъ платкомъ потъ, выступившій на лбу отъ волненія, произведеннаго на него разговоромъ съ высокою особою:— во сколько часовъ благоугодно будетъ?...

— Въ восемь вечера, отвѣчалъ князь.—Пріѣхали ли пѣвчіе? обратился онъ къ управляющему.

— Пріѣхали, ваше сіятельство, отвѣчалъ прикащикъ, зачѣмъ-то откашлянувшись въ кулакъ.

Пѣвчіе, они же и музыканты, въ числѣ двадцати человѣкъ, привезены были на крестьянскихъ подводахъ изъ подмосковной генералъ-аншефши.

Справедливость требуетъ сказать, что не одна церковь, но и русскій обрядъ бракосочетанія, въ присутствіи католическаго аббата, смущалъ князя и княгиню; князь боязливо поглядывалъ на священника, стараясь вообразить его фигуру въ новой, правда, богатой ризѣ, нарочно заказанной для свадьбы, и подумывая про себя: «неловокъ очень онъ, да еще, пожалуй, сконфузится. Какъ грубо, дико у насъ все; вотъ я видалъ католическіе браки: мило такъ все, деликатно, ничего лишняго», продолжалъ

свои размышленія князь, расхаживая взадъ и впередъ по церкви. Онъ ѣздилъ только по большимъ праздникамъ къ обѣднѣ и дѣлалъ это тоже pour les gens, для народа, «которому», какъ выражался князь, «по его необразованности, какъ узда, нужна религія». Переѣхавъ изъ Петербурга въ Раздолье, князь подумывалъ выстроить каменную церковь; въ кабинетѣ у него лежалъ даже готовый планъ новаго храма съ куполомъ и портиками, но деньги тратились на другое и замышляемая постройка откладывалась каждый годъ до будущихъ оброковъ.

Такое равнодушіе къ своей религіи было не диковина въ то время въ русскомъ высшемъ кругу; диковинно было то, что общество, невѣровавшее въ вѣковыя, непреложныя истины, вѣровало въ то же время, какъ трусливая старуха, въ сверхъ-естественную силу какого-нибудь графа Каліостро и другихъ шарлатановъ, вызывавшихъ тѣни умершихъ и разсказывавшихъ о себѣ, что они вѣчны. Духъ человѣка, съ присущимъ ему даромъ вѣрованія въ другой, не здѣшній міръ, искалъ себѣ хоть чепухи, въ которую бы вѣровать; свернувъ съ прямой, торной дороги, лѣзъ въ трущобу и трясину, лишь бы вырваться изъ тѣсной, имъ же самимъ легкомысленно созданной клѣтки.

Маркизъ весь день бракосочетанія просидѣлъ у себя въ комнатѣ съ аббатомъ; туда имъ подавали и обѣдъ. Старый князь и княгиня были убѣждены, что онъ уединяется для того, чтобы сосредоточиться и приготовить себя для столь высокаго дѣла, какъ бракосочетаніе. Княжна тоже, по обычаю, не выходила къ обѣду. Статсъ-дама и графъ обѣдали съ хозяевами и чуть не побранились; графъ, подпивъ за обѣдомъ, разсказывалъ пошлѣйшіе анекдоты, хохоталъ и на замѣчаніе генералъ-аншефши, что неприлично такъ кричать, отвѣчалъ, что онъ не бывалъ наушникомъ, какъ нѣкоторые, и потому привыкъ говорить громко. Статсъ-дама приняла это, почему-то, на свой счетъ и только благодаря усиленнымъ просьбамъ князя не вышла изъ-за стола прежде пирожнаго. Князь Борисъ былъ задумчивъ, молчалъ весь обѣдъ и тотчасъ послѣ стола ушелъ въ свои комнаты. Кинувшись въ кресло, стоявшее у открытаго окна, онъ сложилъ на груди руки и задумался; на блѣдномъ лицѣ его ясно видны были слѣды безсонныхъ ночей, тяжкой думы и выраженіе недовольства, какое является у человѣка въ минуты грустнаго сознанія своего полнаго безсилія.

— Кафтанъ коричневый прикажете приготовить къ вечеру,

ваше сіятельство? спросилъ камердинеръ, появившійся внезапно въ дверяхъ.

— Черный; все черное, отвѣчалъ, вспыливъ вдругъ, князь, и покраснѣвъ.

Камердинеръ выпучилъ глаза, думая про себя: ужь не рехнулся ли, чего добраго, его сіятельство?

— Разумѣется, цвѣтной какой-нибудь, поправился князь, стыдясь своей дѣтской выходки.

Слуга ушелъ.

«Ну вотъ хоть бы одѣться въ траурный кафтанъ на свадьбѣ я не рѣшусь изъ приличія, изъ боязни встревожить мать, сестру», думалъ молодой человѣкъ, «а отдать молча на истязаніе ту же сестру, на всю жизнь ея, рѣшаюсь, рѣшился, опять изъ приличія, изъ глупой боязни, какъ бы maman не упала въ обморокъ. Лучше смолчать, притвориться, хоть бы отъ этого молчанія вели на эшафотъ сестеръ моихъ, друзей, братьевъ»...

При этомъ князь сердито оттолкнулъ скамейку, стоявшую у его ногъ, и вытянулся во всю длину свою въ тяжеломъ волтеровскомъ креслѣ, съ складными полками по бокамъ для книги и подсвѣчника.

«Аббатъ правъ», думалъ князь: «іезуиты нужны; они замѣняютъ прежнихъ защитниковъ невинности, рыцарей.... Съ хорошимъ сердцемъ іезуитъ много можетъ сдѣлать полезнаго, добраго. Онъ не одинъ, онъ сила; его поддержитъ общество.... А вотъ примѣръ я: я безсиленъ даже въ семьѣ своей. А отчего?—Отъ одиночества.... Maman, какъ ни умна, она женщина пожилая; ея понятія не мои, не наши.... Бѣдная Надя!... Что ждетъ ее?

И князь закрылъ руками лицо, продолжая лежать въ своемъ креслѣ. Не одинъ онъ, всѣ, исключая графа и пріѣзжей родственницы, всѣ были мрачны въ этотъ день въ домѣ; горничныя то и дѣло вздыхали, перебѣгая изъ комнаты въ комнату съ узлами и картонками; даже выщипывавшіе на аллеяхъ траву бабы и дѣвки не калякали между собою; самый день былъ сѣрый, гнетущій, тихій; дождевыя облака недвижно стояли на небѣ, точно задумавшись надъ чѣмъ-то. Посторонній, войдя въ домъ, скорѣе бы подумалъ, что сбираютъ кого-нибудь изъ семьянъ въ вѣчную ссылку, а не подъ вѣнецъ; запахъ левкоевъ и сирени, несшійся въ окна изъ цвѣтниковъ, тоже напоминалъ, при взглядѣ на мрачные лица обитателей дома, никакъ не начало жизни, а конецъ, гробъ, увѣшанный свѣжими цвѣтами.

Въ отворенномъ окнѣ противоположнаго, связаннаго стеклянною галлереею съ домомъ, флигеля показалось желтое лицо маркиза.

— Bon jour, mon prince, проговорилъ онъ, увидавъ въ окно профиль сидѣвшаго Бориса. Il fait chaud.

— Да: кажется, будетъ дождь, или гроза, разсѣянно отвѣчалъ князь, лѣниво приподнявшись съ своего кресла.

— Очень можетъ быть, но воздухъ все-таки хорошъ, продолжалъ маркизъ, заложивъ руки за спину и вытянувшись во весь ростъ, точно на портретѣ, въ окнѣ, окаймленномъ голубыми занавѣсками

Князь всталъ и молча сѣлъ на подоконникъ.

— Я смотрю на эти жалкія существа, началъ маркизъ, кивая своимъ тонкимъ носомъ на крестьянокъ, щиплющихъ траву на дорожкахъ цвѣтника, смотрю и думаю: настанетъ ли, наконецъ, когда-нибудь время, когда онѣ получатъ хотя нѣкоторое право называться тоже существами мыслящими?

— Да, но.... Мнѣ часто приходитъ другое въ голову, отвѣчалъ князь.—Я смотрю часто на мыслящихъ людей и думаю: когда они будутъ и будутъ ли когда-нибудь говорить, думать то, что чувствуютъ.... А то вѣдь это какія-то машины, мыслящія разныя піесы чужаго сочиненія.

Маркизъ поднялъ высоко брови, грустно улыбнулся, вздохнулъ и, потупивъ глаза, произнесъ:

— Къ несчастію вы правы, молодой, любезный мыслитель.

Тонъ, которымъ было произнесено это признаніе, и выраженіе лица маркиза старались изобразить человѣка давно убѣжденнаго въ томъ же самомъ, но говорившаго другое только изъ опасенія разочаровать, рано открыть глаза молодому своему другу. Князь вспыхнулъ; его даже передернуло.... «Мерзавецъ, лицемѣръ!» чуть не произнесъ онъ вслухъ.... «Скажи ему, кажется, что онъ змѣя, гадина,—онъ притворится, что согласенъ.» Князя особенно бѣсила эта неискренность потому, что онъ обвинялъ себя въ ней; притворствомъ, вѣжливостью, заставляющею лгать поминутно, во всемъ, онъ объяснялъ свою нерѣшимость встать горою, заступиться за сестру, приносимую въ жертву капризу матери. Если тѣлесный образъ человѣка сколько-нибудь соотвѣтвѣтствуетъ его внутреннимъ свойствамъ, то сухое, обтянутое прямо по костямъ и жиламъ желтоватою кожею, лицо и вся тощая фигура жениха давали поводъ думать, что сердце, обитаю-

щее въ этомъ тѣлѣ, похоже скорѣе на аппаратъ, приготовленный анатомомъ, чѣмъ на живое человѣческое сердце. Привзглядѣ на его вытянутую, какъ бы хорошо провяленную фигуру невольно думалось: врядъ ли покажется хоть капля крови, если даже насквозь пронизалъ бы кто ее рапирою. Не потому ли и ходила молва между старыми графинями, будто маркизъ ди Сальма вѣченъ.

— А вѣдь онѣ, по-своему, если хотите, счастливы, продолжалъ философстовать маркизъ, приподнимаясь на носкахъ и принимаясь снова съ высоты верхняго этажа, разсматривать бабъ съ снисходительною улыбкою человѣка, разглядывающаго муравейникъ.

Но князь пропалъ за занавѣсками. Не получивъ отзыва на свое глубокомысленное изреченіе, маркизъ поглядѣлъ на стоящія на небѣ облака, приподнялъ еще выше брови и тоже исчезъ въ глубинѣ комнаты.

Въ концѣ праваго флигеля, далеко выдававшагося въ запущенную, почему-то нелюбимую княгинею, часть сада, будто стакнувшись съ братомъ, тоже подлѣ окна, сидѣла княжна, облокотясь на свой рабочій столикъ; одѣтая въ бѣлый, обшитый кружевами пеньуаръ, фигура дѣвушки рѣзко выдавалась на свѣжей зелени, задумавшагося надъ чѣмъ-то, сада; въ воздухѣ парило, несмотря на то, что солнце рѣдко, нехотя проглядывало сквозь медленно плывущія облака; въ свѣжихъ молодыхъ листьяхъ липъ столѣтней аллеи звенѣли и перекликались птицы; гдѣ-то жужжала пчела; тихій, какъ зеркало, маленькій прудъ отражалъ неподвижныя вѣтви орѣшины, березъ и нависшія почти надъ самой серединою свѣтлозеленыя космы старой ивы; изрѣдка булькалъ карась, пустивъ отъ себя безчисленные, расширяющіеся кружки на неподвижной, водной глади; подлѣ желтѣющихъ дорожекъ пестрѣли цвѣтники; надъ широко раскинувшимся садомъ синѣла даль, зеленѣли поля, темнѣла длинная полоса сосноваго бора. Не шевелился листъ; недвижно стоялъ спертый, ароматическій воздухъ.... Все будто ждало чего-то. Выросшая безъ подругъ княжна, въ дѣтствѣ, думала, что деревья чувствуютъ какъ люди, радуются, плачутъ.... Миссъ Вайтъ старалась разувѣрить въ этомъ ребенка, но, по обыкновенію, не разувѣрила; княжнѣ, почему-то, теперь вспомнилось это смѣшное, дѣтское вѣрованіе.

Плакучія березы, островокъ пруда, кусты сирени, статуя Флоры съ отбитыми частями рукъ, будто гіероглифы, ясные только

для знатока, разсказывали ей о ея прошломъ, съ его невзгодами и радостями. Припоминалось ей катанье въ шлюпкѣ по большому пруду, въ весенній, свѣжій вечеръ; няня, повязанная темнымъ гарнитуровымъ платкомъ съ золотыми разводами, съ вѣчною сказкою по вечерамъ «о золотыхъ ключахъ Петра-царевича»; «Марта, пашалуй, не кафари этихъ глупыхъ сказка княжнѣ», слышался рѣзкій голосъ француженки, вязавшей съ утра до вечера бисерный кошелекъ съ узора, изображавшаго охотника въ бальномъ костюмѣ. Припоминался пріѣздъ очень ученаго академика-иностранца, въ огромномъ парикѣ, въ башмакахъ съ серебряными пряжками; ученый экзаменовалъ ее; ей было жутко, когда онъ, положивъ ногу на ногу и поматывая башмакомъ съ пряжкою, говорилъ: «eh bien, qui etait ce fameux Alcibiade, mon enfant? Que ce qu'il a fait de remarquable?» Она, сколько припоминалось ей, не знала, что сдѣлалъ Алкивіадъ и дрожала отъ страха. Генералъ-аншефъ, мужъ статсъ-дамы, звавшій своего камердинера «голова-каналья»; громъ музыки въ имянины отца, иллюминація и хороводы на дворѣ, съ голосистымъ, бойкимъ парнемъ - запѣвалою; поѣздки въ боръ за грибами на длинной линейкѣ, несущейся между двумя стѣнами колосистой ржи, украшенной мѣстами голубыми васильками; ручей у подножья горы, обросшей соснами, березой и орѣшникомъ, черезъ который ее переносилъ на рукахъ обыкновенно Пьеръ, ручей, бѣгущій съ тихимъ звономъ по разноцвѣтнымъ камешкамъ....

Но всѣ эти мимолетныя картины покрыты были чѣмъ то мрачнымъ; такъ покрывается пестрый цвѣтникъ черною тѣнью плывущей надъ нимъ грозовой тучи. «Зачѣмъ припоминаетесь вы мнѣ картины прошлаго, зачѣмъ вы воскресаете въ душѣ?», думала дѣвушка, и вдругъ заколебалась зелень сада сквозь засверкавшія въ очахъ будто алмазы слезы.

— Ручку пожалуйте, ваше сіятельство, раздался женскій вкрадчивый голосъ позади.

Княжна вздрогнула; передъ нею стояла Прасковья.

— Ея сіятельство, маменька, приказали узнать, какъ здоровье, опять почти шепотомъ произнесла пришедшая, цѣлуя руку княжны.

— Благодари, Параша... Скажи, что лучше мнѣ... Сегодня я почти здорова, отвѣчала княжна.

— А что же это слезки-то на глазахъ, матушка, ваше сіятельство? Слезки-то зачѣмъ? Богъ милостивъ. Вѣдь это только

сначала страшновато, матушка, а потомъ... стерпится—слюбится, ваше сіятельство.

— Разумѣется. Да, да, Параша, отвѣчала, улыбнувшись сквозь слезы, княжна.—Стерпится—слюбится... А какъ, maman? Спала сегодня лучше?

— Нонче почивали отмѣнно; на свѣту только изволили проснуться, позвонили. Я вошла. «Подай, говоритъ, мнѣ воды и варенья». Я подала... Изволили ложечку барбарису скушать, глоточекъ воды выпили... Я постояла у дверей; минуты черезъ три, гляжу, заснула... Ну, слава тебѣ, Господи, думаю себѣ... Часовъ до девяти безъ мала, надо быть, опочивали и очень ужь покойно, такъ-то покойно, на одномъ бочку, хоть бы пошевелилась, далъ Господь. А я, признаться, вчера за нихъ тревожилась. Думаю: эдакой день; промается она безъ сна всю ночь, продумаетъ. Вѣдь ужь и любитъ васъ,—Господи, какъ любитъ! Да какъ и не любить. Эдакая доброта вы, ангелъ нашъ, ваше сіятельство...

И Прасковья бросилась цѣловать руки княжны; княжна выдернула руку и поцѣловала ее. Прасковья Ивановна прослезилась, причемъ поминутно вытирала платкомъ глаза и желтыя ввалившіяся щеки. Наконецъ, она ушла. Княжна быстро поднялась со стула и упала на колѣни передъ кіотою. «Есть у меня другая мать, другая заступница», молилась дѣвушка, вперивъ глаза въ старинную икону. «Она поможетъ все перенести, все вытерпѣть, что бы ни предстояло. Къ ней, къ ней... буде неумолимы люди».

Дверь снова отворилась; княжна быстро поднялась съ колѣнъ, точно пойманный за шалостью ребенокъ; въ комнату вошла Дуняша; бросивъ связку бѣлья на комодъ, она сѣла на низенькую скамейку у ногъ опустившейся снова на кресло княжны, взяла за руки и молча смотрѣла въ каріе глаза ея.

— Тяжко вамъ, голубушка-княжна?

— Тяжко, Дуняша, отвѣчала княжна.

Губки ея задрожали и слезы опять ручьями побѣжали по щекамъ.

— Я никому не говорю кромѣ тебя, а.... тяжко.

Горничная тоже заплакала, опустивъ голову на колѣна княжны; дѣвушки долго, молча, плакали и, наконецъ, княжна кинулась цѣловать служанку; Дуняша ловила ея руки, княжна вырывала ихъ и крѣпко цѣловала подругу. «Голубушка моя...,

говорила сквозь рыданія Дуняша.... «Дайте мнѣ слово, побожитесь, что не разстанетесь со мной.... Я ваша.... На вѣкъ ваша... Всю жизнь отдамъ я вамъ....»

Откуда же княжна, воспитанная подъ надзоромъ строгой, безпощадной аристократки-матери, пріобрѣла такое убѣжденіе, что эта крѣпостная родная ей сестра, лучшій и достойнѣйшій другъ ея, сіятельной особы? Откуда въ слабой, знатной дѣвушкѣ явилось такое богатырство, отвага, сразу ей пособившая перешагнуть чрезъ неприступныя вершины вѣковаго предразсудка? Кто были ея учители? Гнетъ матери, одинаково тяготѣвшій надъ ней, княжною, и надъ горничной; исповѣдь, совершаемая дѣвушками въ тишинѣ сумерекъ, при свѣтѣ догарающей лампадки, или подъ сводами разросшихся, благоухапныхъ, липовыхъ аллей, была внушительнѣе и полезнѣй многорѣчивыхъ лекцій о всеобщемъ равенствѣ. Жизнь, опытъ, горе, просвѣщали знатную дѣвушку. Княгиня вышла разъ изъ себя, увидя, что двѣнадцатилѣтняя дочь ея, аристократка, не стыдится крашенинпаго сарафана, надѣтаго на нее матерью для наказанія. «Вотъ оно, ваше якшанье съ горничными», вся вспыхнувъ замѣтила, и очень вѣрно, княгиня.

Ведущая все къ благу, творческая любовь превратила въ полезное орудіе безсмысленный гнетъ жесткой матери. И какъ низко мыслящему существу быть слѣпымъ орудіемъ, стать вровень съ машиною, дѣйствующею, быть можетъ, и на пользу, но безсознательно, такъ высоко въ человѣкѣ пониманіе, что не даромъ послана ему бѣда, что кара и ударъ направлены прямо на требующую врачеванія часть его нравственнаго состава. Княжна долго не сознавала пользы гнета и униженія, которымъ подвергала ее воля матери, но здравое чувство ребенка, будто по вдохновенію, вѣрно относилось къ невзгодамъ; ее почему-то не огорчало, когда за наказаніе сажала ее мать за шитье въ дѣвичьей, или за прялку, въ крашенинномъ сарафанѣ. Дѣятельное воображеніе переносило ребенка, въ эти минуты, въ дворовую или крестьянскую, бѣдную семью; дѣвушка-аристократка воплощалась въ бѣдную, забитую, крѣпостную, вдумывалалась, переселялась въ жизнь простолюдинки, сестры своей. Источникомъ, откуда черпала она необходимыя подробности для воспроизведенія малознакомаго ей быта, были разсказы Дуняши о своемъ житьѣ-бытьѣ. «Васъ посади въ темницу, и тамъ васъ будутъ тѣшить ангелы», говаривалъ баккалавръ любимой своей

ученицѣ, княжнѣ, удивляясь спокойному, привѣтливому выраженію лица на другой день послѣ облаченія въ крашенинный сарафанъ крестьянки. Это спокойствіе не вытекало изъ дерзкаго сознанія правоты своей; любя и уважая мать, ребенокъ былъ убѣжденъ, что наказанъ за дѣло, но мысль, что такой сарафанъ носятъ ежедневно другіе, примиряла ее съ невзгодою, внушала ей благодарность судьбѣ, пославшей за проступокъ такой легкій урокъ, почти вовсе не наказаніе.

Послѣ, выйдя изъ дѣтскихъ лѣтъ, припоминая слова баккалавра о самосознаніи, она научилась видѣть въ посланномъ испытаніи, бѣдѣ, чье-то внушеніе, слово, ниспосылаемое ей любовью, милостью, участіемъ. «Человѣкъ, вѣрующій только въ свои силы», написалъ ей въ альбомъ, уѣзжая, баккалавръ» «и не видящій участія провидѣнія въ нравственномъ своемъ ростѣ, похожъ на садовника, убѣжденнаго, что исключительно благодаря его трудамъ, а вовсе не растительной силѣ и теплотѣ солнечной, садъ такъ роскошно цвѣтетъ и убирается къ осени плодами. Не грѣй, однако, солнце, не питай своими соками земля насажденнаго, ничего не прозябетъ, не выростетъ, какъ ни трудись неутомимый дѣятель-садовникъ».

— Что то, знаетъ ли о вашей свадьбѣ Петръ Тимоѳеевичъ? спросила Дуняша, оправившись отъ слезъ и указавъ головкою на висящій гипсовый силуэтъ Катенева.—Онъ любитъ васъ.

Княжна ничего не отвѣтила и подошла къ окну. Она сама не сознавала любитъ ли она сверстника, хотя, на другой день внезапно сдѣланнаго имъ признанія, вдругъ стала называть его «Пьеръ» вмѣсто прежняго «Петруша».

— Да, онъ любитъ и меня, и брата... И мы любимъ его, проговорила, наконецъ, княжна.

— Вотъ бы женихъ вамъ, перебила ее горничная и сама испугалась своихъ словъ, подозрѣвая въ княжнѣ неравнодушіе къ сверстнику.

Княжна вся вспыхнула и что-то принялась пристально разсматривать въ пестрѣвшемъ подъ окномъ цвѣтникѣ.

Въ семь часовъ вечера, освѣщенный вечернимъ солнцемъ домъ, съ освобожденными отъ кисейныхъ чехловъ люстрами, отполированною заново мебелью, даже садъ съ усыпанными свѣжимъ пескомъ дорожками и подстриженными липками, акаціями и березками—приняли праздничный, торжественный видъ. Въ кня-

жеской, старинной образной, съ иконою въ золотой богатой, ризѣ стоялъ, выпятивъ увѣшанную крестами и звѣздами грудь свою, царскій любимецъ графъ; съ нимъ рядомъ величественно красовалась статсъ-дама, съ хлѣбомъ, увѣнчаннымъ золотою солонкою; величавая поза генералъ аншефши, пудреная высокая прическа съ страусовыми перьями и діадемою платье, украшенное орденомъ, даже выраженіе неестественно помолодѣвшаго подъ пудрою и карминомъ лица напоминали портреты Екатерины. Графъ по временамъ отпускалъ шуточки и остроты a la Turenne, обращаясь къ статсъ-дамѣ, но дама въ отвѣтъ на нихъ только раздувала ноздри, желая выразить этимъ все свое негодованіе къ неприличію подобнаго поведенія въ такую торжественную минуту, какова настоящая. Наконецъ, вдали раздался стукъ отъѣзжающаго экипажа и въ образную вошла, одѣтая вся въ бѣлую дымку, княжна, въ сопровожденіи отца и матери; княгиня что-то шепнула ей; княжна, перекрестившись, опустилась на колѣни и поклонилась въ землю передъ образомъ. Графъ перекрестилъ ее троекратно иконою, шепнувъ какое то bon mot, причемъ генералъ-аншефша не преминула строго смѣрять его своими свѣтлосиними глазами. Затѣмъ княжна приложилась къ хлѣбу, послѣ чего хлѣбъ былъ переданъ графу, а образъ величаво приняла статсъ-дама. Послѣ благословенія княгиня и статсъ-дама прослезились; князь поцѣловалъ дочь, началъ что-то говорить ей, но, не договоривъ, принялся тоже всхлипывать; княжна не плакала, но была блѣдна, какъ мраморъ. Одинъ графъ, поставивъ хлѣбъ на столъ, весело потиралъ руки и, оглядывая невѣсту, поминутно вскрикивалъ: «mais vous êtes rsvisante parbleu. И знаешь, кого она напоминаетъ, князь? Помнишь пѣвицу изъ Милана? Какъ ее? Сартини, Картини... ну, ты еще за най ухаживалъ?»

— Кареты готовы, доложилъ вошедшій слуга.

Графъ стукнувъ шпорами, предложилъ руку невѣстѣ, князь статсъ-дамѣ; княгиня еще разъ перекрестила дочь и всѣ отправились, чрезъ картинную галлерею и залъ, въ переднюю.

— Маркизъ уѣхалъ? спросилъ князь шедшаго сзади слугу.

— Уѣхалъ, ваше сіятельство.

Старый князь и княгиня остались дома; статсъ-дама сѣла съ невѣстою въ высокую, раззолоченную карету въ шесть лошадей цугомъ; противъ невѣсты помѣстился съ иконою, какъ изъ земли выросшій, мальчикъ, одѣтый по-тирольски, сынъ прикащика;

два исполина-гайдука вытянулись на запяткахъ; подлѣ экипажа побѣжали двое скороходовъ въ ливрейныхъ кафтанахъ и трехуголкахъ; графъ сѣлъ въ коляску, заложенную четверней съ форейторомъ.

Не лишнимъ будетъ замѣтить, что императрица Екатерина, съ цѣлію прекратить роскошь, издала указъ о томъ, «какъ публикѣ вести себя въ разсужденіи экипажей и ливрей.» Ѣзда цугомъ въ шесть и четыре лошади дозволялась не всѣмъ, а лишь извѣстнымъ высшимъ классамъ; хотя въ деревняхъ указъ исполнялся не совсѣмъ строго, но было нѣсколько случаевъ, что сосѣди доносили другъ на друга: «такой-то де употребляетъ не присвоенное ему количество лошадей, а также и ливрею имѣетъ не по достоинству»; и по дѣлу производилось слѣдствіе.

Экипажи обогнули прудъ и повернули по извилистой дорогѣ къ церкви; на церковномъ дворѣ стояла толпа мужиковъ и бабъ; завидѣвъ карету, крестьяне сняли шляпы, бабы заглядывали въ окна кареты. Наконецъ, экипажъ остановился, захлопали откидываемыя лакеями подножки; княжна, потупившись, ступила на разостланный на крыльцѣ коверъ и пошла въ церковь; ее встрѣтилъ въ дверяхъ священникъ, запѣли пѣвчіе; маркизъ, опершись на спинку раззолоченнаго кресла, стоялъ на правой сторонѣ и тихо разговаривалъ, то съ княземъ Борисомъ, то съ аббатомъ. Въ вишневомъ фракѣ своемъ, украшенномъ двумя орденами, шитомъ камзолѣ, въ плотно обхватившихъ сухія его икры, бѣлыхъ, шелковыхъ чулкахъ, съ косою въ черномъ, шелковомъ мѣшкѣ, женихъ, приснившись современной женщинѣ, могъ напугать ее: но генералъ-аншефша, мимоходомъ оглядѣвъ его, не могла не шепнуть Борису, подошедшему къ сестрѣ: «quel bel homme, pourtant, ce marquis». Слѣды былой, душевной свѣжести мелькали изрѣдка и не надолго на его безжизненномъ лицѣ; но это озареніе лишь увеличивало холодъ постояннаго выраженія; такъ появляется, на мгновеніе, жизненный огонь въ глазахъ умирающаго человѣка, какъ будто для того, чтобъ, отлетѣвъ, отнять послѣднюю надежду у семьянъ, окружающихъ одръ покидающаго ихъ на вѣки друга. Въ улыбкѣ маркиза, въ поднятыхъ бровяхъ, съ которыми онъ слушалъ молодую рѣчь Бориса о любви къ человѣчеству, свободѣ, сквозь притворную грусть, проглядывала искреннѣйшая, злобная насмѣшка. «Виновны дѣятели; они, согласенъ я, ошибаются, можетъ быть, даже дѣйствуютъ не честно, но понятія-то вѣчны, жизненны», пробовалъ возражать на это

сатанинское молчаніе Борисъ; но маркизъ подымалъ еще выше брови и блѣднѣя, можетъ быть отъ невозможности быть откровеннымъ, принимался смотрѣть въ потолокъ, поглаживая свой голубой подбородокъ. Молодой князь, наконецъ, сталъ говорить съ нимъ объ одной погодѣ.

Начался обрядъ; священникъ отъ робости, надѣвая кольца, уронилъ одно; іезуитъ, стоя подлѣ маркиза, внимательно вслушивался въ чтеніе апостола; маркизъ стоялъ неподвижно, какъ статуя; по временамъ набожно наклоняясь, онъ дѣлалъ католическій крестъ и затѣмъ снова подымалъ брови и голову; княжна молилась: свѣча дрожала у нея въ рукѣ; когда пошли вокругъ налоя, князь Борисъ боялся, чтобъ она не упала; дѣвушка опустилась вся и, какъ бы стараясь ободриться, поминутно вздрагивала. Пѣвчіе, выдѣлывая, неимовѣрныя рулады, какъ нарочно, тянули обрядъ, несмотря на умоляющіе взгляды священника пѣть поскорѣе. Наконецъ, молодые поцѣловались; графъ, князь Борисъ, аббатъ, статсъ-дама подошли поздравить; дворовыхъ и крестьянъ не пустили въ церковь; Дуняша, прибѣжавшая садомъ въ началѣ вѣнчанія, поцѣловала руку княжны и приложилась къ раздушенному фраку маркиза, на что маркизъ произнесъ: «плаходарю»,—одно изъ немногихъ русскихъ словъ, имъ заученныхъ. Статсъ-дама, какъ посаженая мать, уѣхала впередъ, чтобы принять молодыхъ въ домѣ. Повѣнчанные сѣли въ одну карету; графъ и князь Борисъ отправились въ коляскѣ, присланной обратно статсъ-дамою.

Послѣ обычныхъ поздравленій, окончившихся къ ужасу генералъ-аншефши тѣмъ, что графъ въ дребезги расшибъ бокалъ о шпору, всѣ усѣлись на террасѣ, уставленной цвѣтами и тропическими деревьями; вечернее солнце играло въ стеклахъ флигелей, отражаясь въ прудѣ съ островкомъ, изображающимъ вензель Екатерины; въ одной изъ бесѣдокъ играла духовая музыка статсъ-дамы; маркизъ по временамъ предлагалъ руку молодой и прохаживался съ нею по террасѣ. Статсъ-дама въ парадномъ, атласномъ платьѣ, подъ сѣнью своего высокаго, увѣнчаннаго страусовыми перьями, куафюра, почуявъ старый, придворный, екатерининскій режимъ, держала себя еще величественнѣе и неприступнѣе. Такъ отставной, гусарскій конь, заслышавъ трубачей, ладитъ тряхнуть стариной и рвется изъ досадной упряжи. Даже къ благословенію, когда робко, приглаживая волосы, вошелъ на террасу священникъ, пригла-

шенный къ чаю княгинею, кавалерственная дама подошла, ясно выражая всею своею позою: «я подхожу къ тебѣ, какъ къ служителю церкви, но никогда не потеряю своего достоинства; ты все-таки передо мною, попъ, а я статсъ-дама». Священникъ благословилъ ее какъ-то легонько, точно боясь какъ бы не измять накрахмаленыхъ концовъ кружева, окаймлявшаго высокую, красную грудь былой красавицы; онъ, бѣднякъ, робѣлъ и путался въ новой, голубой, атласной рясѣ, подаренной ему къ свадьбѣ маркиза княгинею. «Вотъ наше духовенство», замѣтила по-французски іезуиту княгиня? Іезуитъ вздохнулъ и и скромно потупилъ очи; графъ зѣвалъ, развалясь въ креслахъ; княгиня продолжала весело разговаривать съ аббатомъ; князь Борисъ былъ не въ духѣ и сидѣлъ молча въ сторонѣ, сложивъ на груди руки; старикъ князь расхаживалъ, опираясь на свою камышевую трость, по саду, съ прикащикомъ, распоряжаясь имѣющею быть иллюминаціею; изъ за-угла флигеля поминутно высовывались головы горничныхъ и карлицъ belle soeur князя, сбѣжавшихся поглядѣть на молодыхъ.

Послѣ чая молодая пошла переодѣться; князь Борисъ, все время боязливо поглядывавшій изподлобья на сестру, пошелъ за нею.

— Тебѣ не дурно ли? спросилъ онъ ее, взявъ за руку.

— Нѣтъ, ничего. Я устала. Позови мою дѣвушку, отвѣчала, стараясь показаться спокойною, сестра.

Братъ проводилъ ее до двери ея комнаты и сошелъ внизъ; она вошла, опустилась въ кресла и, закрывъ руками лицо, горько заплакала; вошедшая Дуняша остановилась въ дверяхъ; молодая рыдала, по временамъ принимаясь ломать себѣ руки.

— Что вы, матушка, ваше сіятельство? подскочила къ ней дѣвушка, опустившись по обыкновенію на колѣни.

Молодая продолжала рыдать, какъ рыдаетъ отъ боли сильно ушибенный ребенокъ; Дуняша съ полными глазами слезъ прижалась къ ней и обняла тонкій станъ.

— Княжна, голубушка, начала было она.

— Оставь меня, Дуняша... Я больше не могу... Я все сдѣлала... Принудила себя... Больше я не могу, Дуняша...

Проговоривъ это, молодая женщина поднялась съ креселъ и кинулась на колѣна предъ кіотою; горничная боязливо заглянула ей въ опущенное совсѣмъ къ полу лицо и встала позади, сложивъ на груди руки.

— Что, переодѣвается? спросила шепотомъ, сквозь щель непритворенной двери, подкравшаяся Прасковья.

— Шш.... молится, погодите, отвѣтила Дуняша, осторожно притворивъ дверь.

— Княгиня спрашиваетъ.... Поскорѣе, матушка ваше сіятельство, раздалось за дверьми, вмѣстѣ съ шерохомъ новаго ситцеваго платья и торопливыми, удаляющимися шагами.

До нынѣ стоятъ, шумя своими густыми вершинами, въ полуразрушенномъ Раздольѣ, липы, видѣвшія этотъ страшный вечеръ; развѣсистыя вѣтви ихъ еще не досягали тогда до оконъ уединенной комнатки молодой маркизы; статуя на островкѣ еще стояла на своемъ мраморномъ пьедесталѣ; цвѣтники пестрѣли во всей красѣ, не поросли еще колючками и жгучею крапивой,— но и тогда равнодушная природа не знала, и не вѣдала, какъ тяжко горе молодой красавицы.

Вбѣжавшія двѣ дѣвушки, съ платьемъ, начали переодѣвать молодую; она, будто машина, подымала то одну, то другую руку, двигалась, въ отвѣтъ на просьбы дѣвушекъ: «пожалуйте, повернитесь къ зеркалу, ваше сіятельство; приподымите ручку». Вся погруженная, какъ въ воду, въ безъисходную тоску свою, она врядъ ли и понимала: гдѣ она и что съ нею дѣлаютъ? Дѣвушки перешептывались между собою, поправляя длинныя, припудренныя пряди волосъ госпожи и охорашивая складки атласнаго бѣлаго платья.

Солнце садилось; попробовавъ ярко зажечь стекла оранжерей, заглянувъ, на прощанье, въ тихую поверхность пруда, какъ взглядываетъ на себя, мимоходомъ, въ трюмо разряженная красавица, отправляясь въ залитый огнями залъ, полный веселою и пестрою толпою, озаривъ вершины деревьевъ и дальній лугъ, окрашенный, будто карминомъ, малиновою дремой, освѣтивъ блѣдное лицо молодой, одѣвающейся женщины, сверкнувъ мимоходомъ въ ея бриллiантовомъ ожерельѣ,—оно потонуло въ зелени липовыхъ и кленовыхъ вершинъ; садъ будто вздохнулъ о чемъ-то, легкій вѣтерокъ шевельнулъ листьями и смолкъ; плакучія березы, липы, ива, нависшая надъ тихою водой, точно собравшись отдохнуть, послѣ дневнаго, тяжкаго труда, какъ изваянія, недвижно стали на ярко-красномъ, потухающемъ заревѣ хладѣющаго неба.

Гдѣ-то зазвенѣлъ соловей.... Не тотъ ли ужь, который заливался тамъ, далеко, на югѣ, рисуя сѣверъ пѣснею, унося къ

ней, къ любимой дѣвушкѣ, мысль молодаго воина? Но вотъ гармонія духоваго оркестра покрыла соловьиный свистъ; въ темнотѣ развѣсистыхъ, старыхъ аллей засверкали огненныя, красныя точки иллюминаціи; освѣщенные снизу стволы и вѣтви липъ, клена, выступали мѣстами изъ ночнаго мрака, какъ свѣтлыя геніальныя пятна Рембрандтовскихъ картинъ; длинныя тѣни людей, зажигающихъ щиты и плошки, двигались по освѣщеннымъ аллеямъ и площадкамъ; вотъ загорѣлся надъ широкимъ прудомъ, повторившись въ водѣ, разноцвѣтный, щитъ съ огненными подъ короною буквами: J. и N. посерединѣ. (Маркиза звали Іосифомъ). Прасковья снова прибѣжала на верхъ съ вопросомъ: «скоро ли»?

— Сейчасъ, сейчасъ... Букетъ, ваше сіятельство, тараторили дѣвушки, позабывъ горе и уже любуясь уборомъ своей красивой госпожи-любимицы.

Молодая взяла букетъ и вышла изъ своей комнатки; садъ уже былъ весь въ огняхъ; когда она вышла на террасу, вдали взвилась ракета и пучокъ огненныхъ искръ поднялся на темномъ небосклонѣ, изображая не то снопъ, не то фонтанъ, дѣлившійся по временамъ на двѣ струйки. Музыка довольно нестройно играла маршъ изъ модной оперы: «возстаніе въ сералѣ».

— Каскадъ неудаченъ, очень неудаченъ, замѣтилъ старый князь, обращаясь къ управляющему, толстому человѣку въ бѣломъ галстукѣ и во фракѣ, стоявшему подлѣ террасы.

— Надо быть отсырѣлъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ управляющій, заботливо посмотрѣвъ на осыпающіяся, послѣднія искры каскада.—Надо сходить будетъ.

— Да; сходи. Посмотри, такъ ли они зажигаютъ, произнесъ князь, возвращаясь къ гостямъ.

— Mais c'est charmant, говорила, развалясь въ креслахъ и отмахиваясь вѣеромъ, статсъ-дама. Le soir est delicieux.

Маркизъ встрѣтилъ молча и улыбаясь молодую въ новомъ нарядѣ; онъ замѣтно терялся, не зналъ, какъ держать себя, что предпринять ему мало-мальски подходящее къ положенію новобрачнаго; улыбка, самъ онъ зналъ, никогда ему не удавалась; онъ рѣшился разыгрывать роль человѣка, чувствующаго себя недостойнымъ обладать такимъ сокровищемъ, какъ юная его подруга. Молодая подошла къ матери, поцѣловала ее въ лобъ и сѣла подлѣ; маркизъ, разставивъ тонкія, обтянутыя въ бѣлые чулки ноги, заложивъ руки назадъ, всталъ

противъ и молча съ горькою своею улыбкою глядѣлъ на нихъ; графу подали огромную, пенковую трубку съ гнувшимся чубукомъ, и онъ, усѣвшись Блюхеромъ, на низенькомъ табуретѣ, принялся пускать огромные клубы дыма, къ величайшему негодованію генералъ-аншефши, шептавшей княгинѣ: «зачѣмъ ты позволяешь это ему, ma chere? Хоть бы курилъ по-человѣчески, а то дымитъ какъ изъ овина». Священникъ продолжалъ маяться, съ чайною чашкою въ рукѣ, на кончикѣ стула, робко откашливаясь по временамъ и придерживая полу своей новой рясы; іезуитъ попробовалъ было заговорить съ нимъ по латыни, но бѣднякъ, давно позабывшій спряженія, какъ ни потѣлъ, не могъ связать ни одной путной фразы; іезуитъ отошелъ и сѣлъ подлѣ статсъ-дамы. Старый князь весь озабоченъ былъ отсырѣвшимъ, неудающимся фейерверкомъ. Борисъ, по приказанію матери, предложилъ графу сыграть въ шахматы; слуга принесъ столикъ, свѣчи, и игроки усѣлись въ сторонѣ; молодой князь путалъ поминутно ходы, графъ громко хохоталъ надъ его разсѣянностію, что заставляло вздрагивать статсъ-даму и замѣчать на ухо княгинѣ: «Я говорю тебѣ, ma chere, его мѣсто не во дворцѣ, а гдѣ-нибудь на плацѣ, въ кордегардіи. Ну можно ли усѣсться играть въ шашки въ такой день.... Хоть бы изъ конвенанса....» Маркизъ, наконецъ, усѣлся въ кресло, оставленное статсъ-дамою, подлѣ княгини; музыка заиграла адажіо; протянувъ длинныя ноги и нагнувъ голову къ своей belle mére, маркизъ, разнѣжившись, вполголоса шепталъ ей по-французски: «я не знаю, съумѣю ли такъ лелѣять, какъ бы желалъ, этого ангела, ребенка, en comparaison, со мною—человѣкомъ, испытавшимъ столько горькаго.. О, если-бы, княгиня, знали вы хоть малую часть того, что перенесъ я, dans ma jeunesse, окончилъ онъ, опустивъ сначала вѣки, а потомъ и всю напудренную голову.

— Je suis persuadee, начала было княгиня и вдругъ замолчала, вслушиваясь во что-то.

Вдали раздался, приближающійся быстро, звонъ почтоваго колокольчика. Прочіе тоже вслушивались, переглядываясь между собою; священникъ даже поднялся со стула, держа пустую чашку въ рукахъ; онъ давно недоумѣвалъ, куда ее поставить. Колокольчикъ гремѣлъ ближе и ближе. Въ описываемое время «колокольчикъ дальній» производилъ впечатлѣніе не совсѣмъ сходное съ тѣмъ, о которомъ говоритъ знаменитый, русскій пѣвецъ: трепетъ, производимый его серебряннымъ, валдайскимъ,

звукомъ, тогда былъ далеко не сладостный; рѣзко отдавшись въ пустыхъ комнатахъ дома вмѣстѣ со стукомъ колесъ, звонъ смолкъ; хозяева и гости молча переглянулись; графъ-фаворитъ, желая разыграть смѣльчака, обратился было къ князю Борису: «eh bien», твой ходъ; что-жь ты, mon cher?» Но вдругъ тоже замолкъ, увидавъ въ дверяхъ террасы, низенькаго, съ круглымъ брюшкомъ офицера, съ запыленными височками и сапогами.— Вошедшій ловко, даже привѣтливо, нагнулся, увидя дамъ, отвѣсилъ низкій поклонъ графу, хозяину и пошелъ прямо къ маркизу.

— C'est avec le marquis ди Сальма, que j'ai l'honneur....

Маркизъ вѣжливо наклонилъ голову и выпрямился.

— Я имѣю повелѣніе покорнѣйше просить васъ, monsieur le marquis, немедленно отправиться со мною... Мнѣ поручено препроводить васъ до границы, продолжалъ, тоже нагнувшись, офицеръ, необыкновенно мягкимъ тономъ и съ улыбкою, съ какою приглашаютъ откушать, и притомъ въ сюртукѣ, по-просту.

Маркизъ поблѣднѣлъ; княгиня ахнула и безъ чувствъ отвалилась къ спинкѣ кресла.

— Боже мой? Какъ мнѣ это непріятно, еслибы вы знали, князь, началъ, принявъ балетную позу, офицеръ.—Воды бы приказали... Человѣкъ! заговорилъ онъ, выразивъ на лицѣ испугъ и кинувшись къ двери.

Слуга подалъ воду... Князь Борисъ кинулся къ матери. Старикъ-князь, дрожа всѣмъ тѣломъ, прыскалъ воду. Княгиня скоро очнулась, но оттолкнула стаканъ и заплакала. Княжна, широко открывъ каріе глаза свои, сидѣла точно мраморная статуя въ своемъ бархатномъ креслѣ. «Что жъ это? Лучь надежды на счастье? думала она, и молодое женское сердце замерло; оно боялось какъ бы не спрятали опять за облаками шаловливый лучъ, выглянувшій такъ неожиданно и негаданно.

Пріѣзжій, успокоившись, вынулъ изъ кармана пакетъ и принявъ вмѣсто балетной должностную позу, подошелъ къ графу съ словами: «имѣю честь вручить вашему сіятельству». Графъ пріосанился, и посмотрѣвъ на печать, небрежно произнесъ: «а... отъ графа Павла».

— Точно такъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ пріѣзжій, погнувшись нѣсколько, но не оставляя принятой должностной позы.— И на словахъ графъ приказалъ просить ваше сіятельство—благоволить не замедлить отъѣздомъ въ Петербургъ, прибавилъ офицеръ, подпрыгнувъ на носочкахъ своихъ низенькихъ ботфортовъ.

Графъ развалился въ креслахъ и принялся за чтеніе письма; оно, какъ видно, ободрило и успокоило его, такъ какъ въ то время, несмотря на близкое положеніе, никакъ нельзя было ручаться за прочность постамента, на который помѣстило благоволеніе. Всѣ, не исключая продолжавшей плакать княгини, съ напряженнымъ вниманіемъ глядѣли на читающаго письмо любимца, ожидая, не разъяснится ли наконецъ дѣло; даже маркизъ, принявшій величественную позу оскорбленнаго неповинно человѣка, искоса поглядывалъ на почтовый листокъ, небрежно перевертываемый графомъ.

— Mais expliquez moi, началъ было старый князь, подходя къ графу, окончившему чтеніе.

— Je ne sais rien, отвѣчалъ графъ и обратясь къ офицеру, все еще стоявшему, почтительно нагнувшись передъ нимъ, прибавилъ:—исполняйте же, что вамъ приказано.

Офицеръ повернулся и, подойдя къ маркизу, началъ что-то шептать ему, сохраняя на лицѣ прежнюю привѣтливѣйшую улыбку. Маркизъ сказалъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ тоже вполголоса и ушелъ въ комнаты. Офицеръ послѣдовалъ-было за нимъ, но увидавъ подлѣ дверей высокаго, широкоплечаго солдата, кивнулъ ему и воротился къ обществу. Старый князь что-то шепталъ графу, но тотъ всталъ и громко повторилъ:

— Je ne sais rien, mon cher. А что дорога, ты ѣхалъ,— плоха? обратился онъ къ офицеру.

— Плоховата, ваше сіятельство, мѣстами; мосты ужь очень ветхи, отвѣчалъ офицеръ, ловко сдвинувъ свои ботфорты.

Іезуитъ, заложивъ назадъ свои коротенькія ручки, съ видомъ невиннѣйшаго агнца, подошелъ къ графу и началъ разсказывать, какъ его тоже чуть было не опрокинули на одной изъ станцій. Графъ смѣрялъ его, промычалъ что-то и отвернулся; въ саду пустили какой-то снопъ.

— Скажи этимъ скотамъ, сердито обратился къ вошедшему на террасу лакею старый князь,—не нужно зажигать.

Лакей побѣжалъ въ садъ. Княгиня продолжала охать, закрывши платкомъ лицо. Офицеръ, отъ нечего дѣлать, подошелъ къ стоявшему у колонны, блѣдному какъ полотно, священнику.

— Благословите, батюшка. Когда предназначалась свадьба?

— Была, ваше высокородіе, отвѣчалъ священникъ, торопливо благословляя пріѣзжаго.

Офицеръ хотѣлъ было поцѣловать руку, но священникъ вырвалъ у него и вытянулся.

— И по католическому обряду, стало-быть, вѣнчали? спросилъ шепотомъ офицеръ, взглянувъ на іезуита.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе... Только по нашему... Обыкновенно, по греко-каѳолически, отвѣчалъ еще болѣе оробѣвшій священникъ.

Молодая продолжала сидѣть какъ мраморная статуя не понимая, что вокругъ нея дѣлается; издали доносились истерическія рыданія генералъ-аншефши, ушедшей зачѣмъ-то еще до пріѣзда неожиданнаго гостя къ себѣ въ комнату; ее напугала карлица, вбѣжавшая съ словами: «матушка, ваше превосходительство, фельдъ-егерь прискакалъ... Въ Сибирь, слышь, всѣхъ, и васъ, и князя, и княгиню». Статсъ-дама вскрикнула и упала въ конвульсіяхъ на канапе, подлѣ котораго стояла.

Наконецъ на террасу вошелъ переодѣтый въ гороховый длинный сюртукъ блѣдный, какъ смерть, маркизъ; спросивъ офицера, можно ли проситься, онъ подошелъ къ рукѣ молодой; поцѣловавъ нѣсколько разъ ея руку и молча поглядѣвъ, какъ бы любуясь, ей въ лицо, маркизъ простился съ княгинею, обнялъ князей, аббата и подошелъ было къ графу, но графъ молча поклонился ему и отвернулся.

— Adieu... Que ciel vous garde, едва могла проговорить княгиня, когда маркизъ вторично подошелъ къ рукѣ ея.

Офицеръ очень ловко раскланялся со всѣми; онъ поискалъ глазами даже священника, чтобы проститься съ нимъ, но батько давно улизнулъ, воспользовавшись суматохою прощанья. Старый князь, продолжая дрожать, какъ въ лихорадкѣ, вышелъ провожать; Борисъ остался при сестрѣ и матери. Отъѣзжающіе вышли на крыльцо, въ сопровожденіи людей и стараго князя. Итальянецъ, слуга маркиза, стоялъ подлѣ коляски, заложенной шестернею почтовыхъ съ форрейторомъ; широкоплечій солдатъ сидѣлъ на козлахъ, другой держалъ шинель офицера.

— Asseyez vous, monsieur le marquis, пригласилъ офицеръ, подавая шинель и дѣлая подъ козырекъ князю. —А лошади небойсь устали? спросилъ онъ, обратясь къ одному изъ солдатъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ солдатъ, зажигая фонари у козелъ.—Съ чего устать имъ? Всего восемь верстъ отъ станціи.

Маркизъ и офицеръ усѣлись; противъ нихъ помѣстился итальянецъ и одинъ изъ солдатъ.

— Покойно ли вамъ? спрашивалъ офицеръ маркиза.—Прощай-

те, ваше сіятельство... Извините, не погнѣвитесь, что при торжествѣ... А главное вотъ, ея-то сіятельство встревожились... Что дѣлать? Служба.

— Adieu, mon cher, кричалъ сквозь всхлипыванья князь.

Маркизъ приподнялъ соломенную шляпу. «Пошелъ» пробасилъ одинъ изъ солдатъ; длинный форрейторъ крикнулъ на лошадей, и шестерка тронулась, зазвенѣвъ колокольчикомъ.

X.

Въ іюньское, раннее и необыкновенно ясное утро, по лазоревой и тихой Адріатикѣ бѣжалъ, гордо выпятивъ бѣлые паруса, небольшой австрійскій корветъ; опершись на раскрашенный и раззолоченный бортъ кормы, стоялъ, возрившись въ синюю, безбрежную даль, въ своемъ, выгорѣвшемъ отъ солнца, синезеленомъ мундирѣ, Катеневъ; треугольная съ галуномъ шляпа его тоже порыжѣла; одни сапоги, вычищенные на-диво, не ударили бы въ грязь лицомъ офицера даже на царскомъ смотру; онъ бросилъ на лавку шляпу и пригладивъ темнорусые, длинные волосы, збавленные, благодаря походу, отъ несносной помады и пудры, сѣлъ на плетеный стулъ, стоявшій подъ парусиннымъ навѣсомъ. Тѣни отъ плывущихъ медленно облаковъ поминутно мѣняли развернувшуюся широко картину: водная даль, то темнѣла, какъ темнѣетъ уединенный уголокъ озера, прикрытый сводомъ разросшихся ивъ и сосенъ, то словно улыбающаяся сквозь сонъ красавица, освободившаяся отъ тяжелаго мрачнаго сновидѣнья, снова горѣла яркою, эмалевою синевой полуденнаго неба.

Вдоль палубы расхаживалъ въ разстегнутомъ голубомъ, тоже выгорѣвшемъ, мундирѣ и кожаномъ картузѣ высокій, тонконогій, немолодой уже капитанъ-австріецъ; покуривая изъ фарфоровой, саксонской, съ длиннымъ чубукомъ, трубки, онъ иногда обращался съ приказаніемъ къ рулевому, на что тотъ отвѣчалъ каждый разъ: «Sehr wohl kapitain». Подлѣ носа, на чемоданѣ, покрытомъ неизмѣннымъ, овчиннымъ тулупомъ, сидѣлъ Аѳанасій въ мѣдныхъ очкахъ своихъ и внимательно читалъ, вѣроятно въ

пятьсотый разъ, любимаго Ринальдо Ринальдини. Матросы съ улыбкою поглядывали на овчинный тулупъ старика, даже острили вполголоса, но Аѳанасій не обращалъ на ихъ улыбки ни малѣйшаго вниманія, понюхивалъ табакъ и пошевеливая губами, продолжалъ, знай, читать свою, какъ онъ обыкновенно называлъ, «чудеснѣйшую книгу». На тулупъ его, въ самомъ дѣлѣ, страшно было смотрѣть при блескѣ южнаго, приближающагося почти къ полудню, солнца. Небольшой экипажъ корвета разбрелся по палубѣ; одни изъ матросовъ спали подъ парусами, даже подъ скамейками, чтобъ укрыться отъ солнца, начинавшаго порядкомъ жарить; другіе, покуривая трубки, стояли подлѣ пушекъ и болтали; изъ дверей каюты выбѣгали подышать свѣжимъ воздухомъ повара въ бѣлыхъ фартукахъ и колпакахъ, принося съ собою мимолетный ароматъ жареной говядины. Три офицера разсматривали ландкарту, разложенную на кровлѣ каюты подъ тѣнью навѣса и о чемъ то спорили; Катеневъ продолжалъ сидѣть уставясь задумчиво въ даль и сложивъ на груди руки.

Путешествіе на парусныхъ судахъ, въ тихую погоду, имѣетъ много своеобразной прелести: тишина, не нарушаемая работою брызжущихъ колесъ, какъ на пароходѣ, плавный, покойный ходъ судна, изрѣдка развѣ колыхающагося отъ легкаго удара вѣтра, или кроткой шалуньи волны, птицы, довѣрчиво сидящія на перекладинахъ парусовъ, —все это навѣваетъ на душу что то необыкновенно успокоивающее, мирное. Окруженный величаво спокойною стихіею, человѣкъ невольно задумывается надъ покинутою имъ только что трескотнею общественной жизни; и какъ ничтожною кажется ему эта разумно-суетливая, человѣческая жизнь предъ этимъ, необъятнымъ, загадочнымъ, просторомъ моря и небесъ, безмолвныхъ, вѣрныхъ хранителей однажды навсегда завѣщаннаго имъ закона.

Одинъ изъ офицеровъ подошелъ къ Катеневу и попросилъ его, на ломаномъ французскомъ языкѣ, объяснить имъ настоящее положеніе союзныхъ войскъ. Катеневъ подошелъ къ картѣ, уставленной разноцвѣтными булавками, указалъ два—три передвиженія, но скоро моряки увидали, что онъ знаетъ объ общемъ ходѣ кампаніи врядъ ли не столько же, сколько они. Ему изъ уголка, занимаемаго тамъ и сямъ, передвигавшеюся ежедневно баттареею, не видать было общаго плана; онъ не бывалъ еще, какъ видѣлъ читатель, въ большихъ сраженіяхъ, но участвовалъ въ нихъ, то прикрывая переправу, то охраняя дорогу, по которымъ проби-

рался полкъ; дѣло кончалось, а онъ не всегда могъ опредѣлить, помогалъ ли онъ, и не зналъ въ чемъ состояла помощь; однажды, напримѣръ, велѣлъ ему Сергѣевъ зачѣмъ-то пустить картечью по бѣгущей къ рѣчкѣ, пѣшей толпѣ французовъ; пушка выпалила разъ, другой; за дымомъ сначала не видать было послѣдствій выстрѣловъ; когда разсѣялся дымъ, десятокъ синихъ мундировъ барахтался на пескѣ; отъ казачьяго, мимо шедшаго, эскадрона отдѣлилось человѣкъ шесть; проворно соскочивъ съ сѣделъ, они ощупали раненыхъ, вскочили на коней и поскакали къ эскадрону; другой разъ, ночью, перетаскивали они пушки черезъ глубокій оврагъ, подъ непріятельскимъ, перекрестнымъ огнемъ; свистѣли въ темнотѣ пули; Сергѣеву оцарапало щеку; одинъ изъ артиллеристовъ былъ убитъ на водопоѣ. Этимъ и ограничивались пока боевыя похожденія прапорщика; онъ даже высказалъ разъ что-то въ родѣ жалобы одному изъ штабныхъ, на невозможность отличиться; штабный отвѣтилъ молодому храбрецу на это извѣстною остротою Тюреня, что «одни монахи думаютъ, будто военные воюютъ всегда съ обнаженною шпагой, а мужья то и дѣло ласкаютъ своихъ женъ; между тѣмъ, на практикѣ, часто случается сдѣлать двѣ—три кампаніи не обнажая шпаги».

По мѣрѣ приближенія союзной арміи къ Турину, разгоралось сильнѣй и сильнѣй народное возстаніе; Катеневъ на пути изъ Фано къ Анконѣ, когда фрегатъ приближался къ берегамъ, по вечерамъ, на вершинахъ горъ, видѣлъ краснѣющіе костры, служившіе сигналами. Русскихъ встрѣчали въ городахъ съ восторгомъ; французовъ гнали изъ городовъ, преслѣдовали, грабили дома «патріотовъ», какъ называла чернь приверженцевъ республики. Союзная турецко-русская эскадра подъ командою Ушакова ходила около береговъ, около Неаполя; нѣсколько кораблей стояли подъ Анконою, осаждаемою народнымъ ополченіемъ подъ начальствомъ Лагоца. Къ нему и посланъ былъ Катеневъ фельдмаршаломъ; Лагоцъ, служившій прежде въ австрійской службѣ и перешедшій къ французамъ, писалъ письмо къ Суворову о желаніи своемъ драться вмѣстѣ съ русскими, противъ республиканцевъ; Суворовъ отвѣтилъ ему, что будетъ ходатайствовать о его прощеніи у императора Франца; этотъ отвѣтъ и поручено было отвезти Катеневу вмѣстѣ съ письмами къ Ушакову и графу Войновичу, назначенному вмѣсто Пустошкина командовать частью эскадры подъ Анкопою. Лагоцъ просилъ, между

прочимъ, Суворова прислать ему офицера для устройства полевыхъ укрѣпленій; послать гласно, значило дѣйствовать безъ разрѣшенія Вѣны. А между тѣмъ время шло; непріятель, засѣвшій въ Анконѣ, укрѣплялся сильнѣе съ каждымъ днемъ; фельдмаршалъ рѣшился отправить Катенева подъ видомъ курьера, давъ ему порученіе осмотрѣть укрѣпленія и, въ случаѣ нужды, руководить работами по указаніямъ Лагоца и Войновича.

Дѣло народнаго возстанія сильно тормозила Вѣна. Суворовъ, по взятіи городовъ, объявлялъ возстановленіе стараго порядка, подымалъ жителей верхней Италіи именемъ короля сардинскаго, любимаго народомъ. Изъ Вѣны, между тѣмъ летѣли ему предписанія водворять всюду австрійское управленіе, не упоминая имени любимаго короля; фельдмаршалъ просилъ Разумовскаго объяснить Тугуту, министру-временщику, что подобные опыты замедлятъ и могутъ испортить все дѣло; Разумовскій избѣгалъ прямыхъ и откровенныхъ объясненій и наконецъ вывелъ изъ терпѣнія Суворова; на увѣренія посла въ томъ, что дѣло поправится, что ссора съ австрійцами ни къ чему не поведетъ и т. п., фельдмаршалъ отвѣчалъ ему въ постскриптумъ: «господину барону Тугуту засвидѣтельствуйте мое глубочайшее почтеніе», и написалъ все откровенно, прямо императору Павлу.

Пробравшись сухимъ путемъ до Фано, Катеневъ сѣлъ на австрійскій корветъ, на которомъ и видитъ его читатель ѣдущимъ къ Анконѣ. Судно бѣжало, то приближаясь къ берегу, то снова выплывая въ открытое море изъ опасенія подводныхъ камней. Послѣ обѣда очень чиннаго, къ удивленію русскаго, привыкшаго къ простотѣ и безцеремонности, офицеры усѣлись съ сигарами на палубѣ; капитанъ, развалясь на скамьѣ, читалъ газету; Катеневъ досталъ карандашъ, бумагу, ящикъ съ соковыми красками и усѣлся рисовать берегъ съ развалинами крѣпости; матросы еле двигались отъ нестерпимаго жара; Аѳанасій храпѣлъ, растянувшись на своемъ неизмѣнномъ тулупѣ.

Думалъ ли молодой прапорщикъ, что выцвѣтшія отъ времени акварели его походнаго альбома послужатъ не малымъ подспорьемъ романисту для знакомства со многими изъ лицъ и мѣстностей, мелькающихъ какъ въ панорамѣ передъ читателемъ? Тутъ въ первый разъ, разскащикъ познакомился съ Сергѣевымъ, охорашивающимъ свою любимицу пушку, прозванную Татьянкою; тутъ видѣлъ онъ бивакъ съ шалашами изъ древесныхъ вѣтвей, съ казаками, сѣдлающими хохлатыхъ лошадей своихъ;

неоконченная головка княжны была покрыта сепіею, быть-можетъ потому, что недоволенъ былъ портретомъ дилетантъ-живописецъ. Чувство, знакомое художнику: какъ ни расхваливай зритель, оконченную имъ только что картину, все недоволенъ ею самъ живописецъ; сличая копію съ оригиналомъ, съ натурою, живущею въ душѣ, отходитъ онъ отъ полотна съ грустнымъ сознаніемъ бѣдности средствъ и красокъ, дарованныхъ для передачи міру дивныхъ сокровищъ, хранящихся, будто въ недоступномъ для посѣтителей музеѣ, въ глубинѣ души его.

Мысль молодаго артиллериста плохо слѣдила за кистью. Она бродила далеко отъ рисунка; безсильный ропотъ на судьбу, какъ порывъ вѣтра, налеталъ на душу и нарушалъ тишину, навѣваемую спокойствіемъ окружающей природы. Онъ не получалъ еще извѣстія о свадьбѣ, но по послѣднему письму Бориса зналъ, что свадьба будетъ не нынче-завтра. «Блаженны плачущіе! Вотъ единственная пристань, куда можно пристать полуразбитой лодкѣ», размышлялъ молодой человѣкъ, лѣниво водя кистью, «и правда, что послѣ слезъ бываетъ легче ребенку, но это вѣдь тогда, когда пройдетъ боль отъ ушиба, когда новою игрушкою, прогулкой, утѣшится дитя, а здѣсь вѣдь не видать разсвѣта... мракъ и мракъ, вся жизнь, и настоящее, и будущее—слезы. Тамъ развѣ, за предѣломъ этого видимаго міра? Но это еще вопросъ, есть ли что нибудь тамъ? Не ждетъ ли полное уничтоженіе за этимъ, неизбѣжнымъ всякому, предѣломъ?»

И, съ общею людямъ наивностью, готовъ былъ опредѣлить молодой умъ будущее, готовъ былъ разсказать, что ждетъ его и любимую имъ дѣвушку. За обстановкою настоящей минуты, будто за темною зеленью дремучаго бора, онъ не предвидѣлъ возможности восхода солнца, могущаго мгновенно озарить самые мрачные уголки, утонувшей въ темнотѣ, окрестности. Такъ присуждаетъ, зачастую, глубокомысленный политикъ-дипломатъ народы и государства къ гибели лишь потому, что этому народу послано свыше временное, тяжкое испытаніе. Не видитъ онъ, что въ этой напасти, можетъ-быть, и лежатъ залоги, сѣмена будущихъ всходовъ, обильной жатвы, имѣющей наполнить верхомъ опустѣвшія житницы. И если радіусъ умственнаго человѣческаго зрѣнія коротокъ даже для того, чтобы разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ, что близко, почти подъ носомъ, куда же браться этому зрѣнію, даже сквозь зрительныя трубы, опредѣлять, что тамъ, въ недосягаемой дали, за чертой этого види-

маго міра? Не разглядѣвъ ничего, между тѣмъ, умъ человѣческій вмѣсто того, чтобы сознать свою несостоятельность, обвинить слабыя стекла зрительной трубы, легкомысленно рѣшаетъ, что не существуетъ, нѣтъ ничего тамъ, за синею, необозримою и недоступной далью. Его не удивляетъ соразмѣрность познавательныхъ средствъ, дарованныхъ человѣку, съ пространствомъ, предназначеннымъ ему поприщемъ здѣсь на землѣ; не виденъ, не замѣтенъ ему дивный планъ творенія, съ такимъ изумительнымъ совершенствомъ осуществленный вѣчнымъ Художникомъ. Еслибы духовное зрѣніе наше досягало за предѣлы земнаго, можетъ-быть, грязью, прахомъ показалась бы намъ здѣшняя природа съ ея красой и эта жизнь, съ ея недолговѣчными, недорогими благами; можетъ-быть, единственная молитва была бы на устахъ у человѣка—мольба освободить его скорѣе отъ этой, такъ любимой имъ теперь, такъ драгоцѣнной земной жизни; свободная человѣческая душа, какъ запертая въ клѣткѣ птичка, почуявъ воздухъ зеленыхъ полей и родной рощи, рвалась бы день и ночь туда, на широкій просторъ, на волю вольную.

Эти вопросы первостепенной важности, касающіеся истинъ, не даромъ названныхъ краеугольнымъ камнемъ, «его же небрегоша зиждущіи», подымались обществомъ, но мимоходомъ; оно не испытывало тяжкой муки сомнѣнія и отрицало легко все, что угодно; избалованное жизнію, незнакомое съ нуждою, просвѣщенное поверхностно, общество тѣшилось даже отрицаніемъ, какъ тѣшится баловень-ребенокъ, разбивая изящную фарфоровую вазу,—тѣшилось, не соображая, что ничего нѣтъ легче отрицанія, что весьма нетрудно назвать вздоромъ, чепухой, задачу не поддающуюся разрѣшенію. Развлекаемое звономъ и шумомъ своей вседневной, пустой жизни, искало оно причинъ набѣгавшей иногда тоски въ окружающей средѣ, въ несовершенствѣ мѣръ правительственныхъ, въ деспотизмѣ, а не тамъ, гдѣ слѣдовало, не въ глубинѣ собственнаго духа, добровольно обрекавшаго себя на мракъ неизбѣжный безъ свѣта, даннаго ему, свѣтильника.

Въ умѣ молодаго воина подобныя размышленія тоже группировались сначала около привѣтливаго, женскаго личика, какъ украшенія изъ цвѣтовъ и миѳологическихъ фигуръ, раскиданныя живописцемъ около рамки портрета знаменитой красавицы; но теперь вопросы эти дѣлались личными вопросами влюбленнаго: въ покорности любимой дѣвушки волѣ матери онъ обвинялъ

баккалавра, внушившаго ей смиреніе, заставившаго ее полюбить тернистую стезю терпѣнья; изъ разболѣвшагося молодаго сердца готовъ былъ вылетѣть вопль противъ самого ученія, налагающаго такія тяжкія бремена на человѣка.

Солнце спускалось ниже и ниже; море блистало впереди фрегата будто золото; надъ сіяющею водою высился, будто волшебный, воздушный городъ съ башнями и стѣнами, увѣнчанными по угламъ узорными бойницами; весь озаренный солнцемъ, онъ напоминалъ тотъ градъ-великій, «нисходящій съ небеси», украшенный драгимъ каменьемъ, со стогнами чистаго золота, разубранный будто невѣста градъ, обѣтованное жилище избранныхъ, творившихъ волю Агнца.

Скалистый берегъ, освѣщенный красноватыми, послѣдними лучами, точно подвинулся къ корвету; развалина старинной крѣпости, будто получивъ два-три послѣдніе удара мастерской кисти, вырѣзалась опредѣленнѣе на синемъ, ясномъ небѣ; мачты корвета, раззолоченная корма, снасти, почти повисшіе отъ недостатка вѣтра паруса, тронутые розовымъ, прощальнымъ лучемъ, будто помолодѣли, обновились. Такъ въ послѣдніе часы навѣщаетъ человѣка необыкновенная ясность мысли, и благо ему, если онъ смѣло и спокойно можетъ озирать пройденный путь, лежавшую назади жизненную дорогу свою, съ улыбающимися, цвѣтущими полями ненаглядной юности. Потухло солнце; мелкая зыбь пробѣжала по тихому морю; темнѣй, темнѣй, и потонуло все—и берега, и крѣпость, и корветъ съ нарядною кормой, во влажномъ мракѣ лѣтней ночи; лишь миріады загорѣвшихся мгновенно звѣздъ, да фосфорическій блескъ темно-синей, водной зыби, напоминали путнику о свѣтѣ солнечныхъ лучей, покинувшихъ до завтра эти берега и это море.

— Извольте-ка епанчу надѣть, Петръ Тимоѳеичъ,—вѣрнѣе будетъ; а то какъ разъ простудитесь, послышался сиплый голосъ Аѳанасья, выросшаго точно изъ-подъ земли съ суконнымъ плащомъ передъ убиравшимъ свои краски прапорщикомъ.

— Не надо; жарко, отвѣчалъ Катеневъ.

— А вы надѣвайте, знай, сердито перебилъ Аѳанасій, накидывая плащъ.—Горячіе какіе! Жарко....

На берегу, вдали, появились опять красныя, огненныя точки сигнальныхъ постовъ; этими огненными буквами переговаривалось простонародье, подымающееся на выручку своей благословенной родины.

*

Завернувшись въ широкій плащъ, прапорщикъ растянулся на одной изъ лавокъ; положивъ голову на кожаную походную подушку, онъ долго смотрѣлъ на сверкающія на темномъ небѣ звѣзды, вслушивался въ удаляющіеся, протяжные крики сторожевыхъ на горахъ, но и они смолкали по мѣрѣ удаленія корвета въ открытое море; только однообразная команда капитана, да кроткій, шаловливый, плескъ волны нарушали величавую тишину, окружающую тихо плывущее судно. И подъ разсказы памяти о недалекомъ, миломъ прошломъ юноша задремалъ, какъ дремлетъ малое дитя подъ безконечную сказку-небылицу старой няни.

Выстрѣлъ изъ пушки разбудилъ прапорщика; солнце уже сіяло, когда онъ раскрылъ глаза; капитанъ и офицеры стояли кучкою у борта; нѣкоторые смотрѣли въ зрительныя трубы на раскинувшуюся полукругомъ предъ крѣпостью, бѣлѣющую вдали эскадру. Русскій флагъ пестрѣлъ на одной изъ мачтъ; съ крайняго корабля показался клубъ дыма, и черезъ нѣсколько секундъ грянулъ отвѣтный выстрѣлъ на привѣтствіе австрійцевъ. Экипажъ австрійскаго корвета переодѣлся въ новые мундиры; вымытая палуба, вычищенныя мѣдныя дула орудій глядѣли весело, словно улыбались проснувшемуся пассажиру. Катеневъ пошелъ въ каюту умыться; Аѳанасій ждалъ его уже тамъ съ рукомойникомъ и полотенцемъ.

— Шпагу извольте надѣть.... Сейчасъ надо будетъ являться, толковалъ старикъ, вытаскивая изъ замшеваго чехла новенькую шпагу.—Шляпу возьмите новую; мундиръ бы надо тоже новенькій, по-настоящему; этотъ весь, видите, какъ вытерся по швамъ.

— Не все ли равно?... Зачѣмъ это новый? возразилъ Катеневъ.

— Какъ, зачѣмъ? Молодо, зелено. «Зачѣмъ.» Вѣдь вы являетесь къ начальству, сердито перебилъ его Аѳанасій.

Когда Катеневъ вышелъ снова на палубу, корветъ стоялъ уже на якорѣ, въ четверти версты отъ эскадры. Отъ русскихъ судовъ бѣжалъ на веслахъ катеръ; засучивъ по локоть рукава бѣлыхъ рубахъ, гребцы мѣрно приподымали и опускали длинныя весла; лодка росла, подлетая все ближе и ближе къ прибывшему корвету.

— А видать сіичасъ, сразу, нашего брата-русака... Вишь.... Вонъ они! говорилъ Аѳанасій, вышедшій тоже на палубу.—Эхъ молодцы! Ирои! Совсѣмъ алюръ другой, прибавилъ онъ улыбаясь и заслонивъ глаза ладонью отъ блистающаго солнца.

Катеневъ тоже подбоченился, когда матросы, приподнявъ сразу весла, ловко причалили къ борту корвета. Черезъ четверть часа Аѳанасій спустилъ, при помощи земляковъ матросовъ, чемоданъ съ поддѣтымъ подъ ремни, неразлучнымъ своимъ тулупомъ, и прапорщикъ, откланявшись капитану и офицерамъ корвета, отправился на русскую эскадру.

— На вице-адмиральскій, скомандовалъ гардемаринъ, укладывая въ карманъ письма и депеши.

Матросы дружно ударили въ весла, и отдаленный берегъ, съ тощимъ кустарникомъ понесся мимо катера.

Вдали выглядывали изъ за зелени бѣлыя, задѣланныя мѣстами краснымъ кирпичомъ, башни и стѣны Анконы; два разснащенные корабля стояли ближе къ крѣпости. Катеръ повернулъ влѣво, пробѣжавъ мимо крайняго фрегата. Два турка, въ засаленныхъ бѣлыхъ чалмахъ, стояли съ трубочками на палубѣ; одинъ изъ нихъ кивнулъ гребцамъ.

— Селамъ-але-кимъ, братъ, отвѣтилъ одинъ изъ матросовъ. Вишь, вѣдь, навьючилъ на башку то... Боится, знать, какъ бы ушей не отморозить, прибавилъ матросъ.

Острота разсмѣшила Аѳанасья. «Впрямь обморозится, того гляди», отозвался расхохотавшись старикъ и поподчивавъ остряка матроса изъ своей тавлинки. Между тѣмъ съ одного изъ разснащенныхъ кораблей показался клубъ дыма, и тяжелый звукъ пушечнаго выстрѣла раскатился вдали, повторяемый нѣсколько разъ моремъ и скалистымъ берегомъ.

— Вонъ оно.... Разговоръ пошелъ! замѣтилъ рулевой.

Крѣпость отвѣтила, корабли тоже, и канонада загудѣла, окутывая клубами дыма берега и темные остовы стрѣляющихъ фрегатовъ.

— Это, стало-быть, осада? спросилъ, понюхавъ табаку, Аѳанасій.

— Въ лапту играютъ, отвѣчалъ рулевой, молодцоватый матросъ, раскуривая свою носогрѣйку съ мѣдною цѣпочкою и крышечкой.

Наконецъ гребцы подняли весла, и катеръ причалилъ къ высокой стѣнѣ одного изъ кораблей. Катеневъ взобрался по веревочной лѣстницѣ и, обратясь къ стоявшему у борта рябоватому офицеру съ зрительною трубой, спросилъ: «могу я видѣть контръ-адмирала»?

— Павла Васильевича? Пожалуйте вонъ туда, отвѣчалъ офи-

церъ, продолжая смотрѣть на крѣпость въ трубу.—Онъ тутъ, на палубѣ.

На срединѣ палубы, подлѣ двери въ главную каюту, стоялъ, заложивъ руки назадъ, громаднаго роста человѣкъ въ бѣломъ, застегнутомъ, полотняномъ сюртукѣ; на головѣ у него была, бѣлая же, фуражка, обернутая козырькомъ назадъ; изъ-подъ нея, на лобъ, сваливался клокъ бѣлокурыхъ, съ просѣдью, волосъ и текли ручьи пота. Передъ стоящимъ, по полу, ползалъ на колѣняхъ солдатъ, въ рубахѣ, съ ножницами за ременнымъ кушакомъ, вымѣривая аршиномъ, разостланные куски золотой парчи съ разноцвѣтными разводами.

— Эдакъ, братецъ, опять у тебя клинъ останется, проговорилъ геркулесъ въ бѣломъ сюртукѣ, не спуская глазъ съ парчевыхъ кусковъ, горѣвшихъ какъ жаръ на утреннемъ солнцѣ.

— Никакъ нѣтъ, Павелъ Васильевичъ.. Мы, вотъ, этотъ кусочикъ по поламъ разрѣжемъ, да въ бока его,—полы-то и подадутся назадъ.... Вотъ, оно у насъ и выдетъ.... Вотъ извольте взглянуть... Этотъ кусочикъ сюда, скороговоркою говорилъ солдатъ, отирая рукавомъ потъ, выступавшій то и дѣло на загорѣломъ лицѣ.

— Ну? отзывался геркулесъ.

— А этотъ съ другаго боку... Вотъ, извольте; вотъ оно какъ будетъ, объяснялъ солдатикъ, распредѣляя отрѣзанные куски.

— Ладно.... Ну, а подкладки хватитъ? спрашивалъ бѣлый сюртукъ.

— Подкладки еще останется, Павелъ Васильевичъ. Подкладку подгибать придется.

— Гляди, только ты мнѣ, не окороти. Попъ мало чѣмъ меня пониже.

— Помилуйте, зачѣмъ же окоротить? Вотъ изволите видѣть, возражалъ солдатъ.

— Ну, да ладно, ладно.... Крои, порѣшилъ бѣлый сюртукъ, и матросикъ, почесавъ, вѣроятно для точнѣйшаго соображенія за ухомъ, принялся разрѣзывать парчу, сверкая новыми ножницами.

— Прапорщикъ Катеневъ .. Имѣю честь явиться... Письмо имѣю отъ фельдмаршала, проговорилъ Катеневъ, подавая пакетъ.

— Здравствуй, сударь... Я предувѣдомленъ фельдмаршаломъ, отвѣчалъ геркулесъ, взглянувъ на прапорщика своими свѣтлосѣ-

рыми глазами.—Ты сынъ, вѣдь, Тимоѳея Игнатьича? спросилъ онъ, взявъ и распечатывая поданный конвертъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Катеневъ.

— Старый пріятель мой.... Радъ быть полезнымъ.... Знаю, весьма коротко знаю твоего батюшку.

Исполинъ принялся читать письмо, прислонясь къ стѣнкѣ каюты. Катеневъ, отъ нечего дѣлать, сталъ разсматривать его фигуру. Все, начиная съ загорѣвшихъ пальцевъ, державшихъ почтовый листокъ, до тяжелой ступни, въ отчищенномъ сапогѣ, было массивно, крупно, обличало силу чуть не Ильи Муромца; онъ былъ не толстъ, но великъ, колоссаленъ; точно корни столѣтняго дуба, выдавались жилы на рукахъ, на шеѣ; даже морщины надъ густыми бровями были широки, крупны, напоминали широкій ударъ рѣзца Буонаротти, этого поклонника богатырскихъ формъ и силы. Читая письмо, исполинъ изрѣдка взглядывалъ изподлобья на Катенева.

— Жаль.... Я вотъ завтра ухожу.... Здѣсь графъ Войновичъ замѣститъ меня.... Да это все равно.... Я поручу тебя его вниманію, проговорилъ геркулесъ.

Катеневъ поклонился.

— Вечеромъ отправишься къ Лагоцу, а теперь отдохни.... Въ часъ мы обѣдаемъ.... Познакомься съ офицерами, говорилъ исполинъ, опять уставившись на солдата, раскладывающаго матерію.—Ризу, вотъ, шьемъ, продолжалъ онъ... Кусокъ парчи подарилъ мнѣ паша кунакъ, такъ вотъ и строимъ.... Церковь православная вотъ тутъ.... Да бѣдность такая—страсть! Вотъ мнѣ и хочется.... Мундиры строивали, а вотъ ризу-то впервые Богъ привелъ.... Такъ вотъ и робко, окончилъ онъ, озабоченно посматривая на портнаго.

Канонада продолжала грохотать, изрѣдка прерываясь на минуту, на двѣ. Матросы начали растягивать полотняный навѣсъ надъ палубой, отъ солнца.

— Парѳеновъ! крикнулъ исполинъ.

На зовъ подошелъ молодой мичманъ.

— Вотъ познакомтесь, обратился исполинъ къ Катеневу.— А ты познакомь его съ нашими офицерами.

Молодые люди пожали другъ другу руки и отошли; но Катеневъ все еще поглядывалъ на погруженнаго въ свою кройку исполина.

По разсказамъ онъ его себѣ представлялъ совершенно иначе.

Павелъ Васильевичъ Пустошкинъ (такъ звали контръ-адмирала) былъ правая рука Ушакова, командовавшаго союзною русско-турецкою флотиліей, и прозваннаго турками «паша Ушакъ.» Когда говорятъ объ итальянскомъ походѣ Суворова, то рѣдко, почти никогда, не упоминаютъ объ единовременныхъ ему дѣйствіяхъ нашихъ моряковъ въ Италіи; а между тѣмъ, какъ неоднократно высказывалъ самъ фельдмаршалъ, половиною своихъ побѣдъ русское сухопутное войско обязано подвигамъ этихъ богатырей, обложившихъ южную Италію, будто каменною стѣною съ моря, выгнавшихъ французовъ изъ Неаполя, Бриндизи, Анконы, Рима и другихъ городовъ. Небольшія кучки матросовъ, высадившись съ кораблей, выживали изъ крѣпостей тысячные гарнизоны; Ушаковъ велъ переговоры съ англійскимъ флотомъ, появившимся у Неаполя, зорко слѣдилъ за народнымъ возстаніемъ, за дѣйствіями нашихъ союзниковъ, и прозванъ былъ англичанами хитрымъ, «только съ виду неповоротливымъ медвѣдемъ.» Пустошкинъ былъ отправленъ имъ съ эскадрою къ Анконѣ; выгнавъ изъ Фано и Сенегаліи французовъ, онъ заставилъ ихъ запереться въ Анконѣ и завелъ сношенія съ народнымъ ополченіемъ. Катеневъ воображалъ встрѣтить въ немъ либерала, окруженнаго героями, вождями народной рати, а никакъ не простаго, добродушнаго, помѣщика степняка, озабоченнаго шитьемъ ризы. Правда, что въ сѣрыхъ глазахъ контръ-адмирала свѣтился русскій, смѣтливый умъ, тотъ смыслъ, та проницательность, которая, по меткому народному выраженію, не дастъ себя никому «на кривой объѣхать».—«Но вѣдь этого мало», думалъ прапорщикъ, «для того, чтобы держать въ своихъ рукахъ такія разнообразныя силы, да еще слѣдить за сношеніями итальянцевъ, французовъ, съ англичанами, съ Рагузою, и мало ли съ кѣмъ, въ такое тревожное время». Куда, казалось прапорщику, сладить этимъ костромскимъ медвѣдямъ съ европейцами, чуть не хватающими съ неба звѣздъ?

— Вы не бывали на корабляхъ? спрашивалъ краснощекій мичманъ, желая занять чѣмъ-нибудь гостя.

— Бывалъ въ Кронштадтѣ, разсѣянно отвѣчалъ Катеневъ, продолжая смотрѣть на контръ-адмирала, гладившаго сѣраго, огромнаго кота, выгнувшаго дугою спину на каютной кровелькѣ.

— Это любимецъ Павла Васильича, разсмѣявшись объяснилъ мичманъ.—Подъ ядрами съ нимъ бывалъ; уѣдетъ съ корабля

безъ него контръ-адмиралъ, Васька покоя никому не дастъ: лазаетъ по каютамъ, по снастямъ,—все его ищетъ. Не хотите ли въ каюту войдти?

Катеневъ согласился, и молодые люди спустились по вымытой начисто лѣстницѣ въ общую офицерскую каюту.

Тогдашніе русскіе корабли далеко не похожи были на нынѣшніе роскошные пароходы; дно судна только въ этотъ походъ русскіе стали обшивать листовымъ желѣзомъ, такъ какъ деревянное дно то и дѣло допускало течь, покрывалось водяными растеніями и молюсками. Каюта, куда вошли новые знакомцы, походила на просторную, чистую, крестьянскую избу: некрашенныя лавки по стѣнамъ, дубовый столъ по серединѣ; въ маленькія окошки, подъ потолкомъ, пробивались узкіе лучи свѣта и синѣла, точно эмаль, поверхность тихаго моря.

На лавкѣ лежалъ офицеръ, лѣтъ тридцати, въ рубашкѣ и съ газетою въ рукахъ; увидавъ Катенева, онъ приподнялся и пожалъ ему руку въ отвѣтъ на рекомендацію. Скоро въ каюту вошли еще трое молодыхъ моряковъ и усѣлись около Катенева. Въ походѣ, въ дорогѣ и на охотѣ люди скоро сближаются: черезъ часъ пріѣзжій чувствовалъ себя на кораблѣ какъ дома; обращеніе офицеровъ и самого контръ-адмирала вовсе не похоже было на вѣжливыя, но щепетильныя манеры австрійскихъ моряковъ, съ которыми онъ только что разстался. Наконецъ позвали обѣдать; столъ былъ накрытъ подъ навѣсомъ, на палубѣ; вмѣсто музыки гудѣла, то смолкая, то усиливаясь, канонада.

Съ любопытствомъ всматривался Катеневъ въ добродушныя, загорѣлыя лица моряковъ; слухи о богатырствѣ ихъ доносились до суворовцевъ; онъ представлялъ себѣ ихъ совершенно иначе. Багратіонъ, Милорадовичъ, которыхъ онъ видѣлъ близко, не казались ему героями; для того, чтобы замѣтить ореолъ, окружающій чело героя, генія, нужно нѣкоторое отдаленіе. «Неужто эти простые люди совершаютъ такіе, сказочные, подвиги, съ горстью матросовъ выгоняютъ тысячные гарнизоны изъ крѣпостей?» думалъ прапорщикъ, попивая квасъ, безъ котораго жить не могъ Пустошкинъ. Образъ жизни, избранный контръ-адмираломъ, походилъ скорѣе на жизнь мирнаго помѣщика, чѣмъ на военную. Вслушиваясь по временамъ въ перекаты орудій, гудѣвшихъ вдали, и читая донесенія, то и дѣло получаемыя съ берега и съ обстрѣливавшихъ крѣпость судовъ, Пустошкинъ шутилъ съ офицерами, ласкалъ своего сѣраго Ваську-кота, увивавшагося около испо-

лина-хозяина. Въ это время лжи въ литературѣ, въ жизни, когда всякій меньше всего желалъ быть самимъ собою, когда русскій военный передразнивалъ непремѣнно или Мальборука, или Шаррета, особенно странно было встрѣтить людей простыхъ, каковъ былъ контръ-адмиралъ, сидѣвшій передъ Катеневымъ.

Обѣдъ кончился; моряки разошлись спать. Катеневъ тоже легъ на лавкѣ, въ общей каютѣ, сбросивъ мундиръ свой. Солнце садилось, освѣщая послѣдними лучами укрѣпленія бѣлѣвшаго вдали города. Когда онъ вышелъ на палубу, канонада умолкла; пласты дыма разстилались сѣрою пеленой вдоль и въ ширь тихаго, лазореваго моря. Прапорщика позвали къ контръ-адмиралу, расхаживающему, въ своемъ бѣломъ сюртукѣ, по палубѣ.

— Ты поѣдешь, сударь, вотъ съ лейтенантомъ Ратмановымъ на берегъ, къ Лагоцу.... Тебѣ, вѣроятно, дана инструкція, а я даю тебѣ совѣтъ вести себя вѣжливо, осторожно, языкъ за зубами чаще держать.... Я сегодня уѣзжаю; относиться тебѣ вотъ къ нему, произнесъ контръ-адмиралъ, указавъ на стоявшаго, потупившись, лейтенанта.—Съ Богомъ.... Отцу будешь писать, кланяйся.

Проговоривъ это, Пустошкинъ обнялъ прапорщика. Катеневъ пошелъ отыскивать Аѳанасья; лейтенантъ посовѣтовалъ ему оставить дядьку на кораблѣ и не брать много вещей съ собою. Аѳанасій разсердился за то, что баринъ ѣхалъ безъ него, и ворчалъ, передавая кожаный мѣшокъ съ бѣльемъ.

— Только растеряйте, толковалъ старикъ,—со мною послѣ не раздѣлаетесь. Карпетокъ, помните, полдюжины; платки вотъ тутъ. Вотъ, сколько вы ихъ перетеряли!... Съ меня не спрашивайте.

Отъѣзжающіе спустились въ подбѣжавшій катеръ.

— Весла! скомандовалъ лейтенантъ.

Катеръ вздрогнулъ и полетѣлъ, несомый силою двѣнадцати приземистыхъ матросовъ; влажный, морской, вечерній воздухъ охватилъ ѣдущихъ; спустилась ночь, море стемнѣло, миріады звѣздъ загорѣлись на недвижномъ небѣ. Катеневъ, завернувшись въ плащъ, сидѣлъ, прислонившись къ стѣнкѣ небольшой будки, замѣнявшей каюту. Лейтенантъ стоялъ, разставивъ ноги, посреди лодки; онъ и за столомъ, во время обѣда, все молчалъ, глядѣлъ увальнемъ, чудакомъ и, несмотря на свой тридцатилѣтній возрастъ, казался чуть не старикомъ.

— Позвольте спросить, долго мы проѣдемъ? Вѣдь двѣ мили, кажется, до города? спросилъ Катеневъ.

— Какъ случится. Можетъ-быть долго, а можетъ-быть и скоро пріѣдемъ, отвѣчалъ, не оборачиваясь и продолжая стоять посреди палубы, съ заложенными назадъ руками, морякъ.

«Экой тюлень», подумалъ Катеневъ, развалившись на лавкѣ.

«Эхъ, растоскуйся, да разгорюйся!» завелъ фальцетомъ рулевой. И голоса, будто по вдохновенію, приставая по одному, дружно грянули хоромъ грустную, протяжную пѣсню.

Плескъ веселъ послышался вдали; матросы смолкли, и минутъ черезъ пять къ катеру подплыла небольшая лодка. На темномъ горизонтѣ вырѣзалась чалма сидящаго по серединѣ турка и круглыя головы, въ ермолкахъ, гребцовъ, вдругъ приподнявшихъ длинныя весла. Чалма зашевелилась; русскіе матросы тоже перестали грести, и худощавая фигура турка, съ ястребинымъ носомъ, очутилась подлѣ командира русскаго катера. Катеневъ, приподнявшись съ лавки, съ любопытствомъ разсматривалъ запустившаго за кушакъ руки гостя. Пожавъ руку лейтенанту и отбросивъ назадъ накинутый шелковый халатъ свой, турокъ отвернулся въ сторону, при чемъ ястребиный носъ его точно загнулся еще больше. Таинственный гость и лейтенантъ-хозяинъ обмѣнялись двумя-тремя отдѣльными фразами; до слуха прапорщика долетѣло: «Кадыръ-бей, Ахметъ-Ашифъ, адмиралъ» и еще какіе-то непонятные звуки. Турокъ постоялъ, почесалъ у себя за ухомъ и молча шагнулъ опять въ свой яликъ; гребцы въ ермолкахъ ударили въ весла, и яликъ исчезъ; только плескъ веселъ долеталъ нѣкоторое время до слуха, наконецъ и онъ смолкъ. Лейтенантъ крикнулъ: «въ весла!»—и катеръ тронулся. Пробѣжавъ нѣсколько саженъ, онъ замѣтно сталъ поворачивать вправо; руль то и дѣло скрипѣлъ подъ мощною рукою кормчаго.

— Пріударь, братцы, недалеко! говорилъ нѣсколько на распѣвъ рулевой.

Матросы налегли на весла, и скоро точно выплылъ берегъ, съ мерцающими огоньками въ домахъ и неопредѣленными контурами.

— Ай, братья, лихо! поощрялъ рулевой.

Огоньки свѣтились ближе и ближе, будто подбѣгая къ катеру. «Баста!» скомандовалъ лейтенантъ, и катеръ будто разбѣжавшійся усталый конь, метнувшись вправо, влѣво, заколыхался и сталъ не вдалекѣ отъ берега. Къ влажному морскому воздуху примѣшался запахъ скошеной травы; на кормѣ вспыхнулъ огонекъ фонаря, зажженнаго рулевымъ; матросы опустили якорь. Черезъ нѣсколько минутъ къ катеру причалила двухвесельная рыбачья лодка.

— Santa Maria, раздалось съ лодки.

— Ora pro nobis, отвѣчалъ поднявшись съ лавки командиръ катера.

— Buona sera. Scendete, signori, заговорилъ, снявъ соломенную шляпу и отеревъ рукавомъ рубашки потъ съ лица, прибывшій въ лодкѣ рыбакъ.

— Не угодно ли? пригласилъ Катенева лейтенантъ.—Ваши вещи привезутъ матросы.

Катеневъ перешелъ въ рыбачью лодку.

— E generale? E a casa? спросилъ лейтенантъ, шагнувъ въ лодку, при чемъ она закачалась, какъ люлька, изъ стороны въ сторону.

— Si signore, отвѣчалъ рыбакъ, отталкивая весломъ лодку отъ катера.—Jl generale, продолжалъ онъ, принимаясь гресть,—только что вернулся изъ лагеря.... Вчера опять пришелъ отрядъ волонтеровъ. А вы знаете, что такое волонтеры? Ге! Это не регулярное войско. Волонтаріи.... вы сами знаете, signore, что такое волонтеры. E poi, voi sapete, что такое comando supremo.... Это не шутка, signore. А почему? Потому что въ волонтеры идетъ всякій.... Мнѣ сегодня нечего ѣсть,—куда идти? Я иду въ волонтеры. Другой провороваался,—куда дѣваться? Ге! Маршъ въ волонтеры.... Есть и хорошій народъ, а есть такіе, ну.... вамъ нечего разсказывать, signor capitano, болталъ безъ перерыва рыбакъ, работая веслами.

Въ своей оборванной шляпѣ, то ударяя веслами, то подымаясь на ноги и приглядываясь къ приближающимся огонькамъ, перевощикъ напоминалъ Катеневу Харона. «Только что тотъ, вѣроятно, не такой охотникъ разговаривать», думалъ молодой человѣкъ, вслушиваясь въ несовсѣмъ понятную скороговорку перевощика.

— А сколько волонтеровъ прибыло еще къ генералу? спросилъ лейтенантъ довольно чисто по-итальянски.

— E chi lo sa? Molti.... На дняхъ изъ Поджіо, изъ Велетри, сотни двѣ калабрезцовъ пріѣхало.... Ма.... отвѣчалъ, пожимая плечами, рыбакъ. Волонтеры.... Вы сами знаете.... Вѣдь тутъ что нужно?—Тутъ нуженъ, во-первыхъ, порядокъ, продолжалъ онъ опустивъ весла на воду и принимаясь высчитывать по пальцамъ, что нужно для волонтера. Jl buono ordine. Потомъ.... нужна потомъ celebritá, скорость.... Они, пожалуй, и не трусы.... Но.... Volontarii, signore, все-таки больше ничего какъ volontarii, закончилъ онъ, поплевавъ на ладонь, и ударилъ въ весла.

Лодка полетѣла прямо къ берегу, вдругъ выросшему словно надъ темнѣвшимъ моремъ; кое-гдѣ отразились красными точками въ водѣ береговые огни.

— Вотъ и пріѣхали, произнесъ рыбакъ, приподнявъ весла и причаливъ къ помосту.—Ге! Джузеппе, крикнулъ онъ и зачѣмъ-то прибавилъ, обратясь къ лейтенанту: ecco il sole.... Гей... Подай веревку, да зажги фонарь.

Неповоротливый, вѣроятно заспавшійся, малый лѣтъ семнадцати, высѣкъ и вздулъ огонь, зажегъ фонарь и привязалъ лодку къ желѣзному кольцу.

— Ну, andiamo! произнесъ лейтенантъ, шагнувъ на помостъ.

— Andiamo, signore! Дай-ка фонарь, Джованни, отозвался суетливый Харонъ, съ фонаремъ и въ лохмотьяхъ своихъ теперь напомнившій Діогена.

Путешественники вошли въ городъ. Рыбакъ, освѣщая дорогу, шелъ впереди, по мостовой, выстланной крупнымъ булыжникомъ; за нимъ шли лейтенантъ и Катеневъ, завернувшись въ плащи; длинныя тѣни идущихъ двигались на каменныхъ стѣнахъ домовъ, на садовой оградѣ, увѣшанной зеленью; въ отворенныхъ окнахъ свѣтились огни. На улицахъ стояли и сидѣли кучки народа: одни молчали, опершись на длинныя ружья; другіе весело болтали, покуривая изъ коротенькихъ трубокъ; на самой серединѣ узкаго переулка спалъ крѣпкимъ сномъ человѣкъ, оборванный до того, что Катеневъ принялъ его за кучу тряпья; шедшіе перешагнули черезъ спящаго; дальше загородило имъ дорогу цѣлое стадо навьюченныхъ осликовъ. Рыбакъ повернулъ вправо, вышелъ на широкую улицу, тоже полную спящимъ и бродившимъ взадъ и впередъ народомъ, и остановился у узенькаго, высокаго дома.

— Джакомо? спросилъ рыбака стоявшій часовой, съ длиннымъ лазариновскимъ ружьемъ на плечѣ, въ плисовой курткѣ и высокой, валеной, черной шляпѣ.

— Я это. Я, отвѣтилъ рыбакъ.—Fa caldo, прибавилъ онъ, остановившись и отеревъ потъ, бѣжавшій ручьями съ лица. Жарко. Не было бы дождя, или грозы.

Собравшаяся у крыльца, толпа съ любопытствомъ посматривала на лейтенанта и Катенева въ ихъ трехъуголкахъ; стоявшая на крыльцѣ старуха, съ ребенкомъ на рукахъ, произнесла даже вполголоса, взглянувъ на прибывшихъ: «вишь ты, какіе!»

— Сюда вотъ, signori, въ эту лѣстницу, объяснилъ провожа-

тый, пробираясь сквозь толпу и поднявъ высоко фонарь.—Ecco il quartiere del generale.

Морякъ поднялся на полуразвалившееся крыльцо, пригласивъ Катенева жестомъ за нимъ слѣдовать. Въ полуосвѣщенныхъ потухающею плошкою, широкихъ сѣняхъ сидѣлъ на обрубкѣ дерева молодой, лѣтъ двадцати шести человѣкъ, опершись однимъ локтемъ на колѣно; длинные черные волосы, свѣсившись, едва позволяли разглядѣть его правильный профиль; онъ чертилъ палашомъ на полу, вслушиваясь въ разсказъ толстенькаго, необыкновенно подвижнаго, лысаго итальянца, въ сѣрой курткѣ и огромныхъ сапогахъ съ длинными шпорами.

— Нельзя, я говорю вамъ, mio caro! горячился разсказчикъ, присѣдая поминутно и размахивая своими коротенькими ручками.— Impossibile.... Нельзя. Это все равно, что надѣть на себя мертвую петлю и сказать имъ: «вотъ веревка, потрудитесь меня повѣсить на первомъ деревѣ». Рѣшительно все равно, что попросить себя повѣсить, повторилъ онъ, неожиданно обратившись къ вошедшему въ эту минуту лейтенанту.

Въ пылу разговора онъ не видалъ, къ кому обращается, какъ это бываетъ съ людьми, углубившимися совсѣмъ въ предметъ, о которомъ идетъ дѣло.

— Vous voila, enfin! произнесъ молодой человѣкъ, вскочивъ съ своего обрубка и кинувшись обнимать Ратманова.

Освободясь отъ объятій, до которыхъ видимо былъ небольшой охотникъ, морякъ познакомилъ хозяина съ Катеневымъ, объяснивъ, что артиллеристъ присланъ отъ фельдмаршала.

— Пойдемте въ комнату, проговорилъ молодой хозяинъ, взявъ за руку Катенева.

Катеневъ съ любопытствомъ посматривалъ на красивую фигуру Лагоца (какъ назвалъ его морякъ). Черная, бархатная, накинутая на бѣлую рубаху, куртка, окаймлявшая высокую грудь, станъ, перехваченный широкимъ, пестрымъ, римскимъ шелковымъ кушакомъ, изъ-за котораго глядѣла серебряная рукоять стиллета; бѣлые опойковые ботфорты со шпорами, широкій воротъ рубахи, высовывавшійся изъ подъ пестраго платка, напоминали фигуры итальянскихъ брави, знакомыя Катеневу по рисункамъ и этюдамъ, съ которыхъ онъ копировалъ въ классѣ рисованія, въ корпусѣ. Высокій ростъ, звучный голосъ и быстрыя, широкія тѣлодвиженія имѣли въ себѣ что-то сразу располагающее, откровенное.

Комната, куда ввелъ хозяинъ гостей, почти ничѣмъ не отличалась отъ сѣней; сѣрыя, когда-то выбѣленныя, стѣны едва освѣщались, стоявшею на овальномъ столѣ, лампою; столъ этотъ, съ своею рѣзною тумбою, среди тростниковыхъ, простыхъ стульевъ, напоминалъ разодѣтаго барича, попавшаго нечаянно въ толпу простолюдиновъ. Въ отворенныя окна глядѣло темное, усѣянное звѣздами небо, неизмѣнно величавое всюду, въ изящной, выкованной узорами, рамѣ роскошнаго балкона и въ узкой скважинѣ темницы одинокаго узника. На каменномъ полу валялись сѣдла; въ углу стояло нѣсколько длинныхъ, тонкоствольныхъ ружей. Въ переднемъ углу пестрѣла раскрашенная литографія лоретской Мадонны, съ привѣшеннымъ для украшенія блѣднымъ вѣнкомъ изъ иммортелей,—вѣнкомъ, сплетеннымъ вѣроятно богомолкою на память дня, когда она съ семьей и съ женихомъ, передъ своею свадьбой, ходила помолиться въ Лоретто, въ casa santa. У стѣны стояла высокая кровать, съ цѣлою кучею довольно грязныхъ ситцевыхъ подушекъ.

Лагоцъ и гости усѣлись на стульяхъ у стола; дѣвушка лѣтъ тринадцати, въ синемъ сарафанѣ и расшитыхъ красною бумагою рукавахъ бѣлой рубахи, поставила на столъ кувшинъ воды, фляжку съ мѣстнымъ виномъ и стаканы; посмотрѣвъ исподлобья своими черными глазами на мундиры пріѣзжихъ, она подобрала съ полу разорванные конверты и вышла изъ комнаты.

Катеневъ всталъ и подалъ письмо Суворова; Лагоцъ тоже поднялся со стула, принимая письмо; сломивъ нетерпѣливо печать, онъ придвинулъ лючерну и принялся читать. Прапорщикъ, сѣвъ на свой стулъ, внимательно разсматривалъ новаго знакомца. Онъ зналъ о немъ очень немного изъ словъ Фукса, уподобившаго Лагоца Гракху (Яковъ Борисовичъ людей чѣмъ-нибудь выдающихся любилъ производить въ грековъ или римлянъ). Винить ли въ этомъ молодаго прапорщика, посланнаго по казенной надобности къ народному вождю, когда сами итальянскіе историки даютъ намъ о немъ только нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, разбросанныхъ тамъ и сямъ по лѣтописи громкихъ событій того времени? Изъ нихъ видно, что Лагоцъ родился въ Миланѣ, служилъ не долго въ австрійскихъ войскахъ; потомъ, увлеченный революціонными идеями, перешелъ на службу во Французскую революціонную армію и былъ нѣкоторое время въ свитѣ Наполеона. Онъ участвовалъ въ первой итальянской кампаніи французовъ уже въ чинѣ генерала и командовалъ.

Яснѣе виденъ онъ изъ рѣчей, записанныхъ итальянскимъ историкомъ; въ нихъ сквозитъ, даже сквозь передѣлку, которую, очевидно, позволилъ себѣ сдѣлать для украшенія повѣствователь, пылкая, живая натура Лагоца, способная увлекать народную массу и вести ее за собою. Высокій, стройный, съ звучнымъ голосомъ, искреннимъ, открытымъ и красивымъ лицомъ, онъ однимъ появленіемъ на ворономъ статномъ конѣ своемъ уже вдохновлялъ толпу, будилъ въ ней надежды и мечты о лучшемъ, счастливѣйшемъ времени. Неодолимая вѣра въ это лучшее будущее—отличительное свойство всѣхъ народныхъ вожатаевъ—придавала силу его рѣчамъ, превращая слово въ молнію, способную зажигать сразу сердца слушателей. Успѣхи первыхъ дѣйствій ополченія подъ его командою скоро сдѣлали имя его народнымъ. Привѣтливый съ каждымъ, владѣющій простонародною рѣчью, юморомъ, онъ сдѣлался олицетвореніемъ вольности, широкаго признанія правъ въ глазахъ угнетеннаго пришельцами простонародья.

Итальянская молодежь, интеллигенція, какъ нынче называютъ, все еще продолжавшая вѣровать въ спасительное вліяніе французовъ въ Италіи, поэтому косо, непріязненно смотрѣла на него, послѣ его бѣгства изъ французскаго лагеря, какъ на враждебную ей силу. Въ Парижѣ много было итальянскихъ выходцевъ; Лагоцъ жилъ съ ними тамъ почти неразлучно. Черезъ него велись всѣ переговоры эмигрантовъ съ Наполеономъ, съ директоріею; онъ руководилъ революціонною пропагандою въ Италіи; послѣ этого весьма понятно, что когда онъ разстался съ французами, пошелъ противъ нихъ, молодежь, не задумываясь, обозвала его измѣнникомъ. Поворотъ, совершенный имъ, былъ крутъ, былъ не подъ силу молодежи, не доросшей до размолвки съ революціею, и какъ всегда бываетъ съ людьми опередившими царящія идеи, Лагоцъ остался одинъ; подлѣ него стояло простонародье, да двое-трое друзей, усвоившихъ его убѣжденія.

Мы бы навязали ему чужое, еслибы вздумали однако увѣрять читателя, что понятіе его о народѣ было то самое, какое выработано новѣйшимъ временемъ. Прошедшій вѣкъ далеко не такъ почтительно относился къ обычаю и къ сложившемуся вѣками народному первообразу, какъ начинаетъ относиться наше время. Замѣчательно, что слово «свобода» въ прошломъ столѣтіи, у русскихъ замѣнялось словомъ «вольность». Свобода пріобрѣтается человѣкомъ, народомъ, изъ нутра, изъ души, сознаніемъ;

вольность можетъ быть дарована внѣшними мѣрами, далеко не свободному, народу. Вѣрный понятіямъ своего вѣка Лагоцъ, разставшись съ французами, какъ съ угнетателями своего роднаго края, не разстался съ выработанными революціею понятіями о республикѣ; онъ хотѣлъ отдѣльной Италіи, независимой ни отъ кого, но въ образѣ той же псевдоклассической республики, съ тріумвирами, консулами, трибами, въ какой облечена была тогдашняя Франція. Намѣренію русскихъ возстановить прежній порядокъ съ королями онъ рукоплескалъ, какъ временной, полезной для освобожденія отъ чуждаго ярма мѣрѣ, а австрійцевъ ненавидѣлъ за намѣреніе захватить въ свои руки часть Италіи.

Чуть не арестованный австрійцами, которымъ первымъ заявилъ онъ желаніе дѣйствовать, съ ополченіемъ, за одно съ союзною арміею, Лагоцъ обратился съ письмомъ къ Суворову; Суворовъ принялъ его подъ свою защиту и обратился къ императору Францу съ просьбою простить перебѣжчика и принять его полезныя союзникамъ услуги. Отвѣтъ Суворова на письмо Лагоца привезенъ былъ Катеневымъ. Фельдмаршалъ намѣренно послалъ офицера незначительнаго, дабы громкимъ сношеніемъ съ Лагоцемъ не придавать большой огласки до разрѣшенія сноситься съ ополченцами, ожидаемаго изъ Вѣны.

— Я очень обязанъ фельдмаршалу, проговорилъ по-французски Лагоцъ, окончивъ чтеніе письма.—Прошу васъ быть безъ церемоніи, прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Катеневъ приподнялся съ своего мѣста.—У насъ не регулярная армія... Я надѣюсь, мы очень скоро будемъ съ вами друзьями. Завтра я передамъ вамъ карты, а теперь не хотите ли отдохнуть. Вы, вѣроятно, порядкомъ устали.

Онъ хлопнулъ три раза въ ладоши; на этотъ зовъ въ комнату вошелъ мальчикъ, лѣтъ шестнадцати, въ бархатной коричневой курткѣ.

— Проводи офицера на верхъ, Джованни, и похлопочи, чтобы ему было покойно тамъ, обратился Лагоцъ къ вошедшему.

Мальчикъ пригласилъ полупоклономъ Катенева слѣдовать за нимъ, Лагоцъ и лейтенантъ пожали ему руку, и прапорщикъ вышелъ въ сѣни. Въ сѣняхъ все еще продолжалъ горячиться толстый итальянецъ, обращаясь къ рыбаку и еще какимъ-то двумъ ополченцамъ.

По узенькой, каменной лѣстницѣ провожатый съ лючерною въ рукѣ ввелъ прапорщика въ небольшую комнату съ однимъ раство-

реннымъ окномъ; по серединѣ стояла постель, похожая на стоявшую въ комнатѣ Лагоца; на полу навалены были мѣшки съ овсомъ, кадушки, лежалъ заступъ; это была, вѣроятно, кладовая хозяина, дома. Поставивъ лючерну на некрашенный столъ, единственную мебель комнаты, мальчикъ спросилъ: «не нужно ли разбудить», и пожелавъ доброй ночи, вышелъ изъ комнаты. Катеневъ сбросилъ мундиръ и сѣлъ на подоконникъ. Окно выходило на площадку; кучка народа стояла подъ окномъ.

— Спой что-нибудь, произнесъ одинъ изъ толпы.

— Canta, подхватилъ другой.

Забренчала гитара и, послѣ короткой прелюдіи, мужской, довольно звучный, баритонъ запѣлъ подъ самымъ окномъ:

«Da ruvide rupi selvaggi, scoscesi,—
Dai scogli d'Abruzzo, da quei calabresi,—
Un battere d'ali si sente e fiere
Dell' aguile scendono schiere intiere,
Dai nubi intorno all' agro romano—
Volgendo lo nobile sguardo lontano,

—

Ascoltan, immobile, già se si sente
Da Pesaro, Fano, il suono ardente,
Se vien da sorella Firenze fiorita
Dell' inno guerriero la nota gradita!
Dal campo amico, sull' ali del vento
Il suono amato del corno d'argento!

—

Si sente! Ed ecco: la nube lor densa
Sul campo nemico s'aggira immensa,
E piomba qual fulmine bieco, irato,
Per rincacciar lo stranier odiato!—
Tremenda e sarca s'accende la guerra
Salvar la natía, la patria terra!

* *
*

Орлы, уроженцы разсѣлинъ Абруццо,
Подкликнувъ Калабріи вольной дѣтей,
Широкою стаей и рѣютъ, и вьются
Надъ Римомъ, надъ ширью зеленыхъ полей.

—

И слушаютъ, скоро ль отъ Пéзаро, Фано,
Подъ пѣсню Firenze, любимой сестры,

Раскатится эхо изъ дружняго стана
Серебряной, звонкой, желанной трубы?

—

Заслышатъ—и тучей надвинется стая
На полчища робкихъ пришельцевъ, враговъ:
И Божіимъ громомъ ударитъ святая
Война за родимый, отеческій кровъ.

—

— Браво! покрыла толпа послѣдніе аккорды гитары.

— Tremenda e sacra s'accende la guerra,

Salvar la natia, la patria terrari, продекламировалъ дѣтскимъ голосомъ своимъ на улицѣ Джованни.

Благодаря медленному такту пѣсни и чистому, римскому нарѣчію импровизатора, Катеневъ понялъ почти все. Онъ высунулся въ окно, но увидалъ одну широкую спину пѣвца, пробиравшагося сквозь толпу съ гитарою въ рукѣ. Толпа разбрелась. Прапорщикъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, раздѣлся и легъ, но, несмотря на усталость, долго не могъ заснуть онъ. Широкій, звучный баритонъ пѣвца и послѣдніе слова пѣсни:

«И Божіимъ громомъ ударитъ святая
Война за родимый, отеческій кровъ».

стояли въ ушахъ; нервная, свѣжительная дрожь пробѣгала то и дѣло по членамъ. Въ жизни каждаго бываютъ иногда, маловажные сами по себѣ, случаи, внезапно нарушающіе душевную тишину: подобно неожиданному удару колокола, раздавшемуся вдругъ въ потонувшей въ полунощной темнотѣ, тихой долинѣ, будятъ они задремавшую душу, навѣвая или воспоминаніе, или неясныя предчувствія, похожія на рисующійся сквозь туманъ, тамъ, впереди дороги, не то городъ, не то причудливое, странное сочетаніе облаковъ, позолоченныхъ лучами потухающаго солнца. Человѣкъ можетъ не вѣрить въ предчувствіе, но врядъ ли въ силахъ онъ не внимать ему, затворить такъ плотно душевную дверь, чтобы не слыхать было этихъ полувнятныхъ рѣчей, несущихся невѣдомо откуда. Все заснуло кругомъ; откуда то доносился храпъ лошади; гнусилъ комаръ, залетѣвшій въ отворенное окно, а молодой человѣкъ лежалъ съ открытыми глазами, подложивъ обѣ руки подъ голову. И думалось ему, что не безъ смысла, что не даромъ прозвучала эта пѣсня, что она есть предвѣщанье чего-то великаго, имѣющаго совершиться—какъ, когда, Богъ вѣдаетъ, въ его родной

землѣ, въ его отдаленной отчизнѣ. «Будетъ что-то подобное», думалъ молодой человѣкъ. «Будетъ. Придется русскимъ, намъ, стоять противъ пришельцевъ; на нашихъ необозримыхъ, доселѣ мирныхъ, поляхъ раздастся, прогремитъ, подобно Божію грому, война за родимый, отеческій кровъ. Это не бредъ.. Нѣтъ, я увѣренъ, убѣжденъ въ томъ, что не даромъ здѣсь, у моего окна внезапно раздалась, сверкнула молніей, взлетѣла, будто соколъ, выношенная у сердца бѣдняка, бродячаго поэта, пѣсня.»

XI.

— Что, поздно? Вы говорите по-французски? спрашивалъ, проснувшись утромъ, Катеневъ, вошедшаго на цыпочкахъ въ комнату вчерашняго своего провожатаго, мальчика.

— Немного говорю. Восемь часовъ, отвѣчалъ по-французски мальчикъ, заглянувъ въ рукомойникъ, стоявшій на окнѣ.

Катеневъ всталъ и принялся умываться.

— Кто такой этотъ пѣвецъ, который пѣлъ вчера подъ окнами? спросилъ онъ.

— А вы слышали?... Поэтъ. Кто его знаетъ? отвѣчалъ мальчикъ, покраснѣвъ и глядя въ сторону.

— А генералъ всталъ? спросилъ Катеневъ, натягивая мундиръ.

— Генералъ съ лейтенантомъ только-что воротились.. Они, чѣмъ свѣтъ, ѣздили въ лагерь; теперь легли отдохнуть; часамъ къ двѣнадцати проснутся. Хотите завтракать?

Катеневъ отвѣчалъ, что онъ пойдетъ въ кафе, и мальчикъ объяснилъ ему, что противъ дома, черезъ улицу, есть кофейная. Прапорщикъ взялъ шляпу и вышелъ. Солнце палило; подлѣ крыльца, въ тѣни, на узенькихъ тротуарахъ, лежали человѣческія фигуры въ разныхъ положеніяхъ: кто спалъ, кто нѣжился въ тѣни навѣса; тутъ были поселяне въ толстыхъ рубахахъ съ обувью, напоминавшею древнія сандаліи, плисовыя порыжѣлыя куртки; на одномъ былъ даже напяленъ синій французскій мундиръ, вѣроятно снятый съ убитаго противника; нѣкоторые рылись въ своихъ котомкахъ, похожихъ на узелки нашихъ русскихъ богомольцевъ; сѣдой, худощавый старикъ, усѣвшись среди улицы, зашивалъ распоровшійся, стоптанный башмакъ; тяжелыя фуры, запряженныя волами, тащились по узкой,

вымощенной крупнымъ булыжникомъ улицѣ. Городъ съ высокими, сѣрыми стѣнами домовъ, черепичными кровлями и старинною, можетъ-быть помнившею Юлія Цезаря, мостовою, былъ накаленъ солнцемъ; глазъ отдыхалъ, отыскавъ клокъ запыленной зелени, свѣсившейся со стѣны, или завидѣвъ верхушку каштановаго дерева, прижавшуюся къ черепичной, полуразсыпавшейся кровлѣ. На небѣ не было ни облачка; ласточки и стрижи звенѣли, увиваясь около выглядывшаго изъ за-кровель церковнаго шпица: волы лѣниво тащили обозъ, отмахиваясь отъ слѣпней и мухъ хвостами; погонщики, снявъ войлочныя шляпы, отирали потъ, катившійся съ ихъ загорѣлыхъ лицъ, и нехотя хлопали длинными бичами.

По наставленію мальчика, Катеневъ перешелъ дорогу и усѣлся у столика подъ тощею, запыленною бесѣдкой изъ дикаго винограда.

— Un caffè, signore? Bianco o nero? Eh? спросилъ его удушливымъ, хриплымъ голосомъ, приподнявъ пропитанную потомъ плисовую шапочку, выскочившій изъ кофейной cameriere.—Можетъ-быть fromagio угодно синьору? Масла можетъ-быть? допрашивалъ онъ, вытирая фартукомъ, лоснящееся отъ пота, опухшее лицо съ едва замѣтными, заплывшими глазами.

Катеневъ спросилъ масла, хлѣба и кофе со сливками. Слуга убѣжалъ въ кофейную и черезъ полчаса подалъ чашку кофе.

— А хлѣба? Сливокъ? спросилъ Катеневъ.

Cameriere пожалъ плечами, вздохнулъ и, приподнявъ опять шапочку, объяснилъ, «что вотъ не дальше, какъ вчера, были и сыръ, и сливки, и хлѣбъ, все было, но теперь все съѣли волонтеры.

— Такой ужь народъ, signore... Городокъ маленькій.. У насъ вы все получите въ другое время—и яйца, и сыръ, и сливки, но теперь..., прибавилъ онъ, какъ бы въ утѣшеніе, опять легонько вздохнувъ и приподнявъ свою бархатную феску.

Катеневъ принялся пить свой кофе. Толстый прислужникъ, поминутно то убѣгалъ въ кофейную, то снова вытягивался около бесѣдки. Въ дверяхъ сидѣлъ подлѣ маленькаго столика гость въ одной рубахѣ, въ черной высокой шляпѣ съ бѣлымъ крестомъ напереди; плисовая черная куртка его висѣла на спинкѣ тростниковаго стула. Прапорщикъ, допивъ чашку, принялся отъ нечего дѣлать наблюдать длинную, худощавую фигуру гостя; гость тоже поглядѣлъ на него своими черными, впалыми глазами.

Оливковое лицо его выражало недовольство, даже какъ будто озлобленіе на все и на всѣхъ; злобно смотрѣлъ онъ на суетившагося толстяка cameriere, на повара, появившагося вдругъ точно изъ-подъ земли, съ прирѣзанною только-что, еще живою курицей, на запыленные, зеленые столы кофейной, на флягу съ краснымъ виномъ, стоявшую передъ нимъ на столикѣ, на свои выгорѣвшіе, голубые штаны, на запыленные сапоги, на Катенева, даже на свою коротенькую, деревяную трубочку.

— Калабрезецъ, шепнулъ, подскочивъ къ Катеневу, услужливый cameriere.—Пріѣхалъ съ переговорами отъ кардинала къ генералу. Видите крестъ на шляпѣ? Это armata della santa fede. Храбрый народъ, signore. Храбрый народъ, герои... Погодите, зададутъ они французамъ.

— Эй! Подай мнѣ еще фляжку этого мерзѣйшаго вина, крикнулъ калабрезецъ, выколотивъ трубку на столъ.

—Subito, сейчасъ, отозвался толстякъ, въ одинъ прыжокъ очутившись подлѣ мрачнаго посѣтителя и схвативъ со стола пустую флягу.—Вотъ вамъ вино, проговорилъ онъ, дѣйствительно въ одну минуту вылетѣвъ изъ дверей съ новою, полною фляжкою.

Гость, ничего не отвѣтивъ, налилъ полстакана вина и растянулся во всю длину свою на тростниковомъ стулѣ. Прапорщикъ, расплатившись, посмотрѣлъ на часы и отправился бродить по городу. Городокъ, лѣпившійся по скалистому берегу, будто намѣренно, для просушки, былъ выставленъ на солнце; переулокъ, куда поворотилъ съ главной улицы Катеневъ, весь былъ уставленъ разсѣдланными лошадьми; однѣ изъ нихъ лежали, другія, уткнувъ морды въ холщевые ясли, жевали овесъ; подлѣ лошадей стояли задумавшись ослики. Зеленыя деревянныя сторы домовъ, какъ вездѣ въ Италіи въ полдень, были опущены; иногда стора подымалась, и двѣ женскія красныя руки, высунувшись изъ окна съ глинянымъ тазомъ, безъ церемоніи выплескивали, на счастливаго, какую-то мутную жидкость; охабки скошенной травы валялись на мостовой; развалясь на нѣкоторыхъ изъ нихъ дремали ратники и погонщики ословъ. Пробравшись межъ табуна, Катеневъ очутился на небольшой площадкѣ, уставленной мѣдными и чугунными пушками; подлѣ орудій важно расхаживалъ въ одной рубашкѣ, въ сѣрой порванной шляпѣ, съ саблею на-голо, рослый загорѣлый ополченецъ. Увидя мундиръ и трехуголку Катенева, онъ вытянулся и приставилъ саблю къ самому носу. Прапорщикъ приложилъ руку въ шляпѣ.

— А вѣдь это французъ, замѣтилъ вполголоса толстый обыватель въ шерстяной синей фуфайкѣ, сидѣвшій на крыльцѣ одного изъ домовъ, своему сосѣду—низенькому, худощавому старику съ коротенькою трубкой въ зубахъ. Должно-быть плѣнный.

— Tedesco, Австріецъ, отвѣчалъ сосѣдъ, пустивъ тоненькую струйку дыма изъ своей трубки.

— Russo! громко произнесъ Катеневъ, проходя мимо.

Собесѣдники, приподнявъ шапки, начали другой разговоръ, но бесѣда ихъ прервана была бабою, вышедшею изъ дома съ огромною корзиной зелени.

— Вишь, гдѣ разсѣлись, на дорогѣ! замѣтила торговка.

— Проходи. Кто тебѣ мѣшаетъ? сердито отозвался худощавый старичокъ, отодвинувшись въ сторону.

— Кто мѣшаетъ? Вы усѣлись не на мѣстѣ, отозвалась торговка, вскинувъ на руку корзину и, придерживая стыдливо свою синюю юбку, спустилась съ крыльца.

— Гдѣ мнѣ пройдти къ квартирѣ генерала? спросилъ Катеневъ.

Толстый молча указалъ въ одинъ изъ переулковъ и, обратясь къ сосѣду, проговорилъ: «тедески, французы, всѣ они, по-моему, собаки; всѣ глядятъ, какъ бы прижать насъ..» Худощавый ничего не отвѣтилъ и только сплюнулъ, прижавъ пальцемъ золу въ своей трубочкѣ. Прапорщикъ отправился по направленію указанному толстякомъ, посматривая съ любопытствомъ на разнохарактерные наряды ополченцевъ, сидящихъ кучками въ тѣнистыхъ уголкахъ, накаленнаго солнцемъ, городишки; обычнаго говора, какой бываетъ у собравшейся толпы, не было; всѣхъ разморила жара; только лѣнивое «да» или «нѣтъ» по временамъ раздавалось въ отвѣтъ на вопросъ, произнесенный съ зѣвотою, разлѣнившимся ратникомъ. Ополченцы мало походили на гордыхъ орловъ, которымъ уподобилъ ихъ въ пѣснѣ своей поэтъ-импровизаторъ: въ оборванныхъ курткахъ своихъ, наводнившіе городокъ, ратники если и напоминали, дерзко залетѣвшихъ въ жилье хищныхъ птицъ, то менѣе благороднаго происхожденія; судя по робкимъ взглядамъ, которые кидали на нихъ мѣстные жители, проходящіе мимо, и женщины, выглядывавшія по временамъ изъ оконъ, ополченцы вели себя далеко не такъ застѣнчиво, однакожь, какъ молодый ястребъ, залетѣвшій въ жилую комнату. Одни полунагіе ребятишки не косились на нихъ и препокойно разсматривали,

заложивъ за спину ручонки, блестящія длинныя ружья, кучами прислоненыя къ стѣнамъ, сабли и чеканныя рукояти пистолетовъ, засунутыхъ за широкіе кушаки ратниковъ.

— А что, генералъ проснулся? спросилъ Катеневъ, подходя къ дому, занимаемому Лагоцемъ, рыбака, выбивавшаго палкою плащъ на крыльцѣ.

— Давно, signore. Пожалуйте, отвѣчалъ рыбакъ.

Катеневъ вошелъ. Ратмановъ и Лагоцъ въ однѣхъ рубахахъ сидѣли у стола и разсматривали планъ Анконы.

— Хотите завтракать? спросилъ Лагоцъ, пожимая руку Катенева и не отрываясь отъ плана.

— Я завтракалъ, отвѣчалъ прапорщикъ.

— Ну такъ, во-первыхъ, снимайте мундиръ, — жарко; и давайте работать, отвѣчалъ Лагоцъ.

Катеневъ взглянулъ вопросительно на лейтенанта.

— Сдѣлайте одолженіе, безъ церемоніи, отвѣтилъ Ратмановъ.

Двадцатипятилѣтній лейтенантъ какъ будто совѣстился передъ прапорщикомъ, что онъ выше его чиномъ; это была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя, несмотря на внутреннюю теплоту, долго пятятся, отходятъ, не скоро сближаются съ новымъ человѣкомъ, а съ старыми друзьями стараются казаться холодными; это происходитъ у нихъ изъ деликатности, изъ боязни, какъ бы неловкимъ словомъ, порывомъ, не оскорбить чувства дружбы,—боязни, напоминающей немножко слона, съ его осторожнымъ обхожденіемъ съ человѣкомъ, за нимъ ухаживающимъ; такихъ милѣйшихъ чудаковъ много между учеными, но по преимуществу водятся они во флотѣ, гдѣ долговременная жизнь съ одними и тѣми же лицами особенно развиваетъ боязнь наскучить, надоѣсть другъ другу.

Скоро всѣ трое погрузились въ планы, разбросанные по столу; приводить разговоръ ихъ, испещренный военными, техническими, терминами, мы считаемъ излишнимъ. Мальчикъ, провожатый Катенева, рисовалъ что-то водяными красками у окна, поминутно поправляя свои длинные, темные кудри, свѣсившіеся надъ бумагою.

Лагоцъ шутками пересыпалъ дѣловой разговоръ, и Катеневъ не видалъ, какъ пролетѣло утро. Его очаровывали все больше и больше простота и привѣтливость знаменитаго народнаго вождя. Лагоцъ былъ одинаковъ въ обращеніи со всѣми, съ крестьяниномъ, входившимъ безъ доклада въ комнату за какимъ-нибудь дѣ-

ломъ, съ офицеромъ, пріѣхавшимъ съ рапортомъ изъ лагеря, съ дочерью хозяина квартиры, двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ, безцеремонно пускавшимъ свой мячъ въ спину «знаменитому генералу», какъ звалъ его народъ.

— Теперь бросайте работу.... Будемъ обѣдать, произнесъ генералъ, вскочивъ со стула и встряхнувъ своею длинною гривою. Джовани, полно рисовать.... Пойдемъ обѣдать.

Въ сѣняхъ стучали тарелки, и старый знакомецъ Катенева, кругленькій cameriere кофейной, важно размахивая салфеткою, доложилъ, что готово кушанье. Хозяинъ вошелъ въ сѣни; тамъ уже ждалъ, явившійся къ обѣду, сердитый ратникъ armata della santa fede; Лагоцъ познакомилъ его съ русскими; ратникъ приложилъ руку къ шляпѣ и молча, съ недовольнымъ лицомъ, пожалъ новымъ знакомцамъ руки. Усѣлись за столъ. Cameriere подпрыгивалъ то къ одному, то къ другому, и затѣмъ мгновенно вытягался во весь небольшой свой ростъ, стараясь изобразить аристократическаго метрдотеля. Обѣдъ, состоявшій изъ жиденькаго супа и жареной, необыкновенно твердой курицы, мало согласовался съ важными пріемами cameriere. Катеневу, проголодавшемуся порядкомъ, показалось впрочемъ все очень вкуснымъ; ратникъ ѣлъ молча, бросая въ промежуткахъ недовольные взгляды на сотрапезниковъ. На вопросы Лагоца онъ отвѣчалъ односложными: «да.... кто ихъ знаетъ», подъятіемъ плечъ и даже вздохами. На вопросъ Ратманова: «что за человѣкъ этотъ кардиналъ Руффо»? Ратникъ отвѣчалъ, играя вилкою: «кардиналъ—человѣкъ, если хотите, способный, но я бы его разстрѣлялъ, еслибы могъ, для пользы дѣла.»

Ратмановъ переглянулся съ Лагоцемъ и оба улыбнулись. Ратникъ вздохнулъ и вытянулся на своемъ стулѣ, съ зловѣщимъ выраженіемъ на оливковомъ, загорѣломъ лицѣ, задумчиво постукивая по тарелкѣ вилкою.

Обѣдъ кончился. Катеневъ ушелъ къ себѣ въ комнату и, доставъ инструменты, принялся чертить что-то. Лагоцъ съ гостями усѣлся въ прохладныхъ сѣняхъ; до слуха Катенева, въ отворенное окно, доносился громкій споръ собесѣдниковъ; споръ шелъ на-итальянскомъ языкѣ. Лагоцъ поминутно повторялъ слово: «народъ». Тогда не только въ Россіи, но и въ Европѣ подъ этимъ названіемъ разумѣлись только мыслящія сословія; о простонародьи выражались: «подлый народъ»; въ русскомъ языкѣ слово «подлый» въ этомъ смыслѣ—чужое: переводъ слова—«vil», такъ

какъ подобнаго взгляда на низшіе слои народа не дала намъ наша исторія; участіе къ простонародью и тогда такъ жарко горѣло въ русскомъ что итальянцы современники пишутъ: «у насъ были два оружія противъ республиканцевъ: милосердіе короля и имя русскихъ». Но, несмотря на эту вѣсть, подаваемую сердцемъ сердцу, русскіе помалчивали, скрывали чудное сокровище, хранящееся въ груди, до тѣхъ поръ пока говорить о любви къ народу не разрѣшили имъ европейцы. Такъ, помню я, мы ходили тихонько отъ товарищей въ церковь послушать пѣвчихъ, изъ боязни, какъ бы насъ не сочли за вѣрующихъ, а слѣдовательно отсталыхъ, необразованныхъ. Объяви завтра Европа, что греческая вѣра есть вѣра правая, и мы выучимъ наизусть всѣ тропари и ирмосы, о которыхъ теперь имѣемъ такое же понятіе, какъ о китайской словесности.

— Одѣвайтесь.... Ѣдемъ на смотръ, вскричалъ, вбѣжавъ въ комнату, Джованни, подпоясывая кушакъ и поправляя серебряныя ручки заткнутыхъ за него лазариновскихъ, граненыхъ пистолетовъ.—Генералъ одѣлся. Одѣвайтесь, signore Pïetro.

Катеневъ надѣлъ, висѣвшій на стулѣ мундиръ, прицѣпилъ шпагу, взялъ шляпу и спустился внизъ вмѣстѣ съ Джованни. Лагоцъ уже стоялъ на крыльцѣ, опершись на тяжелый палашъ; серебряный шарфъ былъ перекинутъ у него черезъ плечо, по бархатной, подпоясанной пестрымъ кушакомъ курткѣ; на головѣ была высокая, римская шляпа, съ загнутымъ полемъ и чернымъ орлинымъ перомъ. Натянувъ длинныя, замшевыя, желтыя перчатки, генералъ вскочилъ на воронаго, красиваго коня, раскланялся съ стоявшимъ у крыльца народомъ, поправилъ длинную гриву лошади и поѣхалъ шагомъ, рядомъ съ Ратмановымъ, усѣвшимся на гнѣдаго, крестьянскаго, неповоротливаго мерина. Катеневъ ѣхалъ рядомъ съ мальчикомъ; подъ нимъ и Джованни были небольшія, гнѣдыя, бодрыя лошадки, знакомыя тѣмъ, кто видалъ римскихъ кампаньолъ.

Было часовъ шесть вечера; яркія пятна свѣта падали на пестрый кушакъ Лагоца, на блестящую шерсть его воронаго коня, будто зажигали красный чепракъ, отороченный широкимъ, золотымъ позументомъ. Миновавъ небольшую площадь, уставленную обозами, всадники выѣхали за городокъ; каменистая дорога шла подъ гору; вдали, на широкой озаренной солнцемъ полянѣ, подлѣ вьющейся, не широкой рѣчки, бѣлѣлъ лагерь; ближе, почти подъ ногами ѣдущихъ, темнѣлъ лѣсъ, съ ярко освѣ-

щенными стволами, словно забѣжавшихъ впередъ, отдѣльныхъ пинусовъ. Проѣхавъ съ четверть часа лѣсомъ, всадники выбрались на ровную дорогу; сквозь позолоченную солнцемъ пыль, какъ тѣни появлялись и изчезали, движущіяся впереди конскія головы, остроконечныя шляпы, стволы. Лагоцъ свернулъ съ дороги влѣво, пришпорилъ коня, и кавалькада понеслась по зеленой полянѣ; изъ-за пыли стали обозначаться стройные ряды растянутаго войска. Трескъ барабановъ и дружный крикъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ раздались при появленіи Лагоца; поднявъ высоко шляпу, онъ подлетѣлъ къ переднимъ рядамъ и быстро осадилъ лошадь. Крики усилились, когда красивый конь генерала, вылетѣвъ изъ облака пыли, остановился передъ фронтомъ. Ратмановъ тяжелою рысью подъѣхалъ тоже къ Лагоцу и всталъ съ нимъ рядомъ. Наконецъ, привѣтственные клики смолкли, раздалась команда, и ополченцы пошли подъ музыку мимо генерала; въ оркестрѣ были скрипки, волынки, трубы и длинные пастушьи рожки; музыканты одѣты были кто во что гораздъ, но довольно стройно наяривали маршъ, отмѣривая тактъ турецкимъ барабаномъ.

— Gratie, amici, fradri! говорилъ Лагоцъ.

Фронтъ колебался, но нѣкоторые изъ ополченцевъ шли дѣйствительно молодцами, заломивъ на бокъ черныя шляпы и поправляя на плечѣ длинные стволы лазариновскихъ ружей.

— Vendetta! Morte ai francese! отвѣчали войска на похвалы генерала.

Итальянская страсть порисоваться замѣтна была въ новобранцахъ-воинахъ, несмотря на то, что большая половина ратныхъ была чуть не въ лохмотьяхъ; иногда, ни съ того, ни съ сего, ѣдущій верхомъ офицеръ отлеталъ, какъ искра, отъ рядовъ и погарцовавъ по широкому полю возвращался къ своему посту.

— Bene marchiano, обратился Лагоцъ къ Ратманову.

Тотъ ничего не отвѣтилъ, но утвердительно кивнулъ головою, внимательно всматриваясь въ ряды ратниковъ.

— He! Ma, molto bene marchiano, signore.... Для полуголодныхъ, неодѣтыхъ, босыхъ, molto bene, произнесъ какимъ-то нервнымъ голосомъ Джованни, обратившись къ Катеневу и попятивъ своего конька.—Другой, быть-можетъ, не ѣдалъ сутки.... Тутъ бѣдняки, ограбленный народъ, signore, нищіе, продолжалъ онъ, какъ бы защищая передъ строевымъ офицеромъ ратниковъ и осаживая поминутно рвавшагося впередъ конька.

Катеневъ, впервые видѣвшій народное ополченіе, далекъ былъ однако отъ намѣренія шутить надъ нестройными рядами пестрой, идущей мимо него двадцати-тысячной толпы. Чувство, овладѣвшее имъ, было совсѣмъ другаго свойства. Подлѣ молодцоватаго калабрійца съ перомъ на шляпѣ, съ кисейнымъ, радужнымъ шарфомъ черезъ плечо, на разставаньи полученнымъ отъ черноокой невѣсты, шли старики съ худыми, истомленными лицами, въ стоптанныхъ, порыжѣлыхъ башмакахъ, въ худыхъ рубахахъ, сквозь которыя виднѣлась загорѣлая, наболѣвшая отъ горя, костлявая грудь; у иныхъ, вмѣсто граненаго ствола, лежали на плечѣ вилы, косы; шли мальчики пятнадцати, четырнадцати лѣтъ—надежда, будущіе кормильцы семьи, цвѣтъ, молодое поколѣнье родины.... Что ихъ погнало, что заставило покинуть мирныя, цвѣтущія поля? Гнала нужда, голодъ, слезы и вопли голодной семьи, оставшейся на разграбленномъ, сожженномъ пепелищѣ.—«Vendetta! Смерть французамъ»! гремѣла толпа. Это былъ не форменный, заученный отвѣтъ регулярнаго войска; это былъ вопль, вырвавшійся изъ мощной груди раненаго звѣря; нѣкоторые потрясали при этомъ ружьями, блестящими косами. «Месть врагамъ! Vendetta! Morte»! точно раскаты грома, переносилось отъ толпы къ толпѣ, повторяясь стоявшимъ подъ горой, задумавшимся боромъ. Вотъ на волахъ, рабочихъ лошадяхъ, стуча и скрыпя колесами, потянулась длинная цѣпь пушекъ; ѣздовые въ рубахахъ, въ курткахъ, довольно ловко выравнивали постромки, поворачивая тяжелые станки орудій; прислуга съ банниками, пальниками, тоже одѣтая какъ Богъ послалъ, шла подлѣ размалеванныхъ узорами лафетовъ, съ тѣми же криками: «Vendetta! Смерть пришельцамъ»! Вотъ на красивыхъ, вороныхъ, гнѣдыхъ конькахъ показались пестрыя колонны конницы: перья, ленты, цвѣты на шляпахъ, куртки расшитыя разноцвѣтными шелками, узды, наперсти съ бляхами и кистями.

— Вотъ молодцы! Vedete, вскрикивалъ, улыбаясь и приподнимаясь на короткихъ стременахъ, Джованни.

— Bravi, произнесъ Лагоцъ, оглядывая колеблящіеся ряды идущей мимо него конницы.

— Vendetta! отвѣтили передовые ряды.

Выхвативъ сабли, весь эскадронъ вдругъ пустилъ, во весь опоръ и съ гиками, въ атаку.

— Assai, кричалъ Лагоцъ.

Но эскадронъ исчезъ въ пыли. «Vendetta», повторилось нѣ-

сколько разъ въ лѣсу и смолкло вмѣстѣ съ глухою дробью лошадиныхъ копытъ и десяткомъ пистолетныхъ выстрѣловъ; остальные отряды конныхъ мелкою рысью прошли мимо генерала; фланговые рисовались, шпорили коней, проѣзжая мимо кучки крестьянокъ, стоявшихъ подлѣ рѣки.... Солнце спускалось надъ зеленою равниною, зарумянивъ рѣку; ярче зардѣлись красные стволы пихтъ на окраинѣ лѣса; огненными точками сверкали стекла городскихъ домовъ, вдали на горѣ; роса, синеватымъ дымкомъ, подымалась надъ рѣкой и долиной; пыль улеглась, и войско, будто выросшее изъ-подъ земли, стояло снова стройными колоннами среди поляны.

Обвѣшанный разноцвѣтными шнурами трубачъ, подъѣхавшій еще въ началѣ смотра къ Лагоцу, протрубилъ сигналъ и войска повалили къ лагерю. Лагоцъ, потолковавъ съ прискакавшими командирами, простился съ ними и, рядомъ съ Ратмановымъ, шагомъ поѣхалъ къ лѣсу; Катеневъ и Джованни поѣхали за ними. Скоро спустилась ночь; вдали, позади ѣдущихъ, засверкали бивачные огни, будто перемигиваясь съ засіявшими на темномъ небѣ звѣздами. Всадники съ часъ ѣхали лѣсомъ; Лагоцъ ѣхалъ впереди шагомъ, разговаривая съ Ратмановымъ; Джованни разсказывалъ Катеневу, какой храбрый народъ есть между ополченцами. Сучья цѣплялись за шляпу Катенева; повѣяло холодомъ; всадники завернулись въ плащи, привязанные къ сѣдламъ, и выѣхали изъ лѣса; полный мѣсяцъ, выкатившись изъ-за облаковъ, освѣтилъ лежащее подъ ногами озеро и полуразрушенные зубцы и башни, какого-то стариннаго зáмка; зáмокъ, словно орлиное гнѣздо, стоялъ на вершинѣ скалистой горы, покрытой мѣстами тощимъ кустарникомъ; проѣхавъ нѣсколько шаговъ берегомъ, всадники гусемъ стали подыматься по узкой, заваленной щебнемъ и каменьями дорогѣ къ развалинѣ; Лагоцъ, завернувшись въ широкій, черный плащъ, ѣхалъ впереди всѣхъ; мѣсяцъ, то появляясь, то опять прячась за облаками, озарялъ бѣлымъ свѣтомъ своимъ, по временамъ, дорогу. Лошади то и дѣло оступались, карабкаясь по щебню на крутизну; всѣ ѣхали молча; черезъ полчаса ѣзды, возможной только для привыкшей къ горамъ лошади, показалась изъ-за кустовъ сѣрая стѣна круглой, высокой башни; всадники спустились въ ровъ и снова принялись взбираться по крутизнѣ къ башнѣ; лошади, карабкаясь одна за другою и обрываясь иногда, добрались до полукруглаго, низкаго отверстія въ родѣ воротъ; всадники нагнулись и по два въ рядъ

въѣхавъ въ полузаваленные щебнемъ ворота очутились на квадратномъ, ярко освѣщенномъ луною, дворикѣ. Тѣнь отъ вѣтвей, выросшихъ въ разсѣлинахъ развалины деревьевъ, падала на высокія стѣны; вѣтеръ колебалъ вѣтви, и движущуяся тѣнь отъ нихъ можно было принять за фантастическія фигуры. Полуобвалившееся широкое крыльцо, съ каменными стѣнками вмѣсто перилъ, вело внутрь развалины съ переходами, освѣщенными тамъ и сямъ лучами мѣсяца; на пятнахъ свѣта опять шевелилась тѣнь отъ листьевъ, рисуя то пляшущаго арлекина, то безобразную, косматую фигуру вѣдьмы, ѣдущей на помелѣ. Всадники остановились; одна изъ лошадей заржала; звукъ глухо повторился въ глубинѣ развалины; испуганная ржаньемъ птица пронеслась мимо, протрещавъ крыльями. Въ глубинѣ развалины, то исчезая, то опять появляясь въ окна, двигался огонекъ. Всѣ слѣзли съ лошадей; Катеневъ съ минуту сидѣлъ на сѣдлѣ, всматриваясь въ странную картину. «Это ужь что-то изъ Ринальдо Ринальдини», подумалъ невольно онъ. «Жаль, что нѣтъ моего Аѳанасья съ его пристрастіемъ къ рыцарскимъ похожденіямъ». Фигуры завернутыхъ въ черные, длинные плащи спутниковъ, ихъ остроконечныя, высокія шляпы, за́мокъ съ движущимися тѣнями отъ вѣтвей, приближающійся свѣтъ фонаря,—все это, въ самомъ дѣлѣ, напоминало страшную страницу романа Радклифъ,—страницу, читанную когда-то не однимъ юношею, дѣвушкой, съ замираніемъ сердца, въ полночь, въ уединенной комнаткѣ, съ окошкомъ въ садъ, который населяло привидѣніями молодое, пылкое воображенье.

Вмѣсто привидѣнія, на крыльцѣ появился, съ фонаремъ въ рукѣ, рыбакъ, перевозившій Катенева и Ратманова съ катера на берегъ. Красноватый свѣтъ отъ фонаря перерѣзывалъ полосами лунный свѣтъ на каменныхъ перилахъ и ступенькахъ лѣстницы.

— Добрая ночь, синьоры!... Джузеппе, возьми лошадей, заговорилъ онъ.

Малый, лѣтъ шестнадцати, появившійся изъ-подъ воротъ, началъ обирать поводья. Путешественники отправились вслѣдъ за рыбакомъ въ развалины; длинныя тѣни идущихъ двигались по сѣрымъ стѣнамъ переходовъ; летучія мыши беззвучно проносились мимо, дѣлая иногда круги надъ фонаремъ, какъ бы разсматривая незванныхъ гостей, нарушившихъ ихъ спокойствіе. То спускаясь внизъ по узенькимъ, темнымъ, каменнымъ лѣсенкамъ, то подымаясь, путники, предводимые рыбакомъ, вступили

въ круглую залу, слабо освѣщенную лючерною. Передъ сколоченнымъ изъ старыхъ досокъ столомъ, на обрубкѣ дерева, сидѣлъ, съ трубкою мрачный членъ armata della santa fede. Увидавъ вошедшихъ, онъ приложилъ руку къ широкому полю своей шляпы съ бѣлымъ, полотнянымъ крестомъ напереди, и продолжалъ пускать дымъ изъ своей, коротенькой трубки.

— А Ванни? спросилъ Лагоцъ.

— Онъ заѣхалъ на мельницу и будетъ на свѣту, нехотя отвѣчалъ мрачный.

Лагоцъ сбросилъ плащъ, снялъ перчатки и усѣлся на скамьѣ подлѣ стола; Ратмановъ помѣстился на бревнахъ, лежавшихъ посреди залы; Джованни и Катеневъ сѣли на подоконникъ полуразрушеннаго окна; трепещущій лунный отблескъ въ озерѣ горѣлъ у подошвы горы; ближе стояли, точно привидѣнія, озаренные луною зубцы развалины. Рыбакъ поставилъ на столъ фляжку съ виномъ и стаканы. Джованни скоро задремалъ, разлегшись на широкомъ подоконникѣ; Катеневъ, прихлебывая вино изъ стакана, всматривался въ лица и разнохарактерные наряды, то и дѣло входившихъ и выходившихъ крестьянъ и ополченцевъ. Незнакомый съ мѣстнымъ нарѣчіемъ и названіями мѣстностей, онъ плохо понималъ ихъ разсказы о появленіи французскихъ отрядовъ. Наконецъ Лагоцъ, потолковавъ съ Ратмановымъ и мрачнымъ ополченцемъ, замѣтилъ, что пора спать.

— А вамъ придется поскучать здѣсь недѣльку. Я попрошу васъ принять наблюденіе за работами укрѣпленій, сказалъ онъ, обращаясь къ Катеневу.

Прапорщикъ молча поклонился. Рыбакъ отвелъ его въ сосѣднюю комнату, если можно назвать комнатою, конуру съ однимъ окошкомъ вверху, съ обрубкомъ бревна, вмѣсто дивана, и кучею свѣжей травы, наваленной на каменномъ полу. Катеневъ, сбросивъ мундиръ, развалился на траву, подлѣ уклавшагося тутъ же рыбака, и скоро заснулъ сномъ богатырскимъ.

XII.

Раздольевскій домъ опустѣлъ, черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, послѣ свадьбы; мебель, люстры, столовые часы, картины, облеченныя въ бѣлые, миткалевые чахлы, тишина и даже спертый, нагрѣтый солнцемъ воздухъ дома напоминали посѣтителю заснув-

шее тысячелѣтнимъ сномъ «нѣкоторое царство», куда заводили старыя няньки, по вечерамъ, полудремлющихъ своихъ питомцевъ; въ начинающихъ заростать травою аллеяхъ цвѣтниковъ безцеремонно усаживались горничныя около помятаго, нечищеннаго самовара; въ кустахъ смородины и малинника, притаивъ дыханіе, прятались дворовые босые мальчишки отъ сердитаго старика-садовника, неожиданно появлявшагося предъ ними съ своей коротенькою трубочкой; на рѣшетчатомъ заборѣ, у парадныхъ воротъ, развѣшивали бабы мокрыя рубахи и другія принадлежности гардероба, несмотря на негодованіе прикащика, каждый разъ подымавшаго брань и руготню при видѣ, какъ онъ выражался, «такого безобразія». Господскій домъ, съ выбѣленными стеклами, выглядывалъ, точно мертвецъ, изъ-за густой, свѣжей зелени липъ и сиреней; только по вечерамъ, налетавшая стая галокъ, съ шумомъ и крикомъ разсаживаясь на ночлегъ, на кровлю и вершины деревьевъ, нѣсколько оживляла покинутое хозяевами помѣстье. Дворня и прикащикъ, впрочемъ, нельзя сказать, чтобы очень горевали о господахъ; горничныя толковали, правда, вздыхая, о тяжкой участи «княжны голубушки», но это не мѣшало имъ ходить въ лѣсъ за грибами, за ягодами; молодежь мужескаго пола бродила съ ружьями за утками, а иногда, увлекаемая звономъ дѣвичьихъ голосовъ въ зеленой рощѣ, повѣсивъ ружье на погонъ, тоже отправлялась за мирною добычею въ растительное царство; прикащикъ пересталъ бриться каждый день, могъ сидѣть долѣе за самоваромъ или, объѣхавъ полевыя работы, за шашечной доской запирая «въ злачное мѣсто», какъ онъ выражался, старика-буфетчика. Старуха-ключница ходила, на свободѣ, по сосѣднимъ монастырямъ на богомолье принося каждый разъ домой, вмѣстѣ съ просвирками, восторженные разсказы о благолѣпіи служенія въ обителяхъ и постной, труженической жизни святыхъ иноковъ. Вообще всѣмъ дышалось свободнѣе; даже подстриженныя зеленыя стѣнки аллей смѣло прикрывали молодыми, новыми отростками мраморную статую Геркулеса съ его тяжеловѣсною дубиной, а пловучія лиліи облѣпили весь гранитный пьедесталъ заснувшаго фонтана.

Между тѣмъ четверомѣстная, желтая, высокая карета, съ гербомъ Тунгусовыхъ, въ восемь лошадей, катилась по гладкой, каменистой дорогѣ къ Лайбаху. Маркиза сидѣла рядомъ съ матерью; противъ нихъ помѣщались Прасковья и Дуняша, горничная маркизы; на козлахъ, подлѣ почтальона, и на высокихъ запяткахъ

тряслись два лакея съ запыленными и заспанными лицами. Сзади кареты ѣхала легкая, двумѣстная коляска, четвернею въ рядъ; въ ней сидѣлъ старый князь съ сыномъ, завернувшись въ легонькій камлотовый плащъ и сдвинувъ почти на затылокъ зеленый, шелковый, складной картузъ. Старикъ дремалъ; князь Борисъ, надвинувъ на глаза бѣлую, пуховую, мягкую шляпу и отвалясь въ уголъ, читалъ газету; на козлахъ, подлѣ почтаря, сидѣлъ лакей въ шинели съ гербовыми пуговицами; онъ точно зрѣлый колосъ, движимый вѣтромъ, качался изъ стороны въ сторону, изрѣдка отмахиваясь отъ шмелей, нарушавшихъ сладкую дремоту.

На заграничномъ паспортѣ ихъ сіятельствъ было отмѣчено въ консульствѣ, въ Вѣнѣ: «Venetia, via Triesto». Хотя среди печатныхъ строкъ паспорта четко прописана была цѣль путешествія княгини и стараго князя: «для пользованія минеральными водами», но мы почерпнули изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ, что поводъ къ поѣздкѣ за границу былъ совсѣмъ другой. Слухъ о высылкѣ маркиза изъ Россіи въ день свадьбы, привезенный графомъ-любимцемъ въ Петербургъ, поднялъ въ высшемъ кругу нескончаемые толки; оцѣнка поступка княгини сдѣлана была точнѣйшая и подробнѣйшая; все принято было въ соображеніе добросовѣстными оцѣнщиками: ея характеръ, отношенія къ мужу, родословная, даже черты лица, напоминающія минерву, скопированную съ антика крѣпостнымъ ваятелемъ. Я незнакомъ съ читателемъ, но осмѣливаюсь предположить, что и въ немъ, какъ во всѣхъ смертныхъ, подымается чувство нѣкотораго злорадства при видѣ небольшой неудачи въ дѣлахъ ближняго; выслушавъ разсказъ о чужой бѣдѣ, прежде всего, почему-то, невольно, если не подумаешь, то ощутишь: «а я вотъ цѣлъ и невредимъ», и при этомъ поправишься въ креслѣ, или самодовольно запустишь руки въ карманы теплаго, удобнаго пальто, если слушаешь разсказъ на улицѣ. Это не желаніе зла ближнему; это чувство похожее скорѣе на то, которое является у сидящаго покойно подлѣ окна, при видѣ пѣшехода, бѣгущаго подъ проливнымъ дождемъ, безъ зонтика и безъ шинели.

Эти толки и весьма понятное желаніе разъяснить загадочный арестъ маркиза заставили княгиню проситься за границу; получить паспортъ было не легко тогда и особенно во время войны; княземъ и княгинею послано было не одно французское письмо различнымъ фаворитамъ и фавориткамъ, съ увѣреніями въ отлич

номъ почтеніи въ концѣ и съ орѳографическими ошибками почти на каждой строчкѣ, пока желанный паспортъ прилетѣлъ съ нарочнымъ въ Раздолье.... Государь, сверхъ ожиданія всѣхъ, написавъ на докладѣ о выдачѣ паспорта: «согласенъ», велѣлъ докладчику отправить паспортъ тотчасъ же къ князю и, говорятъ, сказалъ за обѣдомъ: «это дѣлаетъ честь молодой женщинѣ, что она ѣдетъ къ мужу; что Богъ соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ». О причинѣ высылки толковали разно въ столичномъ обществѣ и при дворѣ, и княгиня, несмотря на всѣ старанія узнать что-нибудь, ничего не узнала вѣрнаго; одни говорили, что маркизъ ди-Сальта—шпіонъ французскаго правительства, другіе подозрѣвали въ немъ агента Англіи, третьи считали бандитомъ, прикрывшимся громкимъ титуломъ посредствомъ украденныхъ документовъ; одна старушка-графиня увѣряла даже всѣхъ, что онъ—антихристъ, и порицала правительство, что оно не казнило его, какъ отъявленнаго врага рода человѣческаго; молодежь, и князь Борисъ въ числѣ ея, вознегодовали на правительство и со дня высылки сочувственно относились о маркизѣ, какъ безсильной жертвѣ самовластія. Сама княгиня поддакивала сыну и замѣчала въ отвѣтъ на его жаркія тирады о деспотическомъ поступкѣ съ маркизомъ: «mais que voulez vous? C'est la Russie, mon cher». Молодая ничего не говорила и молилась по вечерамъ дольше прежняго. «Какъ Богу угодно, такъ и будетъ», отвѣчала она своему другу—горничной, когда та однажды спросила ее: «что же вы думаете дѣлать, моя голубушка»? Катясь въ высокой каретѣ между волнующимися стѣнами ржи, разцвѣченной голубыми васильками, она вздохнула разъ, другой, подумавъ, увидитъ ли когда-нибудь эти поля, уронила двѣ-три слезы и снова затворилась внутри себя, снова надвинула тяжелую маску спокойствія. И что иное было дѣлать ей? Чѣмъ защищаться отъ матери, вооруженной и святынею таинства, и супружескимъ долгомъ, и конвенансами, и наконецъ, узами родителей и дѣтей, основанными будто бы на одномъ повиновеніи послѣднихъ, безъ снисхожденія, безъ грѣющихъ лучей любви, со стороны всесильныхъ первыхъ.

Скоро въ столицѣ прекратились толки о несчастной свадьбѣ княжны Тунгусовой и таинственной высылкѣ маркиза; при дворѣ заняло всѣхъ сватовство великой княжны Александры Павловны за венгерскаго палатина эрцгерцога Іосифа; Дитрихштейнъ, пріѣхавшій съ предложеніемъ отъ эрцгерцога, сдѣлался героемъ дня;

въ обществѣ поднялись толки и гаданія о судьбѣ шестнадцатилѣтней, будущей эрцгерцогини. Кромѣ того, высшій кругъ измѣнилъ нѣсколько свой взглядъ на княгиню и ея легкомысленный поступокъ съ дочерью, вслѣдствіе милостивыхъ, приведенныхъ словъ императора и еще по слѣдующему случаю. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, княгиня съ дочерью являлась императрицѣ. Молодая сначала растерялась, подозрѣвая, что государыня, изъ любопытства посмотрѣть на нее, дозволила явиться ей и матери; но ласковый пріемъ императрицы сразу разрушилъ подозрѣніе и расположилъ къ ней маркизу. «Будете въ Венгріи, навѣстите мою дочь», обратилась къ молодой государыня. Затѣмъ она позвонила и велѣла позвать великую княжну. Маркиза раза два-три бывала еще ребенкомъ въ Гатчинѣ и игрывала съ нею. Великая княжна вошла; маркиза поцѣловала ей руку; отойдя къ окну, старыя молодыя знакомки скоро разговорились; пока княгиня въ наклоненной позѣ почтительно отвѣчала на вопросы ея величества о томъ, куда она ѣдетъ и т. п., великая княжна, съ живостію ребенка, уже успѣла припомнить маркизѣ два-три случая изъ прогулокъ ихъ вмѣстѣ въ Гатчинѣ, показать акварель, которую она начала только-что. «Прощайте, милая маркиза; не забывайте меня», ласково щебетала будущая эрцгерцогиня, цѣлуя свою гостью, когда княгиня, откланиваясь, вопросительно посмотрѣла на дочь, съ цѣлью намекнуть ей: «не пора ли намъ»?—«Посѣтите же меня за границей», прибавила молодая хозяйка, по-дѣтски кивая хорошенькою головкой. Наконецъ, представлявшіяся вышли; понятно, что императрица, изъ деликатности, даже не намекнула о свадьбѣ. Княгиня была очень довольна дочерью, похвалила ее и, величественно усѣвшись въ свою карету, подумала: «а сейчасъ видно, что моя дочь,—какъ будто вѣкъ жила при дворѣ. Вотъ, говорятъ, кровь ничего не значитъ.»

Милостивый пріемъ императрицы повліялъ сильно на общество; на другой день къ подъѣзду отеля, гдѣ остановились Тунгусовы, то и дѣло подъѣзжали кареты всѣхъ сортовъ и фасоновъ. Такъ какъ это былъ день отъѣзда, то княгиня не принимала никого, но ливрейный лакей, къ ея удовольствію, то и дѣло вносилъ визитныя карточки съ коронами и даже цѣлыми гербами. «Вотъ наше общество», не утерпѣлъ замѣтить князь Борисъ матери, пересматривая громкія и негромкія имена посѣтителей.

Въ Вѣнѣ путешественники получили первое письмо отъ мар-

киза; оно было доставлено незнакомымъ католическимъ монахомъ, отрекомендовавшимся князю и княгинѣ старымъ другомъ маркиза. Маркизъ просилъ не вѣрить клеветамъ его враговъ, увѣдомлялъ, что онъ въ Венеціи, очень забавно описывалъ свою поѣздку съ полицейскимъ до границы, разсказывалъ, какъ его слуга Антоніо справедливо замѣтилъ, что если кто въ Россіи желаетъ себя избавить отъ удовольствія ждать сутки лошадей на станціяхъ, тотъ долженъ ѣздить въ сопровожденіи агента тайной полиціи. Письмо оканчивалось выраженіемъ желанія скораго свиданія и дружескимъ поклономъ князю Борису, и всѣмъ друзьямъ «въ покинутой, но все-таки незабвенной по многому»,— писалъ маркизъ, «—Россіи». Маркизѣ была приложена особая, раздушенная записочка въ нѣсколько строкъ, изъяснявшихъ то же желаніе возможно скораго свиданія; въ концѣ было приписано, чтобы маркиза не тревожилась за него, что «онъ спокоенъ и былъ бы счастливѣйшимъ смертнымъ, еслибъ имѣлъ возможность цѣловать ея прекрасныя руки». Княгиня была въ восторгѣ, поминутно перечитывала письмо и въ тотъ же день рѣшила выѣхать въ Венецію. Князь Борисъ ѣздилъ въ посольство, чтобы поскорѣе визировать паспортъ; къ вечеру все было улажено, и тяжелая, навьюченная кофрами и ящиками, карета княгини, сопутствуемая коляскою князя, прогремѣвъ по мостовой, выѣхала изъ Вѣны.

Княгиня была даже очень довольна теперь этою катастрофой; она любовалась прошлою тревогою, какъ любуется человѣкъ страшными раскатами грома послѣ, когда стихнетъ гроза и засіяетъ снова солнце. «Безъ этого случая, никто бы, можетъ-быть, не говорилъ такъ много о свадьбѣ, и я не была бы у императрицы; вообще, очень-очень все удачно устроилось», думала княгиня, перебирая въ памяти рядъ послѣднихъ событій и провѣряя, съ тактомъ ли держала она себя во дворцѣ, въ обществѣ, въ деревнѣ. «Какъ хорошо, что я не принимала никого, что добилась пріема у ея величества; и потомъ эта поѣздка за границу, когда никому не даютъ паспортовъ... Очень хорошо, прекрасно все устроилось», рѣшала княгиня и, сверхъ обыкновенія, поминутно шутила съ дочерью, съ Прасковьей, даже съ Дунею, съ любопытствомъ разсматривавшею почтарей въ ботфортахъ и въ мундирахъ. Старый князь, измученный постоянною раздражительностью жены, былъ несказанно радъ ея веселости и находился въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа; онъ шутилъ съ почтарями, стрѣ-

лялъ подорликовъ изъ своего нарѣзнаго Цельнеръ, купленнаго въ Вѣнѣ; только князь Борисъ и молодая маркиза были молчаливы: первый поминутно читалъ, покачиваясь въ коляскѣ, несмотря на замѣчаніе отца, что читать вредно на ѣздѣ; вторая грустно глядѣла въ даль сквозь открытое окно кареты, словно желая разсмотрѣть, что ее ждетъ тамъ, въ покрытомъ мглою и таинственностью будущемъ. У нея не выходилъ изъ головы этотъ монахъ, принесшій письмо, «старый другъ маркиза», какъ онъ называлъ себя; воспитанная въ вѣкъ, когда вѣрили и въ Калліостро, въ привидѣнія, въ постоянную связь отшедшихъ съ живыми, и мало ли во что, молодая женщина и въ этомъ появленіи монашеской рясы съ письмомъ мужа видѣла нѣчто въ родѣ знаменія. Ей припомнились разсказы матери о королѣ, видѣвшемъ въ полночь, сквозь окно, казнь свою, о черной каретѣ на вороныхъ лошадяхъ, съ ливрейными въ глубокомъ траурѣ,—каретѣ, изъ которой вышла, тоже вся въ черномъ, дама, давно умершая и явившаяся проститься съ только-что скончавшеюся подругою, сны одной заключенной, ходившіе въ рукописи въ обществѣ... Разсказывалось все это, изъ страннаго свойства человѣческой натуры увѣрить слушателя въ томъ, въ чемъ сомнѣвается еще самъ разскащикъ, съ особеннымъ стараніемъ заставить вѣрить. Подобные разсказы повліяли на ребенка-княжну такъ сильно, что она считала невѣдомую область тѣней и привидѣній почти дѣйствительностью, сосѣднею комнатой, темною, таинственною, куда не пускаютъ дѣтей, но которая существуетъ, и даже недалеко, за стѣною. Какъ ни отдѣлывалась потомъ взрослая дѣвушка отъ вліянія этихъ разсказовъ, но впечатлѣнія дѣтства всплывали наружу при первомъ поводѣ, рядомъ съ воспоминаніями о прошедшемъ. Такъ въ страшной судьбѣ своей, въ томъ несчастномъ бракѣ, въ появленіи маркиза, дѣвушка, вдумываясь въ свое положеніе, начинала видѣть что-то неотвратимое, роковое.

И не одна русская дѣвушка вѣровала тогда въ это таинственное участіе въ судьбѣ человѣческой не здѣшнихъ силъ; это, какъ мы сказали, было время духовидѣній; императоръ Павелъ, напримѣръ, разсказывалъ, что видѣлъ ясно тѣнь Петра Великаго, гуляя въ лунную полночь; въ средѣ придворныхъ ходилъ разсказъ о томъ, будто императрица Анна, предъ кончиною, видѣла свой двойникъ, сидящій на тронѣ... Дерзкое отрицаніе всего, не поддающагося осязанію, проповѣдуемое тогдашними вожатаями мысли, ужасая однихъ, другихъ обольщая кажущеюся ясностью

взгляда на міръ, людей съ воображеніемъ заставляло создавать собственными средствами, новую область, въ которую бы можно было вѣровать. Даже такіе люди, какъ Наполеонъ, повидимому люди холоднаго разсчета, вѣрили въ возможность появленія краснаго человѣчка передъ неудачнымъ сраженіемъ, въ худую встрѣчу, въ неотразимое вліяніе числа тринадцать, въ неясный голосъ предчувствія. Этою наклонностью вѣрить во всякую чепуху природа, какъ будто, наказывала людей за невѣріе въ непреложныя, вѣками, кровью засвидѣтельствованныя истины.

Какъ подшибенный голубокъ, прижавшись къ стѣнѣ, у которой засталъ его камень шалуна-мальчика, глядитъ на родное гнѣздо, куда не подняться ему, такъ, забитая жизнію, маркиза оглядывалась поминутно на свое прошедшее. И вдвое дороже стали ей образы, населявшіе это невозвратное время... Отдаленіе, словно художникъ, ударивъ опытною кистью въ двухъ-трехъ мѣстахъ, придало имъ что-то до того обаятельное, что все бы смотрѣлъ на нихъ. Въ воображеніи маркизы стояло и молодое, жизненное, смѣлое, лицо юноши, въ артиллерійскомъ мундирѣ; оно глядѣло какъ живое на нее, своими черными глазами, какъ глядятъ старые портреты, вѣчно въ глаза, такъ что не уйдешь отъ нихъ, и легкій трепетъ сердца, при воспоминаніи о сверстникѣ первые заставилъ ее подозрѣвать чувство, начинавшее опредѣляться, благодаря, можетъ-быть, тому же отдаленію, разлукѣ. Съ боязнію ребенка, завидѣвшаго въ сумерки неопредѣленный предметъ, молодая женщина старалась отворачиваться, отдѣлаться какъ-нибудь отъ подымавшагося чувства, а между тѣмъ не разлучалась съ нимъ, находила отраду въ самой боязни этого чувства. Такъ смотритъ дитя на призракъ, померещившійся ему въ таинственномъ полумракѣ сумерекъ: бѣдняжка и боится, и не въ силахъ оторвать взора отъ поразившаго его необычайнаго видѣнія. Чаще и чаще вынимала маркиза, на станціяхъ, оставшись одна, небольшой медальонъ и тотчасъ прятала его, если входилъ кто-нибудь, даже лучшій другъ ея—Дуняша. Попробовавъ опять нѣсколько разъ объяснить себѣ опасное чувство простымъ воспоминаніемъ дѣтства, маркиза начала убѣждаться, что обманываетъ себя; это убѣжденіе пугало ее не на шутку: у нея было довольно горя и безъ этого.

Князь Борисъ давно не получалъ писемъ отъ Катенева; о немъ почти забыли въ княжеской семьѣ, потрясенной только-что разразившимся громовымъ ударомъ.

Проѣхавъ Лайбахъ и скучную, каменистую пустыню до Тріеста, путешественники увидѣли наконецъ синюю Адріатику и городокъ, весь утонувшій въ зелени виноградниковъ. Изъ Тріеста, отдохнувъ, они должны были отплыть на кораблѣ въ Венецію. Маркиза рѣшили они не увѣдомлять, желая сдѣлать ему сюрпризъ своимъ пріѣздомъ. Часовъ въ шесть вечера, экипажи ихъ въѣхали въ Тріестъ; остановившись въ гостинницѣ, княгиня съ дочерью ушли въ свои комнаты; у стараго князя расходилась подагра, почему онъ легъ тотчасъ въ постель; князь Борисъ, переодѣвшись, отправился въ книжный магазинъ закупить кое-что себѣ для чтенія; въ памятной книжкѣ молодаго князя, рукою іезуита, было записано нѣсколько сочиненій, большею частію богословскаго содержанія. Долгія бесѣды аббата не остались безъ вліянія на молодаго мыслителя; іезуитъ умѣлъ отыскать слабую струнку въ душѣ князя: онъ прямо напалъ на безцѣльность его научныхъ занятій, замѣтивъ, что знаніе, непримѣненное къ дѣлу, къ жизни, есть капиталъ запертый въ сундукѣ скупаго; потомъ онъ мастерски изобразилъ, какую громадную пользу могъ бы принести просвѣщенный молодой князь съ его счастливымъ положеніемъ въ обществѣ и значительными матеріальными средствами. Тутъ поведена была имъ рѣчь о миссіонерахъ, несущихъ свѣтъ народамъ, блуждающимъ во тьмѣ невѣжества, о дѣятельности обществомъ, стѣною, такъ какъ единичная дѣятельность человѣка ничтожна безъ помощи и руководства людей, заручившихся вѣковымъ опытомъ. Князь возражалъ, отбивался нѣкоторое время отъ опытнаго діалектика, но мало-по-малу началъ, если не соглашаться, то задумываться долѣе и долѣе надъ его рѣчами; воспитанный на западѣ, руководимый чужими идеалами, онъ походилъ на выѣзженнаго въ манежѣ коня, задумавшаго вдругъ не слушаться мундштука и шпоры, къ которымъ пріученъ еще жеребенкомъ; опытному берейтору не трудно было заставить упрямца галопировать съ правой, лѣвой ноги, смотря по своему желанію. Узенькій выходъ изъ-подъ ферулы аббата былъ отрицаніе, Волтеръ съ его безпощаднымъ словомъ противъ духовенства; но все не прочувствованное, не выжитое, а вычитанное, занятое у другаго, какъ тяжелый палашъ въ рукахъ ребенка, есть ненадежное оружіе. Аббатъ справедливо указывалъ на желчное настроеніе Волтера, на несостоятельность его послѣдователей, отрекшихся отъ истины непреложной, а между тѣмъ ежедневно создающихъ себѣ кумировъ, вѣрующихъ въ ка-

кого-нибудь Робеспьера какъ въ спасителя. «Смотрите, молодой другъ, какъ въ этомъ самомъ стремленіи почитать кого-либо проявляется въ нихъ присущее человѣку свойство признавать надъ собою власть силы высшей», говорилъ аббатъ, цитуя мѣста изъ католическихъ богослововъ. Опытный іезуитъ зналъ, какъ некрѣпко стоитъ его противникъ, перейдя на зыбкую почву отрицанія: человѣкъ, произнесшій, что ничего нѣтъ, самъ отдается сразу въ руки противника.

Молодой князь чутьемъ отгадывалъ какую-то фальшь въ словахъ аббата, но какъ ни бился, не могъ опредѣлить себѣ ее; въ сдержанномъ, мягкомъ тонѣ голоса іезуита, въ его черезчуръ сладкихъ выраженіяхъ, пересыпаемыхъ то и дѣло, точно сахаромъ, припѣвами: «мой юный другъ, ваше неиспорченное сердце» и т. п., въ кроткомъ выраженіи лица, зрачковъ было что-то до нельзя приторное и противное князю; между тѣмъ аббатъ говорилъ хорошо, дѣльно, разбивалъ сразу возраженія, и разбивалъ не приведеннымъ текстомъ, а длинною цѣпью вытекающихъ послѣдовательно одинъ изъ другаго выводовъ. «Я не имѣю оружія въ рукахъ; я не знаю религіи», рѣшилъ весьма справедливо князь и принялся за чтеніе духовныхъ, но, къ несчастію, католическихъ сочиненій; по-гречески и по-славянски онъ не читалъ; впрочемъ онъ былъ убѣжденъ, что богословіе если гдѣ разработано «какъ наука», то это на западѣ.

Маркизъ не вмѣшивался въ эти споры; княгиня, очень довольная тѣмъ, что ея Борисъ можетъ бесѣдовать цѣлые часы съ ученымъ мужемъ, самодовольно улыбаясь, спрашивала иногда маркиза, возвратившагося изъ кабинета молодаго князя: «вѣрно опять заспорили»?

— Да; опять споръ, отвѣчалъ на это маркизъ.—Я удивляюсь молодому князю: какая начитанность и точность въ рѣчахъ, въ такія лѣта... C'est remarquable.

— Профессоръ, академикъ въ двадцать лѣтъ, отзывался на это старый князь, переминая пальцами рапэ въ своей золотой табакеркѣ.

— Не академикъ еще, но обѣщаетъ многое... Я должна это сказать, хоть онъ и сынъ мнѣ, поправляла мужа княгиня, раскладывая свой послѣ обѣденный пасьянсъ.

Старикъ-князь недолюбливалъ монаховъ и вообще духовенства, въ томъ числѣ и католическаго, но на бесѣды сына съ аббатомъ глядѣлъ не безъ удовольствія; ему мерещилось, какъ

сынъ, вымуштрованный этими спорами, будетъ поражать при дворѣ всѣхъ своею бойкою рѣчью и непроходимою ученостью. «А тамъ сдѣлаютъ membre de l'Academie, а кто знаетъ, можетъ-быть и президентомъ... Я помню, въ какой силѣ были такіе люди при императрицѣ», думалъ его сіятельство. До взятія маркиза точно также смотрѣла на эти бесѣды и belle soeur, вдова генералъ-аншефа, но послѣ ареста новобрачнаго она, вдругъ, перемѣнила свое мнѣніе о маркизѣ и объ аббатѣ, наивно увѣряя княгиню, что она всегда была противъ этого брака и якшанья съ іезуитами.

Ночевавъ въ Тріестѣ, путешественники, утромъ, на другой день, отправились въ Венецію; остановились въ отелѣ на Canale grande; старикъ-князь, въ тотъ же день вечеромъ, отправился съ дочерью, въ гондолѣ, отыскивать маркиза по оставленному монахомъ адресу. Князь бывалъ прежде въ Венеціи и надоѣдалъ дочери объясненіями зданій, каналовъ, прибавляя: «вотъ здѣсь мы обѣдали съ Разумовскимъ, здѣсь я квартировалъ съ графомъ Алексѣемъ». Маркизъ жилъ въ одномъ изъ переулковъ, неподалеку отъ гостинницы, гдѣ жили Тунгусовы, въ меблированныхъ довольно приличныхъ комнатахъ; первый встрѣтилъ ихъ Антоніо, слуга маркиза; онъ улыбался своею глуповатою, искреннею, въ противоположность своему патрону, улыбкою и попросилъ позволенія поцѣловать ручку маркизы.

— Вотъ удивлю я маркиза! говорилъ онъ, пробираясь корридоромъ, на цыпочкахъ, къ комнатамъ барина.

Маркизъ дѣйствительно удивился; онъ не ожидалъ ихъ пріѣзда ранѣе окончанія военныхъ дѣйствій; но выраженіе, цвѣтъ лица, когда онъ подошелъ къ рукѣ жены и обнялъ князя, остались тѣже самые, съ какими онъ садился обѣдать или читать газету. Усадивъ князя и маркизу, онъ объяснилъ, что еще не вѣритъ глазамъ своимъ, и взялъ шляпу.

— Простите, но я горю нетерпѣніемъ видѣть княгиню, пояснилъ онъ.—Впрочемъ, отдохните. Не хотите ли мороженаго?

Князь поблагодарилъ; черезъ нѣсколько минутъ всѣ трое усѣлись въ гондолу, а черезъ полчаса маркизъ, изогнувшись, цѣловалъ руку сіявшей отъ радости княгини.

— И вы рѣшились, началъ было маркизъ, усаживаясь въ кресло,—рѣшились, несмотря на мое изгнаніе, даже не разузнавъ....

Но княгиня прервала его разсказомъ, что была у импера-

трицы и... Здѣсь она хотѣла было, для успокоенія изгнанника, сказать, что говорила съ государыней о его дѣлѣ, но, взглянувъ на дочь, замялась и закончила увѣреніями, что дѣло поправится, что нужно только переждать и т. д. Маркизъ слушалъ эти увѣренія съ грустною улыбкою, и когда княгиня кончила рѣчь, произнесъ: «врядъ ли, княгиня, я уживусь при русскомъ дворѣ и въ русскомъ обществѣ; разумѣется, я допускаю исключенія, но.... признаюсь вамъ, мнѣ, европейцу, нужно переродиться, перевоспитаться для того, чтобъ быть безопаснымъ въ этой средѣ, я не скажу—лжи, но постояннаго притворства... Впрочемъ, объ этомъ поговоримъ послѣ. Прежде всего вамъ надобно подумать... (при этомъ онъ оглядѣлъ комнаты) о болѣе удобномъ помѣщеніи. Нельзя же жить въ гостинницѣ, если вы намѣреваетесь побыть въ Венеціи... Это, во-первыхъ, дорого, во-вторыхъ неудобно. Князь, не хотите ли взглянуть сегодня, завтра, здѣсь неподалеку есть палаццо, небольшой, но преудобный. И мнѣ кажется, хозяинъ не подорожится. Ему надобны деньги». Князь отвѣчалъ, что онъ готовъ хоть сейчасъ. Въ это время вошелъ Борисъ. Маркизъ, разцѣловавшись съ нимъ, обратился къ женѣ и, взявъ ее за руку, спросилъ ее: «eh bien, какъ же вы, mon ange? Вамъ вѣрно грустно было оставлять Россію»? Маркиза попробовала улыбнуться; но, несмотря на улыбку, она напоминала, выраженіемъ лица и всею позою, тѣхъ четь-минейскихъ дѣвъ, которыхъ обрекали на съѣденіе чудовищу. Сознавая это сама, она старалась казаться спокойною, равнодушною; роль беззащитной жертвы ей была до того противна, что она запретила Дуняшѣ называть ее «страдалицей».

Истинно-несчастные стыдятся своего несчастія, какъ бѣднякъ своего рубища; истинное горе, какъ и истинная радость, не любятъ рисоваться; онѣ бѣгутъ отъ людей съ ихъ грубымъ участіемъ, высказываемымъ большею частію для того, чтобы показать: «глядите, молъ, какое у насъ нѣжное сердце».

Черезъ часъ маркизъ и князья поѣхали посмотрѣть палаццо. Въ тогдашнее время пріѣздъ русскаго вельможи, даже въ столичный, европейскій городъ, не оставался, какъ нынче, незамѣченнымъ; мраморный столъ, гдѣ клались визитныя карточки, на другой же день пріѣзда, весь покрывался адресами магазиновъ, обращиками модныхъ матерій, письмами отъ бриллiантщиковъ, предлагавшихъ изящнѣйшіе collier, браслеты, серьги ихъ сіятельствамъ; корридоры гостинницъ съ утра наполнялись

распудренными комми, художниками, гувернерами, модистками, антикваріями, торгующими сомнительными антиками и картинами. Князь еще въ Вѣнѣ, въ первый же день пріѣзда, накупилъ сервизовъ, штуцеровъ знаменитыхъ тогда Гамерле и Цельнера, гобеленовъ, картинъ, эстамповъ; купилъ даже для чего-то скрипку Штейнера, хотя ни самъ, ни сынъ, не имѣли ни малѣйшаго понятія о музыкѣ; эта первая коллекція покупокъ и была отправлена по транспорту въ Россію. Въ Венеціи, въ первый же день, пріѣзжіе были осаждены алчущими русскихъ, увѣсистыхъ червонцевъ. Остатки этихъ пріобрѣтеній до сихъ поръ можно встрѣтить въ уцѣлѣвшихъ, немногихъ впрочемъ, домахъ русскихъ вельможъ екатерининскаго времени.

Палаццо наняли въ тотъ же день; маркизъ, прощаясь часовъ въ десять вечера, объявилъ, что дня черезъ два ему необходимо съѣздить въ Неаполь; по возвращеніи его, рѣшили поселиться въ Венеціи всѣ вмѣстѣ въ нанятомъ палаццо. Старый князь, по уходѣ маркиза, за полночь толковалъ съ французомъ поваромъ или, какъ онъ величалъ себя, «артистомъ кулинарнаго искусства», предлагавшимъ свои услуги. На третій день пріѣзда, княгиня съ дочерью сидѣли уже на узорномъ, нависшемъ надъ синевою большаго канала и уставленномъ цвѣтами и деревьями, балконѣ нанятаго палаццо; въ высокихъ комнатахъ, съ лѣпными потолками и карнизами суетилась прислуга, разстилая ковры; стучали обойщики, одѣвавшіе плющомъ и штофомъ раззолоченную мебель; на лѣстницѣ, на подмосткахъ громоздились лѣпщики, прочищая, затянутые пылью и паутинами мраморные барельефы. Старый князь, опираясь на свою камышевую трость, шаркая замшевымъ сапогомъ, самодовольно расхаживалъ по узорному паркету и мрамору дворца, выходя иногда на балконъ полюбоваться видомъ.

— Прекрасно мы устроились, толковалъ онъ, обращаясь къ женѣ.

— Недурно; но я боюсь, не было бы сырости, отвѣчала на это княгиня.

Князь Борисъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ надъ старымъ фоліантомъ Даміани: «contra errorem graecorum».

Прасковья Ивановна ворчала на Дуняшу, развѣшивавшую атласные робронды и длинные шлейфы маркизы. Русскіе слуги хохотали надъ вспыльчивымъ «артистомъ кулинарнаго искусства,» награждавшимъ поминутно пинками безтолковаго поваренка итальянца.

Маркизъ уѣхалъ въ Неаполь, переправивъ Антоніо съ своими вещами въ палаццо князя; старикъ—камердинеръ маркиза, съ своимъ голубымъ кафтаномъ, бѣлымъ жабо и вѣжливыми поклонами въ отвѣтъ на каждое приказаніе, какъ будто созданъ былъ для высокихъ залъ палаццо; при встрѣчахъ съ молодою маркизою онъ улыбался, а лицо его выражало любованье стараго слуги юною отраслью фамильнаго господскаго древа; это былъ одинъ изъ тѣхъ честныхъ, недалекихъ и недальнозоркихъ людей, какихъ любятъ брать въ услуженіе шулера и аферисты. Княгиня отличала Антоніо отъ своихъ слугъ, какъ иностранца и камердинера маркиза; обѣдъ подавался ему, здѣсь и въ Раздольѣ, въ его комнату; русская прислуга косилась на это; княгиня разрѣшила накрывать ему вмѣстѣ съ Прасковьею и Дуняшею, но этимъ возмутилась Прасковья, постничавшая по случаю петровокъ; наконецъ двѣ-три пощечины, отпущенныя старымъ княземъ буфетчику, водворили порядокъ и камердинеръ маркиза обѣдалъ опять въ своей комнатѣ; слуги вымѣщали ему иногда тѣмъ, что подавали вмѣсто фазана часть скелета вчерашней курицы или выпивали половину мадеры, посланкой со стола княгинею; но добрякъ итальянецъ не замѣчалъ этого и преспокойно кончивъ обѣдъ, произносилъ, обращаясь къ слугѣ Ивану: «ошень плакодарю васъ, Джованни».

Пустынныя, живописныя комнаты дворца принимали день ото дня болѣе и болѣе жилой видъ; на инкрустированныхъ столахъ явились кипсеки, на мраморныхъ полахъ запестрѣли ковры; вычурные карнизы каминовъ, поддерживаемые миѳологическими фигурами, украсились бронзою; передъ каминами явились тканые экраны съ букетами и купидонами; на окнахъ, на столахъ пестрѣли въ вазахъ живые цвѣты; въ гостиной, на широкой лѣстницѣ, зеленѣли куртины тропическихъ растеній; даже огромныя картины Тинторетто, Бургиньона, принадлежавшія владѣльцу дворца, несмотря на страшные свои сюжеты, глядѣли веселѣе, чѣмъ въ первый день пріѣзда новыхъ обитателей; картины почему то изображали все ужасы: на одной змѣи наносили язвы евреямъ, другая представляла избіеніе младенцевъ, третья осаду замка, съ трупами лошадей, густыми облаками дыма отъ пушечныхъ выстрѣловъ, съ рыцаремъ, засадившимъ по самую рукоять, свою длинную шпагу въ спину широкоплечаго противника.

Маркиза, по желанію матери, начала брать уроки живописи у

маэстро—итальянца, страшнаго любителя бриллiантовыхъ перстней и булавокъ; даже въ ресфедерѣ, немолодаго уже, художника былъ вдѣланъ изумрудъ, окруженный розами; ресфедеръ этотъ, какъ объяснялъ неоднократно наставникъ, былъ подаренъ ему одною герцогинею, ученицей синьора Риччини (фамилія учителя); приготовляя палитру, поправляя этюдъ, маэстро болталъ безъ умолку, повторяя одни и тѣ же анекдоты о различныхъ графиняхъ, princesses и баронессахъ, развивавшихъ подъ его руководствомъ свои художественныя способности.

Въ гостиной появлялись пудреныя, вытянутыя фигуры, въ изящныхъ кафтанахъ, фракахъ и чулкахъ, различныхъ иностранныхъ графовъ и князей, прежнихъ и новыхъ знакомыхъ Тунгусовыхъ; графъ Лобковичь, бывшiй полномочный австрiйскiй посолъ въ Россiи, прiѣзжалъ въ раззолоченной гондолѣ съ саженнымъ гайдукомъ и поларшиннымъ карликомъ, одѣтыми венгерскими гусарами; племянникъ короля Станислава, эмигрантъ, сидѣлъ вечеромъ съ полчаса у княгини; одинъ очень важный и очень толстый польскiй панъ, въ красномъ полиняломъ кунтушѣ, цѣловавшiй всѣхъ безъ разбора—знакомыхъ и незнакомыхъ, дамъ и мущинъ, вваливался чуть не ежедневно въ изящный салонъ и даже въ уборную ея сiятельства; монсиньоръ, сухой и длинный, въ фiолетовыхъ чулкахъ и въ темной мантiи, душившiй резедою свой батистовый платокъ и платье, нерѣдко навѣщалъ княгиню. Старый князь едва успѣвалъ отдавать визиты и каждое утро мыкался по городу въ своей раззолоченной гондолѣ, замѣняющей экипажъ въ Венецiи; дамы катались тоже каждый вечеръ по Canale grande, между высокихъ стѣнъ дворцовъ съ балконами, поддерживаемыми мощными фигурами атласовъ и геркулесовъ, ѣздили на острова, вслушиваясь въ отдаленныя пѣсни гондольеровъ; ихъ сопровождалъ князь Борисъ. По возвращенiи съ прогулки, сiятельная семья, выйдя на балконъ, нерѣдко встрѣчаема была громомъ бродячаго оркестра или пѣснею уличнаго импровизатора, не жалѣвшаго эпитетовъ при описанiи красоты маркизы, въ надеждѣ получить, въ замѣнъ ихъ, два-три червонца изъ кошелька богатыхъ форестьеровъ. Дворовые, накинувъ сверхъ ливрейнаго фрака съ гербовыми обшивками шинели, бродили, въ часы прогулокъ господъ по Венецiи, подкрѣпляясь виноградною аквавиткой, замѣнявшей имъ отечественный, незабвенный пѣнникъ.

Маркизъ писалъ часто изъ Неаполя, но письма, по причинѣ

военныхъ дѣйствій въ Италіи, доходили не всегда исправно. Въ Венеціи появилось множество раненыхъ, на костыляхъ, съ подвязанною рукою, въ австрійскихъ и русскихъ мундирахъ; газеты были наполнены извѣстіями о войнѣ; въ магазинахъ продавали ь отлитыя въ Лондонѣ медали съ изображеніемъ Суворова и надписью: «liberator Italiae»; на одной изъ медалей фельдмаршалъ былъ изображенъ чуть не донскимъ казакомъ, въ мѣховой шапкѣ и съ огромными усами. Союзныя войска придвигались къ Генуѣ; имя Суворова раздавалось на гуляньяхъ, въ театрахъ, на улицахъ; блескъ русскаго оружія отражался на всѣхъ русскихъ за границею; не многочисленные гости изъ Россіи были принимаемы съ восторгомъ высшимъ иностраннымъ обществомъ; княгиня ежедневно получала по нѣскольку приглашеній на обѣды, прогулки, что не мало увеличивало расходы Тунгусовыхъ, обязывая на гостепріимство отвѣчать гостепріимствомъ; вмѣсто одного повара были наняты три; обѣдами распоряжался французъ, метрдотель, на заработанныя въ Петербургѣ деньги поселившійся въ Венеціи; потребовалось отдѣлать за-ново гостиную, прикупить два-три севрскихъ сервиза... Подписки, на armata della santa fede, на временные госпитали для раненыхъ, на раззоренныя семьи эмигрировавшихъ, развозимыя монсиньорами и различными principe и контессами, проникшимися вдругъ гуманными и патріотическими идеями, тоже опустошали корельскую шкатулку князя; письмо за письмомъ летѣли къ управляющему въ Россію, о скорѣйшей высылкѣ оброковъ, или о немедленной продажѣ лѣса, пустошей, если крестьяне, паче чаянія, не уплатятъ состоящихъ на нихъ недоимокъ. Только-что усмиренные княземъ Рѣпнинымъ крестьянскіе бунты противъ помѣщиковъ пріостановили, на нѣкоторое время, употребленіе энергическихъ мѣръ и способовъ взиманій и взысканій; князя Тунгусова, никогда не нуждавшагося и прежде, впрочемъ, нельзя было упрекнуть въ въ жестокости или неумѣренныхъ налогахъ на крестьянъ: но притѣсненія въ его имѣніяхъ дѣлались управляющими, бурмистрами, которымъ давалось иногда, по безпечности, слишкомъ много воли; и еслибы въ управленіе не вмѣшивалась княгиня, руководимая зоркимъ глазомъ Прасковьи, знавшей насквозь всѣхъ управляющихъ и даже старостъ, крестьяне бы терпѣли отъ нихъ еще болѣе. Князь перевелъ довольно большую сумму за границу, и между прочимъ въ лондонскій банкъ, заложивъ передъ отъѣздомъ нѣсколько имѣній; но онъ берегъ ее, какъ

выражался самъ, «на черный день», не задумываясь, въ красные дни, спускать за безцѣнокъ строевые лѣса и доходныя пустоши.

Въ гостиной княгини, какъ и вездѣ, главнымъ предметомъ разговоровъ были военныя дѣйствія; желая похвастать новостями, прилетѣвшими прямо изъ квартиры главнокомандующаго, княгиня обратилась къ сыну съ выговоромъ, что онъ забылъ своего сверстника Катенева.

— Отчего ты ему не напишешь? замѣтила она разъ за обѣдомъ.—Онъ не знаетъ, что мы за границею.

Князь Борисъ, углубленный въ свои богословскіе фоліанты, обѣщалъ написать сегодня же въ главную квартиру.

— А ты не припишешь? обратился онъ къ сестрѣ.

— Пожалуй... Впрочемъ, что-жь мнѣ писать? Поклонись ему, отвѣчала, нѣсколько покраснѣвъ, маркиза.

— А кто это Катеневъ? спросилъ монсиньоръ, обѣдавшій въ этотъ день у князя.

— Это одинъ нашъ дальній родственникъ, юный герой, крестникъ фельдмаршала, отвѣчалъ князь, объяснивъ, что Катеневъ воспитывался съ его дѣтьми.—Славный молодой человѣкъ, окончилъ онъ.

— Онъ добрый мальчикъ, снисходительно подтвердила княгиня.

Разговоръ коснулся образовавшагося въ южной Италіи ополченія святой вѣры; монсиньоръ, знакомый лично съ кардиналомъ Руффо, стоявшимъ во главѣ ополченія, разсказывалъ много любопытныхъ подробностей изъ его жизни.

— Слухъ носится, что онъ жестокъ, что эта armata della santa fede позволяетъ себѣ грабить поселянъ, жечь села, возразилъ князь Борисъ монсиньору, разсыпающемуся въ похвалахъ кардиналу,—«этому архистратигу», какъ выразился монсиньоръ «призванному свыше, съ огненнымъ мечомъ своимъ, къ освобожденію Италіи отъ якобинцевъ».

Выслушавъ возраженіе, монсиньоръ раскрылъ свою серебряную табатерку, распространивъ въ комнатѣ сильный запахъ резеды, что заставило поморщиться княгиню, неторопливо понюхалъ и началъ свой отвѣтъ возразившему:

— Кардиналъ имѣетъ много недоброжелателей. Потомъ, мы, сидя спокойно въ этой прекрасной комнатѣ, не видимъ всѣхъ трудностей, съ которыми сопряжено командованіе такою разнообразною толпою, какая стеклась подъ побѣдоносное, святое знамя кардинала....

Онъ долго говорилъ на эту, довольно избитую, тему; старый князь задремалъ даже въ ожиданіи десерта; княгиня зѣвала, закрывая рукою ротъ; маркиза задумчиво чертила вилкою по тарелкѣ, съ нарисованнымъ летящимъ амуромъ. Князь Борисъ попробовалъ было замѣтить, что не надо браться за команду, если чувствуешь, что это не подъ силу; но монсиньоръ, поглядѣвъ на него взглядомъ проповѣдника, котораго неожиданно прервали, опустилъ глаза и снова повелъ длинную, плавную рѣчь о назначеніи свыше въ командиры кардинала; онъ говорилъ объ этомъ съ такою увѣренностію, какъ будто служилъ въ томъ самомъ небесномъ департаментѣ, отъ котораго зависитъ назначеніе людей въ полководцы, поэты и другія должности.

— Съ нимъ нельзя спорить, сказалъ вполголоса молодой князь сестрѣ, ведя ее послѣ стола въ гостиную.

На это маркиза весьма остроумно замѣтила, что монсиньоръ принадлежитъ къ числу людей, которые не разговариваютъ, а «вѣщаютъ».

На другой день пріѣзжалъ съ визитомъ къ князю молодой, бойкій австрійскій генералъ, прибывшій только-что изъ Вѣны; князь познакомился съ нимъ у Разумовскаго. Генералъ былъ прикомандированъ, на бѣду, въ началѣ военыхъ дѣйствій къ главному штабу, и поэтому съ важностію знающаго дѣло въ подробности, разбиралъ дѣйствія Суворова; но такъ какъ, говорятъ, камердинеръ никогда не признаетъ за генія человѣка, которому чиститъ платье, то генералъ считалъ фельдмаршала просто сумасбродомъ, случайно выигрывающимъ всѣ сраженія; разложивъ на столѣ подробную карту Ломбардіи, генералъ объяснялъ ошибку за ошибкой фельдмаршала; старый князь, припоминая странности Суворова, не прочь былъ усумниться въ его геніи. Княгиня была не такъ довѣрчива и довольно разсѣяно слѣдила за украшеннымъ брилліантомъ, богатымъ перстнемъ стратегика.

Такъ проходили день за днемъ; посѣщенія галлерей, дворцовъ, прогулки на острова въ гондолѣ, пѣшкомъ по вечерамъ, среди многолюдной толпы на площади святаго Марка, мало занимали маркизу; сравнивъ ее съ мученицею, обреченною на жертву, мы избавляемъ читателя отъ подробныхъ описаній ея тяжкаго, внутренняго состоянія,—описаній, весьма любимыхъ нѣкоторыми романистами; такіе опыты надъ дѣйствующими лицами разсказа превращаютъ портреты людей въ тѣ фигуры съ открытыми внутренностями, какія прилагаются къ учебникамъ

анатоміи. Княгиня тоже была озабочена отсутствіемъ маркиза, тѣмъ болѣе что письма приходили отъ него рѣже и рѣже. Старый князь отдавалъ визиты, придумывалъ обѣды, экскурсіи, игралъ по вечерамъ въ пикетъ съ польскимъ паномъ. Князь познакомился съ однимъ молодымъ богословомъ, принадлежавшимъ тайно къ гонимому отвсюду іезуитскому обществу; вдвоемъ съ нимъ онъ просиживалъ цѣлые вечера, иногда ночи. Молодой князь принадлежалъ къ числу людей страстно отдающихся предпринятому дѣлу; съ каждымъ днемъ сильнѣе вѣрилъ онъ въ высокое призваніе ордена и начиналъ видѣть въ гоненіи его козни тьмы и невѣжества, отъ вѣка силившихся противустоять свѣту и истинѣ. Молодой іезуитъ-богословъ жаркою рѣчью своей незамѣтно овладѣвалъ княземъ, почти ему ровесникомъ. «Клевета способна на все», говорилъ онъ,—«способна очернить самыя чистыя намѣренія и цѣли. Развѣ не клеветали на апостоловъ, пророковъ? Я скажу больше: дѣлалось ли хоть одно доброе дѣло безъ того, чтобы не кидало большинство грязью и каменьями въ честныхъ дѣятелей? А воинствующей, дѣйствующей на благо человѣчества и къ вящей славѣ Господа церкви еще бы не имѣть враговъ видимыхъ и невидимыхъ!» Молодой князь былъ изъ числа тѣхъ многихъ, которые не вѣруютъ, но и не отрицаютъ дерзко все, оправдываясь темнотою дѣла; несмотря на это, его увлекала энергія, съ которою пробирались всюду іезуиты. Картина будущей, просвѣщенной родины уже возставала предъ нимъ во всей красѣ; онъ самъ, скромный, потомъ пожалуй позабытый труженикъ, спокойно подходящій къ могилѣ, съ дорогимъ сознаніемъ, что жилъ не даромъ, не безъ пользы землѣ своей и ближнему. «Такое христіанство я понимаю», разсуждалъ князь. «Еслибы не было даже Бога, его надобно выдумать для такой прекрасной цѣли». Это выраженіе было тогда въ большомъ ходу между людьми, защищавшими религію; князю оно особенно нравилось потому, что служило ему не разъ оружіемъ противъ грубыхъ насмѣшекъ салонныхъ вольнодумцевъ надъ обрядами оскорблявшихъ его эстетическое чувство.

Кромѣ того, однимъ изъ сильныхъ побужденій къ занятію богословскими науками служила князю, разгоравшаяся до широкихъ, ужасающихъ размѣровъ борьба новыхъ, революціонныхъ началъ со старыми; дѣло шло уже не объ одномъ разрушеніи обветшавшаго государственнаго строя;—революція силилась разрушить, созданный тысячелѣтіемъ, опытомъ, жизнью, міръ человѣческихъ

упованій, вѣрованій, шла брать твердыни выстраданныхъ человѣчествомъ убѣжденій. «Тутъ надо пересмотрѣть, провѣрить все старое», думалъ честный, молодой мыслитель; «нельзя повѣрить, на слово, что все старое—гиль. А между тѣмъ», раздумывалъ юноша, «сами знаменоносцы гордой дружины разрушителей указываютъ на инстинктъ, на природу, какъ на вѣрнаго вожатая? Полно за дѣло ли ужь ратуютъ, въ самомъ дѣлѣ, эти друзья человѣчества, шагающіе черезъ груды обезглавленныхъ труповъ, по колѣно въ крови, проливаемой ими на пути къ странѣ благополучія?» Молодой умъ вездѣ отыскивалъ отвѣта на этотъ страшный, невольно возникающій вопросъ, но покуда нигдѣ не находилъ его.

Поэзія... Но поэты только-что выходили тогда на широкую арену свободнаго, истиннаго своего служенія, только еще перестраивали свои лиры, готовя міру вмѣсто хвалебныхъ, героическихъ поэмъ и льстивыхъ одъ свободную и пламенную, будто солнце, пѣсню. Вдохновенная пѣснь Шиллера временемъ долетала до испорченнаго лестью и бездарнымъ брянчаніемъ слуха общества; но колоссальныя, міровыя думы Шекспира и Гёте были не подъ силу, не по нутру старому желудку, требовавшему пикантныхъ, острыхъ яствъ, а не питательной, здоровой, сочной пищи. Общество смотрѣло на поэзію, какъ баринъ смотритъ на лѣпныхъ купидоновъ и богинь, украшающихъ карнизы и потолки его аристократической гостиной: «красиво, если есть купидоны, а не бѣда и безъ нихъ; гостиная теряетъ, но не много.» Тогда и въ голову не приходило ни одному порядочному человѣку, чтобы стихотворецъ, обладатель хорошаго стиля, могъ говорить что-либо дѣльное. «Отставныя богини, Дафны, Аполлоны,—вотъ міръ и поэтическій, и живописный, если хотите, но пустѣйшій міръ, въ которомъ исключительно витаютъ помышленія поэта. Да оно такъ и слѣдуетъ» рѣшало общество, «на то онъ стихотворецъ». Германская мысль первая начала добираться, подъ руководствомъ двухсолѣтняго, британскаго пѣвца, что истинная поэзія не есть игрушка, что изъ нея бьетъ широкій, живой ключъ разумѣнія, а не игрушечная, узенькая струйка амбрэ, предназначенная услаждать испорченное обоняніе гнилыхъ эпикурейцовъ.

Фаустъ, какъ египетская пирамида, останется для всѣхъ вѣковъ великою картиною внутренняго состоянія умственныхъ страданій тогдашняго человѣка; менѣе или болѣе, глубже или мелче, но каждый входилъ тогда, какъ испытатель—докторъ, внутрь

этихъ духовныхъ шахтъ, доискиваясь въ ихъ таинственномъ мракѣ хотя крупицы истины.

У насъ тогда еще древняя Русь выглядывала мѣстами то старинною церковью, ветхимъ дворцомъ съ изразцовыми печками, повязкой няньки, кокошникомъ упрямой бабушки, вырвавшимся невзначай русскимъ стихомъ поэта, заколачивавшаго родную рѣчь въ чужіе ямбы и гекзаметры. Но офранцуженная молодежь уже не способна была любоваться коломенскимъ дворцомъ; послѣ версальскихъ залъ онъ казался ей чуть не тюрьмою, и русскіе звуки, летѣвшіе порой изъ-подъ могучей руки пѣвца Державина, были ей чужды; они ударяли лишь въ тѣ сердца, въ которыхъ жилъ отвѣтъ имъ; такъ нота, взятая на одномъ инструментѣ, будитъ ей родственную въ другомъ, но непремѣнно одинаково настроенномъ.

Кромѣ того, тогда не читало почти ничего русскаго образованное общество; издатели русскихъ книгъ для того, чтобы заставить читать прописывали нерѣдко на оберткѣ своихъ собственныхъ сочиненій: «переводъ съ испанскаго».

Сестра, зная увлекающуюся природу брата, боялась за него, даже подозрѣвала, ужь не перешелъ ли онъ въ католичество. При матери, и при отцѣ, Борисъ не начиналъ разговоровъ о религіи, но наединѣ съ сестрою безпрестанно разсыпался въ похвалахъ полезной дѣятельности и энергіи іезуитовъ. «Они напоминаютъ мнѣ апостоловъ», говорилъ онъ сестрѣ, не имѣвшей другихъ возраженій кромѣ обильныхъ слезъ и жаркой молитвы въ своей уединенной комнаткѣ.

XIII.

Рано проснулся на другой день Катеневъ; рыбака уже не было. Поднявшись съ своего ложа, прапорщикъ, безъ мундира, отправился бродить по развалинѣ; пройдя длинный, сырой и темный корридоръ и поднявшись по узенькой каменной лѣстницѣ, онъ очутился на платформѣ башни и обомлѣлъ передъ раскинувшимся неожиданно широкимъ видомъ: солнце только-что взошло; на кривыхъ деревьяхъ, выглядывавшихъ изъ разсѣлинъ вѣковыхъ стѣнъ за́мка, щебетали, перепархивая съ сучка на сучокъ,

птицы. Внизу, подъ ногами, сквозь темную зелень пихтъ и густолиственныхъ, незнакомыхъ сѣверянину, деревьевъ, блестѣло озеро; дальше за нимъ разстилалась озаренная солнцемъ равнина съ бѣлыми домиками деревень и церковными шпицами; вдоль извивающейся вправо голубою лентой рѣчки тянулась длинная цѣпь палатокъ и шалашей ополченскаго лагеря: тонкія струйки дыма отъ разведенныхъ костровъ стояли мѣстами на зеленомъ фонѣ равнины; ласточки и стрижи сновали со звономъ межъ старыхъ оконъ и зубцовъ развалины... Роса уже осѣла; капли ея, какъ брилліанты, сверкали на цвѣтахъ, робко выглядывавшихъ изъ-за сѣрыхъ зубцовъ бойницы... Катеневъ сталъ вглядываться влѣво, въ синюю полосу, сливающуюся съ яснымъ небосклономъ... «Да, это море», подумалъ онъ. «Море», рѣшилъ наконецъ онъ, замѣтивъ чуть видную барку вдали, съ тонкою, какъ секундная стрѣлка, мачтою.

— Вы здѣсь... А я внизу ищу васъ, произнесъ рыбакъ, шаркая башмаками по каменнымъ ступенькамъ лѣстницы.—Пожалуйте завтракать. Bella veduta, signore, прибавилъ онъ, войдя на платформу и подпершись въ бока руками.

Прапорщикъ окинулъ еще разъ глазами необъятный видъ и спустился вслѣдъ за Джакомо въ круглый залъ, гдѣ вчера сидѣлъ Лагоцъ съ своими гостями; рыбакъ принялся хлопотать около кофейника, какъ на дворѣ за́мка раздалось конское ржанье и гулъ падающихъ каменьевъ, скользящихъ изъ-подъ конскихъ ногъ при подъемѣ на крутизну, заваленную щебнемъ.

— Это офицеръ изъ лагеря, замѣтилъ рыбакъ... Отъ comandante... Онъ, уѣзжая сказалъ, что пришлетъ къ вамъ офицера.

Катеневъ влѣзъ на окно; внизу сквозь вѣтви деревьевъ, выросшихъ на карнизѣ развалины, онъ увидалъ выѣзжающихъ изъ-подъ полуразрушенныхъ воротъ двухъ всадниковъ; одинъ глядѣлъ ополченцемъ, судя по фантастической, полувоенной одеждѣ и тяжелому палашу, висѣвшему при бедрѣ; другой, въ бѣлой рубахѣ и соломенной истрепанной шляпѣ, совсѣмъ пригнулся къ шеѣ лошади, пробиравшейся по мусору; лица не видать было; но по привязанному сзади сѣдла мѣшку и особенно по тулупу, перекинутому черезъ спину коня, прапорщикъ тотчасъ узналъ въ послѣднемъ неизмѣннаго своего спутника.

— Эй! Джакомо, крикнулъ ополченецъ, остановивъ коня.

— Сейчасъ, синьоре... Иду, отвѣчалъ рыбакъ, выходя въ корридоръ.

Верховые тронули лошадей и исчезли въ противоположныхъ въѣздныхъ воротахъ; Катеневъ сѣлъ къ столу, дѣлая различныя догадки о томъ, какъ появился Аѳанасій въ этихъ развалинахъ, и на какомъ языкѣ онъ объяснялся дорогою съ своимъ спутникомъ ополченцемъ; эти довольно трудныя соображенія прерваны были наконецъ появленіемъ самого Аѳанасья; рыбакъ бережно несъ за нимъ холщевый, засаленный мѣшокъ, въ которомъ что-то шевелилось и визжало.

— Здравствуйте, Петръ Тимоѳеевичъ... Живы ли вы тутъ? То-есть вотъ ужь злому татарину не пожелаю... Это напасть— горы, буераки, камни.... Чортъ ногу переломитъ, заговорилъ сиплымъ голоскомъ своимъ Аѳанасій, сбросивъ кожаный мѣшокъ съ плеча и вытирая потъ съ лица рукавомъ рубахи.—Помилуйте... Да это пропадешь тутъ, сгинешь.... Какъ это Александру-то Васильичу не стыдно?.. Обѣщались папенькѣ вашему не оставлять... и вдругъ послалъ на-кось куда, не нашелъ другой должности, къ разбойникамъ.

— Къ какимъ разбойникамъ? Да ты-то какъ сюда попалъ? спросилъ Катеневъ.

— Что-жь, я однихъ что-ль васъ оставлю? Я лодку выпросилъ у адмирала... Вѣдь вы чай тутъ и голодны, и холодны? Помилуйте, на что это похоже.

— Нисколько я не голоденъ. Я не ребенокъ, началъ было Катеневъ.

— Толкуйте тутъ... не голоденъ. Это Бога надо не имѣть, закричалъ почти уже Аѳанасій,—послать дитятю, столбоваго дворянина, вмѣсто арміи къ головорѣзамъ, прости Господи, къ мошенникамъ, продолжалъ Аѳанасій, доставая изъ-за пазухи пакетъ.—Изъ штаба, объяснилъ онъ, передавая письмо.—Какъ отца роднаго, папенька его, при мнѣ просили... А онъ, на-кось, знать для того, чтобы съ шеи свалить.... Есть ли тутъ христіанство? Посылаетъ къ отъявленнымъ ворамъ, которые, что ни на есть, отчаянные, безпардонные разбойники.

Въ углу рыбакъ увѣщевалъ пинками таинственнаго обитателя мѣшка, не перестававшаго протестовать довольно громко противъ заточенія.

— Откуда ты взялъ, что здѣсь разбойники? Развѣ можно бранить честныхъ людей, уважаемыхъ самимъ фельдмаршаломъ? произнесъ вспыльчиво Катеневъ, распечатывая пакетъ.

— Разите .. Ну, разите! Что-жь? перебилъ запальчиво ста-

рикъ, принявъ вдругъ трагическую позу; губы его дрожали, сиповатый голосъ переходилъ въ тоненькія нотки, какія прорываются въ бравурныхъ мѣстахъ аріи у перезрѣлаго, выкричавшагося тенора.—Я самому фельдмаршалу въ глаза скажу... Нельзя такъ сына дворянина... Развѣ это армія?—Это сорванцы, разбойники. Я сейчасъ лейтенанту говорилъ это самое, какъ его... Ратмановъ что ли?

— Спасибо за это, перебилъ уже окончательно разсердившись и покраснѣвъ Катеневъ.—Ты сдѣлаешь то, что мнѣ прохода не будетъ; смѣяться всѣ станутъ, какъ надъ Митрофанушкой... И какой чортъ несъ тебя сюда?

— Покорнѣйше благодарю, Петръ Тимоѳеичъ, произнесъ обидчиво старикъ кланяясь,—за милости, сударь. Что-жь?... Прогоните... Большаго я не стою.

— Да какъ же? Честныхъ людей, которые за родину стоятъ, ты честишь зря ворами, оправдывался Катеневъ.

— Ничѣмъ я ихъ не чещу... Они чай сами это знаютъ. Кто же они такіе? Извѣстное дѣло—сволочь, сбродъ... Вотъ за Емелькой Пугачевымъ у насъ шли эдакіе же, уже хладнокровнѣе объяснялъ Аѳанасій.

— Ну, замолчи, будетъ, остановилъ его Катеневъ.—Не хочешь ли вотъ лучше кофею?

— Не хочу я вашего кофею, а правду, то-есть, самому фельдмаршалу, Богъ донесетъ, скажу. Тимоѳей Игнатьичъ нашелъ бы службу своему сыну; а то извольте, не нашелъ другой позиціи, послалъ въ мятежническую шайку... Гдѣ вы видали, нешто честные люди живутъ въ такихъ трущобахъ. Это какіе-нибудь выжиги; либо они деньги фальшивые дѣлаютъ, либо...

— Молчи! крикнулъ Катеневъ.

— Что-жь? Извольте, замолчу, окончилъ Аѳанасій, оправивъ височки и отходя въ сторону.—Вишь, кровопійца, какъ вѣдь верещитъ, продолжалъ онъ, нюхая табакъ и поглядывая на мѣшокъ, пошевеливавшійся въ углу и, по временамъ, съ несноснѣйшимъ визгомъ.—Вынеси, камрадъ, его куда-нибудь отсюда.

— А? Вынесть, спросилъ по-итальянски, поглядѣвъ на Катенева, Джакомо.

— Ну, братъ, не знаю я по-вашему... Вонъ туда, куда-нибудь, гераусъ, понимаешь? объяснилъ Аѳанасій. Только не украли бы. У меня сапоги слямшила ужь въ городкѣ золотая-то рота ваша. Гдѣ ты его положишь? пугливо спросилъ онъ вдругъ, когда Джакомо взялъ мѣшокъ.

— Что это у тебя такое? спросилъ Катеневъ.

— Поросенокъ.

— Зачѣмъ же ты это тащищь всякую дрянь съ собой? спросилъ прапорщикъ, принимаясь за чтеніе письма.

— Какъ зачѣмъ? Что-жь вы не кушамши что-ль будете? отвѣчалъ старикъ, торопливо уходя за рыбакомъ.—Говорите вы совсѣмъ несообразное.

Катеневъ не слыхалъ послѣднихъ словъ дядьки, вдругъ поблѣднѣлъ и сѣлъ на обрубокъ, замѣнявшій стулъ; письмо упало на полъ изъ опустившейся руки; облокотившись обѣими руками на досчатый столъ, онъ зарыдалъ словно малый, ушибенный ребенокъ. Какъ мы уже видѣли, онъ зналъ навѣрное изъ полученнаго передъ этимъ письма, что свадьба княжны будетъ непремѣнно, и на дняхъ; считалъ бракъ дѣвушки съ маркизомъ неотвратимымъ. Отчего же такъ тяжко ранило его извѣстіе о событіи, котораго онъ долженъ былъ ожидать рано ли, поздно ли? Побужденія, которое заставляетъ утопающаго хвататься за соломинку, за доску, оторвавшуюся отъ погибающаго корабля, у него не было, да и быть не могло; не зная, любитъ ли его княжна, онъ зналъ навѣрное, что княгиня, еслибы и былъ отвѣтъ на его чувство у дѣвушки, никогда не отдастъ ему руки дочери. Гордость ея сіятельства онъ зналъ, и не грезилъ, конечно, чтобы княгиня перемѣнила свои убѣжденія. Надежды не было и до письма, но молодое сердце облилось кровью, увидавъ самые оковы, заслышавъ звонъ цѣпей, налагаемыхъ наконецъ на беззащитную, кроткую жертву; страшное извѣстіе, будто звукъ опустившагося топора на шею давно къ нему приговореннаго преступника, заставило вздрогнуть весь человѣческій составъ зрителя и замереть заныть надолго, можетъ-быть, на всю жизнь.

Человѣкъ лѣтъ тридцати съ чѣмъ-нибудь, въ коричневой плющевой курткѣ, расшитой разноцвѣтными узорами, въ ботфортахъ по колѣно, стоялъ давно опершись на палашъ при входѣ въ залу, поглядывая изъ деликатности въ окно

— Monsieur Cateneff? началъ онъ, плохо выговаривая по французски и подходя къ прапорщику.

Катеневъ вскочилъ, поспѣшно отирая платкомъ слезы.

— Извините, началъ онъ, поднявъ съ полу письмо... Я получилъ грустныя новости изъ Россіи и.... Вы вѣрно тотъ офицеръ, котораго обѣщалъ прислать генералъ?

Пріѣзжій поклонился, пристукнувъ палашомъ и шпорами.

— Отряда конныхъ волонтеровъ, нумеръ двѣнадцатый. Baptisto Fenci, продолжалъ онъ, погладивъ молодецки усъ и острую, черную бородку.—Вѣроятно, смерть кого-нибудь изъ... Да, вещь, кажется, обыкновенная, а между тѣмъ не привыкнешь къ ней. Да смерть—все-таки смерть, signore, сказалъ онъ уже по-итальянски, стащивъ свои длинныя, замшевыя перчатки и бросивъ ихъ вмѣстѣ съ шляпою на столъ.

— Такъ, если вы не очень утомились, мы можемъ отправиться на работы? Я сейчасъ захвачу портфель и скажу, чтобъ осѣдлали мою лошадь, проговорилъ Катеневъ, видимо не желая посвящать новаго знакомца въ подробности своего горя.—А пока не хотите ли чашку плохаго кофе? Сядьте къ столу и распоряжайтесь.

Офицеръ поклонился и сѣлъ; надѣвъ свой мундиръ и доставъ портфель въ комнатѣ, служившей спальнею, прапорщикъ вернулся въ залу. Аѳанасій съ рыбакомъ ушли сѣдлать его лошадь.

— А вы служите въ ополченіи? спросилъ Катеневъ, чтобы чѣмъ-нибудь занять гостя.

— Въ ополченіи, отвѣчалъ пріѣзжій, нахмурившись и задумчиво покручивая свои усы.—Моя жизнь, signore, есть не что иное, какъ цѣпь неудачъ, потерь, несчастій, но.... Да; я служу въ ополченіи.

Ополченецъ замѣтно принадлежалъ къ числу людей, которые любятъ порисоваться своими несчастіями.

— Со мною бывали вещи, продолжалъ онъ, прихлебнувъ холоднаго кофе, о которыхъ лучше молчать; но еслибъ я разказалъ вамъ, вы бы приняли меня за сумасшедшаго.

Катеневъ вытянулъ изъ вѣжливости шею, притворяясь внимательнымъ, хотя думалъ совсѣмъ о другомъ.

— Я, напримѣръ, говорилъ ополченецъ, раскуривая сигару,—видѣлъ совершенно ясно сестру, жившую отъ меня за двѣсти миль,—видѣлъ, какъ вижу вотъ васъ въ эту минуту, въ ту самую ночь, когда умерла она.

Катеневъ, не совсѣмъ понимая неаполитанское нарѣчіе ополченца, попросилъ его говорить по-французски. Духовидецъ вѣжливо кивнулъ головою и продолжалъ:

— Видѣлъ отца, черезъ пять лѣтъ послѣ его смерти.... Я когда-нибудь на досугѣ вамъ разскажу. Вы изумитесь. Да; со мной бывали вещи, mon cher lieutenant, которыхъ я не умѣю, да и врядъ ли кто съумѣетъ объяснить.

— Обманъ чувствъ могъ быть, началъ Катеневъ.

— Но послѣ этого, вотъ вы передо мною стоите здѣсь; это я тоже могу отнести къ обману чувствъ, стало-быть?

— Лошадь готова, доложилъ Аѳанасій.—Я положилъ за сѣдло въ мѣшокъ вамъ курицу, хлѣбъ, сыру.

— А, вотъ мой спутникъ, замѣтилъ ополченецъ.—Мы объяснялись съ нимъ, какъ два глухонѣмые, пантомимою. Его мнѣ поручилъ взять съ собою лейтенантъ Ратмани....

— Ратмановъ, поправилъ его прапорщикъ.

— Ратманово. поправился ополченецъ, передѣлавъ все-таки окончаніе фамиліи по-своему.

Аѳанасій опять доложилъ, что лошади готовы. Катеневъ едва понялъ его; точно также онъ не слыхалъ и половину изъ чудесныхъ разсказовъ новаго знакомца.

— Мундиры надо снять, замѣтилъ ополченецъ.—Жарко.

Снявъ мундиры, новые знакомцы спустились на крыльцо, сѣли на лошадей и выѣхали изъ за́мка.

— Я буду здѣсь васъ ждать, Петръ Тимоѳеичъ, прокричалъ, въ слѣдъ барину, Аѳанасій.—Да что вы это—точно какіе потерянные?

Катеневъ ничего не отвѣчалъ; спустившись съ крутизны, на которой стоялъ, въ самомъ дѣлѣ, похожій на орлиное гнѣздо за́мокъ, они поѣхали полувысохшимъ болотомъ; вдали тянулись насыпи съ движущимися, какъ муравьи, рабочими; дальше на горѣ бѣлѣли укрѣпленія Анконы, надъ ними синѣло море, съ бѣлѣвшими вдали парусами двухъ судовъ, отдѣлившихся отъ едва видной простымъ глазомъ, эскадры; мѣстами изъ-подъ конскихъ ногъ подымались кулики и бекасы.

— Да; моя жизнь.... начиналъ по временамъ задумчиво неугомонный разскащикъ.

— Это любопытно, отвѣчалъ изъ вѣжливости Катеневъ, покачиваясь на сѣдлѣ и щупая портфель, висящій за плечами.

Его душевное состояніе много имѣло общаго съ состояніемъ человѣка, только-что опустившаго въ могилу нѣжно любимаго друга. Слезъ больше нѣтъ; идетъ онъ прочь отъ могилы, смотритъ на встрѣчающихся, на знакомыя, на чужія лица, глядитъ на летящіе мимо экипажи, но спросите его, когда онъ придетъ домой: кого онъ видѣлъ, гдѣ шелъ, кто ему встрѣтился?—Онъ не отвѣтитъ вамъ. Слухъ, зрѣніе напрасно силились передавать внѣшнія впечатлѣнія; потрясенная

глубоко душа вся утонула, будто въ вечернемъ, непроглядномъ туманѣ, въ своемъ тяжкомъ горѣ. Развѣ на утро солнце высушитъ эту, застилающую окрестность, росу; но для горя, кромѣ нѣжнаго участья и любви, нужна цѣлительная сила времени. Юноша ѣхалъ за своимъ вожатаемъ, не сознавая ничего, куда, зачѣмъ онъ ѣдетъ; онъ даже не думалъ объ этомъ, находя отраду въ этой неизвѣстности своего положенія, въ одиночествѣ среди людей чужихъ, которымъ онъ не дорогъ и не нуженъ.

Вотъ выѣхали они на торную, пыльную дорогу, проѣхавъ около часа болотами.

— Жарко, замѣтилъ, снявъ свою остроконечную, съ загнутымъ полемъ шляпу ополченецъ и, не дождавшись отвѣта, прибавилъ: а вы должно-быть не на шутку потрясены полученнымъ извѣстіемъ...

— Да. Не то что потрясенъ, но, разумѣется, не легко переносятся иныя вещи, очнувшись отвѣтилъ Катеневъ.

Его непріятно кольнуло это непрошенное участіе чужаго человѣка. Люди, высказывающіе участіе къ огорченному ближнему, не понимаютъ, какъ иногда они бередятъ душевную рану своимъ сочувственнымъ словомъ. И какъ отъ нихъ ни бѣгаетъ бѣднякъ, нѣтъ-таки, для чего-то непремѣнно развернутъ они лохмотья, подъ которыми нищій силился было припрятать неказистую нищету свою. Какъ будто нищему легче отъ того, что сострадающій произнесетъ при этомъ освидѣтельствованіи, съ непритворнымъ сожалѣніемъ, можетъ-быть даже со слезою, за которую воздастся коемуждо, статьей въ газетѣ, панегирикомъ: «Боже мой.... Какъ же однако ветхо это ваше рубище!»

— А что, далеко еще намъ? спросилъ, желая куда-нибудь спрятаться отъ участія чувствительнаго спутника Катеневъ.

— Минутъ десять ѣзды рысью, отвѣчалъ ополченецъ, посмотрѣвъ съ такимъ нахальнымъ участіемъ на Катенева, что ему стало даже противно.

— Вы хорошо ѣздите? спросилъ его Катеневъ.

— Надѣюсь..... Да, порядочно, отвѣчалъ чувствительный ополченецъ.

— Пустимте ventre à terre. Дорога гладкая.

Сказавъ это, прапорщикъ кольнулъ шпорами своего приземистаго кампаньолу - конька, и всадники понеслись во весь

опоръ, подымая пыль по гладкой, широкой дорогѣ; но и быстрота плохо унимала сострадателя: «я самъ былъ разъ въ подобномъ положеніи.... Если вамъ разсказать, вы скажете, что я лгу.... Я вамъ когда-нибудь.... Это цѣлый.... цѣлый романъ», толковалъ ополченецъ, задыхаясь отъ тряски въ сѣдлѣ и безъ состраданія колотя въ бедра своего рыжаго коня, то и дѣло отстававшаго отъ огневой лошади Катенева.

Между тѣмъ, чаще и чаще стали попадаться ѣдущимъ вереницы осликовъ, навьюченныхъ мѣшками, хворостомъ; тянулись каретинки съ виномъ, парныя тяжелыя фуры, побрякивая бубенчиками конской сбруи; погонщики снимали шляпы, завидя скачущихъ всадниковъ. «Вотъ такъ летятъ.... Славная лошадь подъ офицеромъ!» долетало иногда до ушей ѣдущихъ.

— Сюда, крикнулъ ополченецъ, своротивъ съ дороги и пуская коня лугомъ прямо къ насыпямъ.—Вонъ монте Гардетто, произнесъ онъ, осадивъ коня и указывая хлыстомъ на укрѣпленіе, бѣлѣвшее на горѣ.—Гдѣ баттарея номеръ третій? спросилъ онъ мужика, тащившаго длинную жердь на насыпь.

— Эта самая, отвѣчали рабочіе, стоявшіе опершись на заступы около раскиданныхъ фашинъ и двухъ-трехъ чугунныхъ, старыхъ пушекъ.

Ополченецъ и прапорщикъ слѣзли съ лошадей и отдали ихъ одному изъ рабочихъ. Прапорщикъ вошелъ на насыпь; кучки ратниковъ, женщинъ, сидѣли на землѣ и вязали, довольно неловко, пучки для фашинъ изъ виноградныхъ свѣжихъ лозъ. Катеневъ взялъ пучокъ прутьевъ и показалъ, какъ надо вязать; рабочіе, окруживъ съ любопытствомъ разсматривали прапорщика; одна изъ женщинъ даже дотронулась зачѣмъ-то до эфеса его шпаги. Ополченецъ объяснилъ рабочимъ, что это офицеръ, присланный для устройства укрѣпленій. Работа закипѣла опять. По недостатку тачекъ, землю таскали въ мѣшкахъ; землекопы работали довольно усердно, ободряя себя по временамъ ругательствами и насмѣшками надъ «патріотами». Пріѣзжіе обошли работы на двухъ сосѣднихъ насыпяхъ.

Перевалило за полдень. Рабочіе усѣлись съ булками обѣдать; кое-гдѣ задымились костры. Ополченецъ пригласилъ закусить Катенева, но онъ отказался и, выпивъ полстакана вина, улегся на траву, подъ кустъ, шагахъ въ двадцати отъ батареи.

Уставясь на плывущія въ вышинѣ облака, онъ неподвижно лежалъ въ густой травѣ съ открытыми глазами; на него напало

какое-то равнодушіе ко всему; потрясенный сильнымъ, внезапнымъ извѣстіемъ, мозгъ его не въ состояніи былъ связать двухъ-трехъ мыслей.... Онъ брался раза два за голову, стараясь убѣдиться, въ памяти ли онъ, не помѣшался ли? Состояніе его въ эти минуты похоже было на состояніе упавшаго только-что съ высоты человѣка: ошеломленный паденіемъ, не въ силахъ объяснить онъ себѣ, въ первыя минуты, гдѣ онъ, живъ или нѣтъ, и что отъ него нужно этимъ людямъ, заботливо заглядывающимъ ему въ глаза и пробующимъ поминутно его пульсъ и голову.

Однако, пролежавъ съ часъ, онъ снова пошелъ на работы; указалъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ какъ надо складывать фашины. Голова горѣла; онъ теръ поминутно лобъ, боясь, какъ бы не сказать какой-нибудь глупости. Ополченецъ уѣхалъ куда то. Солнце палило.... Больной нѣсколько разъ уходилъ къ ручью въ кустахъ и мочилъ себѣ темя.... Къ вечеру онъ вздохнулъ свободнѣе; батарея была готова; орудія разставлены.

— Ложитесь, отдохните, говорилъ ему ополченецъ. Съ прислугою я распоряжусь. Вы измучились.

Прапорщикъ пожалъ ему руку и, отвязавъ шинель отъ сброшеннаго съ лошади сѣдла, улегся опять подъ кустомъ своимъ; онъ тотчасъ же задремалъ, но это былъ не сонъ, а скорѣе забытье больнаго; впечатлѣнія дня, переплетаясь съ ощущеніями тяжко раненаго сердца, подымали въ полуспящемъ воображеніи ужасный хаосъ: то казалось ему, что онъ ѣдетъ по песчаной дорогѣ верхомъ; конь его вязнетъ въ пескѣ, выбиваясь изъ силъ, а ему надо ѣхать, и какъ можно скорѣе ѣхать.... И мучился онъ въ этой безплодной борьбѣ души съ неумолимою дѣйствительностью. То грезилась ему мать, шепчущая тревожно какія-то слова, которыхъ онъ не можетъ понять, какъ ни усиливается; вотъ кладетъ кто-то руку на его горящую голову.... Пушки гудятъ вдали, Лагоцъ, княжна....

Наконецъ, онъ очнулся; настала минута сознанія.... Первое, что увидалъ онъ въ вышинѣ, это небо, озаренное блѣднымъ луннымъ свѣтомъ и миріады блѣдныхъ звѣздъ, мигающихъ въ вышинѣ. Сообразивъ, гдѣ онъ, больной завернулся въ шинель и поправилъ кучку скошенной травы, брошенной имъ подъ головы.

«Что-жь я за слабое, безсмысленное существо?» думалъ юноша. «Мнѣ надо дѣйствовать.... Да.... Дѣйствовать», чуть не проговорилъ онъ, приподнявшись на своемъ сыромъ ложѣ. «Я

понимаю гибель за истину, за теорію, сдѣлавшуюся жизненнымъ дѣломъ, но класть подъ топоръ голову только потому, что не вѣришь въ свои силы, которыхъ даже и не пробовалъ,—есть малодушіе, подлость».

И вотъ молодой человѣкъ принялся, будто инженеръ или полководецъ, чертить въ головѣ планы, какъ ему дѣйствовать. Тактикъ, полководецъ геометрическими линіями намѣчая передвиженье войскъ, не думаетъ, да и не можетъ думать, о могущихъ измѣнить планъ его случайностяхъ. «Бѣжать въ противоположный станъ, въ лагерь людей, разрывающихъ ненавистныя цѣпи стараго, неумолимаго порядка! .. Измѣнникъ, скажутъ! Измѣнилъ отечеству? Но, что же связываетъ меня съ этимъ, милымъ, отечествомъ, кромѣ двухъ-трехъ воспоминаній дѣтства?

Начертивъ голыя линіи этого перваго плана, онъ сталъ понемногу переселяться мысленно въ положеніе свое по переходѣ во враждебный лагерь «Бить старые порядки, бить надо, бить», рѣшилъ онъ сначала, вскочивъ на ноги и принимаясь шагать походкою человѣка, рѣшившагося на отчаянный, но неизбѣжный шагъ. Но, по нѣкоторомъ размышленіи, оказалось, что бить придется вѣдь людей, къ которымъ почему-то лежитъ сердце. Суворовъ, нѣсколько солдатскихъ лицъ, гигантъ Пустошкинъ, добрякъ Илья Ильичь, Лагоцъ, Сергѣевъ – пронеслись въ его воображеніи: вспомнилась заутреня въ великій день передъ Миланомъ, сіяющія лица солдатъ.... и Русь родная пронеслась какъ въ панорамѣ, съ своими рощами, полями, волнующимися отъ вѣтра, будто море,—мать, отецъ съ напутственнымъ, простымъ совѣтомъ: «помни Бога, да служи вѣрой и правдою». «Вѣдь вотъ нашъ лагерь; вотъ стѣна, стоящая за старые порядки?» подумалъ прапорщикъ, отирая навернувшуюся слезу и ощупывая подъ рубашкой образки княжны и матери.

Линіи плана были вѣрны; но, обдумывая ихъ примѣненіе, юноша запнулся обо что-то такое непонятное, но крупное, и не въ силахъ былъ идти далѣе. За многое приходится человѣку благодарить эти полусознательныя преграды, помимо воли выросшія внутри души, вскормленныя молокомъ матери. Не будь ихъ въ человѣкѣ, куда не завелъ бы его рѣшающій сегодня такъ, а завтра иначе, вожатай разумъ?... Но есть другая логика, есть другой неотвязный голосъ, голосъ сердца; ангеломъ хранителемъ стоитъ онъ на вѣчной, безсмѣнной, стражѣ у того, кто не успѣлъ растлиться въ жизненномъ омутѣ до того, что уже и

тамъ, и на сердцѣ, завелись черви, въ комъ сохнетъ и оно безъ благодатной, освѣжающей росы, хоть малой доли любви къ брату, къ ближнему.

А тѣ, кому, какъ бѣдняку, дана природою малая доля умственныхъ даровъ, кто имъ подсказываетъ часто подвиги, поступки, поражающіе своимъ величіемъ и красотою?—Кто ихъ вожатай? Сердце. Храни же, береги его, какъ бережешь зѣницу ока, человѣкъ!... Развративъ этого вожатая, ты, будто мореплаватель съ испорченнымъ компасомъ, заплывешь въ такіе стремительные токи жизненнаго океана, откуда врядъ ли цѣлою воротится твоя непрочная и легкая, какъ щепка, лодка.

— Вы встали?... Пойдемте завтракать, раздался голосъ ополченскаго офицера...

Катеневъ оглядѣлся.... Солнце сіяло уже, а онъ сидѣлъ на берегу ручья, опустивъ совсѣмъ на колѣни себѣ отяжелѣвшую отъ думъ и бреда голову.

— Да.... Я давно проснулся, отвѣчалъ Катеневъ, протирая глаза.

— А не прозябли къ утру?

— Нѣтъ.... Я спалъ завернувшись въ плащъ, отвѣчалъ прапорщикъ, отправляясь за ополченцомъ къ своему кусту.

Онъ оглядѣлъ мѣсто, гдѣ спалъ, но шинели не было; вѣроятно она понадобилась кому-нибудь изъ ратниковъ; портфель лежалъ на мѣстѣ, что успокоило Катенева; тамъ были всѣ его чертежи и карта.

— Надо бы поискать шинель, замѣтилъ ополченецъ.

— Оставьте.... Богъ съ ней.... Вотъ хорошо, что вчера не надѣлъ мундира. А то и съ нимъ простился бы, окончилъ прапорщикъ, усаживаясь подлѣ своего спутника на траву.

Одинъ изъ ратниковъ разставлялъ на землѣ фляжки съ виномъ и закуску.

— А я, проснувшись, началъ духовидецъ, проглотивъ глотокъ вина, вспомнилъ одинъ престранный случай со мною.

Ему, какъ видно, смертельно хотѣлось подѣлиться съ спутникомъ приключеніями и чудесами своей, какъ выражался онъ, «загадочнѣйшей» жизни; желалъ ли онъ провѣрить чудеса, которыя видалъ, разумомъ слушателя, или просто зазывало его погулять по невѣдомой области, доступной одному воображенію и вѣрѣ,—Богъ его вѣдаетъ; но предчувствія, видѣнія, призраки были почти единственною темою его разговоровъ съ своимъ,

разстроеннымъ и безъ того, собесѣдникомъ. Вѣроятнѣе всего, духовидецъ обрадовался встрѣчѣ съ человѣкомъ развитымъ и досугу, и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поговорить о любимомъ предметѣ. Мы избавимъ читателя отъ его разсказовъ о привидѣніяхъ, снахъ и предчувствіяхъ, вѣрныхъ какъ таблица умноженія, разсказовъ оканчивавшихся обыкновенно побѣдоноснымъ взглядомъ и вопросами: «что вы на это скажете? А это фактъ.... Вотъ и извольте тутъ доказывать, что нѣтъ ничего, кромѣ этого видимаго міра».

Въ видимомъ мірѣ, между тѣмъ, опять начались работы; прапорщикъ переходилъ съ одной насыпи на другую, чертилъ на днѣ перевернутой тачки, вычислялъ, несмотря на головную боль свою и несноснѣйшую жару близкаго къ полудню солнца. На баттареи то и дѣло приходили новыя толпы ополченцевъ, везли орудія на волахъ и лошадяхъ, и точно изъ земли выросъ, наконецъ къ вечеру, лагерь съ палатками и шалашами изъ древесныхъ вѣтвей.

— Гдѣ еще есть работа? спросилъ къ вечеру Катеневъ ополченца.

— Ваша работа кончена, отвѣчалъ ополченецъ. Тамъ есть другіе инженеры. Вамъ можно бы и ѣхать въ за́мокъ. Развѣ хотите посмотрѣть осаду?

— А когда осада?

— Сегодня вечеромъ.... Вотъ скоро долженъ прибыть генералъ, отвѣтилъ духовидецъ, наливая вина Катеневу. — Сегодня или завтра—осада.

— Такъ я дождусь, порѣшилъ Катеневъ, садясь на траву подлѣ ополченца.

Опять спустилась ночь и темная на этотъ разъ; мѣсяцъ не свѣтилъ, закутавшись облаками, словно въ сердцахъ на пешіе, конные отряды, трескомъ барабановъ и звукомъ трубъ нарушавшіе тишину. Ополченецъ и Катеневъ сидѣли въ просторномъ шалашѣ, освѣщенномъ восковою свѣчою, потягивая изъ фляжки вино съ водой, какъ вдругъ вдали раздалось: «viva!»

— Лагоцъ!... Такъ и есть. Онъ, замѣтилъ ополченецъ, выйдя за шалашъ и вслушиваясь въ приближающіеся крики.—Пойдемте навстрѣчу.

Катеневъ натянулъ мундиръ, и они пошли къ лагерю. Ополченцы толпою стояли у одной изъ палатокъ, подлѣ высокой насыпи; кавалеристы проводили взадъ и впередъ десятокъ храпѣвшихъ лошадей.

— Пріѣхалъ генералъ? спросилъ ополченецъ у одного изъ кавалеристовъ, проводившихъ коней.

— Пріѣхалъ. Сейчасъ выдетъ изъ шалаша, отвѣчалъ кавалеристъ, приложивъ руку къ шляпѣ.

— «Silenza.... Viva....» Погоди.... Молчите.... Слушайте, загамѣла толпа, и на высокой насыпи, освѣщенной разложеннымъ неподалеку костромъ, показалась высокая фигура Лагоца. Ополченецъ и Катеневъ пробрались сквозь толпу къ насыпи.

— Братья, громко началъ народный вождь, — Итальянцы! Въ эту ночь начинается осада.... Намъ предстоятъ труды великіе. Однихъ ждетъ смерть, другихъ побѣда, но всѣхъ—и падшихъ и живыхъ — ждетъ слава и благодарныя слезы освобожденной матери Италіи....

— Evviva! Viva cara patria! Evviva nostra madre! грянула толпа. Evviva illustro generale!

— Вы знаете, началъ Лагоцъ,—что, принесли въ Италію эти пришельцы con dolci paroli. Они принесли намъ цѣпи.... Они обманули насъ.... Грабятъ они, да жгутъ, терзаютъ дорогую грудь нашей прекрасной матери.

— Muojano i traditori! Вонъ ихъ всѣхъ.... Vendetta! прерывала толпа.

— Братья, продолжалъ Лагоцъ,—не встанемъ мы, встанутъ тѣни отцовъ, тѣни замученныхъ отцовъ и братьевъ нашихъ.... Встанутъ отшедшіе! Не улежатъ ихъ кости въ землѣ, позорно полоненной чужеземцемъ. Братья! Анкона наша—и Италія свободна. Вы, итальянцы, помогите... Умремъ, или освободимъ нашу прекрасную Италію!...

— Evviva, viva nostra madre! гремѣла, толпа ринувшись къ насыпи....Лагоцъ заплакалъ. Толпа подхватила его и понесла къ палаткѣ. Катеневъ чуть не полетѣлъ отъ толчка широкаго плеча какого-то яраго ратника, бросившагося впередъ, чтобы нести Лагоца.

Словно поднявшійся ураганъ, гремѣло по долинѣ тамъ и сямъ: «да здравствуетъ Италія!» Толпа разошлась отъ шатра, но ополченцы, толпами разгуливая по лагерю и проходя мимо палатки генерала, бросали шляпы въ верхъ и кричали свое: «evviva madre.» Ополченецъ и Катеневъ пошли къ Лагоцу. Генералъ сидѣлъ на складномъ стулѣ, передъ столомъ съ развернутою картою; кругомъ него стояли и сидѣли начальники отрядовъ.... Ратмановъ ходилъ изъ угла въ уголъ съ своею пенковою трубкою.

— Нашелъ васъ дядька вашъ? спросилъ Ратмановъ, увидя Катенева.—Не пишутъ ли вамъ чего изъ арміи?

— Нѣтъ, ничего не получалъ, отвѣчалъ Катеневъ.—А что?

— Да слухи скверные. Австрійцы.... Впрочемъ, говорить нельзя.... Здѣсь тоже есть Тугуты, замѣтилъ Ратмановъ, посмотрѣвъ изподлобья на сидѣвшаго полковника въ бѣломъ мундирѣ.

Всѣ поднялись; Лагоцъ посмотрѣлъ на карманные часы, ласково кивнулъ издали головою на поклонъ Катенева и отвелъ въ сторону лейтенанта.

— Сейчасъ начнется канонада крѣпости, шепнулъ Катеневу ополченецъ.—Я велѣлъ осѣдлать лошадей.... Мы поѣдемъ за генераломъ. Здѣсь дѣлать нечего.

— Я не сдалъ баттареи, замѣтилъ Катеневъ.

— Не безпокойтесь. Тамъ давно артиллеристы.... Сейчасъ начнется музыка.

Въ это время Лагоцъ, проходя мимо, крѣпко пожалъ руку Катенева. Прапорщикъ не узналъ его: блѣдный, взволнованный видимо чѣмъ-то, генералъ переходилъ отъ одного къ другому, шутилъ, но это былъ не его искренній, звонкій смѣхъ; онъ видимо притворялся спокойнымъ.

Вдали грянулъ выстрѣлъ.

— Сигналъ! произнесъ, взявши со стола шляпу, Лагоцъ. Дорогой Ванни, поѣзжай.... Ну, за работу. Лейтенантъ, прощайте! обратился онъ къ Ратманову и, пожавъ ему крѣпко руку, прибавилъ:—вамъ я обязанъ многимъ. Вы впрочемъ, знаете чѣмъ я обязанъ вашей дружбѣ.

Ратмановъ покраснѣлъ, отвѣчая на рукожатіе.

— Въ вашемъ лицѣ, продолжалъ Лагоцъ, пожимая руку Катенева, я привѣтствую юную Россію....

Катеневъ чуть не кинулся на шею народному вождю, хотѣлъ что-то отвѣтить, но Лагоцъ уже вышелъ изъ палатки.

Всѣ вышли. За трескомъ барабановъ не слыхать было рѣчей, прощавшихся другъ съ другомъ начальниковъ отрядовъ. Лагоцъ поскакалъ съ Ратмановымъ, четырьмя генералами въ ополченскихъ мундирахъ и съ трубачомъ. Австріецъ поѣхалъ въ противоположную сторону, съ двумя австрійскими драгунами. Катеневъ и ополченецъ, сѣвъ на лошадей пустились, вслѣдъ за Лагоцемъ; мимо нихъ на рысяхъ пронесся какой-то эскадронъ сверкнула еще пушка вдали, другая, третья; огненная полоска взвилась надъ крѣпостью, и загудѣла канонада съ моря, съ баттарей, и съ города. Гдѣ-то чуть прорывались, сквозь гулъ орудій, звуки марша. Въ темнотѣ то и дѣло вспыхивали, въ

разныхъ мѣстахъ, красныя точки пушечныхъ выстрѣловъ; дымъ разстилался подъ ногами лошадей Катенева и ополченца. Лагоцъ и свита исчезли; иногда ѣдущихъ обдавало пескомъ, подымаемымъ упавшимъ неподалеку ядромъ.

— Поѣдемте направо, въ Монте Гардетто. Тамъ они. Оттуда поведутъ атаку, произнесъ ополченецъ, поворачивая вправо ошеломленнаго грохотомъ выстрѣловъ коня. Да, вонъ, кажется, ужь пошли, прибавилъ онъ, всматриваясь въ массу народа, лавою ринувшагося съ возвышенія.... Э! Такъ и есть, французы сдѣлали вылазку. Поѣдемте.

Они пришпорили лошадей и поскакали къ полкамъ сбѣгающимъ съ укрѣпленія. «Ура и viva,» долетѣло до уха Катенева, когда они подъѣхали къ головѣ отряда и прапорщикъ увидѣлъ русскихъ матросовъ, бѣгущихъ съ боку колонны съ ружьями. Черезъ минуту раздались ружейные выстрѣлы, и отрядъ началъ схватку. За страшнымъ грохотомъ и гуломъ канонады не слышно было криковъ; ружейные выстрѣлы, какъ хлопушки, раздавались сзади и спереди Катенева... «Измѣна!... Corpo di Bacco! Бѣгутъ... Измѣна!» раздалось гдѣ-то неподалеку. Лагоцъ въ плѣну!. In prigione». Мимо бѣжалъ отрядъ ополченцевъ.

— Куда вы? Стой! крикнулъ ополченецъ.

Бѣгущіе пустили нѣсколько выстрѣловъ; двѣ пули прожужжали мимо ушей Катенева.

— На traditori! закричалъ ополченецъ и, пришпоривъ коня, понесся къ головѣ дравшагося подъ горою отряда.

Катеневъ поскакалъ за нимъ. Отъѣхавъ шаговъ двадцать, онъ увидалъ въ толпѣ Лагоца на конѣ, съ поднятымъ палашомъ, безъ шляпы. Двое французовъ вцѣпились въ поводья его лошади; толпа матросовъ, съ крикомъ «ура», кинулась на нихъ. «Братцы.... Пособите», раздался голосъ Ратманова. Катеневъ, выстрѣлилъ изъ пистолета въ прицѣлившагося въ Лагоца, въ упоръ незнакомаго ополченца.—Ополченецъ упалъ выронивъ карабинъ изъ рукъ. Прапорщикъ, обнаживъ шпагу, снова бросился на лошади въ толпу, ударилъ кого-то.... «Спасибо.... Молодцы», раздался опять голосъ Ратманова.... Лагоца несли раненаго наши матросы.... Ополченцы вязали плѣннаго француза. Въ это время будто ожгло въ плечо Катенева; голова закружилась у него... Выстрѣлы, канонада, крики, все слилось въ одинъ дикій аккордъ; чье-то лицо, явилось передъ нимъ, исчезло.... и онъ грянулся съ лошади.

КОНЕЦЪ 1-Й ЧАСТИ.

БОГАТЫРИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

По отлогому берегу довольно широкой рѣки, заросшей по краямъ тростникомъ и осокою, растянулась длинная цѣпь палатокъ, шалашей, черныхъ фургоновъ, зеленыхъ ящиковъ на колесахъ, телѣгъ русскаго лагеря. Темная, заслонившая половину небосклона, туча надвинулась на лагерь, выпуская впереди себя какое-то чудовище со львиною головою и двумя колоссальными лапами, вооруженными когтями; чудовище вырѣзывалось на другой половинѣ неба, ярко окрашенной, будто раскаленной заходящимъ солнцемъ, такъ грозно и зловѣще, что солдаты, собравшіеся кучками подлѣ шатровъ, крестились, посматривали на небо и толковали промежь собой: «это, братцы, не передъ добромъ». Солнце, какъ будто споря съ надвигающимся грознымъ мракомъ, зажигало умирающимъ лучомъ своимъ полу шатра, красный отворотъ мундира, стволы ружей, составленныхъ въ козлы, зеленую крышку пороховаго ящика.... Темная синева усиливалась рядомъ съ кровавымъ цвѣтомъ зарева, на которомъ змѣйками сверкали бѣловатыя молніи. Воздухъ былъ неподвиженъ; ни дождя, ни грома не было; но эта мертвая тишина была страшнѣе бури; она напоминала топоръ, занесенный надъ головою жертвы.

Вдоль широкой, гладкой дороги къ лагерю, звеня бубенчиками и подымая пыль, неслась, во весь опоръ, двумѣстная коляска цугомъ, четверкою; тосканецъ-ветуринъ, молодецки хлопая длиннымъ бичомъ и подергивая поминутно возжами двухъ переднихъ лошадей безъ вершника, замѣтно торопился уѣхать

отъ надвигающейся бури; сидящій рядомъ съ нимъ деньщикъ напяливалъ военную шинель. Въ коляскѣ сидѣлъ молодой военный, въ бѣлой фуражкѣ и въ шинели, рядомъ со старикомъ-генераломъ, съ косою и пуклями, тоже въ шинели и фуражкѣ.

— Грифъ, крокодилъ, чудовище какое-то.... Впрочемъ, голова-то львиная.... Смотрите: когти выпускаетъ, говорилъ юноша, повертываясь и указывая на плывущую тучу. — Двѣ лапы, голова.... Посмотрите....

— Да, изумительно. Я въ первый разъ видалъ такій величественный зрѣлище, отвѣчалъ старикъ съ нѣмецкимъ акцентомъ.—Доѣдемъ ли мы до дождя, ваше высочество? Не прикажете ли закрыть верхъ? спросилъ онъ уже по-французски.

— Доѣдемъ.... Ничего, отвѣчалъ юноша, продолжая любоваться тучею. — Да и что же намъ дождь? Мы вѣдь въ шинеляхъ... Va presto, amico *), будетъ гроза, обратился онъ къ ветурину.

— Уѣдемъ отъ грозы, altezza, отвѣчалъ, приподнявъ соломенную шляпу, ветуринъ и повернулъ четверку круто, прямо полемъ, къ лагерю.

Коляска понеслась вдоль линіи.

— Здорово, братцы! обратился къ солдатамъ молодой путешественникъ.

— Здравія желаемъ, ваше.... «Великій князь.... Его высочество, братцы.... Ура!»,—махая шапками, отвѣчали солдаты во слѣдъ прогремѣвшему экипажу. Впереди выбѣгали офицеры, солдаты изъ шатровъ; затрещали барабаны; всѣ кое-какъ построились, и скоро по долинѣ раскатилось громомъ русское «ура».

— Спасибо, братцы.... Благодарю, кричалъ, кивая головой, путешественникъ.

Миновавъ лагерь, коляска подъѣхала къ водяной мельницѣ, бѣлѣвшей у рѣки, и остановилась передъ плотиною.

— Фельдмаршалъ дома? спросилъ молодой гость у казака, выбивавшаго прутикомъ у крыльца знаменитый «родительскій» синій плащъ Суворова.

— Дома, ваше благор.... Ваше императорское высочество, отвѣчалъ казакъ.

Великій князь, сбросивъ шинель, выскочилъ изъ коляски, вбѣжалъ на плотину, посмотрѣлъ, какъ ребенокъ, на шумящія

---

*) Поѣзжай скорѣе, другъ.

колеса, на воду, наконецъ, обдернулъ мундиръ и степенно пошелъ на крыльцо отдѣльнаго каменнаго домика; генералъ, его спутникъ, поѣхалъ зачѣмъ-то къ лагерю. Суворовъ, ходившій, въ разстегнутомъ мундирѣ, взадъ и впередъ по сѣнямъ, увидя его, вздрогнулъ.

— Имѣю честь.... началъ-было, застегнувшись, пріѣзжій.

— Прошка.... Гдѣ ты, разбойникъ? Шпагу!... Пропалъ.... Погубилъ.... Погубилъ.... Шляпу! кричалъ фельдмаршалъ, бѣгая изъ угла въ уголъ по сѣнямъ.—Его высочество....

Кудрявая, вѣчно растрепанная, голова Прошки высунулась изъ-за двери сосѣдней комнаты.

— Скорѣй, разбойникъ!... Погубилъ! Подъ арестъ посадитъ.

— Да она вотъ, въ углу стоитъ, ваше сіятельство; сейчасъ вѣдь сняли, отвѣчалъ Прошка, метнувшись въ уголъ сѣней.

— Гдѣ у меня? Ну, погубилъ, зарѣзалъ безъ ножа, суетился фельдмаршалъ, торопливо засовывая въ портупею поданную, наконецъ, шпагу.—Шляпу, злодѣй!... Перчатки!... Войска его императорскаго величества....продолжалъ онъ, вытягаясь.—Шляпу, перчатки, варваръ! обращался онъ шепотомъ къ суетившемуся Прошкѣ.—Отрядъ князя Багратіона имѣлъ счастіе....

— Я знаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ, улыбаясь, великій князь.—Я видѣлъ диспозицію.... Позвольте мнѣ обнять васъ.

Суворовъ кинулся обнимать пріѣзжаго, цѣловалъ въ плечо, причемъ великій князь краснѣлъ и конфузился.

— Теперь, началъ вдругъ, вытянувшись во весь ростъ Суворовъ,—ваше высочество, пожалуйте къ фельдмаршалу.

Пропустивъ впередъ себя молодаго гостя, старецъ вошелъ за нимъ въ комнату и заперъ на ключъ дверь. Къ мельницѣ подъѣхала четверомѣстная коляска и нѣсколько верховыхъ: это была свита, состоявшая человѣкъ изъ восьми молодежи. Молодые люди вошли въ сѣни и размѣстились—кто на складныхъ стульяхъ, кто на чемоданѣ, стоявшемъ подлѣ одной изъ стѣнъ, въ ожиданіи выхода фельдмаршала и великаго князя.

Черезъ полчаса щелкнулъ замокъ, дверь отворилась; въ дверяхъ показался великій князь съ разстроеннымъ лицомъ и вытирая украдкою платкомъ слезы; фельдмаршалъ провожалъ его съ низкими поклонами. Свитскіе вскочили со своихъ мѣстъ и вытянулись; увидя ихъ, Суворовъ выпрямился и сердито проговорилъ:

— А вы, мальчишки, вы будете мнѣ отвѣчать за его высоче-

ство. Если вы еще разъ допустите его дѣлать то, что онъ дѣлалъ,—я васъ отправлю къ государю.

Затѣмъ, опять съ тѣми же низкими поклонами, фельдмаршалъ проводилъ великаго князя до его комнаты, въ томъ же домикѣ, на противоположной сторонѣ сѣней.

Великій князь Константинъ Павловичъ (это былъ онъ) находился уже съ мѣсяцъ при арміи; онъ провинился тѣмъ, что при одной изъ переправъ (черезъ По, близь Мадонна дель Граціа) отказался сѣсть въ лодку, пустился вплавь на лошади и чуть не утонулъ; кинувшійся казакъ едва могъ вывести изъ воды его лошадь. Великій князь ѣхалъ подъ именемъ графа Романова; Францъ предлагалъ ему отправиться въ Швейцарію, къ австрійскому корпусу, которымъ командовалъ эрцгерцогъ Карлъ, но императоръ Павелъ приказалъ ему быть при Суворовѣ. Въ Вѣнѣ великій князь присутствовалъ при совершеніи брачнаго акта сестры съ венгерскимъ палатиномъ Іосифомъ.

Боясь наскучить однообразіемъ картинъ, мы не описываемъ великолѣпнаго въѣзда фельдмаршала въ Туринъ и появленія его, со свитою, въ разубранной цвѣтами ложѣ туринской оперы; залитая огнями зала была набита разряженными дамами и кавалерами въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ. «L'angelo custode dell'Italia» *), какъ звали старца-героя итальянцы, болѣе получаса раскланивался, при появленіи въ ложѣ, въ отвѣтъ на восторженные крики: «evviva Suworoff! Evviva Paolo primo!» Мы миновали бы совсѣмъ историческія лица и событія, еслибъ они не вліяли, не воспитывали лицъ, стоящихъ на первомъ планѣ нашего разсказа. Въ жизни все находится, болѣе или менѣе, въ связи: общее народное горе, міровое событіе отразится неминуемо на личности частнаго современника, какъ отражаются солнечные лучи и въ безграничномъ океанѣ, и въ едва замѣтной каплѣ утренней росы, висящей на лепесткѣ полеваго растенія. Судьба ведетъ не даромъ человѣка тѣмъ или другимъ путемъ, избираетъ его, а не другого, въ участники или свидѣтели совершающихся міровыхъ переворотовъ; одного шлетъ она въ бѣдный семейный уголъ, поучая лишеніями, бѣдностью или же кроткимъ свѣтомъ счастья; другого посылаетъ на опасное поле битвъ, вѣщая поученіе смертоноснымъ грохотомъ орудій; кого, какъ мать, она находитъ нужнымъ баловать и нѣжить,—

*) Ангелъ-хранитель Италіи.

кого, какъ строгій отчимъ, поучать, иногда тяжкимъ, бичеваніемъ. И какъ ни возмущайся человѣкъ противъ ея распоряженій, не устоитъ онъ противъ нихъ, пойдетъ, куда она, всегда къ его же пользѣ, отдаетъ на выучку. Не одной тактикѣ, терпѣнію, любви, искусству всепрощенія научилъ русскихъ С.-Готардъ; они вернулись изъ похода далеко не тѣми, какими шли въ походъ; съ тяжкими ранами, они оттуда, изъ похода, вынесли много сокровищъ, пригодившихся потомъ на черный день Россіи.

Въ нашъ лагерь появлялись толпы туристовъ англичанъ, живописцевъ, корреспондентовъ журналовъ; шитые и не шитые кафтаны, изысканныя прически знатныхъ и простые наряды незначительныхъ путешественниковъ толпились въ пріемной фельдмаршала рядомъ съ военными, австрійскими и русскими, мундирами. По почтѣ летѣли оды и кантаты герою, вмѣстѣ съ пасквилями и каррикатурами, присылаемыми республиканцами. Депутація отъ священной коллегіи, управлявшей тогда, за отсутствіемъ изъ Рима папы, дѣлами римской церкви, пріѣзжала изъ Венеціи къ фельдмаршалу съ просьбою «защитить достояніе св. Петра отъ хищныхъ якобинцевъ». Величавый, упитанный кардиналъ, стоявшій во главѣ депутаціи, говорилъ длинную латинскую рѣчь; описавъ ужасное положеніе церкви, кардиналъ довольно неловко олицетворилъ разсказъ о явленіи Даніилу архангела: «et levavi oculos meos, et ecce vir» *), говорилъ ораторъ, взглянувъ своими заплывшими глазами на фельдмаршала, стоявшаго передъ нимъ съ шляпою въ рукѣ и лентою Маріи-Терезіи черезъ плечо. Суворовъ сморщился, но дослушалъ длинную рѣчь. Отвѣтивъ по-итальянски, что всегда готовъ служить доброму дѣлу, фельдмаршалъ заткнулъ уши и убѣжалъ въ другую комнату съ словами: «лживка, лукавка, лесть; воняетъ; отворите окна». Депутація была въ августѣ, а 30-го сентября матросы Ушакова съ итальянскими ополченцами уже расхаживали по улицамъ вѣчнаго города, выгнавъ республиканцевъ, и русскій солдатъ стоялъ на часахъ у Капитолія.

Въ одно время съ депутатами, въ лагерь пріѣхалъ князь Борисъ; молодому путешественнику хотѣлось посмотрѣть военныя дѣйствія Суворова и повидаться съ Катеневымъ, но послѣдняго онъ не засталъ, такъ какъ онъ еще не возвращался отъ Лагоца. Фельд-

---

*) Я поднялъ глаза, и се передо мною мужъ.

маршалъ, знавшій молодаго князя еще ребенкомъ, не вдругъ узналъ его, но потомъ обнялъ, спросилъ объ отцѣ и радушно пригласилъ погостить въ главной квартирѣ. Отчасти молодаго князя уговорилъ съѣздить въ лагерь монсиньоръ, думая, не будетъ ли онъ полезенъ депутаціи, какъ сынъ стараго знакомца князя и княгини; ихъ эіятельства теперь довольно часто упоминали о своемъ знакомствѣ съ героемъ. Князь Борисъ раза два пробовалъ заговаривать съ Суворовымъ о депутатахъ, но фельдмаршалъ отдѣлывался молчаніемъ. Князь поселился въ городкѣ, неподалеку отъ главной квартиры, и примкнулъ къ свитѣ великаго князя, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ. Его представили великому князю.

— Почему вы не въ военномъ мундирѣ? спросилъ его великій князь.

Борисъ отвѣчалъ, что болѣзнь лишаетъ его этого счастія.

А туча, знай, наплывала на лагерь; крупныя капли дождя, какъ пули, застучали въ зыбкія кровли палатокъ; акаціи, подлѣ домика и мельницы, нагнулись подъ ударомъ налетѣвшаго вѣтра, сорвавшаго соломенную шляпу съ зазѣвавшагося мужика съ мѣшкомъ за дюжими плечами. Фельдмаршалъ вышелъ на крыльцо, поглядѣлъ на тучу, заслонившую зарево заката и, обратясь къ стоящему подлѣ него Багратіону, сказалъ пророчески: «вотъ, Петръ Иванычъ, во славѣ я и въ почести; кузинъ королевскій, въ лентахъ весь, да въ брилліантахъ. Государь милостивъ.... Чего бы еще, кажется?... А грустно. Погляди, надъ головой-то туча»... Багратіонъ ничего не отвѣтилъ на это; Суворовъ повернулся и пошелъ, повѣсивъ свою сѣдую голову, въ комнаты. Не знаю, понялъ ли тогда Багратіонъ намекъ фельдмаршала, а это былъ намекъ: надъ знаменитою, геніальною головой, дѣйствительно, сбиралась сильная гроза; ее-то и завидѣлъ издали фельдмаршалъ. Багратіонъ озабоченно посмотрѣлъ ему вслѣдъ и, сложивъ на груди руки, сѣлъ на каменныя перила крылечка. Онъ пріѣхалъ на военный совѣтъ, назначенный въ этотъ вечеръ фельдмаршаломъ. Скоро начали съѣзжаться къ домику генералы въ коляскахъ, каретахъ и верхами.

Фельдмаршалъ, запершись на ключъ, лежалъ на диванѣ въ своей комнатѣ; всѣ знали эту его привычку и на цыпочкахъ ходили по сѣнямъ, толкуя межъ собою вполголоса. Послѣ часовой почти бесѣды съ самимъ собою, Суворовъ выбѣжалъ изъ комнаты уже въ мундирѣ, бодрый и веселый, какъ человѣкъ

удачно разрѣшившій трудную задачу. Въ ту же минуту вышелъ изъ своей комнаты великій князь, и фельдмаршалъ пригласилъ всѣхъ въ комнату, гдѣ уже все приготовлено было для совѣта.

Всѣ усѣлись около стола съ двумя восковыми свѣчами и разложенною картою. Рядомъ съ фельдмаршаломъ сѣлъ великій князь; Багратіонъ задумчиво раскладывалъ лежавшія на столѣ кукурузныя сѣмечки; пріѣхавшій только-что Милорадовичъ заспорилъ о чемъ-то съ однимъ изъ австрійскихъ генераловъ. Наконецъ, совѣщаніе открылось. Суворовъ, объяснивъ расположеніе войскъ, замолчалъ и вслушивался въ рѣчи генераловъ; великій князь записывалъ что-то серебрянымъ карандашомъ въ своемъ сафьянномъ бумажникѣ; Багратіонъ молча продолжалъ передвигать кукурузныя зерна. Казакъ, стоявшій у дверей, судя по рѣшительному выраженію лица и глазъ, твердо помнилъ данное ему приказаніе не впускать никого въ комнату, гдѣ шло совѣщаніе. Совѣтъ продолжался не болѣе часа. Фельдмаршалъ поднялся изъ-за стола; онъ былъ необыкновенно веселъ и прочелъ вслухъ, сочиненный имъ, приказъ въ стихахъ:

«Es lebe Säbel und Baionett,
Keine garstige Retraite» *).

и окончилъ, указавъ на Края, стоявшаго у окна съ сигарою;

«Reserve nicht hält,
Weil da Bellegarde und Krai der Held» **).

Въ комнатѣ было душно; всѣ вышли на крыльцо. Ночь была темная; лилъ дождь; перекаты грома раздавались вдали; по временамъ сверкала молнія. Князь Борисъ, несмотря на грозу, пріѣхалъ изъ городка узнать, когда будетъ сраженіе. «Если это не тайна», прибавилъ онъ, здороваясь со свитскими и съ Милорадовичемъ, съ которымъ познакомилъ его фельдмаршалъ.

Странно было видѣть его худощавую, изящную фигуру въ сюртукѣ и пуховой бѣлой шляпѣ среди мундировъ.

— Ты точно адвокатъ изъ Парижа, князь, замѣтилъ ему, здороваясь, фельдмаршалъ.

Великій князь ушелъ къ себѣ въ комнату; князь Борисъ ушелъ, со свитою его высочества, въ палатку, разбитую подлѣ домика. Свита великаго князя выдѣлялась рѣзко изъ толпы

*) Да здравствуютъ сабля и штыкъ! Не надо отступленій.

**) Резервъ не задержитъ, потому что тамъ Бельгардъ и герой Край.

боевыхъ генераловъ щегольскимъ покроемъ платья, чистымъ французскимъ выговоромъ, перчатками и придворными манерами. Австрійцы держали себя предъ всѣми немного свысока; они слушали даже горячія рѣчи фельдмаршала со скрытою, но замѣтною для пристальнаго взора, ироніей, съ какою взрослый человѣкъ слушаетъ восторженнаго, даровитаго, но неопытнаго, увлекающагося юношу.

Прошка подалъ водку; генералы, выпивъ по рюмкѣ настойки, воротились въ залу совѣщаній, гдѣ уже накрытъ былъ столъ; подлѣ прибора хозяина стояли горшечки съ душеною говядиной, обычнымъ кушаньемъ фельдмаршала; всѣ сѣли за столъ. Разговоръ продолжался о предстоящей утромъ битвѣ; это былъ первый дебютъ, только-что прибывшаго, юнаго французскаго полководца Жубера. Во время ужина Прошка подавалъ Суворову пакеты, присылаемые изъ отрядовъ, изъ лагеря; входилъ раза два толстякъ Фуксъ, секретарь фельдмаршала, съ какими-то бумагами.

— Какъ ты надоѣлъ мнѣ, Яковъ Борисычъ!.. обращался къ нему фельдмаршалъ.

— Нельзя, ваше сіятельство. Завтра васъ не изловишь, не подпишете; а нужно отправить немедленно, оправдывался Фуксъ, поправляя очки и объясняя вкратцѣ содержаніе бумаги.

— Да, завтра не до чернилъ; кровь польется, говорилъ фельдмаршалъ, подписывая бумагу.

Ужинъ продолжался не долѣе получаса; фельдмаршалъ, по окончаніи, раскланялся и ушелъ въ спальню; генералы тотчасъ же разъѣхались.

Князь Борисъ остался ночевать у своихъ знакомцевъ, свитскихъ; его помѣстили въ отдѣльной деревянной бесѣдкѣ, стоявшей за мельницею, въ небольшомъ садикѣ. Оставшись одинъ, князь записалъ карандашомъ въ своемъ дневникѣ, что Асти (городокъ, гдѣ жилъ онъ)—родина поэта Алфіери, написалъ имя скульптора статуи св. Петра, которою онъ любовался въ баптистеріи собора, зѣвнулъ и разлегся на желѣзную складную кровать, уступленную ему однимъ изъ адъютантовъ великаго князя. Наканунѣ онъ получилъ письмо отъ матери; она писала, что маркизъ на дняхъ долженъ выѣхать изъ Неаполя и надѣется скоро быть въ Венеціи. Суворовъ спрашивалъ его, за кого выдана сестра, и на отвѣтъ его замѣтилъ: «жаль, что иностранецъ». Фельдмаршалъ, жившій послѣднее время въ деревнѣ,

не встрѣчалъ маркиза въ Петербургѣ. Непривычный къ усиленному движенію на воздухѣ, князь тотчасъ заснулъ, не дотронувшись до золотообрѣзной богословской книжки, взятой-было имъ съ собою. Чѣмъ свѣтъ, разбудилъ его барабанъ; деньщикъ адъютанта уже суетился около мѣшка съ бѣльемъ князя; серебряный кофейникъ кипѣлъ на столѣ.

— Что, не уѣхали еще? спросилъ, вскочивъ съ кровати, князь.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство. А скоро ѣдутъ. Я васъ будилъ раза два, отвѣчалъ деньщикъ.—Сейчасъ придетъ парикмахеръ.

— Не надо.... Я не буду убирать голову.... Что, мою лошадь привели? говорилъ князь, принимаясь умываться.

— Какой-то итальянецъ, съ лошадью, стоитъ ... Онъ спрашивалъ ваше сіятельство.

Князь наскоро выпилъ чашку кофе, положилъ книги въ мѣшокъ и, надѣвъ шляпу, выбѣжалъ изъ бесѣдки. Въ кучкѣ конвойныхъ казаковъ желтѣла соломенная шляпа его городскаго хозяина и вмѣстѣ содержателя ословъ и верховыхъ лошадей; съ низкими поклонами, онъ подвелъ князю тощаго, гнѣдаго, энглизированнаго коня.

— А не боится ли она выстрѣловъ? спросилъ князь, занося ногу въ стремя.

— Будьте покойны, exellenza, отвѣчалъ хозяинъ коня.—Выѣзжена такъ, хоть сейчасъ подъ фельдмаршала.... Я ее купилъ изъ ремонта... Она была подъ французскимъ генераломъ.... Генералъ убитъ, и вотъ только почему я могу служить вамъ этою лошадью, окончилъ онъ, приподнявъ шляпу и оправивъ жиденькую гриву коня.

Князь поискалъ глазами своихъ знакомцевъ свитскихъ, но никого кромѣ казаковъ не было.

— Что, великій князь уѣхалъ? спросилъ онъ у казаковъ.

— Уѣхали, ваше благородіе, отвѣчалъ одинъ изъ казаковъ, поглядѣвъ насмѣшливо на бѣлую шляпу, гороховый сюртучокъ и лакированные маленькіе, со шпорами, сапоги князя.

Князь тронулъ лошадь и поѣхалъ шагомъ по грязной, отъ вчерашняго дождя, дорогѣ, въ надеждѣ встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь. Казаки расхохотались, кивая ему вслѣдъ.

— Это что за фармасонъ? спросилъ одинъ, закидывая поводъ на шею своей лошади.

— Это, братъ, твоя смерть за тобой пріѣхала, отвѣчалъ другой, вскочивъ молодецки на лошадь.—Али не видишь?

— Французской царь это. Вишь, носъ повѣсилъ.... Выгнали... Знать не понравилось, острили казаки, поглядывая на крыльцо, гдѣ стояли уже верховые кони для фельдмаршала и его свиты.

Солнце еще не всходило; за туманомъ не видать было ни лагеря, ни войскъ; вдали трещали барабаны. Въ сторонѣ отъ дороги, на лугу, вертѣлись на одномъ мѣстѣ два всадника: одинъ—молодой, цвѣтущій юноша, въ голубомъ фракѣ съ металлическими пуговицами, въ узкихъ палевыхъ панталонахъ, запущенныхъ въ коротенькіе сапоги съ кисточками, въ высокой, плюшевой, бѣлой шляпѣ; другой—человѣкъ лѣтъ за сорокъ, широкоплечій и сутулый, въ коричневомъ широкомъ сюртукѣ, въ черной, низенькой пуховой шляпѣ, изъ-подъ которой высовывался черный шелковый мѣшокъ съ косою; послѣдній держалъ поводья своего рыжаго, съ вытертою гривою, коня, какъ держитъ гирлянду танцовщица, исполняя мудреное pas des fleurs. Всадники точно вальсировали, вертясь на одномъ мѣстѣ. Князь, поровнявшись съ ними, осадилъ свою лошадь и приподнялъ шляпу. Коричневый сюртукъ хотѣлъ отвѣтить на поклонъ, но въ это время стукнулъ вдали пушечный выстрѣлъ; тяжелый рыжій конь поднялся на дыбы; всадникъ схватился за коротенькую гриву и припалъ къ шеѣ лошади.

— Нѣтъ, братъ, Тимоша, я слѣзу, какъ ты хочешь. Вишь, вѣдь, одеръ какія штуки дѣлаетъ, пронесъ коричневый сюртукъ, когда лошадь, побалансировавъ на двухъ заднихъ ногахъ, опустилась, наконецъ, на всѣ четыре.

— Да попытаемся, можетъ-быть, и пойдутъ, образумятся, отвѣчалъ голубой фракъ, улыбаясь и понукая коблуками своего воронаго.

— Жди, образумятся.... Погоди-ка, вотъ начнутъ жарить.... Одна зѣвнула, и то онъ, вишь, козла какого сдѣлалъ.... Нѣтъ, братъ, я слѣзу. Поѣзжай, если хочешь, одинъ, а я отведу его, рѣшилъ коричневый и спустился съ своего буцефала.

— Позвольте спросить, вы русскіе? обратился, приподнявъ снова шляпу, князь.

— Русскіе, отвѣтилъ приземистый коричневый кавалеристъ, стаскивая поводья съ длинной и прямой шеи лошади.—Русскіе.

— Поѣдемте, умолялъ молодой спутникъ, захохотавъ и обнаживъ бѣлые, какъ слоновая кость, зубы.—Онъ только сначала

у васъ заартачился. Обойдется.... Садитесь; ѣдемъ.... Любопытно.

— Нѣтъ, ни за что не сяду... Ну тебя, отвѣчалъ коричневый, снявъ шляпу и отирая потъ платкомъ съ испуганнаго еще лица.—Я вѣдь тебѣ говорилъ, наймемъ ословъ, али телѣжку. «Нѣтъ, лошадей приличнѣе». Вотъ-те и приличнѣе... Веди вотъ его, чорта, двѣ версты по солнцу, сердито прибавилъ онъ, поглядывая на коня, озирающаго поле.

— Князь Тунгусовъ, проговорилъ Борисъ, пристально вглядываясь въ коричневаго.

— Какъ, князь Тунгусовъ, вы сказали, кажется? отвѣчалъ, тоже пристально вглядываясь въ молодаго человѣка, коричневый.—Борисъ! Боринька!

Но князь уже слѣзъ съ лошади и кинулся обнимать его; коричневый три раза поцѣловалъ его и, попятившись, осмотрѣлъ съ ногъ до головы, причемъ князь покраснѣлъ немного.

— Никакъ бы не узналъ. Какъ вы выросли! началъ онъ.— Какъ вы-то меня узнали?

— Вы перемѣнились мало, отвѣчалъ князь.

— Ну, этого нельзя сказать....

— Надя замужемъ.

— Какъ замужемъ? За кѣмъ?

Князь сказалъ. Коричневый нахмурился.

— Маркизъ.... произнесъ онъ, сдвинувъ густыя, черныя брови, причемъ образовались двѣ большія складки надъ его орлинымъ носомъ.—Католикъ, стало-быть?

— Да, католическаго вѣроисповѣданія, робко отвѣтилъ Борисъ.

— Жаль, жаль это.... Славная она.... Жаль, повторялъ старый знакомецъ, поглаживая щетинистый, не бритый подбородокъ.—И гдѣ же она?... Тоже за границею?

— Да.... Она въ Венеціи.... Отецъ и maman тоже тамъ, отвѣчалъ Борисъ.

Между тѣмъ голубой фракъ, покачиваясь на своемъ вороном конѣ, отъѣхалъ подальше, боясь помѣшать разговору встрѣтившихся знакомцевъ. Въ это время мимо проѣхалъ рысью, по дорогѣ, фельдмаршалъ на своей донской лошадкѣ; за нимъ скакала свита, побрякивая саблями. Князь и его новые знакомцы почтительно приподняли шляпы. Суворовъ отвѣтилъ на поклонъ и взглянулъ на нихъ.

— Вотъ онъ, произнесъ коричневый, слѣдуя глазами за удаляющимся фельдмаршаломъ,—«воевода»,

«Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ,
Вождь бурь полночнаго народа,
Девятый валъ—въ морскихъ волнахъ».

Между тѣмъ, отдѣлившись отъ свиты, кто-то, на буланомъ конѣ, понесся во всю прыть къ выступающему изъ рѣдѣющаго тумана лагерю; грянула музыка, и черныя, стройныя массы пѣхоты двинулись къ бѣлѣющему за рѣкою городку, блестя колеблющеюся стальною щетиною.

— Какъ вы попали сюда? спросилъ князь своего новаго спутника, пристально всматривающагося въ даль и въ идущее войско.

— Я какъ попалъ? Да ѣду въ Россію изъ Гейдельберга, гдѣ начинялъ себя нѣмецкою премудростью.... А сюда заѣхалъ, вотъ, посмотрѣть на Суворова... Боже мой! почти вскрикнулъ онъ, когда показались клубы дыма съ городка и вмѣстѣ съ громомъ орудій вдали раздалось непрерывное «ура». —Пошли.... Вотъ ужасъ-то, прибавилъ онъ, потянувъ поводъ своей лошади, опять затанцовавшей при звукѣ пушечныхъ выстрѣловъ. —А знаете.... Я трусъ, не умѣю владѣть оружіемъ, а что-то такое дѣлается и со мной.... Пошелъ бы за ними.... Стыдно глядѣть издали, будто на представленіе... Поѣдемте лучше къ намъ на квартиру, въ Асти... Право же совѣстно...

— Нѣтъ, я останусь, возразилъ голубой фракъ, внимательно всматриваясь въ окутавшійся дымомъ городокъ и въ темныя массы войска, движущіяся по зеленому лугу.

— Ты—живописецъ, тебѣ нужно... Ну, а намъ что глядѣть? Люди идутъ на смерть, а мы любуемся... Пойдемте, князь... Вы гдѣ остановились?

Князь сказалъ: оказалось, что онъ живетъ черезъ домъ отъ нихъ. Борисъ предложилъ дойти до мельницы, гдѣ была его коляска; коричневый согласился, и они отправились по дорогѣ, ведя въ поводьяхъ, вздрагивающихъ отъ канонады, лошадей.

— Кто это съ вами? спросилъ князь.

— Ахъ, я забылъ васъ познакомить. Это—живописецъ, русскій нашъ.... Даровитѣйшій мальчикъ.... Его выгнали французы изъ Рима.... Я познакомлю васъ.... Но это ужасъ, говорилъ онъ, поминутно останавливаясь и принимаясь всматриваться

въ клубы дыма вдали.—А? Посмотрите. Вѣдь это адъ! Боже мой, сколько еще звѣрскаго-то въ насъ—въ людяхъ, въ человѣчествѣ! Не дикари ли мы? А вѣдь стоимъ на порогѣ девятнадцатаго столѣтія, кричимъ о просвѣщеніи и общемъ братствѣ....

Черезъ полчаса старые знакомцы, отдавъ хозяину князя верховыхъ лошадей, катились въ двумѣстной коляскѣ парою, по гладкой дорогѣ, къ Асти; оба они часто оглядывались назадъ, на застилавшееся все больше и больше широкими пластами дыма поле, съ обозначающимися по временамъ то коннымъ полкомъ съ пестрыми флюгерами на копьяхъ, то длинною цѣпью орудій, передвигающеюся на рысяхъ съ одного мѣста на другое; изъ-за грохота выстрѣловъ прорывалось «ура». «Ужасъ», произнесъ спутникъ князя, когда коляска повернула вправо и поле битвы исчезло за холмомъ, покрытымъ виноградниками. На вершинѣ холма стояла кучка мальчиковъ, весело разговаривавшихъ и толкавшихъ другъ друга съ небольшаго обрыва подлѣ дороги.

— Вотъ предметъ для картины, началъ коричневый, любуясь на ребятишекъ.—Въ виду тысячи смертей, играющіе беззаботно дѣти....

— Какъ я радъ видѣть васъ! взявъ его за руку, произнесъ князь.

— И я радъ.... Радъ душевно.... Такъ, Надинька, вы говорите.... Да; жаль, что.... Славная.... Золото, а не душа, вѣдь, эта дѣвушка, задумчиво произнесъ философъ, пожавъ руку князя.— Жаль, что въ такое время вышла она за иностранца, прибавилъ онъ.—Страшное время, князь! Вѣдь это Вавилонъ великій поднялся, продолжалъ онъ.—И вѣдь всѣ, всѣ ему кланялись «и любы дѣяша» съ нимъ. Вѣдь не другихъ, а себя приходится бить, противъ себя бороться. Вѣдь, во всѣхъ насъ онъ завелъ гнѣздо свое. Вотъ, вѣдь, что страшно, закончилъ мыслитель, выходя изъ коляски, остановившейся у небольшаго домика, гдѣ квартировалъ князь.

Пока, усѣвшись у окна на плетеныхъ стульяхъ, встрѣтившіеся друзья перебираютъ, какъ листки старинной книги, свои прошедшіе годы, проведенные вмѣстѣ и не вмѣстѣ, мы познакомимъ читателя съ лицомъ, мелькнувшимъ передъ нимъ еще въ началѣ нашего разсказа. Старый знакомецъ князя Бориса, Гаврило Даниловичъ Заозерскій, былъ тотъ самый баккалавръ, который жилъ года четыре наставникомъ въ домѣ князя Тунгусова. Сынъ сельскаго бѣднаго священника, Гаврило Данило-

вичъ рано покинулъ для семинаріи родное село свое въ одной изъ сѣверныхъ губерній Россіи; вскорѣ лишившись родителей, онъ съ тѣхъ поръ не бывалъ въ немъ; кончивъ курсъ въ семинаріи, Заозерскій съ нѣсколькими алтынами, во фризовой шинели, подаренной архіерейскимъ пѣвчимъ-пріятелемъ, пѣшкомъ отправился въ Москву и поступилъ сначала въ славяно-греко-латинскую академію; выдержавъ экзаменъ на баккалавра, онъ не удовольствовался этимъ и слушалъ естественныя науки и математику въ университетѣ. Жилъ Гаврило Даниловичъ уроками и переводами для издаваемыхъ тогда журналовъ съ скучнѣйшими названіями: «Другъ юношества» и т. п. Въ кругу издателей онъ познакомился съ Новиковымъ въ Москвѣ и Лабзинымъ въ Петербургѣ, куда переѣхалъ потомъ на жительство. Содѣйствію послѣдняго, между прочимъ, онъ обязанъ былъ поѣздкою на казенный счетъ въ чужіе края. Заозерскій скоро сталъ извѣстенъ въ мыслящемъ кругу столичнаго общества. Въ поношеномъ фракѣ, въ синей, толстой епанчѣ своей, неизмѣнной зимою и лѣтомъ, съ курчавыми волосами, запрятанными кое-какъ въ черный шелковый мѣшокъ, съ нахмуреннымъ лицомъ и густыми черными бровями, Гаврило Даниловичъ являлся всюду— въ аристократическій домъ, въ студенческую квартиру, на чердакъ какого-нибудь мыслителя Малопесковскаго переулка, въ академію, на университетскій диспутъ, не замѣчая насмѣшекъ свѣтскихъ людей, наконецъ, привыкшихъ къ чудаку Заозерскому. Говорилъ онъ хорошо, но нѣсколько тяжеловатымъ слогомъ; жилъ на хлѣбахъ у какого-то дьякона; единственнымъ занятіемъ его было чтеніе; деньги тратилъ онъ исключительно на покупку книгъ, которыхъ бо́льшую половину бросалъ тотчасъ по прочтеніи; даже плату за переводы Гаврило Даниловичъ бралъ нерѣдко книгами. Работая въ журналахъ, онъ, большею частію, вращался въ кружкахъ издателей и ближайшихъ сотрудниковъ ихъ, но и оттуда исчезалъ нерѣдко на мѣсяцъ, на два, удаляясь, точно на Синай, внутрь себя; эти одинокіе дни проводилъ онъ или на своей квартирѣ, лежа съ книгою на «удобномъ канапе», какъ называлъ хозяинъ его, дьяконъ, жесткій, кожаный диванъ краснаго дерева, или бродилъ по книжнымъ магазинамъ. Лагерь дѣльныхъ борцовъ съ новымъ движеніемъ западной мысли, къ которому болѣе тянулъ, если не совсѣмъ принадлежалъ, Заозерскій, былъ не многочисленъ. Кромѣ того трудно было стоять одинокимъ воинамъ, вооруженнымъ тяжеловатымъ языкомъ,

противъ остротъ Волтера, иногда дѣйствительно меткихъ, иногда пошлыхъ, но все-таки смѣшныхъ для большинства, какъ всякая каррикатура на предметъ возвышенный. Подмѣтить изящное, положительное въ предметѣ можетъ не всякій, а изуродовать изящную вещь съумѣетъ любой недоросль, не только Волтеръ, съ его громаднымъ умомъ, къ сожалѣнію, оскопленнымъ-ради сатиры; за смѣхомъ и рукоплесканіями большинства едва слышенъ былъ голосъ этихъ философовъ, квартировавшихъ гдѣ-нибудь на Сѣнной или на Самотекѣ. Всѣ ихъ труды, всѣ эти «Други просвѣщенія юношества», рядомъ съ недурными переводами Тацита, Тита Ливія и т. п., ѣстъ моль въ нашихъ библіотекахъ; а между тѣмъ на сѣрыхъ листкахъ этихъ, мѣстами, правда, скучныхъ, книжекъ высказано много такого, надъ чѣмъ не безполезно задуматься даже нашему времени. «Борьба, «ведомая ими», какъ замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ современныхъ писателей, «была такъ значительна и своеобразна», что не худо бы выслушать нашему времени жаркія исповѣди самихъ борцовъ, оставшіяся на листкахъ ихъ сѣренькихъ журналовъ.

Безчисленные переводы и статьи Гаврилы Даниловича, носившіе тоже мудреныя и тяжеловатыя названія: «богачъ и сластолюбецъ древняго Рима» и т. п., испещрены были живыми примѣчаніями о древнемъ мірѣ, о христіанствѣ, о наукѣ; статьи эти помѣщались въ прибавленіяхъ къ газетѣ, въ журналахъ, большею частію безъ подписи переводчика или сочинителя, и потому литературное имя Гаврилы Заозерскаго такъ и кануло въ Лету. Князю Тунгусову рекомендовалъ Заозерскаго Лабзинъ, насилу уговоривъ Гаврилу Даниловича принять званіе педагога въ сіятельной семьѣ. Княгиня глядѣла на неказистаго баккалавра какъ на ученаго, котораго, «что дѣлать, надобно терпѣть, для пользы дѣтей, въ домѣ», какъ терпятъ люди запахъ камфоры, персидской ромашки, въ своихъ бобровыхъ воротникахъ, изъ необходимости предохранить дорогой мѣхъ отъ моли; особенно же ей не нравилось панибратство баккалавра съ людьми и дворовыми: у Гаврилы Даниловича была привычка усѣсться гдѣ-нибудь на крыльцѣ флигеля, въ застольной, на заднемъ крыльцѣ дома—и цѣлые часы толковать съ дворовыми. Княгиня была убѣждена, что эта привычка баккалавра «вращаться въ средѣ простолюдиновъ» есть одинъ изъ прирожденныхъ признаковъ его незнатнаго происхожденія.

*

— Отчего вы лучше съ нами не побесѣдуете, чѣмъ сидѣть на заднемъ крыльцѣ съ лакеями? спросила разъ княгиня баккалавра за обѣдомъ

— Да тамъ какъ-то уютнѣе, больше правды, отвѣчалъ Заозерскій.—Вонъ у васъ передъ террасою липки подстрижены, фонтанъ, статуи стоятъ. Ложь какая-то во всемъ. Природа обезображена. А посмотрите-ка у заднихъ крылецъ: все растетъ свободно, и говорится какъ-то лучше, и дышется свободнѣе.

— Вы—оригиналъ, замѣтила, разсмѣявшись, княгиня.

— Вѣроятно, отвѣчалъ Заозерскій.—Я и люблю все оригинальное, а вѣдь ваша терраса съ фонтаномъ и статуями—копія.

Княгиня разсердилась и велѣла мужу сдѣлать замѣчаніе учителю, чтобъ онъ былъ осторожнѣе и не позволялъ себѣ вольнодумства при дѣтяхъ. Князь не сдѣлалъ замѣчанія, но сказалъ женѣ, что распекъ баккалавра. «Знаю я, какъ ты распекаешь», замѣтила мужу княгиня и долго, съ мѣсяцъ, была сурова съ учителемъ. Гаврило Даниловичъ, впрочемъ, врядъ ли замѣчалъ эту суровость и по-прежнему за обѣдомъ доказывалъ, что французы много принесли вреда Россіи и русскому языку своими модами и пустозвонствомъ.

Около Заозерскаго всегда собиралось человѣкъ пять-шесть молодежи, студентовъ академіи, университета, учениковъ академіи художествъ; живой умъ и искренность влекли къ нему магнитомъ молодыя сердца, всегда жаждущія правды, любви и свѣта. Особенно благоволилъ онъ къ музыкантамъ и живописцамъ; сознавая въ себѣ недостатокъ художественнаго воспитанія, онъ бродилъ часто по эрмитажу, по заламъ академіи, и развилъ въ себѣ вкусъ и пониманіе изящнаго.

Разставшись съ домомъ князя Тунгусова, Гаврило Даниловичъ исчезъ. Князь Борисъ узнавалъ о немъ, по возвращеніи своемъ изъ-за границы, но ничего не могъ узнать вѣрнаго; теперь они встрѣтились въ первый разъ послѣ разлуки въ Раздольевскомъ домѣ. На разспросы князя о томъ, гдѣ жилъ онъ и что дѣлалъ, баккалавръ отвѣчалъ, что объ этомъ не стóитъ говорить, и перевелъ разговоръ на настоящія политическія дѣла.

— Можно ли толковать, говорилъ онъ,—о своихъ личныхъ, маленькихъ, дѣлишкахъ подъ этотъ потрясающій громъ міровыхъ событій? Вѣдь это время апокалипсическое, продолжалъ онъ, заложивъ руки назадъ и принимаясь ходить по комнатѣ,—Мы, русскіе, все шутили, ублажали Дидро, къ Руссо писали

приглашенія, мы играли огнемъ.... И если послѣ этого урока русская мысль не воспрянетъ, не пойдетъ своею дорогою, я положительно отказываюсь вѣрить въ ея будущее.

Проговоривъ это, ораторъ сердито поглядѣлъ на князя, сидѣвшаго подлѣ окна, и долго молча расхаживалъ изъ угла въ уголъ; воспользовавшись этою паузою, князь попробовалъ спросить опять: гдѣ же вы были за границею?

— Во многихъ мѣстахъ былъ, отвѣчалъ баккалавръ.—Былъ въ Веймарѣ, познакомился съ Гёте

Князь съ любопытствомъ вытянулъ шею, заслышавъ имя поэта, начинавшаго дѣлаться современною пиѳіею.

— Долго вы прожили въ Веймарѣ?.... Имѣли, вѣроятно, рекомендательное письмо къ Гёте? говорилъ князь.

— Дня два... Зачѣмъ письмо? отвѣчалъ Гаврило Даниловичъ.— Я просто пришелъ къ нему, какъ мыслитель къ мыслителю, для бесѣды. Долго не пускали меня, но, наконецъ, сжалился должно-быть, принялъ веймарскій олимпіецъ. Я пришелъ-было къ нему съ возраженіями.

— Что-жь, онъ ихъ выслушалъ, отвѣтилъ? спрашивалъ князь.

— Выслушалъ и спросилъ: «много-ли инородцевъ въ Россіи», отвѣчалъ, разсмѣявшись, баккалавръ.—Онъ, по всей вѣроятности, меня принялъ за сумасшедшаго. Какъ-де такъ, русскій, варваръ, дикарь, явившись ко мнѣ, великому германцу, смѣетъ возражать?... Къ нему, вѣдь, всѣ являются съ поклонами, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и трепетомъ. Я страстно, вѣдь, любилъ германскую возраждающуюся поэзію, продолжалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ Заозерскій;—отъ Шиллера, Гёте я ждалъ многаго, но не дождался. И Германіею овладѣлъ геній философіи вѣка....

— Вы все тотъ же!... замѣтилъ, улыбаясь, князь.

Ему припомнились жаркіе споры Гаврилы Даниловича съ de ля Вале, въ Раздольѣ.

— Все тотъ же. Поздно мѣняться мнѣ, отвѣчалъ баккалавръ, поглаживая свой небритый подбородокъ.—Холоднымъ, безучастнымъ свидѣтелемъ заблужденій я не могъ быть никогда, и не могу...

Ораторъ замолкъ. Князю мелькнула мысль подѣлиться съ нимъ своими умственными страданіями, но почему-то ему вдругъ сдѣлалось стыдно признаться, что его занимаютъ вопросы религіозные, и вмѣсто исповѣди думъ своихъ онъ спросилъ:

— Куда вы отсюда?

— Я?... Въ Россію. Лабзинъ вызываетъ меня за чѣмъ-то. Да и срокъ паспорту кончился давно. Я и здѣсь контрабандою... отвѣчалъ баккалавръ.

— На Венецію?

— Да, вѣроятно.

— Такъ поѣдемте вмѣстѣ. Я завтра ѣду, говорилъ князь.

— Пожалуй; но куда же я дѣну юношу, художника?... Мы было условились вмѣстѣ.

— Всѣ вмѣстѣ и поѣдемъ. У меня экипажъ просторный, отвѣчалъ князь.

— Пожалуй; вотъ поговоримъ.... Дойдемте до нашей квартиры. Онъ, надо полагать, вернулся, проговорилъ баккалавръ, надѣвая свою мягкую, широкополую шляпу.

Князь тоже взялъ свою шляпу и пошелъ вслѣдъ за Гавриломъ Даниловичемъ въ сѣни.

— Вотъ оно, ворчалъ мыслитель, выходя на улицу и вслушиваясь въ усиливающійся вдали громъ орудій.—Нѣтъ, теперь нуженъ другой пѣвецъ, который, какъ говоритъ нашъ Державинъ,

«Видѣлъ бы, что очи тлѣнны
Не возмогутъ созерцать,
И внималъ, что уши бренны
Неудобны въ слухъ вниматъ»....

— Какой же пѣвецъ, по-вашему, нуженъ? спросилъ князь, не совсѣмъ понявъ отрывокъ изъ Державина, извѣстнаго ему по двумъ-тремъ одамъ.

— Какой? спросилъ баккалавръ, остановившись на крыльцѣ.— У котораго бы вмѣстѣ съ такою головою, какъ у Гёте, было пламенное сердце; который бы возскорбѣлъ скорбію ангела при видѣ вотъ этой бойни, какую мы съ вами видѣли и слышимъ издали. Вотъ этотъ бы возмогъ ударить по сердцамъ могущественною пѣснію,—ударить такъ, что все бы пало ницъ передъ Царемъ царей, всѣ бы соединились въ общемъ, хвалебномъ гимнѣ Ему.... Но.... для этого мало singen такъ, какъ Vogel singt. Такія пѣсни добываются молитвами, тяжкимъ трудомъ, какимъ трудились христіанскіе подвижники.... Въ нашемъ Державинѣ были и есть залоги для сей хвалебной пѣсни.... Онъ смогъ бы, кажется мнѣ, грянуть новую пѣснь, но онъ промѣнялъ кимвалъ и трубы на тихострунную гитару, перерядился въ пестрый нарядъ Анакреона и поетъ двусмысленныя похвалы красоткамъ....

Князь не совсѣмъ понялъ горячую проповѣдь баккалавра; неуклюжій, тяжеловатый слогъ оратора вызвалъ даже легкую улыбку на губахъ бывшаго его питомца.

— Vous partez aujourd'hui, mon prince? спросилъ вышедшій на крыльцо щеголь, новый камердинеръ Бориса.

— Ce soir, отвѣчалъ князь.

— Зачѣмъ это вы француза-то наняли? спросилъ баккалавръ, осмотрѣвъ съ головы до ногъ, расшаркивавшагося передъ нимъ, француза.

— Да, такъ.... За границею трудно съ русскимъ слугою, отвѣчалъ, смѣшавшись нѣсколько, князь.

Они вышли на улицу. Заозерскій квартировалъ на постояломъ дворѣ, въ двухъ шагахъ отъ князя.

— Вотъ и наше жилище, произнесъ баккалавръ, остановясь противъ воротъ, надъ которыми красовалась, вырѣзанная изъ дерева и ярко раскрашенная четверка цугомъ, заложенная въ фуру; на одной изъ лошадей сидѣлъ извощикъ въ широкополой шляпѣ, курткѣ и бѣлыхъ чулкахъ, съ длиннымъ бичомъ въ рукѣ; такія вывѣски еще и нынче можно встрѣтить въ верхней Италіи и южной Германіи.

— Пройдя уставленнымъ повозками и военными фурами дворомъ, пришедшіе вошли въ нумеръ. На полу валялись кожаные мѣшки путешественниковъ; на столѣ лежала папка съ рисунками. Пушечная пальба усилилась вдали; стекла дребезжали отъ выстрѣловъ.

— Кажется, ближе пальба, замѣтилъ князь, вслушиваясь въ перепалку.

Въ это время въ комнату вошелъ хозяинъ двора, совершенно въ такомъ же нарядѣ и даже схожій лицомъ съ деревяннымъ извощикомъ надъ воротами.

— Французы отступаютъ, signori, началъ онъ, расшаркиваясь съ ловкостью ученаго медвѣдя.—Отступаютъ.... Храбрый народъ—русскіе, продолжалъ онъ, обращаясь то къ князю, то къ ученому.—Храбрый народъ. Новый главнокомандующій ихъ убитъ....

— Убитъ, убитъ, потвердилъ по-русски, вбѣгая въ комнату, молодой художникъ.—Жуберъ убитъ, продолжалъ онъ, поставивъ на столъ шляпу и отирая платкомъ потъ, катившійся градомъ съ лица.—А меня чуть не взяли въ плѣнъ наши казаки прибавилъ онъ, расхохотавшись.

Хозяинъ поклонился и вышелъ.

— Какъ такъ? Да ты вѣдь говоришь по-русски-то, я думаю? спросилъ баккалавръ.

— Я увѣрялъ ихъ, что я русскій. «Нѣтъ», говорятъ, «не выпустимъ безъ начальства». Спасибо, офицеръ какой-то ужь выручилъ. Вотъ онъ мнѣ и сказалъ, что французы разбиты, Нови взятъ, а Жубера убили.

— Позвольте познакомить васъ... Князь Тунгусовъ... Художникъ Е..., проговорилъ баккалавръ.

Князь подалъ руку живописцу.

— Ну, а ты самъ-то сражался что ли? спросилъ, улыбаясь, Заозерскій.

— Чѣмъ мнѣ?... Ресфедеромъ развѣ? отвѣчалъ, разсмѣявшись, художникъ.

— А гдѣ Петруша Катеневъ? спросилъ баккалавръ князя.

— Онъ на эскадрѣ Ушакова. Раненъ былъ, и тяжко, мнѣ говорили въ главной квартирѣ... Лежалъ, но теперь, говорятъ, выздоровѣлъ и скоро долженъ воротиться въ армію, отвѣчалъ Борисъ, взявшись за шляпу.

— Куда же вы? спросилъ Заозерскій.

— Я съѣзжу проститься и поблагодарить за гостепріимство въ главную квартиру... Сейчасъ вернусь, и поѣдемте, отвѣчалъ князь, пожавъ руки баккалавру и художнику.

Воротясь на свою квартиру, князь сѣлъ въ коляску и велѣлъ ѣхать въ главную квартиру. Подъѣзжая къ полю битвы, онъ то и дѣло встрѣчалъ повозки, набитыя ранеными; фуры, орудія нѣсколько разъ загораживали дорогу; слышались слабые стоны; изъ одной повозки высунулось больное, измученное лицо; солдатъ, шедшій подлѣ, подалъ манерку, и раненый, перекрестясь, принялся жадно тянуть воду. Нервная дрожь пробѣжала у князя при взлядѣ на худыя, страдальческія лица раненыхъ. «Кончится ли когда-нибудь эта рѣзня», думалъ молодой человѣкъ, подъѣзжая, наконецъ, къ мельницѣ. Около домика, гдѣ жилъ фельдмаршалъ, никого не было. Князь вышелъ изъ экипажа и взошелъ на террасу; двери комнатъ были отворены. Князь обошелъ весь флигель; на полу валялись разорванные конверты, пустые кульки, клочки сѣна.

— Гдѣ же фельдмаршалъ? спросилъ по-итальянски князь, возвратясь на крыльцо, рабочаго, тащившаго мѣшокъ отъ мельницы.

Рабочій снялъ шляпу.—Всѣ уѣхали... Туда, въ Нови.

— И великій князь?

— Всѣ... Tutti *), отвѣчалъ работникъ, опустивъ мѣшокъ на землю.

Князь, постоявъ на крыльцѣ, подошелъ къ плотинѣ; поле дымилось; около мельницы расположилась бивакомъ сотня казаковъ. Князь подошелъ къ нимъ узнать, гдѣ главная квартира, но, не добившись никакого толку, сѣлъ въ коляску и велѣлъ ѣхать домой. Дымъ, стлавшійся по долинѣ, закрывалъ почти совсѣмъ укрѣпленія и башни городка, лежащаго у подошвы зеленѣющей горы. Коляска князя, миновавъ поле, повернула влѣво и исчезла за холмомъ, покрытымъ виноградниками. Это было четвертое августа, день знаменитаго боя подъ Нови, день знаменитаго урока, даннаго Суворовымъ Жуберу,—урока, за который молодой ученикъ заплатилъ жизнію. Сраженіе началось въ четвертомъ часу утра и кончилось въ девять. Неимовѣрныхъ трудовъ стоило союзнымъ войскамъ, подъ непрерывными навѣсными выстрѣлами съ горъ, изъ орудій ядрами и картечью, аттаковать французовъ, занимавшихъ вершины; послѣ двухъ-трехъ нападеній французы были сбиты съ горъ въ лощины. По отзывамъ самихъ французскихъ писателей, эта новая побѣда Суворова разрушила всѣ надежды французовъ и упрочила обладаніе союзниковъ Италіею.

Но крамола и перья нашихъ союзниковъ дѣйствовали несравненно сильнѣе французскихъ орудій и штыковъ; тотчасъ послѣ сраженія Суворовъ отправилъ подполковника Кушникова къ Павлу съ просьбою уволить его отъ командованія. «Повелѣнія, поминутно присылаемыя изъ гофкригсрата», писалъ фельдмаршалъ Растопчину, «разстроиваютъ мое здоровье; я здѣсь не могу продолжать службу. Хотятъ управлять дѣйствіями за тысячу верстъ, а не знаютъ, что каждая минута на мѣстѣ заставляетъ оныя перемѣнять. Болѣе писать слабость не позволяетъ. Я духомъ изнуренъ; я скоро, можетъ-быть, долженъ буду искать убѣжища въ какомъ-нибудь хуторѣ или въ гробѣ». Отвѣчая на это, графъ Растопчинъ писалъ, «что удалить войска изъ Италіи—это дать французамъ снова занять ее. Куда дѣнутся плоды великихъ дѣлъ вашихъ?... Оканчиваю тѣмъ», писалъ канцлеръ, «что молю васъ со слезами и на колѣняхъ у

*) Всѣ.

ногъ вашихъ: останьтесь и побѣждайте. Вамъ ли ждать соучастія въ славѣ отъ тѣхъ, которые дожили, а не дослужились до званія генераловъ? Съ вами Богъ и русскіе». Посылая копію съ письма Кобенцеля, Растопчинъ прибавляетъ: «я ему говорю: нужны дѣла, а не слова. Между союзными дворами должны существовать дружба, правота и откровенность».

Суворовъ колебался, но судьба и Вѣна рѣшили за него иначе, не внявъ умнымъ совѣтамъ канцлера: черезъ четыре-пять дней послѣ взятія Нови фельдмаршалъ получилъ приказаніе изъ Вѣны идти съ русскою арміею въ Швейцарію. Въ письмѣ одному знакомому, отъ двадцатаго августа, онъ пишетъ: «Я съ недѣлю въ горячкѣ, хотя на ногахъ. Развалинъ сокрушеннаго храма видѣть не могу». Не знаю, съумѣетъ ли читатель переселиться въ душу фельдмаршала, понять, что чувствовалъ онъ, получивъ это приказаніе военнаго совѣта; художникъ пойметъ его, хотя отчасти, представивъ, каково бы ему было, еслибы кто-нибудь разорвалъ, уничтожилъ, разбилъ на мелкіе куски его долголѣтній трудъ, картину, статую; но у художника есть утѣшеніе въ возможности возобновить, хотя уже не съ тѣмъ жаромъ и огнемъ, какіе даются только при первомъ выполненіи, взлелѣянный годами думъ, сомнѣній и надеждъ, — образъ. Суворовъ не имѣлъ и этого утѣшенія. Сооруженный усиліями, жизнью, кровью, страшными потерями честныхъ рабочихъ, храмъ разрушенъ навсегда однимъ мановеніемъ вѣнскаго военнаго совѣта. И не одинъ фельдмаршалъ, не одна русская армія вздрогнули, — вздрогнула вся, поднявшаяся отъ Вероны до Сициліи страна, — вздрогнула, какъ орелъ, смертельно раненный въ ту самую минуту, когда уже онъ запустилъ мощныя когти въ грудь ненавистнаго, разграбившаго его родное гнѣздо, ворога. Русскіе офицеры, образовывавшіе въ Тосканѣ, Римѣ народныя ополченія, тѣмъ же повелѣніемъ Вѣны были отозваны съ своихъ постовъ; ополченіямъ велѣно разойдтись тотчасъ же.

Почти три четверти столѣтія отдѣляетъ насъ отъ описываемаго, но невозможно безъ негодованія читать страницы памятниковъ, гдѣ записана эта потрясающая повѣсть предательства и козней. Припомнимъ, что оно совершено было въ ту самую минуту, когда короли посылали то и дѣло благодарственные и поздравительные рескрипты герою, называли его братомъ, изъявляли желаніе «служить въ арміи безсмертнаго Суворова», — когда депутаты городовъ несли ему золотыя шпаги, осыпан-

ныя брилліантами, Англія выбивала въ честь его медали, и со всѣхъ концовъ освобожденной страны летѣли благодарственные адресы ему—«герою, ангелу-хранителю Италіи». Но зависть всегда тамъ, на вершинѣ, впивается въ грудь генія. Превращеніе лавроваго вѣнка въ терновый сдѣлалось чуть не закономъ, повторяясь отъ вѣка. Напрасны поучительные уроки; выслушивая ежедневно ужасающую быль крестныхъ страданій, толпа сейчасъ же послѣ проповѣди кидаетъ каменьями въ одинокаго борца, стоящаго за правду и святыню истины.

Не съ большимъ черезъ четверть часа послѣ того, какъ легонькая коляска князя Бориса помчалась отъ опустѣвшей квартиры фельдмаршала, пара тяжелыхъ крестьянскихъ лошадей подвезла къ мельницѣ экипажъ, въ родѣ нашихъ помѣщичьихъ бричекъ былаго времени; ветуринъ, остановивъ одною рукой лошадей, другою приподнялъ свою войлочную шляпу и произнесъ: «вотъ и квартира главнокомандующаго». Изъ-подъ кожанаго волчка брички вынырнулъ Аѳанасій; надѣвъ ваточный свой картузъ, онъ спустился на землю, осмотрѣлся кругомъ и, обратясь къ бричкѣ, проговорилъ: «быть не можетъ, чтобы здѣсь была главная квартира. Онъ насъ завезъ невѣсть куда, разбойникъ». Изъ-за волчка показалось лицо Катенева.

— Да отчего же быть не можетъ? спросилъ онъ.

— Оттого же, отвѣчалъ Аѳанасій.—Вы видите—ни души нѣтъ. Эй, землякъ! крикнулъ онъ, увидя проѣзжавшаго мимо казака,—не знаешь ли, гдѣ квартира фельдмаршала?

— Назвать не умѣю, а знаю... Вонъ у городка, отвѣчалъ молодой, еще безбородый казакъ, осадивъ лошадь.

— Далеко? спросилъ Катеневъ.

— Версты четыре верхомъ, отвѣчалъ казакъ,—а на колесахъ и всѣ пять наберутся.

— А не дадутъ мнѣ казаки лошади? спросилъ Катеневъ.

Казакъ почесалъ затылокъ и, посмотрѣвъ сначала на Катенева, потомъ на свой бивакъ, дымившійся вдали, нерѣшительно проговорилъ:

— Наврядъ, ваше благородіе... Да и лошади притомѣли.

Червонецъ, вынутый изъ кармана Катеневымъ, поправилъ дѣло: казакъ согласился добыть коня. Эта щедрость разбѣсила Аѳанасья.

— Ищите его теперь, говорилъ онъ барину съ дрожащими губами, наблюдая казака, поскакавшаго къ биваку.—Бѣшеныя у васъ деньги-то!...

Подошедшій мельникъ, сѣдой, полновѣсный старикъ въ рубахѣ и чулкахъ, съ коротенькою въ зубахъ трубочкой, объяснилъ, что онъ знаетъ, гдѣ квартира, и готовъ дать провожатаго. Катеневъ полѣзъ-было обратно въ бричку, но ветуринъ отказывался везти дальше изъ боязни на обратномъ пути наткнуться на военные отряды, не всегда церемонные съ обывателями. Катеневъ велѣлъ вынуть чемоданъ и вещи изъ брички. Аѳанасій ворчалъ, поглядывая на бивакъ, но казакъ не возвращался. Наконецъ, мельникъ добылъ гдѣ-то осла для вещей и провожатаго.

— Нѣтъ ли другаго осла или лошади? спрашивалъ Катеневъ мельника.

Но мельникъ, пожимая плечами, говорилъ:

— Не найдете, signore; ни за какія деньги не найдете... Всѣ лошади забраны подъ армію.

— Вамъ куда, ваше благородіе? спросилъ, ведущій въ поводу лошадь къ биваку, старый, съ косматою, длинною, съ просѣдью бородой казакъ.

— Въ главную квартиру, отвѣчалъ Катеневъ.—Я заплачу...

Казакъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы своими впалыми глазами и поглядѣлъ на свою лошадь.

— Червонецъ хочешь? спросилъ Катеневъ.

Аѳанасья передернуло.

— Садитесь напередъ, а я сзади; доѣдемъ, ваше благородіе.

Катеневъ вскочилъ на лошадь, а казакъ помѣстился чуть не на хвостѣ, сзади, изобразивъ собою похитителя красавицы, и тронулъ лошадь.

— Постойте... Петръ Тимоѳеичъ? кричалъ сиплымъ голосомъ Аѳанасій. — Я не найду... Уѣхалъ!... Вѣдь это полоумный какой-то, прости Господи...

Мельникъ явился съ проводникомъ и осликомъ.

— Слышь, брудерхенъ... знаешь ли? Суворовъ... Руссъ генералъ?... Понимаешь? спрашивалъ, отирая потъ съ лица, взволнованнымъ фальцетомъ, Аѳанасій.

— Si, si... Я знаю, отвѣчалъ проводникъ, здоровый парень, взваливая на осла чемоданъ.

—Смотри же... Вы все знаете... А послѣ запоешь: «ка-ло-са». Положись на вашего брата.

«Ка-ло-са» было передѣланное на русскій манеръ: qui lo sa (кто его знаетъ). Читатель видитъ, что спутникъ прапорщика

сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи въ иностранныхъ языкахъ. Погонщикъ навьючилъ ослика, крикнулъ «via», и спутники отправились полемъ. Аѳанасій, понюхивая табакъ, думалъ про себя: «а сдеретъ же онъ съ насъ! Какъ это не поторговался, ни что. Вѣтеръ въ головѣ... Молодо—зелено».

II.

Было воскресенье. Солнце калило мраморныя стѣны дворцовъ и плиты набережныхъ венеціанскихъ каналовъ. Маркиза выходила отъ обѣдни изъ греческой церкви съ своею Дуняшею; княгинѣ нездоровилось, и она осталась дома; стараго князя мучила подагра; князь Борисъ былъ еще въ лагерѣ. Ливрейный лакей, шедшій съ богомолками, отсталъ, раздавая крейцеры толпѣ нищихъ, собравшейся около маркизы, въ которой она сразу разглядѣла богатую форестьерку. Накинувъ кружевной вуаль, маркиза остановилась въ тѣни, чтобы подождать слугу; Дуняша оправила ей платье; въ эту минуту къ нимъ подошелъ мужчина лѣтъ тридцати, въ полувоенномъ нарядѣ, и, приподнявъ черную, широкополую шляпу, спросилъ на плохомъ французскомъ языкѣ:

— Я имѣю честь говорить съ маркизою ди-Сальма?

Маркиза утвердительно наклонила голову.

— Волонтеръ, ротмистръ Трояни, продожалъ незнакомецъ.— Я имѣю къ вамъ, маркиза, письмо отъ вашего родственника, Катенева. Сейчасъ же уѣзжая по неотложному дѣлу изъ Венеціи, я долженъ былъ отказать себѣ въ чести явиться къ вамъ въ отель и осмѣливаюсь здѣсь передать вамъ письмо вашего родственника.

Маркиза взяла пакетъ и спросила, здоровъ ли Пьеръ. Ротмистръ отвѣчалъ, что теперь здоровъ и, вѣроятно, воротился къ фельдмаршалу, но былъ довольно тяжко раненъ въ плечо пулею и лежалъ около мѣсяца въ квартирѣ Лагоца.

— Вы говорите, онъ былъ тяжко раненъ? спросила молодая женщина.

— Да; но пулю вынули, не повредивъ плеча, и онъ теперь дѣйствуетъ рукою совершенно свободно, отвѣчалъ ротмистръ.—Таково наше ремесло, маркиза... Военному такъ же трудно уберечься отъ пули, какъ трубочисту отъ сажи, рисуясь и задумчиво поглаживая свои темнорусые усы, добавилъ ротмистръ.

— Вы его увидите скоро? спросила маркиза.

— Нѣтъ, маркиза, отвѣчалъ посланный.—Мы жили съ нимъ вмѣстѣ около двухъ мѣсяцевъ, подружились, но теперь не знаю, встрѣтимся ли; можетъ-быть, и не встрѣтимся вовсе. Такова участь насъ всѣхъ, военныхъ—сближаться для того, чтобы разъѣхаться на вѣки.

Маркиза поблагодарила и пошла своею дорогою. Ротмистръ расшаркался, снявъ шляпу, и направился въ другой конецъ узенькой улицы шагомъ, напоминающимъ величественное удаленіе за кулисы трагика послѣ заключительной строфы раздирающаго, оглушительнаго монолога.

— Отъ кого это? спросила Дуняша, стоявшая поодаль во время разговора госпожи съ ротмистромъ.

— Отъ Пьера, отвѣчала маркиза.

Положивъ не распечатанный конвертъ въ шелковый маленькой ридикюль, висѣвшій на рукѣ, молодая женщина вошла въ гондолу; черезъ полчаса, отдавъ просвирку и поздоровавшись съ матерью, она уже сидѣла въ своей комнатѣ. Распечатывая письмо, она мысленно упрекнула себя, зачѣмъ не сказала о немъ матери; на поднявшійся въ головѣ ея, затѣмъ, вопросъ: «почему не сказала», маркиза не отвѣтила, такъ какъ нельзя считать отвѣтомъ краску, мгновенно появившуюся на лицѣ молодой женщины въ ту минуту, когда она разломила гербовую печать пакета. «Вы мнѣ позволили писать вамъ, Nadine», такъ начиналось французское письмо прапорщика, «но ужь, конечно, не такія письма, какъ это, продиктованное горемъ, столь тяжкимъ и безвыходнымъ, что, мнѣ кажется, оно бы оправдало меня въ глазахъ вашихъ, еслибы вы имѣли о немъ хотя малое понятіе. Я знаю, вы произнесете, прочитавъ письмо мое: «дитя, ребенокъ», но и у дѣтей есть свои, и нерѣдко тяжкія, страданія. Вы это знаете очень хорошо сами. Посылая это письмо, я прошу у васъ какъ милости, какъ умирающій отъ голода куска хлѣба, отвѣтьте: любите ли вы меня хоть немного? Я ничего не думаю предпринимать, но отвѣтъ вашъ мнѣ необходимъ; не отвѣтивъ, вы поступите безчеловѣчно. Вы знаете меня и, слѣдовательно, знаете, какихъ усилій стоило мнѣ написать вамъ этотъ вопросъ,— вамъ, передъ кѣмъ я благоговѣю. Когда мы были дѣтьми, я любилъ васъ какъ сверстницу, но никогда не думалъ, что эта привязанность, этотъ теплый лучъ дѣтской дружбы такъ разгорится. Вы не виноваты въ этомъ, но не виноватъ и я... Я бѣ-

галъ отъ васъ; вы этого не знаете, но это правда... Я не хотѣлъ заѣзжать къ вамъ передъ отъѣздомъ за границу, рѣшившись нарушить правила приличія, и не заѣхалъ бы, еслибы не встрѣтился съ княземъ. Письмо это посылаю съ однимъ честнѣйшимъ человѣкомъ, который ухаживалъ за мною во время моей болѣзни отъ полученной раны въ плечо. Онъ ничего не знаетъ; и хотя онъ далъ мнѣ слово передать вамъ пакетъ наединѣ, но я все-таки дрожу за васъ, не надѣлалъ ли я вамъ непріятностей. Изъ этой рѣшимости писать, все-таки, вамъ, вы можете убѣдиться, что мнѣ не легко, что мнѣ необходимо знать то, о чемъ я васъ спрашиваю. Адресъ: въ Верону, банкиру С., для передачи, въ главную квартиру фельдмаршала, П. Т. Катеневу. Я не застрѣлюсь, не буду искать смерти, но буду думать о васъ всю жизнь, до гроба».

Прочтя письмо, маркиза едва могла спрятать его обратно въ конвертъ дрожащими отъ волненія руками; слезы катились по блѣдному лицу. Отперевъ шкатулку, она спрятала письмо и, закрывъ лицо обѣими руками, оперлась на мраморный столикъ. Кто-то легонько постучался въ запертую на ключъ дверь комнаты, но маркиза, не оборачиваясь, продолжала плакать. Ей на сердце точно надвинулась, наконецъ, плававшая долго вдали разбросанными облаками, темная туча; и передъ этимъ кое-гдѣ сверкали, правда, молніи, но гроза могла пройти стороною; не поверни сюда, на нашу кровлю вѣтеръ, туча погрозила бы издали и повернула, уплыла въ даль дальнюю. Но что же дѣлать теперь? Идти ей прямо на встрѣчу, или спрятаться, затворить ставни, вытерпѣть удары, не глядя на сверкающія змѣйкою, неотвратимыя молніи? Впустить въ хижину путника, нежданно стукнувшаго въ дверь съ мольбой, или оставить его на проливномъ дождѣ и стужѣ?... Нѣтъ, лучше не впускать; пусть разрывается отъ жалости сердце по немъ, бездомномъ бѣднякѣ, можетъ, больномъ и безнадежно. «Терпѣніе, надежда, вѣра», схватилась женщина, какъ схватывается за оторванную доску утопающій; но вотъ доска перевернулась и идетъ ко дну подъ рукою пловца, утомленнаго до изнеможенія. «Это уже не призракъ; это оно, опредѣлившееся чувство... оно», думала молодая женщина, отвалясь къ низенькой спинкѣ стула и разсматривая розовыя ноготки свои. «Видно, не вытравишь его ничѣмъ изъ несговорчиваго сердца».

Старинный стихотворецъ, на моемъ мѣстѣ, не утерпѣлъ бы

и изобразилъ залетѣвшаго нечаянно купидона въ скромную комнату молодой маркизы, заставилъ бы его пустить стрѣлу ей въ сердце и потомъ наблюдать изъ-за ширмъ, что будетъ дѣлать уязвленная жертва. Амуры тогда были необходимы въ поэзіи, какъ въ наше время куры на деревенской улицѣ. Современнымъ поэтамъ строжайше воспрещены миѳологическіе образы и аллегоріи. «Пиши голую правду», требуютъ читатели, «анатомируй, разлагай, какъ химикъ газы, чувство; показывай какъ на ладони, ясно и опредѣленно, все, что происходитъ на сердцѣ влюбленнаго». Снимай чарующую синеву съ волшебной дали, живописецъ, и покажи имъ ясно все, что есть подъ этой ненаглядною, полусказочною завѣсой... Какъ въ ландшафтѣ пространство, такъ отдаляетъ время отъ меня прекрасную натурщицу; смягченные его рукою, свѣтъ и тѣни ея портрета уводятъ изящный женскій образъ въ очарованную область тѣней, улетучивая въ легкую дымку тяжелыя складки свѣтло-голубаго атласа. Боишься прикоснуться грубою рукою къ старому холсту: исчезнетъ, улетитъ видѣніе. Гдѣ же тутъ писать подробнѣйшій и обстоятельный отчетъ о состояніи, пронзеннаго когда-то меткою стрѣлою купидона, сердца?

Оправившись у зеркала, маркиза отперла дверь, чтобъ идти внизъ завтракать; проходя мимо письменнаго столика, она остановилась и поглядѣла, съ едва замѣтною улыбкою, на висѣвшій противъ него силуэтъ Катенева; снявъ осторожно пыль платкомъ съ выпуклаго стекла, прикрывавшаго блѣдно-розовый гипсъ, маркиза легонько вздохнула и пошла изъ комнаты. Внизу, у лѣсенки, Дуняша гладила кружевной воротничокъ и напѣвала вполголоса, не замѣчая, стоящей на верху, госпожи:

«Вѣтерокъ, прерви молчанье,
Тихо другу прозвучи,
Что ты видѣлъ грусть, рыданье,
Но о комъ и чьи,—молчи».

Мы смѣемся давно надъ этими пѣсенками, волновавшими, въ былое время, сердца нашихъ дѣдовъ и бабушекъ, но такъ же точно, вѣдь, посмѣются надъ бренчаньемъ и нашей, современной, лиры наши правнуки. Пощадится весьма немногое, и кто поручится, что лежащій передъ читателемъ разсказъ не вызоветъ снисходительно-насмѣшливой улыбки у перелистывающей его, еще не родившейся теперь, красавицы.

Маркиза спустилась, и дѣвушка перестала пѣть; обѣ онѣ почему-то вдругъ вспыхнули.

— А переодѣваться, что же вы, къ обѣду? спросила, горничная, поставивъ утюгъ.

— Рано еще, Дуняша, отвѣчала маркиза, не глядя на горничную, и исчезла въ аркѣ двери, увѣшанной окаменѣвшими цвѣтами.

Войдя въ гостиную и взглянувъ на строгое лицо княгини, маркиза смутилась. Отрадный, грѣющій лучъ радости, на минуту блеснувшій на сердцѣ, исчезъ, и снова заныло, замерло раненое молодое сердце. «Долгъ!» говорило безъ словъ величаво-неподвижное лицо матери. «Да; надобно вырвать, хоть и съ болью, цвѣтокъ, выросшій на неуказанномъ мѣстѣ. Это мой долгъ», отвѣчала мысленно маркиза на безмолвную рѣчь княгини, углубленной въ чтеніе иностранной газеты. И какъ послушное дитя, у котораго отняли любимую картинку, сидѣла она въ бархатномъ креслѣ, поглядывая, сквозь навертывающіяся поминутно слезы, то на кончикъ своего атласнаго башмачка, то на величественное лицо матери, выражающее добродѣтель, ничѣмъ непоколебимую. «Скорѣе улыбнется бронзовый антикъ, чѣмъ ея сіятельство», думалъ скульпторъ Рашетъ, начиная лѣпитъ бюсть, еще молодой тогда, княгини. «Она, вѣроятно, даже спитъ съ достоинствомъ», размышлялъ взбѣшенный холодомъ лица художникъ, обкладывая мокрыми тряпицами свой глиняный эскизъ, по окончаніи скучнѣйшаго сеанса.

Маркизѣ, вообще, послѣднее время было тяжело, подчасъ невыносимо, вдвоемъ съ матерью, и она ожидала съ нетерпѣніемъ возвращенія брата; отецъ большею частію разъѣзжалъ съ визитами. Ей хотѣлось подѣлиться многимъ съ матерью, кинувшись съ жаркими слезами на ея грудь; но скорѣй разогрѣлась бы мраморная грудь Юноны, стоявшей въ нишѣ княжескихъ сѣней, чѣмъ грудь этой величественной, неприступной женщины. Маркиза знала хорошо, что ея мать способна только разсердиться, но никогда не унизила и не унизитъ себя до снисходительной улыбки, лаская изрѣдка разубранною бриллiантами рукою блѣдную щечку дочери. Эта аристократически-холодная наружность княгини и плѣнила въ юности князя Тунгусова, съ ногъ до головы придворнаго; вводя подъ руку свою молодую супругу въ модные салоны, ко двору, онъ испытывалъ чувство довольства командира, ѣдущаго на парадѣ во главѣ блещущихъ латами и шишаками трехъ-аршинныхъ кирасировъ.

— Сегодня въ ночь, или завтра утромъ, по моему разсчету, долженъ воротиться Борисъ, произнесла княгиня, перегибая листокъ газеты.

— Да, онъ писалъ, что выѣхалъ, отвѣчала дочь, повертывая на пальцѣ маленькій перстень.

Водворилось молчаніе. Черезъ полчала гостиная стала наполняться: это былъ пріемный день княгини. Прежде всѣхъ, пыхтя и задыхаясь, ввалился польскій панъ, въ своихъ коротенькихъ шароварахъ и красномъ, полиняломъ кунтушѣ; приложившись къ рукѣ княгини, онъ подставилъ и маркизѣ свою потную, лоснящуюся лысину, поцѣловавъ ее сначала въ щеку, а потомъ въ маленькую ручку; по совершеніи этого подвига, панъ, отдуваясь и жалуясь на жару, опустился на диванъ подлѣ хозяйки.

— А князь? спросилъ онъ, отираясь и отмахиваясь платкомъ.

— Онъ у себя... Сейчасъ выйдетъ, отвѣчала княгиня, продолжая читать.—Его все мучитъ нога. Слышали вы новости?

— Да... Нови, мувятъ, взятъ, отвѣчалъ панъ на польско-русскомъ языкѣ.

— Но это далеко не все, продолжала княгиня:—Суворову велѣно выступить съ русскою арміей немедленно въ Швейцарію.

— Какъ выступить? спросилъ панъ, причемъ оплывшее лицо его приняло глупое выраженіе только-что проснувшагося младенца.

— Выступить; очень просто, отвѣчала, довольная впечатлѣніемъ сообщенной новости, княгиня.—Вотъ сегодня долженъ воротиться Борисъ; вѣроятно, услышимъ отъ него подробности.

Панъ былъ плохой политикъ, но это извѣстіе поразило и его; все еще отдуваясь отъ усиленнаго движенія при подъемѣ на лѣстницу и при лобызаніи дамскихъ ручекъ, онъ вытаращилъ сѣрые глаза и долго молча смотрѣлъ на княгиню. Онъ жилъ постоянно въ Рагузѣ; въ Венецію пріѣхалъ лечиться отъ одышки, и больше по родству и знакомству, нежели по убѣжденію, принадлежалъ къ образовавшейся партіи магнатовъ, замышлявшихъ освобожденіе Польши чрезъ русское правительство. О Суворовѣ онъ относился: «онъ естъ дикарь, варваръ, но вилькій полководецъ».

— Та ее-жь возьмутъ снова французы, Италію, проговорилъ онъ, наконецъ, собравшись съ силами.

Княгиня пожала плечами и, развернувъ газету, проговорила:

— Припомните, что фельдмаршалъ открылъ себѣ путь въ Ге-

ную. Черезъ пять-шесть дней, я увѣрена, не было бы ни одного француза во всей Италіи.

Панъ опять выпучилъ младенчески глаза и, всплеснувъ коротенькими руками, отвалился къ спинкѣ дивана.

— Слышали? обратился онъ, на исковерканномъ французскомъ языкѣ, къ монсиньору, входящему въ гостиную.

— Слышалъ, отвѣчалъ монсиньоръ, поклонившись дамамъ и доставая изъ кармана табакерку.—Слышалъ, слышалъ, повторилъ онъ, сухо откашлявшись и понюхавъ табаку, причемъ въ комнатѣ пронесся мимолетный запахъ резеды.—Il ne s'agit, que de procurer un peu d'immortalité *), прибавилъ онъ, осмотрѣвшись предварительно, нѣтъ ли въ гостиной австрійца.

— Да; но вы знаете, австрійцы этимъ не ограничатся, отвѣчала, тоже по-французски, княгиня.

Монсиньоръ вмѣсто отвѣта опустился въ кресло и сухо кашлянулъ. Въ гостиную влетѣлъ, оправляя пукли, австрійскій генералъ-стратегикъ, и разговаривавшіе смолкли.

— А князь Борисъ? спросилъ стратегикъ, раскланявшись со всѣми и развалясь въ креслѣ.

— Сегодня мы его ждемъ, отвѣчала княгиня.—Объясните намъ... почему это русскихъ двинули въ Швейцарію? Это для меня—латынь.

— Я бы удивился, еслибъ ихъ не двинули, отвѣчалъ генералъ, небрежно мотая золотою цѣпочкою.—Есть у васъ карта?

Маркиза развернула лежавшую на столѣ ландкарту; генералъ подъѣхалъ на своемъ креслѣ къ столу и началъ водить по картѣ указательнымъ пальцемъ, обогнутымъ толстымъ перстнемъ съ чудовищнымъ брилліантомъ, объясняя, гдѣ находятся французы и какъ должно дѣйствовать Суворову. Монсиньоръ, вытянувши свой худощавый станъ, внимательно слѣдилъ за пальцемъ генерала. Въ гостиную вошла среднихъ лѣтъ, низенькая, квадратная, не то съ бѣлокурыми, не то съ сѣдыми локонами, дама; княгиня поднялась и взглядомъ попросила пана уступить вошедшей мѣсто на софѣ; панъ торопливо поднялся и, выбираясь, чуть не повалилъ мраморный столъ, толстымъ своимъ чревомъ, на стратегика; монсиньоръ, поклонившись, понюхалъ табаку, угостивъ запахомъ резеды собесѣдниковъ, и снова принялся слѣдить за пальцемъ генерала. Вошедшая усѣлась

---

*) Дѣло идетъ о томъ, чтобы добыть себѣ немного безсмертія.

и, отмахнувъ ленты своего куафюра, заговорила на распѣвъ, окидывая въ то же время испытующимъ взоромъ сидящихъ. «Comte Orloff, Разумовскій ma dit, la duchesse va venir a Vienne», распѣвала гостья, въ промежуткахъ улыбаясь и пожимая руку маркизѣ... Mais vous êtes bien logées ici... Et votre mari Nadine?

— Онъ еще въ Неаполѣ, отвѣчала маркиза, принужденно отвѣчая улыбкою на улыбки посѣтительницы.

Княгиню видимо обрадовало посѣщеніе квадратной дамы. Гостья принадлежала къ небольшому числу тѣхъ избранныхъ, имя которыхъ не произносится и даже не печатается иначе, какъ съ прибавленіемъ: «извѣстная»; упоминать фамилію этихъ счастливицъ тоже считаютъ излишнимъ; ихъ просто называютъ: «извѣстная Татьяна Юрьевна». Около именъ этихъ дамъ всегда являются, какъ спутники около свѣтила, громкія имена— Дидро, Волтеръ, Prince de Ligne, Державинъ; безъ упоминанія объ этихъ дамахъ дѣло не обходится въ біографіяхъ, и особенно въ примѣчаніяхъ къ твореніямъ поэтовъ. Онѣ, какъ фамильныя повивальныя бабки, помнятъ всѣ мелочи, всю обстановку, при которыхъ рождались творенія стихотворцевъ; я не ручаюсь, однако, за то, чтобъ отшедшіе поэты поблагодарили своихъ новыхъ, усердныхъ, издателей за ту безцеремонность, съ которою послѣдніе пришиваютъ прямо къ стихамъ, брошенные поэтомъ, варіанты, вмѣстѣ съ извѣстіями о полученныхъ сочинителемъ табакеркахъ, орденахъ и перстняхъ.

— Вы не читали его оды на ordre de S-t Malte? Да, что вы? говорила гостья, повертывая къ княгинѣ свое коротенькое туловище.—C'est un chef d'oeuvre. Себя превзошелъ.... Je vous dis, превзошелъ себя Гаврило Романовичъ, продолжала она, приходя въ экстазъ и потрясая бѣлокурыми локонами.—Я вамъ сегодня же пришлю.... У меня есть....

Речетъ,—и флотъ сквозь волнъ несется,
Велитъ,—и громомъ твердь трясется.

декламировала гостья, изображая пухлою, коротенькою ручкой, какъ трясется твердь.

— Sublime.... Я говорю тебѣ, превзошелъ себя Державинъ.... Вы знаете, вѣдь онъ былъ страстно влюбленъ въ графиню Литта.... Вотъ откуда этотъ огонь, добавила дама.

— Стыжусь, но этой оды я не знаю, отвѣчала княгиня.

Маркиза сидѣла, потупивъ глаза, въ своихъ креслахъ; ей

какъ-то совѣстно стало за гостью, когда она представляла, какъ трясется твердь, и маркиза очень рада была, что изъ гостей одинъ только дремавшій панъ понималъ нѣсколько по-русски.

Въ гостиную вошелъ, опираясь на свою палку, старый князь; поцѣловавъ руку у гостьи, князь сѣлъ; дама была старая его знакомая; они говорили другъ другу: «ты», что возбуждало нѣкоторую зависть къ мужу въ княгинѣ; счастіе быть на «ты» съ одною изъ этихъ избранницъ, имѣющихъ обыкновенно вѣсъ и случай при дворѣ, давалось далеко не всякому.

Перебравъ всѣхъ знакомыхъ, напомнивъ для чего-то другъ другу, кто изъ нихъ на комъ женатъ (князь зналъ, кто кому какъ доводится, тверже таблицы умноженія), собесѣдники коснулись политики.

— Ахъ.... A propos, запѣла гостья.—Суворовъ отказывается отъ фельдмаршальства, просится въ отставку; мнѣ говорилъ Тугутъ.

Австріецъ вслушивался въ разговоръ, окончивъ свои стратегическія поясненія монсиньору.

— Можетъ-быть, онъ вынужденъ къ тому.... замѣтилъ онъ.

— Не думаю.... Такъ объясняетъ самъ онъ, конечно; но.... перебила дама, продолжая уже по-французски,—при всемъ его умѣ, геніи, онъ вѣдь немножко сумасбродъ. Онъ увлекается, не хочетъ знать политики.

Австріецъ одобрительно кивнулъ головой; дама еще увѣреннѣе продолжала:

— Онъ воинъ, но политика (при этомъ она потрясла отрицательно своимъ коротенькимъ указательнымъ пальцемъ), политика—не его дѣло. Тутъ онъ—профанъ.... Я говорила объ этомъ съ Разумовскимъ, и онъ тоже согласенъ со мною...

— Но, позвольте, возразила-было княгиня, — мнѣ кажется, тутъ дѣло не въ политикѣ. Послать въ Швейцарію войска....

— Стало-быть нужно, перебила гостья съ достоинствомъ, прибавивъ:—тутъ все въ связи... Какъ не политика? Я и объ этомъ говорила, далеко прежде до похода изъ Италіи, съ Тугутомъ.

И гостья принялась хлестать именами Тугута, Дитрихштейна, принца Карла, приплетя тутъ же, для чего-то, давно умершаго министра Кауница. «Кауницъ», заключила она, «былъ и будетъ однимъ изъ величайшихъ политиковъ». Монсиньоръ возразилъ, что Кауницъ жертвовалъ слишкомъ иногда интересами союзниковъ для Австріи. Гостья обидѣлась и спросила, вставая, кня-

гиню вполголоса: «кто это»? Княгиня представила монсиньора. Оказалось, что гостья встрѣчалась съ нимъ въ Вѣнѣ, у Разумовскихъ, что, почему-то, помирило тотчасъ ее съ монсиньоромъ; выходя изъ гостиной, она очень любезно погрозила ему, сказавъ: «нѣтъ, монсиньоръ, не нападайте на моего любимца, старика Кауница».

Вслѣдъ за гостьей уѣхалъ и стратегикъ.

— Умная женщина, замѣтила княгиня монсиньору, когда возвратилась съ княземъ въ гостиную, проводивъ гостью.

— У!... промычалъ князь, приподнявъ голову и брови.—Это министръ, не женщина.

Монсиньоръ кашлянулъ своимъ сухимъ кашлемъ, поклонился и пошелъ изъ гостиной, скромно придерживая, развѣвавшуюся отъ движенія, шелковую свою мантію. Княгиня тоже удалилась въ свои комнаты; князь, поцѣловавъ дочь и зачѣмъ-то разсказавъ ей, что Татьяна Юрьевна, во время коронаціи императора, стояла «на второмъ репозэ», уѣхалъ съ визитами.

Маркиза ушла къ себѣ наверхъ; доставъ изъ бархатнаго портфеля листокъ почтовой бумаги съ золотыми, подъ короною, буквами M. S., она взяла перо и задумалась; въ отвѣтъ на полученное письмо довольно было написать ей одно слово—сердце уже продиктовало его, но разумъ сдерживалъ робкую, трепещущую руку; откинувшись къ овальной, рѣзной спинкѣ стула, она положила перо и сложила на груди руки. Положеніе бѣдной женщины напоминало положеніе сказочнаго Ивана-царевича, пріѣхавшаго къ двумъ дорогамъ, съ надписями на столбахъ: «направо поѣдешь,—тебя убьютъ; налѣво,—коня лишишься и самому не сдобровать». А между тѣмъ чистый почтовый листокъ, лежавшій на столѣ, напоминалъ, что не отвѣтить жестоко, что нужно написать то ли, другое ли. «На что ему необходимъ отвѣтъ?» думала маркиза, принимаясь перечитывать, чуть не въ десятый разъ, странное письмо. «Вѣдь онъ знаетъ, что я не предприму ничего, что я поручила себя и судьбу свою волѣ Божіей. На что же ему нужно знать, что переношу я? Изъ любопытства что ли?» проговорила почти вслухъ молодая женщина, вытирая платкомъ, бѣгущія по блѣднымъ щекамъ, слезы. «Я не застрѣлюсь, не уничтожу себя», дочитала она и тутъ же подумала: «а въ огонь, подъ пули кинется, я знаю.... Что же мнѣ дѣлать съ нимъ, бѣднымъ?»—Послѣ получасовой тяжкой думы, маркиза взглянула на висѣвшій въ углу золотой обра-

зокъ, перекрестилась и раскрыла, лежавшее на столѣ, маленькое, оправленное въ финифтяный окладъ, евангеліе, прочла нѣсколько строкъ, и около тысячелѣтняго текста обвилась безконечная вереница думъ, гаданій, какъ обвиваются, переплетаясь межь собой, длинные грозды виноградной лозы около узорной арки вѣковаго зданія. Снявъ медальонъ со стѣнки, она поцѣловала его, и на овальное, прозрачное стекло закапали горячія и чистыя, какъ струйки родниковой воды, слезы; сердце сжималось при мысли о бѣдахъ, о горѣ, прямомъ и неизбѣжномъ послѣдствіи для обоихъ, отдавшихся запрещенному чувству, и ускоренно билось, зажигая румянецъ на лицѣ, при лукавомъ лучѣ надежды, блещущемъ молніей, безъ ея вѣдома, въ юной, взволнованной душѣ. «Не бойтеся», прошептала сквозь слезы маркиза, припоминая раскрывшуюся страницу, какъ будто слова ангела относились не къ пастухамъ, а къ ней. «Не бойтеся: я вамъ благовѣствую радость». «А развѣ устрояющій все ко благу не въ силахъ все перемѣнить и преложить печаль на радость?» рѣшила маркиза, осторожно обмакнувъ перо въ хрустальную чернильницу.

«Я получила письмо твое», писала по-русски маркиза. «Если ты вѣруешь, то будешь беречь себя; кто вѣруетъ, тотъ и надѣется; Богъ устрояетъ все къ лучшему. Я разогнула евангеліе предъ тѣмъ, какъ отвѣчать тебѣ, и вотъ открылось какое мѣсто: «не бойтеся: я вамъ благовѣствую радость». Молись, и я буду молиться. Повѣрь, все устроится къ лучшему; какъ мнѣ ни тяжело, ни грустно, но у меня есть предчувствіе, что все устроится. Больше не пишу. Увѣдомляй хоть изрѣдка, черезъ maman, о себѣ. Видѣлся ли ты съ Борисомъ? Господь съ тобой. Прощай. Помни же мою просьбу: береги себя». «Твоя», написала-было она, но тотчасъ тщательно затушевала это слово, замѣнивъ: «другъ твой и кузина».

Перечитавъ раза два, она запечатала письмо, надписала адресъ и позвонила.

Вошла Дуняша.

— Отнеси это письмо на почту сама. Чтобы не знала maman.... прибавила, покраснѣвъ, маркиза.

— Что вы ему писали? спросила Дуняша, посмотрѣвъ на адресъ.

Она читала и говорила немного по-французски, благодаря гувернанткѣ княжны, француженкѣ, которой еще дѣвочкой прислуживала.

— Какая ты любопытная... А развѣ ты знаешь, что онъ писалъ ко мнѣ?

— Не знаю.... Знаю только одно, что онъ васъ любитъ, брякнула дѣвушка и разсмѣялась.

— Вотъ въ этомъ-то и бѣда, Дуняша, серьезно заговорила маркиза.—Я боюсь, какъ бы онъ не надѣлалъ чего надъ собой.... Вотъ почему я и писала ему.... Надо поберечь бѣднаго....

— Вы не успѣете переодѣться, перебила Дуняша. — Переодѣньте платье, а потомъ я отнесу.

Маркиза согласилась и стала переодѣваться.

— А вы? спрашивала горничная, оправляя складки палеваго тяжелаго платья,—вы-то его.... любите?

— Ты всегда говоришь вздоръ.... Болтунья, отвѣчала маркиза, вспыхнувъ какъ огонь и застегивая браслетъ на дрожащей рукѣ.

— А вѣеръ? спросила Дуняша.

— Я возьму.... Ступай же.... Отнеси на почту.

Дуняша вышла, прибравъ въ комнатѣ. Маркиза поглядѣла въ окно на синѣющій, тихій, какъ зеркало, каналъ и вышла въ столовую; тамъ уже похаживали князь и польскій панъ около закуски, потирая руки. Вошла княгиня; маркиза слегка вздрогнула при появленіи матери; ей было неловко: въ первый разъ она рѣшилась послать письмо безъ ея вѣдома, рѣшилась на поступокъ, о которомъ надо молчать, скрывать. «Но какъ же объяснить maman?» раздумывала юная маркиза. «Объяснить — это поднять цѣлую бурю упрековъ и.... заслуженныхъ ли? Разстроить, сложить въ постель maman». И въ воображеніи возстала цѣлая картина семейной грозы, съ княгинею на первомъ планѣ, перевязавшею голову бѣлымъ платкомъ, пропитаннымъ уксусомъ; даже запахъ спирта, употребляемаго въ минуты огорченій княгинею, уже послышался маркизѣ; она опять вздрогнула, когда Дуняша, войдя зачѣмъ-то въ столовую, шепнула ей: «отправила». Сѣли за столъ. Маркиза не слыхала общаго разговора; провѣряя свой поступокъ, она перечитала мысленно, нѣсколько разъ, отправленное письмо и осталась довольна имъ. «Но съ этихъ поръ», повторила она себѣ, «ни слова ему больше не пишу, что бы тамъ ни было. Онъ самъ пойметъ, я знаю, каково мнѣ, и не будетъ тревожить меня объясненіями.... Дѣла нельзя поправить.... Остается терпѣть.... Я замужемъ», окончила она сквозь навернувшіяся слезы.

Княгиня была не въ духѣ: князь получилъ письмо отъ управляющаго, что оброки сберутся развѣ черезъ мѣсяцъ. Панъ ѣлъ, завѣсившись по уши салфеткою, отдувался и былъ тоже не особенно разговорчивъ. Говорилъ одинъ князь, разсказывая, у кого онъ былъ, и что вся Венеція толкуетъ о выступленіи русскихъ изъ завоеванныхъ областей.

— Въ этомъ виновато кругомъ наше посольство въ Вѣнѣ и особенно Разумовскій, рѣзко перебила плавную рѣчь мужа княгиня.—Вольно же имъ любезничать съ австрійцами.

Это было сказано отчасти изъ желанія кольнуть пріятельницу князя, австрофилку, отчасти сказать непріятное словцо мужу, бывшему безъ ума отъ Разумовскаго. Князь понялъ это, но не возражалъ, зная, что возраженіе—вещь не безопасная, когда его сіятельная супруга поднимется лѣвою ногой съ постели.

Обѣдъ кончился. Панъ задремалъ уже въ концѣ стола и, проглотивъ чашку кофе съ ромомъ, тотчасъ уѣхалъ. Княгиня съ мужемъ и дочерью усѣлись въ гостиной.

— Но что маркизъ? заговорила княгиня, оставшись въ своей семьѣ, — маркизъ нашъ? Я, наконецъ, не знаю, что и думать.... Ѣздитъ; бросилъ жену....

У маркизы заныло сердце; точно осенній вѣтеръ, поднявъ сухіе, желтые листья, повѣялъ ей на душу, пророча вереницу безсонныхъ ночей, темныхъ и длинныхъ, оглашаемыхъ завываньемъ и однообразнымъ стукомъ ставней или неплотно притворенной двери; а утромъ—непроглядное, затянутое пеленою сѣрыхъ облаковъ, будто, вѣкъ свой, безплодно плачущееся на кого-то, небо.... И такъ, непрерываемою цѣпью потянутся не дни, не мѣсяцы, а годы, десятки лѣтъ, вся жизнь до той минуты, когда замретъ и перестанетъ биться навсегда измученное сердце.

— Вѣроятно, дѣла, ma chere, замѣтилъ, зѣвая, князь.

Эта тема была не новая; княгиня всегда избирала ее для бесѣды съ семьянами, когда была не въ духѣ; но въ послѣднее время чаще и чаще начинала она рѣчь объ этомъ, такъ какъ положеніе молодой замужней женщины, живущей врознь съ мужемъ, начинало занимать общество, окружающее княжескую семью, подымало многочисленные толки, догадки, объясненія, сплетни, которыя долетали, разными путями, до княгини, разумѣется, въ искаженномъ и увеличенномъ видѣ; ея сіятельство

озабочивало сильно не внутреннее тяжкое состояніе дочери, а опасеніе, какъ бы не утратила маркиза, подобающаго ей, высокаго положенія въ обществѣ.

— Mon Dieu, что-жь это за безконечныя дѣла? отвѣчала княгиня мужу.—Дѣла есть у всѣхъ, но нельзя же, бросивъ для нихъ жену, рыскать цѣлые мѣсяцы.... И почему не объяснить тебѣ, мнѣ, ей—что это за дѣла? Мы могли бы посовѣтывать, помочь.... У насъ есть связи.... Въ томъ же Неаполѣ я могла бы дать ему письма къ Ушакову, и мало ли къ кому изъ нашихъ... Нѣтъ, это начинаетъ тревожить меня, и не на шутку.... Напиши ему, обратилась она къ дочери.

Маркиза вопросительно взглянула на мать.

— Напиши, продолжала княгиня,—что вотъ, такъ какъ его дѣла задерживаютъ тамъ, и что дальнѣйшее пребываніе мое и твоего отца за границею и дорого, и, наконецъ, какъ на это посмотрятъ, я не знаю, при дворѣ, въ обществѣ,—такъ какъ онъ думаетъ: нельзя ли тебѣ переѣхать къ нему въ Неаполь? Теперь въ Италіи покойнѣе. Въ Неаполѣ король. Ты можешь изъ Венеціи, изъ Генуи переѣхать моремъ. Я могу попросить Ушакова; онъ для меня не откажетъ, дастъ корветъ даже, если переѣздъ опасенъ. Вѣдь что-нибудь надо же.... Надо же когда-нибудь выйти изъ этого position fausse *); вѣдь начинаютъ говорить объ этомъ въ обществѣ. Хоть бы вотъ эдакой вопросъ тебѣ вдругъ: «et votre mari»? А votre mari и не думаетъ. Дѣла!... Да у кого ихъ нѣтъ? Однако, никто не бросаетъ жену.... Напиши, и посильнѣе. Покажи потомъ мнѣ свое письмо, кончила княгиня, поднимаясь съ креселъ.

Маркиза сидѣла какъ на горячихъ угольяхъ, перебирая кисейный кончикъ батистоваго платка.

— Да; напиши, ma bonne amie, повторилъ князь, пригладивъ волосы дочери и поцѣловавъ ее въ голову.—Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это экстравагантно съ его стороны.... Какъ это, вдругъ, уѣхать и....

Княгиня вышла на балконъ.

— Мы не поѣдемъ на острова? спросилъ князь, остановившись въ дверяхъ.

— Какіе острова... Ты видишь, я разстроена, отвѣчала княгиня, опустившись въ кресла на балконѣ.

---

*) Ложнаго положенія.

Князь помялся на одномъ мѣстѣ, понюхалъ табаку и пошелъ къ себѣ въ комнаты. Маркизѣ доложила Дуняша, что ее ждетъ учитель живописи.

«Что я буду писать?» думала бѣдная женщина, поднимаясь по лѣсенкѣ въ свою комнату. До сихъ поръ она ограничивалась приписками въ письмахъ матери обыкновенно о томъ, гдѣ вчера были, что видѣли, кто навѣщалъ ихъ; теперь ей надо упрекать въ холодности того, чью холодность она считаетъ даромъ, милостью, ниспосланною ей Создателемъ. «Вотъ наказаніе», раздумывала маркиза. Она даже припомнила какой-то текстъ, говорившій: «чѣмъ провинился, тѣмъ и казнись», и подумала: «ужь это не за отправленное ли тайкомъ отъ maman письмо меня наказываетъ Богъ письмомъ же?» Maestro съ реверансами подалъ ей палитру и уставилъ въ стаканѣ букетъ, съ котораго писала маркиза. Ученица сѣла за мольбертъ; блѣдная, какъ полотно, она сама напоминала лилію, посаженную въ фарфоровую вазу и начинающую сохнуть и вянуть въ душной комнатѣ. О, еслибы Богъ послалъ дождя и воздуха и перенесъ въ родную почву умирающій цвѣтокъ! Онъ ожилъ бы въ день, два; въ немъ много еще юныхъ силъ и жизни.

III.

Въ дождливую, темную ночь, по грязной дорогѣ, вьющейся по знаменитымъ пустыннымъ болотамъ между Римомъ и Неаполемъ, тащилась двумѣстная карета четверкою, цугомъ, безъ вершника; почтарь похлопывалъ бичомъ, закрывшись съ головою суконнымъ грубымъ плащемъ отъ дождя и порывистаго вѣтра; фонари у козелъ кидали красноватый слабый свѣтъ около экипажа, только усиливая окружающую темноту; усталыя лошади лѣниво шлепали по лужамъ, вязли въ грязи и мало обращали вниманія на покрики и хлопанья возницы. Въ каретѣ сидѣли двое: одинъ—толстый, небольшаго роста, остриженный подъ гребенку, католическій монахъ; другой, растянувшійся во весь свой длинный ростъ, сухощавый, плотно завернутый въ плащъ, былъ старый знакомый читателя, маркизъ ди-Сальма.

— Раньше завтрашней ночи мы не доберемся до Рима, замѣтилъ маркизъ, зѣвнувъ и выглянувъ въ открытое окно кареты.

— Еслибы завтра добраться, signore marchese! отвѣчалъ

хриплымъ теноркомъ духовный.—А я думаю, къ Риму на станціяхъ мы не отыщемъ лошадей, и.... И, продолжалъ онъ, подчуя себя въ промежуткахъ табакомъ,—и просидимъ, или ночуемъ, чего добраго, на одной изъ станцій. Время тревожное, signore marchese. За грѣхи ли за наши Богъ такъ прогнѣвался, или...

— За добродѣтели, докончилъ маркизъ, отвалившись опять въ уголъ кареты.

— Нѣтъ, не за добродѣтели, а....

— За что же? спросилъ маркизъ.

— Кто это знаетъ? продолжалъ толстякъ, поглядѣвъ въ окошко.—Судьбы Божіи, signore marchese,—тайна.

— Но не для васъ, не для духовенства. Вы вѣдь находитесь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ небомъ и херувимами, отвѣчалъ, зѣвая, маркизъ.

— Избранные лишь, signore marchese, избранные, простодушно отвѣчалъ монахъ,—eliti *), а не всѣ... Далеко не всѣ, signore marchese, закончилъ онъ, вздохнувъ и помотавъ изъ стороны въ сторону коротенькимъ, не гнущимся отъ толщины, указательнымъ пальцемъ.

Оба замолчали. Усталая четверка, продолжая шлепать по грязи, дергала по временамъ карету такъ сильно, что она колыхалась, какъ дѣтская колыбель, на своихъ высокихъ рессорахъ; вдали, на правой сторонѣ дороги, блеснулъ и тотчасъ исчезъ огонекъ.

— Огонь!... замѣтилъ маркизъ.

— Да, кажется, подтвердилъ монахъ, поглядѣвъ въ окошко.

Путники переглянулись.

— Можетъ-быть, это.... кто ихъ знаетъ? Да, огонь.... Вонъ опять блеснуло что-то, робко проговорилъ монахъ, какъ будто отгадавъ мысль маркиза.

— Eh, via, via! лѣниво понукалъ лошадей почтарь.

Усталая четверка пробовала прибавить ходу, дергала экипажъ, но черезъ минуту опять тащилась шагомъ по скользкой дорогѣ; вдали засвѣтились, вмѣсто одной, три огненныя точки; то перемѣщаясь съ мѣста на мѣсто, то исчезая, онѣ словно подмигивали ѣдущимъ.

— Быть-можетъ, пастухи? спросилъ нерѣшительнымъ тономъ маркизъ, высунувшись изъ окошка.—Что это за огни, amico? А? обратился онъ къ почтарю.

---

*) Избранные.

— А дьяволъ ихъ знаетъ, сердито отвѣчалъ, поеживаясь отъ холода и сырости, ямщикъ. — Можетъ-быть, ветурины или солдаты.

Лошади встали. «Via!» крикнулъ почтарь, хлопнувъ бичомъ; четверка дернула и опять остановилась. Вдали послышался спѣшный конскій топотъ; путники вслушались и опять переглянулись; маркизъ откинулся въ уголъ.

— Ѣдетъ кто-то, робко замѣтилъ монахъ, поглядывая въ окно со стороны маркиза.—Э, вонъ и фонари ближе. Santa Maria! А, marchese?...

Маркизъ опять высунулся изъ окна, но ничего не отвѣчалъ на вопросъ спутника. Огни, обгоняя другъ друга, приближались къ экипажу; четверка, послѣ многократныхъ ударовъ бичомъ и понуканій, пошла нога за ногу; вдали послышались голоса и шлепанье лошадиныхъ копытъ по грязи и лужамъ.

— Ну, что? Видите что-нибудь? спрашивалъ монахъ.

Маркизъ молчалъ.

— Стой! раздалось въ нѣсколькихъ шагахъ, и черезъ нѣсколько минутъ косматая, тяжело дышущая, лошадиная голова появилась у окна кареты.

Маркизъ отшатнулся.

— Стой, corpo di diavolo! крикнулъ кто-то, что есть силы, пьянымъ, надорваннымъ голосомъ.—Долой, почтарь!

— Santa Maria, пролепеталъ дрожащимъ шепотомъ монахъ.

Почтарь остановилъ лошадей и безпрекословно полѣзъ долой съ своего мѣста; толпа конныхъ съ фонарями окружила экипажъ.

— Eh dove? Da Napoli, a Roma? спросилъ одинъ изъ всадниковъ, слѣзая съ лошади.—Почта? Это не онъ....

— Онъ, отвѣчалъ прежній хриплый голосъ.—Кто ѣдетъ?

— Forestieri, путешественники, отвѣчалъ изъ угла кареты, не показываясь, маркизъ.

— Inglesi, lordi... Si... Теперь самъ чортъ не разберетъ, кто со своимъ, кто съ чужимъ паспортомъ, замѣтилъ, расхохотавшись, охрипшій.

— Такъ выходите изъ кареты... Presto, скорѣй... Намъ некогда, кричало нѣсколько голосовъ.

— Да; потрудитесь... Ayez la complaisance... Можетъ-быть, принцы крови, fratelli... И потому повѣжливѣй, издѣвался охриплый.

Монахъ отворилъ свою дверцу и полѣзъ изъ экипажа; маркизъ,

доставъ что-то изъ кармана кареты, высунулся изъ окна, но тотчасъ же спрятался опять, когда у самаго его носа сверкнула вдругъ серебряная ручка и граненый стволъ лазариновскаго пистолета.

— Живѣй, signori... Безъ реверансовъ, прямо къ дѣлу... Здѣсь не салонъ... Мокро и холодно... Бррр... говорилъ хриплый.

Маркизъ едва могъ отворить дрожащею рукою ручку дверцы; хриплый голосъ былъ хорошо знакомъ ему.

— Сейчасъ, сейчасъ, лепеталъ монахъ, оступившись со скользкой подножки прямо въ грязь.—Marchese?

— Что, слышишь Пецца? Га... Фра-діаволо.... не побился я съ тобою объ закладъ... Не онъ?.. Что? крикнулъ, засмѣявшись и закашлявшись, охриплый.—Ну, excelenza... выходите, продолжалъ онъ, нагнувшись съ лошади и отмахнувъ дверцу кареты.— Просимъ покорнѣйше. Я говорилъ—аристократы.

— Faccia in terra! крикнулъ кто-то...

Маркизъ ступилъ на подножку; охриплый соскочилъ съ лошади и подхватилъ его подъ руку.

— Не поскользнитесь, signore marchese, говорилъ охрипшій.— Здѣсь не паркетъ... Осторожнѣе.

— Faccia in terra! Вамъ говорятъ, повторилъ опять кто-то изъ толпы.

Почтарь и монахъ растянулись лицомъ внизъ на грязной дорогѣ.

— Вотъ такъ, продолжалъ хриплый, спустивъ на землю маркиза.—Eh come sta marchese? А? прибавилъ онъ, расхохотавшись и опять закашлявшись.

— Ей, padre... нѣтъ ли у тебя писемъ? спрашивалъ, нагнувшись, между тѣмъ, къ монаху, соннымъ голосомъ, широкоплечій, бородатый бандитъ.

— Есть, есть письмо къ капеллану Maria magiore... Онъ родственникъ... Вотъ я.... говорилъ, приподнимаясь, дрожащимъ голосомъ монахъ. Доставъ изъ-за рясы бумажникъ и порывшись въ немъ, онъ, стоя на колѣняхъ, подалъ какой-то пакетъ.

— А денегъ много? шепнулъ бородатый, освѣтивъ бумажникъ фонаремъ.

— Какія деньги у монаха? Вотъ пара скуди есть, отвѣчалъ бѣднякъ, раскрывая опять бумажникъ.

— А ты ужь грабить? раздался чей-то басъ. Не можешь... Руки чешутся, corpo di diavolo!

— Не грабить, а... оправдывался бородатый,—надо же обыскать... Нѣтъ ли документовъ какихъ, политическихъ...

— Политикъ.... проговорилъ басъ.—Faccia in terra, padre... Посвѣтите-ка кто-нибудь... Надо обыскать карету.

Монахъ опять растянулся подлѣ почтаря, недвижно лежащаго посреди дороги. Хриплый, отдавъ сосѣду поводъ своего коня, положилъ обѣ руки на плеча маркизу и, уставясь ему въ глаза, проговорилъ:

— Ну что, узнали своего воспитанника? Ге, что-жь вы молчите?

Маркизъ, блѣдный какъ полотно, стоялъ, потупивъ глаза передъ бандитомъ; старый знакомецъ или, какъ самъ онъ называлъ себя, «воспитанникъ» маркиза былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, съ блѣднымъ, изношеннымъ лицомъ, опушеннымъ бѣлокурою, рѣденькою бородкою и длинными, висящими изъ-подъ высокой шляпы, волосами; стиснувъ тонкія губы, онъ пристально посмотрѣлъ въ лицо своей жертвѣ и судорожно оттолкнулъ ее; маркизъ пошатнулся, но устоялъ на ногахъ.

— Вотъ гдѣ пришлось намъ встрѣтиться, signore marchese, вмѣсто отцовскаго палаццо... И этому, вы сами знаете, этому я обязанъ вамъ, говорилъ молодой человѣкъ, запустивъ руки за кушакъ, намотанный по плисовой курткѣ, и покачиваясь изъ стороны въ сторону; проговоривъ это, онъ засмѣялся отвратительнымъ, злобнымъ смѣхомъ и закашлялся.—Да; вамъ, mio caro... вамъ, повторилъ онъ нѣсколько разъ, прерывая свою рѣчь усилившимся кашлемъ. Микеле... слышишь? Fra-diavolo!... Что-жь ты не полюбуешься... на эту гадину? окончилъ онъ, ударивъ кулакомъ въ грудь маркиза; маркизъ охнулъ и завернулся съ лицомъ въ плащъ.

— Успѣемъ, налюбуемся, отвѣчалъ басъ.—Возьмите вещи маркиза... Эй, почтарь, подѣлись съ нами одной лошадью... Мы, пожалуй, отдадимъ ее тебѣ завтра... Знаешь остерію di Pigeone? Тамъ и получишь... Отпрягай.

Почтарь поднялся и началъ откладывать одну изъ переднихъ лошадей; монахъ лежалъ, какъ пластъ, среди дороги.

— Вставай и ты, padre santo, продолжалъ басъ.—Будетъ тебѣ держать примочку на животѣ.

Монахъ нерѣшительно поднялся и, сложивъ на брюхѣ руки, всталъ въ сторонѣ отъ дороги, потупивъ голову; трое бандитовъ обыскивали карету; выкидавъ изъ нея мѣшки, они отдирали

сукно и принялись распарывать подушки; почтовыя лошади радовались, вѣроятно, довольно продолжительному, неожиданному роздыху; почтарь, отдавъ коня, спокойно укладывалъ возжи подъ намокшую подушку козелъ; ему, какъ видно, подобная тревога была не въ диковину. Сидѣвшій на конѣ и завернувшійся въ длинный плащъ, бандитъ кричалъ поминутно: «скорѣе», поеживаясь отъ холода и моросившаго все еще дождя. Хриплый, передавъ маркиза товарищу, отошедшему отъ монаха, полѣзъ на лошадь; въ это время маркизъ развернулъ плащъ и выстрѣлилъ почти въ упоръ въ своего стараго знакомца; конь вздрогнулъ; молодой бандитъ, выдернувъ ногу изъ стремени и опустившись на землю, постоялъ съ минуту и, оборотясь къ маркизу, расхохотался и проговорилъ:

— Это нехорошо, маркизъ!... Давайте пистолетъ... Кажется, не задѣло?.. Хорошо, что такъ... Это неблагородно... Мы не обыскивали васъ, а ты...

Маркизъ швырнулъ пистолетъ на землю и полетѣлъ самъ навзничъ отъ удара въ високъ, нанесеннаго бывшимъ воспитанникомъ.

— А?... Какова гадина!... Свяжи-ка его дядя... кушакомъ... Назадъ, подлецу, руки, прибавилъ онъ, вскочивъ на лошадь.

Рыжій, приземистый мужичина, снявъ съ себя кушакъ, сбросилъ съ маркиза плащъ и скрутилъ ему на спину руки такъ, что затрещали локти; маркизъ не произнесъ ни слова во время этой операціи и, стиснувъ зубы, стоялъ въ своемъ длинномъ гороховомъ сюртукѣ безъ шляпы, сбитой разбойникомъ.

— Не оцарапала? спросилъ верховой.

— Нѣтъ, пролетѣла мимо... Лошадь попятилась, а то бы пришлось откладывать разсчетъ мой съ нимъ до того свѣта, отвѣчалъ, закашлявшись и оправляясь на сѣдлѣ, хриплый.

— Садись... Полѣзай, padre sanctissimo, на свое старое гнѣздо, произнесъ верховой, раскуривая трубочку.—Почтарь, на козла!.. Да не давайте воли языку... У насъ друзья есть всюду... Услышатъ,—не ручаюсь, чтобы не заткнули глотку докащику... Садись.... На коней.... Карета маршъ!... A rivederla padre, buon voyagio.

— A rivederla, signori *), вашъ слуга, повѣрьте, я умѣю мол-

---

*) До свиданія, господа.

чать, гдѣ это нужно, проговорилъ уже смѣлѣе, высунувъ изъ окошка свое круглое лицо, монахъ.

— Ну, bene, bene, отозвался верховой, раскуривая въ фонарѣ трубку.

Карета тронулась; маркиза подняли и посадили на почтовую, отнятую лошадь; всѣ пятеро вскочили на коней, и кавалькада, свернувъ съ большой дороги, поскакала рысцою вязкимъ болотомъ. Лошадь маркиза тащили въ поводу; она поминутно вязла, спотыкалась; маркизъ, съ связанными локтями, едва держался безъ сѣдла на худой, мокрой спинѣ лошади.

— Что, безпокойно, marchese? говорилъ хриплый. — Что дѣлать. Не стрѣлять бы... Впрочемъ, вояжъ не дальній... мили четыре, толковалъ онъ, поминутно шпоря и осаживая свою сухую, рыжую лошадь.

Николо Матчи (такъ звали молодаго знакомца маркиза) былъ побочный сынъ одного виконта богача, эмигранта, француза: фамилію «Матчи» онъ получилъ отъ матери, крестьянки изъ Калабріи, увезенной въ молодости, во время путешествія виконта, тихонько отъ ея семьи, во Францію. Виконтъ, еще задолго до революціи, занемогъ, и доктора посовѣтовали ему навсегда поселиться въ южной Италіи; устроивъ свои денежныя дѣла, положивъ часть денегъ въ лондонскій банкъ и продавъ земли въ Вандеѣ, онъ купилъ себѣ землю на Исхіи (островъ подлѣ Неаполя) и, выстроивъ роскошнѣйшую виллу, поселился въ ней. Громадный ростъ, огромный парикъ сухощаваго виконта и его странный итальянскій выговоръ помнили всѣ, еще не такъ давно, въ Неаполѣ; аристократъ до мозга костей, онъ былъ въ то же время волтеріанецъ; жениться на увезенной крестьянкѣ было для него не мыслимо. Трое сыновей, изъ которыхъ второй было Николо, жили съ нимъ на виллѣ, но въ отдѣльномъ корпусѣ, подъ надзоромъ француза гувернера; по праздникамъ мальчики должны были являться къ отцу, а въ день его рожденія произносить или пѣть, написанные гувернеромъ, стихи, подъ заглавіемъ: «гимнъ облагодѣтельствованныхъ благодѣтелю», или «праздникъ благодарныхъ сердецъ» и т. п. Любимицею отца была пятилѣтняя дочь, оставшаяся послѣ смерти матери двухлѣтнимъ ребенкомъ; дѣвочка помѣщалась въ комнатахъ рядомъ съ спальнею отца, и старикъ вставалъ ночью каждый разъ, заслышавъ, что ребенокъ плачетъ; утромъ онъ не иначе, какъ при себѣ, позволялъ завтракать ребенку; француженка-нянька весь день должна бы-

ла проводить съ дѣвочкою на глазахъ у виконта; во время рѣдкихъ выѣздовъ въ Неаполь по дѣламъ, на недѣлю, на двѣ, съ виллы ежедневно должны были доставляться нянькою съ курьеромъ подробнѣйшія бюллетени о томъ, что дѣлалъ, ѣлъ, долго ли спалъ ребенокъ; а въ случаѣ нездоровья дочери, виконтъ кидалъ всѣ дѣла и тотчасъ возвращался съ двумя-тремя врачами, для совѣта съ постояннымъ, живущимъ съ нимъ на виллѣ, докторомъ. Дѣвочку одѣвали какъ куклу, и несмотря на то, что гардеробомъ ея заняты были три большія комнаты, три-четыре, выписанныя изъ Парижа, швеи шили съ утра до вечера ей новыя платьица, воротнички, пелерины изъ тонкихъ, точно паутина, венсенскихъ кружевъ. Дѣвушка была не хороша собою, смугла, но черные большіе глаза напоминали дикую красоту матери, похожей на цыганку; она точно такъ же, какъ и покойница, швыряла, разсердившись, туфлею въ отца, ломала въ куски игрушку въ нѣсколько червонцевъ, только-что выписанную отцомъ, и старикъ, не сказавъ ни слова, уходилъ и молчалъ цѣлый день, какъ убитый; дочь четырехъ лѣтъ уже хитрила и кокетничала, какъ двадцатилѣтняя опытная метресса. Люси (такъ звали дѣвочку) боялась одного Николо; сыновья обѣдали съ гувернеромъ и только по праздникамъ допускались къ столу виконта, но могли гулять въ паркѣ и иногда вечеромъ заходить въ домъ; встрѣтивъ Люси гдѣ-нибудь въ отдаленномъ уголкѣ парка, Николо кидался на нее, какъ тигренокъ, таскалъ за курчавые волосы, дралъ за уши; нянька бранилась, оглядываясь поминутно, нейдетъ ли виконтъ; дѣвочка дрожала и тихо плакала, не смѣя пикнуть.

— Что, дьяволенокъ, присмирѣлъ? насмѣхался Николо.—Не будешь важничать? «Не буду», шептала сквозь слезы дѣвочка.— И няньку не будешь царапать? спрашивалъ Николо.—«Не буду», отвѣчала Люси, стоя передъ братомъ, крѣпко державшимъ ее за ручонки.

Маркизъ не зналъ этихъ продѣлокъ сына и удивлялся, что Люси подходитъ и садится на колѣни къ Николо,—словомъ, только съ однимъ Николо баловница будто шелковая.

— Это магнетизмъ, объяснялъ онъ гувернеру.—Посмотрите, изъ него выйдетъ замѣчательный магнетизеръ, говорилъ виконтъ, помѣшанный немного на Месмерѣ.

Гувернеръ соглашался, хотя зналъ очень хорошо способъ, употребляемый воспитанникомъ для усмиренія строптивыхъ, испытавъ его самъ на себѣ: пятнадцатилѣтній питомецъ разъ, съ глазу на

глазъ, задалъ своему ментору такую потасовку, что старикъ пролежалъ съ недѣлю въ кровати; изъ боязни лишиться куска хлѣба, бѣднякъ смолчалъ и, только косясь на Николо, съ этого дня избѣгалъ дѣлать ему замѣчанія, говоря: «вы, Nicolas,—о, вы не минете висѣлицы».—«Меня повѣсятъ на той самой, на которую вздернутъ тебя, вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, республиканцы», отвѣчалъ обыкновенно на это воспитанникъ. Гувернеръ хватался за свою трость, но Николо, какъ кошка, влѣзалъ на дерево и продолжалъ оттуда передразнивать француза. Любимцемъ гувернера былъ старшій, Henri, силачъ, широкоплечій, но необыкновенно смирный, до страсти любившій чтеніе; Henri и учился лучше всѣхъ; забившись куда-нибудь въ уголъ парка, или улегшись въ уединенномъ заливцѣ острова въ рыбачью лодку, съ книгою и булкою въ карманѣ, юноша не являлся иногда по цѣлымъ днямъ въ комнату; меньшой, мальчикъ лѣтъ шести, былъ еще на рукахъ у няньки, прежней своей кормилицы, и жилъ больше у нея въ деревнѣ, съ крестьянами. Изрѣдка отецъ спрашивалъ: «а гдѣ же Jean? Вѣрно, въ деревнѣ; надо бы его привезти,—его научатъ тамъ дурнымъ манерамъ». Мальчика привозили, но дня черезъ три нянька, взявъ его съ собою на праздникъ мѣстной Мадонны, опять оставляла гостить у себя въ хижинѣ; Жану было привольнѣе тамъ; цѣлые дни онъ рылся на морскомъ берегу съ ребятишками и собиралъ, во время отлива моря, разноцвѣтныя раковины и молюски. Виконтъ по смерти жены все меньше и меньше занимался сыновьями; онъ и при ней смотрѣлъ на нихъ, какъ смотритъ не особенно рачительный хозяинъ на ежегодный приплодъ отъ коровъ и овецъ, смотритъ какъ на дѣло очень обыкновенное. Однако, по совѣту одного стараго графа, посѣтившаго его, старшаго, Henri, виконтъ отправилъ на восемнадцатомъ году въ Боннъ, въ іезуитскую школу. Николо продолжалъ жить на волѣ, шатаясь съ ружьемъ по окрестностямъ. Познакомившись на охотѣ съ двумя-тремя молодыми неаполитанцами изъ высшаго класса, юноша сталъ отпрашиваться изрѣдка, а потомъ чаще, у отца въ Неаполь; старикъ, услыхавъ два-три княжескихъ имени въ числѣ знакомыхъ своего воспитанника, началъ охотно отпускать его и давалъ деньги на костюмъ и на «мелкіе депансы». Николо зажилъ припѣваючи, если не всегда въ аристократическомъ, за то всегда въ веселомъ обществѣ различныхъ матушкиныхъ сынковъ, игроковъ, танцовщицъ королевскаго театра и искатель-

ницъ доходныхъ приключеній. Виконту представлены были, какимъ-то евреемъ, два векселя въ нѣсколько сотъ червонныхъ каждый; онъ поморщился, пожурилъ Николо, но велѣлъ заплатить, замѣтивъ гувернеру: «et notre petit coquin ne se gêne pas? Dites lui, qu'il n'est pas si riche». Николо, вѣроятно, не совсѣмъ вѣря этому, задолжалъ опять; на этотъ разъ отецъ и благодѣтель, заплативъ, объявилъ въ газетахъ, что съ купцомъ Николо Матчи (Николо былъ приписанъ въ неаполитанское купечество) онъ никакихъ дѣлъ не имѣетъ и не платитъ по его обязательствамъ; три тысячи франковъ въ годъ виконтъ продолжалъ однакожь давать на депансы воспитаннику; жить продолжалъ Николо по прежнему на виллѣ, напиваясь по временамъ съ гувернеромъ, съ людьми виконта, и гоняя на его верховыхъ лошадяхъ по окрестностямъ; виконтъ смотрѣлъ сквозь пальцы на воспитанника, разъ даже заплатилъ за разбитую имъ въ одной изъ сосѣднихъ остерій посуду, но вычелъ изъ назначенныхъ трехъ тысячъ.

Въ это время съ эмигрантомъ познакомился въ Неаполѣ, чрезъ одного француза, маркизъ, служившій тогда въ придворной королевской канцеляріи; маркизъ нуждался тогда въ деньгахъ и сначала предложилъ свои услуги для исполненія въ Неаполѣ различныхъ порученій виконта, а потомъ, переѣхавъ почти совсѣмъ къ нему на виллу, забралъ въ руки все его хозяйство; восхищаясь Люси и магнетизируя, склоннаго къ ипохондріи, стараго холостяка, маркизъ сдѣлался лучшимъ другомъ богача. Николо видѣлъ ясно, что маркизъ обманываетъ старика; маркизъ побаивался его, съ своей стороны, услыхавъ отъ гувернера, что Николо сбирается вздуть его и разсказать о его плутняхъ виконту; чтобъ обезопасить себя, маркизъ повелъ другую тактику: онъ началъ убѣждать старика дать Николо образованіе, увѣряя, что онъ обладаетъ замѣчательными способностями и ведетъ безпорядочную жизнь отъ недостатка серьезныхъ занятій; виконтъ задумался и рѣшился, наконецъ, отправить воспитанника въ Парижскій университетъ съ маркизомъ, который ѣхалъ въ Парижъ, назначивъ въ годъ содержаніе, вмѣсто трехъ тысячъ франковъ, двѣнадцать. Николо, которому давно надоѣла жизнь въ виллѣ подъ отцовскимъ, хотя и слабымъ, надзоромъ, кинулся на шею маркизу, расцѣловалъ его, сказавъ, что ошибался, считая его подлецомъ, и полетѣлъ съ нимъ во Францію. Маркизъ, вмѣсто преподавателей и учителей для приготовленія

къ университетскому курсу, въ Парижѣ ввелъ своего молодаго кліента, тотчасъ по пріѣздѣ, въ кругъ молодыхъ авантюристовъ и женщинъ, живущихъ на чужой счетъ, которыми кишила королевская Франція. Матчи скоро освоился въ этомъ кругу; маркизъ, увѣривъ его, что онъ будетъ получать и больше содержанія, пробывъ съ мѣсяцъ въ Парижѣ, воротился въ Неаполь и насказалъ виконту, что его воспитанникъ изумляетъ учителей способностями и успѣхами. Виконтъ улыбнулся, подумывая про себя: «и не въ кого быть ему дуракомъ; шалунъ.... но это тоже у насъ родовое». Старшій воспитанникъ учился очень хорошо у іезуитовъ и, не пріѣзжая домой, жилъ безвыѣздно въ Боннѣ. Устранивъ врага своего, маркизъ принялся обдѣлывать дѣла свои: огромный капиталъ виконта, лежавшій въ лондонскомъ банкѣ, былъ вынутъ и пристроенъ въ частныя руки въ Неаполѣ. Эмигрантъ самъ не выѣзжалъ болѣе изъ виллы; прежній врачъ былъ удаленъ и вмѣсто его маркизъ отрекомендовалъ магнетизера итальянца. Люси также давалось меньше воли; она слушалась пожатія плечъ маркиза и удивляла отца своею кротостью и послушаніемъ. Старики-слуги, прибывшіе изъ Вандеи со старикомъ, были отпущены и замѣнены новыми, отрекомендованными маркизомъ; виконтъ сталъ хилѣть, и отосланный камердинеръ написалъ старшему Матчи въ Боннъ, чтобъ онъ пріѣхалъ къ отцу, который, того гляди, усыновитъ маркиза и передастъ ему все имѣніе; камердинеръ писалъ и къ Николо въ Парижъ, но письма къ послѣднему перехватывались и доставлялись маркизу. Николо Матчи другой годъ роскошничалъ въ Парижѣ, посѣщая, между прочимъ, демократическіе клубы, гдѣ брань аристократамъ была ему особенно по сердцу. Актрисы и гризетки были въ восторгѣ отъ него; нашумѣть, проѣхать верхомъ у экипажа, въ кавалькадѣ, осмѣять нахала аристократика никто такъ мастерски не могъ, какъ «le vicomte au naturel» (такъ Матчи былъ извѣстенъ между актрисами и entretenues *).

Николо нерѣдко переодѣвался туристомъ-англичаниномъ, монахомъ, обладая необыкновенною способностью мѣнять манеры, голосъ, походку, выговоръ; однажды, переодѣтый дамою, въ одномъ изъ безчисленныхъ республиканскихъ клубовъ, онъ разыгралъ роль польской княгини, сочувствующей республикѣ, такъ ловко, что члены клуба, гдѣ ораторствовалъ Матчи о своей дальней родинѣ,

*) Содержанками.

долго не хотѣли вѣрить, что это была шутка. Деньги отъ отца присылались довольно аккуратно; банкиръ виконта заплатилъ долгъ въ тысячу франковъ, сдѣланный Николо. Молодой человѣкъ торжествовалъ, не предвидя грозы, собиравшейся надъ отцовскою виллою и его собственною головою. Маркизъ изрѣдка писалъ ему, что все обстоитъ благополучно и даже обѣщалъ упросить старика усыновить Henri и Николо.

Между тѣмъ старшій братъ, получивъ письмо камердинера, собрался съѣздить въ Неаполь; ученый не столько заботился о себѣ, сколько о меньшемъ братѣ и сестрѣ, которыхъ любилъ; участь избалованной Люси, огненной по натурѣ своей, особенно безпокоила его; ему уже видѣлась мрачная будущность, пропасть, въ которую можетъ упасть дѣвочка, попавъ въ руки мошенниковъ. Кстати, онъ кончилъ свой курсъ и думалъ послушать лекціи въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Простившись съ своими наставниками, которымъ контора виконта аккуратно уплачивала условленную за ученье сумму, Henri выѣхалъ изъ Бонна и явился на виллѣ. Маркизъ не ожидалъ его пріѣзда; разсчитывая на любознательность и безпечность ученаго, погруженнаго въ свои книги, онъ думалъ, что онъ вовсе не вернется на родину. Henri нашелъ отца сильно измѣнившимся; старикъ опустился, впалъ въ дѣтство, похудѣлъ; правая рука и нога отнялись, и старика возили въ креслахъ по аллеямъ парка; Люси подросла, брала уроки у учителя одной изъ неаполитанскихъ школъ, посѣщавшаго три раза въ недѣлю виллу; дѣвочка едва узнала брата; о маркизѣ она отзывалась съ уваженіемъ и уже кокетничала передъ нимъ, понявъ, что старикъ—его игрушка. Henri оглядѣлся. Поселившись въ старомъ флигелѣ, гдѣ жилъ меньшой братъ уже съ другимъ гувернеромъ—итальянцемъ, Henri, черезъ маркиза, приглашаемъ былъ постоянно къ столу виконта; старикъ сначала прослезился, узнавъ сына, но потомъ едва удостоивалъ его отвѣта на тотъ или другой вопросъ; Henri замѣтилъ это, но молчалъ; наконецъ, онъ рѣшился приступить къ дѣлу, и приступилъ прямо, по-своему: явившись въ одно утро въ кабинетъ маркиза, онъ объявилъ ему, что если онъ не уберется въ двадцать четыре часа съ виллы, то онъ выживетъ его черезъ полицію; маркизъ отвѣчалъ сдержанно, что онъ подумаетъ и, вѣроятно, уѣдетъ, но не въ двадцать четыре часа, такъ какъ потребуется, по крайней мѣрѣ, недѣля для того, чтобы привести въ порядокъ находящіяся у него бумаги и при-

ходо-расходныя книги виконта. Henri ушелъ, и маркизъ принялся приводить въ порядокъ, вмѣсто приходо-расходныхъ книгъ, собственныя дѣла свои. Къ несчастію Henri, за мѣсяцъ до его пріѣзда, въ комнату старика-эмигранта, ночью, неожиданно ворвался калабрезецъ, братъ увезенной старымъ ловеласомъ дѣвушки; откуда взялся онъ—никто не зналъ; у входа виллы появились вмѣстѣ съ нимъ человѣкъ тридцать вооруженныхъ сорванцовъ; явившійся, заперевъ дверь, потребовалъ отъ эмигранта нѣсколько тысячъ лиръ за сестру; старикъ, лежавшій въ постелѣ, хотѣлъ позвонить, но приставленный къ груди пистолетъ заставилъ его замолчать и выдать вексель на требуемую сумму; бандитъ, положивъ вексель въ карманъ куртки и пожелавъ покойной ночи виконту, вышелъ, и ватага съ пѣснями отчалила, на разсвѣтѣ, отъ берега. Маркизъ далъ тотчасъ же знать объ этомъ въ Неаполь, но тамъ уже было не до того, чтобы преслѣдовать грабителей; король выѣхалъ изъ города, и шайки республиканцевъ, въ ожиданіи французовъ, грабили, во имя свободы, дома приверженцевъ его величества. Это происшествіе было теперь на руку маркизу: онъ, не задумываясь, объявилъ, подъ строжайшимъ секретомъ, старику, что онъ отравленъ, показавъ остатки выпитаго шеколада съ осадкомъ арсеника; ложка оставшагося завтрака была тотчасъ дана котенку, и тотъ издохъ: виконтъ, боявшійся смерти, блѣдный, принялся глотать противоядіе, а арестованный Henri отправленъ былъ, въ тотъ же день, въ тюрьму въ Неаполь; въ портфелѣ его маркизъ отыскалъ письмо изъ Франціи отъ одного изъ итальянскихъ эмигрантовъ, и молодой человѣкъ обвиненъ былъ предъ юнтою, начинавшею свои дѣйствія, въ измѣнѣ королю и отечеству. Черезъ два мѣсяца виконтъ умеръ, а маркизъ исчезъ; дѣвочку и мальчика выгналъ изъ виллы новый владѣлецъ-еврей, торговавшій винами. Henri сидѣлъ въ острогѣ. Мальчика и дѣвочку пріютила кормилица, къ которой пришли они полунагіе и голодные. Въ Неаполѣ всѣ, занятые предстоящимъ, разгорающимся день ото дня возстаніемъ, поговорили недолго объ этомъ случаѣ; всѣ обвиняли Henri. Маркизъ разсказывалъ, что виконтъ былъ вовсе не такъ богатъ и что въ послѣднее время нуждался въ самомъ необходимомъ; что онъ изъ своего кармана посылалъ въ Боннъ и Парижъ деньги сыновьямъ, и еслибы зналъ, гдѣ младшія дѣти, съ охотою пристроилъ бы ихъ, несмотря на свои скудныя средства. Затѣмъ маркизъ исчезъ изъ Неаполя, и о виконтѣ вспоминали одни, доживавшіе въ нищетѣ, чуть не подаяніемъ, свой вѣкъ, вандейцы, бывшіе слуги.

Николо, подлетѣвъ однажды утромъ, въ щегольскомъ фіакрѣ, къ дому своего парижскаго банкира, вбѣжалъ, насвистывая, на лѣстницу конторы, но сходилъ съ нея повѣся носъ и кусая ногти; ему объявили, что изъ Неаполя, изъ конторы отца, получено распоряженіе остановить выдачу денегъ по случаю кончины виконта. Молодой человѣкъ, подумавъ минуты двѣ, сѣлъ въ фіакръ и велѣлъ ѣхать къ одному изъ своихъ пріятелей-роялистовъ, жившихъ въ Парижѣ подъ чужимъ именемъ изъ боязни республиканцевъ; занявъ у него двѣ тысячи франковъ съ роспискою на банкира отца, Николо, въ тотъ же день, уѣхалъ въ Неаполь. Но тамъ если забытъ былъ виконтъ, то не забыто было имя Матчи: маркизъ постарался возвести предъ юнтою Николо Матчи въ степень опаснѣйшаго республиканца, а потому прямо съ таможни, гдѣ еще держались королевскіе чиновники подъ защитою гарнизона, Николо былъ взятъ и отправленъ въ заключеніе на одинъ изъ кораблей, такъ какъ въ тюрьмахъ не было мѣста: тысячъ до двадцати заподозрѣнныхъ уже содержалось въ Неаполѣ.

Возстаніе разгорѣлось со вступленіемъ французовъ; тюрьмы были разбиты поднявшимся народомъ, и Матчи Николо и Henri очутились на свободѣ; Henri, не зная гдѣ братья, пошатался по Неаполю и уѣхалъ во Францію искать себѣ куска хлѣба уроками или работою въ журналахъ, не переставая развѣдывать письмами, черезъ крестьянъ въ Исхіи и немногихъ знакомыхъ въ Неаполѣ, гдѣ находятся его братья и сестра; въ Парижѣ онъ сошелся съ Лагоцемъ и вмѣстѣ съ нимъ воротился въ Италію. Читатель съ нимъ еще встрѣтится не разъ на страницахъ разсказа.

Николо тоже не отыскалъ никого изъ своихъ; семья кормилицы, куда являлся онъ за свѣдѣніями, бѣжала куда-то вмѣстѣ съ другими крестьянами, испугавшимися французовъ; на отцовской виллѣ было кругомъ заперто... Николо, пѣшкомъ, отправился въ Калабрію и присталъ къ первой шайкѣ бандитовъ, прикрывавшихся знаменемъ политическихъ дѣятелей и поборниковъ свободы; нѣкоторыя изъ этихъ шаекъ дрались противъ французовъ, примыкая къ ополченіямъ, но большинство ихъ пробавлялось грабежомъ проѣзжихъ купцовъ, почты; съ мѣстными жителями сорванцы ладили и щадили ихъ. Отряды Прони, Микеле Пецца (прозваннаго Фра-діаволо) даже пользовались нѣкоторымъ уваженіемъ у простонародья; романы, оперы опоэтизировали нѣкоторыхъ изъ начальниковъ брави, какъ, напримѣръ,

Фра-діаволо; но предъ познакомившимся поближе съ ихъ похожденіями, большею частію отличавшимися невѣроятнымъ звѣрствомъ, ореолъ, созданный художниками, исчезаетъ; если и была у нѣкоторыхъ изъ нихъ доля мужества и великодушія, то она далеко не перевѣшиваетъ дикости и варварства, выглядывающихъ изъ-подъ живописнаго костюма и иногда лоска худо понятой цивилизаціи.

Николо Матчи, съ своею дерзостью и способностью, переодѣваясь жандармомъ, мужикомъ, бариномъ, водить за носъ королевскую полицію, скоро прославился между бродягами и сошелся съ Пецца; дядя, братъ матери, услыхавъ фамилію Матчи, отыскалъ его, и они зажили вмѣстѣ; удалый поступокъ дяди съ виконтомъ, разсказанный имъ племяннику въ первое же свиданіе, разсмѣшилъ Николо и сразу расположилъ его къ единственному родственнику по матери.

Маркизъ уѣхалъ въ Россію. Николо не зналъ ничего о немъ, гдѣ онъ, пока маркизъ не напомнилъ о себѣ тѣмъ, что Николо чуть было не схватили опять въ Неаполѣ въ одномъ картежномъ домѣ; заслышавъ, что англичане возвращаютъ короля, маркизъ изъ Венеціи явился въ Неаполь. Юнта работала, поддерживаемая кардиналомъ Руффо и англичанами, соединившимися во имя общей ненависти къ французамъ; король, опасаясь въѣзжать въ городъ, жилъ на англійскомъ кораблѣ; полиція работала надъ очисткою столицы отъ подозрительныхъ личностей; тридцать тысячъ было схвачено и засажено по тюрьмамъ, подваламъ и кораблямъ. Русскій адмиралъ Ушаковъ напрасно уговаривалъ англійскаго адмирала Нельсона дѣйствовать не круто; именемъ короля арестовали, судили, вѣшали, вооружая болѣе и болѣе народонаселеніе и «патріотовъ»; пользуясь ненавистью къ республиканцамъ, королевское правительство натравливало простонародье на противниковъ короля и подняло неслыханное кровопролитіе, нѣсколько сдержанное русскимъ отрядомъ, посланнымъ въ городъ Ушаковымъ. Вырвавшись изъ когтей маркиза, пожелавшаго, изъ понятной боязни, отдѣлаться, во что бы то ни стало, отъ неумолимаго врага,—Николо Матчи окружилъ своего бывшаго опекуна сѣтью своихъ агентовъ и нетерпѣливо выжидалъ, какъ тигръ, когда ему бросаютъ кролика, случая съ нимъ расправиться и узнать что-нибудь о сестрѣ и братьяхъ; онъ думалъ даже, что они давно отправлены на тотъ свѣтъ маркизомъ. Ожесточенный противъ аристократовъ и богачей, лично за себя, онъ стоялъ

на сторонѣ простонародья, считая его такимъ же обиженнымъ, какъ самъ, но сочувствовалъ французамъ, какъ разрушителямъ старыхъ порядковъ; знакомый по слухамъ съ умственнымъ направленіемъ республиканскихъ партій, онъ уважалъ въ немъ одно—это зовъ къ истребленію аристократовъ. Въ сочувствіи къ Франціи онъ расходился даже съ Пецца, съ народомъ, желавшимъ королей, и, конечно, съ Лагоцомъ, имя котораго дѣлалось болѣе и болѣе, съ каждымъ днемъ, народнымъ въ Италіи. Николо говорилъ, что онъ созданъ мстить аристократамъ, и будетъ мстить имъ съ кѣмъ угодно—съ народомъ, съ французами, съ англичанами, хоть съ самимъ чортомъ. Надломленный нравственно, онъ былъ разбитъ и тѣломъ; ночи, проведенныя за картами, виномъ, похожденія съ женщинами, драки, дуэли—взяли свое, наградивъ его злою, хотя медленною, чахоткою; нравственно онъ похожъ былъ на вѣтку шиповника, на которой обиты листья и цвѣты и остались однѣ колючки; все, что было въ немъ добраго, живаго, умерло, уступивъ мѣсто одной раздражительности и злости, ничѣмъ, и какъ будто намѣренно, не обуздываемой. Пецца выпускалъ его, какъ бульдога, заслышавъ о проѣздѣ знатнаго семейства; для Матчи эти случаи были праздниками: онъ придумывалъ каждый разъ новыя истязанія неповиннымъ жертвамъ, жарилъ на огнѣ дѣтей, женщинъ, безъ всякой причины, узнавъ, что они принадлежатъ къ знатной фамиліи; ужасы, какіе производилъ надъ этими несчастными Николо, заставили, наконецъ, самого, тоже не слишкомъ человѣколюбиваго, Фра-діаволо скрывать отъ своего товарища проѣзды знатныхъ путешественниковъ и высылать другихъ для поживы въ подобныхъ случаяхъ. Николо пьяный любилъ хвастнуть, что онъ уйдетъ къ французамъ, что у него много друзей между республиканцами и что онъ въ годъ навѣрное будетъ генераломъ, почему товарищи и Пецца прозвали его маршаломъ. «Что, mareschiallo, опять пьянъ?» спрашивалъ Пецца, едва державшагося на конѣ, каждый разъ послѣ какого-нибудь набѣга, Николо. Николо вздрагивалъ, хватался за стиллетъ, но товарищи хватали его обыкновенно за руки, и сцена оканчивалась новою попойкою, послѣ которой Матчи засыпалъ подъ столомъ, или на сѣновалѣ остеріи, гдѣ ночевала шайка. Въ Неаполѣ были у бандитовъ свои агенты, для развѣдыванія дѣйствій полиціи и юнты, казнившей то и дѣло, и нерѣдко невинныхъ, оклеветанныхъ какими-нибудь доносчиками, имѣвшими личные счеты съ заподо-

зрѣнными; бандиты являлись теперь часто въ видѣ защитниковъ невинности, отбивая у зазѣвавшейся стражи колодниковъ; народъ по деревнямъ и селамъ теперь, не столько изъ боязни, сколько изъ сочувствія къ нимъ, какъ къ своимъ защитникамъ, принималъ ихъ и укрывалъ отъ жандармовъ и другихъ преслѣдователей. Словомъ, въ южной Италіи шла сумятица; ею-то и думалъ воспользоваться, вѣроятно, маркизъ для обезпеченія себя отъ враговъ своихъ; явившись къ Руффо, благодаря браку съ русскою княжной, онъ былъ представленъ королю, адмиралу Нельсону, его любовницѣ, знаменитой Эммѣ Ліонэ, водившей за носъ адмирала; по несчастію, маркизъ задумалъ съѣздить въ Римъ за какими-то справками; его снабдили жандармами, каретою изъ придворныхъ сараевъ, но черезъ три станціи отъ Неаполя карета рухнула, а жандармы исчезли; они были, безъ церемоніи, задержаны на постояломъ, гдѣ пришлось имъ ночевать. Маркизъ, оглядѣвъ экипажъ, убѣдился, что рессоры подпилены, и струхнулъ; ѣхать назадъ въ Неаполь онъ считалъ болѣе опаснымъ; нанявъ на станціи другую карету и, чтобы замаскироваться, подобравъ спутника—монаха, ѣдущаго въ Римъ, онъ отправился далѣе, думая ускользнуть отъ разбойниковъ, между которыми, впрочемъ, никакъ не ожидалъ встрѣтить своего стараго знакомаго; бумаги поважнѣе и деньги онъ отправилъ съ почтою впередъ, а небольшую сумму, бывшую съ нимъ, думалъ отдать, буде нападутъ, безъ сопротивленія; ночью они не ѣхали, но грязь и плохія лошади заставили ихъ, на этотъ разъ, запоздать въ дорогѣ. Матчи въ первый разъ прозѣвалъ маркиза, проспавъ назначенный его помощниками часъ, пьяный, въ сосѣдней остеріи; но на этотъ разъ, какъ видѣлъ читатель, Николо былъ исправнѣе.

Образъ дѣйствій маркиза и самоуправство бандитовъ были не исключеніемъ въ страшные дни, переживаемые тогда Италіей; личные счеты, семейныя старыя ссоры, пользуясь неурядицей, не гнушались никакими мѣрами и средствами, для того чтобъ отмстить враждебной сторонѣ; доносы, клевета, удары изъ-за угла стиллетомъ—все было пускаемо въ ходъ, по свидѣтельству современнаго итальянскаго историка; рознь политическихъ убѣжденій поддавала жару людямъ, задумавшимъ сводить, въ это время, свои личные счеты; положеніе разоренной страны было страшно. Толпы поднявшагося простонародья, безъ одежды, безъ хлѣба, бродили изъ мѣста въ мѣсто, пробавляясь гдѣ подаяніемъ, гдѣ грабежомъ; личная месть, надѣвъ маску сторонни-

ка короля и порядка, злодѣйствовала, какъ мы сказали, путемъ доноса; клевета часто поневолѣ принималась за правду слѣдователями, заваленными работою, и тысячи стариковъ, женщинъ, дѣтей стонали въ тюрьмахъ, въ ожиданіи казни. Въ разоренныхъ семьяхъ простолюдинка-мать, иногда за кусокъ хлѣба, отдавала дочь-красавицу на поруганіе. Образованная молодежь, ненавидя кардинала Руффо, сдѣлавшагося викаріемъ короля въ Неаполѣ, и смѣло объявляя себя за французовъ, шла на плаху за республику. Русскіе, именно капитанъ Белле, войдя съ небольшимъ отрядомъ въ Неаполь, пытались водворить тишину, но англичане, Нельсонъ, стоявшій подъ Неаполемъ съ эскадрою, въ соединеніи съ королемъ и Руффо, дѣлали свое, продолжая преслѣдованія и увеличивая этимъ смуту. Это былъ тотъ самый Белле, о которомъ сказалъ императоръ Павелъ: «онъ меня хотѣлъ удивить, такъ и я его удивлю». Павелъ послалъ ему, состоявшему въ чинѣ капитана, аннинскую ленту.

— А не грѣхъ сдѣлать глотокъ, другой, говорилъ Матчи, потянувъ изъ фляжки, висѣвшей у него на ремнѣ.—Звѣрь красный... А, Микеле? Охота хоть куда, острилъ онъ, завертывая пробку фляги и расхохотавшись своимъ наглымъ смѣхомъ.

Стало свѣтать. Маркизъ качался на лошади, со связанными крѣпко назади локтями; ватага ѣхала то шагомъ, то рысью; лошади вязли иногда въ болотистой почвѣ. Проѣхавъ съ часъ болотами и кустарникомъ, кавалькада остановилась на дорогѣ у стоящей одиноко каменной остеріи. Пецца свистнулъ; изъ дверей остеріи вышли двое: одинъ—лѣтъ сорока, съ всклокоченною черною бородою, заспанный; другой—рыжеватый парень лѣтъ двадцати, тонкій и неимовѣрно длинный. Пецца соскочилъ съ лошади, отдалъ поводья длинному, распахнулъ плащъ и принялся разсматривать маркиза; на рябомъ, какъ вафельная доска, лицѣ его показалась нахальная улыбка; хлопнувъ по плечу, тоже спрыгнувшаго съ коня, Николо, онъ проговорилъ: «ну, поздравляю, amico... Это правда, что праздникъ тебѣ. Тебя учить нечего, но я совѣтую все-таки не торопиться и придумать угощеніе, какъ можно повкуснѣе, высокому посѣтителю». Сказавъ это, онъ прищурилъ сѣрые глаза свои, посмотрѣлъ еще разъ на истомленную, жалкую фигуру плѣнника и ушелъ въ двери остеріи. Маркизъ, конечно, и безъ этихъ словъ очень хорошо зналъ, въ какія руки попался. Одинъ изъ бандитовъ помогъ сойти плѣннику съ лошади и, обратясь къ Николо, спросилъ: «ну, mareschiallo, куда его»?

— Вотъ, дядѣ отдай... Дядя, отведи ему квартиру, отвѣчалъ Матчи, отдавая лошадь чернобородому.—А вы похорошѣли, маркизъ, прибавилъ онъ, приподнявъ за подбородокъ обнаженную голову плѣннаго, и ушелъ въ остерію.

Рыжебородый, широкоплечій бандитъ пригласилъ маркиза слѣдовать за нимъ, отворилъ ворота и повелъ на дворъ; остальные бродяги, сбросивъ вьюки съ сѣделъ на крыльцо остеріи, поѣхали куда-то дальше. Рыжебородый, между тѣмъ, введя маркиза на темный, крытый дворъ, отворилъ желѣзную дверь, заскрипѣвшую на ржавыхъ петляхъ, взялъ плѣнника за плечи и толкнулъ его. Маркизъ полетѣлъ съ каменной лѣстницы и грянулся на песокъ, не имѣя возможности помочь себѣ связанными руками. Дверь затворилась съ прежнимъ скрипомъ; плѣнникъ оглядѣлся, перевернувшись кое-какъ на спину; узкій лучъ свѣта, падавшій сверху изъ небольшаго окна съ рѣшеткою, помогъ разглядѣть ему, что онъ лежитъ въ сыромъ подвалѣ. Маркизъ зарыдалъ, поднялся на ноги, но тотчасъ опять упалъ на влажный песокъ, замѣнявшій полъ подвалу.

Рыжебородый воротился въ остерію; хозяинъ (чернобородый, вышедшій на встрѣчу пріѣхавшимъ) разводилъ огонь въ очагѣ; Пецца разбиралъ пачку писемъ, вынутыхъ изъ чемодана маркиза; Матчи лежалъ на кровати, противъ очага, и поминутно кашлялъ.

— Что, прибралъ? спросилъ онъ, улыбнувшись, увидя рыжебородаго.

— Прибралъ... Куда бы спрятать ключъ? отвѣчалъ рыжій.

— Давай сюда... я къ сердцу привѣшу, говорилъ Матчи. Онъ взялъ ключъ и привязалъ его къ кушаку ремешкомъ, на которомъ висѣлъ кинжалъ.—А надо допросить, гдѣ Люси, этотъ дьяволенокъ, и Джованни? Henri съ монахами, надо быть... Онъ былъ книгоѣдъ, ученый. Знаешь, кого бы я еще желалъ теперь имѣть у себя въ лапахъ, дядя? — Отца-покойника, виконта, говорилъ Николо, повертываясь на кровати.—Впрочемъ, ты его потѣшилъ передъ кончиною. Я не могу безъ смѣха вспомнить твоего разсказа... Вотъ, я думаю, выпучилъ глаза monsieur vicomte.. Ай дядя! Какъ это пришло тебѣ въ голову?

Рыжебородый потупилъ глаза и скромно произнесъ, разставивъ руки:

— Такъ и пришло. Стало-быть осѣнило свыше.

Матчи расхохотался; дядя былъ острякъ и гордился этимъ

Погрѣвъ у огня руки, онъ попросилъ хозяина нацѣдить ему стаканчикъ аквавитки и принялся набивать изъ кожанаго, засаленнаго кисета коротенькую деревянную трубочку.

— И получилъ сполна по векселю? продолжалъ Матчи.

— Еще бы не получить, отвѣчалъ дядя, раскуривая трубку у очага.

— Я бы, на мѣстѣ маркиза, изловилъ васъ, замѣтилъ Пецца, продолжая рыться въ чемоданахъ.—Стоило дать знать банкиру, тотъ бы арестовалъ того, кому вы продали вексель, и дѣло въ шляпѣ, а вы болтались бы на висѣлицѣ.

— А маркизъ давно бы гнилъ гдѣ-нибудь на кладбищѣ, перебилъ дядя, швырнувъ уголь съ трубки въ очагъ.—Мы вѣдь тогда оставили ему письмо, гдѣ убѣдительнѣйшимъ образомъ просили не безпокоить себя преслѣдованіемъ насъ, иначе...

— Это—другое дѣло, замѣтилъ Пецца.

— А то какъ же? проговорилъ рыжій, принимая отъ хозяина стаканъ съ водкою.—Я думаю, всякому пріятнѣе сидѣть вотъ за такимъ стаканчикомъ у огонька, чѣмъ мотаться на перекладинѣ, на утѣшеніе жандармовъ и муниципальной сволочи.

Матчи дремалъ. Пецца потѣлъ, потирая себѣ лобъ, надъ какимъ-то письмомъ, отысканнымъ въ чемоданѣ маркиза. Рыжій, потягивая аквавитку, завелъ разговоръ съ хозяиномъ, мрачнымъ, неговорливымъ человѣкомъ, судя по короткимъ отвѣтамъ на вопросы, предлагаемые собесѣдникомъ. Ружья и сабли сорванцовъ были куда-то спрятаны; на каменномъ полу грязной остеріи валялись тюки, вѣроятно награбленнаго, имущества; около стѣнъ лежали бочки; бродяги, въ своихъ намокшихъ сапогахъ и крестьянскихъ плисовыхъ курткахъ, скорѣе походили на зажиточныхъ торговцевъ скотомъ, какихъ и доселѣ встрѣчаешь въ Калабріи и около Рима, чѣмъ на грабителей.

— А пріятная погодка, проговорилъ Матчи, приподнявшись съ подушки и поглядѣвъ въ окошко, въ тусклыя стекла котораго барабанилъ дождикъ.—Неужто мы поѣдемъ, Микеле?

— Поѣдемъ... Нужно поразузнать мнѣ кое-что, отвѣчалъ Пецца, продолжая разглядывать рукопись. — Но... не разберешь ли ты? прибавилъ онъ, швырнувъ письмо съ пакетомъ на постель Матчи.—Святый Игнатій, со всѣмъ своимъ ученымъ орденомъ, запутался бы, какъ въ тенетахъ, въ этихъ каракуляхъ... Такой поганый, и навѣрно бабій, почеркъ.

Николо развернулъ письмо и, прочитавъ нѣсколько строкъ захохоталъ, повернувшись такъ, что кровать заскрипѣла.

— Не, fratelli, началъ онъ, синьоръ marchese нашъ женатъ. И это пишетъ, надо-быть, signora madre его супруги. «Мы ждемъ васъ; маркиза не знаетъ, что и думать о вашемъ долговременномъ отсутствіи». Ге, ге... Вонъ оно. «Пишите». А адресъ?... Адресъ гдѣ же? Это досадно! Подписано: «Venetia». Не сказано кому... Да какъ, кому? разсуждалъ чтецъ, перелистывая письмо. «Madame la marquise di Salma. Venetia»... Ге, ге... Микеле, вотъ, братъ, штука. Завожу переписку съ маркизою и приставляю рога маркизу. А, Микеле? Какъ ты думаешь, полюбитъ, если я, на первый разъ, пошлю ей свой портретъ въ миніатюрѣ—а? Не безобразенъ я ужь черезчуръ—а? Похожъ на селадона,—какъ по-твоему?

— На почтовую клячу больше, чѣмъ на селадона, по-моему, отвѣчалъ Пецца, подойдя къ очагу и выколачивая трубку.

Матчи принялся дочитывать письмо:

— «Наши войска отступаютъ въ Швейцарію». Какія? Русскія, стало-быть, войска? обратился къ Пецца чтецъ.

— Какъ такъ въ Швейцарію? переспросилъ Пецца, обернувшись къ чтецу.

— Ну, что-жь такое? Да... Вотъ: «en Suisse», пишетъ почтенная матрона.

— Это скверно, сгро di Вассо, замѣтилъ, нахмурясь и закуривая трубку, Пецца.—Это подлѣйшее извѣстіе, прибавилъ онъ, уставясь въ окно.

— Прекрасное извѣстіе... Съ австрійцами скорѣй управятся французы, чѣмъ съ этими медвѣдями, которые лѣзутъ прямо на пули, сдуру, и берутъ все-таки крѣпости. А бараны, народъ нашъ, имъ ревутъ: «liberatori», началъ Матчи, вскочивъ съ постели и закинувъ назадъ свои рѣдкіе бѣлокурые волосы.—Французы... Французы все-таки бьютъ аристократію, продолжалъ онъ, запустивъ руки за кушакъ и расхаживая по кабаку.—Они прогнали короля... Ты убѣдишься самъ, что всѣ эти ополченія, арматы святой вѣры—гиль....

Хозяинъ мрачно посмотрѣлъ на Матчи и улыбнулся; Пецца продолжалъ стоять противъ окна; рыжебородый попросилъ еще стаканчикъ аквавитки, допивъ послѣдній глотокъ уже поданнаго и сплюнувъ въ сторону.

— Я не знаю, почему ты противъ французовъ, Пецца, противъ свободы, противъ разума, ораторствовалъ Николо, любившій щегольнуть своею образованностью.—Я самъ не охотникъ до нихъ, но я уважаю ихъ какъ орудіе, какъ средство возстановить республику въ Италіи. Вотъ мы увидимъ, что сдѣлаетъ этотъ вождь оборванцовъ, Лагоцъ.

Грязная остерія скоро превратилась изъ разбойничьяго притона въ обыкновенный заѣзжій дворъ съ кабакомъ; толпы мужиковъ, прохожихъ и проѣзжающихъ входили и выходили въ отворенныя двери; дождь пересталъ; у крыльца стояли повозки, лошади, навьюченные зеленью, мѣшками ослы. Народъ толковалъ, собравшись кучками, на площадкѣ передъ остеріею. Двое, судя по костюму, купцовъ бранились съ ветуриномъ, насажавшимъ въ ветуру, вмѣсто четырехъ, чуть не дюжину пассажировъ; ветуринъ защищался, задавая корму лошадямъ, и увѣрялъ, что добавочные пассажиры изъ одного съ нимъ города и даже состоятъ съ нимъ въ свойствѣ, какъ будто купцамъ въ ветурѣ могло сдѣлаться отъ этого просторнѣе; чернобородый, молчаливый хозяинъ едва успѣвалъ, при помощи рыжаго, длиннаго работника, разносить фляжки мѣстнаго (nostrale) кислаго вина и рѣзать кусочки лошадинаго сыра, все прибывавшимъ, посѣтителямъ. Матчи улегся опять, какъ дома, на кровать и скоро захрапѣлъ; Пецца ушелъ въ чуланъ и улегся тамъ; рыжебородый, сидя у очага и потягивая водку, дружелюбно разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ посѣтителей; проѣзжіе толковали, большею частію, о ярмаркѣ, куда пробирались они—кто за покупками, а кто съ намѣреніемъ сбыть куль овса, мѣру каштановъ, французскій солдатскій мундиръ, ружье и саблю, гдѣ-то и какъ-то пріобрѣтенные; другіе ѣхали и шли просто послушать новостей, стекающихся, какъ извѣстно, со всѣхъ концовъ на сельскій рынокъ, и проиграть полсотенки байоковъ въ лоттерею съ соблазнительною афишею: «пятьдесятъ лиръ за полбайока». Въ числѣ путешественниковъ были и путешественницы, большею частію беззубыя старухи, съ узлами тряпья, связками чулокъ, синихъ фуфаекъ и корзинами какихъ-то травъ, плодовъ и овощей. Нѣсколько зажиточныхъ крестьянъ, продавцовъ овса и ячменя, усѣвшись у крыльца за столикомъ, толковали о предстоявшихъ барышахъ, потягивая вино и покуривая трубочки.

— А правда ли, что патрона смѣнили въ Неаполѣ, fra? спро-

силъ одинъ изъ зажиточныхъ, обращаясь къ монаху, стоявшему опершись на палку, не подалеку отъ стола.

— Правда, отвѣчалъ, зѣвая, монахъ.

— Какого патрона? спросилъ одинъ изъ крестьянъ, остановившись на крыльцѣ и дожевывая кусокъ сыра.

— Какого?... Сенъ-Дженаро. Выбрали, вѣдь никакъ, святаго Антонія? Такъ, padre? отозвался зажиточный.

Монахъ утвердительно кивнулъ головой и опять зѣвнулъ во весь ротъ.

— Сенъ-Дженаро, заговорила сердито старуха, сидѣвшая на крыльцѣ и перевязывавшая свой узелъ;—Сенъ-Дженаро надо было давно смѣнить. Зачѣмъ онъ пустилъ въ Неаполь французовъ?.. Ну, зачѣмъ? Смѣнили... По дѣломъ ему, говорила старуха, хлопнувъ костлявою рукою, для чего-то, по узлу и поправивъ, чуть не слетѣвшую при этомъ, головную косынку.— Попробуй-ка они придти при святомъ Антоніи....

— А что-жь? И при Антоніи придутъ, замѣтилъ, доѣдавшій сыръ, крестьянинъ.

— Нѣтъ не придутъ при этомъ, при святомъ Антоніи, сердито продолжала почитательница новаго патрона.—Этотъ шутить не любитъ. Это не Сенъ-Дженаро. Этотъ ихъ такъ шугнетъ, что полетятъ штиблеты съ французской погани. Я знаю хорошо святаго Антонія. Онъ вѣдь у насъ въ деревнѣ.... нашъ патронъ. Мы его знаемъ, святаго-то Антонія.

Крестьянинъ не возражалъ и ушелъ къ своему ослику; старуха, кряхтя и охая, взвалила узелъ за спину и потащилась по грязной дорогѣ, продолжая бормотать: «нѣтъ, этотъ... Это не Сенъ-Дженаро... У этого запляшутъ окаянные... Святый Антоній имъ не спуститъ... Этого будутъ помнить... Кто другой, а мы вѣдь не сегодня родились, знаемъ святаго-то Антонія...»

Патронъ города былъ дѣйствительно замѣненъ, по желанію народа, святымъ Антоніемъ; духовенство, экспатрировавъ святаго Яннуарія, провозгласило Антонія покровителемъ Неаполя.

Часу въ девятомъ остерія опустѣла; Матчи съ рыжебородымъ ходили въ подвалъ къ маркизу; что происходило тамъ—не извѣстно; до проходившаго мимо хозяина, сквозь немного притворенную дверь, донесся раза два звукъ, похожій на производимый здоровою пощечиной, и вслѣдъ за нимъ слабый стонъ. Хозяинъ мало обратилъ на это вниманія и продолжалъ отмѣ-

ривать овесъ для лошадей удалыхъ своихъ постояльцевъ; онъ даже улыбнулся, когда Матчи съ дядею вышли, наконецъ, изъ подвала, и, обернувшись къ нимъ, произнесъ, разставивъ руки: «а плюхи двѣ, corpo di Вассо, были здоровыя». Рыжебородый разсмѣялся и, отнеся въ подвалъ сыръ, хлѣба и фляжку вина и хлопнувъ по плечу, сидѣвшаго около ясель, племянника, проговорилъ: «да полно горевать... Найдутся. А и не найдутся, что-жь дѣлать? Всѣ умремъ. Пойдемъ-ка лучше выпьемъ». Николо вскочилъ и, опершись на дядю, вздохнулъ и сказалъ: «жаль дьяволенка мнѣ; дѣвчонка пропадетъ. Огонь, бѣдовая, а умная». Черезъ полчаса Матчи былъ пьянъ, какъ стелька, и храпѣлъ на сѣновалѣ постоялаго двора.

Около полудня Пецца сидѣлъ на вороном, косматомъ конѣ; Матчи, выспавшись и подкрѣпившись стаканомъ аквавитки, влѣзъ на свою рыжую, сухопарую лошадь и выѣхалъ вслѣдъ за Микеле на дорогу; рыжебородый стоялъ съ трубочкою на крыльцѣ и, посматривая на отъѣзжающихъ, объяснялъ хозяину остеріи происхожденіе и свойства сухопараго коня племянника:

— Мать заплачена была не дешево. Онъ, съ виду, вишь какой одеръ, а скачетъ — не догонитъ пуля, говорилъ рыжебородый, прижимая загорѣлымъ большимъ пальцемъ пепелъ въ своей деревянной носогрѣйкѣ.—Лошадь—огонь; чортъ, а не лошадь, продолжалъ онъ, поглядывая на удаляющихся рысью всадниковъ.

— А припадаетъ все-таки, гляди, на правую ногу, замѣтилъ хозяинъ, уходя въ дверь кабака.

— Ни-ни... Нисколько не припадаетъ, возразилъ рыжій, не замѣчая, что слушатель давно ушелъ.—Я дамъ себя повѣсить, если эта лошадь припадаетъ на ногу,—прибавилъ онъ и, увидя, что хозяина нѣтъ, поплелся, нѣсколько пошатываясь, въ остерію.

Погода разгулялась; день былъ однако сѣрый; по небу бродили облака; солнце, изрѣдка и не надолго выглянувъ изъ-за нихъ, снова скрывалось, будто играя въ прятки съ землею. Верстахъ въ пяти отъ остеріи, въ стоявшую одиноко на горѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ небольшой деревни, церковь возвращалась процессія: женщины и дѣвушки, въ бѣлыхъ расшитыхъ платкахъ на головѣ и кружевныхъ фартукахъ, несли иконы; два патера,—одинъ толстый и краснолицый старикъ, другой высокій, молодой, съ потупленными долу очами,—шли въ облаченіи передъ процессіей; два мальчика въ красныхъ

стихаряхъ, показывая другъ другу языки, несли шандалы съ потухшими свѣчами; сзади валила громадная пестрая толпа крестьянъ, крестьянокъ и оборванныхъ мальчишекъ; нѣсколько богомольцевъ и богомолокъ стояло на колѣнахъ подлѣ дороги; по лугу, около деревни, были раскинуты шатры, украшенные зеленью и флагами, и стояли подвижные, на двухъ колесахъ, магазины съ платками, лентами, войлочными шляпами, сапогами, ожерельями изъ бусъ, шитыми серебромъ корсетами, какіе носятъ доселѣ, сверху платья, крестьянскія дѣвушки въ Италіи; низенькій, плѣшивый, совершенно круглый лекарь-шарлатанъ разставлялъ въ своей подвижной аптекѣ баночки и стклянки съ притираньями, дающими необычайную свѣжесть лицу, и элексирами отъ ревматизма и другихъ немочей, «удручающихъ», какъ гласила безграмотнѣйшая афиша, «человѣка на пути земнаго его странствія»; на каменномъ, высокомъ крыльцѣ одного изъ домовъ моталось громадное полотно съ надписью: «лоттерея»; кучки старухъ, толпившихся около крыльца, протягивая костлявыя руки съ мѣдными монетами, обращались съ криками: «biletti» къ пожилому господину въ парикѣ и свѣтло-зеленомъ фракѣ, суетившемуся около колеса и ящика; дѣвочка, лѣтъ шести, одѣтая въ измятое, засаленное кисейное платьице, предназначенная, вѣроятно, для выниманія счастливыхъ и несчастливыхъ жребіевъ, сидѣла на плетеномъ стулѣ подлѣ кассы, доѣдая черствый ломоть хлѣба съ сыромъ и созерцая толпу своими черными глазами; у домовъ и около палатокъ толпились верховыя лошади, ослы, каретинки и просторныя ветуры пріѣзжихъ гостей; процессія исчезла въ широкихъ дверяхъ церкви; толпа надѣла шляпы и, раздѣлясь на кучки, побрела къ ярмаркѣ.

Пецца и Матчи шагомъ подъѣзжали къ палаткамъ. Микеле раскланивался, отвѣчая на поклоны нѣкоторыхъ изъ крестьянъ и торговцевъ; двоихъ изъ хозяевъ шатровъ даже спросилъ онъ: «come sta?» На что послѣдовалъ отвѣтъ: «ma come?! Такъ себѣ... Ни худо, ни хорошо; такъ, понемногу, синьоръ Микеле». Спрошенные боялись, какъ видно, отвѣтить прямо, что дѣла хороши, изъ уваженія къ ремеслу, внимательнаго къ нимъ, знакомца. «Ecco i bravi», шептали попадавшіяся дѣвушки, поглядывая искоса на бандитовъ, важно, молодецки подбочась, пробирающихся шажкомъ черезъ толпу на своихъ взмыленныхъ, храпящихъ коняхъ.

— Это не брави; это скупщики быковъ, возражала какая-нибудь изъ подругъ.

*

— Ну, нѣтъ, не скупщики.... Гляди—серебряные пистолеты... Нѣтъ, ужь не скупщики.... спорили дѣвушки, не совсѣмъ хладнокровные къ удальцамъ, о вѣжливости и отважныхъ подвигахъ которыхъ такъ много имъ разсказывали и разсказываютъ матери и бабушки.—У скупщиковъ нѣтъ такихъ красивыхъ кушаковъ, а fazzoletta *) вонъ на молодомъ.... Такой красивой fazzoletta не надѣнетъ скупщикъ..

— Это брави, щебетала одна изъ крестьянокъ, ударивъ букетомъ по плечу, идущую съ ней рядомъ, подругу.—И молодой какой!... добавила она; и, вѣрно, въ юномъ воображеніи потомъ возстала цѣлая картина живописныхъ похожденій удальца, нисколько не похожихъ, разумѣется, на грустное прошедшее истасканнаго, полупьянаго Николо Матчи.

Соскочивъ съ сѣделъ и отдавъ лошадей подбѣжавшему мальчишкѣ, Пецца усѣлся съ своимъ спутникомъ за отдѣльный накрытый столикъ, подлѣ каменной одно-этажной тратторіи, набитой биткомъ горланившимъ народомъ; camerieri подбѣгали къ столикамъ, разставленнымъ на дворѣ, сновали на крыльцо и съ крыльца съ дымящимися порціями макаронъ, говядины con patate, testa di mongana и другими обычными въ сельскихъ итальянскихъ гостиницахъ яствами; хозяинъ тратторіи, высокій, толстый человѣкъ въ какомъ-то сизомъ полуфракѣ, снявъ феску и погладивъ потную лысину, расшаркался съ Микеле, какъ съ знакомымъ, величая его черезъ слово «signore cavaliero». Пецца держалъ себя съ достоинствомъ, раскланиваясь съ отвѣшивающими ему поклонами прохожими, какъ раскланивается богачъ-помѣщикъ съ поселянами-сосѣдями.—«Ну, что, вымѣнялъ лошадь, amico? Сошлись съ Баттистомъ. Ге»? удостоивалъ онъ вопросомъ нѣкоторыхъ. Крестьянинъ отвѣчалъ; Микеле обращался къ другому, не дослушавъ отвѣта перваго; Матчи, потягивая вино, читалъ засаленный листокъ «Coriere di Napoli». «Микеле Пецца».... шептали незнакомые, проходя мимо стола и косясь на знаменитаго бандита. Безчисленные разсказы, съ преувеличеніями и искаженіями, о его подвигахъ уже начинали ходить по всей Италіи; жители мелкихъ мѣстечекъ и деревень, слушая былины о томъ, какъ жегъ одного синьора на огнѣ, битыхъ два часа, Фра-діаволо, побаивались не на шутку славнаго разбойника, плохо надѣясь на защиту

*) Платокъ.

мѣстныхъ властей, безсильныхъ при всеобщей неурядицѣ. Пецца зналъ это и съ нахальною важностью посматривалъ на толпу, покуривая caporale изъ своей короткой трубочки; въ толпѣ было нѣсколько переодѣтыхъ изъ его шайки; продавая ружье, платокъ, лишнюю лошадь, бандиты разузнавали, нѣтъ ли жандармовъ въ окрестностяхъ, не ѣдетъ ли зажиточный торгашъ съ мѣшкомъ, туго набитымъ старыми червонцами. Вышедшій съ гостями, послѣ сытнаго завтрака, изъ своего дома толстый патеръ тоже приподнялъ легонько шляпу, проходя мимо стола, гдѣ сидѣлъ Пецца. «Храбрый народъ и... и, какъ хотите, amatori dell'Italia», произнесъ довольно громко святой отецъ, ощупывая мѣшокъ съ нынѣшнимъ сборомъ, лежавшій у него за пазухой.

— Здравствуй, Микеле, проговорилъ высокій, мрачный человѣкъ съ палашомъ у бедра и съ бѣлымъ полотнянымъ крестомъ на шляпѣ.

— Э... Ты откуда? спросилъ Пецца, протянувъ ему руку.

— Я?... Изъ Анконы, отвѣчалъ мрачный.

Читатель видѣлъ его мелькомъ у Лагоца.

— Ну, что тамъ?

— Скверно, отвѣчалъ мрачный, сѣвъ на порожній стулъ.

— Гдѣ Лагоцъ? спросилъ Пецца.

— Онъ тамъ... Его чуть не взяли въ плѣнъ французы... Раненъ.

— Жаль, произнесъ Матчи, вскинувъ голову и отшвырнувъ газету

— Что «жаль»? спросилъ знакомый Пецца.

— Жаль, что не взяли... Это фантазёръ, полоумный... Чего онъ хочетъ? Что онъ сдѣлаетъ съ этими баранами, отвѣчалъ Матчи, указавъ головою на толпу.

Мрачный смѣрялъ своими впалыми глазами съ ногъ до головы Николо и молча началъ набивать изъ кисета свою маленькую трубочку. Пецца сложилъ на груди руки и проворчалъ: «предатели найдутся; французы хорошо заплатятъ за его голову». Мрачный закурилъ трубку и отвернулся въ сторону. Матчи болталъ на ту же тему. Пецца, посмотрѣвъ на пистолетъ, выглядывавшій изъ-за кушака, посовѣтовалъ ему быть осторожнѣе и помолчать. Николо всталъ и, надѣвъ шляпу, вмѣшался въ толпу; онъ зналъ, что Пецца не задумается влѣпить ему пулю въ лобъ или распороть грудь турецкимъ, неразлучнымъ съ

нимъ, кинжаломъ. Мрачный, нагнувшись къ Пецца, спросилъ, кивая на Николо: «кто это»?

— Это одинъ пріятель мой, знакомый..... помѣшанный на Франціи, отвѣчалъ Пецца.—А ты куда отсюда?

— Не знаю, отвѣчалъ мрачный и опять сердито отвернулся въ сторону.

— Неужто свои продали? спросилъ послѣ короткой паузы Микеле.

— Свои.... По намъ стрѣляли... отвѣчалъ мрачный, вставъ со стула.—Ну, однако, прибавилъ онъ, протянувъ руку Пецца.

— Куда же ты?

— Нужно... Пора въ дорогу... Меня ждетъ не подалеку тутъ попутчикъ, отвѣчалъ мрачный.

Пецца хотѣлось разузнать многое отъ встрѣтившагося знакомца, но тотъ отдѣлывался такими двусмысленными отвѣтами, что трудно было изъ нихъ понять что-либо. Пецца дрался раза два-три съ калабрезцами противъ французовъ и съ тѣхъ поръ считалъ себя однимъ изъ важныхъ борцовъ за свободу родины и глубокомысленнымъ политикомъ. Поглядывая на бѣлый крестъ на шляпѣ пріятеля, обозначавшій принадлежность его къ священной рати кардинала Руффо, заподозрѣнной въ сочувствіи дворянству, онъ, наконецъ, спросилъ:

— Однакожь, какъ ты не боишься носить явно этотъ знакъ? Народъ не очень жалуетъ васъ, поборниковъ дворянскихъ привилегій.

— Я сниму этотъ знакъ и отдамъ въ руки самому кардиналу, сердито отвѣчалъ мрачный.—Онъ обманулъ насъ всѣхъ... Armata собралась, не зная вовсе, что онъ стоитъ за nobili... Кардиналъ—хамелеонъ, а я не мѣняю цвѣта ни лѣтомъ, ни зимою... Я трусомъ не бывалъ, и если я разъ надѣлъ его, то и буду носить, закончилъ онъ, взявъ подъ мышку палашъ.—Addio.

Сказавъ это, мрачный исчезъ въ толпѣ. Пецца допилъ стаканъ и, закуривъ новую трубку, продолжалъ разсматривать толпу; подлѣ лоттереи какая-то старуха рвала на мелкіе куски билетъ съ криками:

— Подлецы, предатели! Я бы ихъ перевѣшала на мѣстѣ короля... Это—обманъ, мошенничество, а не лоттерея.

Обступившая старуху толпа хохотала; господинъ во фракѣ, продолжавшій стоять у кассы, обращаясь къ толпѣ съ крыльца, говорилъ:

— Вы видѣли, signori, что обмана нѣтъ... Вотъ человѣкъ предъ вами, выигравшій двѣсти скуди, говорилъ онъ, указывая на здоровеннаго мужика въ бѣлой рубахѣ, почтительно раскланивавшагося съ крыльца, для чего-то, съ публикою.

Влѣво отъ лоттереи, подлѣ театра маріонетокъ, стояла плотная кучка крестьянъ и женщинъ, потѣшаясь сценою, изображавшею битву калабрезца съ французомъ; калабрезецъ дулъ, разумѣется, республиканца нещадно палкою, причемъ высокій киверъ, къ удовольствію толпы, то и дѣло слеталъ съ каррикатурной головы француза; мѣстами въ толпѣ, люди, вѣроятно болѣе склонные къ глубокомыслію, судили о политикѣ:

— Нѣтъ, еслибы не воротили отъ Рима калабрезцовъ, дѣло бы пошло лучше; они дрались какъ львы, хоть бы на фортѣ Vigliena въ Неаполѣ, signori, говорилъ хозяинъ трактира, вытирая потъ съ своего круглаго лица и поглядывая на кучку подпившихъ калабрійцевъ, стоявшую не подалеку, въ коричневыхъ курткахъ своихъ, съ трубками.

— И калабрезцы ничего не сдѣлаютъ, когда... возразилъ длинный и сухой, какъ палка, сердитый старикъ, въ длинномъ суконномъ сюртукѣ и въ соломенной, потемнѣвшей отъ времени и дождей, шляпѣ.

— Что же, «когда»? спрашивалъ, пріосанясь, трактирщикъ.

— А тоже... Нельзя здѣсь говорить, а..., отвѣчалъ длинный, нюхая табакъ.

— Почему же нельзя? допрашивалъ хозяинъ тратторіи, кидая успокоивающіе взгляды на окружающую спорившихъ толпу, какъ бы желая выразить: «здѣсь, кажется, все честные люди».— Почему же?

— А потому, что... Вотъ почему, отвѣчалъ осмотрительный худощавый и, положивъ табакерку въ карманъ, неожиданно повернулся и зашагалъ по направленію къ маріонеткамъ.

— Вотъ странный человѣкъ, замѣтилъ, разставивъ руки, содержатель тратторіи.—Нужно же объяснить... Нельзя—и баста... Престранный человѣкъ... Вотъ вы и спорьте съ такимъ удивительнымъ человѣкомъ, опять обратился онъ къ окружающей толпѣ, подвинувшейся-было ближе, чтобъ яснѣе слышать рѣчь политиковъ.

— Un poeto! крикнулъ кто-то вдали.

— Poeto, poeto! подхватили въ толпѣ... Импровизаторъ.

— Poeto... А..., проговорилъ Пецца.—Хозяинъ, получи...

Послушаемъ, что за poeto, окончилъ онъ съ ироническою усмѣшкою.

Швырнувъ, подскочившему съ поклонами, хозяину червонецъ, Микеле всталъ, обдернулъ свою куртку и неторопливо пошелъ за толпою, валившею съ словами: «improvisatore... Пусть споетъ... Послушаемъ... Гдѣ, гдѣ онъ»?—Толпа робко раздвинулась, увидя шагающаго важно, съ своею трубкой, Пецца. «Не безпокойтесь», обращался къ приподымавшимъ шляпы Пецца, выбираясь однако напередъ, гдѣ на опрокинутомъ чанѣ сидѣлъ широкоплечій человѣкъ въ рубахѣ и, оглядывая публику, строилъ гитару. «На стулъ... Не видно... Дайте ему стулъ»! кричала толпа. Кто-то притащилъ стулъ; поэтъ, уставивъ его на импровизованной сценѣ, сѣлъ и послѣ прелюдіи- запѣлъ баритономъ, акомпанируя себѣ гитарою... Толпа подвинулась поближе къ чану. Поэтъ усилилъ голосъ и запѣлъ:

«Una nube nera viene
L'Italiano ciel scurar!
Ma non fulmini,—catene
Traditrice, vuol gettar!

—

Già al Tibro sta, pestando
Del nemico il corsier,
E sul foro venerando,
Già si spilga, sventolando,
La bandiera stranier!

—

Non amplesso piu fraterno,
Non la gioia famigliar!
Ma calunnia, ma scherno,
S'ode come nell'averno,—
Le catene strascinar!

—

Dell' amor fraterno priva
Già non vuol fruttar il suol!
Ov' il canto si sentiva—
Delle tombe muto duol!

—

Libertà! il raggio santo
Spegni tu dov'è furor!
Madre bella! Tu nel pianto
Vivrai secoli ancor!

—

Тучей черною измѣна
Надъ Италіей плыветъ,
Ей оковы вражья плѣна,
Будто молніи, несетъ.

—

Конь пришельца мнетъ копытомъ
Тибра славные брега,
И надъ форумомъ маститымъ,
Дѣдомъ, внуками забытымъ,
Знамя высится врага.

—

Не согрѣтая любовью,
Не даетъ плодовъ земля,
И пустѣютъ, братней кровью
Обагренныя, поля.

—

Вмѣсто мирнаго объятья,
Слезъ и искреннихъ рѣчей,
Клевета въ семьѣ, проклятья,
Звонъ предательскихъ цѣпей.

—

Нѣтъ, лучу святой свободы
Въ домѣ гнѣва не сіять!
Bella madre, знать не годы,
А вѣка тебѣ стенать!..

— E vero... Non e vero... Viva il re!.. Виватъ республика!.. Долой... Bravo, poeto.... E vero... Правда! загамѣла толпа, когда импровизаторъ, допѣвъ послѣдній куплетъ, сталъ спускаться съ возвышенія.—E vero, громко произнесъ Пецца, выбираясь изъ толпы къ лошади, которую вывелъ на дорогу трактирный мальчишка. «А что?—Ну, кто измѣнники? Скажешь: не вы? Ну?» наступалъ одинъ изъ калабрезцевъ на широкоплечаго мужика съ купленною имъ только-что косою на плечѣ.—«Ну?»...

— Muojano i traditori! оралъ кто-то громовымъ голосомъ въ толпѣ...—E vero, poeto... Non e vero... Это измѣнникъ. Бей ихъ! гамѣла толпа.

Грянулъ ружейный выстрѣлъ, сверкнуло нѣсколько ножей; народъ заревѣлъ какъ дикій звѣрь, и началась общая свалка. Николо хохоталъ, сидя, въ сторонѣ отъ толпы, на своей рыжей лошади. «Бей ихъ! Бей ихъ измѣнниковъ,—кричалъ народъ,—«грабителей...» Человѣкъ двадцать калабрезцевъ, прижав-

шись къ одному изъ домовъ, выстрѣлили раза два изъ пистолетовъ и кинулись въ толпу съ кинжалами. «Бей... Зажигай деревню!»—Гдѣ-то рыдала женщина. Купцы проворно завѣсили свои палатки; патеръ бѣгомъ пустился къ своему дому; трактирщикъ кричалъ прислугѣ, чтобы затворяли трактиръ. Хозяинъ лоттереи исчезъ съ крыльца съ своею кассою, оставивъ дѣвочку у колеса; малютка рыдала на голосъ, прижавшись въ уголъ балкона. Драка усилилась.

— Ну, не бараны ли? обратился съ хохотомъ Николо къ Пецца, влѣзавшему на своего коня.—Что онъ такое спѣлъ имъ? Я не слыхалъ... Мы играли въ кости съ однимъ изъ торгашей, и, чортъ бы его взялъ, онъ-таки порядкомъ меня обчистилъ...

Микеле проворчалъ что-то сквозь зубы, повернулъ лошадь и поѣхалъ шагомъ по дорогѣ.

— Николо! Ты? спросилъ высокій, широкоплечій человѣкъ, завернутый въ черный, изодраный плащъ.

— Я, я—Николо... А что? спросилъ, обернувшись къ подошедшему, Николо.—Какъ? Henri... Ты это?

Но въ это время трое калабрезцевъ на лошадяхъ, вырвавшись изъ толпы, чуть не сшибли съ ногъ его рыжаго коня. Одинъ изъ налетѣвшихъ, вытянувъ Николо хлыстомъ по шляпѣ, захохоталъ и поскакалъ во весь опоръ прямо кустарникомъ.

— Это что? Нѣтъ, я тебя достану, негодяй, вскричалъ озадаченный Николо.

Поправивъ сдвинутую на сторону шляпу, онъ понесся за обидчикомъ, пустилъ ему въ догонку два выстрѣла, но пуля не попала въ калабрезца; онъ исчезъ, вмѣстѣ съ своими спутниками, подъ горою. Николо вернулся; драка еще шла; толпа крестьянъ тащила по землѣ чей-то трупъ и кричала: «бей, рѣжь ихъ, предателей».

— Гдѣ этотъ... вотъ въ плащѣ, что сейчасъ меня окликнулъ? обратился Николо къ Пецца, наблюдавшему съ дороги свалку.

— Кажется, вонъ по дорогѣ пошелъ, отвѣчалъ Пецца.—Это поэтъ, импровизаторъ...

Николо сунулся въ толпу на лошади, оглядѣлся и, не сыскавъ чернаго плаща, пришпорилъ лошадь и понесся по дорогѣ. Пецца съ видомъ знатока, покуривая трубку, любовался побоищемъ; иногда, приподнимаясь на стременахъ, онъ подавалъ даже совѣты бойцамъ: «зачѣмъ стрѣлять? Ножомъ его или прикладомъ... Вотъ такъ... Стоитъ ли тратить порохъ для всякой сволочи».

IV.

Катеневъ, какъ знаетъ уже читатель, вернулся въ главную квартиру; недѣли двѣ лежалъ онъ съ увязаннымъ лубками лѣвымъ плечомъ, поврежденнымъ не сильно, по счастію, скользнувшею пулей. Не столько, кажется, искусству русскаго врача, сопровождавшаго эскадру, страстнаго любителя пикета и шахматовъ, сколько молодости и природѣ обязанъ онъ былъ тѣмъ, что въ такой короткій срокъ плечо зажило, и прапорщикъ, произведенный, по возвращеніи въ армію, въ подпоручики, сбросилъ повязку съ руки и хотя и съ болью еще, но владѣлъ ею какъ правою: въ петлицѣ у него висѣлъ Георгій, на который подпоручикъ, снимая и надѣвая мундиръ, смотрѣлъ не безъ удовольствія; съ полученнымъ отъ маркизы письмомъ влюбленный юноша не разставался, перечитывая и разсматривая его, въ свободныя минуты, съ чувствомъ похожимъ нѣсколько на то, какое испытываетъ сановникъ, перечитывая въ десятый разъ рескриптъ, гдѣ говорится о его «полезной и неутомимой дѣятельности». Маркиза какъ ни тщательно затушевала слово «твоя», но глазъ влюбленнаго добрался-таки, сквозь тонкіе и частые штрихи, до буквъ и прочиталъ, запрятавшееся подъ рѣшетку, словно шалунъ-дитя подъ кресла, слово; юный герой держалъ себя бодрѣе, хотя не думалъ ничего предпринимать; ему довольно было знать, что его любятъ; «а любитъ», думалъ юноша, «хотя и пишетъ *другъ твой*; но нельзя же ей мнѣ кинуться на шею... Нѣтъ, видно это вѣдь, что любитъ», продолжалъ фантазировать новоиспеченный подпоручикъ, чертя укрѣпленія, или переводя нѣмецкій рапортъ, присланный фельдмаршалу. Лагоцъ, прощаясь, просилъ Катенева не забывать его; раненые, они дня три лежали вмѣстѣ въ городкѣ и даже въ одной комнатѣ (Лагоцъ былъ легко раненъ въ ногу), но боль плеча и поминутные посѣтители генерала помѣшали Катеневу распросить, какъ ему ни хотѣлось, народнаго вождя о его прошломъ. Объ измѣнѣ онъ разъ спросилъ Лагоца: «правда ли, что его чуть не отдали свои французамъ», но Лагоцъ отвѣчалъ, что это—пустые слухи и измѣны никакой не было. Ратмановъ уѣхалъ на другой день приступа къ эскадрѣ, откуда прислалъ

тотчасъ же русскаго врача; Джованни и ротмистръ не отходили отъ подпоручика; первый бѣсилъ Аѳанасья, прыгая ему на плеча и разъ разсыпавъ табакъ изъ табакерки дядьки; впрочемъ Аѳанасій хоть и бранилъ его чертенкомъ, но полюбилъ за участіе и вниманіе къ барину. До Фано ѣхалъ Катеневъ на русскомъ военномъ суднѣ. Жизнь подпоручика опять потекла по-старому; только теперь его не откомандировывали, а заставляли работать въ канцеляріи фельдмаршала, подъ руководствомъ иногда кого-нибудь изъ адъютантовъ, иногда Фукса, секретаря Суворова.

Тридцать перваго августа русская армія, утромъ, въ семь часовъ, потянулась изъ Тортонской, только-что взятой, цитадели къ С.-Готарду. Читатель пусть не ждетъ подробныхъ реляцій о побѣдахъ и передвиженіяхъ.. . Разскащику болѣе дороги душевныя побѣды и движенія изображаемыхъ лицъ; о нихъ-то, чтобъ остаться вѣрнымъ своей задачѣ, и поведетъ онъ, какъ съумѣетъ, рѣчь. Прощаясь съ австрійскимъ войскомъ, Суворовъ обратился къ нему съ послѣднимъ приказомъ; мы приведемъ нѣсколько строкъ изъ него; «желаю увѣрить всю армію», говорилось въ приказѣ, «въ моемъ неограниченномъ уваженіи,—увѣрить, что не нахожу словъ, чтобы выразить вполнѣ, сколько я доволенъ всѣми и сколько сожалѣю о разлукѣ съ такимъ благоустроеннымъ и неустрашимымъ войскомъ. Никогда я не забуду храбрыхъ австрійцевъ, которые почтили меня своею довѣренностію и любовью,—воиновъ побѣдоносныхъ, содѣлавшихъ и меня побѣдителемъ». Разлука была трогательная. Позабывъ все, Суворовъ плакалъ, обнимая сослуживцевъ. Край, Цахъ, Карачай тоже плакали. Представивъ всѣхъ къ наградамъ, фельдмаршалъ писалъ къ императору Францу, что утвержденіе наградъ сочтетъ онъ личною, ему самому оказанною, милостью. Такъ разстался Суворовъ съ австрійцами.

Садясь съ Милорадовичемъ въ коляску, фельдмаршалъ перекрестился и произнесъ:

— Когда сюда я ѣхалъ, помнишь ты, читалъ: «да будетъ воля Твоя»; теперь, слава Богу, довелось прочесть, мнѣ грѣшному: «и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ»:

— Ваше сіятельство пропустили: «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь», замѣтилъ Милорадовичъ.

Фельдмаршалъ разсмѣялся и всю станцію толковалъ: «помилуй Богъ, ты правду сказалъ, Миша; славы много, а фуражу бо-

гатырямъ не хватитъ, врядъ ли хватитъ до Беллинцоны. Суворовъ часто выходилъ изъ экипажа и ѣхалъ версту-другую верхомъ на казачьемъ конѣ, разговаривая съ солдатами; день былъ пасмурный; почти непрерывно моросилъ дождь. Катеневъ, ѣхавшій за коляской Суворова въ одной изъ повозокъ, оказавшейся лишнею для походной канцеляріи, тоже выходилъ и шелъ иногда пѣшкомъ, вслушиваясь въ рѣчи фельдмаршала.

Вдумываясь въ положеніе героя и увидя, какъ онъ расплатился и расплачивается съ врагами, молодой человѣкъ бодрѣе какъ-то несъ грузъ собственнаго своего горя. «Что-жь оно», невольно думалось ему, «предъ этимъ положеніемъ одинокаго старца, страдающаго не за одного себя, а за весь этотъ бѣдный, полуголодный и полуодѣтый, безотвѣтный людъ, ввѣряющій его могучей волѣ жизнь и смерть свою?»—Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе влюблялся онъ въ великаго старца, считая счастливымъ тотъ день, когда удавалось слышать отъ него привѣтливое слово или поцѣловать его худощавую руку.

Подъѣзжая къ одной изъ станцій, подпоручикъ отпустилъ свою бричку и пошелъ пѣшкомъ до станціи; по дорогѣ тянулась баттарея: худыя, разбитыя лошади едва плелись по песчаной дорогѣ и поминутно вставали.

— Не замай ихъ вздохнутъ.... Дай имъ маленько отдышаться, покрикивалъ чей-то, знакомый подпоручику, сиплый голосъ.

Катеневъ догналъ орудія и увидалъ Сергѣева: онъ стоялъ въ изношенной эпанчѣ на краю дороги и заботливо поглядывалъ то на хвостъ, то на голову идущей мимо баттареи.

— Петръ Тимоѳеичъ! Вы? спросилъ онъ, увидавъ Катенева и обнаживъ улыбкою рядъ своихъ неровныхъ и неказистыхъ зубовъ.

— Я.... Здравствуйте.

Они обнялись. Катеневъ обрадовался старому спутнику, точно родному.

— Вотъ ужь не ожидалъ, началъ Сергѣевъ.—Вѣдь вы къ эскадрѣ, говорятъ, были командированы.

— Былъ, отвѣчалъ Катеневъ.

— Каковы дѣла-то—ась? перебилъ Сергѣевъ.—Говорятъ, герцгерцогъ-то удралъ.... Наши одни остались тамъ, въ Швейцаріи.

Герцгерцогомъ Сергѣевъ называлъ эрцгерцога Карла, командовавшаго въ Швейцаріи и, дѣйствительно, удалившагося оттуда,

оставивъ малочисленныхъ русскихъ лицомъ къ лицу, подъ Цюрихомъ, съ французами; вѣсть эта, разнесшись въ Италіи, возбудила сильное негодованіе въ суворовцахъ.

— Да.... Слышалъ я.... Что будетъ и съ нами, Богъ знаетъ, отвѣчалъ Катеневъ.—Ну, а вы какъ? Не ранены?

— Богъ сохранилъ. Вотъ видите, пожалованъ ротнымъ. На безрыбьи и ракъ—рыба, добавилъ онъ, размѣявшись.—Дорого мнѣ, что самъ отецъ нашъ, лично, подъ Тортоною, меня поздравилъ. Нѣтъ, братъ, на этого не налегай: онъ и такъ изо всей силы тянетъ, обратился онъ къ ѣздовому, стегавшему передоваго, работавшаго отъ чистаго сердца, коня. Другаго-то пугни.... Вотъ такъ. Ему по дѣломъ: вишь, онъ дернетъ, да и на попятный. Вишь, требуха цыцарская.... А вы? Опять, знать, въ свитѣ? обратился онъ, водворивъ порядокъ, къ Катеневу.

— Покуда въ свитѣ, да стыдно какъ-то.... Тутъ идутъ вотъ на дождѣ, а ты ѣдешь баричемъ въ повозкѣ.... Хочу проситься въ строй, отвѣчалъ Катеневъ.

— Это чувствованіе у васъ, сударь, хорошее, а только мой совѣтъ вамъ—не проситься, замѣтилъ на это Сергѣевъ.

— Отчего? спросилъ подпоручикъ, думавшій наоборотъ, что Сергѣеву понравится, задуманный имъ, планъ перейдти съ строевые.

— Оттого же.... Гдѣ васъ назначили, поставили—и стойте.... Вотъ поглядите-ка: великій князь, извините, не вамъ чета, а куда пошлетъ фельдмаршалъ, ѣдетъ, отвѣчалъ Сергѣевъ.—Онъ знаетъ, Александръ Васильевичъ-то, будьте благонадежды, кто и куда годенъ. Что такое? обратился онъ къ артиллеристу, поглядывавшему на колесо одного изъ орудій.—Не ось ли, храни Богъ?

— Нѣтъ, спицы расшатались, ваше высокоблагородіе, отвѣчали солдаты.—Надо чинить... Такъ не доѣдетъ.

— Кузнеца бы надо, толковала прислуга, собравшись около орудія.—Стой!

— На что кузнеца-то? Веревкой какъ-нибудь перевязать, захлопоталъ Сергѣевъ.—Гдѣ тутъ отыщешь кузнеца? Наколи клинушковъ,—топоры есть у насъ,—да и подбей. Постойте. Стой!

— Стой, стой! повторили фейерверкеры и три офицера, состоявшіе при ротѣ, и орудія остановились.

Солдаты принялись улаживать колесо.

— Очень, очень радъ, что встрѣтилъ васъ, толковалъ Сергѣевъ Катеневу, не спуская глазъ съ починяемаго колеса.—Я вѣдь долженъ былъ идти съ обозами, въ обходъ тутъ гдѣ-то, да по-

задержался за починкою лафетовъ. Видите, какова посуда-то у насъ, прибавилъ онъ, улыбаясь.—Ну, вотъ и ладно. А то кузнеца, закончилъ Сергѣевъ, любуясь починеннымъ колесомъ.—Маршъ. Съ Богомъ!

Рота тронулась, постукивая лафетами. Катеневъ простился съ старымъ знакомымъ и пошелъ тропинкою, ведущею къ станціи.

— Что князь? (Суворовъ былъ пожалованъ уже княжескимъ достоинствомъ), спросилъ Катеневъ у Прохора, рывшагося въ коляскѣ, въ которую закладывали свѣжихъ лошадей.—Какъ его лихорадка?

— Получше, кажется.... Что-жь станешь съ нимъ? Часа четыре ѣхалъ подъ дождемъ, въ одномъ мундирѣ, отвѣчалъ Прохоръ, сердито хлопнувъ дверцею.—Развѣ его уговоришь?...

Сказавъ это, безсмѣнный камердинеръ фельдмаршала вошелъ на крыльцо и исчезъ въ дверяхъ станціоннаго домика; подпоручикъ подошелъ къ своей повозкѣ, въ которой Аѳанасій перекладывалъ чемоданъ, чуть ли не въ пятый разъ, изъ опасенія, что онъ оботрется; нѣсколько свитскихъ, выйдя изъ станціоннаго дома, ходили взадъ и впередъ, разговаривая вполголоса: свита, солдаты, сопровождавшіе походную канцелярію писцы, деньщики—всѣ были грустны, не разговорчивы; проходившіе мимо, поминутно, батальоны солдатъ тоже были невеселы; иные вступали въ мѣстечко съ пѣснями, но пѣсня звучала не такъ, какъ прежде: что-то принужденное слышалось въ удаломъ покрикѣ и посвистѣ запѣвалы, и отсырѣвшій бубенъ стучалъ будто лукошко.

— Прибавь шагу, братцы! раздавались, между тѣмъ, голоса ротныхъ и ефрейторовъ.

Солдаты поддергивали ранцы и мѣшки и, перекидывая съ плеча на плечо ружья, почти бѣжали, перепрыгивая черезъ лужи, образовавшіяся на дорогѣ отъ лившаго, съ самаго выхода изъ Тортоны, почти непрерывно, дождика.

Въ запискахъ и реляціяхъ похода не встрѣчается извѣстій о настроеніи русской арміи, неожиданно двинутой съ поля побѣдъ въ Швейцарію, откуда доносились далеко не утѣшительныя вѣсти. Солдаты мало или почти ничего не знали о положеніи дѣлъ, но у нихъ было смутное предчувствіе чего-то недобраго впереди, можетъ-быть родившееся при видѣ поддѣльнаго спокойствія и сдержаности рѣчей, знавшихъ ближе дѣло начальниковъ. Катеневъ зналъ объ отступленіи эрцгерцога Карла, о близкомъ недостаткѣ фуража, и сердце юнаго воина обливалось кровью при

мысли, что ждетъ впереди это, идущее безъ ропота, полубосое, обносившееся войско.

Подпоручикъ, сложивъ на груди руки, поглядывалъ на полки, идущіе усталымъ шагомъ по серединѣ улицы; изъ оконъ, съ крылецъ, жители мѣстечка робко глядѣли тоже на идущее войско. Дождь пересталъ; солнце садилось, озаривъ вершины лѣсистыхъ горъ, стѣною обступившихъ городъ; раздался звукъ пастушьяго рожка; изъ одного изъ переулковъ поплелись коровы и нѣсколько козъ, позванивая колокольчиками и привѣтствуя ревомъ и блеяньемъ знакомую улицу; намокшій пастухъ, подгоняя стадо, глядѣлъ съ любопытствомъ на солдатъ, столпившихся около толстаго швейцарца, угощавшаго ихъ водою. Проѣхала коляска фельдмаршала, и подошедшій Аѳанасій пригласилъ подпоручика садиться въ бричку. Катеневъ сѣлъ, швейцарецъ тронулъ пару рысистыхъ коньковъ, и бричка полетѣла, подпрыгивая и дребезжа по мостовой. Солнце опять ушло за облака; опять заморосилъ несносный дождикъ. Аѳанасій застегнулъ мокрый фартукъ, понюхалъ табаку и, посовѣтовавъ соснуть барину, привалился въ уголъ и черезъ минуту захрапѣлъ. Катеневъ выглянулъ изъ-за фартука: вправо синѣло, сквозь сырую мглу, озеро; около дороги, лугомъ, плелась шажкомъ на мокрыхъ лошадяхъ сотня казаковъ, завернувшись въ шинели; вдали трещалъ барабанъ. Подпоручикъ завернулся крѣпче въ эпанчу, такъ какъ съ воды, отъ озера, потянулъ довольно рѣзкій свѣжій вѣтеръ, и скоро послѣдовалъ благому примѣру своего спутника. Утромъ, часовъ въ пять, Аѳанасій разбудилъ его; подпоручикъ открылъ глаза: высокіе дома стояли вокругъ; толпа швейцарцевъ толковала съ ямщикомъ; кучка казачьихъ лошадей стояла подлѣ повозки, понуривъ головы, словно совѣщаясь о чемъ-то.

— Гдѣ мы? спросилъ, протирая глаза, Катеневъ.

— Вставайте .. Гдѣ? Пріѣхали, отвѣчалъ Аѳанасій.

— Да куда пріѣхали?

— Ну, ужь куда, это.... «Навѣрно», что ли какое, говорилъ Аѳанасій, заворачивая къ козламъ мокрый фартукъ («Навѣрно» было передѣланное Таверно, куда они пріѣхали),—Богъ его вѣдаетъ... Вставайте.... Вотъ напасть: здѣсь, сказываетъ Прохоръ, повозки велѣно бросить и всю кладь.... Вставайте-ка, да разузнайте.... Хоть одинъ вьюкъ бы взять ... Я подыскалъ бы, купилъ лошадь, коли ужь....

— Да на что вьюкъ-то? спросилъ Катеневъ, вылѣзая изъ повозки.—Ты можешь здѣсь остаться, при обозѣ.

— Да развѣ обо мнѣ тутъ рѣчь? сердито началъ Аѳанасій.—Что-жь вы въ одной рубашкѣ что ли поѣдете? Вѣдь, говорятъ, полѣзутъ вонъ куда, продолжалъ онъ, показывая на синѣющія за стѣнами домовъ горы,—на самыя, что ни на есть, вершины... Какъ тутъ безъ лишняго бѣлья, али безъ обуви? Ступайте, разузнайте: что и какъ. Вотъ видите крыльцо-то.... это наша квартира; я къ Василью Лукичу перенесъ вещи. А вонъ красный-то домъ.... Видите? Тамъ всталъ фельдмаршалъ. Разузнайте, да приходите поскорѣй. Я кофей заказалъ хозяйкѣ.

Катеневъ обдернулъ мундиръ, прицѣпилъ шпагу и пошелъ къ дому, около котораго стояла, уже безъ лошадей, коляска фельдмаршала; съ крыльца и на крыльцо сновали офицеры, деньщики, казаки, писаря съ пакетами; всѣ суетились; каждый спрашивалъ и никто не отвѣчалъ, какъ это бываетъ въ первыя минуты неожиданной тревоги. Катеневъ обратился къ одному изъ адъютантовъ съ вопросомъ: «скоро выѣдетъ отсюда фельдмаршалъ?»—«Ничего не извѣстно», отвѣчалъ, записывая что-то на лоскуткѣ карандашомъ, адъютантъ и убѣжалъ изъ сѣней на крыльцо. Катеневъ постоялъ минутъ пять, повертѣлся и пошелъ къ себѣ на квартиру; дорогою его догналъ толстякъ Василій Лукичъ, полковникъ-грекъ, къ которому пристроился съ чемоданомъ и вещами Аѳанасій.

— Вотъ такъ дѣла, говорилъ, переваливаясь, какъ утка, и пробираясь черезъ лужи, толстякъ полковникъ.

— Я не стѣсню ли васъ, Василій Лукичъ?... началъ-было Катеневъ.

— Нисколько, батюшка; радъ, отвѣчалъ новый сожитель подпоручика.—А знаете ли вы, въ какомъ мы положеніи? шепнулъ онъ на ухо, взявъ подъ руку Катенева.—Только не говорите покуда никому: обѣщанный провіантъ и мулы для артиллеріи не прибыли еще въ Таверну.

— Но, можетъ-быть, еще прибудутъ? спросилъ, остановившись отъ неожиданной и нешуточной вѣсти, подпоручикъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что въ мулахъ отказано, отвѣчалъ опять шепотомъ полковникъ, взбираясь на крыльцо, при помощи своей палки.

— Ну что, Петръ Тимоѳеичъ? спросилъ Аѳанасій, увидавъ полковника и своего барина.

Онъ хлопоталъ съ какою-то старухой около кофейника.

— Какой тутъ вьюкъ!... отвѣчалъ Катеневъ, швырнувъ на столъ

шляпу, но замолчалъ, вспомнивъ просьбу полковника не говорить никому о недоставкѣ провіанта.

— Такъ я и зналъ! То-есть, вы безъ хлѣба насидитесь, оставь васъ однихъ, началъ сердито дядька и, обратясь къ полковнику, отдувавшемуся отъ ходьбы, на диванчикѣ около стола, продолжалъ уже слезливымъ тономъ и кланяясь: Василій Лукичъ, явите божескую милость, поговорите.... Ну, какъ это безъ вьючной лошади? Вѣдь это опаршивѣетъ въ одномъ бѣльѣ, звѣринецъ заведетъ....Вы извольте сообразить: сырость, непогодь.... Мы лошадь купимъ, только бы дозволили.

— Погоди. Уладимъ послѣ совѣщанія.... Скажи моему Васькѣ, отвѣчалъ полковникъ,—чтобы напомнилъ мнѣ.

— Слушаю, отвѣчалъ, успокоясь, Аѳанасій и принялся наливать кофе, жестомъ отпустивъ старуху.

— Бывалъ я, сударь мой, въ походахъ, продолжалъ Василій Лукичъ, разстегнувъ мундиръ и наливая на блюдечко кофе,—и въ Польшѣ былъ, и въ Турціи; раненъ былъ, разъ между мертвыми тѣлами сутки лежалъ, но эдакой напасти, какъ въ этотъ разъ, могу сказать, не видывалъ.

— Это истину вы изволили сказать, Василій Лукичъ, подтвердилъ Аѳанасій, накрывая кофейникъ.—Въ Туретчинѣ, помилуйте, мы праздновали. Народъ тамъ проще что ли... А здѣсь, вѣдь это, живой въ гробъ ложись....

— Ты развѣ былъ въ Туретчинѣ? спросилъ полковникъ, познакомившійся только въ этотъ походъ съ дядькою Катенева.

Аѳанасій разсмѣялся, оправилъ для чего-то височки и, самодовольно взглянувъ на полковника, произнесъ:

— Вы спросите лучше, ваше высокородіе, гдѣ я не былъ?

На улицѣ стукнулъ два раза барабанъ, и музыка грянула маршъ.

— Вотъ авангардъ, значитъ, выступаетъ въ Беллинцону, замѣтилъ Василій Лукичъ.—Сходи-ка, братъ, узнай, пріѣхалъ ли великій князь и начался ли совѣтъ.

Аѳанасій взялъ свой ваточный, засаленный картузъ, добытый имъ изъ чемодана, по случаю холода, почистилъ его рукавомъ и, объяснивъ для чего-то, что картузъ купленъ въ Варшавѣ и вотъ служитъ до сихъ поръ, вышелъ изъ комнаты; въ Италіи старикъ, какъ видѣлъ читатель, носилъ изорванную соломенную шляпу, вымѣненную на голенища у солдата въ лагерѣ на Аддѣ.

— Вотъ положеньице, сударь! началъ полковникъ, раскуривая трубку.—Безъ хлѣба, безъ одежи, въ чужой землѣ съ тридцати-тысячною арміей...

Катеневъ молчалъ, сложивъ на груди руки.

— Вотъ я бы ихъ послалъ сюда, этихъ, не выговоришь.... гофкригсратовъ. Узнали бы тогда, каково распоряжаться за тысячи верстъ... Каково у него на сердцѣ теперь, у отца нашего!... проговорилъ, помолчавъ, полковникъ и прослезился.

Катеневъ зналъ, что Василій Лукичъ слезливъ, но теперь горе старика его сильно тронуло.

— Въ его-то лѣта эдакіе удары! продолжалъ, покачивая головою, старикъ.—Я—вѣрующій человѣкъ, не фармасонъ нынѣшняго вѣка, а право, иногда глядишь, глядишь да и возропщешь: «что же это», думаешь и впрямь, «ужь не оставилъ ли насъ Богъ, не позабылъ ли о насъ грѣшныхъ»?

Допивъ чашку, полковникъ вышелъ на крыльцо; за нимъ пошелъ и Катеневъ. Звуки марша слышались еще вдали; пѣхотный полкъ стоялъ посреди площади въ какой-то нерѣшимости; одни изъ солдатъ болтали, опершись на ружья, другіе же, сидя на мостовой, переобувались, боязливо разсматривая подметки сапогъ и штиблетъ, благопріобрѣтенныхъ, вѣроятно, отъ непріятеля; офицеры сидѣли на сосѣднихъ крыльцахъ; нѣкоторые курили, другіе дремали, завернувшись въ плащи и привалившись къ стѣнкѣ или периламъ; сотни двѣ казаковъ верхами пробирались шажкомъ мимо пѣхоты.

— Куда вы? спросилъ полковникъ.

— На фуражировку, отвѣчалъ казачій офицеръ, подстегнувъ лошадь.

— Вотъ оно!... замѣтилъ полковникъ.—Добывай, гдѣ знаешь. Ну, дѣла, прибавилъ онъ, возвращаясь въ комнату.

Вошедшіе едва успѣли сѣсть, какъ явился Аѳанасій.

— Никакого толку не добился, началъ онъ.—Суета такая, упаси Господи. Совѣтъ, надобно полагать, идетъ; великій князь ужь съ полчаса пріѣхали.

— Да ты бы Прохора спросилъ, замѣтилъ полковникъ.

— Какой тутъ Прохоръ, сударь!.. Сыщешь Прохора: офицеры, полковники стоятъ, ждутъ—не добьются толку. Должно, скоро поѣдемъ... Стали лошадей сѣдлать для свиты. Дороги никакой, мнѣ казачій урядникъ сказывалъ, дальше нѣтъ, толковалъ Аѳанасій.—Что-жь это? На край свѣта что ли мы заѣхали?

*

Полковникъ разсмѣялся.

— Да какъ же, сударь, продолжалъ Аѳанасій,—гдѣ это видано? Дороги нѣтъ... Это разсказать кому, въ глаза наплюетъ; скажетъ: «врешь». Сторонка, чтобы ей!...

Произнеся эту іереміаду, старикъ опять отправился на рекогносцировку въ квартиру фельдмаршала; его пуще всего безпокоило запрещеніе брать вьюки въ Беллинцону, куда шли фельдмаршалъ и армія. Полковникъ, зѣвнувъ раза два, прилегъ на ситцевый диванчикъ и задремалъ. Катеневъ досталъ завѣтное письмо маркизы, прочелъ его и, бережно положивъ на старое мѣсто въ карманъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Полковникъ, новый спутникъ подпоручика, былъ обрусѣвшій грекъ; при вступленіи русскихъ въ одно отнятое у турокъ мѣстечко, его, девяти-лѣтняго мальчика нашли чуть не умирающаго съ голода, больнаго, въ виноградникѣ; турки перерѣзали всю семью его, подозрѣвая отца въ шпіонствѣ; мальчикъ, спрятавшись въ виноградникѣ, спасся; солдаты взяли его въ лагерь, гдѣ онъ попался на глаза Румянцеву; фельдмаршалъ взялъ его, опредѣлилъ въ корпусъ, и мальчикъ вышелъ офицеромъ въ армію; тяжко контуженный въ бокъ и раненый въ правую руку, Василій Лукичъ вышелъ въ отставку и жилъ у одного сослуживца, въ Петербургѣ, получая пенсіонъ; Суворовъ, встрѣтясь съ нимъ передъ итальянскимъ походомъ, уговорилъ его поступить вновь на службу и состоять при немъ; Василій Лукичъ сначала отнѣкивался, но, наконецъ, согласился. Суворовъ игралъ съ нимъ въ свободное время въ шахматы; главная же обязанность, возложенная, впрочемъ, самимъ Васильемъ Лукичомъ на себя, была посмотрѣть сѣно, овесъ, провизію, привезенные для фельдмаршала, присмотрѣть, чтобы не рано и не поздно закрыли печи въ квартирѣ; фельдмаршалъ любилъ тепло и, слѣдуя пословицѣ: «паръ костей не ломитъ», приказывалъ даже въ лѣтнее время протапливать свою комнату; не любили Василья Лукича только Прошка и поваръ, нерѣдко получавшіе отъ него выговоры за небережливость и безцеремонное обращеніе съ кошелькомъ фельдмаршала; за это и прозвалъ Василья Лукича Суворовъ «экономкою». Полковникъ любилъ фельдмаршала «больше чѣмъ отца», какъ говорилъ онъ самъ, и часто надоѣдалъ даже ему своею излишнею нѣжностью; слезливый отъ природы, онъ при каждой неудачѣ или радости, постигшихъ «отца и благодѣтеля», какъ звалъ онъ фельдмаршала, плакалъ, что

смѣшило всегда Суворова. Когда фельдмаршалъ бывалъ не въ духѣ, адъютанты упрашивали полковника: «Василій Лукичъ, поплачьте... Авось его сіятельство развеселится». У Василья Лукича была одна страсть—къ флейтѣ; игралъ онъ со слуха и довольно плохо, но готовъ былъ свистѣть на своей флейтѣ битые сутки, чѣмъ не мало надоѣдалъ сослуживцамъ, обреченнымъ нерѣдко въ походѣ жить съ нимъ черезъ перегородку, а то и въ одной комнатѣ. Эта страсть къ музыкѣ послужила поводомъ фельдмаршалу дать ему второе прозвище: «волшебная флейта», подъ которымъ онъ и извѣстенъ былъ въ средѣ, сопровождавшей, во время итальянскаго похода, Суворова. Фельдмаршалъ любилъ чудаковъ подлѣ себя; такъ въ польскій, или турецкій, походъ онъ возилъ съ собою, въ качествѣ чтеца, нѣмца, кандидата богословія, уговаривая его, вмѣсто пасторской каѳедры, занять мѣсто эскадроннаго командира. Василій Лукичъ имѣлъ небольшія деньжонки и ссужалъ сотнею-другою рублей, до жалованья, неразсчетливую молодежь, состоявшую въ свитѣ. «А подтрунивать не станете надъ старикомъ?» спрашивалъ онъ обыкновенно обращающихся къ нему съ этими просьбами: офицеръ краснѣлъ, извинялся, но по отдачѣ должной суммы не выдерживалъ и позволялъ себѣ колкое словцо насчетъ музыкальныхъ способностей или экономическихъ соображеній Василья Лукича; старикъ обыкновенно отмалчивался. Катенева любилъ онъ за то, что тотъ никогда надъ нимъ не насмѣхался.

— Пожалуйте Василій Лукичъ, Петръ Тимоѳеичъ, говорилъ Аѳанасій, запыхавшись вбѣгая въ комнату.—Совѣтъ кончился... Надо-быть, скоро уѣзжаютъ.

Полковникъ поднялся съ дивана, протеръ глаза, взялъ шляпу и, опираясь на свою камышевую трость, пошелъ, въ сопровожденіи подпоручика, къ квартирѣ фельдмаршала.

Въ исторіяхъ войнъ извѣстія о передвиженіи ограничиваются обыкновенно краткимъ: «такого-то числа, утромъ или вечеромъ, армія выступила туда-то»; военному историку, занятому, главнымъ образомъ, планами и дѣйствіями полководца, некогда и не зачѣмъ живописать картину подъема... Читателю, особенно незнакомому съ походною жизнью, представляется она поэтому нѣсколько иначе, чѣмъ бываетъ на дѣлѣ: онъ, вѣрно, воображаетъ себѣ, что, подъ стройные звуки марша, идутъ стройными рядами полки; командиры молодецки сидятъ на своихъ красивыхъ коняхъ: мѣстные жители махаютъ шляпами и напутствуютъ благопоже-

ніями покидающихъ ихъ воиновъ. На дѣлѣ не всегда бываетъ такъ; скорбный же путь богатырей къ Швейцаріи, не говоря уже про С.-Готардъ, уже совершенно не похожъ на церемоніальные, веселые походы въ лагерь и изъ лагеря, знакомые ближе мирному гражданину.

На улицѣ полковникъ и подпоручикъ едва пробрались межъ табуна лошадей, на которыхъ вьючили казаки, перебраниваясь межъ собою, мѣшки съ провіантомъ, съ запасами для поддержанія и для прекращенія человѣческой жизни, полевыя орудія; дальше два офицера отбивали одинъ у другаго фуру, заложенную парою тощихъ казенныхъ лошадей; каждый изъ состязавшихся былъ правъ, желая уложить поскорѣе на нее своихъ трехъ-четырехъ солдатъ, упавшихъ на походѣ отъ изнеможенія; старуха-швейцарка бѣгала, съ оханьемъ и сдержанною бранью, около своего крыльца, отыскивая двухъ курицъ, попавшихъ, какъ-то невзначай, въ ранецъ пѣхотнаго солдата, преспокойно насыпавшаго корешками, изъ кармана панталонъ, свою коротенькую трубочку; въ сторонкѣ, у крыльца главнокомандующаго, тузилъ одинъ изъ свитскихъ деньщика, забывшаго отвести въ кузницу, расковавшуюся на походѣ, верховую лошадь; прислуга чуть не стукалась другъ съ другомъ лбами, бѣгая изъ трактира и обратно въ трактиръ, съ порціями бифштекса и котлетъ для проголодавшихся высоко и не высокоблагородій; швейцарецъ-проводникъ, приведшій двухъ ословъ, объяснялъ мимикою одному изъ унтеръ-офицеровъ, что ему не додано десяти крейцеровъ, на что неторопливый, бравый унтеръ-офицеръ отвѣчалъ· «не понимаю я, камрадъ, по-вашему»; вдали затрещалъ барабанъ, и десятокъ солдатъ, схвативъ, стоявшія въ козелкахъ, ружья, подбѣжали въ припрыжку къ строившемуся на площади отряду и встали каждый на свое мѣсто. «Маршъ, маршъ, ступай!» раздавалось тамъ и сямъ. «Поручикъ Алексѣевъ! Гдѣ поручикъ Алексѣевъ? Къ полковнику», оралъ гдѣ-то маіорскій повелительный баритонъ, съ хрипомъ, пріобрѣтеннымъ на поприщѣ командованія.

Полковникъ и Катеневъ, привыкшіе ко всему этому и не имѣвшіе намѣренія писать ни романа, ни картины изъ военнаго быта, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на эту тревогу, вошли въ сѣни и въ комнату, гдѣ собралась вся свита и командиры. Фельдмаршалъ съ жаромъ говорилъ что-то: «единодушіе, мужество, громады неприступныхъ горъ...» разслушали

вошедшіе, остановившись въ дверяхъ. Великій князь уже уѣхалъ какъ объяснилъ имъ Фуксъ, пробиравшійся сквозь толпу съ бумагою къ фельдмаршалу. Василій Лукичъ, однако, не преминулъ прослезиться, хотя разслышалъ мало изъ рѣчи Суворова, что подтверждалось поминутными вопросами старика-«экономки», обращенными къ Катеневу: «что такое?... Что сказалъ его сіятельство?»—Минутъ черезъ пять пріемъ кончился; всѣ присутствующіе крикнули: «ура», и фельдмаршалъ быстро вышелъ изъ комнаты; толпа раздвинулась. Проходя сѣнями и увидя полковника, Суворовъ кивнулъ ему и произнесъ: «Василій Лукичъ, не позабудь взять флейту». Сѣвъ на лошадь, фельдмаршалъ рысью поскакалъ съ двумя адъютантами и казакомъ. «Здравія желаемъ!» загудѣло вдали, въ отвѣтъ на обычное: «здорово богатыри!» фельдмаршала.

— Гдѣ же мнѣ быть? спросилъ самъ себя Катеневъ, озираясь на расходившихся съ крыльца генеральство и полковниковъ.

— А я искалъ васъ, произнесъ, хлопнувъ его по плечу, молодцоватый молодой генералъ, одѣтый хоть сейчасъ на балъ или на блестящій придворный спектакль въ петербургскомъ эрмитажѣ.—Вы мнѣ понадобитесь... Я просилъ фельдмаршала, чтобы васъ откомандировали ко мнѣ.

Катеневъ поклонился и робко произнесъ: «да вотъ, ваше превосх....».

— Что за превосходительство... Меня зовутъ Михаилъ Андреичъ, перебилъ генералъ, натягая перчатку.

— Не знаю, добьюсь ли лошади, докончилъ Катеневъ.

— Послушайте... Мироновъ, дайте казачью лошадь подпоручику, произнесъ генералъ, обращаясь къ адъютанту, толковавшему съ деньщикомъ.

Адъютантъ приложилъ руку къ шляпѣ; генералъ молодецки вскочилъ на красивую, энглизированную, карюю лошадь и поскакалъ вслѣдъ за фельдмаршаломъ.

— Такъ я могу надѣяться? спросилъ, обратясь къ адъютанту, подпоручикъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчалъ адъютантъ, отсчитывая деньщику деньги.—Урядникъ!...

Объяснившись съ подошедшимъ урядникомъ, Катеневъ отправился вслѣдъ за Васильемъ Лукичомъ къ своей квартирѣ. Тамъ, у крыльца, увидѣлъ онъ, сквозь толпу, чуть-чуть не драку; изъ-за хохота вьючившихъ лошадей казаковъ раздавался сиплый, обрывавшійся отъ гнѣва, голосъ Аѳанасья:

— Такъ вы бы прежде мнѣ сказали... Бога вы не боитесь! кричалъ старикъ.

— Тебѣ говорено: «не вьючь», оправдывался бородатый казакъ, упершись одною ногою въ бокъ хохлатой лошаденки и потянувъ веревку вьюка такъ, что лошадь чуть не полетѣла на его сторону.—Стой, чортъ! ободрилъ ее казакъ и началъ молча вязать узелъ.

— Петръ Тимоѳеичъ! обратился Аѳанасій, увидавъ барина.— Василій Лукичъ, прикажите отыскать... Нашъ чемоданъ пропалъ... Это разбой... Помилуйте...

— Да не пропалъ, отозвался казакъ, ударя по вьюку рукою такъ, что конь присѣлъ и помоталъ головою, какъ бы въ подтвержденіе, что крѣпко сидитъ вьюкъ, не свалится.

Казакъ, однако, не повѣривъ подтвержденію лошади, толкнулъ обѣими руками вьюкъ и, кинувъ поводъ одному изъ солдатъ, проговорилъ, наконецъ: «на вотъ теперь, отводи ее».

— Какъ не пропалъ?... толковалъ между тѣмъ блѣдный, какъ смерть, Аѳанасій.

Но изъ средины табуна молодой солдатикъ тащилъ уже лысаго, рыжаго конька, и старый дядька кинулся, какъ оперный любовникъ къ примадонѣ, изображающей его любезную, къ чемодану, колебавшемуся на спинѣ лошади.

— Купи гдѣ-нибудь лошадь, сказалъ Катеневъ.

— Да гдѣ же я тутъ куплю? горячился старикъ.—Помилуйте.

— Да вы не безпокойтесь, ваше благородіе, заговорилъ казакъ, принимаясь отдѣлывать другую лошадь.—Оставьте на этой; ничего не пропадетъ... Вѣдь чемоданъ въ обходъ пойдетъ, а не за вами?

— Не за мной, отвѣчалъ Катеневъ.

Аѳанасій было заспорилъ, но, наконецъ, согласился ѣхать въ обходъ и, отвязавъ чемоданъ, принялся отбирать бѣлье, необходимое для барина на время его разлуки съ нимъ и чемоданомъ. Уладивъ дѣло съ вьюкомъ, затруднительнѣйшее и скучнѣйшее изъ всѣхъ неудобствъ похода, Катеневъ вошелъ въ комнату; толстякъ-полковникъ сидѣлъ на диванѣ у стола, меланхолически подперевъ голову рукою.

— А жаль, что опоздали мы.... Какъ говорилъ-то отецъ, толковалъ полковникъ.—«Единодушіе, мужество... вѣра»... Вотъ ужь, истинно, тронетъ всякаго; будь, кажется, хоть камень,— почувствуешь, продолжалъ Василій Лукичъ, любуясь разрознен-

ными отрывками рѣчи, какъ любуется не знатокъ, но любитель музыки, непонятными аккордами мудреной «музыки будущаго».

— Лошадей привели, доложилъ Аѳанасій.—Я привязалъ мѣшокъ съ бѣльемъ къ вамъ за сѣдло, Петръ Тимоѳеичъ. Глядите же, не растеряйте... Вотъ вамъ записка, что отпущено, прибавилъ онъ, подавая лоскутокъ бумаги съ довольно мудреными, начертанными тупымъ карандашомъ, гіероглифами.

Подпоручикъ сунулъ записку въ карманъ. Аѳанасій, развязавъ зубами замшевый, засаленный кошелекъ и отведя въ сторону Катенева, пересчиталъ и передалъ ему десятокъ червонцевъ, причемъ не преминулъ сказать нѣсколько словъ о томъ, «что не надо тратить денегъ по-пустому».

— А въ случаѣ недостачи, ужь не оставьте, Василій Лукичъ, не откажите... обратился онъ къ полковнику.

— Съ голоду не умремъ... Поѣдемте, отвѣчалъ Василій Лукичъ.—Съ хозяйкою я расплатился.

— Такъ я вамъ долженъ, началъ-было подпоручикъ.

— Сочтемся, отвѣчалъ толстякъ и, перекрестясь, полѣзъ на казачью лошадь.—А смирна? спросилъ онъ урядника, охорашивавшаго неказистаго коня.—Я, братъ, кавалеристъ плохой....

— Теленокъ, ваше высокородіе, отвѣчалъ урядникъ, подбодривъ лошадь нагайкою и подводя хохлатую гнѣдую лошаденку, доставшуюся подпоручику.

— Прощайте, Петръ Тимоѳеичъ, пожалуйте ручку, кричалъ Аѳанасій, не спуская глазъ съ лошади съ чемоданомъ, хотя около нея стоялъ на-сторожѣ деньщикъ Василья Лукича, тоже ѣдущій съ обозомъ, при вещахъ.—Глядите же, берегите себя... съ деньгами поосторожнѣе... Прощайте, Василій Лукичъ, не оставьте, въ случаѣ чего...

Но полковникъ ничего не отвѣчалъ, весь погрузившись въ наблюденіе за своею лошадью, защищавшеюся ногами и хвостомъ отъ мухъ.

— Что-жь это она брыкается? Лягаетъ.... Не съ норовомъ ли ты мнѣ далъ? спросилъ онъ урядника.

— Это она отъ мухъ, ваше высокородіе, отвѣчалъ, разсмѣявшись, казакъ.

Всадники, въ сопровожденіи казака, тронулись мелкою рысцей: табунъ вьючныхъ лошадей поплелся тоже, но въ противоположную сторону; вьюки и часть артиллеріи должны были обходомъ идти къ Цюриху. Подпоручикъ, не безъ удовольствія, къ вечеру

догнавъ свиту, разстался съ своимъ толстымъ спутникомъ; Василій Лукичъ, послѣ трехминутной легонькой рыси, задыхался и упрашивалъ ѣхать шажкомъ; а отъѣхавъ двѣ, полторы версты, слѣзалъ съ коня, ложился на траву и, закуривъ трубку, принимался оплакивать положеніе арміи; эти краснорѣчивые плачи старика, не принося никакой существенной пользы находившемуся, что правда, въ незавидномъ положеніи войску, задерживали иногда на цѣлый часъ путешественниковъ; оставить полковника съ казакомъ, уѣхавъ впередъ, Катеневъ считалъ невѣжливымъ, а Василій Лукичъ на всѣ его убѣжденія ѣхать и не терять времени отвѣчалъ: «успѣемъ; насъ никто не гонитъ... Время у насъ, сударь, не купленное».

Догнавъ, наконецъ, свиту и фельдмаршала, Катеневъ ночевалъ у одного изъ адъютантовъ и на другой день, утромъ, сидѣлъ въ небольшой комнаткѣ у простаго, деревенской работы, стола и срисовывалъ карту. По комнатѣ расхаживалъ молодцеватою походкою, съ трубкою, поглядывая поминутно на щегольскіе свои ботфорты со шпорами, красивый человѣкъ лѣтъ тридцати, въ бѣлой голландской рубашкѣ и рейтузахъ; на спинкѣ тростниковаго стула растопыренъ былъ новенькій генеральскій мундиръ, а подлѣ шпаги и бѣлой фуражки лежала лента.

— Такъ неужели, братецъ, нѣтъ у насъ, такъ-таки, ни одного червонца? спросилъ онъ, остановясь противъ старика-лакея, въ гороховомъ сюртукѣ, переминавшагося у дверей съ ноги на ногу.

— Ни гроша, Михаилъ Андреевичъ, отвѣчалъ слуга, принявъ почтительно-величественную позу, обличавшую сразу воспитаніе, полученное въ многолюдной прихожей знатнаго екатерининскаго, барина.—Вчера вѣдь вы изволили сами приказать раздать солдатамъ на стоянкѣ послѣдніе восемь червонцевъ... Вы извольте сообразить, откуда же имъ быть въ настоящее время? закончилъ слуга, кашлянувъ какъ бы для того, чтобы придать болѣе силы и убѣдительности своимъ, и безъ того трудно опровержимымъ, доводамъ.

— Скверно!... замѣтилъ, ловко повернувшись на каблукахъ и взъерошивъ рукою курчавые, не пудреные, русые волосы, молодой генералъ.—Мой Богъ, не хорошо Сергѣй. Но это передъ деньгами, продолжалъ онъ, расхохотавшись звонкимъ смѣхомъ и принимаясь снова расхаживать, поглядывая на лаковые свои ботфорты.—Ну что, mon cher, идетъ дѣло на ладъ? обратился онъ, остановившись у стола и взглянувъ на работу Катенева.—Да вы ужь не отдѣлывайте очень-

то... Отлично... Бросьте. Давайте лучше потолкуемъ, прибавилъ онъ, отдавъ трубку слугѣ и положивъ руки на плеча подпоручика.

Катеневъ поднялся съ своего стула, окинувъ раза два глазами конченную работу; слуга ушелъ въ переднюю; хозяинъ сѣлъ въ ветхое кожаное кресло, помнившее, можетъ-быть, Вильгельма Теля, и произнесъ, запустивъ руки въ карманы рейтузъ:

— Не худо бы теперь позавтракать, mon cher, но такая поганая исторія со мной...

— Сейчасъ, отозвался слуга изъ-за перегородки, отдѣлявшей переднюю.

— Что «сейчасъ»? спросилъ, выпрямившись и прислушавшись къ голосу камердинера, хозяинъ.

— Сейчасъ подамъ завтракъ, отвѣчалъ, постукивая ножами, слуга.

— А... это дѣло... Давай, давай, отозвался хозяинъ.

Слуга внесъ на тарелкѣ кусокъ сыру, бѣлый хлѣбъ, двѣ рюмки и бутылку рейнвейна и проговорилъ, уставляя завтракъ на столъ:—А эдакъ нельзя, воля ваша, Михаилъ Андреевичъ.... Это никакихъ денегъ не достанетъ—давать встрѣчному и поперечному...

— Tais toi, traître, продекламировалъ хозяинъ тѣмъ пошибомъ, какимъ декламировали прежніе трагики Корнеля и Расина.—У тебя, братецъ, страсть ворчать. Не угодно ли? обратился онъ, наливая рюмки, къ Катеневу.

Молодцоватый, молодой генералъ былъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, «русскій Баярдъ», какъ называли его, рыцарь безъ страха и упрека; воспитанникъ гёттингенскаго университета, слушатель Канта, потомъ учившійся военнымъ наукамъ въ Мецѣ и Страсбургѣ, Михаилъ Андреевичъ остался студентомъ до самой своей смерти. Въ Гёттингенѣ, Мецѣ, Страсбургѣ жилъ онъ то русскимъ бариномъ, расплачиваясь съ извощиками золотомъ, покупая античныя статуи, картины, то сидѣлъ безъ табаку, питаясь съ двумя людьми, камердинеромъ и крѣпостнымъ парикмахеромъ, въ долгъ у хозяйки квартиры, что не мѣшало ему, впрочемъ, острить и хохотать по-прежнему. Иногда даже, въ эти черные дни, приглашалъ онъ вдругъ человѣкъ тридцать гостей къ себѣ на вечеринку, ни слова не сказавъ Сергѣю, своему кассиру и камердинеру. «Помилуйте, Михаилъ Андреевичъ», говорилъ озадаченный такимъ сюрпризомъ старикъ; «какіе гости? У насъ ни хлѣба нѣтъ, ни кофею».—«Мой Богъ! Я не о хлѣбѣ,

братецъ, тебѣ и говорю, а о шампанскомъ», объяснялъ Михаилъ Андреевичъ. Сергѣй бѣжалъ убѣждать погребщика, трактирщика-сосѣда, и вечеринка дѣлалась на славу.—«Ну вотъ видишь», замѣчалъ Милорадовичъ, провожая подъ утро гостей,—«на свѣтѣ, братецъ, ничего нѣтъ невозможнаго». Щеголеватость и страсть къ живописному наряду у Милорадовича вытекала вовсе не изъ фатовства, а изъ чувства изящества; онъ ненавидѣлъ трусость, какъ говаривалъ самъ, «потому что она не живописна»; страсть рисоваться передъ непріятелемъ была у него въ связи со страстью къ картинамъ и статуямъ. Слишкомъ нецеремонный, подчасъ, съ кредиторами, Михаилъ Андреевичъ отдавалъ послѣднюю копѣйку бѣдняку, сыпалъ пригоршнями червонцы раненымъ, плѣннымъ. «Миша выметаетъ деньги, ежедневно, точно соръ», говаривалъ про него Суворовъ, знавшій его съ дѣтства. Михаилъ Андреевичъ былъ избалованъ отцомъ (бывшимъ намѣстникомъ въ Малороссіи), любившемъ его безъ памяти; но своею расточительностью выводилъ онъ изъ терпѣнія отца и получалъ отъ него въ каждомъ почти письмѣ выговоры. Кто-то изъ иностранцевъ, посѣтившихъ тогда Россію, замѣтилъ, что ни въ одной странѣ онъ не видалъ такого избалованнаго сословія, какъ русское екатерининское дворянство. Милорадовичъ, одинъ изъ обломковъ этого времени, былъ не одинокое явленіе въ тотъ вѣкъ; порокъ жить безпорядочно и не по средствамъ, безцеремонность съ кредиторами—эти черты и привычки были у всѣхъ почти, но замѣчены въ немъ потому, что человѣкъ онъ былъ замѣтный.

— Набей мнѣ трубку, обратился къ своему слугѣ Михаилъ Андреевичъ.—Вы кушайте, а я схожу, навѣщу нашего больнаго... Что, докторъ былъ у него?

— Былъ два раза, отвѣчалъ Сергѣй, набивая трубку.

Хозяинъ ушелъ въ сосѣднюю комнату.

— А кто это боленъ? спросилъ Катеневъ.

— Гусаръ, берейторъ нашъ, который около лошадей, отвѣчалъ камердинеръ.

Катеневъ ничего не понималъ: «берейторъ....» На дворѣ, онъ видѣлъ, стояли въ щегольскихъ попонахъ съ вензелями три верховыя превосходныя лошади; на вопросъ его: «чьи онѣ?» солдатъ отвѣчалъ: генерала Милорадовича. «А между тѣмъ ни гроша денегъ, самъ говоритъ, нѣтъ», раздумывалъ подпоручикъ, отрѣзывая кусокъ сыру. Согласовать такую обстановку съ такимъ крайнимъ безденежьемъ не только знавшій издали Милорадовича до сихъ

поръ подпоручикъ, но и близкій знакомый нашелъ бы, разумѣется, немного затруднительнымъ.

— У него жаръ опять.... И въ этомъ виноватъ ты, братецъ. Отчего ты ему не далъ вчера мою шаль? проговорилъ Михаилъ Андреевичъ, возвращаясь къ своему гостю.

— Помилуйте, сударь, защищался Сергѣй, подавъ трубку и высѣкая огонь.—Турецкую, дорогую шаль дамъ я солдату!...

— Не разговаривать!... Отнеси сейчасъ же, крикнулъ генералъ, весь вспыхнувъ и топнувъ ногою такъ, что длинная бутылка закачалась и вѣрно бы слетѣла со стола, еслибы не была подхвачена Катеневымъ.

Слуга положилъ зажженый трутъ на трубку и, доставъ изъ чемодана шаль, не прекословя, понесъ ее больному.

— Скотина, прошепталъ сердито въ слѣдъ ему хозяинъ и, обратясь къ подпоручику, извинился въ своей горячности.—Безчеловѣчный народъ, продолжалъ онъ.—Берейторъ, старый мой сослуживецъ, заболѣлъ... Лихорадка и скверная... И представьте, боленъ недѣлю человѣкъ, а мнѣ только вчера сказали...

Милорадовичъ ушелъ, спустя нѣсколько минутъ, опять къ больному. Катеневъ вынулъ свой альбомъ и отъ нечего дѣлать сталъ рисовать; изъ-подъ карандаша явился, какъ живой, Василій Лукичъ на казачьей лошади.

— Похоже, замѣтилъ расхохотавшись, взглянувъ на рисунокъ, воротившійся Милорадовичъ.—Нарисуйте мнѣ его съ флейтою; онъ играетъ всегда зажмурясь... Вы помните?

— Я знаю, отвѣчалъ подпоручикъ, и, къ удовольствію Михаила Андреевича, минутъ черезъ пять, на оторванномъ листкѣ альбома появился полковникъ уже въ образѣ виртуоза.

Милорадовичъ хохоталъ какъ дитя.

— А не секретъ? Можно мнѣ посмотрѣть ваши эскизы? спросилъ онъ, перелистывая книжку.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ Катеневъ, немного сконфузившись.

— Вы мастеръ... Очень хорошо сдѣлана лошадь... Это Денисовъ? Ну, не совсѣмъ похожъ, замѣтилъ Милорадовичъ, разсматривая акварельныя картинки подпоручика.—А эта женская головка? Мой Богъ!... Это моя знакомая, произнесъ онъ, вглядываясь въ головку маркизы, прикрытую для чего-то сепіею.

— Это моя кузина, отвѣчалъ Катеневъ.

— А зачѣмъ же вы краснѣете? спросилъ Михаилъ Андреевичъ, взглянувъ съ улыбкою на вспыхнувшаго вдругъ подпоручика.

— Краснѣю? Я не покраснѣлъ, кажется... А впрочемъ, можетъ-быть, вино, объяснилъ Катеневъ.

Къ счастью подпоручика, въ комнату вошелъ въ это время сухой, маленькаго роста, одноглазый и рябоватый офицеръ съ необыкновенно живыми, часто неожиданными, тѣлодвиженіями.

— У насъ отнимаютъ муловъ, ваше превосходительство... Говорятъ, наняты только до здѣшняго мѣста; проводники ужь сбрасываютъ орудія и поклажу, заговорилъ безъ остановки и безъ знаковъ препинанія, съ оживленными жестами вошедшій.

— Врутъ... Мулы должны быть наняты дальше, вскрикнулъ Милорадовичъ.—Сходи и узнай, гдѣ Вейратеръ, обратился онъ къ Сергѣю.

— Онъ у фельдмаршала, Михаилъ Андреевичъ, зачастилъ опять одноглазый офицеръ.—Я былъ у него: онъ говоритъ: до Беллинцоны мулы наняты.

— Мундиръ, закричалъ Милорадовичъ, вскочивъ съ своего мѣста.—Подлецы! кричалъ онъ, надѣвая мундиръ.—Я самъ имъ говорилъ... продолжалъ онъ, схвативъ фуражку и выбѣгая изъ комнаты.

Офицеръ побѣжалъ за нимъ. Слуга посмотрѣлъ въ окно, зѣвнулъ и вышелъ въ переднюю, прошептавъ про себя: «оказія».

Катеневъ, спрятавъ альбомъ, взялъ шляпу и вышелъ на крыльцо; противъ домишка, занимаемаго Милорадовичемъ, у фельдмаршальскаго крыльца, стояла толпа швейцарцевъ-проводниковъ, снявъ шляпы и понуривъ головы; офицеръ, въ бѣломъ австрійскомъ мундирѣ, поминутно выбѣгалъ къ нимъ и, потолковавъ, опять исчезалъ въ дверяхъ двухъ-этажнаго дома, занимаемаго фельдмаршаломъ; проходившіе мимо офицеры, замѣтно, были озабочены. «Проводники, запасы...» доносилось иногда до слуха подпоручика. Цѣлый день шла бѣготня и тревога; солдаты молча сидѣли или стояли кучками на улицѣ городка; табунъ развьюченныхъ муловъ гоняли изъ мѣста въ мѣсто погонщики; сновали взадъ и впередъ на своихъ лошадкахъ казаки. Наконецъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, Милорадовичъ воротился; онъ былъ не въ духѣ, ругался, кричалъ, придирался къ Сергѣю, озабоченному отправкою верховыхъ лошадей и больнаго берейтора назадъ къ обозу. Въ комнату поминутно вбѣгали адъютанты, писаря, казаки.

Перевалило за полночь, когда Милорадовичъ сѣлъ на казачью лошадь и выѣхалъ. Катеневъ, прикомандированный къ нему,

присоединившись къ свитѣ, состоявшей человѣкъ изъ пяти, поѣхалъ за нимъ, тоже на казачьей лошади; свита толковала дорогою о непріятныхъ новостяхъ, полученныхъ изъ корпуса Римско-Корсакова, находящагося близь Цюриха.

— А мы куда идемъ? Къ Цюриху? Въ обходъ или черезъ горы? спросилъ подпоручикъ у ѣдущаго рядомъ, необыкновенно длиннаго, адъютанта.

— Сколько я знаю, черезъ горы, отвѣчалъ адъютантъ.

Въ темнотѣ, вправѣ отъ ѣдущихъ, сквозь изморось, свѣтились огоньки казачьихъ пикетовъ и впереди, точно движущійся маякъ, бѣлѣлъ картузъ Милорадовича.

V.

Что можетъ быть скучнѣй венгерской пушты *)? А все бы я глядѣлъ, въ сѣрый осенній день, въ ея безбрежную даль, то зеленѣющую, желтую, то засинѣвшую, сверкнувшую вдругъ озеркомъ, выглянувшимъ, какъ зеркальцо, изъ-за увядшей, бурой и густой, осоки. Пусто; чернѣетъ одинокая чарда—корчма, съ полуразвалившеюся тесовою крышей; колодецъ съ поднятою къ верху длинною жердью; кое гдѣ, чуть видный отъ земли, кустарникъ растянулся по болоту; ястребъ задумчиво плыветъ подъ сизымъ облакомъ; пастухъ-словакъ, въ черной, широкополой шляпѣ и плащѣ, опершись на свою длинную палку, стоитъ, что одинокій памятникъ давно забытой старой были; рядомъ съ нимъ дремлетъ хохлатый песъ-овчаръ, всегдашній, неразлучный другъ и собесѣдникъ пастуха въ безмолвной, какъ могила, пуштѣ. «Тоска вѣдь, а не наглядишься», говорятъ туземцы.—«Я ѣду въ пушту», скажетъ вамъ венгерецъ, сѣдлая длинногриваго коня, и непремѣнно покрутитъ свой длинный усъ; улыбка непремѣнно озаритъ суровое и загорѣлое лицо его. А чего, чего не видывала пушта на длинномъ вѣку своемъ! Видала битвы, грабежи, цыганъ, шайки удалыхъ молодцовъ, измѣны, народнаго поэта, подъ пестрымъ рубищемъ бродячаго комедіанта, въ корчмѣ внимающаго грустному напѣву родной пѣсни, сбирающаго здѣсь, здѣсь въ пуштѣ, эти молніи-слова и звуки, которые, сорвавшись съ звонкихъ струнъ, летѣли иск-

*) Такъ называется степь въ Венгріи.

рой по всей Венгріи, чтобы зажечь и стараго и малаго любовью къ родинѣ, къ этой широкой, грустной пуштѣ.

Сентябрское утро было ясно, но туча, подымаясь тамъ, надъ темно-синею далью, грозила проницающимъ осеннимъ дождикомъ, холоднымъ, безконечнымъ, скучнымъ, будто нравоученіе ворчливой мачихи; воздухъ былъ ясенъ и прозраченъ, какъ это бываетъ осенью послѣ дождя. По грязной дорогѣ, извивающейся черною лентой межъ пустынныхъ болотъ, ѣхали другъ за другомъ, почти шагомъ, двѣ высокія кареты въ восемь лошадей: четыре врядъ и по двѣ цугомъ, съ однимъ вершникомъ; за ними, отставъ довольно далеко, тащились двѣ венгерскія брички четверками; огромные колеса каретъ вязли въ грязи; грузные, расписанные кузовы качались на высокихъ рессорахъ и ремняхъ изъ стороны въ сторону. Навстрѣчу ѣдущимъ, краемъ дороги, пробирались, перепрыгивая черезъ лужи, человѣкъ пять мальчиковъ и старикъ съ цимбалами на ремнѣ; два черные, длинноволосые, лѣтъ, можетъ-быть, по шестнадцати, шли впереди съ кожаными мѣшками за плечомъ, изъ которыхъ выглядывали головки скрипокъ и концы смычковъ; третій, постарше всѣхъ, вслѣдъ за солистами тащилъ за ручку на плечѣ, красный какъ огонь, віолончель, съ придѣланною внизу длинною подставкою; позади шли двое: одинъ, бѣлокурый, съ волынкой подъ мышкою, былъ весь обвѣшанъ длинными и коротенькими дудками, а другой, рябой, невзрачный мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, доѣдая кусокъ чернаго хлѣба, несъ треугольникъ и полдюжины проволочныхъ мышеловокъ; увидѣвъ ѣдущихъ, бродячіе художники остановились и сняли свои войлочныя, коричневыя шляпы.

— Voyez, voyez! Les musiciens ambulants, произнесла, высунувшись изъ кареты, съ рѣзвою улыбкою, женская, почти дѣтская, бѣлокурая головка, съ личикомъ, напоминающимъ головки кисти Грёза.—Il faut qu'ils, jouent, Josephe. Непремѣнно... Я хочу ихъ слышать, говорила она то по-русски, то по-французски, обращаясь къ своему спутнику, красивому молодому человѣку, въ синей коротенькой венгеркѣ; молодой человѣкъ дернулъ снурокъ, и экипажъ остановился.

— Sage dasz sie spielen, обратился онъ къ егерю, соскочившему съ козелъ.

Нѣмецкій выговоръ молодаго путешественника обличалъ природнаго Вѣнца. Егерь, почтительно приподнявъ свой зеленый, съ золотымъ позументомъ, картузъ, отвѣтилъ: «sehr wohl, jhre

Hoheit» и подошелъ къ музыкантамъ. Артисты, надѣвъ шляпы, вытащили изъ мѣшковъ скрипки; старикъ усѣлся на кочку съ цимбалами, волынщикъ раставилъ дудки, віолончелистъ воткнулъ подставку въ дернъ, и черезъ двѣ минуты походный оркестръ, по знаку перваго скрипача, грянулъ вербунку. Ямщикъ поправилъ на бокъ свою шляпу и, покручивая усы, поматывалъ длиннымъ бичомъ, вслушиваясь въ знакомый мотивъ роднаго, бѣшенаго танца; молодая путешественница, высунувшись изъ окна, смѣялась и, поминутно обращаясь къ спутнику, говорила: «C'est unique.. Прелесть... Браво, браво». Скрипачи, поглядывая изъ подлобья на знатныхъ слушателей, съ важностью виртуозовъ, нарѣзывали рѣзвый танецъ; сѣдой цимбалистъ выдѣлывалъ дроби, звенѣлъ колокольцемъ, гудѣлъ литаврами на металлическихъ, ржавыхъ струнахъ своего инструмента.

— А пѣсню, пѣсню... Dites, qu'ils jouent une chanson nationale, проговорила дѣтскою скороговоркой дама, поправивъ кружевную маленькую шляпку.—Не правда ли, какъ хорошо? Есть что-то своеобразное въ мотивѣ. Ne c'est pas? крикнула она, высунувшись изъ окна.

Изъ задней кареты выглянула молодая дама и утвердительно кивнула головою. Спутникъ передалъ, между тѣмъ, желаніе своей сосѣдки гусару, соскочившему съ запятокъ и оглядывавшему рессоры экипажа. Музыканты настроили скрипки и, переглянувшись, заиграли грустную, протяжную мелодію; цимбалы, будто похоронный колоколъ, глухо вторили пѣснѣ.

Это ее, грустную пушту, рисуетъ звукъ... Откуда эта связь, связь неразрывная нѣмой природы съ пѣсней, вырвавшейся, почти безъ вѣдома, изъ сердечнаго тайника пѣвца-туземца? Слушаешь,—и тѣ же думы-грёзы налетаютъ на душу, какія ей несутся съ молчаливаго простора пестрой пушты... Вотъ завылъ, слышите, осенній вѣтеръ, дождь моросить; вотъ вдругъ пахнуло не надолго чѣмъ-то весеннимъ, запахомъ цвѣтовъ, березки, сочныхъ травъ; а вотъ опять взяла васъ за сердце тоскливая, не прерывающаяся ни на минуту, ни весной, ни лѣтомъ, однообразная и жгучая, какъ горе бѣдняка, и тяжкая, будто разлука навсегда съ родимою стороной, съ своими, нота.

Молодая женщина слушала молча, отвалясь въ уголъ кареты.

— Какая грусть... Грустно-то какъ. Боже! Это грустнѣе еще нашихъ русскихъ пѣсенъ, проговорила она вполголоса по-русски, закрывъ глаза маленькою ручкой, обтянутою свѣжею лайкой.

— Довольно, произнесъ по-венгерски, озабоченно взглянувъ на свою спутницу и бросивъ червонецъ музыкантамъ, молодой путешественникъ.

Пѣсня, смолкая тише, тише, вдругъ словно улетѣла туда, далеко, гдѣ надъ синею лентою дали растетъ темная туча, грозя осеннимъ дождемъ, вѣтромъ и холодомъ. Экипажъ тронулся; бродячій оркестръ, крикнувъ: «эльэнъ», помахалъ шляпами и весело побрелъ своею дорогой.

Юная путешественница была наша русская великая княжна Александра Павловна, а спутникъ—мужъ ея, эрцгерцогъ и венгерскій палатинъ Іосифъ, братъ императора Франца. Молодые возвращались изъ Вѣны въ Офенъ, посѣтивъ два дальнія свои помѣстья. Это уже былъ не первый пріѣздъ ихъ въ Венгрію. Офенъ уже былъ знакомъ нѣсколько мѣсяцевъ съ эрцгерцогинею и успѣлъ полюбить ее. Въ Вѣнѣ молодая эрцгерцогиня произвела на всѣхъ самое благопріятное впечатлѣніе: привѣтливая ко всякому, не любившая церемоній и этикета, строго соблюдавшагося при чопорномъ вѣнскомъ дворѣ того времени, эрцгерцогиня затмила на первомъ же балѣ многихъ красавицъ, не говоря уже о некрасивой императрицѣ Терезѣ. «Comme elle est belle!» зашептали во всѣхъ концахъ, когда эрцгерцогиня вошла въ залу подъ руку съ императоромъ. Францъ, говорятъ, былъ пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ великой княжны съ его первою женою Елизаветою, родною сестрой матери великой княжны, императрицы Маріи Ѳеодоровны. Кто знаетъ, можетъ-быть эти раздавшіяся похвалы, прежде всего, кольнули въ сердце не красавицу Терезу; она продолжала звать ее: ma bonne amie, цѣловать въ лобъ, но въ черныхъ глаза самолюбивой неаполитанки всѣ, съ первой встрѣчи съ новою родственницей, замѣтили какой-то зловѣщій блескъ; а на челѣ ея каждый разъ появлялись тучи, когда неосторожный придворный принимался восхвалять при ней красоту эрцгерцогини.

Въ Офенѣ были назначены императоромъ маневры; эрцгерцогъ, въ этотъ разъ, ѣздилъ приглашать Франца и Терезу въ Офенъ; но тотъ и другая, неожиданно, отказались, отговариваясь неотложными занятіями; маневры были отмѣнены; большую часть идущаго въ Офенъ войска эрцгерцогъ воротилъ на ихъ квартиры. Посѣтивъ имѣнія, эрцгерцогъ и эрцгерцогиня останавливались иногда посмотрѣть мѣстныя войска и нерѣдко принуждены были ночевать въ венгерскихъ, сербскихъ селахъ и

деревняхъ. Народъ и особенно православные сербы валили толпами изъ дальнихъ деревень, заслышавъ, что ѣдетъ «съ Русіи дочь царская»; окруживъ высокую карету, сербы приходили въ неописанный восторгъ, когда эрцгерцогиня заговаривала съ ними по-русски; нѣкоторые подносили ей медъ, яйца, вино, ягоды.

— Кад смо те видили, кано сунце насъ огріяло [1]), толковали старики, опершись на свои длинные посохи и любуясь дочерью царя русскаго.—Фала Богу, кой те е послао у нашу землю [2]).

— Оглушили мы тебя, извинялась толпа, когда венгерская прислуга палатина принималась оттирать сермяжниковъ отъ экипажа, замѣчая имъ, что шумъ и говоръ ихъ безпокоятъ эрцгерцогиню.—Устала ты, говорили тогда крестьяне.—Далеко си ишо, да видишъ нашу краину [3]).

«Россія, русскій»—слова, донынѣ чарующія серба и особенно простолюдина; около этихъ словъ вьется у него столько надеждъ, что становится страшно русскому при мысли: выполнимъ ли мы хоть малую часть долга, возлагаемаго на каждаго изъ насъ этою жаркою любовью искреннихъ сердецъ? Поможемъ ли сбыться хотя долѣ этихъ упованій? Почти это же чувство заговорило въ юномъ сердцѣ дочери русскаго царя, когда она, краснѣя, благодарила за любовь бѣдныхъ, но богатыхъ упованіями и надеждами новыхъ младшихъ семьянъ своихъ. И новымъ свѣтомъ озарялось въ глазахъ влюбленнаго супруга вспыхивавшее, при этихъ простыхъ словахъ привѣта, румянцемъ лицо стыдливой, молодой подруги.

Мы не будемъ описывать двухнедѣльнаго путешествія молодыхъ супруговъ, парадовъ, встрѣчъ въ городкахъ съ неизбѣжною, скучнѣйшею, латинскою рѣчью старшаго пастора,—иллюминацій съ запахомъ свѣчнаго сала, съ вензелями и рисунками, отличающимися больше усердіемъ, нежели вкусомъ устроителей,—пира, на широкую руку заданнаго примасомъ Батіани, въ его роскошномъ лѣтнемъ дворцѣ, окруженномъ зеленью и виноградниками, уже увѣшанными спѣлыми, золотыми кистями;—мы прямо съ одинокой пушты перенесемъ читателя и экипажи въ Офенъ, на мостъ, перекинутый черезъ Дунай, на оживленныя улицы города, не ожидавшаго, впрочемъ, такъ рано палатина. Офенъ ждалъ его дней черезъ пять, вмѣстѣ съ царственною че-

---

[1]) Когда мы тебя увидали, точно солнце насъ обогрѣло.
[2]) Хвала Богу, пославшему тебя въ нашу землю.
[3]) Ты ѣхала издалека, чтобы посмотрѣть нашу сторону.

тою, и приготовлялъ роскошнѣйшую иллюминацію для встрѣчи; прибитые на стѣнахъ домовъ, на балконахъ, воротахъ и заборахъ деревянные щиты, вензеля, транспаранты—напоминали первую корректуру, имѣющей явиться въ свѣтъ, хвалебной оды: тамъ буква выскочила изъ строки, знакъ восклицанія перевернулся въ верхъ ногами, ять влѣзла не въ указанное мѣсто, а точка съ запятой, безъ зазрѣнія совѣсти, лѣзетъ въ несвойственную ей должность двоеточія. Два толстяка, изъ членовъ магистрата, завидя экипажъ эрцгерцога, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ приподняли свои широкополыя шляпы, а подошедшій къ нимъ третій, оправляя свой громаднѣйшій парикъ, гордость сосѣдняго цирульника, даже произнесъ, здороваясь съ сочленами: «да какъ же это такъ? Вѣдь палатинъ хотѣлъ быть вмѣстѣ съ королемъ»? (Высшее и среднее сословія въ Венгріи называютъ королемъ императора; простой народъ называетъ его «csásár»). Кареты, не обративъ однакоже вниманія на это недовольство членовъ магистрата, надѣявшихся, вѣроятно, припрятать сотенку-другую гульденовъ отъ пыланія щитовъ и плошекъ, изображающаго неугасимый пламень вѣрноподданнѣйшихъ сердецъ городскаго населенія, простучавъ мостомъ, въѣхали задними воротами на дворъ зàмка, занимаемаго палатиномъ. Смеркалось, но дворецъ былъ не освѣщенъ; только внизу, въ швейцарской, мерцалъ огонекъ. Заслышавъ стукъ экипажей, старикъ-швейцаръ выбѣжалъ на крыльцо и, хлопнувъ себя раза два, зачѣмъ-то, по длиннымъ поламъ сюртука руками, убѣжалъ снова въ переднюю. Эрцгерцогъ вошелъ подъ руку съ женою въ просторныя сѣни, полуосвѣщенныя одною лампою.

— Извините, ваше высочество, мы не ждали, бормоталъ, бѣгая изъ угла въ уголъ, толстый швейцаръ.—Карлъ, Іоганнъ! кричалъ онъ, выбѣжавъ на крыльцо.

Черезъ дворъ, въ припрыжку, бѣжалъ въ одномъ фракѣ, опираясь на трость, въ огромномъ парикѣ и на необыкновенно тонкихъ ножкахъ, худенькій, съ озабоченнымъ желтымъ лицомъ, гофмейстеръ; вбѣжавъ въ сѣни, онъ остановился въ почтительномъ отдаленіи и началъ выдѣлывать па, очень похожіе на тѣ, которые выдѣлываютъ актеры, выражая благодарность, благосклонно аплодирующей имъ, публикѣ.

— Aber lieber, Ритманъ! Не стыдно ли вамъ, въ ваши лѣта, такъ бѣгать? Вы совсѣмъ задохлись, проговорилъ эрцгерцогъ.

Гофмейстеръ, съ ловкостью танцмейстера, преклонилъ колѣно и какъ-то на лету поцѣловалъ руку эрцгерцогини.

— Но, мы никакъ не думали, ваше высочество, чтобы вы такъ скоро... Я получилъ послѣднее письмо вашего высочества, оправдывался старикъ-придворный, задыхаясь и роясь въ карманѣ фрака.—Оно...

— Я измѣнилъ маршрутъ, отвѣчалъ эрцгерцогъ, поднимаясь съ женою по освѣщенной уже лѣстницѣ.

Лакеи бѣгали по комнатамъ взадъ и впередъ со свѣчками, и черезъ пять минутъ дворецъ былъ освѣщенъ; запылали камины, а на бельведерѣ развѣвался бѣлый флагъ съ гербомъ палатина Венгріи.

Дворецъ эрцгерцога немногимъ отличался отъ богатаго помѣщичьяго дома, но, отдѣланный заново для новобрачныхъ, глядѣлъ привѣтливо; въ бѣлую, небольшую гостиную эрцгерцогини, черезъ полчаса, гофмейстеръ ввелъ католическаго, длиннаго и тонкаго, патера, съ женственнымъ, розовымъ лицомъ и пожилаго уже русскаго священника, одѣтаго въ рясу; тогда, въ Вѣнѣ, наши духовные носили свою обычную одежду и не подбирали волосъ съ тѣмъ мастерствомъ, съ какимъ это дѣлаетъ современное православное духовенство при миссіяхъ; гофмейстеръ, озабоченнымъ взоромъ окинувъ комнату, вышелъ; гости встали подлѣ окна.

— Вотъ сюрпризъ, заговорилъ по-нѣмецки, улыбаясь и взявъ подъ мышку свою пуховую, съ загнутыми полями, шляпу, патеръ.—И вы, patre, не имѣли свѣдѣній?

— Не имѣлъ, отвѣчалъ, тоже свободно по-нѣмецки, русскій священникъ.—Я только-что воротился изъ садика, продолжалъ онъ,—какъ вдругъ вбѣгаетъ ко мнѣ дочь: «ихъ высочества», говоритъ, «пріѣхали».

— Да; неожиданно... Я думалъ приготовить, все-таки, короткое привѣтствіе, говорилъ, краснѣя, патеръ,—и набросалъ бы, но такъ какъ ждали императора, то думаю себѣ: епископъ долженъ произнести...

Въ это время вошла хозяйка въ свѣтло-голубомъ атласномъ платьѣ; ласково поклонившись патеру, она подошла къ благословенію; священникъ благословилъ ее, и эрцгерцогиня, сѣвъ въ кресло, жестомъ пригласила сѣсть и гостей.

— Вы насъ, вѣрно, не ожидали? заговорила по-французски хозяйка.—Мы и сами не думали такъ скоро быть... Но ихъ величества объявили, что не могутъ быть въ Офенѣ раньше зимы; ихъ остановили дѣла... Вѣну вы знаете... Насъ утомили балы, вечера, и мы поспѣшили вырваться.

Патеръ, погладивъ шляпу и поправившись въ своемъ креслѣ, отвѣчалъ на рѣчь эрцгерцогини, выразивъ улыбку сожалѣнія:

— Да, ихъ величества въ настоящее время, должно-быть, очень заняты: продолжительная война, сношенія съ дворами—все это отнимаетъ много времени у нашего милостиваго монарха.

Недавно взятый ко двору, патеръ проговорилъ свое, не особенно меткое, замѣчаніе такимъ сдержаннымъ, тихимъ гласомъ, какъ бы боясь оскорбить слухъ высокой собесѣдницы, что эрцгерцогиня не слыхала и половины сказаннаго.

— Да, императоръ очень занятъ, подтвердила она и, обратясь къ русскому священнику, спросила:

— А ваша дочь здорова?

Священникъ, поблагодаривъ за милостивое вниманіе, отвѣчалъ:

— Она первая сообщила мнѣ о пріѣздѣ вашего высочества.

Въ дверяхъ показалась красивая фигура палатина; раскланявшись съ гостями, онъ поправилъ бѣлокурые усы, удивительно шедшіе къ правильно-овальному лицу его, и сѣлъ подлѣ жены; лакеи подали чай; къ обществу присоединились, вошедшіе вслѣдъ за эрцгерцогомъ, гофмейстеръ и адъютантъ, здоровый, съ грубоватыми манерами и очень молодой венгерецъ.

— Et notre marquise? спросила священника, взявъ чашку, хозяйка.

— Она здѣсь въ Офенѣ, ваше высочество, отвѣчалъ священникъ;—но какъ я ни убѣждалъ ее переѣхать ко мнѣ, не могъ убѣдить, и она живетъ въ гостиницѣ.

— Я очень рада... Мы съ ней давно знакомы, дѣтьми игрывали вмѣстѣ въ Гатчинѣ, проговорила эрцгерцогиня, и будто легкая тучка пробѣжала по молодому, свѣжему ея лицу.

Гофмейстеръ, замѣтивъ это, озабоченно поглядѣлъ на нее, на ея чашку и потомъ на подававшаго печенья лакея, вѣроятно, полагая, что недовольство ея высочества возбуждено неловкостью или несовершенствомъ сервировки. Эрцгерцогу доложили о пріѣздѣ коменданта Офена; онъ вышелъ въ сопровожденіи адъютанта въ пріемную. Маленькіе дворы часто стараются походить на большіе, но во дворцѣ эрцгерцога, какъ ни хлопоталъ гофмейстеръ о строжайшемъ этикетѣ, было уютно и просто; эта простота, не совсѣмъ нравившаяся гордымъ венгерскимъ магнатамъ, поддерживалась единодушно хозяиномъ и хозяйкою; эрцгерцогиня часто садилась за клавесинъ и пѣла; ея нотный альбомъ такъ и остался раскрытымъ на русской пѣснѣ: «Ахъ, скучно

мнѣ на чужой сторонѣ». Пѣніе нерѣдко вызывало изъ кабинета мужа, если никого у него не было; онъ садился подлѣ жены и, опершись на спинку ея стула, задумчиво слушалъ, перелистывая ноты; садовникъ-сербъ безцеремонно являлся съ первою, созрѣвшею въ парникѣ, дынею, и тутъ же оправлялъ цвѣты на окнахъ; карликъ, одѣтый гусаромъ, смѣло вбѣгалъ къ хозяйкѣ съ жалобою на камеръ-юнгферъ, приколовшихъ разноцвѣтный бантикъ къ его полуаршинному долману; во дворцѣ устраивались концерты, вечера, на которыхъ танцовали экосезы подъ негромкіе аккорды клавесина.

— А я вамъ покажу планъ новаго моего сада въ имѣньи, говорила священнику, позвонивъ и велѣвъ подать планъ изъ кабинета, эрцгерцогиня.—Вы вѣдь любитель.

Священникъ принялся внимательно разсматривать планъ; патеръ тоже, изъ вѣжливости, заложивъ назадъ руки, посматривалъ на листъ, испещренный разноцвѣтными колерами и надписями по-французски: «аллея, газонъ, бесѣдка».

— Но какая мѣстность!... Да, вы были, вѣдь, говорила хозяйка;—садъ на горѣ... внизу рѣчка съ островкомъ... Я думаю на островкѣ построить швейцарскій домикъ...

— Постройте русскую избу, ваше высочество, съ рѣзьбою, полотенцами, возразилъ священникъ.

Эрцгерцогиня кивнула утвердительно головой.

— Правда... Прекрасно, отвѣчала она по-русски.—Вотъ карандашъ... Напишите, вмѣсто chalet, по-русски: «изба».

Гофмейстеръ, вышедшій-было къ эрцгерцогу, вошелъ и доложилъ, что пріѣхала маркиза ди-Сальма, но боится, не потревожитъ ли она, въ день пріѣзда, ея высочество.

— Нисколько... Bitten sie... И послушайте... ей надобно сегодня же къ намъ переѣхать во дворецъ, проговорила хозяйка.

Гофмейстеръ поклонился, но, выйдя изъ гостиной, нахмурился и, покачавъ головою, прошепталъ: «удивительна мнѣ иногда эрцгерцогиня... Сегодня... Какъ это сдѣлать сегодня, когда...» Но, увидавъ маркизу въ пріемной, онъ вытянулся и, выразивъ на худощавомъ лицѣ своемъ улыбку, предложилъ руку и ввелъ пріѣзжую, уже съ сіяющимъ лицомъ, въ гостиную. Послѣ обычнаго тогда придворнаго поклона, маркиза подошла къ рукѣ эрцгерцогини; хозяйка поцѣловала ее и, взявъ за обѣ руки, усадила противъ себя.

— Ну, какъ вы, начала она то по-французски, то по-русски.— Et votre maman? Вашъ мужъ гдѣ?

Гостья едва успѣвала отвѣчать на множество вопросовъ, дѣлаемыхъ ей хозяйкою; священникъ и патеръ откланялись и вышли.

Русскій священникъ былъ Самборскій, духовникъ и постоянный спутникъ Александры Павловны; онъ жилъ сначала въ Лондонѣ; знаменитый въ свое время знатокъ ботаники и сельскаго хозяйства, онъ былъ совѣтникомъ эрцгерцогини и въ устройствѣ сада, разбиваемаго въ ея имѣньи, въ Венгріи. Его участіе къ сербамъ и содѣйствіе православнымъ приходамъ до сихъ поръ памятны въ Венгріи. Бракъ великой княжны возбудилъ мечты и упованія не въ однихъ венгерскихъ сербахъ; сербы турецкіе, участвовавшіе въ войнѣ противъ Турціи съ австрійцами и русскими, искали и находили нерѣдко защиту при дворѣ эрцгерцогини черезъ Самборскаго. Римско-католики косились на него, но уважали, зная о его близости, какъ духовника, къ супругѣ палатина.

Передъ ужиномъ маркиза была представлена эрцгерцогу; за столомъ, кромѣ хозяевъ, присутствовали гофмейстеръ, фрейлина, племянница воспитательницы хозяйки, и адъютантъ, живущій во флигелѣ дворца.

Кажется, не далеко отъ нашего описываемое время, а между тѣмъ все, начиная отъ высокихъ, пудреныхъ, дамскихъ тупеевъ съ жемчужными нитками, подвѣшенными по бокамъ, и кружевными легкими наколками до люстръ и жирандолей съ гранеными хрустальными подвѣсками,—словомъ, вся обстановка далеко была не похожа на нынѣшнюю; фарфоровые пастухи и пастушки на солонкахъ, расписанный сервизъ, агатовыя ручки ножей и вилокъ, вазы vieux saxe для плодовъ, венеціанскій хрусталь съ гербами, перламутровыя пуговицы фраковъ съ миніатюрными пейзажами, встрѣчаясь теперь только въ музеяхъ, переносятъ живо въ то время, которое отдалено не годами, а непостоянствомъ вкуса, покоряющагося безпрекословно капризной повелительницѣ—модѣ. Съ улыбкою чуть-чуть не сожалѣнія о наивности щеголихъ смотритъ нынѣшняя красавица на старинный уборъ, считавшійся когда-то изящнымъ и красивымъ, не думая о томъ, что черезъ двадцать-тридцать лѣтъ съ такою же снисходительною усмѣшкой будетъ поглядывать на ея наряды ея дочь или хорошенькая внучка.

За ужиномъ хозяйка и хозяинъ старались занимать гостей, но гости замѣчали облачко, то и дѣло набѣгавшее на прекрас-

ное лицо хозяйки, и тревожные, озабоченные взгляды эрцгерцога, поминутно имъ кидаемые на жену. Маркиза, гофмейстеръ и адъютантъ хотя и видѣли ясно грустное настроеніе хозяевъ, но не знали причины его; фрейлина, прибывшая съ ними вмѣстѣ изъ Вѣны, судя по потупленному взору и грустной улыбкѣ, съ которою отвѣчала она на вопросы маркизы, очень хорошо знала, какіе гостинцы привезли изъ Вѣны высокіе хозяева вмѣстѣ съ новою робою и великолѣпнѣйшимъ сервизомъ, подареннымъ имъ императрицею. Тотчасъ послѣ ужина всѣ разошлись; маркиза уѣхала въ свою гостиницу; она была приглашена эрцгерцогомъ переѣхать во дворецъ, а завтра посмотрѣть парадъ, назначенный, вмѣсто маневръ, войскамъ, стоявшимъ подлѣ Офена.

Утро было сіяющее; на широкой полянѣ, за Офеномъ, выстроились войска; надъ темными квадратами пѣхотныхъ полковъ, стоявшихъ посрединѣ, развѣвались трехцвѣтныя знамена съ вышитыми и написанными образами Богоматери; два полка гусаръ съ разноцвѣтными штандартами, съ надписями: «за отечество», «ne bántsd á Magyart» (не тронь маджара), и полуэскадронъ сербовъ, тоже на коняхъ, стояли по обѣимъ сторонамъ пѣхоты; въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ войска пестрѣла толпа зрителей; по гладкой дорогѣ, вьющейся отъ раскинутаго города, неслись экипажи съ разряженными дамами, скакали всадники, амазонки, извощичьи фіакры; изъ толпы экипажей выдѣлилась открытая коляска четвернею цугомъ, безъ вершника. «Эрцгерцогиня, палатинъ!» заговорили въ толпѣ, мимо которой, полемъ, крупною рысью пронеслась четверка и остановилась у кучки верховыхъ лошадей, охорашиваемыхъ берейторами; въ коляскѣ сидѣли эрцгерцогиня, маркиза, фрейлина и палатинъ. Стоявшіе сзади, два гусара откинули подножки; эрцгерцогъ, высадивъ жену, помогъ ей сѣсть на сѣраго, въ яблокахъ, коня, вскочилъ самъ на своего каряго венгерца, и молодая чета галопомъ полетѣла къ войску. Украшенная голубою, андреевскою лентою, шитая золотомъ, грудь малиноваго амазонскаго платья, расшитый золотомъ же, темнозеленый ментикъ эрцгерцогини, бриллiантовыя броша и перо на ея маленькой гусарской шапочкѣ горѣли на солнцѣ; грянула музыка, барабаны, и громкое «эльенъ» публики и войска огласило поле, когда красивая пара, осадивъ лошадей, поѣхала

плавною рысью мимо фронта; маркиза съ фрейлиною, подвинувшись въ экипажѣ къ войскамъ, любовались не столько войсками, сколько, въ самомъ дѣлѣ необыкновенно красивою, молодою четою. Поздоровавшись съ войсками, эрцгерцогъ и эрцгерцогиня встали среди поляны, во главѣ съѣхавшейся многочисленной, нарядной свиты, и войска двинулись мимо, подъ звуки музыки; проходила пѣхота, гусары ѣхали то шагомъ, то рысью.

Но вотъ, пришпоривъ своихъ крутошеихъ коней, огненныхъ питомцевъ пушты, закусивъ коротенькія трубки гусары понеслись вихремъ, съ гиками, по широкому полю; будто приросъ маджаръ къ крылатому коню, почуявъ вдругъ въ себѣ, на этомъ бѣшеномъ скаку свою степную, южную породу.... Стрѣлою, пулею несется, разметавъ густую гриву, конь.... Нѣтъ, мало ѣздоку... «Гей! Жару»! крикнулъ онъ, ударивъ острой шпорой скакуна, ужь мечущаго не дыханье, пламя изъ широкихъ ноздрей, сверкающаго изъ-подъ косматой чолки черными, какъ уголь, и налившимися кровью и огнемъ, свирѣпыми очами. Куда? Куда несешься ты, маджаръ, давъ волю огненной, степной своей природѣ? Въ пылу своей народной гордости, ты позабылъ, что человѣчество—одна семья, едино стадо съ однимъ небеснымъ, вѣчнымъ Пастыремъ. Пусть возведетъ поэтъ твой очарованныя очи туда, на небосклонъ, синѣющій не надъ одною пуштою; на яркой синевѣ его блистаетъ солнце, грѣя и озаряя весь Божій міръ, не одну Венгрію. Вотъ сербы понеслись на своихъ борзыхъ коняхъ, грянувъ тысячеустное «живіо» русской красавицѣ. Не Марко ли кралевичъ, на своемъ крылатомъ Шарцѣ, понесся впереди, въ расшитой золотомъ, шелками курткѣ, сверкнувъ острою саблею и звонко грянувъ изъ обдѣланной на диво въ серебро прадѣдней пушки—джевердана?

Парадъ окончился. Послѣ непродолжительнаго завтрака, къ которому были приглашены и маркиза съ фрейлиною, заданнаго военными въ раскинутой палаткѣ, эрцгерцогиня и эрцгерцогъ сѣли въ экипажъ и поѣхали въ Офенъ, мимо толпы, машущей шляпами, платками, подъ громкій крикъ: «эльенъ, живіо, слава».

Когда коляска палатина, обогнувъ круглый газонъ передняго двора, остановилась у подъѣзда, дворъ былъ уже уставленъ экипажами; на крыльцѣ, въ швейцарской, на лѣстницѣ толпились, пробираясь въ пріемную, мущины, дамы, духовныя особы, такъ какъ назначенъ былъ пріемъ послѣ парада у эрцгерцога и эрцгерцогини; послѣдняя пошла къ себѣ переодѣться; пала-

тинъ прямо прошелъ въ свою пріемную; дамы проходили въ сосѣдній, дамскій залъ; наконецъ, вышла эрцгерцогиня; нѣкоторыя изъ духовныхъ лицъ перешли въ ея залъ. Епископъ православной, офенской епархіи, первый, въ сопровожденіи Самборскаго подошелъ къ хозяйкѣ; благословивъ ее, онъ отошелъ къ другимъ дамамъ, уступивъ свое мѣсто католическому бискупу, упитанному, высокому человѣку, съ лицомъ, обличающимъ скорѣе страсть хорошо пожить, съѣсть, выпить, чѣмъ тяготѣніе къ постничеству и лишеніямъ. Поздравивъ хозяйку, очень ловкою французскою фразою, съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ путешествія и мимоходомъ доложивъ, что въ Офенѣ постоянно возсылались и возсылаются мольбы Всевышнему о сохраненіи драгоцѣннаго здоровья ихъ высочествъ, бискупъ потупилъ взоры и, перебирая кольца золотой цѣпочки, на которой висѣлъ его докторскій крестъ, началъ сдержаннымъ голосомъ такую рѣчь:

— Я осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ вашего высочества покорнѣйшую мою просьбу.

Хозяйка вопросительно взглянула на него.

— Дѣло вотъ въ чемъ, продолжалъ бискупъ:—къ слушанію греческой обѣдни, отправляемой въ дворцовой церкви вашего высочества, допускаются сербы и другіе не греческаго, но римско-католическаго исповѣданія.

— Мнѣ кажется, serenissime, возразила, вспыхнувъ, хозяйка, и въ римско-католическихъ церквахъ, во время обѣденъ, не препятствуютъ присутствовать людямъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

— Несомнѣнно, отвѣчалъ бискупъ.—Но мы, по возможности, стараемся не допускать, чтобы наша собственная паства, и особенно необразованная часть ея, посѣщала церкви другихъ исповѣданій, и вотъ на какомъ основаніи: народъ глупъ, народъ, ваше высочество, не зная хорошо тезисовъ, находится въ заблужденіи, а именно: слушая обѣдню на понятномъ ему языкѣ, онъ думаетъ, что это и есть его вѣра.

— Я не смѣю дѣлать вамъ нравоученій, возразила съ легкою ироніею хозяйка, но, мнѣ кажется, мѣры къ устраненію этого заблужденія могутъ быть приняты исключительно самимъ католическимъ духовенствомъ: ему слѣдуетъ объяснить народу тезисы и отправлять богослуженіе на языкѣ ему понятномъ.

Бискупъ замялся, но черезъ минуту, поднявъ голову и съ

важностію погладивъ свой жирный и гладко выбритый подбородокъ, отвѣчалъ:

— Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ вашего высочества, но съ точки зрѣнія, съ которой смотритъ, напримѣръ, на употребленіе латинскаго языка въ богослуженіи духовенство, можно возразить многое.... Но возраженія эти слишкомъ спеціальны, слишкомъ сложны и утомительны, чтобъ я сталъ обременять ими вниманіе вашего высочества.

— Я смотрю съ точки зрѣнія здраваго смысла, serenissime, рѣзко замѣтила, быстро пожавъ плечами, эрцгерцогиня.

Этимъ движеніемъ и быстрыми переходами отъ милости къ гнѣву Александра Павловна очень напоминала отца своего, императора Павла.

Бискупъ потупилъ глаза, сухо поклонился и съ лицомъ обиженнаго человѣка, извиняясь передъ всѣми, выбрался черезъ толпу дамъ и духовенства въ пріемную эрцгерцога. Хозяйка заговорила съ дамами, но сквозь обычную ея любезность и привѣтливость проглядывало ясно неудовольствіе, возбужденное приведеннымъ разговоромъ. Палатинъ обошелъ дамъ, и пріемъ кончился.

— Ты вспылила на что-то, ласково замѣтилъ онъ женѣ, когда они остались одни.

— Да.... Я послѣ разскажу тебѣ, хотя.... не стоитъ и разсказывать.... Это такой вздоръ, объясняла эрцгерцогиня, сѣвъ въ кресло и обмахиваясь костянымъ вѣеромъ.

Вечеромъ, маленькій колоколъ придворной церкви благовѣстилъ ко всенощной, такъ какъ былъ канунъ Воздвиженія; эрцгерцогиня прошла въ церковь внутренними покоями, въ сопровожденіи маркизы и фрейлины; на парадной, узкой, внѣшней, лѣстницѣ церкви толпилось человѣкъ шестьдесятъ сербовъ, большею частію изъ низшаго сословія, заглядывая въ стеклянную дверь освѣщеннаго небольшаго храма; швейцаръ, стоявшій внизу, впустилъ еще человѣкъ пять и опять загородилъ широкимъ своимъ туловищемъ дверь. Раздалось пѣніе; хоромъ, состоящимъ изъ восьми человѣкъ придворныхъ пѣвчихъ, привезенныхъ изъ Россіи, управлялъ молодой регентъ, ученикъ знаменитаго Турчанинова. «Хвалите Господа съ небесъ», стройно пѣлъ хоръ. И нужно было видѣть, какъ, опустивъ сѣдую голову, вслушивался въ слова хвалебной пѣсни колѣнопреклоненный старый сербъ; подлѣ него высилась мощная фигура черногорца, къ

роднымъ пріѣхавшаго въ Пештъ; градомъ катились слезы у богатыря на бѣлый казакинъ и изъ взволнованной, могучей груди то и дѣло вырывалось: «фала Богу великоме». А впереди стояла, будто ангелъ, надежда юная славянъ, внимая чудной молитвѣ родной церкви «о единеніи».

Священникъ, обходя съ кадиломъ храмъ, пошелъ и на площадку лѣстницы, гдѣ висѣлъ образъ Богоматери; не успѣлъ приблизиться онъ къ двери, какъ гофъ-фурьеръ принялся гнать богомольцевъ съ лѣстницы; смирные сербы вышли и остановились-было на дворѣ дослушать всенощную, но два полицейскіе солдата, думая угодить фурьеру, ворвались въ толпу и принялись гнать бѣдняковъ къ воротамъ палками; одни оборонялись, отталкивая осторожно полицейскихъ, другіе, почесывая спины, ушли; въ это время подъѣхалъ Новаковичъ, сербъ, ротмистръ, состоявшій при эрцгерцогѣ; обругавъ, не къ мѣсту, не ко времени услужливыхъ стражей порядка, онъ вошелъ въ церковь и доложилъ о происшедшемъ, послѣ всенощной, шедшему на встрѣчу женѣ, эрцгерцогу. Палатинъ вышелъ изъ себя; проводивъ эрцгерцогиню, по счастію не слыхавшую шума на дворѣ, Іосифъ приказалъ позвать гофмейстера; спросивъ его: «чье это распоряженіе» и получивъ въ отвѣтъ: «не знаю», палатинъ вспылилъ еще больше и чуть не выгналъ изъ кабинета озадаченнаго старика, настрого приказавъ, чтобъ этого впередъ не было.

Гофмейстеръ, немного покрививший душой въ отвѣтѣ своемъ, что не знаетъ, кто велѣлъ выслать сербовъ отъ всенощной, всталъ въ тупикъ; въ этотъ разъ подстрекнулъ его, правда, бискупъ, но онъ самъ давно добирался до этихъ негодяевъ, которымъ, вѣроятно, чтобы посмѣяться надъ ними, разъ позволили ихъ высочества придти къ обѣднѣ; онъ не могъ переварить въ своей, помѣшанной на этикетѣ, головѣ, какъ можно, чтобы простолюдинъ стоялъ даже въ сѣняхъ придворной церкви.

Сербы на другой день, несмотря на вчерашніе не слишкомъ гостепріимные проводы, привалили къ обѣднѣ, но встали-было на дворѣ; вдругъ, къ удивленію ихъ, швейцаръ отворилъ настежъ двери и пригласилъ войдти на паперть: богомольцы робко пошли, крестясь и недовѣрчиво поглядывая на швейцара; двери въ церковь тоже были отворены, и чтеніе ясно было слышно, доносясь, вмѣстѣ съ запахомъ ладана, до паперти. Разсказы объ этой обѣднѣ ходили долго по Угорью; они напоминали разсказъ славянъ, побывавшихъ въ Царьградѣ у св. Софіи, записанный нашимъ Несторомъ.

— Нѣтъ, lieber Herr Staatsraht, говорилъ между тѣмъ, въ этотъ день вечеромъ, гофмейстеръ, распивая бутылку стараго токая съ своимъ пріятелемъ, отставнымъ секретаремъ обергерихта,—намъ, старикамъ, пора убираться на покой; мы не годимся никуда при этихъ, нынѣшнихъ, порядкахъ. Въ наше время чтобъ осмѣлилось лѣзть во дворецъ простонародье, при старомъ герцогѣ?...

Гофмейстеръ, говоря о прежнихъ порядкахъ, часто употреблялъ фигуру умолчанія; такъ и теперь, не договоривъ періода, онъ только сжалъ кулакъ и молча взглянулъ на собесѣдника; и собесѣднику было совершенно понятно, что могло случиться съ простонародьемъ, попавшимъ во дворецъ при старомъ герцогѣ. Австрійцы, находившіеся въ свитѣ палатина, вообще, не могли переваривать, какъ это эрцгерцогиня, и съ его высочествомъ, ходитъ иногда послѣ обѣдни во флигель, къ русскому попу и кушаетъ у него пирогъ, испеченный поповскою дочерью; ихъ также изумляло, какъ ея высочество могла, дорогою, взять на руки крестьянскаго ребенка на одной изъ станцій и держать, покуда молодая маджарка, мать, цѣдила изъ боченка вино для его высочества; даже въ эрцгерцогѣ австрійцы замѣчали значительную перемѣну послѣ женитьбы; двадцати-трехлѣтній юноша до поѣздки въ Петербургъ держалъ себя важно, ходилъ точно во фронтѣ, танцовалъ какъ старикъ, едва передвигая ноги.

Наше время особенно падко на тенденціи; попадись описываемые факты въ руки другаго, болѣе дѣловаго писателя, онъ бы возвелъ и палатина и великую княжну въ званіе дѣятелей, борцовъ за демократическія начала, за славянскій вопросъ и такъ далѣе. И какъ бы исказилъ тенденціозный писатель эти двѣ привлекательныя личности; оба они были, просто, прекрасные, полные жизни, молодые люди; русское общество, дворъ, гдѣ много было уважаемыхъ всѣми людей не знатнаго происхожденія, лучше всякихъ нравоученій научили великую княжну видѣть во всякомъ человѣкѣ и въ простолюдинѣ—ближняго. Есть даже два сочиненія ея; онѣ напечатаны въ журналѣ: «Муза» и незнакомы почти никому: это два небольшіе дѣтскіе разсказа съ запахомъ школьной комнаты, но въ нихъ, сквозь дѣтскіе пріемы, свѣтится уже любовь къ бѣдняку, къ низшему; такое воспитаніе и пріучило молодую царскую дочь, безъ всякаго разсчета, любоваться и ласкать красавца-мальчика, невзирая на то, что его мать была, какъ выражались тогда, «подлаго» происхожденія, и

не запирать передъ простыми единовѣрцами дверей своей дворцовой церкви. Нѣтъ, навязавъ черты холоднаго разсчета, я исказилъ бы прекрасный, незабвенный образъ женщины, наивностью и искренностью привязывавшей всѣхъ къ себѣ, кто приближался къ ней,—привязывавшей, говорятъ, съ первыхъ же двухъ-трехъ словъ, впервые видѣвшаго ее человѣка. Старый гофмейстеръ, постоянно удивлявшійся, какъ эрцгерцогиня, при своихъ блестящихъ способностяхъ, не умѣетъ, какъ слѣдовало бы, себя поставить, вѣроятно, страшно бы разсердился на меня за эти похвалы искренности и наивности ея высочества, но прибавить или измѣнить что-либо въ ея портретѣ я не рѣшаюсь, при всемъ моемъ уваженіи къ памяти почтеннаго гофмейстера.

Маркиза, между тѣмъ, со страхомъ ожидала возвращенія матери изъ Вѣны, куда отправилась княгиня узнавать о маркизѣ, переставшемъ вовсе писать, и о томъ, какъ смотрятъ въ Петербургѣ на долговременное пребываніе ея и князей за границею; княгиня ѣхала въ Офенъ съ цѣлію просить эрцгерцогиню ходатайствовать передъ императоромъ о дозволеніи маркизу воротиться въ Россію. Ужасъ маркизы былъ такъ великъ, что стукъ каждой кареты, подъѣзжающей ко дворцу, куда маркиза переѣхала, заставлялъ ее вздрагивать; она знала, что невозможно убѣдить непреклонную княгиню отложить опасную попытку, и не могла безъ слезъ подумать, что вотъ скоро, можетъ-быть, эта ласковая, добрая эрцгерцогиня оттолкнетъ ее, какъ наглую просительницу, требующую отъ нея невозможнаго. Кто знаетъ, за что онъ высланъ? «Великая княжна (такъ по привычкѣ мысленно звала ее маркиза) напишетъ, по добротѣ своей, отцу; императоръ разгнѣвается. Въ какое положеніе поставимъ мы себя передъ ней?» думала маркиза ночи на пролетъ, не сообщая своихъ думъ даже повѣренной тайнъ своихъ, Дуняшѣ; горничная замѣчала тяжкое настроеніе госпожи и врядъ ли не догадывалась о причинѣ его. На счастье, въ Вѣнѣ задержали, дольше положенной недѣли, княгиню денежныя дѣла и, между прочимъ, пришедшіе изъ подмосковной, «ходоки» съ слезною жалобою на бурмистра; княгиня разбранила трехъ путешественниковъ-мужиковъ и, для объясненія съ ними, выписала князя изъ Венеціи. «Выдрать бы ихъ, матушка, ваше сіятельство», говорила, пришепетывая, Прасковья, раздѣвая княгиню. «Вотъ бы они и узнали, какъ по заграницамъ-то шататься». Обвиняемый мужиками, бурмистръ приходился съ родни Прасковьѣ и поэтому

пользовался ея особеннымъ расположеніемъ. Объясненіе съ пріѣхавшимъ нарочно изъ Венеціи княземъ тоже не много принесло пользы; разсказавъ разъ десять подробно зѣвающему князю въ чемъ дѣло, ходоки, видя, что онъ ничего не понялъ, отступились и, почесавъ затылки, обругали единодушно себя дураками: «и впрямь, дурачье мы, братцы», толковали они, стоя у подъѣзда отеля: «перли эдакую даль невѣдомо зачѣмъ, за пустымъ дѣломъ. Какъ ты ему втемяшишь? Вишь онъ какой, Богъ съ нимъ. Только табакъ свой нюхаетъ. Что станешь дѣлать»?

— Я разузнаю это дѣло, напишу, говорилъ, между тѣмъ, князь, отпуская ходоковъ, рѣшившихся, наконецъ, шествовать обратно, во свояси.—А вы эдакихъ глупостей впередъ не дѣлайте. Какъ это, вдругъ, пѣшкомъ идти за границу, въ Вѣну?

— Да вѣдь у насъ колясокъ нѣтъ, ваше сіятельство, замѣтилъ на это одинъ изъ мужиковъ.

— Дуракъ, братецъ, ты. Никто тебѣ не говоритъ про коляски, сердито перебилъ его князь.

Ему они давно порядкомъ надоѣли, являясь каждое утро, точно привидѣнія; кромѣ того, ему стыдно было, когда слуги гостиницы поглядывали на лапти и неказистые сапоги и сермяги крестьянъ, впуская ихъ въ кабинетъ князя. Дѣло кончилось тѣмъ, что княгиня разсердилась на мужа за то, что онъ не разузналъ, въ чемъ жалоба, и ходоки, какъ не солоно хлебали, отправились въ Россію, тѣмъ же способомъ пѣшаго хожденія; какъ они шли, не зная ни одного иностраннаго языка, не умѣя читать, а слѣдовательно и разбирать заграничныя деньги, извѣстно одному Богу да русскому крестьянину. Маркиза разсказала о ходокахъ эрцгерцогинѣ за обѣдомъ; разсказъ повторялся долго цѣлымъ Офеномъ; прибавилось даже новое слово въ словарѣ офенскаго общества: «die chodoken».

Въ Офенъ чуть не ежедневно пріѣзжали курьеры съ письмами отъ императрицы-матери изъ Петербурга; она увѣдомляла дочь, что императоръ весьма огорченъ поступками союзниковъ; иностранныя, исключая австрійскихъ, и русскія газеты вторили письмамъ; появлявшіеся во дворецъ палатина двое-трое русскихъ изъ лагеря, пріѣзжавшій изъ Теплица графъ Орловъ, удаленный отъ двора и жившій за границею съ роскошью екатерининскаго вельможи, молчали изъ деликатности, но между ними и австрійцами очень замѣтно было обоюдное охлажденіе. Эрцгерцогиня была разстроена всѣмъ этимъ до того, что пре-

кратила пріемы; доктора опасались даже за ея здоровье; во дворцѣ, вмѣсто прежней непринужденности, всѣ притихли; между придворными замѣчались натянутость и холодность отношеній.

Наконецъ, пріѣхала княгиня; старый князь изъ Вѣны отправился братно въ Венецію, куда возвратился уже князь Борисъ изъ своей поѣздки на мѣста военныхъ дѣйствій; княгиня въ Офенѣ остановилась въ отелѣ; маркиза продолжала жить во дворцѣ, но ежедневно ѣздила къ матери.

— Не распрашивала тебя эрцгерцогиня о мужѣ? обратилась княгиня къ дочери передъ поѣздкою во дворецъ, оглядывая въ зеркало свой высокій тупей, только-что взбитый парикмахеромъ.

— Нѣтъ, не распрашивала, отвѣчала маркиза.

— Удивительно; писемъ нѣтъ, какъ нѣтъ отъ него, вѣдь, болѣе мѣсяца, озабоченно говорила княгиня.—И къ вѣнскимъ друзьямъ своимъ,—я видѣлась со всѣми,—ни къ кому не пишетъ.

— Вотъ я и думала, поэтому, робко начала дочь,—не лучше ли намъ подождать до полученія извѣстій....

— Что подождать? спросила княгиня, прилѣпляя мушку на лицо и не совсѣмъ разслушавъ вопросъ маркизы.

— Подождать утруждать ея высочество, съ прежнею робостью повторила дочь.

— Merci, насмѣшливо отвѣчала княгиня.—Мы прожились; я не знаю, чѣмъ мы расплатимся въ Венеціи. Не прикажешь ли продать, для вашей милости, еще имѣнье?.. Одно мы продали, и чуть не даромъ, благодаря безтолковому твоему родителю. Ждать... Какъ это глупо!

Княгиня, при помощи Прасковьи и Дуняши, пріѣхавшей нарочно изъ дворца, одѣлась скромно, «путешественницею», какъ она опредѣлила свой костюмъ, стоившій однако ей въ Вѣнѣ около тысячи; часу въ двѣнадцатомъ она сѣла съ дочерью въ придворную карету маркизы. «in Schloss», крикнулъ лакей, вскочивъ на запятки, и экипажъ застучалъ по мостовой. У маркизы замерло сердце, когда карета, перелетѣвъ черезъ мостъ, подъѣхала ко дворцу. Эрцгерцогиня была уже одѣта и вышла тотчасъ же, когда доложили о княгинѣ; мастерски изогнувъ свой, еще довольно стройный, несмотря на лѣта, станъ, слегка придерживая тяжелое шелковое платье, княгиня подошла къ рукѣ ея высочества и проговорила красивое французское привѣтствіе. Перевести его на русскій затрудняется разскащикъ; по-русски врядъ ли даже возможно передавать подобныя привѣтствія,

легкія, какъ яблочный пирогъ, или, вѣрнѣе, какъ пущенный изъ соломенки ребенкомъ мыльный пузырь, блещущій всѣми семью цвѣтами радуги, но не оставляющій послѣ себя рѣшительно ничего, кромѣ мгновеннаго запаха мыла.

— Я не знаю, какъ благодарить ваше высочество, продолжала по-французски княгиня, когда хозяйка усадила ее на желтое канапэ въ маленькой гостиной,—за милостивое вниманіе, которое вы благосклонно оказываете моей несчастной дочери.

— Я васъ прошу оставить маркизу погостить у насъ, отвѣчала эрцгерцогиня, такъ какъ маркиза сообщила ей, что мать торопится въ Венецію.—Я надѣюсь, что ей не будетъ у насъ скучно.

Княгиня отпустила новую благодарственную фразу, похожую опять на мыльный пузырь.

Доживемъ ли мы до того времени, когда русскому повѣствователю, рисуя картину современнаго ему русскаго высшаго общества, можно будетъ обойдтись безъ французскаго или англійскаго языка? Русскому же щеголю или дамѣ прошедшаго столѣтія, очутись они какимъ чудомъ въ такой, возможной же когда-нибудь на Руси, гостиной, пришлось бы нанимать переводчика. Мнѣ, не шутя, разсказывалъ одинъ изъ помнившихъ время Александра I-го, какъ одна дама изъявляла сожалѣніе о томъ, чтобыло вавилонское столпотвореніе: «не будь вавилонскаго стол-потворенія, говорила будто бы дама, вѣдь, всѣ бы говорили пофранцузски».

Послѣ непродолжительнаго разговора о Вѣнѣ, о послѣднемъ вечернемъ пріемѣ, или какъ тогда называли cercle, у императрицы, на которомъ имѣла счастіе быть ея сіятельство, о новомъ русскомъ посланникѣ, назначенномъ въ Вѣну, вмѣсто Разумовскаго, объ отдѣланной за-ново миленькой дачѣ Кобенцеля въ Гиццингенѣ, о неудавшейся иллюминаціи въ Шенбрунѣ,— княгиня, извиняясь скорымъ отъѣздомъ, приступила къ изложенію своей просьбы.

— Ваше высочество, можетъ-быть, изволили слышать объ этомъ афронтѣ, въ день самой свадьбы, говорила она уже порусски.

— Да... Мнѣ говорила maman, отвѣчала эрцгерцогиня.—Но что за причина? Вы не знаете? спросила она.

Маркиза была во все время этого разговора какъ на угольяхъ; бѣдная женщина то блѣднѣла, то вдругъ вспыхивала вся, чувствуя, по временамъ, что у нея темнѣетъ въ глазахъ, ходятъ кругомъ букеты гобеленовыхъ обоевъ, пестрые квадраты шахматнаго паркета, мраморный столикъ передъ канапе и бронзовые арапы, въ углахъ комнаты, поддерживающіе канделябры.

— Въ томъ-то и дѣло, что не знаю ничего, ваше высочество... Какое-нибудь недоразумѣніе... У него, какъ и у всѣхъ, есть враги, отвѣчала, прослезившись, княгиня.—Если же, наконецъ, онъ дѣйствительно заслужилъ гнѣвъ императора, мы бы желали знать... Чѣмъ виновато это бѣдное созданіе, cette pauvre creature, продолжала княгиня, указывая на дочь.

Pauvre creature чуть не упала въ обморокъ; по счастью, у нея хлынули слезы; эрцгерцогиня взяла ее за руку и сама заплакала.

— Будьте увѣрены, княгиня, отвѣчала она,—я сдѣлаю все... Вы можете вполнѣ разсчитывать на мою дружбу....

Княгиня хотѣла упасть на колѣни, но эрцгерцогиня не допустила ее.

— Я узнавала въ Вѣнѣ, продолжала княгиня,—и всѣ отзываются о немъ съ лучшей стороны... Я могла ошибиться и... если ошиблась, Nadine можетъ винить одну меня, прибавила она сквозь хлынувшія снова слезы.

— Нѣтъ, я не буду винить васъ, maman, ни въ какомъ случаѣ, возразила маркиза.—Вы желали моей пользы... Сохрани меня Богъ отъ этого...

Княгиня поцѣловала ее въ лобъ и поднялась съ своего кресла.

— Вручаю ея судьбу милостямъ вашего высочества, произнесла она сквозь слезы, откланиваясь.—Будьте ей ангеломъ хранителемъ...

Эрцгерцогиня, взявъ за обѣ руки маркизу, ободрительно улыбнулась и повторила нѣсколько разъ: «Богъ милостивъ... Утѣшьтесь. Все поправится... Богъ милостивъ».

Маркиза кинулась цѣловать ея руки.

VI.

Была темная сентябрская ночь; дождь лилъ какъ изъ ведра; рѣзкій, холодный вѣтеръ, принося съ собою снѣжную крупу съ вершинъ, завывая въ ущельяхъ, трепалъ и пудрилъ, будто парикмахеръ, рѣденькіе волосы отцвѣтающаго петиметра, тонкіе деревья и кусты, чернѣвшіе по краямъ скалистой, вьющейся по краю обрыва, узенькой дороги. Русская пѣхотная рота, засучивъ по колѣна штаны, пробиралась гуськомъ, скользя по грязи и иногда попадая въ темнотѣ въ лужи; изрѣдка порывистый вѣтеръ доносилъ звукъ ружейнаго выстрѣла или отрывочный трескъ барабана.

— Вотъ, братцы, когда бѣда-то пришла, замѣтилъ тоненькимъ, сиплымъ голоскомъ одинъ изъ идущихъ солдатъ.

*

Кто-то разсмѣялся; прочіе молча брели по скользкой дорогѣ.

— Что-жь это? Конецъ-то будетъ ли? началъ опять тоненькій голосокъ.—Али ужь намъ, братья любезные, такъ тутъ и загинуть, сложить свои буйныя головушки? прибавилъ онъ, разсмѣявшись беззвучнымъ смѣхомъ.—Закурить нешто трубочку?

— Давай и то закуримъ, подхватилъ шедшій рядомъ солдатъ, высморкавшись и перебросивъ на руку ружье.—Огня то высѣчешь ли,—вишь вѣдь какъ поливаетъ?.. Да не отстать бы?

— Не отстанемъ... Тутъ, братъ, не заплутаешься: двѣ дороги всего—въ гору да подъ гору, отвѣчалъ, высѣкая огонь, тонкоголосый.

Задніе глухо разсмѣялись, опершись на ружья, такъ какъ обойдти переднихъ солдатъ, по узкости дороги, не было возможности. Тонкоголосый высѣкъ огня, трое закурили трубки, и вереница тронулась.

— Ужь на что, братцы, продолжалъ тонкоголосый, прикрывая согнутою ладонью отъ вѣтра свою трубку,—на что ужь Огневой, бывалый человѣкъ, трехъ турокъ въ кашицѣ сварилъ, и тотъ задумался, въ баню захотѣлъ.

— Какъ въ баню? спросилъ кто-то.

— Также... Давича на привалѣ: «эхъ», говоритъ, «въ баню бы теперь, други, попариться».

— Эхъ, ты балалайка... Право балалайка, раздался откуда-то твердый унтеръ-офицерскій теноро-басъ.

По звуку голоса можно было угадать въ произнесшемъ бывалаго, не любившаго болтать пустяки, твердаго фронтовика, человѣка «настоящаго», какъ зоветъ такихъ людей простонародье.

— Что-жь, дяденька любезный, горевать-то? продолжалъ неотвязный балагуръ.—Двухъ смертей, ребята сказывали, не бываетъ, а одной не миновать,—тужи не тужи. А попариться бы, слышь Огневичъ, не мѣшало?

— Палками бы тебя, али фухтелями выпарить, отозвался, начинавшій замѣтно сердиться, прозывавшійся Огневымъ обладатель твердаго голоса.

Тонкоголосый замолкъ и опять разсмѣялся.

— Стой, раздалось впереди.

— Стой, стой, повторили на различные тоны унтеры, замѣнявшіе перебитыхъ и заболѣвшихъ офицеровъ, и солдаты, привалившись къ стѣнѣ, высившейся по одну сторону дороги, остановились.

— Ну, привалъ что-ль? Ась?

— Не знаемъ, толковали въ толпѣ.

— Край свѣта знать, замѣтилъ кто-то.

— Эхъ, жисть! откашлявшись, произнесъ нараспѣвъ тонкоголосый.—Огневой, живъ ли? Аль на полокъ залѣзъ? прибавилъ онъ, заливаясь своимъ беззвучнымъ смѣхомъ и затягиваясь изъ хрипѣвшей коротенькой трубочки.

— Мели..., сердито откликнулся Огневъ, усѣвшись на камень и оправляя стоптанный французскій штиблетъ, исправлявшій должность лѣваго сапога, износившагося въ дребезги.

— Маршъ, маршъ, раздалось опять на различные тоны и полутоны гаммы, и рота снова поплелась, шлёпая по водѣ и по грязи.

— Эхъ... «У старухи, у кривой, колокольчикъ подъ полой», запѣлъ фальцетикомъ тонкоголосый, выколотивъ о сапогъ и продувая трубку.

— Проходи, проходи, знай, проговорилъ, толкая его въ спину, идущій сзади солдатъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, землякъ... Дай трубку спрятать, отвѣчалъ скороговоркой балагуръ.

Проворно сунувъ за изорванное голенище трубку, онъ поддернулъ ранецъ и, въ припрыжку догнавъ передовыхъ, крикнулъ: «больно пылите, братцы».

Это тянулись длинною, узенькою цѣпью передовые отряды, назначенные для третьей аттаки Гюденя, занявшаго С.-Готардъ; двѣ аттаки были уже отбиты французами; Суворову совѣтовали подождать Розенберга, заходившаго въ тылъ непріятелю, но фельдмаршалъ не согласился ждать, боясь прибытія свѣжаго подкрѣпленія къ Гюденю; въ двухъ первыхъ аттакахъ было уже потеряно человѣкъ четыреста; послѣдняя попытка обѣщала тоже мало хорошаго. Отряды выступали чѣмъ свѣтъ съ безпокойныхъ ночлеговъ, но по извилистымъ, скользкимъ тропинкамъ, бѣгущимъ иногда почти въ отвѣсную гору, подвигались впередъ медленно; въ шесть часовъ уже садилось солнце въ горахъ; застигнутымъ темнотою на узкомъ пути, солдатамъ рѣдко удавалось порядкомъ выспаться; ночь проводилась иногда на ногахъ; прислонившись къ скалѣ, солдаты дремали, дрожа отъ холода въ измокшихъ шинеляхъ, у кого еще онѣ остались; огня, подъ лившимъ чуть не поминутно дождемъ, развести часто не было возможности. Вьюки съ запасами поминутно отставали, и офицеры и солдаты питались сухарями, которые несъ всякій— и солдатъ и офицеръ—въ своемъ ранцѣ. Большая часть проводниковъ разбѣжались; войска шли, руководясь плохими картами и указаніемъ старика Гамбы, швейцарца, ушедшаго въ горы изъ

сочувствія къ фельдмаршалу; но Гамба, какъ торговецъ, зналъ торныя дороги; путь же, который вынужденъ былъ выбрать Суворовъ, могъ быть знакомъ развѣ записному охотнику.

Выбравшись на довольно широкую площадку, рота остановилась на ночлегъ. Ливень унялся, пошла мелкая изморозь. Солдаты, натеребивъ прутьевъ, едва-едва могли развести огонь; поглодавъ сухарей, размоченныхъ въ первой лужѣ, всѣ прикорнули около потухающихъ костровъ; два офицера, завернувшись въ мокрыя епанчи, бѣгали взадъ и впередъ, чтобы согрѣться; одинъ, совсѣмъ почти спрятавшій лицо въ поднятый воротникъ шинели, былъ Катеневъ; онъ только-что вернулся отъ Милорадовича съ вѣстями къ фельдмаршалу, съ двумя казаками для охраны и развѣдыванія, и съ проводникомъ для указанія, бѣжавшимъ, впрочемъ, съ половины дороги. Милорадовичъ шелъ въ обходъ , частію горами, частію долинами. Катеневъ былъ, какъ выразился про него фельдмаршалъ, «на побѣгушкахъ». Поздравивъ его поручикомъ, Суворовъ послалъ его объѣхать идущіе къ Готарду отряды и увѣдомить командировъ и солдатъ, что Милорадовичъ и Розенбергъ недалеко. Эта вѣсть ободрила офицеровъ и солдатъ, готовившихся къ аттакѣ, хотя немногіе, даже изъ командировъ, понимали расположеніе арміи; незнакомымъ съ мѣстностью, имъ трудно было даже разъяснить это, при недостаткѣ картъ. Отпустивъ казаковъ и свою лошадь къ вьюкамъ, поручикъ пристроился къ одной изъ ротъ и съ нею рѣшился пробраться пѣшкомъ обратно къ фельдмаршалу, а отъ него къ Милорадовичу.

— Вы говорите, поручикъ, мы верстахъ въ четырехъ отъ Розенберга? спрашивалъ ротный командиръ, высокій, сутуловатый и широкоплечій человѣкъ съ курчавою, огромною головою.

— Думаю, что не больше, отвѣчалъ Катеневъ, дрожа отъ холода.

— Давайте разведемъ огонь. Спать некогда, продолжалъ офицеръ, собравъ въ кучу дымившіеся еще прутья.

Катеневъ досталъ изъ кармана ножъ и нарѣзалъ сучьевъ.

— И впереди отрядъ Багратіона же? спросилъ онъ, раздувая полою епанчи уголья.

— Багратіона, отвѣчалъ офицеръ.—Впереди два полка: Барановскаго егеря и мушкетеры Милина.

Тогда полки именовались по фамиліи командировъ.

— Впрочемъ, теперь то и дѣло смѣна начальниковъ, прибавилъ ротный.

— Почему? спросилъ Катеневъ.

— Пуля да штыкъ то и дѣло отпускаютъ въ чистую и ря-

довыхъ и командировъ, грустно отвѣчалъ офицеръ, грѣя у запылавшаго, наконецъ, костра окостенѣвшія отъ стужи руки.— Вотъ, Лушнинъ... задумчиво прибавилъ онъ.—Вы не знавали?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Катеневъ.

— Рѣдкій былъ человѣкъ. Изъ свиты великаго князя двое вчера ранены, толковалъ офицеръ, продолжая грѣть руки.

Великій князь Константинъ Павловичъ шелъ вмѣстѣ съ Суворовымъ; по словамъ фельдмаршала, онъ присовѣтовалъ, за недостаткомъ муловъ, везти вьюки и орудія на казацкихъ лошадяхъ.

Вдали послышались храпъ лошадей и голосъ: «куда те претъ, одеръ?»

— Деликатненько, деликатненько, забарабанилъ вслѣдъ за этимъ энергическій, но старый, голосъ.—Дай оглядѣться ей. Не торопи... Вишь она позатянулась... Вотъ она, видишь, и пошла, договорилъ скороговоркою, вдругъ точно выросшій изъ земли передъ пылающею теплиной, небольшой, тощій человѣчикъ, въ измокшей трехуголкѣ и плащѣ съ высокимъ воротомъ, изъ котораго, какъ изъ кибитки, высовывался ястребиный носъ.—Вы, сударь, ротный командиръ? Здравствуйте, обратился онъ, отчеканивая слова и всматриваясь то въ Катенева, то въ ротнаго единственнымъ, необыкновенно бойкимъ, глазомъ.

Отъ другаго глаза осталась одна впадина; Катеневъ узналъ въ подошедшемъ офицера, являвшагося съ жалобою на недостатокъ муловъ къ Милорадовичу.

— Я ротный командиръ, слуга покорный, отвѣчалъ командиръ, поднявшись на ноги и всматриваясь тоже въ новаго знакомца.— Что прикажете?

«Осади, дьяволъ! Куда лѣзешь?» раздавалось вдали.—«Куда?» оправдывался кто-то. «Знамо куда».—«Не видишь... Глаза-то въ обозѣ позабылъ».—«Стой!» крикнулъ басистый, хриплый голосъ.

— Какъ же это? У насъ съ вами мезаліянецъ, сударь, вышелъ, продолжалъ барабанить скороговоркою незнакомецъ, оглядывая единственнымъ глазомъ кучки дремавшихъ солдатъ, расположившихся въ разныхъ мѣстахъ площадки.—Вамъ надо бы подальше привалить; здѣсь привалъ артиллеріи.

— Мнѣ такъ сказано: офицеръ генеральнаго штаба пріѣзжалъ... Черезъ двѣ площадки—на третьей, отвѣчалъ ротный.

— Фу, ты, мезавантюръ какой! Нѣтъ, что-нибудь не такъ. По данному мнѣ ордонансу не выходитъ... Ась? Какъ же это, повертываясь, толковалъ прибывшій, уснащая рѣчь свою такими иностранными словами, какихъ не отыщешь ни въ одномъ словарѣ.

— Ужь вы, того, поинкомодируйтесь, продвиньте роту... А то вѣдь мнѣ не на карнизѣ же ночевать съ пушками.

— Да сколько лошадей у васъ? спросилъ ротный.

— Лошадей двадцать безъ малаго, да еще подойдутъ лошадей десятокъ съ порохомъ и ядрами. Гдѣ же тутъ? Никакъ не распланируешь... Ужь вы, того, потрудитесь, тарантилъ артиллеристъ.

— Извольте... Барабанщикъ, бей сборъ, порѣшилъ ротный.

Дремавшій барабанщикъ протеръ глаза, поглядѣлъ вокругъ себя и, поднявшись на ноги, застучалъ подъемъ; солдаты начали подниматься, поёживаясь отъ холода; одни крестились, другіе увязывали ранцы, искали ощупью шляпы. «Вставай-а ты... Подымайсь, братцы.... Брръ... Цыганскій потъ пронимаетъ», толковала толпа, надѣвая ранцы и побрякивая ружьми. «Ну, маршъ... А на печи теплѣе!» съострилъ тонкоголосый балагуръ.

И рота потянулась по-двое врядъ; сзади изъ-за скалы показались двѣ лошадиныя мокрыя головы.

— Вотъ это, что называется, инфиниманъ оближе, толковалъ одноокій артиллеристъ.—Ну, братцы, трогай помаленьку, деликатненько. Не толпись; не вдругъ, легонько, замѣчалъ онъ, наблюдая проходившихъ мимо лошадей, навьюченныхъ орудіями, мѣшками, охабками сѣна.—Теплину потуши хорошенько. Погоди съ порохомъ. Храни Богъ, искра...

Трое казаковъ сапогами начали заминать, потухшую почти, теплину.

— Деликатненько.... Не торопись.... Успѣешь, повторялъ офицеръ, усѣвшись на камнѣ.

Усталыя лошади тяжело дышали; нѣкоторыя тотчасъ ложились, взойдя на площадку; казаки окрикивали другъ друга, ведя по окраинѣ обрыва подъ устцы лошадей. Скоро площадка вся занята была табуномъ; люди прикорнули къ вьюкамъ и задремали. Одноокій, поговоривъ съ четырьмя офицерами, усѣвшимися закусывать, прилегъ на охабку мокраго сѣна, оставшагося отъ дачи лошадямъ. Рота молча шагала по дорогѣ, подымавшейся все круче и круче между голыми скалами.

Стало свѣтать. Бѣловатыя пятна показались сквозь тяжелыя, грозно передвигающіяся массы пара; внизу изъ темно-синей мглы выглянула-было острая верхушка горы, но, закутавшись облаками, снова потонула вершина въ общемъ, медленно движущемся туда и сюда, хаосѣ. Въ неясныхъ очертаніяхъ видѣлись изумленнымъ очамъ то колоссальный водопадъ, беззвучно летящій съ вышины широкою струею въ пропасть, то крылатое

черное чудовище, вылѣзающее со дна бездны; вотъ, извиваясь по бѣлому облаку, чудище расплылось, и длинная желтоватая полоса пара перерѣзала пополамъ всю странную картину. На зардѣвшемся небосклонѣ показались темные остовы вершинъ; яснѣе и яснѣй чернѣли онѣ, будто выдвигаясь изъ тумана; изъ за одной мгновенно ударилъ широкій, солнечный лучъ; прорѣзавъ влажную мглу и заигравъ радугами въ дождевыхъ капляхъ, онъ озарилъ два-три, поросшіе мохомъ, камня на противуположномъ обрывѣ. Пары спускались ниже, ниже; изъ-за нихъ высунулись снѣжныя вершины горъ, зазеленѣли высокія, развѣсистыя ели, выступили сѣрыя скалистыя стѣны, съ ползущими по нимъ черными ребрами; вдали плавалъ, крутясь все на одномъ мѣстѣ, орелъ; точно на воздухѣ стояло все—темная зелень деревьевъ, сѣрыя, безжизненныя скалы и ледники, сіяющіе серебромъ на засинѣвшемъ, ясномъ небѣ.

Дождь пересталъ. Рота остановилась послѣ часоваго шаганья и карабканья по подымавшейся уже почти стѣною вверхъ тропинкѣ; солдаты, позѣвывая, разсѣлись вдоль дороги. Катеневъ и ротный усѣлись на широкій, обросшій мохомъ, камень и долго любовались беззвучною симфоніею, совершающеюся подъ ихъ ногами; наконецъ, безсонная ночь и усталость взяли свое, и офицеры, улегшись на сырой мохъ, черезъ минуту храпѣли оба.

— Вставайте, ваше благородіе, будилъ Катенева какой-то незнакомый голосъ.

Катеневъ проснулся и протеръ глаза: опять моросилъ дождь; вдали трещала перепалка; изрѣдка стукала пушка; выстрѣлъ повторяло нѣсколько разъ эхо и подъ ногами, и за синѣвшими, словно сквозь кисею, сквозь моросившій дождь вершинами.

— А какъ вы думаете, который часъ? спросилъ ротный, оглядывая собирающуюся роту.—Три часа, прибавилъ онъ, приложивъ къ уху серебряные большіе часы.—Вотъ такъ всхрапнули мы съ вами, сударь. И перекусить не удалось... Не хотите ли глотокъ водки? Правда, что сонъ милѣе всего усталому.

Продрогшій поручикъ оправилъ мундиръ и, проглотивъ нѣсколько капель изъ кожаной фляги, поданной ротнымъ, завернувшись въ шинель, стоялъ въ ожиданіи подъема. Солдаты, оправляли кремни, оглядывали ружья.

— А ты кожицу-то переверни.... Вишь она вытерлась, замѣчалъ старый унтеръ молодому, оправлявшему кремень, солдатику.

Барабанъ затрещалъ, но ротный остановилъ барабанщика. Рота поднялась на ноги и молча принялась карабкаться чуть не

по отвѣсной скалѣ, упираясь иногда штыками. Катеневъ падалъ нѣсколько разъ; ротный шелъ впереди, останавливаясь поминутно и оглядывая влѣзающихъ на скалу солдатъ. «Не спѣши, братцы.... Отдохни.... Поддерни ранцы», покрикивалъ онъ съ вышины. Наконецъ, солдаты выбрались на площадку и остановились. Поднявшись послѣ всѣхъ, поручикъ услышалъ голоса вдали; черезъ четверть часа грянула гдѣ-то надъ головою пушка, другая; ружейные не прерывающіеся выстрѣлы раздались ближе.... Ротный скомандовалъ впередъ, и рота побѣжала гуськомъ по тропинкѣ, въ поларшина ширины, извивающейся по стѣнѣ отвѣса. Катеневъ взглянулъ внизъ; сердце у него замерло при видѣ пропасти, съ зубчатыми камнями по краямъ; онъ перекрестился, сбросилъ шинель на руку и побѣжалъ за солдатами. Пушечные выстрѣлы чаще и чаще стучали надъ головой, едва успѣвая перекликаться съ грохотавшимъ повсюду гуломъ. «Ура!» громко раздалось гдѣ-то недалеко.

— Ура, впередъ, въ штыки!... Го-о-о..., вдругъ закричали въ головѣ роты; задніе тоже кинулись....

Катеневъ, выхвативъ шпагу и перебросивъ на плечо епанчу, пробѣжалъ шаговъ пять и очутился въ толпѣ солдатъ на довольно широкой каменной площадкѣ.

— En avant!... Ура! слышалось впереди; раздались выстрѣлы. «Baionettes», кричалъ кто-то на конѣ, въ высокомъ киверѣ.

Хвостъ роты тоже кинулся въ штыки, увлекая съ собою, въ тѣснотѣ, Катенева; дымъ, крики и ружейные выстрѣлы, покрываемые грохотомъ пушекъ, совершенно сбили съ панталыка поручика; синіе французскіе мундиры являлись чаще и чаще передъ нимъ; одного даже онъ ударилъ плашмя по лицу шпагою. «Впередъ!» раздался знакомый голосъ ротнаго, и затѣмъ кто-то крикнулъ впереди порывистымъ голосомъ: «ребята, кликните офицера.... Офицера нѣтъ.... Ваше благородіе», проговорилъ поручику, выхвативъ отъ него шинель, какой-то солдатъ безъ кивера,—«примите команду.... Ротный убитъ.... Прикажите ударить отбой».

— Отбой ударь!... Стой, рота! бодро скомандовалъ Катеневъ, пробираясь сквозь толпу, отпрянувшую вдругъ почему-то.

Перешагнувъ черезъ лежавшій на дорогѣ трупъ, поручикъ увидалъ ротнаго: онъ лежалъ на рукахъ у двухъ солдатъ, третій

растегивалъ ему мундиръ; у праваго виска сочилась рана, лѣвый сапогъ былъ изорванъ, какъ бы изжеванъ.

— Бумажникъ.... Деньги.... Ради Бога, примите, поручикъ... Артель... проговорилъ ротный, передавая, вынутый солдатомъ изъ кармана мундира, бумажникъ, и застоналъ.

Человѣкъ шесть солдатъ потащили куда-то раненаго; выстрѣлы еще раздавались вдали; пушки стрѣляли рѣже; сквозь дымъ виднѣлись кучи солдатъ, перебѣгавшихъ съ мѣста на мѣсто... Вдали барабаны били отбой.

— На вотъ земли приложи, тебѣ говорятъ; первое средство, толковалъ твердый голосъ унтера.

— Да что въ ней, въ землѣ-то? говорилъ тонкоголосый балагуръ, сѣвъ на землю и посматривая на проколотую ногу.— Набей, братъ, трубочку....

— Тебѣ говорятъ, перевяжи. На, вотъ, закричалъ унтеръ.

— Эхъ братъ, Огневичъ, попробовалъ-было пошутить острякъ, и вдругъ, проведя рукою по помертвѣвшему и вдругъ обдавшемуся потомъ лицу, опустился безъ чувствъ на землю.

— Умеръ.... Сомлѣлъ, толковали, переводившіе духъ и отиравшіе потъ съ лицъ, солдаты, собравшись вокругъ раненаго.

— Давай-ка, я перевяжу ему ногу.... Да, умеръ.... Вишь дышетъ.... Умеръ.... Слышь.... Эй, ободряли нѣкоторые, теребя за рукавъ свалившагося товарища....

Раненый очнулся и обвелъ всѣхъ глазами.

— Вишь ты.... Вонъ онъ, живёхонекъ, весело проговорили наблюдатели.

— Гдѣ это я?... Ась? спросилъ раненый.

— На томъ свѣтѣ, отвѣчалъ унтеръ, бинтуя крѣпко онучею проколотую ногу.—Лежи, знай, не ворочайся, сердито крикнулъ онъ, когда паціентъ, охнувъ, потянулъ-было ногу, попавшую, точно въ клещи, въ загорѣлыя, мускулистыя руки унтера.

Катеневъ пересчиталъ деньги, увѣрившись, что ротный переданъ фельдшеру.

— Фельдшера прислалъ, говорили солдаты,—какой-то генералъ; былъ бы карачунъ ему, еслибы не заслонилъ его собою ротный.

Кто былъ этотъ генералъ, Катеневъ не могъ добиться. Раненый поднялся кое-какъ и, къ удивленію Катенева, потащился, опираясь на ружье, къ кучкѣ солдатъ, усѣвшихся за сухари.

«Фельдмаршалъ, князь!» заговорили солдаты. Вдали, на окутанной плывущимъ пороховымъ дымомъ вершинѣ, показался на лошади Суворовъ въ плащѣ и соломенной шляпѣ, взятой имъ въ Беллинцонѣ съ головы капуцина; за нимъ шла кучка, должно-быть, генераловъ. Фельдмаршалъ остановился, посмотрѣлъ въ зрительную трубу, указалъ что-то рукою вдаль и исчезъ за скалами вмѣстѣ съ генералами.

Катеневъ подошелъ къ кучкѣ, лежащихъ на голыхъ камняхъ, солдатъ; ему хотѣлось узнать о ротномъ. Одинъ изъ унтеровъ, несшихъ раненаго, разсказалъ, что его отнесли къ монахамъ.

— Къ какимъ монахамъ? спросилъ поручикъ.

— Возлѣ вотъ монастырь что ли какой нашли.... Тамъ остановился фельдмаршалъ, отвѣчалъ унтеръ.

Это, какъ оказалось послѣ, былъ знаменитый Hospice, гдѣ служилъ молебенъ Суворовъ.

— Неужели никого нѣтъ здѣсь изъ вашихъ офицеровъ? спросилъ Катеневъ.—Мнѣ вѣдь, по настоящему, и нельзя было принимать команду.

— Пошли искать, ваше благородіе, отвѣчалъ унтеръ;—тутъ весь нашъ полкъ, да вѣдь видите, какая сумятица. Не доберешься, вдругъ-то, прибавилъ онъ, кивнувъ головою на площадку, по которой взадъ и впередъ сновали казаки, солдаты; но говору не было,—всѣ ходили какъ сонные.

Раненый солдатикъ дремалъ, прислонившись къ ранцу, и слабо стоналъ, хватаясь за больную ногу. Дождь моросилъ; сѣренькій день и поднявшійся вдругъ вѣтеръ нагонялъ тоску, и безъ того одолѣвавшую душу при видѣ оборванныхъ, поёживающихся отъ стужи и сырости солдатъ, мрачно, молча бродившихъ взадъ и впередъ, или полулежащихъ на мокрой каменистой землѣ, мѣстами посеребренной инеемъ.

«Куда это, впрямь, и зачѣмъ лѣземъ мы?» раздумывалъ Катеневъ, принявшись глодать сухарь, поданный ему унтеромъ вмѣстѣ съ совѣтомъ: «покушайте, ваше благородіе, а то отощаете, сердцемъ ослабѣете». Стало смеркаться; гдѣ-то далеко стучалъ барабанъ; тоже вдали, раздавался перекликъ.... Къ дремлющей ротѣ подошелъ молодой офицеръ съ обвязанною бѣлымъ платкомъ головою. Два солдата, шедшіе за нимъ, указывали ему на Катенева.

— Башутинъ, ты? спросилъ, всматриваясь въ него, Катеневъ.

— Петруша!..

Офицеры обнялись.

— Ты какъ сюда попалъ? Ты вѣдь, сказываютъ, при фельдмаршалѣ? спросилъ пришедшій, сѣвъ и сорвавъ свою повязку, замѣнявшую потерянную трехуголку.—Вотъ не ожидалъ.

— Попалъ какъ?... Ротнаго убили.... Я шелъ вмѣстѣ.... Ты что ли примешь роту? отвѣтилъ Катеневъ.

— Я.... Меня послалъ полковникъ.

— Ну, такъ вотъ тебѣ капиталы, говорилъ Катеневъ, вытаскивая бумажникъ ротнаго.—А что, онъ живъ?

— Умеръ.... Весь избитъ и исколотъ, говорятъ, отвѣчалъ пришедшій, прибавивъ:—вотъ не ожидалъ.... Ты въ свитѣ вѣдь?

— Да я и самъ не знаю гдѣ. Покуда въ свитѣ.... Пересчитай....

Новый ротный сталъ пересчитывать червонцы, разложенные тщательно по десяткамъ плоскими свертками. Катеневъ поглядывалъ на стараго товарища; онъ мало измѣнился, только загорѣлъ и полинялъ какъ-то. Ефрейторъ подошелъ съ обычнымъ докладомъ объ убитыхъ и раненыхъ; онъ вытянулся, какъ слѣдуетъ, несмотря на то, что одна нога была въ сапогѣ, а другая въ какомъ-то опоркѣ.

— Каковъ походецъ-то? спросилъ, разсмѣявшись, Катенева товарищъ.

Катеневъ ничего не отвѣчалъ, принимаясь за другой сухарь; не ѣвъ ничего почти сутки, онъ проголодался. Вообще встрѣтившіеся товарищи были оба не разговорчивы; перебравъ имена однокашниковъ, изъ которыхъ двоихъ, оказалось, похитила уже война, они замолчали; усталость и свѣжее впечатлѣніе боя, въ которомъ участвовалъ и прибывшій, отнимали охоту къ бесѣдѣ.

— Да что мы сбили что ли ихъ? спросилъ наконецъ Катеневъ, окончивъ свой обѣдъ.

— Французовъ-то?.. Говорятъ, сбили, отвѣчалъ ротный.—Тебя вѣдь надо проводить къ свитѣ?

— Да.... Я боюсь, какъ бы не ушелъ фельдмаршалъ... Тутъ пропадешь въ этомъ лабиринтѣ, отвѣчалъ поручикъ.—Гдѣ-то у меня епанча?...

Солдаты отыскали епанчу, и Катеневъ, обнявшись съ старымъ знакомымъ, въ сопровожденіи двухъ солдатъ, пошелъ отыскивать дорогу къ свитѣ; уже стемнѣло, когда они, переби-

раясь по тропинкамъ и лужамъ, разспрашивая попадавшихся казаковъ и солдатъ, наткнулись на часть свиты, собиравшейся въ путь на разсвѣтѣ. Фельдмаршала не было: онъ ночевалъ въ Hospice, а великій князь въ Айроло.

— А мы думали, вы у Михаила Андреевича, говорилъ ему одинъ изъ адъютантовъ.

— Мнѣ надо бы къ нему, но не знаю, какъ попасть.

— Вотъ маіоръ ѣдетъ. Проводникъ нашелся у монаховъ. Хотите съ нимъ отправиться? сказалъ адъютантъ.

Катеневъ согласился; здоровый, широкоплечій, незнакомый поручику маіоръ смѣрялъ его съ ногъ до головы, кивнулъ головою въ знакъ согласія и началъ разспрашивать о чемъ-то казака, державшаго въ поводу тощую лошадь; старикъ-швейцарецъ, съ палкою въ рукѣ и въ курткѣ, несмотря на холодъ, переминался съ ноги на ногу, вертя въ рукахъ изорванную шляпу.

— А далеко до генерала Милорадовича? спросилъ его по-нѣмецки Катеневъ.

— Да, часа два ходьбы, если дождь поуймется, отвѣчалъ, на едва понятномъ нѣмецкомъ нарѣчіи, проводникъ, поглядѣвъ на небо и погладивъ небритый подбородокъ.

Адъютантъ исчезъ куда-то; маіоръ сѣлъ на лошадь и, обратясь къ Катеневу, произнесъ: «не угодно ли»? Катеневъ посмотрѣлъ по сторонамъ, но лошади не было; толпа казаковъ тоже шла пѣшкомъ, съ ружьями на плечахъ; поручикъ поморщился и потащился, взявъ на плечо епанчу, за печальною процессіей. Швейцарецъ шелъ впереди; за нимъ ѣхалъ, поминутно останавливаясь, маіоръ; рядомъ съ нимъ иногда шелъ, а иногда почти ползъ, казакъ; за казакомъ слѣдовали, уже гуськомъ, Катеневъ, человѣкъ пятнадцать казаковъ и два солдата. Дорога шла сначала подъ гору; въ темнотѣ иногда подъ ногами хрустѣлъ снѣгъ, иногда было что-то въ родѣ разрытой мостовой, какую не рѣдкость встрѣтить и нынче въ нашихъ губернскихъ городахъ, а иногда и въ столицахъ. Дождь то моросилъ, то лилъ какъ изъ ведра, точно вознамѣрившись употребить водолеченіе для ободренія измученныхъ, полуголодныхъ пѣшеходовъ; туманъ заслонялъ въ пяти шагахъ дорогу.

— Да, переждать бы намъ хоть до свѣту, маіоръ, проговорилъ Катеневъ, спотыкаясь о камни и хватаясь за хвостъ лошади при подъемахъ на крутизны.

— Нельзя, сударь.... Опоздаемъ.... Мнѣ необходимо какъ можно скорѣе сообщить нѣчто Михаилу Андреевичу, отвѣчалъ, оглядываясь, маіоръ.—А въ самомъ дѣлѣ, того гляди.... Ты, братъ, знаешь ли дорогу? Спросите-ка его, знаетъ ли онъ, куда идетъ? обратился онъ къ Катеневу.

Катеневъ спросилъ по-нѣмецки, и швейцарецъ отвѣчалъ: «seien Sie ruhig, excelenz», что, впрочемъ, мало утѣшило, начинавшаго порядкомъ уставать, поручика. Спустившись ниже, путники очутились въ кустарникѣ. Дождь лилъ; вдали гудѣлъ громъ и молніи поминутно озаряли узкую тропинку, вьющуюся то въ гору, то подъ гору. Иногда дорогу перерѣзывалъ бѣшеный, словно сорвавшійся съ горы, ручей; швейцарецъ останавливался и, потыкавъ въ него своею длинною, съ желѣзнымъ наконечникомъ, палкою, вѣжливо приподнявъ шляпу, приглашалъ въ воду своихъ спутниковъ; раза два шедшіе должны были шагать черезъ трупы, лежащіе на пути; часто шуршало что-то въ кустахъ, слышался трескъ крыльевъ взлетѣвшей птицы; вѣтеръ рвалъ шляпу при подъемахъ изъ лощинъ на горныя верхушки; молнія продолжала освѣщать на мгновенье путь; озаряя камни, пропасти и стволы деревьевъ, она словно издѣвалась надъ идущими, едва не ощупью, надъ бездной путешественниками. «Теперь не долго. Вотъ возьмемъ вправо, будетъ гладкая дорога», утѣшалъ, опершись на свой посохъ, останавливающійся по временамъ отдохнуть, проводникъ. Маіоръ ворчалъ сквозь зубы, ругая проклятую сторону; казаки и солдаты молча шагали по камнямъ и по грязи; Катеневъ чуть не зарыдалъ, сорвавшись какъ-то съ тропы и ударившись о камень колѣнкою. «Вы, того, поосторожнѣе», замѣтилъ ему хладнокровно, остановивъ однако лошадь, маіоръ. «А что, ушиблись»? Поручикъ скоркнулъ зубами и, ничего не отвѣчая, продолжалъ шагать далѣе.

Вмѣсто обѣщанныхъ швейцарцемъ двухъ часовъ этой пріятной прогулки, путники, дѣлая коротенькіе, получасовые привалы, шли около полусутокъ; свѣтъ облегчилъ не мало переходъ; несмотря на сильный туманъ, все-таки видно было дорогу; трупы лошадей, солдатъ стали чаще попадаться по срединѣ и по краямъ раздвинувшейся пошире и уже кое-гдѣ наѣзженной, дороги; при одномъ поворотѣ, между кочекъ, въ кустахъ шевелился раненый; шедшіе остановились.

— Испить бы, мнѣ братцы, произнесъ слабымъ голосомъ, озирая

мутными глазами нагнувшихся казаковъ, блѣдный какъ полотно, солдатъ лѣтъ двадцати двухъ-трехъ, пошатываясь отъ боли изъ стороны въ сторону; солдатъ далъ ему изъ манерки воды; раненый напился и, застонавъ, опустился на кочку.

— Возьмемте его съ собой, проговорилъ маіоръ. — Давай-ка шинели.

Казаки засуетились-было, но раненый быстро перевернулся, застоналъ и вытянулся во весь ростъ межъ двумя кочками. Солдаты и казаки набожно перекрестились; Катеневъ отвернулся и сѣлъ на краю дороги.

— А надо зарыть, заговорили солдаты.

— Гдѣ зарывать, замѣтилъ одинъ изъ казаковъ.

— Нѣтъ, зароемъ, братцы.... Что-жь? Позвольте, ваше высокоблагородіе, возразилъ одинъ изъ солдатъ.

— Ну, зарывай.... Только проворнѣе, отвѣтилъ маіоръ, слѣзая съ лошади.

Швейцарецъ, стоявшій въ сторонѣ, опершись на посохъ, замѣтилъ, обратясь къ Катеневу: «das ist unseres Leben, Herr Officier».

Казаки и солдаты штыками, саблями, выкопали кое-какъ неглубокую могилу и засыпали, положивъ въ нее покойника; несмотря на эту печальную встрѣчу, всѣ какъ-то—и солдаты и казаки повеселѣли, стали разговорчивѣе.

Тамъ, на Руси, старуха-мать, узнавъ отъ проходившихъ земляковъ-солдатъ о смерти сына, долго подавала по немъ просвирку въ Дмитровскую субботу, и только предъ ея потухавшими день ото дня очами проносился ежедневно, какъ въ сновидѣніи, образъ добраго молодца, рано улегшагося на чужбинѣ, гдѣ-то тамъ, въ Цыцаріи.

Маіоръ усадилъ, выбившагося изъ силъ, Катенева на свою лошадь, а самъ великодушно пошелъ пѣшкомъ; молодой человѣкъ никогда съ такимъ наслажденіемъ не сиживалъ на диванѣ, какъ теперь на казачьемъ сѣдлѣ; ноги начинали казаться ему чуть не по пуду. Проѣхавъ версты полторы лѣсомъ, черезъ который вела уже довольно широкая, хотя и не совсѣмъ торная, дорога, выбравшись на холмъ, опушенный кустарникомъ, путники увидали въ долинѣ лагерь, или, вѣрнѣе, кочевье русскихъ; палатки замѣнены были шалашами изъ древесныхъ вѣтвей; солдаты, какъ муравьи, копошились около дымящихся костровъ и шалашей. Увидавъ пристань, всѣ, не исключая маіора и

Катенева, набожно перекрестились; проводникъ, съ видомъ гувернера, одобрительно взглянувъ на Катенева, произнесъ: «oh, die Russen haben Courage».

Разсказъ нашъ вьется около отдѣльныхъ лицъ, боковыхъ сценъ неслыханно-труднаго похода, поощрительно названнаго потомъ: «une belle retraite» австрійскими стратегиками; двѣ-три тропинки, двѣ-три черты, нарисованныя робкою кистью, видитъ въ немъ читатель изъ тысячи непроходимыхъ путей и положеній, по которымъ пробиралось покинутое русское войско, сквозь перекрестный ружейный огонь, подъ гулъ и грохотъ непріятельскихъ орудій, сливающійся съ громовыми ударами. Въ немъ взято нѣсколько отдѣльныхъ нотъ изъ величавой, міровой симфоніи. Но когда вдумываешься въ душевное настроеніе фельдмаршала, войска, оставленнаго среди пропастей и горъ на произволъ судьбы, съ угрожающими если не безславіемъ, то обвиненіемъ въ сумасбродствѣ, въ невѣжествѣ впереди,—то дивишься больше всего богатырству человѣческаго духа и чудесамъ, какія могутъ творить вѣра, надежда и любовь — эти три спутницы, съ которыми видно и впрямь, по выраженію русскаго вождя, всегда «и Богъ, и слава, и побѣда».

Милорадовичъ, окутанный крестъ-на-крестъ шалью, съ трубкою, расхаживалъ передъ однимъ изъ шалашей своею молодцоватою походкою, толкуя съ офицерами, когда прибывшіе, мокрые до костей, подошли къ биваку; солдаты сидѣли у котелковъ, чинили амуницію; нѣкоторые таскали вязанки сучьевъ; другіе одѣвались, надѣвали ранцы, собираясь въ походъ.

— Что, фельдмаршалъ здоровъ? былъ первый вопросъ Михаила Андреевича.

Похлопавъ по плечу Катенева и посовѣтовавъ ему отыскать камердинера Сергѣя и перемѣнить тотчасъ же рубашку, Милорадовичъ взялъ подъ руку и отвелъ въ сторону маіора. Катеневъ отыскалъ что-то въ родѣ сарая, гдѣ квартировалъ генералъ, и съ величайшимъ наслажденіемъ надѣлъ сухое бѣлье, ссуженное ему прислугою Милорадовича. Въ сараѣ сидѣлъ съ сигарою, перелистывая какую-то книгу, плѣнный французскій офицеръ; онъ поклонился въ отвѣтъ на привѣтствіе Катенева и уставился опять въ свою книгу. Переодѣвшись, поручикъ отказался отъ ужина, улегся на чердакѣ сарая, на довольно сухомъ сѣнѣ, и заснулъ какъ убитый.

Вѣсти или, какъ выразился самъ маіоръ «нѣчто», привезенное

имъ Милорадовичу, было, вѣроятно, не слишкомъ утѣшительнаго свойства; Катеневъ, спустившись съ своего сѣновала часовъ въ одиннадцать утра, нашелъ Михаила Андреевича сумрачнымъ и раздраженнымъ; съ небольшою картою въ рукѣ, онъ расхаживалъ взадъ и впередъ около сарая и до того былъ задумчивъ, что подходившіе къ нему съ различными донесеніями офицеры должны были повторять свои рапорты по два и по три раза. «Что вы говорите—а?» переспрашивалъ генералъ, потирая себѣ лобъ и опять принимаясь разсматривать ландкарту. Юному герою-поручику извѣстно было весьма немногое: онъ слышалъ въ Беллинцонѣ, что арміи нужно соединиться съ Римскимъ-Корсаковымъ, до котораго было около четырехсотъ верстъ; что эрцгерцогъ Карлъ врядъ ли не ушелъ изъ Швейцаріи; что Тугутъ, временщикъ и министръ, своимъ вліяніемъ на императора Франца портитъ общее дѣло союзныхъ войскъ. Полковникъ Лавровъ однажды при немъ обругалъ даже Тугута злодѣемъ, разгорячившись въ спорѣ съ Вейротеромъ. Только впослѣдствіи поручику открылись глаза на это страшное дѣло и на положеніе, въ какомъ были войска въ Швейцаріи. Отдѣльные случаи, разсказы о замерзшихъ, слетѣвшихъ въ пропасть, пропавшихъ безъ вѣсти солдатахъ слушалъ онъ не безъ ужаса, но вся картина могла быть знакома немногимъ; она стояла предъ очами только у тѣхъ, кто прочиталъ, напримѣръ, что «планъ соединенія съ эрцгерцогомъ Карломъ долженъ быть присланъ въ Вѣну предварительно на разсмотрѣніе»; это было предлагаемо тогда, когда уже наша армія была въ Швейцаріи. Нигдѣ и никогда благоразумное «immer langsam voran» не примѣнялось съ такою жестокостью, какъ въ этомъ случаѣ, когда солдаты получали по горсти крупы на человѣка и доѣдали послѣдніе сухари, сидя иногда на морозѣ въ десять-двадцать градусовъ безъ сапоговъ и безъ шинелей; если послѣднее и извѣстно было поручику, впрочемъ, получившему чистую и сухую рубашку съ генеральскаго плеча, все-таки онъ, въ надеждѣ, что вотъ войско спустится въ долины и получитъ необходимое, никакъ не ожидалъ, что и генералъ останется скоро въ одной рубашкѣ. Поэтому, поклонившись Милорадовичу, Катеневъ сѣлъ въ сторонкѣ и болталъ о чемъ-то съ плѣннымъ французскимъ капитаномъ. Обѣдъ состоялъ изъ куска сыру, холодной курицы и хлѣба, купленныхъ «за баснословную цѣну», какъ выразился Михаилъ Андреевичъ; солдаты что-то

варили; прохаживаясь по лагерю, Катеневъ попробовалъ это варево, но едва могъ проглотить ложку отвратительной, мутной жидкости; строевые офицеры пробавлялись заплесневѣлыми сухарями; епанчи были не у всѣхъ, но обувь у всѣхъ «просила каши», по народному выраженію.

Дождь унялся, но туманный, сѣрый, теплый день наводилъ тоску, и Катеневъ былъ несказанно радъ, когда Милорадовичъ, отрекомендовавъ его какому-то маіору, далъ приказаніе отправиться въ походъ съ колонною, состоявшею изъ двухъ сотенъ пѣхоты, съ десяткомъ конныхъ казаковъ и двумя орудіями; ему давно хотѣлось въ строй. Служба въ свитѣ перестала прельщать его, когда онъ испыталъ ее на опытѣ, и только любовь къ Суворову удерживала подлѣ него, рвавшагося давно въ строй, крестника. Молодцоватый проводникъ, швейцарецъ-охотникъ, съ штуцеромъ на плечѣ, шелъ впереди колонны; Катеневъ ѣхалъ подлѣ него верхомъ на казацкой лошади; дорогою двое солдатъ изумили поручика, заигравъ на рожкахъ пѣсню. Дорога шла то лѣсомъ, то болотами, гдѣ донимали комары, тучами облѣплявшіе идущихъ. Поручикъ посматривалъ изрѣдка на карту, срисованную имъ наскоро у Милорадовича, и болталъ съ швейцарцемъ, не безъ гордости посматривая на отрядъ, ввѣренный его командованію. Инструкція, данная ему маіоромъ, гласила, что на такомъ-то мѣстѣ онъ долженъ стать бивакомъ и ждать дальнѣйшаго распоряженія, но все-таки ему льстило вести отдѣльную колонну; мысль о любимой женщинѣ снова прилетѣла, отпугнутая-было утомленіемъ. Онъ думалъ, правда, шествуя пѣшкомъ за маіорскою клячею: «а что еслибъ она увидала меня въ этомъ некрасивомъ положеніи»; но теперь поручикъ былъ не прочь показаться маркизѣ, стоя во главѣ идущаго на бой отряда. За колонною брели мулы съ патронами и кое-какою провизіей. На набросанномъ наскоро чертежѣ стояло: «Урзернъ, Швицъ, Мутенъ и т. д.; но эти мѣстности еще ничего не говорили сердцу русскаго, превратившись только потомъ, какъ говоритъ современный поэтъ, для русскихъ «въ обелиски». Съ свойственнымъ одной юности умѣньемъ наслаждаться выпавшею покойною минутою, забывая дни и мѣсяцы горя, поручикъ, покачиваясь на сѣдлѣ и оправляя крестъ, мотавшійся на истрепанномъ мундирѣ, спрашивалъ проводника: «а что, mein Freund, далеко, какъ ты думаешь, французы»? Швейцарецъ пожималъ плечами и отвѣчалъ:

«на дняхъ были отсюда миляхъ въ четырехъ не дальше, а теперь кто знаетъ, гдѣ они»? Офицерскія должности въ сводной, изъ разныхъ полковъ, колоннѣ занимали ефрейторы.

Живописцу, пріѣзжавшему съ баккалавромъ смотрѣть баталію подъ Нови, не безполезно было бы посмотрѣть пробирающуюся то болотомъ, то ельниками колонну. Поручикъ, ѣхавшій во главѣ ея, одѣтъ былъ болѣе по формѣ, нежели подчиненные, хотя было трудно «застегнуться по сезону» въ странѣ, гдѣ въ одинъ и тотъ же день можно было испытать на себѣ всѣ четыре времени года, начиная съ ранней весны съ подснѣжниками и оттепелями, до зимы, съ надлежащею русскою вьюгою и изрядным морозомъ; но и онъ былъ подпоясанъ, вмѣсто серебрянаго, утраченнаго шарфа, пестрымъ, шелковымъ кушакомъ, купленнымъ въ городкѣ подъ Анконою; изъ-за отложнаго воротника мундира живописно, но противъ устава, высовывался широкій воротъ рубашки, не подтянутый вовсе галстукомъ; шляпу его такъ покоробило и съежило отъ дождя, что она представляла нѣчто среднее между военною треуголкою и головнымъ уборомъ, какой носило католическое духовенство того времени. Порванные треуголки солдатъ были просто ни на что непохожи; мундиры безъ пуговицъ у нѣкоторыхъ были подпоясаны веревками, ранцы у многихъ были замѣнены котомками или узелкомъ, какіе употребляютъ на Руси богомолки. Солдаты шли, несмотря на это, довольно бодро, по обыкновенію, толкуя о разныхъ разностяхъ и подтрунивая надъ товарищемъ, добывшимъ гдѣ-то швейцарскую шляпу вмѣсто сбитой на горѣ форменной треуголки. Обувь могла служить образцомъ необыкновенной изобрѣтательности и находчивости русскаго человѣка въ затруднительныхъ случаяхъ: на нѣкоторыхъ было что-то въ родѣ дамскихъ ботинокъ, устроенныхъ изъ бренныхъ остатковъ изодранной шляпы; другіе шагали въ чемъ-то похожемъ не то на лапти, не то на корзинки, употребляемыя ребятишками для земляники или червей при уженьи. Солдаты шли словно на смѣну въ караулъ, и встрѣтившемуся трудно было отгадать въ нихъ героевъ Урзерна и знаменитаго перехода черезъ Чортовъ мостъ; сторонкою, обнюхивая съ необыкновенною любознательностію каждый кустикъ, бѣжала, какъ въ мирное время, даже бѣленькая востроухая «Бѣлка», собака, приставшая къ одной изъ ротъ, еще у Калиша, до вступленія въ Италію. Пройдя переходъ около сотни нашихъ верстъ, считая обходы и марши, выражаясь слогомъ

тогдашнихъ дневниковъ, веденныхъ, впрочемъ, чаще домашними воителями, «безъ всякаго достопамятнаго происшествія» темною ночью, идущіе заслышали шумъ, похожій сначала на шумъ мельничнаго колеса; шумъ приближался, увеличиваясь при подъемахъ отряда на горы и уменьшаясь при спускахъ въ долины; вдали трещала перестрѣлка, изрѣдка стукала пушка, отдаваясь нѣсколько разъ въ ущельяхъ и въ лѣсу, стоявшемъ по одной сторонѣ дороги. Поднявшись на возвышенную гладкую площадку, идущіе увидали наконецъ Рейсу, бѣшено ринувшуюся съ высоты и заклубившуюся кипяткомъ внизу между громадными каменьями; страшный шумъ водопада смѣшался вдругъ съ грохотомъ орудій и ружейною трескотней; дымъ, тянувшійся по скаламъ, совсѣмъ застилалъ мостъ, аркою переброшенный черезъ пропасть; по скаламъ тамъ и сямъ мелькали огоньки пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ; какъ кучи муравьевъ, двигались толпы пѣшихъ солдатъ и напирающаго непріятеля. «Сюда, сюда, поручикъ!» крикнулъ кто-то внизу.—«Скорѣе!»... Катеневъ взглянулъ внизъ и увидалъ своего маіора; швейцарецъ указалъ сходъ со скалы и посторонился. Катеневъ скомандовалъ, и колонна, приправившись, побѣжала по направленію къ схваткѣ, уже начавшейся на мосту.

— Орудіе сюда, ставь тутъ, кричалъ маіоръ, повертываясь на тощемъ конѣ.

Казаки сбросили пушки и принялись заряжать. Лошадь Катенева зашаталась; соскочивъ съ сѣдла, онъ побѣжалъ за колонною.

«Въ штыки!» крикнулъ кто-то впереди, и толпа кинулась съ какимъ-то дикимъ стономъ, поднявъ ружья. «Въ штыки!» повторилъ и Катеневъ, очутившись, самъ не зная какъ, надъ кипящею бездною. Французскій гренадеръ замахнулся на него прикладомъ, но полетѣлъ вдругъ внизъ отъ удара штыкомъ, пробирающагося рядомъ съ поручикомъ, молодаго солдата. Катеневъ нѣсколько разъ пятился вмѣстѣ съ солдатами; кто-то наступилъ ему на ногу. Трескъ ружей, грохотъ орудій гдѣ-то надъ головой и шумъ водопада слились въ одинъ свирѣпый аккордъ, и вдругъ толпа, словно прорвавшись, уперлась въ отвѣсную скалу. По просторной дорогѣ бѣжали впередъ солдаты.... «Стой, стой!» раздалось впереди, сквозь умолкающую перепалку, забилъ барабанъ, и солдаты остановились, едва переводя дыханіе. Катеневъ, опустивъ шпагу, остановился, ничего не понимая, гдѣ онъ; мало-по-малу всматриваясь въ лица идущихъ мимо солдатъ, онъ опомнился и принялся вмѣстѣ съ

однимъ изъ казаковъ сбирать свою колонну. Унтеръ-офицеръ донесъ, что не отыскалъ пятерыхъ солдатъ; Катеневъ отрядилъ нѣсколько человѣкъ на поиски, а самъ ждалъ своего баталіоннаго; маіоръ не заставилъ себя ждать, прославъ къ поручику адъютанта съ приказаніемъ идти далѣе «съ доброю осторожностію и безъ поспѣшности, поджидая другія колонны». Катеневъ двинулся дорогою межъ высокихъ скалъ. Одно орудіе везли казаки на вѣсу на лошадяхъ; другое было оставлено у себя баталіоннымъ.

Поручикъ не видалъ страшнаго перехода черезъ бурный потокъ, совершеннаго русскими,—перехода, сбившаго съ толку непріятеля, на котораго перебравшіеся кинулись въ штыки; онъ не видалъ и Милорадовича, не видалъ князя Мещерскаго, который, умирая, крикнулъ: «прощайте, братья», и попросилъ не позабыть его въ реляціи; но по виду идущихъ мимо офицеровъ и солдатъ догадывался, что дѣло было отчаянное. Перекрестясь нѣсколько разъ и отирая платкомъ потное лицо, онъ обернулся и увидалъ почти передъ собою, сидящаго на камнѣ, фельдмаршала; онъ былъ въ шинели; каска, которою онъ замѣнялъ въ походѣ шляпу, лежала на землѣ.

— Kurz, kurz, говорилъ онъ докладывавшему ему что-то австрійскому офицеру.

Сзади стоялъ Лавровъ и нѣсколько полковниковъ. Австріецъ кончилъ докладъ и отошелъ.

— Ну, что? спросилъ фельдмаршалъ подошедшаго казацкаго офицера.

— Далеко отстали, ваша свѣтлость.... Не видать, отвѣчалъ офицеръ.

Суворовъ замолчалъ: глаза его глядѣли неизвѣстно куда; лицо обличало упадокъ силъ; такимъ не видывалъ его Катеневъ; онъ попробовалъ поклониться, замѣтивъ, что фельдмаршалъ взглянулъ на него, но старецъ, глядѣлъ во всѣ глаза, плохо разбирая, что и кто предъ нимъ, какъ это бываетъ съ человѣкомъ сильно задумавшимся о чемъ-нибудь. Не помнятъ ли горы, что онъ думалъ въ эти минуты?... Мимо таскали раненыхъ, проходили солдаты, офицеры. Спустя десять минутъ, онъ какъ будто очнулся и проговорилъ: «впередъ!» обратясь къ Лаврову. Лавровъ поклонился. Фельдмаршалъ, сѣвъ на подведенную казакомъ лошадь, поѣхалъ къ мосту рысью и скоро исчезъ съ своими четырьмя конвойными казаками за скалой,

стоявшею на поворотѣ дороги. Катеневъ пошелъ тихонько съ своею ротою. Тамъ и сямъ хлопали еще одиночные выстрѣлы, пули свистали надъ головой, слышалась канонада. Солдаты робко поглядывали на трупы, лежащіе на пути, произнося по временамъ: «а вѣдь это Антиповъ.... Князя Петра Иваныча полка». — «И то» подтверждали другіе. — «Царство небесное». Дымъ плавалъ поперекъ дороги, ползалъ по ребрамъ скалъ, заслоняя лѣпившихся по скаламъ непріятельскихъ и нашихъ смѣльчаковъ и дорогу, какъ будто стараясь скрыть отъ идущихъ по ней новыя, страшныя бѣды, ожидающія впереди, тамъ, за сѣрыми вершинами.

Бѣда гораздо страшнѣе кажется издали, сквозь туманъ предположеній и догадокъ, непремѣнныхъ спутниковъ ожиданія; сердце замираетъ сильнѣе у больнаго при видѣ приготовленій предъ операціей; вотъ хирургъ вынулъ кривыя ножницы изъ изящнѣйшаго футляра, пробуетъ ножикъ на рукѣ; во время самой операціи боль вырываетъ стоны, но страдальца уже начинаетъ озарять надежда: «еще мгновеніе, два-три удара ножомъ— и операція окончена»; не такъ въ минуты и часы битвъ страдала армія, какъ во время переходовъ невѣсть куда, зачѣмъ, когда шла она, поглядывая то на тѣла, лежавшія среди дороги, то на чернѣющія—сквозь туманъ и безотрадную, сырую изморозь крутыя горы.

Современный событію пѣвецъ, изобразивъ широкою и мастерскою кистью полетъ орловъ черезъ стремнины, пропасти, не заглянулъ, что дѣлалось въ душѣ вождя во время этого полета; тамъ, въ глубинѣ огорченной до дна великой души былъ своего рода Готардъ, свои отчаянные переходы, битвы; выйдти богатыремъ и христіаниномъ изъ этого хаоса ощущеній, подъятыхъ на душѣ поступками союзниковъ, стоило, можетъ-быть, еще бо̀льшихъ усилій, чѣмъ пробраться по скалистымъ альпійскимъ обрывамъ; выйдти, какъ вышелъ онъ, заставивъ замолчать вражду и зависть, стоило перехода черезъ Урзернскій мостъ и снѣжный Рингенкопфъ. Но этой внутренней битвѣ съ самимъ собою суждено было блистательно окончиться еще не здѣсь, не на швейцарской, на другой границѣ.

VII.

Въ венеціанской гостиной князя Тунгусова, освѣщенной огромною лампою, съ фарфоровымъ абажуромъ, на которомъ былъ изображенъ хороводъ музъ и грацій, шелъ жаркій споръ; княгиня еще не возвращалась изъ Офена; старый князь, развалясь въ креслахъ и повертывая межь двумя пальцами свою табакерку, перебивалъ иногда спорящихъ замѣчаніемъ: «помните juste milieu, золотую середину; и онъ и вы, mon general, впадаете въ крайности». Совѣтъ хозяина, видимо весьма довольнаго оживленною бесѣдою гостей, относился къ баккалавру, состязавшемуся съ австрійскимъ генераломъ - стратегикомъ и княземъ Борисомъ; спорящіе говорили по-французски, хотя иногда баккалавръ, разсердясь на непослѣдовательность возраженій и доводовъ стратегика, вдругъ произносилъ по-русски: «задолбилъ», или: «я про Ѳому, а онъ чуть-чуть не про Ерему». Эти замѣчанія вызывали каждый разъ улыбку на молодомъ лицѣ живописца, спутника баккалавра, сидящаго въ сторонѣ отъ стола и перелистывавшаго богатое изданіе съ картинами. Спорящія стороны (князь Борисъ былъ за австрійца) стояли совершенно на различныхъ почвахъ баккалавръ толковалъ, напримѣръ, о смиреніи, а стратегикъ говорилъ, что безъ point d'honneur не дѣлается на свѣтѣ ничего великаго.

— Вамъ скучно, papa? обратился вполголоса къ отцу князь Борисъ.

— О, нѣтъ; я иногда люблю пофилософствовать, послушать ученый споръ, отвѣчалъ старый князь, внимательно вслушиваясь въ горячія рѣчи Гаврила Даниловича, которому онъ и прежде, во время жительства его въ Раздольѣ, замѣчалъ: «съ такимъ даромъ слова, ты могъ бы, братецъ, за поясъ заткнуть Платона, какъ проповѣдника».

Старый князь не лгалъ, говоря, что онъ любитъ иногда пофилософствовать; это любили почти всѣ бары екатерининскаго времени, хотя изъ различныхъ побужденій: одни глядѣли на подобное препровожденіе времени какъ смотрятъ китайцы на пріемы опіума; другіе толковали или переписывались съ Лагарпами раза два въ годъ, глядя на это какъ на что-то въ родѣ говѣнья, исповѣди, думая про себя: «надо мнѣ немножко

остепениться, а то обѣды да рауты,—надоѣло»; третьи философствовали изъ боязни показаться отставшими отъ вѣка, породившаго новый чинъ, если можно такъ выразиться, генералиссимусовъ отъ разума. Не написать время отъ времени привѣтственнаго письмеца Волтеру, Руссо—было неловко такъ же, если не болѣе, чѣмъ не сдѣлать имениннаго визита фавориту, теткѣ, милостивцу. Стараго князя, впрочемъ, нельзя было подвести ни подъ одинъ изъ этихъ видовъ философствующаго русскаго барина: онъ не велъ ни словесныхъ, ни письменныхъ бесѣдъ съ возвышенными умами, но охотно слушалъ, по временамъ, серьезный разговоръ отъ пресыщенія сладкими, эротическими стихотвореніями, которыя любилъ, какъ мы говорили уже, до страсти; его позывало къ серьезному, какъ позываетъ человѣка, наѣвшагося до отвала сладкаго, къ черному хлѣбу. Кромѣ того, ему вѣяло отъ одушевленныхъ, хотя грубоватыхъ, рѣчей баккалавра чѣмъ-то знакомымъ давно, напоминающимъ дядьку, читавшаго апостолъ въ церкви,—покойницу бабушку-княгиню, доживавшую остатокъ дней подлѣ женской пустыни и читавшую съ утра до вечера четію-минею; онъ принадлежалъ къ большинству людей екатерининскаго времени, въ которыхъ еще теплилась, подъ пудрою французскаго воспитанія, старорусская, родная искра; близость ли къ старому времени или живучесть народныхъ основъ были причиной этому явленію, но въ письмахъ подобныхъ стариковъ поминутно встрѣчаешь, подлѣ безукоризненно-чистой французской фразы, выраженія, слова, принадлежащія простонародной рѣчи и, часто, чуть не удѣльной лѣтописи.

— Я не понимаю, послѣ этого, зачѣмъ вы идете противъ французовъ, возразилъ Гаврило Даниловичъ, когда австріецъ, въ качествѣ образованнаго европейца, сказалъ, что идеи, проводимыя Франціею, все-таки останутся великими, вѣчными идеями.—Русскіе идутъ противъ нихъ, находя ихъ ложными. Русскіе выгнали французовъ изъ Италіи по просьбѣ итальянцевъ, которымъ навязывали французы свою республику. Русскіе хотѣли произвести контръ-революцію во Франціи, гдѣ многіе желаютъ прежняго порядка вещей, потому что сочувствуютъ прежнему. А вы, воюя вмѣстѣ съ русскими, любуетесь тѣмъ, противъ чего воюете.

Австріецъ расхохотался и, пожавъ плечами, замѣтилъ:

— Мы съ вами, кажется, не понимаемъ ясно, о чемъ споримъ. Свобода, братство—суть идеи вѣчныя.

— Но развѣ о нихъ, о свободѣ духа, самой высочайшей свободѣ, о братствѣ, не говорится въ евангеліи? Но укажите мнѣ въ Христовомъ ученіи мѣсто, гдѣ бы разрѣшалось пушками, штыкомъ или другимъ орудіемъ пробираться къ истинѣ и водворять свободу.

— Мы—люди.... Христосъ—недосягаемый, высокій идеалъ.... Гдѣ же намъ? началъ-было австріецъ.—Потомъ, политика не всегда можетъ согласоваться съ этими идеалами опять-таки потому, что мы—смертные.

— Ну, такъ, подобная политика христіанскаго государства напоминаетъ мнѣ одну старуху-закладчицу, очень набожную, которая на вопросъ занимающаго, сколько она беретъ за ссуду, обыкновенно отвѣчала: «сорокъ процентовъ, грѣшница.... Знаю, что окаянство, да вѣдь что дѣлать, во грѣсѣхъ роди мя мати моя». Это, вѣдь, обыкновенная, наша людская отговорка; мы считаемъ евангеліе чѣмъ-то въ родѣ ладана, употребляемаго при извѣстныхъ случаяхъ; на остальное время ладанъ убираютъ въ кіотъ, отвѣчалъ баккалавръ.—Но мы забыли, что евангельская истина не ладанъ, что нельзя сдѣлать шагу въ жизни, не справившись съ евангеліемъ, этимъ единственнымъ, незамѣнимымъ кодексомъ человѣка гуманнаго, то-есть не дикаря, не людоѣда.

— Какую сказалъ истину.... Кто-жь этого не знаетъ? замѣтилъ старый князь.—Но вѣдь мы не монахи, не отшельники.

— Да я вамъ и не предлагаю идти въ монахи, отвѣчалъ баккалавръ.—Но отказаться отъ путеводнаго свѣта—это блуждать, какъ и блуждаетъ человѣчество.... При свѣтѣ въ душѣ нашей евангельской истины, не лилась бы кровь, не рѣзали бы, не казнили бы мы другъ друга; для того, чтобы добыть возможность провести свою задушевную идейку, не лѣзъ бы человѣкъ съ ножомъ на ближняго, какъ лѣзетъ теперь, толкуя въ то же самое время о необходимости господства разума.

— Но согласитесь, что человѣку естественно стремиться къ лучшему, а слѣдовательно и къ свободѣ? замѣтилъ князь Борисъ.

— Евангеліе и учитъ быть свободнымъ, отвѣчалъ Гаврило Даниловичъ.—Я могу быть свободнѣйшимъ человѣкомъ при какомъ угодно правленіи. Нѣтъ, не бывало и не будетъ той силы, которая заставила бы лгать христіанина. Это дока-

зано опытомъ: его терзали, били, жгли, но не могли убить въ немъ свободы.... И этотъ евангельскій путь есть единственный, законный путь ко всемірному освобожденію. Если я рабъ въ душѣ, дайте мнѣ республику сегодня,—я буду подличать передъ республикой.

— Не думаю, замѣтилъ старый князь.

— Какъ? Такъ вы думаете, мертвая форма въ состояніи освободить народъ, человѣка? возразилъ баккалавръ.—Впрочемъ, что же я удивляюсь? Это и есть страшная язва нашего времени: оно утратило вѣру въ могущество духа и поклоняется формѣ, тѣлу, силѣ; самъ пресловутый разумъ вооружился, вмѣсто силлогизмовъ, топоромъ гильотины и шпагою. Но какъ же, вѣдь, и насмѣхается духъ надъ искателями свободы: льется кровь, рѣжутся, идутъ на висѣлицы за свободу, а ея нѣтъ какъ нѣтъ; повертится около человѣка что-то такое, смахивающее на нее, и улетитъ изъ-подъ носа охотниковъ. Нѣтъ, князь, не будетъ въ мірѣ свободы, не дастся она человѣку, пока не сдѣлается человѣкъ христіаниномъ, пока не влюбится онъ въ идеалъ, данный ему евангеліемъ. Вы больше рабъ, вѣруя въ форму, чѣмъ я; республиканецъ больше рабъ, ратуя за своего идола—свободу.

Старикъ добродушно засмѣялся; потрепавъ баккалавра по плечу и обратясь къ сыну, онъ, даже прослезившись, проговорилъ: «а все такой же онъ чудакъ, какимъ былъ прежде». Старый князь любовался рѣчами баккалавра, принимая ихъ единственно за защиту монархическихъ началъ. Такъ одобрялось православіе, одобрялась даже народность, или національность, какъ называли ее тогда, большинствомъ, бравшимся за нихъ всегда лишь какъ за средство спасенія, какъ за бревно, могущее спасти утопающихъ. Провидѣніе искони бѣдами вело не одно русское общество понимать цѣнность сокровища; но миновалась бѣда—и человѣчество снова не радѣло о немъ. Такъ малый ребенокъ, споткнувшись, ухватится за руку няньки, но, справившись, опять летитъ одинъ, впередъ, не слушая увѣщаній старухи, и упадетъ, если она не подоспѣетъ протянуть ему руки своей; держаться бы за руку стараго друга—пѣстуна, но жизненная ярмарка пестрѣетъ по бокамъ: тамъ лавочка съ игрушками, а дальше фокусникъ зазываетъ къ себѣ, обѣщая показать такія чудеса, о какихъ и не снилось ребенку. Какъ тутъ идти бѣдняжкѣ нога въ ногу съ степенною нянькой? Но, дайте срокъ, ребенокъ разглядитъ, чѣмъ угощала его ярмарка,

и, ужаснувшись, самъ попросится на руки къ старой своей наставницѣ.

Австрійскій генералъ, посмотрѣвъ на карманные часы, раскланялся и, сказавъ, что нѣтъ такого пріятнаго общества, котораго бы не покидали, вышелъ изъ комнаты.

— Русскіе одиноки, какъ одинокъ теперь Суворовъ въ швейцарскихъ горахъ, продолжалъ баккалавръ.—Вотъ вамъ австріецъ: онъ хлопочетъ лишь о себѣ, о своихъ выгодахъ. Это не императоръ нашъ, не Суворовъ, искреннѣйшимъ образомъ идущіе спасать народы угнетенные, царей и вѣру. Врагъ обвинитъ ихъ, можетъ-быть, въ донкихотствѣ, но не откажетъ имъ въ честности, въ искренности и прямотѣ, съ которыми они преслѣдуютъ свое дѣло.

— Но вѣдь и они идутъ съ оружіемъ? замѣтилъ князь Борисъ.

— Къ сожалѣнію. Въ Италіи намъ нужно было прогнать чужеземныхъ волковъ, кинувшихся на невинное стадо, отвѣчалъ баккалавръ.—Но, вѣрьте мнѣ, настанетъ время, когда Россія будетъ громить силою убѣжденія, слова... Привыкнувъ изстари подчинять волю свою волѣ божественной, русскій народъ, сознавъ все величіе хороваго, совокупнаго служенія народовъ истинѣ, конечно, первый промѣняетъ грубую физическую силу на силу слова, любви и не кичащагося разума. Надъ нимъ будетъ, быть-можетъ, издѣваться западъ, назоветъ, да и зоветъ уже, его рабомъ, но онъ не устыдится этого прозванія, твердо помня, что и Христосъ явился въ образѣ раба и вышелъ не изъ среды гордыхъ завоевателей, а изъ смиренной толпы порабощеннаго народа.

Старый князь простился и ушелъ въ спальню; для него слишкомъ показалась велика, вѣроятно, доза философіи. Князь Борисъ предложилъ гостямъ проѣхаться на острова; живописецъ и Гаврило Даниловичъ взяли шляпы и черезъ десять минутъ всѣ трое сидѣли въ гондолѣ, скользящей по тихому каналу, перерѣзанному пополамъ луннымъ, золотистымъ отраженіемъ; живописецъ сидѣлъ у желѣзнаго гребня лодки, любуясь моремъ и, озаренными блѣднымъ лучомъ мѣсяца, дворцами, огоньками на островахъ, повторявшимися въ водномъ зеркалѣ.

— Гдѣ же, въ чемъ вы видите залоги въ русскихъ для такого будущаго? спросилъ князь.—Реформа Петра насъ превратила въ тѣхъ же европейцовъ, да оно такъ и слѣдуетъ. Какъ это возвращаться къ старому?

— Но если въ этомъ старомъ, если въ основахъ этого стараго лежитъ истина, вѣчное, отвѣчалъ баккалавръ,—то позвольте васъ спросить, какъ же вы, какъ существо разумное, не воротитесь, бросите это вѣчное, отречетесь, во имя чего-либо, отъ истины? Реформа Петра сама приведетъ насъ къ тому, чтобы не пренебрегать этимъ вѣчнымъ; поживъ чужимъ умомъ, мы образумимся и, на опытѣ узнавъ, что это плохо и невыгодно, будемъ жить своимъ когда-нибудь. Реформа была необходима намъ для того именно, чтобы мы пожили нѣкоторое время и западною умственною жизнью; Россіи надо все изучить и испытать; вѣдь всякій геній начинаетъ съ подражанія.

— Трудно. Идеалы, данные при воспитаніи каждому изъ насъ, согласитесь, чужіе, западные... Реформа привилась слишкомъ крѣпко. Трудно, чтобы мы разстались съ западомъ и пошли какой-то своею дорогой, замѣтилъ князь.

— Трудно; но безъ труда ничего не дѣлается, отвѣчалъ баккалавръ.—Впрочемъ, мы реформу сдѣлали какимъ-то фатумомъ... Толкнула сильная рука, мы и летимъ, не пробуя даже упереться на свой посохъ, чтобы призадуматься минуту, куда идемъ. Когда-нибудь да призадумается же Русь, иначе вѣдь надо отказать ей въ способности самобытнаго творчества. Я повторяю: всякій геній начинаетъ съ кодражанія, зажигаетъ у предшественника свой свѣточъ. Да вотъ вамъ наглядный примѣръ, продолжалъ онъ, указавъ на присѣвшаго къ нимъ художника;—вотъ посмотрите вы его этюды: помѣшался молодецъ на Рембрандтѣ...Что бы не писалъ, не премѣнно хватитъ, по середкѣ картины, свѣтлое пятно. А дайте срокъ, будетъ постарше, броситъ подражаніе и, повѣрьте, создастъ что-нибудь самобытное.

Художникъ разсердился и, покраснѣвъ, возразилъ:

— Что-жь послѣ этого не нужно и изучать великихъ мастеровъ?

— Изучай, да не пой голосомъ того дьячка, у котораго учился, пробуй пѣть своимъ, разсмѣявшись отвѣчалъ баккалавръ.—Я, братъ, отъ тебя не отстану, пока ты не перестанешь передразнивать Рембрандта. Знаете, князь, продолжалъ ученый, помолчавъ,—мнѣ жаль, что вы не въ арміи, не съ Суворовымъ; за Петрушу Катенева я радъ, что онъ тамъ... Вотъ, онъ вернется русскимъ изъ похода.

— Почему? спросилъ князь.

— А вотъ почему, отвѣчалъ баккалавръ:—мы всѣ разсуждаемъ прекрасно о братствѣ, сидя въ гостиной, или вотъ въ

гондолѣ, на этихъ бархатныхъ подушкахъ. Нѣтъ, на ряду съ простолюдиномъ идти, крестясь, въ огонь и въ воду, ѣсть съ нимъ одинъ сухарь, терпѣть по-братски вмѣстѣ и холодъ и голодъ—вотъ это братство! Это вотъ равенство! Говорятъ, голодъ есть лучшій поваръ, а нужда, пожалуй что, лучшій учитель. Повторяю, я радъ за Катенева; примѣръ Суворова, а главное—опытъ... Онъ видѣлъ теперь лицомъ къ лицу республиканцевъ, слышалъ вопль, жалобу цѣлаго народа на этихъ поборниковъ свободы; теперь его не увѣритъ никто, что оттуда, изъ Франціи, вмѣстѣ съ модными тупеями, получимъ мы свободу и благополучіе.

— Стало-быть, по-вашему, необходимы истязанія, лишенія на пути преслѣдованія истины? спросилъ князь.

Баккалавръ опустилъ голову и черезъ минуту, взглянувъ на князя и пожавъ плечами, отвѣчалъ:

— Признаюсь, по опыту я убѣдился, что въ довольствѣ, въ нѣгѣ дебелѣешь... Какой-то святой называлъ тѣло свое осломъ... Въ молодости я смѣялся надъ этимъ, а теперь убѣдился, что это не такъ глупо, какъ сразу кажется; покормите-ка побольше, да понѣжьте тѣло,—сердце, голова, душа ваша не сладятъ съ нимъ. Вы не шутите плотью; она, какъ ловкая любовница, исподволь, шутя, перессоритъ васъ съ лучшими и задушевнѣйшими вашими друзьями. Я не въ факиры васъ идти уговариваю, но и не совѣтую слишкомъ баловать себя. Поголодать, позябнуть иногда не безполезно, хоть бы для того, чтобы понимать, разумѣть голоднаго. Вѣдь, почему путь опыта есть единый, прочный и вѣрный путь къ истинѣ для человѣка и народа?— Потому, что человѣчество, одебелѣвъ въ хлопотахъ не о царствіи Божіемъ, а только о земномъ, оглохло къ слову. Оттого столько жертвъ и крови на пути его къ истинѣ. Право, иногда оно напоминаетъ мнѣ того мужика, который приходилъ къ вашему прикащику, помните, съ слѣдующимъ выговоромъ: «что ты, Евстафій Яковличъ, все меня только усовѣщиваешь; выдери ты меня, яви божескую милость. А то вѣдь съ кругу сопьюсь и измотаюсь»... А не воротиться ли? Свѣтаетъ. Надоѣлъ я вамъ, князь... Рембрандтъ зѣваетъ, закончилъ баккалавръ.

— Нѣтъ, что до меня, отвѣчалъ князь,—мнѣ спать не хочется... Вотъ развѣ имъ, прибавилъ онъ, взглянувъ на живописца.

Художникъ встрепенулся и, по совѣщаніи, всѣ рѣшили ѣхать

въ кафе, пить кофе, такъ какъ спать было некогда. Гондола повернула и скоро, шаркнувъ гребнемъ о камни пристани, остановилась подлѣ площади с. Марка; пока заспанный cameriere casa di Pedrillo (такъ называлась кофейня) накрывалъ столикъ на улицѣ, подъ тощею верандою, собесѣдники, усѣвшись на зеленыхъ деревянныхъ стульяхъ, продолжали начатый разговоръ.

— Я удивляюсь, уважаю Суворова, продолжалъ баккалавръ,— вовсе не за то, что онъ всѣхъ побѣждаетъ,—мало ли было людей въ прошедшемъ человѣчества, которые всѣхъ колотили. Я удивляюсь въ немъ великому мыслителю, по складу ума и по пріемамъ мышленія, чисто - русскому умственному богатырю, опередившему далеко свое время. Онъ самъ не даромъ писалъ кому-то: «не будь я полководцемъ, я бы сдѣлался писателемъ». Онъ и въ наукѣ, я увѣренъ, перешелъ бы С.-Готардъ—высокую вершину узкой гордости человѣческаго ума, отвергающаго вѣру, какъ способъ познаванія, и даже вѣковый опытъ; онъ разгромилъ бы и тамъ твердыни гордости, упрямо отрицающей откровенія сердца и мѣряющей все, даже безпредѣльное, однимъ аршиномъ... Вѣдь эта гордость сдѣлала изъ разума, этого лучшаго божественнаго дара человѣку, этого отблеска вѣчной славы свѣта,—сдѣлала идола и молится ему, какъ молятся огню огнепоклонники; разумъ зачванился, взбунтовался и развѣнчалъ всѣ другіе дары и орудія познаванія, хранящіеся въ человѣческомъ духѣ. Еслибъ это было можно, наше поколѣніе готово было бы, не задумавшись, лишить себя всѣхъ пяти внѣшнихъ чувствъ во имя разума. И вотъ, мы видимъ величайшаго поэта,—поучительное зрѣлище,—съ одною головой, безъ сердца... Да, безъ сердца... Онъ создаетъ мастерскія картины, говоритъ умнѣйшія изреченія; но нигдѣ не трогаетъ васъ его рѣчь до глубины, не обогрѣетъ сердца его колоссальное слово, потому что ни одна строчка его великихъ твореній не прогрѣта лучомъ живительной любви. Кровь льется, гибнетъ міръ, а онъ, въ аттическомъ покоѣ, не уронивъ слезы о человѣчествѣ, о ближнемъ, знай мѣряетъ свои величавые, холодные гекзаметры. Великій поэтъ безъ сердца—это чудо, явленіе необычайное, но совершенно послѣдовательное: онъ выросъ на такой почвѣ, на холодной нивѣ разсудочной мудрости. И эта нива, эта почва довольна имъ: онъ совершенно ее удовлетворяетъ. Но это—послѣднее дѣйствіе трагедіи: дальше идти нельзя; апоѳеозомъ великому поэту піеса кончится блистательно; оди-

нокій умъ сдѣлалъ свое, сыгралъ главную роль; его вызвали и увѣнчали въ лицѣ поэта, возведшаго его до высоты, дѣйствительно, едва для него, одинокаго, возможной. Вы не подумайте, что я насмѣхаюсь надъ умомъ; онъ совершилъ великое дѣло; развѣ бездѣлица явить, представить міру всѣ одинокія силы свои, хотя бы даже для того, чтобы показать ихъ одиночную несостоятельность? Теперь наука духа и искусство, поглядите, смолкнутъ, пока не начнется хоровое, соборное служеніе всѣхъ силъ человѣческаго духа при добываніи истины. Но для этого надобно уговорить чудака-старообрядца—разумъ, оставивъ пустую гордость, выйдти изъ своей одинокой, мрачной молельни и пристать къ сослуженію съ другими силами; надобно убѣдить его возвратить другимъ органамъ, членамъ человѣческаго духа,—возвратить дарованное имъ природою мѣсто и назначеніе. Это и есть дѣло славянскихъ народовъ, а слѣдовательно и русскаго мыслителя; это и есть служба русской земли міру,—служба, гдѣ Россіи придется громить, повторяю, не громомъ орудій, а неотразимымъ громомъ слова, убѣжденія. И первый день этой великой битвы будетъ первымъ днемъ ея самостоятельнаго служенія въ міровомъ хорѣ всѣхъ сослужащихъ и сослужившихъ народовъ во храмѣ истины.

Что̀ бы сказалъ баккалавръ, еслибы дожилъ до способа, употребляемаго въ наше время большинствомъ искателей истины,—способа дѣлать заключенія, выводы изъ явленій, добытыхъ наблюденіемъ, но не провѣренныхъ вовсе путемъ логическимъ? Мы исключаемъ, разумѣется, отсюда наблюденія астрономовъ, провѣряемыя строго вычисленіями и потому неопровержимо-точныя; пріемы астрономовъ должны бы служить образцомъ, и величайшіе изъ наблюдателей природы, напримѣръ Гумбольдтъ, постоянно прибѣгали, для провѣрки своихъ наблюденій, къ вычисленіямъ. Нынче пришлось бы баккалавру горевать о томъ, что внѣшніе органы познаванія, внѣшнія чувства воздвигли гоненіе на разумъ, принуждая его, бѣдняка, дѣлать окончательные выводы изъ первыхъ, попавшихся подъ руку, посылокъ.

— Признаюсь, я вѣдь не совсѣмъ понимаю это сослуженіе—не народовъ (это я понимаю), но сослуженіе силъ духа. Напримѣръ, въ математикѣ нельзя же допустить къ сослуженію сердце, замѣтилъ князь.

— Точно также какъ въ богословіи—грошовыхъ доказательствъ бытія, да еще опредѣленія свойствъ Божіихъ посредствомъ раз-

сужденій и силлогизмовъ, возразилъ баккалавръ.—Въ томъ-то и дѣло, что западная наука вездѣ употребляетъ одинъ способъ доказывать. Да кто не любитъ Бога, тотъ Его не знаетъ... Кто вѣритъ, тотъ знаетъ, что Онъ есть, и посмѣется надъ вашими сухими силлогизмами,—у него есть своя логика, логика сердца. Я даже, признаюсь, не понимаю богословія, какъ науки; она оттого, что несостоятельна, и поссорилась съ философіею до того, что богословъ и современный философъ не могутъ встрѣтиться другъ съ другомъ въ классной, чтобы не разругаться. Какъ это однимъ разумомъ дойдти до созерцанія того, что зрятъ одни лишь чистые сердцемъ? Допусти мы, что это возможно, и всѣ магистры и доктора теологіи будутъ святые,—прямо въ рай ихъ веди.

— Но сердце можетъ обмануть меня.... возразилъ князь.

— Здѣ разумъ, отвѣчалъ баккалавръ,—и опять кодексъ, безъ котораго шагу сдѣлать нельзя,—евангеліе. Зачѣмъ вы отдѣляете опять одинъ органъ отъ другихъ? Оставьте совокупное служеніе, гдѣ это нужно и можно. Я только вотъ противъ чего: есть вещи, недоступныя для пониманія однимъ разумомъ; есть другія, какъ математика, куда было бы странно приглашать сердце. Я требую только, чтобы не дѣлали изъ разума идола, чтобы не считали его единственнымъ органомъ пониманія, чтобы во имя его не отрицались отъ другихъ органовъ. Признавъ права другихъ орудій пониманія, употребляйте разумъ вашъ всюду—во славу Божію; но вы представьте: умъ безъ сердечнаго ока входитъ во святая святыхъ; онъ ничего не видитъ тамъ и, возвратясь, говоритъ міру: «тамъ ничего нѣтъ». И онъ не лжетъ; міръ вѣритъ ему, позабывъ, однакоже, простую истину, что для слѣпаго нѣтъ вѣдь и солнца. Мнѣ странно, что я долженъ это вамъ доказывать. Да развѣ въ физическомъ мірѣ можно имѣть понятіе—ну, хоть о прекрасномъ, лѣтнемъ вечерѣ, употребивъ въ дѣло одно внѣшнее чувство, положимъ, зрѣніе. Вы видите, но вы еще не обоняли запаха цвѣтовъ, не ощутили отрадной свѣжести, прохлады, наступившей послѣ полуденнаго зноя, и т. д. Понятіе ваше не полно, стало-быть. Если во внѣшнемъ мірѣ нужны многіе органы для познаванія, какъ же можно обойдтись однимъ въ духовномъ мірѣ? Тамъ тоже есть вѣдь свое солнце, свой эфиръ, полный чудесныхъ ароматовъ,—разумѣется, для того, кто обладаетъ обоняніемъ и не затыкаетъ себѣ носа, изъ боязни, какъ бы носъ не обманулъ его. Мнѣ припоминается одинъ про-

фессоръ семинаріи, неистовый поклонникъ разума, Титъ Силычъ Сапіентскій: «Сегодня лекція объ откровеніи, ребята», начнетъ бывало онъ, войдя на каѳедру. «Смотри же, въ оба гляди, не щади меня, щупай. У меня млатъ крѣпкій на какія хочешь возраженія... Сей млатъ есть разумъ». Млатъ, помню, плоховато разбивалъ даже наши, ученическія, возраженія, но на вопросъ профессора: «что, разлетѣлось?» мы, бѣдные семинаристы, должны были отвѣчать волей-неволей: «разлетѣлось, dominus praeceptor». А скажи: не разлетѣлось,—порка. Про Тита Силыча разсказывали, что онъ и женился по разуму. Когда его спросили: «кто вамъ рекомендовалъ невѣсту?»—Титъ Силычъ отвѣчалъ, нахмурясь: «разумъ». Это не мѣшало, впрочемъ, ему потомъ, выпивши по праздникамъ, колотить свою супругу. Не представлялась ли она ему, въ эти часы, чѣмъ-то въ родѣ ученическихъ возраженій? Однако... Эй, Тимоша! крикнулъ баккалавръ, взглянувъ на художника, спавшаго крѣпчайшимъ сномъ, опустивъ на столъ свою кудрявую голову.—Прекрасный мальчикъ... Даровитъ страшно; и совсѣмъ дитя, что́ мнѣ особенно въ немъ нравится.

— Но о Суворовѣ, вѣдь, вы не кончили. Почему онъ великій мыслитель? спросилъ князь.

— Потому, что въ немъ началось уже сослуженіе всѣхъ силъ человѣческаго духа, о которомъ говорилъ я вамъ, отвѣчалъ баккалавръ.—Мѣряя, гдѣ нужно, разумомъ, онъ слышитъ хорошо и сердцемъ; онъ знаетъ цѣну сокровищамъ, которыми обладаютъ на Руси покуда одни лапотники, эти низшіе, какъ мы зовемъ ихъ, дѣти. Чтобы слышать сердцемъ, вотъ для чего онъ принимаетъ образъ простолюдина, снисходитъ съ вершинъ одинокаго, гордаго разума на низменныя ступени нищеты и смиренія. О, еслибы вы знали, князь, какая зрѣлость встрѣчается между простолюдинами,—вы убѣдились бы, что мудрость не всегда добывается изъ типографій, что важный органъ пониманія есть человѣческое сердце! Вѣдь не отъ каѳедръ, а отъ мрежи взяты Господомъ ловцы человѣковъ.

Cameriere подалъ кофе; собесѣдники позавтракали и отправились пѣшкомъ домой. Художникъ и баккалавръ рѣшили сегодня же выѣхать въ Пештъ, гдѣ баккалавру хотѣлось повидаться съ Самборскимъ, его старымъ пріятелемъ; художникъ пробирался въ Теплицъ, къ графу Орлову, которому рекомендовали его для списыванья портрета съ дочери графа. Молодой князь заду-

мался, шагая по гладкой мостовой площади. Баккалавръ подтрунивалъ надъ молодымъ Рембрандтомъ. Странный былъ человѣкъ—князь: говорилъ баккалавръ,—онъ находилъ, что вѣрно говоритъ баккалавръ, и билось у него сердце отъ инаго слова, и слезы прошибали изъ глазъ; говорилъ іезуитъ,—опять молодой человѣкъ соглашался, дивясь ясности и правдѣ доводовъ. Онъ самъ замѣчалъ это и досадовалъ на себя. Такъ и теперь грустно стало честному юношѣ и за себя, и за человѣчество. «Изъ-за чего же, въ самомъ дѣлѣ, для какого возмездія», думалъ онъ, «и на что мы промѣняли полноту всецѣлой духовной жизни, съ ея тепломъ и свѣтомъ? Мы не живемъ, вѣдь, а анализируемъ, разбираемъ, мѣряемъ аршиномъ великолѣпный садъ, не пользуясь его красою, чуднымъ воздухомъ, не рвемъ золотистыхъ, сочныхъ плодовъ, качающихся на вѣтвяхъ роскошнѣйшихъ деревьевъ. Царству одинокаго разума не замѣнить, — правъ баккалавръ,— свѣтлаго, величественнаго храма, обители великой семьи всѣхъ силъ и дарованій человѣческаго духа. Какъ ни кичись онъ, этотъ разумъ», фантазировалъ князь, «но рано ли, поздно ли, а онъ воротится къ односемьянамъ послѣ своего одинокаго, утомительнаго странствія; со слезами радости встрѣтятъ его семьяне, а онъ, усталый путникъ, съ улыбкою сознается, что только здѣсь, въ родной семьѣ, при общей дружной работѣ всѣхъ семьянъ, жизнь такъ полна, свѣтла и несказанно радостна».

VIII.

Съ утра до вечера толкуемъ мы о русскомъ типѣ, о русскихъ чертахъ, пытаемся, путемъ сравненій и логическихъ доводовъ, добраться до основъ этого типа, и все-таки не условились до сихъ поръ даже въ главныхъ чертахъ его. Я знавалъ людей, одѣвавшихся въ поддевки, боявшихся, какъ огня, французскаго слова, оборота въ разговорѣ, и, признаюсь, находилъ въ нихъ такъ же мало русскаго, какъ у ханжи, соблюдающаго посты, середы и пятницы, сходства съ простымъ, безыскусственнымъ типомъ старорусскаго святаго. «Я космополитъ». любилъ говорить о себѣ Суворовъ, а между тѣмъ, при первомъ взглядѣ на его портретъ въ бѣломъ австрійскомъ мундирѣ, съ Маріею-Терезіей черезъ плечо,—вѣетъ на васъ чѣмъ-то такимъ своимъ, русскимъ, какъ тотъ воздухъ, который

несется на встрѣчу путнику съ волнующихся, золотистыхъ полей, съ бѣлою колокольнею вдали, съ усадьбой, окруженною кучей крестьянскихъ избъ, сараевъ и овиновъ. Всюду—въ Вѣнѣ, въ Италіи, въ Швейцаріи, на тощей клячѣ, въ своемъ родительскомъ плащѣ и капуцинской шляпѣ,—всюду онъ русскій насквозь, и будто къ старому знакомому, будто къ родному тянетъ васъ, лежитъ къ нему сердце. И что-то еще далеко неразгаданное мыслителями лежитъ въ основѣ этого, опредѣлившагося и законченнаго вполнѣ, типа. «Это простодушная старина, прошедшее, помимо личной воли и сознанія, наложили эту рѣзкую печать на него: это, просто, человѣкъ стараго добраго времени», объясняетъ легкомысленно себѣ въ первыя минуты созерцатель высокаго, украшеннаго сѣдинами и морщинами, чела геніальнаго старца.—Но, всматриваясь ближе и внимательнѣе, убѣждаешься, что не помимо его воли легла эта печать на челѣ, что каждая черта нравственнаго и умственнаго образа говоритъ о сознаніи, о глубокой, поминутной думѣ надъ самимъ собою, о полномъ пониманіи себя, какъ человѣка русскаго. Не потому ли меркнетъ день-ото-дня слава военныхъ геніевъ, завоевателей, вянутъ и сохнутъ ихъ лавровые вѣнки, а ликъ Суворова годъ-отъ-году свѣжѣетъ, оживаетъ? И будетъ оживать, по мѣрѣ оживленія въ насъ, русскихъ, познанія духовныхъ силъ своихъ; онъ незабвененъ, вѣченъ—этотъ ликъ во храмѣ русской мысли, во всѣ дни ея шествія къ истинѣ; въ грозные дни Россіи, въ мирные дни думы о себѣ, въ молитвенные часы—всюду и долго, если не всегда, будетъ онъ вождемъ ея, совѣтникомъ и богомольцемъ.

Собраніе анекдотовъ, поговорокъ, писемъ, приказовъ его должно быть настольною книгою у русскаго ученаго, художника, воина, политика, духовнаго лица, простолюдина; это—одна изъ первыхъ, вполнѣ народныхъ книгъ нашихъ. Начиная отъ шутки надъ своимъ Прошкою, надъ самимъ собой, до великаго слова, произнесеннаго на смертномъ одрѣ,—всюду богатырь-наставникъ даетъ не сухой, а теплый совѣтъ русскому человѣку, русскому мыслителю: Суворовъ оцѣненъ какъ полководецъ, но, несмотря на удивленіе къ его душевнымъ свойствамъ, высказанное современниками и жизнеописателями, онъ не познанъ еще нами, русскими, какъ мыслитель, какъ человѣкъ, какъ христіанинъ. Какъ ни велики воинскія дѣла его, но они блѣднѣютъ предъ картиною его трудныхъ, внутреннихъ битвъ и побѣдъ,—картиною,

имѣющею возстать ярко предъ будущимъ русскимъ психологомъ. Мы не боимся обвиненій въ преувеличеніи и идеализаціи отъ тѣхъ, кто намъ укажетъ на дурныя стороны характера фельдмаршала: «и въ солнцѣ», говорятъ, «есть пятна», но оно все-таки свѣтитъ и остается солнцемъ; наблюдающихъ же исключительно однѣ темныя стороны историческихъ характеровъ мы приглашаемъ попробовать повернуть хоть разокъ, для шутки, телескопъ и навести стекло внутрь себя, на свое душевное, безоблачное, небо и, положа руку на сердце, сказать, каково тамъ: одинъ ли свѣтъ, или есть тоже маленькія пятнышки?

«Душевнымъ родствомъ» называя дружбу, Суворовъ принималъ нерѣдко къ себѣ дѣтей, племянниковъ друзей своихъ, но не для того, чтобъ обвѣшивать ихъ орденами, а чтобы воспитывать. «Ему будто хотѣлось въ нихъ переселить свою душу», замѣчаетъ жизнеописатель, очевидецъ этихъ новыхъ подвиговъ; «наставленія крестнику» и «изображеніе героя», писанныя сыну пріятеля, остались собственноручными свидѣтельствами этихъ дѣяній, обличающихъ глубоко-любящую душу вождя-генія. Сравнивая съ сентиментальными, многорѣчивыми нравоученіями, которыхъ кто не говорилъ и въ то, и въ наше время,—эти полныя наблюденія надъ жизнью, надъ собою, жизненныя, немногія (замѣтьте, писанныя по-французски) слова, испытываешь то же впечатлѣніе, какое является при взглядѣ на коленкоровый цвѣтокъ рядомъ съ пахучимъ, свѣжимъ, настоящимъ. «Привыкай заранѣе», говоритъ въ одномъ мѣстѣ наставленіе юношѣ фельдмаршала, «прощать погрѣшности другихъ и не прощай никогда себѣ своихъ погрѣшностей... Герой, будучи врагомъ зависти, ненависти и мести, низлагаетъ противниковъ благодушіемъ, а надъ друзьями владычествуетъ вѣрностью. Одушевляясь правотою, онъ гнушается ложью; праводушный по склонности, онъ попираетъ ногами криводушіе... Отважность, а затѣмъ—человѣчество, миръ, забвеніе».... Какая русская душа сквозитъ изъ-за французской, ломаной, рѣчи! Ненависть западныхъ французскихъ историковъ къ Суворову лежитъ глубже: они ненавидѣли въ немъ не одного врага по оружію, а кореннаго русскаго по мысли. Прибирай, сколько хочешь, писатель пословицъ, словъ изъ народныхъ былинъ и лѣтописей,—не будетъ русскимъ твое твореніе, если въ душѣ у тебя не бьетъ ключъ живой воды—любви къ родному; она одна способна оживить самую незапамятную старину до такой истины и правды, что старина покажется сегоднишнею былью очарованному зрителю.

«Русскому должно все испытать», читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ умственнаго и нравственнаго русскаго вождя передъ швейцарскимъ походомъ. И испытали много тѣлесныхъ и нравственныхъ потрясеній богатыри, оставленные безъ хлѣба, безъ пороха, безъ орудій, въ швейцарскихъ горахъ; въ тылъ, встрѣчу и съ боковъ жарилъ ихъ изъ-за камней и скалъ, будто изъ крѣпости, озлобленный ихъ успѣхами въ Италіи непріятель. Царственный юноша шелъ тутъ же, рядомъ съ простымъ солдатомъ, голодный и холодный, подъ поминутнымъ свистомъ пуль и воемъ ядеръ. Нужда и горе стерли грань между рядовымъ и генераломъ, между придворнымъ щеголемъ и безотвѣтнымъ бѣднякомъ-армейцемъ; но подчиненность нарушалась только тѣмъ, что рядовой несъ свой послѣдній сухарь любимцу-генералу, а генералъ посылалъ солдату въ отвѣтъ кусокъ сыру, найденный деньщикомъ въ ранцѣ у убитаго француза. Вотъ чѣмъ была непобѣдима наша армія—любовью. «Петру Иванычу подшилъ. Надо подшить Михаилу Андреичу», говорилъ старый унтеръ, подкладывая подъ генеральскіе сапоги кусокъ французскаго кивера вмѣсто подметокъ.

И вотъ черезъ горящіе мосты, чрезъ водопады, горы въ отвѣсъ и пропасти, подъ громъ орудій и небесный громъ, идутъ, крестясь, русскіе люди, для того чтобы дойдти до озера, гдѣ должна быть союзная флотилія. Пришли,—нѣтъ никакой флотиліи. Разсказъ нашъ догоняетъ ихъ въ Мутенской долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ непріятелемъ.

Катеневъ шелъ съ своимъ отрядомъ, перетаскивая два свои орудія на рукахъ черезъ рвы и пропасти; юноша трудился съ увлеченіемъ, загорѣвшись, подъ вліяніемъ личнаго горя, непонятною ему прежде, страстью къ лишеніямъ, къ труду и подвигу; поглядывая на свои худые сапоги, глодалъ онъ вмѣстѣ съ солдатами заплесневѣлый сухарь, и слезы, выжимаемыя утомленіемъ, ушибомъ, смертью солдата, сорвавшагося со скалы, онъ не стыдился утирать при всѣхъ. Бѣда и горе породнили, какъ одну семью, всю армію; примѣръ фельдмаршала и генераловъ не только сдерживалъ ропотъ во всѣхъ, но зажигалъ, особенно въ молодежи, какъ мы сказали, страсть къ труженичеству, страсть безкорыстную, почти святую. Такъ юный новобранецъ-инокъ, взирая на спокойно-величавый ликъ старца-отшельника, кидается на тяжкій подвигъ, какъ на пиръ, и жарко молитъ день и ночь Творца, чтобъ Онъ не лишилъ его, точно какого блага, слезъ, труда и нищенства.

Утро было пасмурное; по долинѣ разбросаны были кучками солдаты; дымились тамъ и сямъ костры, хотя варить давно было нечего. Фельдмаршалъ въ полномъ мундирѣ расхаживалъ по длинному сараю, слабо освѣщенному сквозь растворенную на половину дверь, и отрывисто, раздраженнымъ голосомъ толковалъ: «парады, разводы... Большое къ себѣ уваженіе... Обернется,— шляпы долой. Помилуй Господи! Да и это нужно, во время... А нужнѣе-то знать вести войну, знать мѣстность, умѣть расчесть, не дать себя въ обманъ, умѣть бить... А битому быть не мудрено. Погубить столько тысячъ! И какихъ? Въ одинъ день! Помилуй Господи!»

Рѣчь шла о Корсаковѣ. Вошелъ великій князь въ сопровожденіи генераловъ; они приглашены были на военный совѣтъ. Милорадовичъ велѣлъ идти за нимъ, съ карандашомъ и бумагою, и Катеневу; поручикъ всталъ въ уголку, въ отдаленіи, когда совѣщавшіеся разсѣлись кто на барабанѣ, кто на бревнѣ, на лавкѣ, сколоченной изъ разбитаго, найденнаго солдатами лафета. Поздоровавшись молча и усадивъ всѣхъ, фельдмаршалъ зажмурилъ глаза и, оставшись такъ минутъ пять, какъ будто для того, чтобъ собраться съ мыслями, началъ:

— Корсаковъ разбитъ и прогнанъ за Рейнъ; Готце пропалъ безъ вѣсти и корпусъ его разсѣянъ; Елачичъ и Линкенъ ушли. Весь нашъ планъ разстроенъ. Русское войско измѣною при Прутѣ, при Петрѣ, было поставлено въ подобное положеніе. Теперь мы среди горъ, окружены, сильнѣйшимъ несравненно, непріятелемъ. Что дѣлать? Идти назадъ—постыдно; никогда еще я не отступалъ; идти къ Швицу—нельзя: у Массены болѣе шестидесяти тысячъ, а у насъ нѣтъ и двадцати. Къ тому же мы безъ провіанта, безъ патроновъ, безъ артиллеріи. Помощи ждать не отъ кого. Мы на краю гибели.

Произнося эти жесткія слова, Суворовъ, видно было, боролся съ самимъ собою, но удержался отъ упрековъ союзникамъ. Сложивъ на груди руки, онъ опустилъ голову, какъ будто ожидая отвѣта; но всѣ молчали.

— Теперь, началъ вдругъ, вставъ съ мѣста и остановившись посреди, фельдмаршалъ,—одна надежда есть на Бога, да на храбрость и на самоотверженіе войска. Мы—русскіе! Съ нами Богъ!

«Какъ электрическая искра пробѣжала по всѣмъ», разсказываетъ очевидецъ.

— Спасите честь Россіи и государя! Спасите сына импера-

тора, заливаясь слезами, произнесъ старецъ и кинулся къ ногамъ великаго князя.

Великій князь поспѣшно поднялъ его, обнялъ, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ: у него хлынули ручьемъ слезы. Всѣ плакали. Старикъ Дерфельденъ, наставникъ великаго князя, первый заговорилъ отъ имени русскихъ воиновъ.

— Я ручаюсь, сказалъ онъ,—за неизмѣнную храбрость и самоотверженіе войска, готоваго идти безропотно всюду, куда поведетъ его великій полководецъ.

Суворовъ ожилъ; глаза его заблистали.

— Да, отвѣчалъ онъ,—мы русскіе. Съ помощію Божіею мы все одолѣемъ.

Мы записали эту сцену, не измѣняя ни одного слова изъ разсказа очевидцевъ, считая себя не въ правѣ и не въ силахъ прибавлять что-либо къ этой картинѣ, какъ бы тяжкой пробы испытанія русскаго духа... Это были тѣ рѣдкія минуты вдохновенія, какія посѣщаютъ вождя, поэта, генія, только послѣ долгихъ, тяжелыхъ думъ, послѣ глубокихъ сердечныхъ ранъ, можетъ-быть и посылаемыхъ для того, чтобы заставить стройно и громко зазвучать всѣ душевныя, лучшія струны; иначе пѣсня, звукъ, скользнувъ по сердцу слушателя, улетали бы безслѣдно, не заронивъ ни одной искры, согрѣвающей сколько-нибудь, охолодѣвшее среди жизненныхъ, черствыхъ разсчетовъ, сердце.

Припомнивъ, что Наполеонъ I-й, находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ въ Египтѣ, бѣжалъ отъ арміи, оставивъ ее гибнуть на чужбинѣ, мы не можемъ не любоваться рѣшимостью нашего, русскаго вождя дѣлить все—голодъ и опасности, до послѣдней минуты, вмѣстѣ съ солдатами. Припомните, что на его рукахъ былъ сынъ царскій; суевѣры республиканскихъ идей, не соглашаясь и здѣсь признать величія души русскаго полководца, напоминаютъ намъ упрямыхъ старообрядцевъ, отрицающихъ возможность угодить Богу, если человѣкъ молится по никоновскому часовнику.

Совѣтъ рѣшилъ пробиваться чрезъ непріятельскія войска и идти опять черезъ горы по направленію, гдѣ была слабая надежда соединиться съ корпусомъ Линкена. Къ вечеру войска, безъ барабаннаго боя, поднялись и потащились колоннами по разнымъ направленіямъ въ горы; берега Муоты, извивающейся краемъ долины, усѣяны были нашими и непріятельскими трупами; казаки заѣзжали впередъ пѣхоты разузнавать о непріятелѣ.

Катеневъ шелъ пѣшкомъ опять при своей колоннѣ.

— Неужто опять въ горы, ваше благородіе? спрашивалъ его молодцоватый ефрейторъ, поддернувъ ранецъ и поглядывая на снѣжныя вершины Рингенкопфа, сіявшія вдали отъ прорвавшихся сквозь облака солнечныхъ лучей.

— Теперь, Богъ дастъ, скоро соединимся съ нашими, отвѣчалъ Катеневъ, вслушиваясь въ «ура», загремѣвшее впереди, и подумывая про себя: «соединимся; только, пожалуй, на томъ свѣтѣ».

— Не такъ бой, продолжалъ ефрейторъ,—какъ вотъ эти переходы одолѣли. Очень ужь обувью мы сбились, ваше благородіе.

Солдаты шли молча по дорогѣ, вьющейся по подошвѣ горы; зарядовъ давно не было: вдали, гдѣ раздалось «ура», протрещало нѣсколько выстрѣловъ и смолкло.

— Въ штыки пошли, замѣтилъ ефрейторъ, по привычкѣ оглянувъ солдатъ, разбредшихся по окраинамъ узкой дороги.—Давайте мнѣ епанчу-то, ваше благородіе... Вамъ легче будетъ, прибавилъ онъ, взявъ шинель у Катенева.

Швейцарецъ-проводникъ, шедшій впереди, небритый, здоровенный человѣкъ лѣтъ пятидесяти, остановился, опершись на свою палку.

— Ну? Was ist? спросилъ Катеневъ, подходя къ нему.

Швейцарецъ вполголоса объяснилъ, что надо идти обходомъ, такъ какъ по слѣдамъ на дорогѣ замѣтно, что непріятель передвинулся и занялъ, вѣроятно, сосѣднюю долину, черезъ которую лежалъ путь отряду. Катеневъ посмотрѣлъ на свои два орудія, навьюченныя на казацкихъ тощихъ лошаденокъ, и спросилъ: можно ли съ лошадьми пробраться обходомъ; швейцарецъ пожалъ плечами, посмотрѣлъ на мокрый кустарникъ, опушавшій подошву горъ, и отвѣчалъ, что кое-какъ могутъ пробраться лошади. Катеневъ скомандовалъ: «налѣво, въ разсыпную», и небольшая колонна молча принялась карабкаться по камнямъ, въ крутизну, цѣпляясь за кусты и кривыя деревья, загораживавшія то и дѣло тропинки.

— Опять подъ небеса, съострилъ кто-то изъ солдатъ.—Хоть бы лѣстницу намъ оттуда сбросили.

— Не больно расходись, братцы. Посматривай, крикнулъ одинъ изъ унтеровъ.

Катеневъ шелъ рядомъ съ швейцарцемъ, поглядывая на орудія; четыре казацкія лошадки, спотыкаясь и обрываясь поминутно, старательно лѣзли межъ камней, поощряемыя криками своихъ бородатыхъ погонщиковъ. Гора становилась круче и кру-

че; проводникъ, взбираясь на скалы, робко оглядывалъ мѣстность. Смеркалось; къ ночи пошла изморозь. Съ синѣвшаго влѣво, изъ-за тумана, озера тянулъ холодный вѣтеръ; чѣмъ выше поднимался, чуть не ощупью, отрядъ, тѣмъ вѣтеръ дѣлался порывистѣе и сильнѣе.

— Не подождать ли намъ разсвѣта? спросилъ Катеневъ проводника.

— Нѣтъ, ждать опасно, отвѣчалъ, на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, швейцарецъ.—Непріятели навѣрняка, замѣтивъ слѣды, пойдутъ догонять насъ.

— Откуда? спросилъ Катеневъ.

— Изъ долины. Они теперь тамъ навѣрное, отвѣчалъ проводникъ, всматриваясь въ темнѣющую даль.

Катеневъ тоже глядѣлъ въ темноту, остановившись близь него, чтобы перевести духъ.

— Что-то, братцы, цыцарецъ нашъ сталъ осматриваться... Видно, «онъ» недалеко, замѣтилъ кто-то изъ солдатъ.

Подъ мѣстоименіемъ «онъ» солдаты разумѣли француза.

— Что это? Огни никакъ? спросилъ Катеневъ, увидавъ на одной изъ верхушекъ двѣ вспыхнувшія красныя точки.

Швейцарецъ ничего не отвѣчалъ и принялся взбираться еще выше; Катеневъ вскарабкался за нимъ, приказавъ отряду остановиться. Мѣстные жители, простонародье особенно, было противъ французовъ, но полагаться все-таки нельзя было, такъ какъ нужда нерѣдко заставляетъ толпу сдаваться на сторону сильнѣйшаго.

— Что, непріятель? спрашивалъ Катеневъ.

— Какъ знать? По-моему, это должны быть ваши, отвѣчалъ проводникъ, возвращаясь къ отряду.—А все-таки влѣво повернемъ. Будетъ вѣрнѣе.

Катеневъ скомандовалъ: «впередъ», и отрядъ побрелъ гуськомъ по довольно торной тропинкѣ; усталость и голодъ брали свое: солдаты ворчали себѣ подъ носъ и иногда довольно громко перебранивались между собою: «куда лѣзешь на человѣка-то..! Али не видишь?» замѣчалъ одинъ.—«Куда и ты», сердито отвѣчали другіе, отводя мокрыя вѣтви кустовъ, загораживающія дорогу. «Зима началась», замѣтилъ, разсмѣявшись, низенькій, все время шедшій молча, солдатъ, когда подъ ногами захрустѣлъ вдругъ снѣгъ и изъ-за сосѣдней скалы обдало идущихъ снѣжною крупою. «Эка землица», продолжалъ

солдатъ «въ одинъ день петровки и крещенье». Проводникъ повернулъ вправо и черезъ минуту снова, чуть не на четвереньках, солдаты карабкались на гору. Кусты попадались рѣже и рѣже, что не мало затрудняло идущихъ; несмотря на движеніе, солдаты поминутно подували въ кулаки; стужа усиливалась; огоньки потухли вдали; проводникъ вѣжливо попросилъ Катенева дать ему сообразить, такъ какъ въ темнотѣ онъ боится ошибиться мѣстностью. Катеневъ, не совсѣмъ довѣряя швейцарцу, распросилъ его, на случай, о направленіи, котораго надо держаться, хотя при поминутномъ почти перемѣнѣ вѣтра и темнотѣ врядъ ли можно было опредѣлить направленіе безъ компаса людямъ, не знающимъ вовсе мѣстности; швейцарецъ говорилъ, что ему нужно свернуть въ сторону нѣсколько десятковъ саженъ для провѣрки пути; подумавъ и посовѣтовавшись съ старшими солдатами, поручикъ рѣшился отпустить его съ двумя солдатами; отрядъ остановился, разсѣвшись по окраинѣ дороги; проводникъ и двое солдатъ ушли. Нѣкоторые изъ солдатъ закурили трубки, набивъ ихъ высушеннымъ мохомъ вмѣсто, вышедшаго давно, табаку; другіе дремали, привалясь къ камнямъ. Катеневъ сѣлъ на кочку, завернувшись въ шинель. Прошло съ четверть часа; молодой человѣкъ прислушивался къ каждому шороху, звуку; вѣтеръ завывалъ въ отдаленныхъ ущельяхъ; поручикъ поминутно поглядывалъ на свои серебряные часы, едва разбирая въ темнотѣ стрѣлки. Прошло съ полчаса отъ ухода швейцарца; положеніе становилось страшнымъ, и только теперь представилась во всей ясности Катеневу опасность, которой подвергался отрядъ въ случаѣ бѣгства проводника или несчастья съ нимъ, возможнаго отъ перваго неосторожнаго шага; ему припомнилось озабоченное лицо швейцарца; онъ объяснялъ, въ испугѣ, эту озабоченность не иначе, какъ близостью опасности, о которой только не хотѣлъ говорить проводникъ. «Отдѣлаться отъ двоихъ провожатыхъ ему не трудно», раздумывалъ офицеръ; «столкнуть того и другаго съ горы не хитро, подкравшись какъ-нибудь сзади». Минуты казались чуть не часами; наконецъ, послышались чьи-то шаги, и скоро проводникъ предсталъ тревожному взору молодаго воина; сопровождавшіе солдаты, отдуваясь отъ усталости, тотчасъ бросились на землю.

— Ну, что? Узналъ что-нибудь? спросилъ Катеневъ, вскочивъ такъ быстро съ своего мѣста, какъ вскочилъ бы влюбленный, увидавъ неожиданно обожаемую подругу.

— Ничего не слышно... Идемъ мы вѣрно; но теперь, Herr Lieutenant, трудно сказать опредѣлительно, гдѣ непріятель, отвѣчалъ швейцарецъ.

— Такъ не переждать ли? Впрочемъ, ждать,—пожалуй, мы не соединимся съ главною колонною, проговорилъ Катеневъ.

— Нѣтъ, ужь пойдемте съ Божьею помощью, рѣшилъ проводникъ.

Отрядъ поднялся, подправилъ ранцы; лежавшихъ лошадей едва подняли на ноги, и вереница тронулась, подымаясь по обледенѣлымъ кое-гдѣ откосамъ горы, сквозь мракъ, вѣтеръ и изморозь. Проводникъ изрѣдка останавливался и, какъ гончій песъ, нюхалъ вѣтеръ. «Что?» спрашивалъ его въ этихъ случаяхъ Катеневъ.—«Нѣтъ, я нюхаю; дымомъ точно бы потянуло... Или это солдаты курятъ мохъ?» отвѣчалъ проводникъ. Катеневъ не велѣлъ курить солдатамъ. Отъ соединенія съ главною колонною зависѣла участь отряда; онъ долженъ былъ соединиться съ нею черезъ часъ, но между тѣмъ прошли цѣлыхъ три часа, а колонны нѣтъ какъ нѣтъ; проводникъ объяснялъ это тѣмъ, что онъ выбралъ дорогу дальнюю, но вѣрнѣйшую; такое объясненіе имѣло въ себѣ мало утѣшительнаго: колонна могла уйти въ это время, и усталые солдаты, даже зная дорогу, могли не догнать ее. Катеневъ, поручивъ наблюденіе за проводникомъ двумъ унтеръ-офицерамъ, дождался лошадей съ орудіями, тянувшихся позади.

— Что, притомѣли? спросилъ онъ.

— Устали, а плетутся еще, отвѣчалъ одинъ изъ казаковъ.

Въ эту минуту одна изъ лошадей оступилась и, пытаясь удержаться передними ногами, повисла около дороги; бородатый казакъ вцѣпился въ подпругу.

— Брось ее... Пусти, кричалъ Катеневъ.

Но казакъ силился вытащить мѣшокъ, поддѣтый подъ орудіе.

— Брось, говорятъ тебѣ, кричалъ Катеневъ.

Казакъ вцѣпился зубами, намѣреваясь, вѣроятно, развязать веревку, которою былъ привязанъ накрѣпко мѣшокъ. Орудіе перетянуло, и казакъ и лошадь полетѣли съ крутизны; снизу поднялся клубъ песку; Катеневъ и другой казакъ ахнули; что-то зазвенѣло о камни; Катеневъ поглядѣлъ: два французскіе червонца лежали на одномъ изъ камней.

— Вотъ его что... Вишь, произнесъ, крестясь и не подымая монетъ, товарищъ казака.

Сбѣжавшася прислуга при орудіяхъ поглядѣла внизъ, хотя тамъ ничего не видать было въ темнотѣ, и принялась-было распрашивать казака о подробностяхъ, но Катеневъ велѣлъ идти, боясь отстать отъ отряда.

— Да можетъ живъ, говорилъ одинъ изъ солдатъ.

— Гдѣ живъ? отвѣчалъ, стегнувъ лошадей, казакъ.—Гляди, круча какая, камни... А и живъ, какъ ты его оттудова добудешь?

— Что, близко до колонны? спросилъ Катеневъ, нагоняя проводника.

— Черезъ полчаса будемъ, отвѣчалъ швейцарецъ.—Только спускаться въ долину нельзя. Надо дождаться утра.

— А какъ уйдутъ? возразилъ Катеневъ.

— Тутъ уйдти имъ некуда... Намъ видна будетъ вся долина, отвѣчалъ проводникъ.—Вотъ сюда взберемся и отдохнемъ. А утромъ, чуть забрежжится, спустимся въ долину.

— Послѣдній подъемъ, братцы, крикнулъ Катеневъ, обратясь къ солдатамъ.—На горѣ привалъ сдѣлаемъ.

— Студено больно, ваше благородіе, шепталъ, поёживаясь, одинъ изъ унтеровъ.—Ребята захватили хворостку... Теплинку позволите разложить?

— Ну нѣтъ, братъ, огонь разводить на горѣ неловко, отвѣчалъ Катеневъ.

На горѣ оказалась довольно просторная площадка; солдаты, завернувшись въ шинели, тотчасъ же задремали; Катеневъ съ полчаса бился еще съ лошадьми, которыхъ едва втащили на площадку; животныя, взойдя на гору, тотчасъ же, повалились отъ изнеможенія; артиллеристы и казаки едва могли ихъ развьючить. Швейцарецъ предложилъ Катеневу проглотить водки изъ фляжки, но онъ отказался; распросивъ о свалившемся казакѣ, проводникъ рѣшилъ, что искать его нечего, приводя въ примѣръ свалившагося на этомъ же мѣстѣ англичанина-охотника нѣсколько лѣтъ тому назадъ. «И костей не собрали», закончилъ свой разсказъ швейцарецъ. Несмотря на сильную усталость, Катеневъ не могъ не только спать, даже сидѣть на одномъ мѣстѣ отъ волненія; робость, являющаяся при первыхъ выстрѣлахъ начинающейся битвы, была ничто въ сравненіи съ этимъ чувствомъ опасенія за цѣлый отрядъ, можетъ-быть отрѣзанный давно отъ арміи; онъ то бранилъ себя, что позволилъ проводнику вести обходомъ, то оправдывалъ, припоминая появлявшіеся огоньки почти у дороги.

— А есть вѣроятіе, что мы подлѣ нашего отряда? Въ три часа времени колонна могла уйдти далеко? спрашивалъ онъ проводника.

Швейцарецъ, пожимая плечами, отвѣчалъ:

— Я вывелъ васъ такъ, что въ три, въ четыре даже часа, она не должна уйдти изъ виду; развѣ повернула съ дороги въ горы, въ сторону. Вы согласитесь, лейтенантъ, прибавилъ онъ, догадываясь о подозрѣніи, мелькавшемъ у поручика въ душѣ,—у меня семья; попадись я въ руки непріятелю, меня перваго онъ растрѣляетъ или повѣситъ. Я люблю русскихъ; французовъ я не поведу не то что за тридцать—за сто червонцевъ, закончилъ онъ, опершись на свою палку съ желѣзнымъ наконечникомъ.

Выслушавъ этотъ успокоительный отвѣтъ и увѣреніе въ расположеніи къ русскимъ, въ которое плохо вѣровалъ, впрочемъ, поручикъ подошелъ къ старшему унтеръ-офицеру и отдалъ ему нѣкоторыя приказанія: «осмотрѣть ружья; у кого есть еще заряды, тотъ впередъ; шинели свернуть на случай» и т. д.

Стало свѣтать. Съ замираніемъ сердца глядѣлъ Катеневъ на полоску зари, занявшуюся между двухъ дальнихъ горъ, на синія волны тумана, медленно плывущія по долинѣ. Темные остовы горъ мрачно вырѣзывались на туманномъ, свѣтло-сѣромъ небѣ; изъ-за вершинъ ихъ тихо выплывалъ орелъ и, повертѣвшись надъ долиною, поднялся въ высь и исчезъ за сѣрымъ облакомъ. Вотъ загорѣлась снѣжная вершина вдали, и свѣтъ, прорвавшись словно въ узкія окна готическаго храма, легъ пятнами на голыхъ, сѣроватыхъ стѣнахъ, отвѣсно высящихся надъ долиною; паръ пожелтѣлъ внизу, и сквозь туманъ въ долинѣ заблестѣла рѣчка. Солдаты и Катеневъ, собравшись кучкою на краю площадки, съ трепетомъ смотрѣли внизъ; швейцарецъ, сидя на камнѣ, тоже посматривалъ по сторонамъ.

— Дымомъ потянуло, произнесъ онъ по-нѣмецки.

Катеневъ спустился шаговъ десять внизъ и сталъ внимательно всматриваться въ туманную глубь долины; солдаты, не понимая нѣмецкихъ рѣчей проводника, не знали, но начинали догадываться объ опасности послѣ приказаній, отданныхъ унтеръ-офицеру Катеневымъ. Всѣ молча воззрились въ прикрытое туманомъ дно долины; солдаты, присѣвъ на корточки, изрѣдка поглядывали на швейцарца; проводникъ, казалось, угадывалъ

значеніе этихъ вопрошающихъ взглядовъ, но съ притворнымъ спокойствіемъ лежалъ на покрытой промерзлымъ мохомъ скалѣ.

Внизу изъ-за тумана выглянула бѣлая верхушка шатра; вдали потянулъ сѣрымъ, тоненькимъ столбикомъ дымъ и вспыхнулъ огонекъ теплины.

— Наши, наврядъ ли... толковали вполголоса солдаты.

Блеснулъ стволъ мѣднаго орудія, зазеленѣлъ лафетъ и, наконецъ, ворвавшійся въ долину, солнечный лучъ ярко озарилъ передвигающіяся толпы солдатъ, съ высоты кажущихся пигмеями; синіе мундиры и кивера ясно обличали французовъ.

— Непріятель! вскрикнулъ, вскочивъ съ своего мѣста, Катеневъ.

— Онъ.... Вишь кивера, затолковали солдаты.

Проводникъ пожалъ плечами, проговоривъ:

— Какъ тутъ узнаешь? Стало-быть, ваши повернули въ горы. Спуститься надобно намъ назадъ, а то вѣдь тутъ мы точно на подносѣ, закончилъ онъ, поднявшись и опершись на свою палку.

Солнце освѣтило, между тѣмъ, дальнее поле, зеленѣющее между сѣрыми громадами горъ, оступившихъ долину. Проводникъ, посмотрѣвъ вдаль изъ-подъ загорѣлой ладони, почти вскрикнулъ: «da sind die Russen (вонъ гдѣ русскіе)».

— Гдѣ, гдѣ? спрашивали солдаты и Катеневъ.

— Вонъ, видите, зеленую полоску, объяснялъ проводникъ.

— Ну? спрашивалъ Катеневъ.—Вижу.

— Влѣво отъ нея пашня... Такъ выше пашни-то глядите... Видите?

На желтомъ кусочкѣ сжатой нивы, выглядывавшемъ изъ-за горъ, двигались какія-то темныя массы, блестѣли будто бы штыки, но опредѣлить, русскіе это или французы, было невозможно безъ зрительной трубы.

— Да русскіе ли? спросилъ Катеневъ.

— Russen.... Они, стало-быть, обошли ночью французскій бивакъ. Сраженія не было; иначе бы слышны были выстрѣлы, отвѣчалъ швейцарецъ,

Солдаты подозрительно посматривали то на него, то въ долину и на даль, пестрѣющую межъ горами.

— Онъ говоритъ, вонъ гдѣ наши, объяснилъ Катеневъ унтеръ-офицеру и спросилъ проводника, можно ли пробраться туда, обойдя долину.

Проводникъ отвѣчалъ, что можно, но не ручался, чтобъ отрядъ не наткнулся снова на непріятеля. Солдаты, спустившись со скалы, примѣрно сосчитали, что въ долинѣ, надо-быть, сотни три «его», какъ называли они француза.

— Попробовать нешто на проломъ, ваше благородіе, замѣтилъ одинъ изъ солдатъ.—Насъ сотни полторы. А назади пусть поотстанутъ барабанщики да человѣкъ десятокъ солдатъ.... Какъ мы ударимъ, значитъ, а они тревогу.... будто бы, значитъ, къ намъ еще прибываютъ.

— Да, надуешь ихъ, псовъ, возразилъ одинъ изъ товарищей стратегика.

— А почемъ знать, чего не знаешь? защищался солдатъ.—У страха-то глаза велики.

— Пороху у насъ мало, замѣтилъ унтеръ.

— На залпъ-отъ хватитъ, а тамъ, вынеси Богъ, прикладами, штычкомъ, чѣмъ Богъ послалъ.... Авось не проглотятъ, говорилъ какимъ-то кроткимъ, утѣшительнымъ голосомъ солдатъ, словно дѣло шло не о кровавой схваткѣ съ непріятелемъ, а о пріятной прогулкѣ за городъ съ задушевнѣйшими друзьями.

Катеневъ потолковалъ съ унтерами и рядовыми; кучки французовъ придвинулись къ подошвѣ горы, замѣтно, разглядывая удальцовъ, явившихся, какъ снѣгъ на голову, на вершинѣ.

— Гляди, наводятъ пушку, прахъ ихъ возьми, вскрикнулъ, расхохотавшись, одинъ изъ переобувавшихся солдатъ.

Сверкнулъ огонекъ и потомъ грянулъ выстрѣлъ; но ядро, загудѣвъ, стукнулось гдѣ-то съ боку, о скалу.

— Молода, въ Саксонѣ не была, съострилъ переобувавшійся солдатъ.

— Спустись, ребята, подъ гору, скомандовалъ Катеневъ.

Солдаты сбѣжали внизъ; нѣсколько охотниковъ вползли на площадку и лежа наблюдали за намѣреніями и дѣйствіями, стоявшаго въ долинѣ, непріятеля. Катеневъ говорилъ съ швейцарцемъ, переводя его отвѣты унтеръ-офицерамъ. Рѣшили вечеромъ изслѣдовать дорогу, нѣтъ ли на ней еще непріятельскаго отряда, и ударить на стоящій въ долинѣ батальонъ; отъ него до обозначившихся русскихъ было всего версты четыре гладкой дороги долиною. Черезъ часъ проводникъ съ десятью солдатами полѣзъ куда-то по каменьямъ и ребрамъ горъ; солдаты ѣли сухари; Катеневъ лежалъ, растянувшись на мокрой эпанчѣ своей.

Теперь только, командуя сотеннымъ отрядомъ, онъ понялъ

состояніе души фельдмаршала, оставленнаго съ арміею на произволъ судьбы, среди безмолвныхъ каменныхъ громадъ, опутаннаго отовсюду сѣтью непріятеля. «Не будь я въ отвѣтѣ передъ Богомъ за этихъ бѣдняковъ», думалъ поручикъ,—«право, что до меня, мнѣ все равно. Что мнѣ за радость воротиться домой? Мать будетъ плакать,—только жаль ее; а моя собственная жизнь кому нужна? И что она для меня-то самого имѣетъ привлекательнаго? Богъ съ нею, съ этою жизнью. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше....»

Поручикъ былъ въ этомъ искрененъ; здѣсь, посреди одинокихъ скалъ и истомленной сотни солдатъ, для которыхъ онъ былъ ни больше, ни меньше какъ его благородіе, рисоваться навряд ли кому-нибудь пришло бы даже въ голову; раздумывая, въ ожиданіи вѣстей отъ проводника, молодой человѣкъ находилъ даже нѣкоторую отраду въ опасности своего положенія. И какимъ ничтожнымъ существомъ казался ему человѣкъ, съ его упованіями на свою физическую силу. «Я—червь, я—Богъ», припоминались ему невольно слова поэта. «Да, отказавшись отъ истиннаго своего призванія, отъ служенія духовнаго, и увѣровавъ въ одну физическую силу, сразу дѣлаешься червемъ. Правъ Державинъ», размышлялъ, поглядывая на сѣрыя громады высящихся горъ, юноша. И ныла одинокая молодая душа его, вмѣстѣ съ усталымъ тѣломъ, и, кажется, безъ ропота, безъ слезъ и вздоховъ онъ заснулъ бы на вѣки здѣсь, подъ чужимъ небомъ, на вершинѣ этой скалистой горы, прикрытой тѣнью наплывающаго облака. «Умереть здѣсь, тамъ—не все ли это равно», думалъ, сквозь одолѣвавшую дремоту, юный воинъ.

Солнце стало садиться, когда воротился, наконецъ, швейцарецъ съ своими провожатыми; въ ожиданіи его, Катеневъ то лежалъ, вслушиваясь сквозь дремоту въ болтовню солдатъ, пристально наблюдавшихъ за непріятелемъ, то бродилъ по скаламъ, посматривая на долину, въ которой, какъ муравьи, копошились французы. Проводникъ принесъ неутѣшительную вѣсть, что отрядъ окруженъ непріятелемъ, преслѣдующимъ армію, и что врядъ ли не единственное средство соединиться съ своими — это прорваться сквозь батальонъ, расположившійся въ долинѣ.

— Мы чуть не наткнулись на него, ваше благородіе, говорилъ одинъ изъ провожатыхъ.—Надо-быть, какъ есть, кругомъ насъ они.

— Какъ же ты велъ насъ? вспыливъ и вскочивъ на ноги, спросилъ проводника Катеневъ.

— Но кто же зналъ, Herr Lieutenant, что они такъ скоро идутъ и что ваши повернутъ въ горы? отвѣчалъ, вытирая потъ съ лица, швейцарецъ.

Медлить было опасно; надо было рѣшаться на что-нибудь. Послѣ совѣщанія съ швейцарцемъ, Катеневъ собралъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ постарше; составилось что-то въ родѣ военнаго совѣта; послѣ часоваго соображенія, рѣшили идти на проломъ, ночью, подкравшись къ непріятельскому батальону. По наблюденіямъ, сдѣланнымъ солдатами, французы были наготовѣ, вѣроятно, ожидая нападенія. Солдаты стали готовиться: кто протиралъ ружье обрывками старыхъ портянокъ, кто оттачивалъ штыкъ, вправлялъ новый кремень, пришивалъ ремешикъ къ треуголкѣ; шутокъ не было; всѣ были задумчивы и молчаливы.

Горы тоже нахмурились; долина потемнѣла; только вдали, кое-гдѣ между скалъ, свѣтилась еще узенькая полоска поля и дальняго холма, озаренныхъ послѣднимъ догорающимъ лучомъ солнца; небо похолодѣло, покраснѣвъ съ одной стороны, а съ другой—слабо повторивъ всѣ цвѣта радуги; наконецъ, обозначились двѣ-три слабо мерцающія звѣздочки. Со дна долины взвилась ракета, стукнулъ пушечный выстрѣлъ, раскатившись и загрохотавъ, словно насмѣхаясь, въ горахъ; изъ-подъ него покатилась мелкая дробь барабана и свистъ флейточки, наигрывавшихъ зорю; вдали тоже раздалось, какъ бы въ отвѣтъ, пять-шесть пушечныхъ выстрѣловъ.

Катеневъ зарядилъ французскій карабинъ, предложенный ему однимъ изъ солдатъ; пороху хватило зарядовъ на сорокъ. Проводникъ спалъ, растянувшись на мху.

Стемнѣло, и отрядъ, почти ощупью, сталъ спускаться тропинкою въ долину; пушку тащили на себѣ солдаты, оставивъ лошадей на площадкѣ; бѣдныя животныя потянулись-было за отрядомъ, но, отогнанныя солдатами, остановились, грустно поглядывая на уходившихъ. Сначала изъ-за скалъ солдатамъ не видать было долины, но, пройдя шаговъ двѣсти въ разсѣлинѣ горы, заграснѣли непріятельскія теплины и послышался ясно запахъ дыма.

— Стой. Отдохнемъ, скомандовалъ шепотомъ Катеневъ, шедшій подлѣ проводника.

Солдаты привалились къ скаламъ; всѣ стояли молча; надъ отря-

домъ, почти надъ головами, съ клектомъ, пронесся орелъ, вѣроятно, спугнутый съ своей ночовки. Катеневъ, подойдя къ разсѣлинѣ съ швейцарцемъ, наблюдалъ непріятеля.

— Вотъ надо вамъ ударить куда, въ правую сторону; тутъ дорога сейчасъ же подлѣ, толковалъ проводникъ, указывая въ глубь долины, гдѣ около огней бродили взадъ и впередъ солдаты.

— Жаль, не извѣстно, сколько орудій съ ними, отвѣчалъ Катеневъ.—Надо-быть, орудія четыре.

Отдохнувъ, отрядъ опять принялся спускаться внизъ и черезъ полчаса очутился въ довольно густомъ, невысокомъ кустарникѣ. Поручикъ съ проводникомъ и солдаты прилегли и поползли межъ кустами; пушку несли, нагнувшись, человѣкъ пять; изъ долины уже долетали голоса, даже хохотъ, французовъ.

— Впереди ли, кто съ заряженными ружьями? спросилъ шопотомъ Катеневъ унтера, подползшаго къ нему тоже съ какимъ то вопросомъ.

— Всѣ впереди, ваше благородіе Я думаю, намъ доползти вонъ до той луговинки? спросилъ унтеръ, указавъ рукою на озаренный костромъ небольшой мысокъ рѣчки, извивающейся поперекъ долины.

— А не увидятъ?

— Не увидятъ, ваше благородіе; тутъ кусты. Мы заберемъ поправѣй. Поправѣй бери, ребята.... Правѣй съ орудіемъ, скомандовалъ унтеръ шепотомъ.

Солдаты передали, тоже шепотомъ, другъ другу приказаніе.

— Гляди же, не отставать, а то пристрѣлимъ, шепнулъ Катеневъ по-нѣмецки на ухо швейцарцу, приподнявшемуся поглядѣть на непріятеля.

— Будьте покойны.... Мнѣ и нельзя отстать отъ васъ: меня повѣсятъ, если поймаютъ, отвѣчалъ проводникъ.

Обмѣнявшись этими любезностями, оба они приподнялись; Катеневъ осмотрѣлъ порохъ на полкѣ карабина, а проводникъ попробовалъ свой ножъ на рукѣ и поправилъ шляпу. Довольно вязкое болото отдѣляло отъ мыска, съ котораго порѣшено вести аттаку. Швейцарецъ, знавшій мѣстность, поползъ впередъ; солдаты, какъ чудовища, барахтались, вслѣдъ за нимъ, по грязи. Лагерь, замѣтно, ужиналъ; французы сидѣли около огней; ближе къ ползущему отряду паслись лошади; одна изъ нихъ, какъ будто, воззрилась въ ползущихъ и насторожила уши.

— Застрѣльщики впередъ. Въ кучку, братцы.... Не вставай

пока не подползутъ всѣ, шепталъ Катеневъ, лежа уже на мыскѣ подъ кустикомъ.—Барабанщики, смотри, сильнѣе бей.... Скажи имъ, говорилъ онъ унтеръ-офицеру.—Да крику больше какъ можно.

Проводникъ молча указалъ рукою на дорогу, обозначавшуюся отъ костровъ въ правомъ концѣ лагеря. Солдаты разлеглись неподалеку другъ отъ друга.

— Всѣ ли? спросилъ Катеневъ, приподнявъ голову и оглянувъ лежащихъ.

— Всѣ, ваше благородіе, отвѣчалъ унтеръ.

— Ну, молись, братцы, началъ поручикъ и, вскочивъ на ноги, крикнулъ:—за мной, ура!

Солдаты подхватили и, подъ трескъ барабановъ, побѣжали на непріятеля.

—Aux armes! раздалось въ лагерѣ.

И тамъ забили барабаны.

— Погоди стрѣлять.... Въ штыки, крикнулъ-было Катеневъ.

Но солдаты, сдѣлавъ залпъ, кинулись на строившуюся толпу непріятелей. Костеръ озарялъ загорѣлыя лица нашихъ и непріятельскихъ солдатъ. Катеневъ рядомъ съ унтеромъ, прикладомъ карабина, расчищалъ себѣ дорогу, крича изъ всей силы: «Не разбивайся.... Въ кучку, братцы». Въ это время грянула пушка и просвистала картечь мимо ушей; ружейные выстрѣлы, крики и ругательства—все слилось вмѣстѣ, отдаваясь въ горахъ. «Впередъ, молодцы!» кричалъ Катеневъ, видя, что солдаты выбѣгаютъ на дорогу, прорвавшись сквозь нестройные ряды опѣшившихъ французовъ. Выбѣжавъ на дорогу, онъ вспомнилъ объ орудіи; поручикъ оглянулся: на дорогѣ человѣкъ десять русскихъ солдатъ, прижавшись къ плетню, защищали валявшуюся пушку. «Братцы, къ орудію!» крикнулъ Катеневъ,

— Lassen Sie, кричалъ швейцарецъ, очутившійся подлѣ него.

Солдаты остановились, воззрившись на роту французовъ, стройно идущую на нихъ по дорогѣ подъ барабанъ. Катенева схватили четверо французскихъ солдатъ и, вырвавъ карабинъ, силились повалить его на землю; онъ, сильный отъ природы, вырвался-было, но кто-то насѣлъ вдругъ на него сзади; четверо кинулись на него опять и, наконецъ, повалили на землю; русскіе исчезли, вѣроятно, пробравшись на дорогу... «Поручикъ гдѣ? Ура!» донесся откуда-то голосъ одного изъ солдатъ, но

въ это время свѣжая рота непріятеля кинулась съ крикомъ на дорогу; за нею вслѣдъ понесся взводъ конницы и послышалась перепалка вдали. Русскіе исчезли. Катенева повели куда-то, выдернувъ шпагу и окруживъ солдатами съ ружьями; вели его съ часъ по грязной дорогѣ. Перепалка и крики слышались все дальше, дальше и, наконецъ, смолкли, когда конвой и плѣнный повернули влѣво, за скалу и стали спускаться въ лощину, усѣянную огнями и палатками; конвой шелъ съ версту лагеремъ. Раздавалось: «qui vive»; бродившіе солдаты и офицеры съ любопытствомъ посматривали на молодаго плѣнника.

— Куда вы меня ведете? спросилъ онъ, наконецъ.

— Къ генералу, мрачно отвѣтилъ высокій капралъ съ вонючею въ зубахъ сигарою.

Злоба и неизвѣстность объ участи отряда душили Катенева, и онъ со злостью началъ придираться къ капралу.

— Messieurs, такъ не сражаются, — шестеро на одного, замѣтилъ онъ.

— Ба... Тутъ трудно разбирать, сколько придется человѣкъ на каждаго молодаго медвѣдя, отвѣчалъ, солдатскимъ жаргономъ, капралъ.

Солдаты разсмѣялись; Катеневъ еще больше взбѣсился, но смолчалъ. Широкая долина, которою шелъ конвой, была вся уставлена бараками, палатками, шалашами; кое-гдѣ мерцали потухающіе костры; у длинныхъ коновязей стояли лошади; вдали перекликались часовые; подойдя къ одному изъ бараковъ, конвойные остановились; капралъ ввелъ плѣннаго въ баракъ, освѣщенный одною восковою свѣчкою; со складной койки вскочилъ, протирая глаза, дежурный офицеръ.

— Ваши бумаги? обратился онъ довольно вѣжливо къ Катеневу.

Катеневъ отвѣчалъ, что его бумаги находятся въ главной квартирѣ, такъ какъ онъ состоитъ въ свитѣ фельдмаршала; съ нимъ же есть что-то въ родѣ подорожной, данной ему, для требованія казачьихъ лошадей въ случаѣ нужды, подъ орудія, изъ канцеляріи фельдмаршала.

— Гдѣ же она? спросилъ офицеръ.

— Здѣсь, отвѣчалъ Катеневъ, доставая изъ бумажника бумагу.

Къ счастію, бумага была переведена на нѣмецкій, для австрійскихъ начальниковъ. Офицеръ взялъ ее и, подойдя къ столу, отмѣтилъ на ней что-то.

— Не угодно ли вамъ отдохнуть? обратился онъ, указавъ на досчатую койку за перегородкою.

Катеневъ поблагодарилъ; капралъ вышелъ. Офицеръ, указавъ койку плѣннику, улегся опять на диванъ. Поручикъ, не раздѣваясь, растянулся на жесткомъ матрацѣ, прикрытомъ коврикомъ, но черезъ пять минутъ вскочилъ: его аттаковали блохи или такъ-называемая кавалерія; отряхнувъ волосы и фалды мундира, онъ сѣлъ на стулъ, у окна съ рѣшеткою, и отъ нечего дѣлать смотрѣлъ на дворикъ гауптвахты, уставленный осѣдланными лошадьми. Свѣтало; лагерь ожилъ; гдѣ-то наигрывали гарнисты маршъ. Часу въ седьмомъ офицеръ пригласилъ его отправиться къ генералу, въ сопровожденіи двухъ солдатъ съ ружьями и, другаго уже, капрала; Катеневъ шелъ, потупившись, между рядами стоявшихъ около дороги солдатъ; нѣкоторые разсматривали его мундиръ, сообщая другъ другу, что это «un prisonnier». Генеральскій баракъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гауптвахты; подлѣ барака солдаты держали нѣсколько осѣдланныхъ лошадей. Генералъ, надѣвая перчатку, стоялъ впереди довольно многочисленной свиты и допрашивалъ какую-то молодую дѣвушку, приведенную тоже подъ конвоемъ. Катенева подвели и поставили нѣсколько поодаль. Молодая плѣнница, съ соломенною шляпою въ рукѣ, стояла, вытянувшись, точно военный и, потряхивая длинными, вьющимися волосами, рѣзкимъ голосомъ, бойко отвѣчала на вопросы генерала: «oui, citoyen general, non, citoyen general». Генералъ, сухощавый, съ сѣдоватыми волосами и баккенбардами, человѣкъ лѣтъ шестидесяти, относясь къ ней, называлъ ее то «jeune compatriote», то «citoyenne».

— Мои бумаги, citoyen general, попались вмѣстѣ съ экипажемъ, въ которомъ я ѣхала, русскому отряду, говорила дѣвушка;—по счастію, я въ это время шла впередъ, пѣшкомъ, и успѣла спрятаться въ горахъ... Ѣхала я въ армію, какъ гражданка республики, желая состоять при арміи, чтобы ходить за ранеными, отчеканивала плѣнница, смѣло и прямо глядя въ сѣрые глаза генерала, застегивавшаго перчатку и поглядывавшаго на нее съ добродушною улыбкою, изъ-подъ густыхъ, нависшихъ, бровей.

— Очень хорошо... Но вы подумали ли, citoyenne, говорилъ генералъ,—о трудностяхъ, которыя васъ ожидаютъ на этомъ благородномъ поприщѣ? Въ ваши лѣта, при безпрестанныхъ передвиженіяхъ арміи, въ чужой землѣ....

— Думала, citoyen general, перебила республиканка.—Моя жизнь, силы,—словомъ, я вся принадлежу республикѣ.

— Ваше одушевленіе почтенно, citoyenne, говорилъ опять генералъ, озадаченный рѣшительностью гражданки,—но я бы полагалъ..... Вы имѣете родителей?

— Родителей у меня нѣтъ... Есть родные, но я отъ нихъ не завишу, citoyen general. Но еслибъ и имѣла, я ставлю выше всего обязанности гражданки къ республикѣ.

Гражданкѣ, замѣтно, очень нравилась вся обстановка допроса и даже слово: «citoyen general»; она, какъ видно, рада была даже, что у нея пропали бумаги и она такимъ, необыкновеннымъ, образомъ является въ армію. Генералъ пожималъ плечами; онъ не зналъ, что отвѣчать... Молодой адъютантъ, стоявшій въ молодцоватой позѣ позади, посматривалъ то на плѣнницу, то на Катенева, какъ будто желая угадать, что думаетъ онъ о героинѣ, какихъ, вѣроятно, не отыщется въ странѣ медвѣдей.

— Я подумаю, citoyenne... Вы свободны. Извините, что васъ взяли. Военное время, говорилъ генералъ.

— Я совершенно понимаю необходимость арестовать меня и не претендую на это, отвѣтила съ прежнею бойкостью дѣвушка.—Я бы желала, генералъ, остаться при арміи.

— Я подумаю, а пока... Полковникъ, обратился онъ къ одному изъ свиты,—отведите помѣщеніе для citoyenne и постарайтесь, чтобы къ ней относились съ уваженіемъ. Бѣда въ томъ, что здѣсь у насъ нѣтъ сестеръ милосердія, прибавилъ онъ, показавъ головою, чтобы подвели Катенева.

Гражданка отошла, смѣрявъ русскаго плѣнника съ ногъ до головы своими черными, стеклянными зрачками. Генералъ обратился къ Катеневу.

— Вы взяты въ плѣнъ?

— Да; я имѣлъ несчастіе.... отвѣчалъ поручикъ.

— Ваше имя, чинъ? перебилъ генералъ.

Катеневъ отвѣтилъ.

— Вы останетесь пока у насъ, продолжалъ генералъ, показавъ знакомъ конвойнымъ, чтобъ они оставили плѣннаго.

Солдаты, брякнувъ ружьями, ушли.

— Вы избавляетесь отъ стражи и заключенія, говорилъ генералъ.—Я надѣюсь, что вы не употребите во зло нашего довѣрія... Капитанъ, не угодно ли вамъ распорядиться о помѣщеніи поручика.

Катеневъ поклонился; генералъ сѣлъ на лошадь, приложилъ руку къ шляпѣ и ускакалъ со свитою. Молодой, бѣлокурый капитанъ, щеголевато одѣтый, пристукнувъ шпорою, обратился къ плѣнному съ словами: «не угодно ли вамъ отправиться со мною»; и оба, плѣнникъ и новый знакомецъ его, пошли вправо отъ генеральской квартиры, вдоль лагеря. Катенева поразило, что все дѣлалось быстро, молодецки, точно подъ музыку, въ тактъ; проходившіе мимо рекрута, въ своихъ синихъ шапочкахъ, мѣрно отбивали ногами, а нѣкоторые даже подпрыгивали, будто въ экосезѣ. «Bon jour, capitain», тоже въ тактъ, произносили, гуляющіе по лагерю, солдаты, съ намѣренною небрежностью прикладывая руку къ фескѣ или киверу; даже поваръ въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ, несшій цѣлую башню жестяныхъ мисокъ, шелъ точно фланговый унтеръ на смотру, молодецки помахивая салфеткою; только, попадавшіеся довольно часто, больные и раненые въ больничныхъ халатахъ и колпакахъ, прохаживаясь, грустно глядѣли, опершись на свои палки, на Катенева и его спутника. «Ah, la v' la» гаркнула, разсмѣявшись, кучка солдатъ, оступая толстую, краснолицую, немолодую маркитантку, съ боченкомъ на ремнѣ и въ маленькой военной шапочкѣ.—«Bon jour, mes braves», отвѣчала хриплымъ контральто маркитантка, приложивъ два пухлые пальца къ шапочкѣ, въ сравненіи съ ея краснымъ, заплывшимъ лицомъ, похожей больше на оправу къ кораллу, чѣмъ на головное украшеніе. Солдаты, увидавъ Катенева, подбоченились всѣ сразу, точно по командѣ; передъ одною изъ палатокъ барабанщикъ колотилъ сборъ, выпятивъ грудь и злодѣйски надвинувъ на бровь клеенчатый высокій киверъ. Лагерь и эта размѣренная молодцоватость всѣхъ и каждаго напомнили Катеневу извѣстныя игрушки съ солдатиками, двигающимися подъ тренканье тоненькихъ струнъ, когда начнешь повертывать проволочную ручку. «А между тѣмъ», думалъ плѣнникъ, «дерутся-то вѣдь храбро, совершаютъ богатырскіе подвиги, въ родѣ отчаяннаго перехода хоть бы Лекурба отъ Урзерна черезъ отвѣсную скалу, въ восемь тысячъ футовъ. Поди ты.... А вѣдь посмотришь — фаты». Переходъ Лекурба, бросившаго орудія въ Рейссу и поднявшаго колонну на неприступныя скалы, гдѣ не бывала человѣческая нога, изумилъ русскихъ и Суворова отчаянною отвагою; вообще въ Швейцаріи французы не уступали русскимъ въ смѣлости и мужествѣ. Но лагерь ихъ

уже нисколько не похожъ былъ на нашъ русскій съ обносившимися офицерами и солдатами, осмѣивавшими, напротивъ, всякое поползновеніе товарища хвастнуть, щегольнуть передъ другими. «Стало-быть, натура у нихъ такая», размышлялъ Катеневъ, съ любопытствомъ оглядывая лагерь. «Я понимаю еще, что можно порисоваться, проходя городомъ, когда изъ оконъ выглядываютъ двѣ-три хорошенькія женскія головки, но здѣсь рисоваться, въ лагерѣ, дома, передъ своими... Въ этомъ есть, право, что-то дѣтское».

— Мы зайдемъ на минуту въ бюро, чтобы записать васъ... Это—формальность, и васъ не задержатъ тамъ, объяснилъ капитанъ, вводя Катенева въ длинный, свѣтлый баракъ съ чугуннымъ топившимся каминомъ; въ глубинѣ сидѣлъ съ сигарою, перебирая бумаги, молодой полковникъ; человѣкъ десять писцовъ писали за особыми, длинными, двумя столами; одинъ изъ писцовъ, развалясь и положивъ ноги на сосѣдній стулъ, тоже съ сигарою въ зубахъ, читалъ газету; непринужденное положеніе, принятое писцомъ въ ту самую минуту, когда онъ увидалъ вошедшаго русскаго, вѣроятно, имѣло цѣлію выразить, что онъ, писецъ, такой же citoyen, какъ и полковникъ.

— Ваше имя, чинъ? спросилъ полковникъ, когда Катенева подвелъ къ столу капитанъ.

Катеневъ сказалъ.

— Гатенёфъ? съ трудомъ проговорилъ полковникъ.

— Катеневъ, повторилъ плѣнный.

— Ah c'est Ca... Каденевъ, поправился полковникъ.—Eh bien... Вы получите обратно вашу шпагу, продолжалъ онъ.—Намъ довольно вашего честнаго слова, что вы не будете искать средствъ къ освобожденію до размѣна.

— Я даю слово, полковникъ, отвѣчалъ Катеневъ.

— Вы находились въ свитѣ фельдмаршала?

— Не постоянно, отвѣчалъ плѣнникъ.

— Ah....

Полковникъ записалъ что-то; ему замѣтно хотѣлось разспросить о положеніи русскихъ войскъ, но онъ удержался и, прочтя поданную однимъ изъ писарей бумагу, подалъ ее Катеневу съ словами:

— Потрудитесь подписать условія, на которыхъ вы сохраняете вашу шпагу.

Катеневъ прочелъ бумагу и подписалъ; полковникъ поклонился, давая этимъ знать, что плѣнный можетъ удалиться.

— Для чего нужна эта формальность? спросилъ Катеневъ своего спутника, закуривавшаго сигару у камина.

— Это для bureau des prisonniers de guerre, отвѣчалъ капитанъ.

— Au general commandant la quatrieme division, раздался, между тѣмъ, звучный, молодецкій диктантъ полковника — Ecrit?

Писецъ, строчившій бумагу, утвердительно кивнулъ головою.

— Je vous invite, citoyen generale, продолжалъ полковникъ, отбрякивая, точно прикладомъ, каждою согласною буквою.

Катеневъ и капитанъ вышли изъ барака.

— Bon jour Carnot, проговорилъ, протянувъ капитану наскоро руку, сѣдой, необыкновенно живой, толстенькій кавалерійскій генералъ, бѣгущій, переваливаясь и побрякивая саблею, въ бюро.

Капитанъ пожалъ ему руку, объяснивъ Катеневу, что это начальникъ кавалерійской бригады; затѣмъ они вошли въ досчатый, довольно просторный, сарай, съ двумя постелями и круглымъ столомъ по серединѣ; въ углу догорали дрова въ желѣзной, маленькой печкѣ.

— Снимайте мундиръ и будьте какъ дома, обратился капитанъ къ своему будущему сожителю, садясь на одинъ изъ складныхъ стульевъ.

Катеневъ разстегнулся и сѣлъ подлѣ своего хозяина; ему было не по себѣ и хотѣлось остаться одному, но капитанъ не уходилъ и, вѣроятно, считая обязанностью занять еще не обжившагося гостя, принялся разспрашивать его о русскихъ морозахъ и, между прочимъ, о томъ: правда ли, что на сѣверѣ Россіи мужики на зиму засыпаютъ и спятъ до весны, какъ мухи? Такія смутныя понятія о Россіи не мѣшали, однако, капитану восхищаться свойствомъ русскихъ дамъ превращаться въ недѣлю-двѣ въ совершенныхъ парижанокъ; это, не совсѣмъ невѣрное, заключеніе онъ вывелъ изъ знакомства въ Парижѣ съ нѣкоею русскою princesse «Кадраки»; отъ этой princesse Кадраки офицеръ былъ въ восторгѣ. «Oh elle est charmante, cette petite princesse!» говорилъ онъ, покуривая сигару. Какъ ни прибиралъ Катеневъ всѣ похожія русскія фамиліи, но французъ стоялъ на своемъ, что princesse называлась именно такъ: «Кадраки».

— У васъ здѣсь есть еще русскіе въ плѣну? спросилъ Ка-

теневъ, выслушавъ нѣсколько, не особенно любопытныхъ, эпизодовъ изъ годичнаго знакомства капитана съ русскою princesse.

— Одинъ офицеръ, артиллеристъ, и человѣкъ сто солдатъ, отвѣчалъ капитанъ.

— Можно мнѣ съ ними видѣться?

— Я спрошу у генерала.... Вѣроятно, можно, отвѣчалъ словоохотливый хозяинъ.

Онъ нравился Катеневу тѣмъ, что въ немъ было больше простоты, чѣмъ въ другихъ; исключая замѣтной страсти нравиться прекрасному полу, выражавшейся поминутнымъ глядѣньемъ въ маленькое зеркальце, висѣвшее въ баракѣ, и изысканностью костюма, въ капитанѣ не было ничего рѣзко выдающагося и гордаго, какъ въ другихъ, видѣнныхъ имъ, впрочемъ, мелькомъ пока, офицерахъ; говорилъ онъ просто, не отчеканивая словъ, не гремѣлъ шпорами и саблею, вообще держалъ себя очень порядочно.

— А какъ вы думаете, продолжалъ онъ, бросивъ докурившуюся сигару въ печь и доставая изъ погребца фляжку и кусокъ сыра,—кончится, наконецъ, союзъ австрійцевъ съ русскими?

— Это будетъ зависѣть отъ воли нашего императора, отвѣчалъ Катеневъ.

— Какъ? И послѣ этихъ поступковъ съ вами вы останетесь, надѣетесь остаться съ ними въ союзѣ? спросилъ офицеръ, наливая двѣ рюмки абсента.

— Конечно, останемся, если это угодно будетъ императору.

— За здоровье храбрыхъ противниковъ, русскихъ, проговорилъ хозяинъ, поднявъ рюмку.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Катеневъ, чокаясь.

Оба выпили.

— Но вы перенесли много въ горахъ? началъ офицеръ, отрѣзывая ломоть сыра и передавая его Катеневу.

— Да; но армія нисколько не упала духомъ, отвѣчалъ, откашливаясь отъ водки, Катеневъ. — Наши солдаты не изнѣжены.... Фельдмаршалъ, семидесятилѣтній старикъ, спитъ на сѣнѣ, завернувшись въ плащъ.

— C'est un vrai Scithe, замѣтилъ французъ.

— Un vrai guerrier, поправилъ его Катеневъ.

— Oui mais.... Какое надобно имѣть здоровье!

Катеневъ замолчалъ; бесѣда стала утомлять его.

— Вы, кажется, устали? Лягте, обратился къ нему хозяинъ.

— Да, я былъ всю ночь на ногахъ и, признаюсь, соснулъ бы, отвѣчалъ, зѣвая, Катеневъ.

— Усните.... А потомъ вмѣстѣ пообѣдаемъ.... Здѣсь у меня что-то въ родѣ table d'hote, отвѣчалъ хозяинъ, указавъ на одну изъ кроватей, и вышелъ.

Катеневъ снялъ мундиръ и, завернувшись въ байковое одѣяло, растянулся на кровати; онъ продрогъ ночью, шагая по грязи безъ шинели, оставшейся вмѣстѣ съ мѣшкомъ при отрядѣ; къ счастію, деньги были у него въ карманѣ; согрѣвшись, онъ принялся припоминать происшедшее съ нимъ вчера, допрашивая себя строго: правъ ли онъ передъ начальствомъ, предъ солдатами и передъ совѣстью; лежа съ закрытыми глазами, онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, будто опять переживая недавнее событіе, схватку, кончившуюся такъ печально для него и для отряда. «Гдѣ-то они? Что сталось съ ними?» стоялъ неотвязный вопросъ, и поручикъ то придумывалъ средства разрѣшить его, то снова допрашивалъ себя: «не безуменъ ли былъ его планъ прорваться черезъ непріятеля»?

Рядомъ со способностью мыслить, чувствовать, въ природѣ человѣческой лежитъ чудесный даръ—олицетворять, какъ бы снова переживать прошедшее; и сколько новыхъ оттѣнковъ получаетъ односторонняя мысль, переселенная въ живой образъ силою воображенія; такъ солнечный лучъ, проведенный сквозь призму, дѣлится на безчисленное множество полутоновъ, окаймляющихъ семь главныхъ цвѣтовъ радуги. Помимо искусственно построеннаго силлогизма, которымъ какъ цѣпью вяжетъ мысль свою философъ, въ очертаніяхъ образа слышатся новые, еще не разгаданные человѣческимъ умомъ, мысленные пути, свободные законы иной, широкой логики.

Порой навертывались слезы, вырывая чуть не стонъ у юноши, переносившагося въ положеніе, въ душу безотвѣтнаго солдата, оставившаго тамъ, на родинѣ, быть-можетъ, мать, жену, съ утра до вечера ожидающихъ полуграмотнаго письмеца съ поименными поклонами всѣмъ роднымъ и знаемымъ, съ отрадною вѣсточкой, «что по сей день живъ и здоровъ, а впредь что будетъ, на то воля Божія». И тяжкимъ гнетомъ давила молодое сердце мысль, что «вотъ, благодаря, быть-можетъ, мнѣ, моей поспѣшности и горячности, легъ безотвѣтный солдатъ, безъ вся-

кой пользы, можетъ-быть еще ко вреду, общему дѣлу». И дѣлалъ онъ строгую исповѣдь себѣ: не желаніе ли отличиться, получить лишній чинъ, орденъ, заставило его вести отрядъ въ рискованное, отчаянное дѣло? «Но что же оставалось дѣлать?» размышлялъ поручикъ: «отдаться безъ боя, безъ попытки спастись, въ руки, окружившаго нежданно, непріятеля?» За что онъ упрекалъ себя больше всего — это за попытку отстоять орудіе. «Кинувъ орудіе», думалъ молодой командиръ, «я могъ, соединивъ вокругъ себя отрядъ, отступить съ меньшимъ, можетъ-быть, урономъ и не попасть въ плѣнъ». Припоминая, почему онъ бросился къ орудію, онъ хорошенько не могъ отдать самъ себѣ отчета въ этомъ побужденіи; сдѣлалось это какъ-то сразу, невольно, почти безсознательно. «Но безъ свидѣтелей, безъ обвинителей, какъ тутъ рѣшить, правъ или виноватъ я», думалъ юноша; «самъ оправдаешь непремѣнно себя». При этой мысли досада, стыдъ осаждали юную душу; рука его ложилась на два образка, висѣвшіе на груди подъ жилетомъ; мысль улетала въ даль родную, и воображеніе, нарисовавъ два женскіе образа, быть-можетъ, да навѣрное, не покидающіе его въ своихъ жаркихъ молитвахъ, выводило сразу изъ темной области неразрѣшимыхъ догадокъ; самый ярый иконоборецъ не доказалъ бы ему въ эти минуты, что эти двѣ иконы не чудотворныя. «Молись», будто шепталъ ему голосъ матери. «Терпи», говорили другія, молодыя уста; «гляди, какъ я переношу свою невзгоду—безъ жалобъ и безъ ропота». И странно, юноша благодарилъ, послѣ этихъ внушеній, благодарилъ Творца, смирившаго его этою тяжкою невзгодою. «Да; для того дано мнѣ это униженіе, чтобы страданіемъ, слезами разогрѣлось сердце, чтобъ я почуялъ, выстрадалъ сознаніе, вѣру, что не все зависитъ отъ меня самого,—чтобъ я уразумѣлъ, что есть разумѣвающій о всякомъ человѣкѣ, что въ Немъ одномъ прибѣжище и сила, а не въ личномъ моемъ мужествѣ», размышлялъ поручикъ.

Въ баракѣ уже стемнѣло, а онъ не думалъ спать, лежалъ съ открытыми глазами, рѣшая свою неразрѣшимую, тяжкую задачу. «Тогда за Бога, когда плохо пришлось, когда нѣтъ выхода», возразилъ-было онъ самъ себѣ на послѣднюю мысль, но опять будто шепнулъ ему знакомый голосъ матери: «а за кого же, кому же иначе нести свои тяжкіе вопли человѣку? Къ людямъ?... Попробуй. Да и самые добрые изъ людей не помогутъ тебѣ, если не будетъ на то той же высшей воли».

— Ну что, соснули? спрашивалъ капитанъ, входя въ баракъ и отстегивая шпагу.

— Да, немного.... Но не спалось, вѣроятно отъ утомленія, отвѣчалъ Катеневъ, вскочивъ съ постели и надѣвая мундиръ.

Черезъ полчаса комната наполнилась офицерами; накрытый поваромъ столъ уставленъ былъ бутылками, печка запылала и баракъ превратился въ ресторанъ. «Буше, oficier du corps volant, Kateneff, lieutenant d'artillerie», рекомендовалъ хозяинъ; французы крѣпко жали руку новому знакомцу, съ любопытствомъ разглядывавшему исподлобья ихъ загорѣлыя, бравыя лица. Всѣ сѣли за столъ; лафитъ развязалъ языки; гости острили, сыпали каламбурами; Катеневъ говорилъ мало, наблюдая новыхъ знакомцевъ; лица нѣкоторыхъ, возвышенные лбы, растрепанныя прически, разстегнутые на груди мундиры напоминали ему портреты Марата, Дюмурье, Массены и другихъ знаменитостей. Онъ видалъ и прежде французовъ, плѣнныхъ, но видалъ издали. Французы мало обращали вниманія на гостя; говорилъ съ нимъ почти одинъ хозяинъ, поминутно подливая ему вина. Разговоръ собесѣдниковъ вертѣлся около послѣднихъ дѣйствій директоріи. Одни винили ее, другіе оправдывали.... «Она не имѣла права», кричали одни.—«Полнѣйшее», возражали другіе. По мѣрѣ опустошенія бутылокъ, обѣдавшіе все молодцоватѣе разваливались на стульяхъ, громче кричали: «garçon»—мальчишкѣ-поваренку, помогавшему прислуживать толстому, съ величавыми манерами, не молодому уже, повару. «L'autorité publique.. . Peuple français. Reveil du peuple», раздавалось въ баракѣ.... Нѣкоторыя фразы, въ родѣ произнесенной однимъ низенькимъ, щедушнымъ драгуномъ и врядъ ли не похищенной у одного изъ ораторовъ трибуны: «Il nous faut de l'audace, messieurs, encore de l'audace, toujours de l'audace et la France est sauvée», покрывались громкими рукоплесканіями. Вся эта блестящая трескотня фразъ и поминутные возгласы: «республика, воля народа», напоминали Катеневу «радѣнія» нашихъ скопцовъ, о которыхъ слыхалъ онъ разсказы и читывалъ пѣснопѣнія, употребляемыя ими при этихъ обрядахъ; въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ поминутномъ трескѣ громкихъ словъ собесѣдники находили какое-то упоеніе.

Дымъ отъ сигаръ и трубокъ стоялъ столбомъ.

— Пройдемтесь, обратился къ Катеневу хозяинъ, поменьше другихъ предававшійся радѣнію, вѣроятно разубѣдившись въ снисшествіи духа свыше на радѣльщиковъ.

Подали свѣчи. Офицеры усѣлись за тѣмъ же столомъ за карты; Катеневъ взялъ шляпу и вышелъ съ хозяиномъ изъ барака; ночь была темная; кучки подпившихъ солдатъ бродили взадъ и впередъ, съ трубочками въ зубахъ, по лагерю.

— Jadis vivait à Carcassone, напѣвалъ одинъ изъ солдатъ, обнимая краснолицую маркитантку.

— Allez, polisson, отталкивая ловеласа, говорила визгливымъ голосомъ торговка.

— Qui vive? раздалось гдѣ-то вдали.

Два драгуна проскакали мимо, шлепая по грязи; вправо отъ идущихъ взвилась ракета, и военный оркестръ грянулъ маршъ; барабаны затрещали зорю.

Вся эта обстановка, трескъ щеголеватыхъ словъ, молодцоватость ухватокъ новыхъ знакомцевъ, даже удаль двусмысленной пѣсенки, пропѣтой ловеласомъ-солдатомъ, были несносны Катеневу, какъ бываетъ несносна удрученному горемъ человѣку шумная ярмарка; онъ начиналъ понимать, что одиночество, порой, есть благо, что необходимость быть всегда въ обществѣ, съ людьми, несноснѣе во сто разъ даже продолжительнаго одиночества.

Какъ нарочно, надъ самымъ ухомъ его зажужжалъ, словно выросшій изъ-подъ земли, савоярдъ на своей гнусливой лирѣ, вторя ей рѣзкимъ дишкантомъ; Катеневъ бросилъ ему монету, и савоярдъ, вѣроятно изъ благодарности, приплясывая, пошелъ передъ ними, продолжая жужжать и напѣвать свою пѣсню, совершенно въ разладъ съ оркестромъ, наигрывающимъ скорый маршъ. Побродивъ съ часъ по лагерю, офицеры воротились на квартиру; гости хохотали, острили, сидя за картами и потягивая грогъ; они просидѣли до разсвѣта, но капитанъ уложилъ, до ухода ихъ, Катенева въ чуланчикѣ, придѣланномъ къ бараку.

Мы не будемъ описывать изо дня въ день однообразную жизнь плѣнника; несмотря на внимательность хозяевъ, можетъ-быть, вызванную его принадлежностью къ свитѣ фельдмаршала, Катеневъ тосковалъ; французы наскучили ему порядкомъ, съ ихъ республиканскими радѣніями, повторявшимися ежедневно за общимъ обѣдомъ; хозяинъ допекалъ его разсказами о своихъ любовныхъ похожденіяхъ. Нѣсколько разъ поручикъ принимался спорить съ республиканцами о пресловутой свободѣ, съ которою такъ давно играетъ въ жмурки человѣчество; но молодой русскій напрасно говорилъ суевѣрамъ республики, что, кромѣ правъ,

у человѣка есть обязанности, что врядъ ли созданы люди для того, чтобы праздновать всю жизнь и наслаждаться,—искатели свободы смѣялись надъ всѣмъ этимъ и надъ русскими. Смѣялись, а между тѣмъ доносились вѣсти о возвращеніи Наполеона изъ Египта, и недалеко было Франціи до восемнадцатаго брюмера (9 ноября 1799 г.), когда въ отвѣтъ на крики; «à bas les dictateurs», Бонапарте отвѣтилъ членамъ совѣта знаменитымъ: «grenadiers en avant», объясняя, что онъ дѣйствуетъ за-одно съ націей. И становилось уже не смѣшно, а страшно молодому русскому: ему было жаль несчастной Франціи, быстро начинавшей поворачивать, по командѣ геніальнаго генерала, на старый путь. «За что же лили кровь, во имя чего казнили, жгли и грабили сосѣдей?» думалъ плѣнникъ. «За что же шелъ подъ картечь и ядра храбрый французскій солдатъ? Кому, какую пользу принесетъ пролитая кровь его?» Намъ, читающимъ, спустя почти столѣтіе, исторію этой кровавой были, слѣдящимъ исключительно за тезисами партій, дѣлается страшно подчасъ; но современника, у кого предъ очами совершалась эта безконечная, кровавая смѣна теорій и предначертаній, поражала она, конечно, несравненно сильнѣе. Онъ самъ сначала ожидалъ чего-то великаго отъ поднявшейся бури, но вотъ прогремѣла она, оставивъ широкіе, дымящіеся потоки крови, а небо затянулось снова тучами. «Да что же это? Гдѣ же онъ—человѣческій разумъ? Куда завелъ онъ, довѣрившее ему судьбу свою, человѣчество?» думалось безучастному зрителю этой бойни подъ возгласы: «да здравствуетъ свобода».

Катеневу позволили повидаться съ солдатами и другимъ плѣннымъ, русскимъ офицеромъ, находившимися въ лагерѣ; солдатъ изъ его отряда въ плѣну не оказалось, а офицеръ, взятый за недѣлю до него, былъ старый знакомецъ его, батарейный, встрѣтившійся на Готардѣ и «деликатненько» поднявшій ихъ съ ночевки; онъ жилъ съ двумя французскими драгунами, офицерами, въ одной палаткѣ и спорилъ съ ними съ утра до вечера, замѣняя жестами половину словъ, такъ какъ по-французски зналъ онъ плохо; его возмущало, всего болѣе, невѣріе, которымъ щеголяли молодые офицеры и солдаты. Отрицаніе и тогда, какъ и нынче, замѣняло для многихъ образованность; ничего нѣтъ легче, осмѣивая и называя предразсудкомъ всякое вѣрованіе, прослыть въ невѣжественномъ обществѣ за человѣка развитаго и образованнѣйшаго.

— Нѣтъ, вынеси только Богъ, говорилъ батарейный Катеневу;—съ ними тутъ страшно.

Батарейный употреблялъ даже меньше иностранныхъ словъ и отплевывался, когда они, по прежней привычкѣ, влетали въ его русскую скороговорку.

— Говорятъ и церкви уничтожили, продолжалъ онъ.—Я не вѣрилъ, думалъ, смѣются; однако, говорятъ, въ самомъ дѣлѣ запретили служить обѣдни. Нѣтъ, сударь, даромъ имъ не пройдетъ эдакое безобразіе, говорилъ онъ, зловѣще сверкая своимъ единственнымъ глазомъ.

Сожители, драгуны, оба молодые люди, дразнили старика, замѣтивъ его вспыльчивый нравъ; они отпускали плоскія шуточки надъ земными поклонами, которые аккуратно батарейный клалъ утромъ и вечеромъ.

— По-моему, не вѣрь они и молчи про себя, говорилъ старикъ.—А смѣяться надъ другими не слѣдъ.

— Какъ вы попали въ плѣнъ? спросилъ его однажды Катеневъ.

О себѣ онъ разсказалъ ему и нѣсколько былъ утѣшенъ тѣмъ, что старый служака вполнѣ оправдывалъ его предпріятіе идти на проломъ, такъ какъ выхода другаго не было.

— А какъ попалъ, отвѣчалъ нѣсколько смутившись батарейный,—отъ самой глупѣйшей вещи, заблудился. Двѣ лошади съ запасами увязли въ снѣгу, ночью... Ночь ясная, я отпустилъ роту: «ступайте, молъ, по-маленьку... Мы, по слѣду, найдемъ васъ»; а самъ, съ пятью человѣками, остался вытаскивать лошадей. Вдругъ вьюга... Свѣту Божьяго не видать... Мы бросили лошадей, вышли на слѣдъ... Шли ладно съ полчаса, вдругъ, — замело что ли, — ни слѣда, ничего... Мы назадъ; думаемъ, не сбились ли. Туда, сюда, да и наткнулись на французовъ... Qui vive? кричатъ. Мы притаились было.—Нѣтъ, кричатъ: «les Russes». Сыскали перваго меня; тутъ, гляжу, и остальныхъ всѣхъ забрали и повели насъ, рабовъ Божіихъ. Сутки безъ хлѣба продержали, въ сараѣ, безбожники... Ну ужь потомъ, я говорю имъ, офисье, молъ. Ле солда, санъ пенъ. Хорошо, что по-французски моракую. Повели къ генералу насъ... Ну, генералъ ничего, разспросилъ вѣжливо. «Вотръ рангъ», говоритъ, и велѣлъ отвести квартиру.

Солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ, не выпускали безъ конвойныхъ изъ сарая, и Катеневъ едва могъ передать имъ, черезъ своего

хозяина, табаку и нѣсколько червонцевъ; курить въ сараѣ запрещали, но когда выводили ихъ, то позволялось.

— Кормятъ ли васъ? спросилъ ихъ, встрѣтивъ разъ, Катеневъ.

— Кормить-то кормятъ, ваше благородіе, отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ,—да ужь очень скучно; заперли точно свиней; лежишь, лежишь день-то деньской, инда одурь возьметъ; тоска смертная.

Прошло около мѣсяца; однажды утромъ, часовъ въ семь, Катеневъ сидѣлъ съ газетою у камелька, какъ вошелъ капралъ съ пакетомъ капитану; капитанъ, прочтя бумагу, объявилъ Катеневу, что его требуютъ въ штабъ. Катеневъ одѣлся, и они оба отправились; генералъ, допрашивавшій плѣннаго при приводѣ его, сидѣлъ на складномъ стулѣ у стола; въ комнатѣ, у другаго стола, сидѣлъ батарейный и писалъ что-то; увидавъ Катенева, онъ ласково кивнулъ ему и, поправивъ очки, снова погрузился въ свою работу; въ баракъ входили русскіе плѣнные солдаты; генералъ всталъ и, подойдя къ Катеневу, пожалъ ему руку.

— Я получилъ письмо отъ генерала Милорадовича, началъ онъ.—Съ согласія вашего и нашего главнокомандующихъ, мы рѣшили размѣняться плѣнными. Вы свободны.

Катеневъ вспыхнулъ и чуть не бросился обнимать генерала.

— Не угодно ли вамъ прочесть и подписать эту бумагу, добавилъ генералъ, подавъ какой-то листокъ Катеневу.

Катеневъ прочелъ и, взявъ со стола перо, сталъ подписывать.

— Вы не имѣете никакого заявленія противъ...? началъ-было генералъ, закуривая сигару.

— Я имѣю, генералъ, высказать искреннѣйшую мою благодарность, перебилъ Катеневъ,—вамъ и моему любезному хозяину за вниманіе и гостепріимство, какое встрѣтишь развѣ у близкихъ друзей или родныхъ.

Генералъ улыбнулся и пожалъ ему руку.

— Это обязанность цивилизованныхъ народовъ, отвѣчалъ онъ.—Мы отвѣчаемъ этимъ только на обхожденіе русскихъ съ нашими плѣнными.

Катеневъ поклонился и спросилъ, можетъ ли онъ отправиться вмѣстѣ съ прочими плѣнными.

— Я даже попрошу васъ ѣхать вмѣстѣ, для того, чтобы соблюсти нѣкоторыя формальности за одинъ разъ, отвѣчалъ гене-

ралъ.—Передайте мое особенное уваженіе au general Милорадовичъ, окончилъ онъ и вышелъ въ другую комнату.

Катеневъ бросился обнимать капитана-хозяина; французъ прослезился и объявилъ, что непремѣнно будетъ въ Россіи и отыщетъ, во что бы то ни стало, Катенева; батарейный тоже плакалъ, обнимая поручика; солдаты весело шутили, выходя изъ барака.

Простясь съ собравшимися знакомыми офицерами и выпивъ на улицѣ по чаркѣ абсенту на разставанье, Катеневъ и батарейный сѣли на лошадей; солдаты усѣлись въ фуры, заложенныя четверками, и поѣздъ тронулся, въ сопровожденіи офицера и конвойныхъ драгунъ.

— Adieu... Bon voyage. Кланяйтесь русскимъ, кричали офицеры и солдаты, собравшіеся поглядѣть на отъѣзжающихъ.—Мы любимъ вашихъ храбрыхъ соотечественниковъ. Кланяйтесь à nos amis les ennemis, съострилъ кто-то.

— Вѣдь, добрый народъ... Право, замѣтилъ батарейный, подбирая поводья своего воронаго коня.—Жаль, что вотъ эта фанаберія есть въ нихъ, это безбожіе.

Батарейный пересталъ брезговать, на радостяхъ, французскими словами; черезъ четверть часа лагерь исчезъ за лѣсомъ; проѣхавъ верстъ пятнадцать довольно гладкою дорогою, поѣздъ выбрался на долину, и путники вдали, около ручья увидали кучку верховыхъ и пѣшихъ; по треуголкамъ и мундирамъ они тотчасъ узнали, что это русскіе; первый, кого узналъ Катеневъ еще издали, былъ Аѳанасій; махая ваточнымъ картузомъ, онъ кричалъ, что есть силы, судя по жестамъ, какое-то привѣтствіе. Адъютантъ Милорадовича первый, вбродъ черезъ ручей, подскакалъ къ Катеневу и, поздравивъ его, пригласилъ конвойнаго офицера приступить къ размѣну. Солдаты, выскочивъ изъ фургоновъ, вбродъ побѣжали черезъ ручей. Бывшіе у насъ въ плѣну французы кинулись здороваться съ своими. Послѣ обычныхъ формальностей, французы и русскіе разъѣхались, при обоюдныхъ пожеланіяхъ другъ другу всего лучшаго. Аѳанасій шелъ, улыбаясь, подлѣ своего барина, ѣхавшаго на казачьей лошади; онъ даже позабылъ о своей табакеркѣ и любезно хлопалъ по плечамъ, подшучивавшихъ надъ нимъ, солдатъ и казаковъ; у Катенева было, по временамъ, сердце, при мысли о скоромъ появленіи своемъ предъ Милорадовичемъ и фельдмаршаломъ.

*

IX.

«У западныхъ историковъ два зеркала: одно увеличительное для своихъ, другое уменьшительное для насъ; но потомство разобьетъ оба въ дребезги и выставитъ свое, въ которомъ мы не будемъ казаться пигмеями». Эти слова, сказанныя фельдмаршаломъ о современныхъ ему заграничныхъ историкахъ, приходится часто повторять и теперь, при чтеніи твореній западныхъ оцѣнщиковъ Россіи и всего русскаго. Великая честь итальянскому, современному были, повѣствователю, который не задумался укорить своихъ и произнесть безъ страха: «слава русскимъ». Самообольщеніе, любованье своими качествами, безъ грустнаго сознанія недостатковъ, опасны для народа такъ же, какъ и самоуничиженіе, ведущее къ утратѣ вѣры въ свои нравственныя силы. Кто знаетъ, можетъ-быть, этотъ смѣлый укоръ историка послужилъ болѣе хвалебныхъ одъ на пользу странѣ, явившей въ наши дни высокій примѣръ доблести и рѣдкаго единодушія? Взглянувъ въ вѣрное зеркало на свое прошлое, народъ смылъ пятна, исказившія великій ликъ его, и, умудренный опытомъ отцовъ, твердо пошелъ своею широкою дорогой.

Вѣсть объ удаленіи нашихъ войскъ, пронесясь по всей Италіи, убила надежды многихъ на освобожденіе; приверженцы французовъ подняли головы, заслышавъ о возвращеніи Наполеона изъ Египта; противники ихъ, народъ, распущенныя ополченія, озлобленные торжествомъ республиканцевъ и «патріотовъ», ухватились за австрійцевъ, какъ за послѣднее средство предохранить страну отъ новаго нашествія французовъ; ожесточеніе партій и страстное настроеніе людей, стоявшихъ во главѣ, готовы были оправдать всякую мѣру и всякое средство, лишь бы осуществить завѣтную идею; дѣятели напоминали пожарныхъ, храбро ворвавшихся въ самый огонь; стоящіе поодаль кричатъ имъ, что кровля подъ ногами ихъ готова рухнуть, что безопаснѣй и полезнѣе для дѣла спуститься внизъ, или же перебраться на сосѣдній срубъ; но, окруженные пламенемъ, пожарные не внимаютъ совѣтамъ; они не видятъ опасности и, разумѣется, погибнутъ безъ всякой пользы для ближняго.

Въ темную октябрскую ночь, при слабомъ трепещущемъ свѣтѣ лючерны, поминутно колеблемомъ вѣтромъ, врывавшимся въ

сводчатыя окна безъ рамъ, въ круглой залѣ развалившагося замка, близь Анконы, сидѣли и расхаживали человѣкъ девять ополченцевъ; всѣ кричали, спорили, и врядъ ли кто могъ, изъ-за общаго гама, разслушать не только другаго, но даже самого себя; въ числѣ собесѣдниковъ ярко вырѣзывались бѣлый крестъ на шляпѣ и вообще вся длинная фигура мрачнаго ополченца святой рати и широкое рябое лицо Пецца, или Фра-діаволо, сидѣвшаго за столомъ подлѣ самой лючерны; по залѣ расхаживалъ, глотая стаканъ за стаканомъ вино, Николо Матчи; какой-то длинноволосый, въ черномъ, длинномъ сюртукѣ, похожій на адвоката, молодой человѣкъ горячился больше всѣхъ, обращаясь то къ Пецца, то къ мрачному, разыгрывавшимъ нѣчто въ родѣ предсѣдателей этого шумнаго засѣданія. «Это опять идти въ руки попамъ, чиновникамъ королевскимъ; опять поощрять тунеядцевъ и всякую дрянь, сволочь, паразитовъ, выжимающихъ сокъ изъ безсмысленной черни», кричалъ длинный сюртукъ, встряхивая черными волосами и жестикулируя, какъ ярый трагикъ въ послѣднемъ дѣйствіи кровавой драмы.

— Е чего, подтверждалъ своимъ надорваннымъ, хриплымъ голосомъ Матчи.—Юнта ужь работаетъ.

— У насъ одни союзники, я говорю, и буду говорить, одни друзья—французы, продолжалъ длиннополый ораторъ, поправивъ съѣхавшее на бокъ бѣлое жабо, — одинъ путь общій съ Франціей.

Пецца посмотрѣлъ на него, прищурясь и разсмѣявшись, и произнесъ:

— Эта пѣсня старая; ее намъ пѣли всѣ иллюминаты... Французы были въ Италіи, видѣли мы этихъ друзей: они грабили почище всякихъ поповъ и чиновниковъ.

Длиннополый началъ-было возражать, но голосъ его исчезъ за общимъ крикомъ:

— Къ чорту ихъ, французовъ... Да и всѣхъ союзниковъ!

— Ну, намъ съ австрійцами нельзя покуда ссориться, замѣтилъ мрачный, воспользовавшись нѣсколькими секундами молчанія, послѣдовавшаго вслѣдъ за криками.

— Нѣтъ, corpo di diavolo, закричалъ Матчи, — ужь лучше побрататься съ чортомъ, чѣмъ съ тедесками...

Онъ не договорилъ и закашлялся, какъ будто слово «тедески» засѣло ему въ горлѣ; мрачный ничего не отвѣчалъ, закусилъ трубку и вытянулся во весь ростъ на тростниковомъ старомъ стулѣ. Опять поднялись отдѣльные споры и крики.

— Signore, обидчиво кричалъ длинный сюртукъ, обращаясь къ толстому бандиту съ нахальнымъ, пьянымъ лицомъ,—я не позволю никому подобныхъ насмѣшекъ.

— Я не о васъ, вовсе не о васъ говорю, защищался толстякъ.—Впрочемъ...

— Не горячитесь, signor... Какъ васъ? Паоло что ли? вмѣшался Пецца.—Тутъ дѣло серьезное... Мы пріѣхали помогать Лагоцу... Зачѣмъ вы прибыли сюда, мы не знаемъ, да и знать не хотимъ... Угодно вамъ идти съ нами,—идите, а не хотите идти,—отправляйтесь обратно, или объясните, что вамъ отъ насъ угодно, иначе...

— Что-жь иначе? запальчиво спросилъ длиннополый.

— Иначе вы можете полетѣть внизъ головой вотъ изъ этого окошка, замѣтилъ, поблѣднѣвъ вдругъ, Пецца.—Я не думаю, чтобы нашелся такой крѣпкій черепъ, который бы не разлетѣлся, перецѣловавшись съ этими кирпичами и каменьями. Вы посмотрите-ка, синьоръ... Какъ васъ?.. прибавилъ онъ, закуривая трубку.

— Вотъ вашъ либерализмъ, signori... Кто съ вами не согласенъ, противъ того вы готовы употребить насиліе, отвѣчалъ раздраженнымъ голосомъ длиннополый.

— Ну, да ужь тамъ, какъ знаете, а... васъ предупредили, перебилъ Пецца.

Матчи захохоталъ и, хлопнувъ по плечу Пецца, произнесъ:

— Охота тебѣ горячиться! Дерись за кого хочешь и съ кѣмъ хочешь, но уважай же и чужое мнѣніе...

Пецца ничего не отвѣтилъ и молча отвелъ руку Николо. Адвокатъ сцѣпился спорить опять съ толстякомъ.

— Оставимъ эти споры, замѣтилъ мрачный.—Пора сбираться. Кто съ нами, тѣхъ не убѣдите вы не идти, обратился онъ къ длиннополому.

— Я никого не убѣждаю... Я хотѣлъ только уяснить вамъ положеніе дѣла и показать, что вы вредите, а не помогаете народу...

— У васъ, у бѣлоручекъ, длинные языки... Вы деретесь языкомъ, а не руками; знаемъ мы васъ, ораторовъ, запальчиво закричалъ Пецца.

— Мнѣ остается пожелать вамъ доброй ночи... Я уѣду... Addio, signori... Дай Богъ, чтобы слова мои не сбылись, и австрійцы не обманули васъ... Поѣдемъ, Pietro, произнесъ адвокатъ и вышелъ, надѣвъ шляпу, вмѣстѣ съ другимъ, моло-

дымъ же, человѣкомъ, въ полувоенномъ нарядѣ, съ пистолетами и саблею.

— Вотъ такъ-то лучше, расхохотавшись, произнесъ Пецца.— Съ ними надо обращаться безъ церемоніи.

— А дѣло онъ говорилъ, fratelli, перебилъ Матчи, наливая изъ фляжки вина.

— Для такихъ протухлыхъ иллюминатовъ, вотъ какъ ты, можетъ и дѣло, а для насъ—гиль, чепуха, да и для всякаго, у кого голова не клиномъ.

Матчи выпилъ залпомъ стаканъ и, погрозивъ костлявымъ кулакомъ, произнесъ: «ну Микеле... Погоди, а...

— Что же, ну? спросилъ Пецца.

— А то, что вы меня помянете... Я не такъ глупъ, какъ ты думаешь, отвѣчалъ, уже не твердо, Матчи.

Языкъ сталъ у него заплетаться и ноги не совсѣмъ слушались.

Пецца захохоталъ и, обругавъ его осломъ, заговорилъ вполголоса съ мрачнымъ ополченцемъ; всѣ смолкли. Матчи сѣлъ къ столу, и опершись на обѣ руки, вскрикивалъ по временамъ: «пусть... Будь по вашему... Подлецъ, такъ подлецъ... Теперь мнѣ все равно». Никто не обращалъ вниманія на его пьяную молвь. Вѣтеръ вылъ, шумя деревьями внизу, донося отдаленный шумъ бушевавшаго моря и плески волнъ озера, мечущагося въ крутыхъ, скалистыхъ берегахъ своихъ; знакомый читателю рыбакъ внесъ новыя полныя фляжки и, забравъ опорожненныя, вышелъ на полуразрушенное крыльцо.

— Что, какъ ты думаешь, похоже? принялся распрашивать его, завернувшійся въ плащъ, мальчикъ лѣтъ шестнадцати.

Рыбакъ поставилъ осторожно фляги на перила крыльца и, пожавъ плечами, отвѣчалъ:

— По-моему, дѣло ясно, какъ день... Поѣзжай и скажи лейтенанту, чтобы держалъ ухо востро... Ждать нечего... Черезъ часъ начнется осада.

Мальчикъ, приподнявъ полы плаща, принялся спускаться по каменьямъ, цѣпляясь за кусты, росшіе по отвѣсу.

— Джованни. . Слышишь, звалъ его рыбакъ, какъ будто вспомнивъ что-то весьма важное.

Но за вѣтромъ слова его не донеслись, и мальчикъ исчезъ въ темнотѣ, за кустарниками и полуразрушенною стѣной старой бойницы.

— Эхъ, жаль... Ушелъ, проговорилъ рыбакъ и потащился ощупью по корридору къ освѣщенной залѣ.

— Эй!... Кто тамъ?... Посвѣти, раздался въ глубинѣ корридора пьяный голосъ Матчи.—Тутъ голову сломишь...

— Сюда... Правѣй... Смотрите, тутъ приступка, отозвался рыбакъ, но Матчи, полетѣвъ съ ступенекъ, уже лежалъ въ его объятіяхъ.

— Какой это полоумный строилъ это совиное гнѣздо? началъ подгулявшій, откашливаясь.—Кто это?

— Я, я, отвѣчалъ, поддерживая его подъ руку, рыбакъ.—Куда вамъ, signor cavaliero?

— Мнѣ?... На крыльцо, отвѣчалъ Матчи.

— Ну, такъ сюда... За мной... Берите меня за руку.

Выведя гостя на крыльцо, рыбакъ воротился въ развалину; Матчи легонько свистнулъ; снизу отвѣчалъ кто-то тоже свисткомъ, и Матчи, пошатываясь, пошелъ подъ арку воротъ, натыкаясь поминутно на камни и корни деревъ, высовывавшіеся мѣстами изъ-подъ щебня.

— Экая темь какая, говорилъ Пецца, выйдя на крыльцо, въ сопровожденіи рыбака съ фонаремъ въ рукѣ.—Пора сѣдлать... Веди-ка, братъ, насъ къ конюшнѣ.

Рыбакъ пошелъ впередъ, освѣщая дорогу; Пецца, въ сопровожденіи товарищей, потащился по щебню и каменьямъ подъ ворота.

— А гдѣ Николо? спросилъ кто-то.—Не расшибся бы? Онъ пьянъ.

— Доброе бы дѣло сдѣлалъ, отвѣчалъ, разсмѣявшись, Пецца.

— Онъ не ушелъ ли?.. У него лошадь подъ горой, у отряда, отвѣчалъ мрачный ополченецъ.

— Эй... Mareschialle! крикнулъ кто-то, прибавивъ послѣ короткаго молчанія:—видно ушелъ, не отзывается.

— Либо заснулъ, замѣтилъ Пецца, разсмѣявшись.—Онъ мастеръ на это.

Выбравшись на площадку, банда принялась поить лошадей, стоявшихъ кучею, съ привязанными къ мордамъ торбами. Рыбакъ, поставивъ на землю фонарь, таскалъ кожаною бадьею откуда-то воду; Пецца и спутники стали сѣдлать, перекидываясь другъ съ другомъ остротами и замѣчаніями о перетершейся подпругѣ, качествахъ и порокахъ коня, и тому подобномъ; вѣтеръ продолжалъ выть, гуляя на просторѣ около развалины. Пецца и его спутники, сведя въ поводу лошадей съ первой кручи, закурили трубки и, вскочивъ на сѣдла, скоро исчезли въ темнотѣ.

Рыбакъ спустился къ озеру, къ своей одинокой лачугѣ, отвязалъ лодку, сѣлъ и, несмотря на бурю, поплылъ на середину озера; онъ жилъ на берегу сторожемъ и зашибалъ небольшія деньги, ловя рыбу и показывая путешественникамъ и живописцамъ развалину.

Но намъ нужно разсказать, какъ попали Микеле Пецца и Николо Матчи въ Анкону. Похищеніе маркиза и двѣ-три продѣлки бандита съ курьерами, везшими важныя депеши въ Римъ и въ Вѣну, заставили королевскихъ чиновниковъ принять усиленныя мѣры къ преслѣдованію грабителей: конные отряды драгунъ, жандармовъ и нѣсколько ротъ милиціи появились въ Калабріи, въ Понтинскихъ степяхъ, слѣдя за Пецца; назначенная особая коммиссія допрашивала жителей; всѣ дороги были обложены пикетами; сыщики шныряли между народомъ на ярмаркахъ и торгахъ; главные притоны удальцовъ были заняты драгунами и милиціонерами. Пецца и Матчи съ дядею переодѣлись торгашами и гдѣ пѣшкомъ, гдѣ въ нанятой ветурѣ, пробирались къ Риму, въ одинъ изъ маленькихъ городковъ, съ цѣлью присоединиться къ ополченію, по слухамъ, отправлявшемуся къ Лагоцу; въ остеріяхъ раза два они натыкались на жандармовъ и разъ чуть не попались даже, благодаря назойливости напившагося Матчи, однако добрались до городка. Ополченіе изъ разныхъ недовольныхъ положеніемъ дѣлъ, ограбленныхъ крестьянъ, удальцовъ, подобныхъ Микеле, выступало отдѣльными, маленькими отрядами, тихонько, по ночамъ, такъ какъ и кардиналомъ Руффо и австрійцами было объявлено народу запрещеніе вооружаться; приставъ къ одному отряду и купивъ лошадей, три путешественника, подъ чужимъ именемъ, добрались до Ареццо, а оттуда до лагеря Лагоца. Здѣсь встрѣтился Пецца со старымъ знакомцемъ, мрачнымъ воиномъ арматы святой вѣры, и былъ прикомандированъ къ сводному конному отряду волонтеровъ. Лагоцъ, узнавъ отъ ополченца настоящее имя Микеле, не вдругъ рѣшился принять его; но мрачный ручался за своего стараго знакомца, и Пецца съ двумя товарищами повѣсили снова палаши на бедра и, заткнувъ за кушаки пистолеты, скоро прослыли первыми наѣздниками въ отрядѣ. Безпутный Матчи страшно надоѣлъ Микеле; повстрѣчавшись неожиданно съ старшимъ братомъ (импровизаторомъ, пѣсня котораго подняла свалку на ярмаркѣ), онъ, воротившись изъ погони за калабрезцомъ, съѣздившимъ его хлыстомъ по шляпѣ, не сыскалъ Пец-

гі, какъ ни носился съ дороги на дорогу на рыжемъ скакунѣ своемъ; импровизаторъ точно канулъ въ воду; съ этой встрѣчи Николо сталъ пить еще сильнѣе—съ горя ли, или думая виномъ усилить работу мозга для разрѣшенія мучительныхъ недоумѣній о судьбѣ своего родственника; маркиза, своего узника, онъ мучилъ ежедневно допросами, освободивъ впрочемъ отъ веревки, но держа все-таки въ заперти то въ чуланѣ, то въ погребѣ; но плѣнникъ зналъ не болѣе самого Николо объ остальныхъ членахъ несчастной семьи. Маркизъ предлагалъ выкупъ, думая написать княгинѣ, но Матчи, дѣлавшійся день ото дня мрачнѣе и раздражительнѣе, не соглашался ни на что; противъ выкупа былъ и Пецца, такъ какъ дѣло о похищеніи маркиза ди-Сальма сдѣлалось слишкомъ извѣстно въ Италіи; о немъ было даже печатано въ мѣстныхъ газетахъ. Переѣзжая изъ одного притона въ другой, бандиты таскали плѣнника съ собою, иногда пѣшаго, иногда въ повозкѣ, или посадивъ, со связанными руками, прямо на спину запасной лошади. Въ одинъ изъ такихъ переходовъ, ночью, разбойники наткнулись неожиданно на полуэскадронъ драгунъ, посланный для развѣдыванія комиссіею, производившею слѣдствіе; драгуны, замѣтивъ плѣнника, отъѣхали и окружили цѣпью обробѣвшихъ сначала разбойниковъ; драгуны боялись кинуться прямо, зная, что бандиты подстрѣлятъ плѣнника; спѣшившись, солдаты поползли врознь по кустамъ съ ружьями, но бандиты, замѣтивъ это, пустили лошадей и съ крикомъ и выстрѣлами прорвались сквозь цѣпь. Матчи на своей лошади везъ плѣнника, перекинувъ черезъ сѣдло передъ собою; драгуны кинулись въ погоню; откуда-то появилась сотня жандармовъ на свѣжихъ лошадяхъ и тоже пустилась за разбойниками; лошади послѣднихъ, и особенно конь Матчи съ двойною ношею, выбились изъ силъ; жандармы нагоняли; подлетѣвъ къ утесистому обрыву, на днѣ котораго бѣжала рѣчка, разбойники пришпорили лошадей и исчезли, почти передъ глазами налетѣвшихъ жандармовъ; чей-то слабый стонъ, храпъ лошадей, барахтавшихся въ водѣ, внизу обрыва, доказывали, что они ринулись почти съ трехъ-саженнаго берега; жандармы, не зная мѣстности, поскакали отыскивать дорогу въ объѣздъ, спустились на разсвѣтѣ къ ручью, но бандитовъ и слѣдъ простылъ; на другомъ берегу лежалъ мертвый рыжій конь, а на холмѣ, на сухомъ деревѣ, мотался на веревкѣ исхудалый трупъ маркиза; вѣтеръ игралъ полами длиннаго, гороховаго сюртука; за обшлагъ была засунута

какая-то бумага (паспортъ его, какъ оказалось послѣ). Жандармы, крестясь, сѣли на лошадей и, оставивъ человѣкъ двадцать сторожевыхъ, поѣхали съ грустнымъ донесеніемъ въ мѣстечко, гдѣ квартировала слѣдственная комиссія. Это случилось передъ отъѣздомъ Пецца и Матчи съ дядею изъ Калабріи.

Лагоцъ, знавшій по слухамъ о Пецца, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ его спутникѣ, отрекомендовавшемся ему авантюристомъ, бѣжавшимъ изъ французской арміи; въ лагерь ополченцевъ являлись поминутно новые ратники; нѣкоторыхъ, даже изъ офицеровъ, Лагоцъ зналъ только по имени; Матчи онъ видѣлъ всего два раза: въ первый, когда онъ являлся къ нему вмѣстѣ съ Пецца, въ другой на маневрахъ, гдѣ Николо очаровалъ его своей ѣздой и ловкостью, въ качествѣ адъютанта Пецца. Пецца бывалъ чаще у генерала и даже подавалъ не разъ совѣты о запасѣ провизіи, закупкѣ лошадей и тому подобномъ; въ измѣну, въ предательство Лагоцъ не хотѣлъ вѣрить, несмотря на предостереженія друзей и слухи, что голова его оцѣнена, и довольно высоко, непріятелемъ. «Я не скрываюсь; у меня бываютъ всѣ, кому есть до меня нужда; ѣзжу одинъ... Меня могли бы давно взять живаго, еслибы былъ заговоръ», говорилъ онъ, подтрунивая надъ опасеніями друзей и, между прочимъ, Ратманова. «И вы-то, лейтенантъ, вы, сама честность», говорилъ онъ послѣднему, «способны къ подозрѣніямъ и сомнѣнію въ людяхъ». Джованни, бывшій неотлучно при Лагоцѣ, избѣгалъ встрѣчъ съ Николо Матчи, находившимся, впрочемъ, сначала большею частію въ лагерѣ, а потомъ переселившимся вмѣстѣ съ Пецца на житье въ развалины зàмка; къ этому переселенію вынудила Пецца болтливость и придирчивость, напивавшагося ежедневно, Николо; Пецца боялся, какъ бы ихъ не узнали въ лагерѣ, благодаря болтливости неосторожнаго товарища. Черезъ мѣсяцъ послѣ прибытія удальцовъ къ Лагоцу назначена была новая осада Анконы при помощи русско-турецкой эскадры и прибывшихъ австрійскихъ отрядовъ; шумный разговоръ въ круглой залѣ развалины шелъ часа за три до начала осады; ополченіе, русскіе съ лейтенантомъ Ратмановымъ, неотлучно находившимся послѣднее время при Лагоцѣ, и австрійскій отрядъ расположились около укрѣпленій, окружавшихъ крѣпость; шелъ слухъ, что осажденные французы нуждаются въ провіантѣ и думаютъ сдѣлать, во время атаки, вылазку; когда Пецца съ своими гостями спустилс-

съ горы, на которой стоялъ зàмокъ, Николо подъѣхалъ къ нему и сказалъ, что онъ заѣдетъ, на минуту, на ближній бивакъ перемѣнить непривычную къ выстрѣламъ лошадь. Пецца, посовѣтовавъ ему не напиваться, поѣхалъ шагомъ по болоту къ одному изъ фортовъ, гдѣ выставленъ былъ его отрядъ. Николо рысью поскакалъ влѣво кустарникомъ.

Вдали свѣтились, сквозь дождь и темноту, огоньки крѣпости; изрѣдка молнія словно отворяла темный небосклонъ, озаряя на мгновеніе крѣпость и форты. Къ Николо скоро пристали два всадника, поджидавшіе его въ кустахъ. Повернувъ еще лѣвѣе, всадники выѣхали изъ кустовъ на площадку; на ней дымился потухающій костеръ, стоялъ десятокъ лошадей; около огня сидѣли и стояли, завернувшись въ плащи, ополченцы.

— Кто ѣдетъ? окрикнулъ ѣдущихъ часовой.

— Свои... Amici, отвѣчалъ Николо, спрыгнувъ съ лошади.— Что новаго?

— Да вотъ одна новость, отвѣчалъ толстый ополченецъ, лежавшій у костра съ трубкою.—Льетъ точно на собаку. Скоро ли мы бросимъ это чортово болото?

— Погоди, отвѣчалъ одинъ изъ прибывшихъ, распахнувъ плащъ.—Долго ждали, а теперь дѣло къ концу.... Авось сегодня порѣшимъ, и тогда во-свояси, домой, прибавилъ онъ, отдавая лошадь одному изъ ратниковъ и подходя къ огню.

Пріѣхавшій былъ дядя Матчи, знакомый уже читателю.

— Какое это дѣло? началъ опять лежащій толстякъ, поворачиваясь спиною къ огню.—Эти дѣла пусть дѣлаютъ помѣшанные адвокаты, въ родѣ давишняго вашего ученаго; «patria, libertà»— только и рѣчей у этихъ попугаевъ. Да чортъ ли въ этой cara patria, если въ ней некого мнѣ грабить? Ради этой libertà сидѣть мѣсяцъ на протухлой палентѣ и запивать ее здѣшнею кислятиной! Чортъ бы ихъ дралъ съ эдакою свободой. Терять, вотъ, хоть бы эдакую прекраснѣйшую ночь, лежа безъ всякаго занятія подъ дождикомъ. Нѣтъ, другой разъ не зазовутъ меня на эту удочку.... Отъ однихъ комаровъ можно съ ума сойдти въ этой трясинѣ, закончилъ онъ, хлопнувъ себя по лицу закорузлою, не гнущеюся ладонью.

Николо и дядя расхохотались.

— Я завтра же уѣду, какъ вы хотите тутъ, продолжалъ толстякъ, повернувшись лицомъ къ огню, разведенному ярче ополченцами.

— Погоди, вмѣстѣ.... Намъ съ тобой по дорогѣ, замѣтилъ дядя.

— Да, чортъ васъ дождется тутъ, отвѣчалъ толстый.—Я, братъ, не адвокатъ, не военный. Что мнѣ тутъ дѣлать съ вами? Я.... Мнѣ если нѣтъ большой дороги, проѣзжающаго съ мало-мальски начиненнымъ кошелькомъ, я боленъ, самъ не свой, не человѣкъ.... Пропадай всѣ эти ваши liberta! Мнѣ нужно что?—Нужно занятіе, нужно существенное: жизнь,—такъ чтобы была жизнь, висѣлица,—такъ висѣлица. А это...., закончилъ онъ со вздохомъ человѣка, разстроившаго свое здоровье на пути безкорыстнѣйшаго служенія неблагодарнымъ соотечественникамъ.

— Терпѣніе; воротишь свое, замѣтилъ Николо, отводя подъ руку дядю отъ костра и начиная шептаться съ нимъ.

— Когда еще воротишь; а тутъ вѣдь пропадаетъ невозвратно золотое время въ праздности, которая, какъ насъ учили еще въ школѣ, есть мать пороковъ, грустно отвѣчалъ толстякъ, поправляя, отъ нечего дѣлать, сучья въ кострѣ.

Матчи доказывалъ что-то шепотомъ дядѣ, чесавшему себѣ молча рыжую бороду; лошади, связанныя вмѣстѣ поводьями, качали мокрыми головами, какъ бы въ подтвержденіе справедливости словъ толстяка о праздности и тратѣ золотаго времени; остальные, человѣкъ десятокъ, молчали, завернувшись въ плащи и поёживаясь отъ сырости; трое храпѣли подъ кустами.

Матчи присѣлъ къ костру; дядя сталъ перетягивать подпругу у своей лошади.

— Тебѣ бы только грабить, замѣтилъ Николо.

— А что же дѣлать-то еще? отвѣчалъ толстякъ, взглянувъ на Матчи взглядомъ человѣка, котораго вздумали убѣждать, будто дважды-два—пять, а не четыре.—Не буду я грабить, меня ограбятъ.... Всѣ грабятъ.... Вотъ хоть бы ты вчера разсказывалъ, отецъ твой.... Кто онъ былъ? Виконтъ, богачъ? Развѣ онъ не грабилъ? Это, какъ мнѣ тебѣ сказать, это—законъ природы.

Вдали взвилась ракета, и черезъ минуту грянула пушка вдали.

— Первая, замѣтилъ, закашлявшись, Матчи.—Время ѣхать. E tempo.

— Да ѣхать ли? Не навострить ли, по-здорову, лыжи? отвѣчалъ толстякъ.

Надъ головою у сидящихъ прогудѣло ядро; всѣ примолкли на секунду и поглядѣли на небо.

— Право, такъ, mio caro, продолжалъ, приподнявшись, толстякъ. — Ты подумай: что за охота подставлять голову вотъ подъ эдакія вещи?

Николо ничего не отвѣчалъ и, подумавъ нѣсколько минутъ, опять подошелъ къ дядѣ, все еще возившемуся около лошади; ополченцы стали тоже подыматься, позѣвывая и потягиваясь; въ темнотѣ, въ разныхъ сторонахъ, засвѣтились синіе, красные, зеленые огни, служившіе маяками для разбросанныхъ по долинѣ отрядовъ.

— На коней, крикнулъ Николо своимъ сиплымъ голосомъ.

Отрядъ зашевелился; толстякъ полѣзъ на свою тощую гнѣдую лошадь, ворча себѣ подъ носъ:

— Libertà, patria, это все выдумано трусами, которые не умѣютъ зарядить, какъ слѣдуетъ, пистолета, а кричатъ, что надо биться, стоять.... Ну, куда мы? спросилъ онъ, обращаясь къ Матчи и косясь на взвившееся въ вышинѣ другое ядро, послѣ глухо стукнувшаго выстрѣла.

На крѣпости начали мелькать огоньки выстрѣловъ; батареи ополченцевъ тоже загудѣли въ отвѣтъ; съ моря загрохотала русская эскадра.

— Ѣдемъ, произнесъ Николо, вскочивъ на лошадь.

Отрядъ тронулся мелкою рысью; мимо него, какъ серна, вырвавшись изъ кустовъ, пролетѣлъ во весь опоръ всадникъ. Матчи остановился, посмотрѣлъ на своихъ: «это кто? Это не изъ нашихъ». Сказавъ это, онъ пустилъ-было лошадь вслѣдъ за пролетѣвшимъ незнакомцемъ, но скоро вернулся и прорычалъ сквозь зубы: «удралъ, corpo di diavolo.... А штука дрянь.... Онъ подслушивалъ».

— Слушай, Николо.... Ну васъ къ чорту и съ деньгами. Я ворочусь, говорилъ, подъѣзжая къ Матчи, толстякъ.—Ты посуди,—ну, кто отдастъ остальныя въ этой сумятицѣ? Гдѣ мы отыщемъ этого фараона? Такъ вотъ и пришелъ онъ къ намъ разсчитываться. Или отдай ты изъ своихъ мое, а ты получи съ нихъ. Вѣдь это, согласись, безбожно—вести человѣка, не обезпечивъ ничѣмъ, на вѣрную смерть, въ эдакій адъ кромѣшный, добавилъ онъ чуть не сквозь слезы, указывая на канонаду, превратившуся въ сплошной грохотъ.—А?.. Николо? повторилъ онъ во всю мочь, предполагая, что Матчи не слыхалъ его рѣчи отъ пушечнаго грохота.

— Убирайся къ чорту.... Если ты еще заикнешься, я тебѣ размозжу голову, сердито отвѣчалъ Николо, приподымаясь на стременахъ и вглядываясь вдаль вмѣстѣ съ дядею. — Пошли? спросилъ онъ, взглянувъ на дядю.

— Нѣтъ еще. Прибавимъ ходу, отвѣчалъ дядя.

— Рысью, скомандовалъ Матчи.

Отрядъ поѣхалъ рысью, шлепая по грязи.

— Что-жь, размозжить голову не долго, говорилъ жалобнымъ голосомъ толстякъ, подпрыгивая на сѣдлѣ сзади отряда.—Погубить человѣка долго ли? Но что-жь, честно ли это?

Въ это время съ горы, отъ одного изъ укрѣпленій, лавою покатились полки; Матчи далъ шпоры лошади, крикнулъ впередъ, и отрядъ понесся къ укрѣпленію, откуда вышло войско; толстякъ поскакалъ тоже, продолжая ругаться и ворчать.

— Сюда, за мной! кричалъ Николо, оглядываясь на спутниковъ, начинавшихъ задерживать лошадей по мѣрѣ приближенія къ форту.—Шпоры.... Что же вы? кричалъ Николо.

Но изъ отряда кто-то выстрѣлилъ; съ Николо слетѣла шляпа.

— Эге!... Что-жь это? замѣтилъ озадаченный Николо.

— Что?... По насъ свои стрѣляютъ, отвѣчалъ дядя, нагнавъ его.

Отрядъ отсталъ; Николо и дядя остановились.... Войска, сбитыя въ долину, кинулись съ криками и выстрѣлами на французскій полкъ, бѣжавшій отъ крѣпости. Матчи и дядя, переглянувшись, понеслись къ мѣсту сраженія.

— Вотъ они, крикнулъ чей-то дѣтскій голосъ, когда они осадили лошадей, и толпа ополченцевъ и русскихъ матросовъ окружила Николо и дядю. Затѣмъ подлѣ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и мимо толпы лошадь пронесла, склонившійся на гриву, трупъ Джованни.

Битва разгоралась; стонъ и крики, по временамъ, вырывались изъ-подъ тяжкаго гула канонады; ружейные выстрѣлы хлопали тамъ и сямъ; въ толпѣ конныхъ показался Лагоцъ.... Николо и дядя ринулись-было, но ополченцы и нѣсколько матросовъ повисли на нихъ, схвативъ того и другаго за руки.

Черезъ четверть часа матросы несли раненаго Лагоца на плащахъ; рядомъ ѣхалъ Ратмановъ. Французы начали отступать съ выстрѣлами къ городу; канонада поутихла. Николо, сойдя съ лошади, ругался съ арестовавшими его ополченцами, говоря, что они отвѣтятъ за это. Отъ проѣзжавшаго мимо отряда волон-

теровъ отдѣлился всадникъ; увидавъ Николо, онъ кинулся на него сквозь стражу и ударомъ кинжала опрокинулъ на землю; озадаченная стража кинулась-было на него, но всадникъ соскочилъ съ коня и, крикнувъ: «измѣнникъ», однимъ махомъ турецкаго кинжала распоролъ горло Матчи, сѣлъ на лошадь и ускакалъ, прежде нежели успѣла опомниться стража. «Кто это? Что такое?» заговорила толпа, собравшись надъ трупомъ. «Откуда онъ взялся? Кто это?»

— Пецца, отвѣчалъ дядя, которому скручивали въ это время назадъ руки, стащивъ съ лошади, три русскіе матроса.

— Вотъ эдакъ-то вѣрнѣе, замѣтилъ одинъ изъ моряковъ, окончивъ операцію и высморкавшись.—Крѣпокъ ли узелъ-то?

— Не вырвется; не бойся, отвѣчалъ другой.

— Пецца? Какой Пецца? Неужто Микеле? говорили съ ужасомъ въ толпѣ.

Молва о подвигахъ бандита долетѣла и до Анконы.

— А то какой же? Микеле Пецца, Фра-діаволо, отвѣчалъ связанный, покосившись на окровавленный трупъ племянника.

Толпа повела плѣнника къ укрѣпленію; изрѣдка жужжали пули; вдали гремѣлъ громъ и сверкала молнія; пушки продолжали палить изрѣдка; на небосклонѣ показалась полоска зари. Отрядъ, ведшій связаннаго, догналъ повозку, на которой везли Лагоца; рядомъ шелъ русскій врачъ, толкуя вполголоса съ ѣдущимъ подлѣ, верхомъ, Ратмановымъ. Больной слабо стоналъ и поминутно звалъ къ себѣ Ратманова.

— Не говорите, ради Бога, говорилъ ему по-французски докторъ.

Повозка иногда останавливалась; врачъ поправлялъ повязки.

— Ну что? спрашивалъ врача Ратмановъ.

Докторъ молча пожималъ плечами. Поднявшись къ укрѣпленію, больнаго внесли въ каменный, крестьянскій домъ и уложили въ постель; онъ начиналъ бредить, по временамъ, очнувшись, бралъ за руку Ратманова и говорилъ про какую-то «страшную измѣну» и «что онъ ему обязанъ тѣмъ, что живъ и не въ плѣну у непріятелей». Къ полудню бредъ усилился; перевязки поминутно сползали съ ранъ пулями и штыками, которыми былъ усѣянъ больный. Въ сѣняхъ стояли начальники ополченій, поминутно освѣдомляясь отъ выходившихъ изъ комнаты о состояніи больнаго; вечеромъ, часовъ въ шесть, вышли оттуда Ванни и Ратмановъ; Ванни зарыдалъ, опустившись на каменныя перила крыльца; Ратмановъ не плакалъ, но былъ блѣденъ, какъ полотно.

— Что, кончено? спросилъ кто-то, отворивъ дверь въ комнату.

— Скончался, отвѣчалъ врачъ, приложивъ руку къ головѣ отшедшаго.

На другой день, часовъ въ шесть сіяющаго октябрскаго утра, около Casa santa (церкви Богоматери), въ Лоретто, стояла громадная толпа народа; тутъ были и крестьяне въ изорванныхъ соломенныхъ шляпахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ и въ обуви, похожей на сандаліи, и ополченцы въ своихъ плисовыхъ курткахъ, съ стиллетами за пестрымъ кушакомъ, и женщины съ маленькими красавцами на рукахъ, напоминающія мадоннъ средневѣковаго итальянскаго живописца; нѣсколько русскихъ матросовъ толпились въ сторонѣ въ своихъ толстыхъ холщевыхъ рубахахъ; среди толпы расхаживали монахи съ кружками въ коричневыхъ суконныхъ рясахъ; мущины стояли съ понуренными, обнаженными головами; говора не было; нѣкоторые плакали, другіе поглядывали на широкія, растворенныя двери собора, думая, нельзя ли какъ пробраться въ церковь; но выходившіе оттуда сообщали, отирая потъ съ лица, что «тѣснота и давка страшная и нѣтъ силъ стоять отъ жары». Нѣсколько крестьянскихъ дѣвушекъ разглядывали съ любопытствомъ ополченцевъ-артиллеристовъ, стоявшихъ на площади, подлѣ орудій. «Ecco i canoneri», объясняла одна изъ дѣвушекъ мальчику лѣтъ четырехъ, державшемуся за ея кружевной передникъ; мальчикъ глядѣлъ своими черными глазами то на блестящія мѣдныя дула орудій, то на палаши и ботфорты пушкарей, охорашивающихъ коней. За артиллеріей стоялъ спѣшившійся эскадронъ конницы и пѣхотный полкъ съ распущенными, разноцвѣтными, изодранными знаменами; у навершьевъ развѣвались ленты чернаго флера. Вдали надъ городомъ синѣла Адріатика, съ двумя бѣлыми парусами на лазоревой, тихой морской поверхности; вокругъ собора рѣяли стрижи и ласточки; изъ церкви, по временамъ, вмѣстѣ съ запахомъ ладана, неслись печальные, мощные аккорды органа и голоса пѣвцовъ и пѣвицъ. Изъ дверей собора выходилъ, пробираясь сквозь толпу, Ратмановъ; онъ былъ въ полной формѣ и въ орденахъ.

— Жарко въ церкви... И обѣдню ужасно тянутъ патеры, обратился онъ къ шедшему подлѣ него, широкоплечему человѣку

въ коричневой, вытертой курткѣ въ чулкахъ и башмакахъ, съ широкою шляпой въ рукѣ, какъ одѣваются и теперь въ Калабріи и около Рима поселяне.

Спутникъ ничего не отвѣчалъ; но, выдравшись изъ толпы вмѣстѣ съ лейтенантомъ и заложивъ назадъ руки, произнесъ по-итальянски: «кто могъ этого ожидать? Можно ли было думать, что дѣло, такъ блистательно начатое, кончится ничѣмъ, оборвется сразу?»

Ратмановъ пожалъ плечами и задумчиво уставился глядѣть въ даль синѣющаго моря. Широкоплечій сложилъ на груди руки; слезы катились по его загорѣлому, широкому лицу на рѣденькую бороду; губы дрожали; видно было, что онъ огорченъ глубоко.

— Во всякомъ случаѣ о васъ, русскихъ, лейтенантъ, мы сохранимъ самое отрадное воспоминаніе, проговорилъ, отирая слезы, широкоплечій.—Васъ, лейтенантъ, любилъ горячо покойный.

— Да; мы какъ-то сошлись... Одинаковость воззрѣній, подтвердилъ, продолжая глядѣть въ даль, тоже по-итальянски, Ратмановъ.—Я самъ любилъ, да и нельзя было не любить его. Но вы, signor Henrico, вы что думаете дѣлать? спросилъ лейтенантъ, взглянувъ на собесѣдника.—Вѣдь съ вашимъ даромъ говорить съ народомъ, пѣсней зажигать сердца—вамъ непростительно оставаться хладнокровнымъ созерцателемъ бѣдствій родины?

Широкоплечій грустно разсмѣялся.

— Пѣсня... Да она ли, началъ онъ,—она ли зажигала? Зажигалъ онъ... Его имя подымало народъ. Я отъ него, какъ изъ очага, несъ эти угли... Безъ него они потухли, никого не зажгутъ. Да что бы вышло, еслибъ и зажгли? Вокругъ кого теперь,—вы знаете всѣхъ насъ,—вокругъ кого сберется этотъ беззащитный, ограбленный народъ, лишенный помощи? Съ нами нѣтъ никого, нѣтъ русскихъ, единственныхъ, я вамъ не льщу, безкорыстныхъ друзей Италіи. Нѣтъ, лейтенантъ, теперь молчаніе, silenza... Я, продолжалъ онъ, одушевляясь болѣе и болѣе,—я съ дѣтскихъ лѣтъ полюбилъ этотъ народъ; я самъ простолюдинъ; мать моя была крестьянка... Можетъ-быть, кровь говоритъ и говорила во мнѣ. Я учился съ цѣлію служить народу, я изучалъ враговъ его; питая ненависть къ этому врагу, я притворялся годы, чтобъ изучить, анатомировать врага, узнать, какъ и чѣмъ бить его. Въ Парижѣ встрѣтился я съ Лагоцемъ; мы съ тѣхъ поръ не разставались... Онъ дѣйствовалъ мечомъ, я словомъ, исходивъ всю, изъ конца въ конецъ, Италію... Народъ

мнѣ замѣнилъ семью. Вотъ этотъ мальчикъ, заслонившій грудью вождя, мой родной братъ.

— Да, не прискачи Джованни, намъ трудно было бы спасти генерала, замѣтилъ Ратмановъ, желая хоть этимъ утѣшить огорченнаго.

— Да... Но другой... Этотъ Іуда, заговорилъ, сжавъ кулаки, поэтъ.—Джованни... Я думалъ, что нѣтъ давно его на свѣтѣ, и вдругъ встрѣчаю въ ополченіи... Тотчасъ же передалъ я его Лагоцу. Мальчикъ былъ, вы его знали, огненный. Я думалъ: «вотъ не станетъ насъ, будутъ подростки; они поведутъ дѣло». И что-жь, и онъ... И его нѣтъ. Мнѣ тяжко говорить объ этомъ... Нѣтъ, лейтенантъ, значитъ, время не пришло. Это урокъ намъ всѣмъ. Урокъ, поученіе. Мы надѣялись на свои силы, позабывъ, что есть другая сила, безъ которой, право, безсиленъ человѣкъ. Если Онъ не созиждетъ домъ, всуе работали трудившіеся.

Протяжный звонъ и повалившая изъ церкви толпа дали знать, что месса кончилась; лейтенантъ и импровизаторъ (это былъ онъ) принялись продираться въ церковь; посреди храма, на высокомъ, черномъ катафалкѣ стояли два гроба, увѣшанные свѣжими цвѣтами; надъ головою Лагоца висѣли распущенныя знамена; Ратмановъ и поэтъ подошли прощаться сначала съ Лагоцемъ, а потокъ съ Джованни; мальчикъ лежалъ какъ живой, подъ лавровымъ вѣнкомъ и букетами, которые то и дѣло клали на его гробъ, толпившіяся вокругъ, дѣвушки и молодыя женщины.

Наконецъ, гроба заколотили; Ратмановъ и ополченцы понесли гробъ Лагоца; импровизаторъ плакалъ, поддерживая то гробъ Лагоца, то приближаясь къ гробу Джованни; за церквою грянулъ похоронный маршъ, войска опустили знамена и ружья и, процессія потянулась къ кладбищу; за гробомъ вели воронаго коня Лагоца; сзади, за толпою, шли войска и ѣхала артиллерія; гробъ несли на рукахъ, перемѣняясь, ополченцы; дѣвушки усыпали путь впереди цвѣтами и зеленью.

Съ часъ почти шла процессія до кладбища; по совершеніи литіи, гробъ Лагоца стали опускать въ могилу подъ неторопливые, грустные выстрѣлы орудій, стоящихъ за оградою. Русскій фрегатъ, появившійся на морѣ, опустилъ флаги и салютовалъ нѣсколькими выстрѣлами; гробъ Джованни тихо опустили въ могилу рядомъ съ вождемъ, за котораго онъ положилъ свою юную душу. Поэтъ, взойдя на могилу Лагоца, сталъ-было говорить рѣчь, но слезы помѣшали; онъ зарыдалъ и, пророчески, закон-

*

чилъ рѣчь словами: «година бѣдъ пройоетъ, и скоро, для Италіи... Ты не падешь, возстанешь, будешь красоваться матерь! Терпи, перенеси безъ ропота тяжелыя утраты».

Ma allor, un popolano
Per salvarti, s'alzerá,
E dall suolo italiano,
Dall' amato suol romano
I stranieri scacciera!

—

(Тамъ, гдѣ искра, будетъ пламя.
Madre! Туча пролетитъ.
И свободы сынъ твой знамя
Въ Римѣ «вѣчномъ» водрузитъ).

БОГАТЫРИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

По мерзлой, шишковатой дорогѣ, въ ноябрское морозное утро, подходили къ Прагѣ два русскихъ пѣхотныхъ полка; позади ихъ, на разношерстныхъ, худыхъ лошадяхъ, тянулось нѣсколько орудій; вдали, сквозь синеватую мглу ранняго осенняго утра, темнѣли башни и дома города; покрытые инеемъ деревья и кусты, по сторонамъ дороги, блестѣли точно серебряные на утреннемъ, едва проглядывавшемъ сквозь туманную мглу, солнцѣ. Солдаты ежились, подувая въ кулаки, въ своихъ оборванныхъ, намокшихъ и стоявшихъ коломъ отъ мороза, шинелишкахъ; на нѣкоторыхъ изъ офицеровъ, ѣхавшихъ верхами и шагавшихъ пѣшкомъ подлѣ дороги, вмѣсто шинелей были венгерки, статскія бекеши; шляпы у многихъ тоже замѣнены были неформенными картузами и мѣховыми шапками. По этому разнохарактерному наряду жители городковъ и мѣстечекъ, которыми проходили полки, сразу узнавали героевъ Урзерна и С.-Готарда; нѣмцы встрѣчали ихъ нерѣдко громкимъ «lebe hoch»; отъ этого, конечно, не теплѣе было солдатамъ, но ихъ обогрѣвала мысль, что скоро, можетъ-быть, они будутъ на родинѣ; «въ гостяхъ хорошо, а дома лучше», есть русская пословица.

Даже у разскащика становится какъ-то свѣтлѣе, теплѣе на душѣ при мысли, что, наконецъ, доводится ему, оставивъ снѣжныя вершины, описывать менѣе картинную, но болѣе близкую сердцу свою родную природу.

Завидя городъ, полки остановились; офицеры и солдаты при-

нялись оправляться, чиститься; бекеши и венгерки были сброшены и сданы деньщикамъ для помѣщенія въ обозъ, тянувшійся далеко сзади; солдаты между шутками припоминали товарищей, оставшихся навсегда въ горахъ и равнинахъ, но были довольно веселы; хвастливыхъ рѣчей, разсказовъ о своемъ геройствѣ не было. Промолвись кто-нибудь о своихъ личныхъ подвигахъ, о своихъ доблестяхъ, народъ нашъ тотчасъ подниметъ на зубокъ молодца, обзоветъ такимъ прозвищемъ, отъ котораго непоздоровится, осмѣетъ, какъ только можетъ осмѣять русскій.

Катеневъ ѣхалъ подлѣ одного изъ орудій на высокомъ, ворономъ французскомъ конѣ, опять рядомъ съ Сергѣевымъ. Онъ былъ оправданъ передъ военнымъ судомъ; отрядъ его спасся, исключая четверыхъ убитыхъ; швейцарецъ-проводникъ былъ раненъ въ руку пулею, но дотащился съ солдатами до русскаго лагеря, находившагося верстахъ въ пяти отъ схватки. Катеневъ былъ прикомандированъ къ отряду до Праги въ качествѣ переводчика, какъ знающій, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, нѣмецкій языкъ; въ отрядѣ случайно встрѣтилъ онъ Сергѣева и не разлучался съ нимъ.

— А помните, въ за́мкѣ-то ночевали на великую субботу? припоминалъ Сергѣевъ, улыбаясь и подергивая поводья своего худаго, сѣраго, поминутно спотыкавшагося коня.—Но ужь хуже этого,—какъ его? Рингенкопфъ, что ли?—кажется, и не выдумаешь, говорилъ онъ.—Снѣгъ по поясъ, мятель, свѣта Божьяго не видать. Какъ это насъ оттуда Господь вынесъ!

Катеневъ былъ задумчивъ; онъ все еще не могъ опомниться отъ радости, что такъ легко и скоро избавился отъ плѣна; поглядывая на идущихъ по дорогѣ солдатъ, на ѣздовыхъ, покачивающихся на своихъ тощихъ клячахъ, онъ думалъ иногда: ужь не снится ли ему все это? Общій обмѣнъ плѣнныхъ еще не начинался, благодаря медлительности вѣнскаго гофкригсрата, и поручикъ обязанъ былъ своимъ освобожденіемъ Милорадовичу.

— А вотъ, Богъ дастъ, Россію-то увидимъ, Петръ Тимоѳеичъ, толковалъ Сергѣевъ.—Вотъ будетъ праздникомъ праздникъ; въ церкви Божіей опять побываемъ, звонъ услышимъ.... Вѣдь вотъ звонятъ, говорилъ онъ, кивая головою на городъ, гдѣ загудѣли колокола, вѣроятно къ обѣднямъ,—а противъ нашего звона, сравните, ничего такого нѣтъ. У насъ зазвонятъ на Руси—ужь истинно благовѣстъ.

Проговоривъ это, Сергѣевъ спряталъ голову въ высокій во-

ротникъ французскаго синяго плаща, купленнаго въ Аугсбургѣ у казака, и задумался. Чего, чего не рисовала въ его кроткой душѣ дума объ отдаленной родинѣ; и не одни офицеры, но и солдаты были не разговорчивы; всѣхъ уносило воображеніе впередъ, на родину. «Живъ ли такой-то, жива ли она? Гдѣ-то и какъ я съ ними встрѣчусь?» думалось каждому, и у всякаго на душѣ создавалась своя картина.

Такъ нашъ морозъ выводитъ на стеклѣ загадочные, чудные узоры: тутъ и ландшафтъ, точно бы гдѣ-то видѣнный, знакомый съ дѣтства, и кучи звѣздъ, разсыпавшихся будто такъ, случайно, по стеклу, а между тѣмъ сочетавшихся во что-то художественное, законченное, цѣлое. И слышится созерцателю непреложный законъ, по которому сочетались на озаренномъ утреннимъ солнцемъ стеклѣ эти охваченныя зимнимъ холодомъ частицы влаги. «Воображеніе, мысль, память, чувство, чувство, мысль», повторяемъ мы ежедневно; а есть ли возможность прослѣдить, какъ онѣ поминутно взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, и какъ, и почему, подобно этимъ каплямъ влаги на стеклѣ, кристаллизуются на душѣ загадочные и разнообразные, а между тѣмъ свои, близкіе, дорогіе образы.

— Такъ вы мнѣ не совѣтуете проситься въ вашу роту, вообще думаете лучше подождать, куда назначатъ? спросилъ Катеневъ.

— Лучше подождите, отвѣчалъ Сергѣевъ.—Вы то подумайте, что вы человѣкъ грамотный, языки разные знаете; вы нужны не въ строю.... Въ строю,—вотъ хоть бы я,—я никуда больше не гожусь.... Учился на мѣдныя деньги. А вы понадобитесь, можетъ, на дѣла поважнѣе.... Положитесь на князя: онъ найдетъ, куда васъ пристроить, окончилъ Сергѣевъ.

Катеневъ замолчалъ; онъ всю дорогу начиналъ объ этомъ разговоръ съ Сергѣевымъ: ему хотѣлось одиночества, труда; шумная жизнь фельдмаршальской квартиры, пиры въ городахъ, многолюдье были ему не по душѣ, какъ несчастливцу веселый громъ оркестра, блещущій огнями залъ съ сіяющими лицами красавицъ и модныхъ щеголей. Точно съ сокровищемъ не разставался онъ съ тяжкою думой о любимой женщинѣ,—думой, растущей, заволакивающей гуще и шире съ каждымъ днемъ безоблачную лазурь молодой души его.

Колеса лафетовъ застучали по мосту; вправо и влѣво синѣла рѣка; полки валили, перейдя мостъ, въ узкую улицу; крыльца высокихъ домовъ, троттуары были усѣяны народомъ.

«Во лѣсахъ ли было....» затянулъ запѣвало.

«Во дремучіихъ....» подставалъ медленно къ одинокому голосу хоръ, и могучая, грустная пѣсня огласила старый славянскій городъ.

«Слава!» кричали жители, махая шляпами.

Пѣсня точно росла, усиленная подошедшими рожечниками, хоромъ втораго полка и артиллеристами; и будто ожили старыя улицы и переулки, откликаясь тамъ и сямъ бубну, рожкамъ и могучему хору.

— Экая пѣсня-то—ась? отзывался Сергѣевъ, понуривъ голову и вслушиваясь въ удалую нотку пѣвца, вдругъ взвившуюся молніей надъ стройнымъ хоромъ.

— Петръ Тимоѳеичъ! Слышите, али нѣтъ? Петръ Тимоѳеичъ! кричалъ сиплымъ голосомъ Аѳанасій, вытягаясь на носкахъ изъ-за толпы и махая ваточнымъ, засаленнымъ картузомъ.—Петръ Тимоѳеичъ!...

Катеневъ остановилъ коня.

— Что вы это, сударь, оглохли что ли? Кричу, кричу.... Пожалуйте.... Куда вы ѣдете? Скажитесь начальству и пожалуйте на квартиру.

— На какую квартиру? спросилъ Катеневъ.

— На фельдмаршальскую.... На какую?!

— Да развѣ я фельдмаршалъ? возразилъ Катеневъ, покраснѣвъ и поглядѣвъ на двухъ проходившихъ мимо офицеровъ.—Ты вѣчно лѣзешь съ своими услугами.... Я прикомандированъ къ отряду... Съ нимъ и остановлюсь, сердито окончилъ онъ и тронулъ лошадь.

— Пожалуйте, вамъ говорятъ. Вы прикомандированы до Праги.... перебилъ Аѳанасій, вынырнувъ изъ толпы.—Его свѣтлость приказалъ.... Вѣдь я не на-обумъ вамъ говорю, а стало-быть..., продолжалъ старикъ, забѣгая впередъ лошади барина,—приказано...

Катеневъ остановился.

— Да вѣдь ты врешь? началъ онъ.

— Помилуйте.... Какъ же я могу врать?... горячился Аѳанасій.—Яковъ Борисычъ послалъ.... Что вы это?

Катеневъ простился съ Сергѣевымъ, попросивъ его зайдти въ главную квартиру или дать знать, гдѣ остановится, откланялся полковнику, командовавшему полками, и поѣхалъ за Аѳанасьемъ.

— Вѣдь ты, вѣроятно, ханжилъ, кланялся? говорилъ Катеневъ.

— Вамъ русскимъ языкомъ говорятъ, приказалъ мнѣ отыскать васъ Яковъ Борисычъ.... Бумаги переводить какія-то велитъ вамъ важныя, толковалъ Аѳанасій, надѣвая картузъ.—Съ трехъ часовъ утра я васъ ждалъ, промерзъ, побѣжалъ въ одномъ сюртучишкѣ, прибавилъ онъ, понюхавъ табаку и откашлявшись.—Сюда, направо, руководилъ онъ, повернувъ на площадку и подходя къ крыльцу высокаго дома, у котораго стояли часовые.—Пожалуйте....

Катеневъ спрыгнулъ съ лошади и сбросилъ епанчу.

— Ну что, конь ничего? спросилъ Аѳанасій, принявъ шинель и взявъ за чумбуръ лошадь.

— Ничего, отвѣчалъ Катеневъ, обдергивая мундиръ и поправляя шпагу.

— Вотъ, видите, а хаяли: «нехороша». Дешево и сердито; вѣдь добрелъ? говорилъ улыбаясь Аѳанасій.—Всѣхъ нищихъ не перещеголяешь. Я ее еще продамъ здѣсь, барыши возьму, продолжалъ онъ, попросивъ вышедшаго изъ воротъ казака поводить лошадь.—Это еще не конь.... Звѣрь, какъ есть, окончилъ онъ, любуясь походкою лошади.

Катеневъ, въ сопровожденіи Аѳанасья, вошелъ въ небольшія сѣни; ефрейторъ что-то внушалъ новымъ часовымъ, прибавляя поминутно къ нравоученію: «слышь, начальство въ случаѣ, а ли самъ выдетъ, такъ того, поаккуратнѣе. Слышишь?» Часовые утвердительно кивали головами, поправляя треуголки и обдергивая новенькіе, выданные передъ Прагою, мундиры.

— Пожалуйте, пригласилъ Аѳанасій барина, говорившаго съ ефрейторомъ.

Отворивъ боковую дверь около парадной, покрытой ковромъ лѣстницы, старикъ ввелъ поручика въ свѣтлую комнату; на разложенномъ ломберномъ столѣ въ порядкѣ разложены были бумаги и дѣла; въ одномъ изъ угловъ весело трещала печка, вышибая вмѣстѣ съ угольками легкій запахъ дыма; изъ полупритворенной двери сосѣдней комнаты пахнуло уксусомъ съ мятою, любимымъ куреньемъ Фукса; ото всей обстановки вѣяло жилымъ, уютнымъ; послѣ похода по грязи, въ худыхъ сапогахъ, подъ дождемъ и изморосью, съ пустымъ иногда желудкомъ, комната глядѣла необыкновенно привлекательно; чтобы знать цѣну домашняго очага, надо годокъ, другой постранствовать.

— Да вѣдь это, должно-быть, квартира Якова Борисыча? замѣтилъ Катеневъ, потянувъ запахъ уксусомъ и поглядѣвъ на бумаги и дѣла, симметрически разложенныя на квадратномъ столикѣ.

— Ихняя. Да чего вы сомнѣваетесь? Вотъ ваша комната, отвѣчалъ дядька, торжественно размахнувъ третью дверь.

Катеневъ вошелъ въ небольшую комнату съ кроватью, столикомъ и коммодомъ; въ одномъ углу были навалены кастрюли, помятый самоваръ и довольно большой котелокъ, въ какихъ артели варятъ кашицу.

— Это что? спросилъ поручикъ.

— Хозяйственныя вещи, отвѣчалъ, нѣсколько смутившись, Аѳанасій.—Нельзя же....

— Ну ужь это все бери, куда хочешь. На кой мнѣ чортъ кастрюли, самоваръ, да вонъ еще котелъ какой-то, вспыливъ говорилъ поручикъ, распихивая носкомъ сапога посуду.

Аѳанасій разгорячился.

— То-есть вы несообразнѣйшій человѣкъ, Петръ Тимоѳеичъ, какъ есть несообразнѣйшій! началъ онъ, принявъ трагическую позу.—Что жь, продать все это за безцѣнокъ, а тамъ покупать опять въ три-дорога? Еще походъ не малый впереди.... Какъ безъ хозяйства?

— Да гдѣ ты досталъ всю эту дрянь?

— Купилъ у солдатъ, отвѣчалъ Аѳанасій.—Деньги, чай, плачены. Извольте, я продамъ. А не возьметъ васъ князь съ собой, поѣдете съ штабомъ, кушать не просите, такъ и отвѣчу: «нѣтъ, сударь, ничего». Пойдемъ по деревнямъ, по жидовскимъ мѣстечкамъ, тамъ трактировъ нѣтъ,—питайтесь воздухомъ.

На окнѣ Катеневъ замѣтилъ разогнутаго Ринальдо-Ринальдини; на книгѣ лежали мѣдныя очки Аѳанасья. Переодѣвшись и перемѣнивъ промокшіе ботфорты, поручикъ посмотрѣлъ въ окно, выходившее въ садъ съ обледѣнѣлыми деревьями, и вышелъ въ залу; дверь изъ сосѣдней другой комнаты отворилась и единовременно съ Катеневымъ въ залу вошелъ высокій, не старый человѣкъ въ темномъ кафтанѣ, украшенномъ сардинскимъ крестомъ, съ портфелемъ подъ мышкою; за нимъ шелъ русскій, низенькаго роста полковникъ, незнакомый Катеневу. Поправивъ свое бѣлое жабо, оттѣнявшее широкое, добродушное, необыкновенно тщательно выбритое лицо, статскій, посмотрѣвъ сквозь золотыя очки на поручика, поклонился и пригласилъ жестомъ сѣсть его и полковника.

— Мнѣ сказали, Яковъ Борисовичъ, началъ, садясь, Катеневъ,— что вы позволили мнѣ остановиться подлѣ васъ, но я боюсь....

— Очень радъ. Ничего не бойтесь, перебилъ хозяинъ, ласково потрепавъ по плечу поручика и принимаясь протирать очки.— Я просилъ, чтобы васъ помѣстили здѣсь. У меня есть для васъ работа, сударь.... Работы, я надѣюсь, вы не боитесь? спросилъ онъ, взглянувъ на Катенева.

Катеневъ почтительно нагнулся.

— Работы—гибель, продолжалъ статскій, обращаясь то къ полковнику, то къ Катеневу,—и при томъ такая, что робѣешь, не знаешь, хватитъ ли силъ....

— У васъ хватитъ, замѣтилъ полковникъ, поправивъ свои сѣдые, не напудренные волосы.

Статскій самодовольно улыбнулся и продолжалъ:

— Грѣхъ Бога гнѣвить, перомъ владѣю; не отбивалось дѣло отъ рукъ, пока; но тутъ вѣдь дѣло-то необычайное.... Ну, вотъ хоть бы реляція о дѣйствіяхъ при С.-Готардѣ? Разъ десять передѣлывалъ.... Я вотъ что пишу, говорилъ онъ, надѣвая очки и подвигаясь къ столу,—въ дневникѣ своемъ. Гдѣ это? Да.... Вотъ, продолжалъ писатель реляцій, открывъ толстую, переплетенную тетрадь.—Я хотѣлъ даже это мѣсто помѣстить въ донесеніе, но князь не приказалъ. Вотъ оно: «великъ Богъ русскихъ. Герой велитъ мнѣ писать реляцію; для сего кисть моя не имѣетъ красокъ. Довольно для потомства: русскіе перешли Альпы! Россія имѣетъ Аннибала. Нѣтъ, Хроносъ! Ты пожираешь дѣтей своихъ, но не проглотишь сего безсмертія».

— Отмѣнно! Экое перо вамъ Господь далъ, проговорилъ, прослезившись, полковникъ.

Писатель улыбнулся и, развернувъ въ другомъ мѣстѣ толстую тетрадь, продолжалъ:

— А вотъ, въ письмѣ къ своимъ, кланяясь Гавріилу Романовичу Державину, пишу я: «переходъ Альповъ достоинъ восторга нашего Барда; ужели онъ не вострубитъ?»

«Ну, доймётъ же онъ меня своимъ краснорѣчіемъ», подумалъ поручикъ, бѣгавшій не разъ отъ несноснаго борзописца въ Италіи; по вечерамъ зазывалъ Яковъ Борисовичъ встрѣчнаго и поперечнаго къ себѣ и зачитывалъ чуть не до судорогъ. Онъ былъ довольно гордъ съ низшими; но страсть дѣлиться своими произведеніями заставляла его позабывать разницу даже между писцомъ и собою, чуть не генераломъ и чиновникомъ дипломатическаго корпуса.

— А знаете, продолжалъ стиллистъ, отвалясь къ спинкѣ и прищурясь отъ удовольствія, какъ котъ, у котораго только-что пощекотали за ухомъ,— труденъ былъ переходъ нашъ черезъ Альпы, а я вспоминаю о немъ съ удовольствіемъ. Знаете, что я читалъ во время этого перехода?

— Что же? Что? спросилъ полковникъ.

— Пѣвца Альповъ, Галлера, отвѣчалъ, открывая табакерку, Яковъ Борисовичъ.

— Какъ это вы могли? спросилъ Катеневъ, позабывъ, что Яковъ Борисовичъ оставался въ обозѣ, шедшемъ въ обходъ.

— Вездѣ, гдѣ бы я ни былъ, отвѣчалъ почитатель пѣвца Альповъ,—духовная пища у меня съ собой, въ карманѣ. Въ Италіи я читалъ Цезаря, Виргилія. Я когда-нибудь вамъ покажу свои экстракты для статьи о военномъ краснорѣчіи. Вѣдь это цѣлое искусство вдыхать въ сердца чувства соревнованія и храбрости. Господинъ Ронья справедливо называетъ его метафизикою войны.

Катеневъ исподтишка давно зѣвалъ; метафизика беллетриста вмѣстѣ съ моціономъ, начавшимся на холодѣ до пѣтуховъ, навѣвали ему мысль о подушкѣ.

— Вотъ у меня, продолжалъ неугомонный писатель, вытаскивая изъ портфеля другую толстую тетрадь,—трактатъ о лаконизмѣ. Тутъ, начиная съ Леонида, Цезаря, Марія съ его знаменитымъ: «кто ты? Какъ, Марія?»—и до нашихъ временъ, въ исторической послѣдовательности.

Слова: «какъ, Марія» классикъ произнесъ громко, трагически, обратясь къ Катеневу, какъ будто онъ былъ невольникъ, посягнувшій на жизнь полководца. Поручикъ, улучивъ удобную минуту, когда полковникъ отвелъ Якова Борисовича въ сторону, ушелъ къ себѣ въ комнату.

Краснорѣчивый сановникъ былъ знаменитый Яковъ Борисовичъ Фуксъ, «статскій генералъ», какъ звали его деньщики и солдаты; «mon premier ministre et grand chancelier dans la guerre contre les Athées», такъ звалъ его Суворовъ *). Онъ служилъ прежде долго при канцлерѣ графѣ Безбородко; отъ него и поступилъ къ Суворову, передъ итальянскимъ походомъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, почему фельдмаршалъ называлъ его бригадиромъ, подтрунивая надъ его храбростью. «Я наблюдалъ его

*) Мой первый министръ и великій канцлеръ въ войнѣ противъ атеистовъ.

движенія», говоритъ про Суворова Яковъ Борисовичъ въ одномъ изъ своихъ цвѣтистыхъ сочиненій, «вслушивался въ его шепотъ, истолковывалъ его молчаніе и ощущалъ, какъ онъ былъ великъ, даже не выходя на сцену». Это не помѣшало однако прилежному наблюдателю признаться, что Суворовъ былъ для него гіероглифъ, и порѣшить вмѣстѣ съ Дерфельденомъ, будто фельдмаршалъ прикидывался чудакомъ для того, чтобы быть своеобразнымъ. Фуксъ еще при жизни Суворова началъ писать его исторію; съ грѣхомъ пополамъ знакомый съ классиками, Яковъ Борисовичъ во что бы то ни стало хотѣлъ произвести фельдмаршала въ Цезаря или Марка Аврелія; когда онъ читалъ Суворову отрывки изъ своего труда, фельдмаршалъ затыкалъ уши, вскакивалъ со стула и вытянувшись говорилъ: «какой я Цезарь? Я превзошелъ Цезаря». Это сбивало съ толку Фукса. Возвратясь въ свою комнату, онъ ломалъ голову, съ кѣмъ бы сравнить «великаго», какъ онъ звалъ князя. Развѣ съ Эпаминондомъ или Александромъ Македонскимъ? Ни съ кѣмъ не сравнивать не могъ Яковъ Борисовичъ: Цезари, Сципіоны, Алкивіады, какъ черти спившемуся съ круга, не давали ему покоя. Записки, собраніе анекдотовъ и даже опытъ исторіи, сдѣланный Фуксомъ, останутся драгоцѣннымъ памятниковъ, потому что въ нихъ тщательно записаны изреченія, странныя выходки, даже насмѣшки надъ самимъ историкомъ Суворова; изъ высокопарной, уснащенной сравненіями, взятыми изъ римской исторіи, прозы Якова Борисовича меткое слово, живая, своеобразная, Суворовская мысль всплываютъ будто масло на водѣ; образъ фельдмаршала возстаетъ какъ живой изъ-подъ грудъ классическаго щебня, которымъ усердно, съ добрымъ намѣреніемъ разумѣется, заваливалъ его писатель. Фуксъ сознавалъ важность свою какъ составителя реляцій; это сознаніе заставляло его поминутно влѣзать на ходули, высокопарничать и демосфенствовать; ему, принадлежавшему къ поколѣнію писателей, дѣлившихъ слогъ на «возвышенный и низкій», казалось, что о высшихъ предметахъ нельзя иначе и писать какъ цвѣтисто и возвышенно. Это была отчасти дань времени, вѣку, любившему переряживаться въ тоги и сандаліи; даже позже скульпторы переодѣвали Пожарскихъ и Мининыхъ въ римлянъ; самъ Державинъ уподоблялъ Суворова Геркулесу, и только геніальная сила, по временамъ выбиваясь, какъ лава изъ-подъ коры, изъ-подъ напыщенной фразы, спасла отъ забвенія и увѣковѣчила творенія поэта; мы видимъ, что и

самъ Суворовъ, несмотря на свои насмѣшки надъ классицизмомъ Якова Борисовича, былъ не прочь украсить временемъ свой слогъ выдержками изъ Цезаря или Виргилія, по примѣру тогдашнихъ русскихъ дворянъ, украшавшихъ свои деревенскіе дома греческими портиками и колоннадами.

Есть отрывочныя свѣдѣнія, что Яковъ Борисовичъ приставленъ былъ къ русскому Цезарю не для однѣхъ реляцій, а чѣмъ-то въ родѣ наблюдателя; онъ самъ говорилъ князю Горчакову, племяннику фельдмаршала, что имѣлъ секретныя порученія; въ чемъ состояли они—мы не находимъ этого ни на одной изъ многочисленныхъ страницъ цвѣтистой прозы дипломата-библіографа.

Секретарь Яковъ Борисовичъ былъ аккуратнѣйшій и, вѣроятно, въ портфелѣ его, на С.-Готардѣ, письма и бумаги разложены были такъ же аккуратно, какъ въ ящикахъ щегольскаго письменнаго столика въ домѣ канцлера, графа Безбородко. Яковъ Борисовичъ былъ уважаемъ всѣми, министрами и посланниками; въ Италіи его приглашали на вечера (conversationi) въ дома различныхъ принчипе.

Суворовъ, какъ видно, боялся, что жизнеописатель исказитъ его въ своей реляціи потомству; поэтому онъ часто толковалъ съ нимъ объ исторіи. «Въ исторіи обо мнѣ», говорилъ ему фельдмаршалъ, «будь безпристрастенъ. Если ты меня любишь, то позабудь сію любовь и не оскверняй лестію пера твоего, а меня въ могилѣ». Яковъ Борисовичъ самъ сознаетъ недостатки своего труда и оканчиваетъ его слѣдующимъ: «я виноватъ передъ тобою, ибо не умѣлъ тебѣ воздать достойное и не написалъ твоей исторіи; я оставляю потомству одни лишь матеріалы. Исторія твоя ждетъ Плутарха».

Часа черезъ два Катенева разбудили и позвали къ Якову Борисовичу; фельдмаршалъ обѣдалъ у князя Багратіона, отъѣзжавшаго въ Россію; вечеромъ назначенъ былъ балъ у фельдмаршала; на другой день всѣ приглашены были на вечеръ къ графу Ностицу, женатому на дочери Тугута. Передавъ нѣсколько нѣмецкихъ бумагъ для перевода Катеневу, Яковъ Борисовичъ пригласилъ его отобѣдать съ нимъ; кромѣ Катенева обѣдалъ полковникъ, восхищавшійся слогомъ секретаря-классика; обѣдъ, состоявшій изъ четырехъ блюдъ, тянулся довольно долго, такъ какъ Яковъ Борисовичъ приправлялъ его то и дѣло нравоучительными сентенціями; видя подлѣ себя молодаго чело-

вѣка, онъ считалъ священною обязанностью «вперять», какъ выражался самъ, въ него «добрыя правила и возвышенныя чувства».

Послѣ обѣда поручикъ усѣлся въ своей комнатѣ за переводъ данныхъ бумагъ и за письмо къ отцу; щегольской портфель, купленный еще въ Петербургѣ и сохранявшійся въ чемоданѣ, невольно перенесъ его въ прежніе дни. Онъ припоминалъ свои тогдашнія думы и не узнавалъ самъ себя. Чудною судьбой прикована была незамѣтная жизнь его, дюжиннаго поручика, къ жизни великаго человѣка; и не даромъ, уже начиналъ разумѣть юноша, не даромъ нужно ему было то не громко участвовать, то быть свидѣтелемъ богатырскаго подвига; какъ эпическій сидѣнь Илья, юноша слышалъ, какъ вступала въ него самого доля богатырской силы, какъ загоралась день ото дня больше и больше его молодая душа желаньемъ, страстью къ подвигу. Есть въ жизни каждаго дни, въ которые совершается переломъ и опредѣляется, наконецъ, однажды навсегда, дальнѣйшій жизненный маршрутъ; человѣкъ избираетъ себѣ ту или другую цѣль странствованія. Начиная сознавать, что этотъ переломъ въ немъ совершается, Катеневъ понялъ, что не даромъ, не безъ цѣли, дано ему и самое горе; осаживая молодую самонадѣянность, оно не мало помогало личной волѣ подчинить себя высшему разуму, произнести не одними устами, но всѣмъ сердцемъ и безтрепетно: «да будетъ воля Твоя». «Суровое царствованіе, союзъ, измѣны, нашъ тяжелый походъ—все это послано не даромъ, не безъ пользы для Россіи», думалъ юноша. «Русскому надо все пережить, все испытать, все вытерпѣть.... Правъ нашъ фельдмаршалъ».

Вмѣстѣ съ этими мыслями налетала грусть на молодую душу,—грусть, посѣщающая послушника наканунѣ постриженія: надо проститься со многимъ, навсегда, чтобы безпрепятственно идти тернистою стезею подвига. И вотъ юный отшельникъ то, окриленный страстью къ своему задушевному дѣлу, рвется впередъ, то, осажденный дорогими воспоминаніями прошлаго, колеблется и думаетъ: не воротиться ли? Осилишь ли? Сладишь ли съ собой и съ этимъ молодымъ, неугомоннымъ сердцемъ?

Поручикъ оглядѣлъ комнату, вещи и опять задумался. «Нѣтъ, надо мнѣ перемѣнить самый образъ жизни.... Я еще баринъ.... Не правъ Сергѣевъ, совѣтуя мнѣ ждать.... Въ избѣ, въ строю, въ палаткѣ—вотъ гдѣ надо жить солдату-труженику». Ему припомнились прежнія мечты объ адъютантствѣ, о гвардейскомъ

мундирѣ, о службѣ въ troupe dorée, и онъ чуть не разсмѣялся надъ самимъ собою,—такъ показались онѣ ему смѣшными, мелкими и дѣтскими передъ пронесшеюся только-что мимо очей его величавою, грозною картиной. «Меня сама судьба ведетъ къ подвигу.... Что мнѣ теперь въ этихъ, такъ-называемыхъ, благахъ міра? Я—одинокій труженикъ, весь тутъ, одинъ.... На что мнѣ дана жизнь, какъ не на то, чтобы послужить честно общему дѣлу, Россіи послужить, какъ Богъ велитъ? Не даромъ Богъ лишаетъ меня, можетъ-быть, личнаго счастья.... Я—не геній, я—простой рабочій, но нужны вѣдь и каменьщики зодчему.... А фельдмаршалъ? Развѣ онъ счастливъ? Да, убаюкивай-ка его счастье, онъ не былъ бы Суворовымъ. Сегодня же, завтра, попрошусь въ строй. Мнѣ нужно одиночество, мнѣ нуженъ трудъ, подвигъ».

Что-то радостное блеснуло у него въ душѣ при этомъ рѣшеніи; ему уже видѣлось, какъ будетъ онъ жить зиму въ занесенной снѣгомъ деревушкѣ, ходить въ бѣдную сельскую церковь и горячо молиться за нее, за ту, кого онъ любитъ безнадежно, жарко, пламенно, больше всего на свѣтѣ.... И одиночество, сиротство предстали ему полною тепла и кроткаго свѣта стороною. «Въ глушь, въ глушь», рѣшилъ юноша, вынимая почтовый листокъ, чтобы написать домой о своемъ рѣшеніи. Въ письмѣ къ отцу изложилъ онъ свой планъ, умолчавъ, однако, о томъ, съ чѣмъ тяжеле всего ему было разставаться, равно какъ и о внутреннемъ своемъ настроеніи. Послѣднее даже довольно трудно было разсказать, объяснить безъ предыдущаго. Какъ объяснить, что въ нищенствѣ, въ трудѣ есть доля, своего рода, счастья тому, кто не испыталъ крайности и лишенія, кто не знакомъ съ наслажденіемъ, приносимымъ трудомъ? Онъ посмѣется вашимъ рѣчамъ, объяснивъ ихъ юродствомъ, помѣшательствомъ. Польсти человѣку поэтъ, возвеличь его, назови полубогомъ, и онъ повѣритъ тебѣ; а попробуй напомнить тому же человѣку объ ограниченности познавательныхъ средствъ, ему дарованныхъ, посовѣтуй смириться, подчинить волю свою законамъ, установленнымъ любовью и всевѣдѣніемъ, онъ отвернется отъ тебя, назоветъ бредомъ, чепухой твое выстраданное слово. «Я обязанъ многимъ князю Александру Васильевичу», писалъ поручикъ отцу. «Но я шелъ на помочахъ; мнѣ нужно теперь встать на ноги, идти одному, узнать жизнь, нужду, а равно и службу строевую», прибавилъ онъ, желая наглядно,

какъ-нибудь, объяснить отцу, старому служакѣ, раздавшійся въ душѣ неясный зовъ на другую дорогу.

Окончивъ письмо и переведя депеши австрійскихъ офицеровъ, провожавшихъ армію, Катеневъ вечеромъ, часовъ въ семь, пошелъ къ Фуксу.

Статскій совѣтникъ, напудренный и раздушенный, въ шитомъ мундирѣ, стоялъ, съ трехуголкою въ рукѣ, противъ зеркала, расправляя кресты и бѣлый галстукъ.

— Положите бумаги и пойдемте на верхъ. Время; гости съѣзжаются, проговорилъ онъ, увидя Катенева.

— Мнѣ бы не хотѣлось идти на вечеръ, отвѣчалъ Катеневъ.

— Это что? Молодой человѣкъ.... Будутъ хорошенькія дѣвицы, дамы.... Не хочетъ на вечеръ? Пустяки, сударь.... Берите вашу шляпу, перчатки и — маршъ, безъ отговорокъ, притопнувъ шутя ногою, обутою въ лаковый башмакъ, произнесъ Яковъ Борисовичъ.

Онъ всегда находился въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, когда надѣвалъ мундиръ и шпагу; возложенные ордена и богатое шитье мундира дипломатическаго вѣдомства, даже въ минуты сильнаго раздраженія вспыльчиваго секретаря, дѣйствовали просто чудотворно, превращая его мгновенно въ благодушнѣйшаго и кротчайшаго смертнаго.

Катеневъ надѣлъ новый мундиръ, взялъ шляпу, чистыя перчатки, выложенныя предусмотрительнымъ дядькою, и, припудривъ слегка волосы, предводимый Фуксомъ, очутился среди нарядной, пестрой толпы, на освѣщенной, устланной коврами лѣстницѣ; вверху уже гремѣла музыка; военные и статскіе мундиры, дамы, дѣвицы съ коротенькими таліями и длинными шлейфами перегоняли, догоняли ихъ; Милорадовичъ, въ качествѣ хозяина, встрѣчалъ гостей на верхней площадкѣ лѣстницы, стрѣляя привѣтствіями и комплиментами направо и налѣво; поручикъ поминутно сторонился, давая дорогу дамамъ и гостямъ; дѣвицы и женщины исподлобья взглядывали на его загорѣлое, красивое лицо и мощный, сложившійся вполнѣ, торсъ; застѣнчивый румянецъ вспыхивалъ на щекахъ богатыря, придавая еще больше жизни его юношески-сильной фигурѣ.

— Катеневъ, помогите намъ хозяйничать. А то вы глядите гостемъ, замѣтилъ Милорадовичъ.

Яковъ Борисовичъ исчезъ; поручикъ вмѣстѣ съ толпою вошелъ въ бѣлую, съ колоннами, ярко освѣщенную залу; оркестръ

гремѣлъ. Фельдмаршалъ, въ русскомъ мундирѣ и въ орденахъ, разговаривалъ у одного изъ оконъ съ австрійскимъ генераломъ; гости и гостьи, раздѣлившись на кучки, съ любопытствомъ поглядывали на загорѣлыя лица богатырей, только-что вернувшихся съ поля битвъ, и не въ одной хорошенькой головкѣ рисовалась картина за картиной молодымъ, пылкимъ воображеніемъ.

— Марсъ, принимающій грацій, говорилъ Яковъ Борисовичъ, расшаркиваясь съ знакомыми и незнакомыми дамами.

— Въ жгуты; или нѣтъ, лучше въ коршуны, закричалъ Суворовъ, оставивъ австрійца и раскланиваясь съ гостями.—Миша, распорядись, обратился онъ къ вошедшему Милорадовичу.— Стулья.... Умѣешь въ коршуны? неожиданно спросилъ онъ, переминавшагося съ ноги на ногу, Катенева.

Поручикъ покраснѣлъ и, въ попыхахъ отвѣтивъ: «немножко, ваша свѣтлость», сконфузился еще болѣе; на его счастье фельдмаршалъ исчезъ въ толпѣ; черезъ полчаса въ залѣ начались бѣготня, хохотъ; австрійцы, не понимая хорошенько игры, перебѣгали съ мѣста на мѣсто въ своихъ пестрыхъ мундирахъ. «Фантъ, hierher, Exellenz.... So», кричалъ фельдмаршалъ, перебѣгая отъ одного гостя къ другому. Жара отъ толпы и множества восковыхъ свѣчъ была ужасная. Катеневъ спрятался за колонною въ кучкѣ русскихъ офицеровъ; начались хороводы, и спрятавшихся вытащилъ изъ за-колоннъ Яковъ Борисовичъ; на хорахъ помогали хороводной пѣснѣ два солдатскіе хора съ бубномъ; дамы и мущины кружились, взявшись за руки; фельдмаршалъ при нѣкоторыхъ словахъ пѣсни обращался то къ своимъ, то къ австрійцамъ: «куда ни поѣдетъ, меня не объѣдетъ», обратился онъ къ Бельгарду, присланному для переговоровъ отъ Тугута; Бельгардъ улыбался, не понимая словъ, а слѣдовательно и намека.

— А помилуй Богъ! Страшно... Миша, погляди, какая баттарея, говорилъ онъ, расхаживая посреди хоровода и указывая на дамъ и дѣвицъ, съ любопытствомъ разсматривавшихъ знаменитаго полководца.

Не трудно было замѣтить, сквозившее сквозь напускную веселость фельдмаршала, сильное нервное раздраженіе; произнося намеки, онъ блѣднѣлъ, впиваясь глазами въ Бельгарда.

— А онъ опасенъ, замѣтилъ князь Багратіонъ Раевскому.

— Онъ всегда такой, отвѣчалъ Раевскій.

— Ну нѣтъ, онъ не сегодня, завтра заболѣетъ, возра-

зилъ Багратіонъ, поглядывая на суетившагося, какъ юноша, старца.

Начались танцы, Милорадовичь представилъ поручика нѣкоторымъ изъ дамъ, и юноша, снявъ шпагу, волей-неволей, принялся вальсировать и отплясывать экосезы.

— Вотъ за это благодарю.... Такъ будь ужь хозяйкою, говорилъ фельдмаршалъ, встрѣчая квадратную поклонницу Кауница, которую видѣлъ читатель въ Венеціи у Тунгусовыхъ.—Давно ли здѣсь?

— Вчера пріѣхала, отвѣчала гостья, мѣряя важно дамъ и шествуя подъ руку съ фельдмаршаломъ. — А вы въ Россію.. . Здоровье какъ? Не раненъ, князь?

— Кто?.... Я? спросилъ Суворовъ.—Нѣтъ.... Но съ меня будетъ и прежнихъ семи ранъ: двѣ на войнѣ, да пять при дворѣ.... прибавилъ онъ, усаживая гостью, лорнировавшую толпу.

— А молодой князь здѣсь? спросила гостья.

— У невѣсты, отвѣчалъ фельдмаршалъ.

Вопросъ дамы относился къ сыну Суворова, помолвленному только-что съ одною изъ нѣмецкихъ принцессъ, но бракъ этотъ почему-то не состоялся.

— Михаилъ Андреевичъ послалъ меня спросить вашу свѣтлость: не прикажете ли сервировать ужинъ? спросилъ, подойдя къ фельдмаршалу, Катеневъ.

— Кто это? спросила почти вслухъ дама, наводя свой лорнетъ на подошедшаго поручика.

— Это—мой крестникъ. Позволь представить тебѣ.... Катеневъ, отвѣчалъ Суворовъ, подводя юношу.

— Ахъ, это Катеневъ.... У насъ съ тобой есть общіе знакомые—князья Тунгусовы.... Маркизу ди-Сальма знаешь? проговорила дама, обращаясь къ новому знакомцу.—Mais il est tres gentil, прибавила она, безъ церемоніи осматривая съ ногъ до головы, точно статую, стоявшаго передъ нею потупившись юнаго воина.—Ты знаешь, онъ.... шепнула она на ухо сѣвшему подлѣ нея фельдмаршалу.

Катеневъ не разслыхалъ послѣдняго слова и отошелъ, чтобы не помѣшать секретному разговору.

— Скажи, чтобы накрывали, обратился къ нему Суворовъ.

Поручикъ ушелъ, обрадовавшись, что избавился отъ испытующаго его слишкомъ безцеремонно взора новой знакомки. Обращеніе ея и мѣстоименіе «ты» его нисколько не удивили; пожилые,

стараго покроя, люди въ то время иначе не относились къ молодежи.

Ужинъ кончился довольно скоро. Суворовъ, проводивъ, уѣхавшую тотчасъ послѣ стола, старую свою знакомую, откланялся и ушелъ; гости разъѣхались Яковъ Борисовичъ былъ позванъ къ фельдмаршалу; нагнавъ на лѣстницѣ Катенева, онъ объявилъ ему, что князь проситъ его зайдти къ нему въ шесть часовъ утра. Въ сѣняхъ увязывали два деньщика шарфомъ Василья Лукича, отправлявшагося въ Петербургъ; увидавъ поручика, старикъ-экономка расцѣловался съ нимъ и усѣлся въ стоявшую уже у подъѣзда бричку. Свита фельдмаршала рѣдѣла; изъ Праги каждый день уѣзжалъ кто-нибудь въ Россію.

На другой день Аѳанасій разбудилъ въ шестомъ часу барина; поручикъ, одѣвшись, отправился къ фельдмаршалу. Прошка отворилъ дверь въ кабинетъ; Катеневъ вошелъ. Суворовъ сидѣлъ согнувшись, въ одной рубашкѣ и рейтузахъ, въ креслахъ, противъ письменнаго стола. Катеневъ подошелъ и поцѣловалъ руку.

— Давно ли получалъ письма отъ отца? спросилъ фельдмаршалъ.

— Недавно, ваша свѣтлость.

— Что, онъ здоровъ? А ты давно писалъ къ нему?

— Недавно.... Вчера написалъ письмо, но еще не отправилъ.

— Оно съ тобой? Принеси, я припишу.

Катеневъ досталъ изъ бумажника письмо и подалъ.

— Секретовъ нѣтъ? спросилъ фельдмаршалъ.

— Нѣтъ, ваша свѣтлость. Я хотѣлъ даже утруждать васъ просьбою.... Я пишу батюшкѣ о моемъ желаніи перейдти въ строевую службу, отвѣчалъ Катеневъ.

Суворовъ началъ читать письмо, вздрагивая по временамъ и говоря: «а здѣсь холодно». Комната была, по обыкновенію, жарко натоплена. Прочитавъ письмо, онъ отложилъ его и послѣ нѣкотораго молчанія спросилъ:

— А изъ Анконы ты писалъ отцу?

— Писалъ два раза.

— А больше никому не писалъ?

Катеневъ покраснѣлъ и послѣ короткой паузы отвѣчалъ, что писалъ кузинѣ, маркизѣ ди-Сальма.

— Ты посылалъ чертежи съ укрѣпленія отцу?

— Посылалъ, ваша свѣтлость; мнѣ хотѣлось познакомить его съ планомъ военныхъ дѣйствій.

— И изъ Анконы посылалъ?

— Посылалъ одинъ разъ, сколько помню, отвѣчалъ юноша.

— Впередъ этого не дѣлай, замѣтилъ фельдмаршалъ, вставая съ мѣста. — А за это письмо спасибо. Въ строй не торопись. Будешь въ строю. Понадобитесь всѣ и скоро.... И вотъ на это вамъ мое благословеніе, прибавилъ онъ, перекрестивъ молодаго воина.

У Катенева брызнули слезы; ему почему-то припомнились слова импровизатора: «и Божіимъ громомъ ударитъ святая война за родимый, отеческій кровъ». Фельдмаршалъ прошелся по комнатѣ, велѣлъ поручику придти обѣдать, а вечеромъ быть у него ординарцемъ на балѣ у графа Ностица.

— Письмо отцу я самъ отправлю: мнѣ хочется приписать ему, закончилъ старецъ, принимаясь опять ходить по кабинету. Катеневъ вышелъ.

Грустное впечатлѣніе произвела на поручика эта короткая бесѣда съ великимъ старцемъ; блѣдное лицо, блескъ глазъ и задумчивость фельдмаршала предвѣщали что-то недоброе; состояніе духа его было похоже на тишину, какая бываетъ передъ сильною грозою. Въ залѣ встрѣтилъ его Милорадовичъ и сообщилъ о смерти Лагоца и взятіи Анконы; австрійцы безъ русскихъ заключили капитуляцію, выпустили французовъ и подняли одинъ свой флагъ надъ крѣпостью; императоръ Павелъ былъ взбѣшенъ этимъ новымъ оскорбленіемъ. Милорадовичъ сообщимъ вмѣстѣ съ этимъ, что бывшіе союзники выживаютъ изъ Чехіи нашу босую, полураздѣтую армію, объясняя, что стоянка русскихъ въ ихъ владѣніяхъ имъ дѣлается затруднительна.

Суворовъ, какъ извѣстно, отвѣчалъ Бельгарду, присланному изъ Вѣны съ этимъ негостепріимнымъ предложеніемъ, что онъ не тронется съ мѣста безъ повелѣнія императора Павла.

Простившись съ Милорадовичемъ, поручикъ отправился къ Фуксу; Яковъ Борисовичъ, какъ нарочно, сидѣлъ за своимъ портфелемъ и, усадивъ юношу, прочелъ ему, между прочимъ, слова, сказанныя фельдмаршаломъ при прощаньи Цаху: «всѣ мы донкихотствуемъ, и надъ нашими глупостями, горебогатырствомъ, платоническою любовью, сраженіями съ вѣтряными мельницами также бы смѣялись, еслибъ у насъ были Сервантесы. Я, читая сію книгу, смѣялся отъ души, но пожалѣлъ о бѣдняжкѣ, когда фантасмагорія кукольной комедіи начала потухать предъ

распаленнымъ его воображеніемъ, и онъ, наконецъ, покаялся, хотя и съ горестью, что былъ дуракъ. Это болѣзнь старости, и я чувствую ея приближеніе».

Прочтя это горькое изреченіе, благонамѣренный Яковъ Борисовичъ не зналъ, какую медвѣжью услугу оказалъ жаждущему труда, подвига, юношѣ. «Чему же вѣрить?» размышлялъ поручикъ, выйдя отъ историка-секретаря и шагая по узкимъ улицамъ стараго города. «Что-жь мы то, послѣ этого, если онъ, геній, ведшій насъ, сознается, что онъ донкихотствовалъ всю жизнь?» Но тутъ, на счастье, вспомнился ему Лагоцъ, положившій душу за родину,—вспомнились ополченцы, оборванные и голодные, ихъ жалобы на разореніе страны,—и юноша рѣшилъ: «нѣтъ, этотъ нашъ походъ былъ не донкихотство.... Не вѣрю я словамъ фельдмаршала; они у него вырвались въ минуту горя, раздраженія».

Вся свита была настроена грустно. Въ девятомъ часу утра (обыкновенный часъ обѣда фельдмаршала) Милорадовичъ, Фуксъ, сербъ Карачай, прибывшій только-что въ Прагу, Катеневъ, племянникъ Суворова князь Горчаковъ и нѣсколько офицеровъ, приглашенныхъ къ обѣду, толпились въ небольшой столовой. Суворовъ вышелъ и съ четверть часа говорилъ по-турецки съ Карачаемъ. Подали супъ. Адъютантъ прочелъ по-обычаю: «Отче нашъ; всѣ сказали: «аминь» и подошли къ закускѣ.

— Вы не забыли, князь, замѣтилъ Милорадовичъ,—сегодня балъ у графа Ностица?

— Нѣтъ, не забылъ. Это не забывается, отвѣчалъ, садясь за столъ, фельдмаршалъ.

Всѣ замолчали. Графъ Ностицъ, какъ мы сказали, былъ женатъ на дочери Тугута. Катеневъ обѣдывалъ у фельдмаршала и зналъ обычаи, но нѣкоторые изъ офицеровъ, обѣдавшіе въ первый разъ, съ недоумѣніемъ посматривали на странные заведенные порядки: соль, напримѣръ, насыпалъ каждый себѣ рукою на салфетку; Прошка грубо выдергивалъ у хозяина вторую тарелку супу.

— Что ты? возражалъ князь, схвативъ тарелку.

— Фельдмаршалъ не приказалъ, говорилъ Прошка.

— Не велѣлъ? переспрашивалъ князь.—Ну, дѣлать нечего, бери. Помилуй Богъ, надо слушаться фельдмаршала.

Мишка калмыкъ, поваръ, отвѣчалъ на замѣчаніе князя, что кушанье не доварилось или пережарено: «сыты, кушать не хотите; вотъ вамъ оно и пережарено».

— Удивительный человѣкъ! говорилъ на это фельдмаршалъ.— Ничѣмъ не убѣдишь.... Но я за то его люблю, — не льстецъ. Лесть—тотъ же соусъ: надо приправить, всего положить въ мѣру, перчику и лучку.... У Мишки этого порока нѣтъ, льстить не умѣетъ.

— А вы кушайте, ваша свѣтлость,—простынетъ, замѣчалъ Прошка.

— Сейчасъ, сейчасъ, братецъ. Ты не помнишь моего правила: скорость нужна, а поспѣшность никуда не годится, отвѣчалъ обыкновенно на это фельдмаршалъ.

Къ концу обѣда князь начиналъ дремать; вставъ изъ-за стола, тотчасъ шелъ въ кабинетъ и ложился на сѣно. Гости обѣдали у себя еще разъ, такъ какъ въ восемь часовъ утра рѣдкій могъ ѣсть съ аппетитомъ; фельдмаршалъ вставалъ въ три часа и для него поэтому восемь часовъ утра казались настоящимъ временемъ для трапезы.

Не бывавъ ординарцемъ при фельдмаршалѣ, Катеневъ послѣ обѣда спросилъ одного изъ адъютантовъ о своихъ обязанностяхъ; командованіе русскими войсками нѣсколько дней тому назадъ фельдмаршалъ сдалъ Розенбергу; канцелярія была уже отправлена къ новому командующему; къ Суворову назначались ежедневно почетные ординарцы по пѣхотѣ, кавалеріи и артиллеріи.

— У васъ есть лошадь? спросилъ адъютантъ.

— Есть, отвѣчалъ Катеневъ.

— Ну, такъ вы должны ѣхать подлѣ кареты. При входѣ на балъ, если фельдмаршалъ отдастъ вамъ свою шляпу, то слѣдуйте за нимъ, а не отдастъ, дождитесь его у дверей залы.

Ординарецъ по кавалеріи—молоденькій гусаръ, обѣдавшій у фельдмаршала, тоже назначенъ былъ сопровождать карету. Послѣ обѣда, Катенева Раевскій пригласилъ посмотрѣть Прагу; часа три бродилъ онъ по музеямъ, картинной галлереѣ, по арсеналу, но половины не слыхалъ рѣчей ученаго чеха, предложившаго русскимъ свои услуги. Поручикъ слишкомъ потрясенъ былъ объясненіемъ съ фельдмаршаломъ, загадочнымъ вопросомъ его объ отправленныхъ отцу чертежахъ военныхъ дѣйствій и, наконецъ, извѣстіемъ о смерти Лагоца: кромѣ этого онъ упрекалъ себя, что не спросилъ даму, поклонницу австрійской политики, объ адресѣ князя Бориса. Онъ и намѣревался спросить ея, гдѣ маркиза, но покровительственный тонъ, принятый дамою, и рѣзкій вопросъ: «знаешь маркизу?»—заставили его замолчать; кромѣ

того, правила вѣжливости описываемаго времени не дозволяли дѣлать вопросовъ старшимъ, а только «съ вѣжливостью и доброю манерою отвѣчать на ихъ вопросы». Наконецъ, коляска подъѣхала къ подъѣзду квартиры фельдмаршала, и поручикъ, поблагодаривъ Раевскаго и чеха, ушелъ въ свою комнату; встрѣтившій его Аѳанасій объявилъ ему, что досталъ новое сѣдло у адъютанта для вечерней поѣздки, въ качествѣ ординарца, вычистилъ лошадь и заказалъ къ шести часамъ парикмахера. Катеневъ усѣлся опять за переводы, которыми мучилъ его Фуксъ; онъ далъ ему провѣрить даже какіе-то счеты, такъ какъ свести ихъ было некому, за отсутствіемъ канцеляріи, отправившейся къ Розенбергу. Аѳанасій, чтобы не мѣшать, вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты. Послѣ немалыхъ усилій надъ воображеніемъ, уносившимъ его то къ ней, то въ отцовское помѣстье, то въ комнату, гдѣ онъ лежалъ раненый вмѣстѣ съ храбрымъ народнымъ вождемъ, такъ рано кончившимъ свой, славный, жизненный путь,—поручикъ принялся сквозь слезы помножать, дѣлить и складывать.

Лагоца онъ полюбилъ не по одному сочувствію его идеямъ, а, какъ выразился Ратмановъ на похоронахъ вождя, потому, «что его нельзя было не полюбить». Мы были бы не правы, не упомянувъ, что прежде всего юношу поразили красота, живописность и поэзія дѣла; картинность всей обстановки вождя, раздавшійся къ мѣсту голосъ импровизатора охватили сразу тепломъ молодую, воспріимчивую душу. Красота есть сила, которою вліяетъ на насъ живопись; живописецъ, отрекшійся, ради природы, отъ красоты, безсиленъ; какъ вѣрно, до обмана, ни лѣпи онъ свои образы, какъ ни выбирай эффектные, занимательные сюжеты,—минутенъ, не проченъ будетъ успѣхъ его твореній, если въ нихъ нѣтъ благоуханія красоты, не замѣтно, но неотразимо и вѣчно дѣйствующей на зрителя.

Юношѣ не съ кѣмъ было подѣлиться своими впечатлѣніями, начинавшими одолѣвать и голову и сердце; ихъ было такъ много, что они душили его, просились наружу, какъ вдохновенное слово поэта, искали другаго сердца, сочувствія. Но женское сердце, которое бы поняло, раздѣлило и грусть и радость, было затворено для него обязанностію, долгомъ, наложеннымъ капризомъ сильнаго.

Въ восемь часовъ вечера поручикъ вышелъ въ полномъ мундирѣ въ сѣни и вмѣстѣ съ гусаромъ-ординарцемъ ждалъ вы-

хода фельдмаршала; карета четверкою цугомъ, съ кучеромъ и вершникомъ въ треуголкахъ, свѣтя фонарями, стояла у подъѣзда; Аѳанасій съ казакомъ охорашивали, вычищеннаго на диво, воронаго коня Катенева; наконецъ, на лѣстницѣ появился фельдмаршалъ, въ сопровожденіи Багратіона и Милорадовича; онъ былъ въ бѣломъ австрійскомъ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ; накинувъ неизмѣнный «родительскій» плащъ, Суворовъ сѣлъ въ карету съ Багратіономъ; Прошка въ ливреѣ захлопнулъ дверцу, крикнувъ: «къ графу Ностицу»; Милорадовичъ сѣлъ въ парную коляску съ Фуксомъ; Катеневъ съ гусаромъ вскочили на лошадей, и поѣздъ тронулся. Карета неслась, постукивая по мерзлой мостовой; ординарцы галопомъ скакали у колесъ по обѣимъ сторонамъ экипажа. По мѣрѣ приближенія къ дому, толпы народа увеличивались, кареты и фіакры чаще сновали взадъ и впередъ, сверкая фонарями; наконецъ, экипажъ фельдмаршала остановился у подъѣзда; толпа, стоявшая около крыльца, закричала: «слава», махая шляпами; фельдмаршалъ, сбросивъ плащъ, раскланялся съ подножки и вбѣжалъ въ сѣни; толпа разодѣтыхъ дамъ и мущинъ окружила его; тутъ же дожидались военные, составлявшіе свиту; снявъ шляпу и поздоровавшись съ вышедшимъ на встрѣчу хозяиномъ, фельдмаршалъ пошелъ вверхъ по освѣщенной ярко и уставленной цвѣтами и тропическими растеніями лѣстницѣ; дамы образовали двѣ живыя стѣны по бокамъ широкой лѣстницы. Суворовъ шелъ бодро, точно юноша, впереди многочисленной, блещущей шитьемъ, звѣздами и орденами свиты; Катеневъ и гусаръ, не безъ нѣкоторой гордости, посматривая на лорнировавшихъ дамъ, шагали по ковру позади фельдмаршала; при входѣ въ залъ, Суворовъ отдалъ шляпу Катеневу; гусаръ съ зависгью посмотрѣлъ на поручика и остался въ пріемной; въ залѣ оркестръ загремѣлъ: «славься симъ Екатерина»; фельдмаршалъ остановился, поднялъ голову и внимательно слушалъ. Помѣщенные на возвышеніи, обставленномъ зеленью и цвѣтами, хоръ и оркестръ составляли любители, большею частію съ лентами, звѣздами и орденами; первый віолончель былъ генералъ-старикъ, съ лентою Маріи-Терезіи черезъ плечо; на кларнетѣ игралъ одинъ изъ австрійскихъ генераловъ, бывшихъ въ Италіи съ Суворовымъ; венгерскій графъ, магнатъ, сидѣлъ за литаврами; хоръ былъ составленъ изъ дамъ и дѣвицъ, тоже высшаго общества; молоденькая дама, залитая брилліантами, пѣла соло; при

послѣднихъ аккордахъ оркестра, Суворовъ подошелъ къ солисткѣ и, къ удивленію всѣхъ, перекрестилъ и поцѣловалъ ее; хозяинъ позвалъ жену и пригласилъ фельдмаршала и гостей въ сосѣдній, уставленный стульями, залъ, гдѣ устроена была сцена; другой оркестръ заигралъ что-то въ родѣ увертюры; фельдмаршалъ сѣлъ подлѣ хозяйки, въ первый рядъ креселъ, и занавѣсъ подняли; на сценѣ, въ транспарантѣ, была изображена эрцгерцогиня Александра Павловна съ мужемъ, палатиномъ Іосифомъ; подлѣ молодыхъ стояли императоры Павелъ и Францъ; въ облакахъ геніи держали вѣнки надъ молодыми; Марсъ и Гименей, внизу картины, подавали другъ другу руки; по обѣимъ сторонамъ картины стоялъ хоръ дѣвицъ и юношей въ греческихъ одеждахъ. Катеневъ прочелъ поданную слугою афишу: «Торжество Гименея, кантата», гласила афиша. Фельдмаршалъ всталъ, увидя портреты императоровъ; всѣ гости тоже поднялись съ своихъ мѣстъ; у самой рамны стоялъ около треножника широкоплечій басъ, въ одеждѣ жреца.

— Tremate, гудѣлъ басъ, подъ звуки оркестра и громкое tutti хора, обводя большими черными зрачками слушателей.

Tremate, si tremate
Nemici arditi e fieri,
Che i due potenti imperi
Unisce giá il destin *).

— Помилуй Богъ, страшно, съѣстъ! шепталъ фельдмаршалъ Милорадовичу, поглядывая искоса на баса, электризующаго выпуклыми, черными зрачками публику, какъ бы для того, чтобъ она сильнѣе трепетала. Русскій и австрійскій орлы, съ молніями въ когтяхъ, спустились въ это время, покачиваясь изъ стороны въ сторону, изъ облаковъ и помѣстились у подножія вѣнценосной пары; военные генералы гордо выпячивали свои, убранныя орденами и лентами, груди, когда литавры и трубы покрывали хоръ своимъ торжественнымъ и грознымъ громомъ.

— Помилуй Богъ, боюсь, страшно, шепталъ фельдмаршалъ, обращаясь то къ Багратіону, то къ Милорадовичу.

Дамы наводили свои изящные лорнеты на героевъ Готарда; взоры всѣхъ переносились поминутно отъ толпы на фельдмар-

*) Трепещите; да, трепещите ярые и гордые враги: судьба соединяетъ двѣ могущественныя имперіи.

шала; всякій старался, казалось, уловить черту, движеніе, которыя бы объяснили ему сколько-нибудь чудака героя.

Кантата кончилась; транспарантъ исчезъ; хозяйка предложила руку фельдмаршалу, мущины пригласили дамъ и длинный польскій потянулся по ступенькамъ, черезъ сцену, по амфиладѣ ярко освѣщенныхъ комнатъ; въ одной изъ гостиныхъ висѣлъ портретъ эрцгерцогини во весь ростъ; Суворовъ остановился и долго смотрѣлъ на него.

— Она, говорятъ, похожа на свою тетку, покойную императрицу, замѣтила по-французски молодая хозяйка.

— Да, да, отвѣчалъ фельдмаршалъ,—не только лицомъ, но и душою.... Но такія женщины здѣсь не долговѣчны; ихъ мѣсто тамъ, на небѣ, въ сонмѣ ангеловъ, окончилъ, прослезившись, вдругъ старикъ, и польскій снова тронулся.

— Граціи принимаютъ Марса, говорилъ сіяющій Яковъ Борисовичъ своей худощавой, высокой дамѣ.

Толпа плыла по пестрому паркету; оркестръ гремѣлъ; дамы, дѣвицы сіяли бриллiантовыми колье и діадемами; мущины, почтительно наклонивъ станъ, поддерживали нѣжныя дамскія руки, обтянутыя до локтей тонкою лайкой, говорили любезности. Все шло, какъ нельзя лучше. Хозяинъ-графъ сіялъ; Катеневъ шелъ сзади, въ кучкѣ русскихъ офицеровъ безъ дамъ, идущихъ за полонезомъ. Все общество вступило въ круглую залу съ колоннами и остановилось; залъ былъ уставленъ транспарантами, изображающими сраженія и побѣды Суворова; мущины раскланялись съ своими дамами, и всѣ столпились около фельдмаршала, разсматривавшаго картины; богатыри мало находили сходства въ этихъ изображеніяхъ ихъ славныхъ подвиговъ съ дѣйствительностью; клубы дыма, падающія лошади, длинныя колонны войскъ, генералы, фельдмаршалъ на первомъ планѣ, съ указующею вдаль рукою,—вся эта извѣстная обстановка батальныхъ картинъ напоминала стихотворныя описанія битвъ, сочиняемыя тогдашними поэтами съ непремѣннымъ: «и се мужъ брани сѣдовласый», и т. п. Къ фельдмаршалу подошелъ Бельгардъ; Суворовъ сморщился, но раскланялся съ нимъ, и сталъ разсматривать слѣдующую картину.

— Ретирада Моро.... Умный, опытный генералъ, началъ онъ по-французски, обращаясь къ хозяину.—А знаете, какъ онъ ретировался? Смотрите.... Вотъ какъ.

Съ этими словами фельдмаршалъ быстро прошелъ мимо раз-

двинувшихся гостей, прошелъ амфиладу, сцену, первый залъ, гдѣ играли любители, и исчезъ.... Катеневъ, которому велѣлъ не отставать отъ фельдмаршала адъютантъ, объяснявшій обязанности ординарца, побѣжалъ почти бѣгомъ, съ шляпою, и едва догналъ его уже на лѣстницѣ.

Гости ожидали возвращенія, но фельдмаршалъ не возвращался; озадаченный хозяинъ, подозвавъ одного изъ слугъ, шепнулъ ему что-то.

Слуга побѣжалъ въ первую пріемную.

— Уѣхалъ, раздался вопросительный шепотъ въ толпѣ.

— Какъ уѣхалъ? Est ce possible?

— Я увѣряю васъ.

— Уѣхалъ, громко объявилъ высокій господинъ, въ шитомъ мундирѣ, войдя въ залу.

Хозяинъ побѣжалъ куда-то, какъ будто намѣреваясь воротить бѣглеца.

Толпа вопросительно поглядывала, окруживъ высокаго господина.

— Уѣхалъ, повторялъ шитый мундиръ.—При мнѣ онъ сѣлъ въ карету и.... уѣхалъ.

Фуксъ, Милорадовичъ, Багратіонъ и другіе русскіе потихоньку начали ретироваться съ вечера.

— Уѣхалъ, произнесъ разстроенный хозяинъ, подходя къ женѣ.

Графиня пожала плечами, вспыхнула и презрительно улыбнулась.

II.

Маркиза все еще гостила въ Офенѣ; княгиня, передъ отъѣздомъ въ Венецію, просила эрцгерцогиню подождать писать къ императору, рѣшивъ предварительно навести справки въ Неаполѣ чрезъ Италинскаго, при посредствѣ котораго шли сношенія съ неаполитанскимъ дворомъ. Какъ ни милостивы и внимательны были къ маркизѣ высокіе хозяева, ей все-таки хотѣлось оставить Офенъ; положеніе ея въ обществѣ, глядѣвшемъ на нее какъ на «жертву», на несчастную, становилось несносно, и только обаятельная личность хозяйки нѣсколько примиряла съ нимъ маркизу; ей никто не выражалъ словами щекотливыхъ соболѣзно-

ваній, но многозначущіе взоры, «бѣдное дитя», неосторожно вырвавшееся однажды у гофмейстера, многозначительныя пожиманія руки, употребляемыя фрейлиною для выраженія сочувствія къ несчастной, шепотъ гостей, посѣщавшихъ дворецъ,—говорили яснѣе словъ, что романъ ея занимаетъ общество; знакомыхъ маркизы занимала эта исторія вовсе не изъ злорадства или любви къ сплетнямъ, а отчасти отъ недостатка другихъ интересовъ, отчасти изъ свойственной всѣмъ болѣе или менѣе склонности къ творчеству и міру романтическихъ приключеній: общество, подобно поэту, развивало по-своему, украшая живописными подробностями, попавшійся сюжетъ, и разскащикъ жалѣетъ, что не можетъ познакомить читателей съ этою неизданною поэмой. Доставленіемъ обществу подробностей и первою подмалевкой сюжета маркиза обязана была литературной «извѣстной» дамѣ, летавшей мухою изъ Вѣны въ Офенъ, въ Венецію, въ Теплицъ, въ Прагу, опять въ Вѣну, въ Петербургъ чуть не на курьерскихъ; дама, помимо дара наблюденія надъ дѣятельностью поэтовъ и другихъ возвышенныхъ умовъ, обладала и сама нѣкоторою и немалою долею творчества; ея произведенія не печатались, даже рѣдко излагались письменно, но производили въ свое время не малое впечатлѣніе на довѣрчивыхъ и любившихъ заниматься психологическими наблюденіями слушателей и слушательницъ. Баккалавръ Заозерскій заѣзжалъ въ Офенъ, проѣзжая въ Россію; онъ пробылъ дней пять у Самборскаго и видѣлся съ своею бывшею ученицей; литературная дама была въ это время въ Офенѣ и встрѣтилась съ нимъ у маркизы; ученый не понравился дамѣ.

— Сейчасъ видно семинариста, замѣтила она маркизѣ.— Никакого уваженія къ авторитетамъ; онъ, видите, умнѣе всѣхъ, и Вольтера, и Гёте.

— Но онъ не отрицаетъ въ нихъ ума и дарованія: онъ только противъ ихъ направленія, возразила-было маркиза.

— Не говори, ma chère, вѣдь я ихъ знаю, нашихъ духовныхъ; у меня съ Платономъ, бывало.... а тотъ, замѣть, еще терпимѣе. Но тоже.... слушать не хочетъ; мы съ нимъ не могли встрѣтиться, чтобы не заспорить, перебила литературная извѣстность, смѣрявъ маркизу снисходительнымъ взоромъ, выражающимъ: «гдѣ же тебѣ со мною говорить? Ты—ребенокъ, а я всю жизнь свою вожусь съ возвышенными умами и геніальными писателями».

Маркиза поняла значеніе этого взора и замолчала.

Эрцгерцогиня часто ѣздила въ Вѣну къ мужу, который занятъ былъ составленіемъ отдѣльнаго корпуса, такъ какъ въ Вѣнѣ всѣ ожидали войны съ Франціей; Самборскій съ дочерью тоже уѣзжали съ эрцгерцогинею. Длинные осенніе вечера проводила маркиза за книгою одна или вдвоемъ съ Дуняшею, читавшею ей вслухъ; осенній вѣтеръ завывалъ, разгуливая около опустѣвшаго дворца; темная ночь глядѣла въ небольшія окна комнатъ, занимаемыхъ маркизою; маркизѣ, по временамъ, не шло на умъ и чтеніе. Кромѣ личнаго горя, носившіеся слухи о подозрѣніяхъ, возбужденныхъ при вѣнскомъ дворѣ любовью сербовъ и мадьяровъ къ эрцгерцогу и эрцгерцогинѣ, общее положеніе дѣлъ, особенно уяснившееся маркизѣ послѣ бесѣдъ съ прежнимъ учителемъ, навѣвали на молодую женщину невеселое настроеніе. «Преувеличиваетъ, можетъ-быть, Гаврило Даниловичъ», думала маркиза, «называя наше время апокалипсическимъ; но, право, всматриваясь въ окружающее, ждешь громовъ и гласовъ, ждешь грознаго ангела, изливающаго на землю фіалъ гнѣва Божія». И не одна маркиза,—большинство мыслящихъ людей были настроены въ описываемое время точно такъ же; задумались не одни мистики и масоны, толкующіе о борьбѣ змія съ агнцемъ,—сами поклонники свободомыслія поражены были измѣнами повсюду, во всѣхъ лагеряхъ, не исключая и революціоннаго, гдѣ Бонапарте протягалъ уже руку къ обагренной теплою кровью коронѣ. Точно черная, грозовая туча шла надъ міромъ, поражая то одного, то другаго неотразимыми, смертоносными молніями. Всѣ онѣмѣли, ожидая переворота; но какого, куда—никто не могъ опредѣлить; самые ярые отрицатели краснорѣчиво молчали, скрывая отъ противниковъ невольный ужасъ, вселяемый картиною убійствъ, измѣнъ и плахи, на которую шли люди, даже безъ утѣшительной, хотя бы ложной, увѣренности въ правдѣ того, за что жертвовали жизнію. Вмѣсто того, чтобы быть благомъ, свобода сдѣлалась пугаломъ, наказаніемъ, ошеломленному, пронесшимся кровавымъ ураганомъ, міру. Смѣшно, жалко читать дѣтскіе споры стратегиковъ о томъ, кто побѣдилъ въ такой-то битвѣ. Но что такое разрѣшала побѣда (мы исключаемъ, конечно, законную защиту своего очага отъ чужеземца, войну народную)? Что выносилъ съ усѣяннаго трупами и оглашаемаго стономъ изувѣченныхъ жертвъ поля побѣдитель? Какой жизненный, непоколеби-

мый тезисъ вынесенъ человѣчествомъ изъ кровавой, продолжительной борьбы? Вотъ страшный вопросъ, явившійся тогда, когда всѣ ждали окончательнаго вывода, рѣшенія, отвѣта. «Вѣдь кровь не вода, и человѣческая жизнь не шутка», думалъ созерцатель, отыскивая хоть крупицу истины, вынесенную изъ безпощаднаго кровопролитія. Революціонный лагерь въ паническомъ страхѣ отступалъ отъ всего, за что цѣлые годы, не щадя ни своего, ни чужаго живота, стоялъ и ратовалъ. Мы, варвары, еще несли животворныя искры чувства братства изъ грязнаго омута измѣнъ и тяжкихъ разочарованій, а ратовавшіе еще сегодня за равенство, подъ звуки той же марсельезы, вереницею потянулись въ маршалы. Намъ, отдаленнымъ зрителямъ этой кровавой драмы, трудно понять ѣдкую боль, испытываемую людьми, понесшими отъ нея тяжкія, невозвратимыя утраты: траурныя платья въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ Офенѣ попадались на каждомъ шагу; тысячи вдовъ, окруженныхъ, какъ насѣдки цыплятами, дѣтьми, толпились около бюро благотворительныхъ учрежденій, но общественная благотворительность далеко не соразмѣрна была желанію партій и государствъ видѣть себя, во что бы то ни стало, побѣдителемъ.

Большинство на Западѣ перепугалось и кинулось въ церкви, отыскало брошенные-было молитвенники. Іезуиты, опираясь на опасность, угрожающую міру отъ воцарившагося невѣрія, втирались въ испуганную ураганомъ толпу и заставляли ея оправдывать всякія мѣры и средства къ водворенію попранной истины. Изгнанные почти отвсюду, они дѣйствовали тайно; изгнаніе помогало имъ: разыгрывая роль жертвъ, гонимыхъ за истину, они находили сочувствіе даже въ людяхъ, прежде не благоволившихъ къ нимъ; можетъ-быть, никогда они не работали съ бо̀льшимъ успѣхомъ, какъ въ это время.—Письма, получаемыя маркизою изъ Венеціи отъ князя Бориса, были неутѣшительны; они свидѣтельствовали ясно, что святые отцы съ каждымъ днемъ глубже и глубже забирались въ душу впечатлительнаго юноши; маркиза прочла ихъ бывшему своему учителю; баккалавръ вполнѣ раздѣлялъ ея опасеніе, какъ бы князь не перешелъ въ католичество, и обѣщалъ писать къ нему. «Я теперь вполнѣ понимаю вопросы, говорилъ онъ, дѣланные мнѣ княземъ Борисомъ въ Венеціи. Какъ жаль, что я не подлѣ него: письма могутъ быть перетолкованы, но все-таки я буду писать ему».

Баккалавръ не слыхалъ толковъ о маркизѣ, занимавшихъ мѣстное общество; онъ спорилъ цѣлые дни съ Самборскимъ и не встрѣчался ни съ кѣмъ изъ придворныхъ и членовъ офенскаго общества; въ день отъѣзда своего онъ передалъ маркизѣ длинное письмо свое къ князю Борису; такъ какъ маркиза просила его не писать брату объ ея опасеніяхъ, то ученый писалъ обиняками, какъ бы желая дополнить разговоръ въ Венеціи.

Однажды утромъ, Дуняша, вмѣстѣ съ кофеемъ, подала маркизѣ газеты, только-что полученныя съ почты; эрцгерцогиня была въ Вѣнѣ; маркиза, развернувъ одну изъ французскихъ газетъ, разсѣянно пробѣгала извѣстія о томъ, что англійскій посолъ откланялся императору и на дняхъ отъѣзжаетъ изъ Вѣны, что іезуиты опять пробрались въ Римъ, и вдругъ вспыхнула; закрывъ лицо рукою, она опять посмотрѣла въ газету, поблѣднѣла и отвалилась къ спинкѣ кресла.

— Что съ вами? Что вы? спросила Дуняша, вошедшая въ эту минуту за чѣмъ-то въ комнату.

— Прочти, произнесла шепотомъ Маркиза, передавъ ей листокъ и указавъ на одну изъ статей.

Горничная прочла и тоже вся вспыхнула.

— Да онъ ли это? Женатый на русской княжнѣ. Убитъ бандитами, проговорила Дуняша, то взглядывая на госпожу, то опять въ газету.

Маркиза сидѣла молча; состояніе духа ея было похоже на то, какое испытываетъ пѣшеходъ, выбившійся изъ силъ на долгомъ странствованіи по безводной, песчаной степи, увидя вдали кровли и башни. «Что это, и вправду городъ или миражъ?» спрашиваетъ самъ себя путникъ боясь повѣрить глазамъ своимъ.

Княжна заплакала; Дуняша побѣжала за стаканомъ воды; истопникъ взошелъ поправить потухающій каминъ; маркиза встала съ креселъ и подошла къ окну, чтобы скрыть бѣгущія ручьями слезы. День былъ сѣрый; снѣгъ хлопьями неторопливо валилъ, покрывая будто движущеюся сѣткою безлиственный, пожелтѣвшій садъ съ голубымъ куполомъ бесѣдки и полузамерзшимъ прудикомъ; слуга растопилъ каминъ и вышелъ; маркиза прошлась раза два по комнатѣ и опустилась въ кресло, стоявшее противъ камина; отирая продолжавшія бѣжать слезы, она поминутно клала руку на сердце, подымавшее высоко тяжелыя складки темнозеленаго бархатнаго платья; пламя камина все сильнѣе и шире охватывало бѣлыя, березовыя дрова, сверкая въ брилліан-

товой брошѣ и озаряя розовымъ, дрожащимъ свѣтомъ взволнованное, блѣдное лицо красавицы.

Дуняша вмѣстѣ съ стаканомъ воды принесла письмо, полученное съ почты. «Venetia» было напечатано на конвертѣ, надписаномъ рукою князя Бориса.

— Отъ maman, произнесла маркиза, разломивъ знакомую печать.

«Я едва въ состояніи держать перо», писала княгиня, увѣдомляя, что извѣстіе о смерти маркиза получено ею изъ Неаполя. «Онъ убитъ разбойниками, возвращаясь изъ Неаполя въ Римъ. Кто могъ ожидать этой катастрофы?» говорилось дальше въ письмѣ. «Ты дожидайся насъ въ Офенѣ; на этихъ дняхъ мы выѣзжаемъ въ Теплицъ, гдѣ доктора велятъ мнѣ начать курсъ леченія съ весны. Зиму мнѣ совѣтуютъ провести въ Венеціи, но я не могу оставаться здѣсь». Дальше писалъ князь Борисъ, что домъ въ Теплицѣ уже нанятъ, благодаря содѣйствію живущаго тамъ графа Орлова. «Я останусь на нѣкоторое время въ Венеціи», писалъ князь Борисъ, «чтобы расплатиться и привести въ порядокъ дѣла. Maman разстроена очень; здоровье ея плохо, но доктора не видятъ опасности. На дняхъ я буду писать тебѣ больше. Да утѣшитъ тебя Господь и поможетъ перенести тяжесть испытанія». Въ послѣднихъ письмахъ своихъ молодой князь чаще упоминалъ о Богѣ и выражался чуть не текстами. Старый князь приписывалъ тоже нѣсколько строкъ своимъ тяжелымъ, крупнымъ почеркомъ, совѣтуя дочери «беречь себя и покориться волѣ Божіей».

Печать на письмѣ была цвѣтная: черною, вѣроятно, боялись напугать молодую вдову; Дуняша переминалась около кресла: ее мучило понятное любопытство.

— Что пишетъ ея сіятельство? спросила она.

— Да, то же; маркизъ скончался. Хочешь, прочти письмо.

Горничная взяла письмо, отошла къ окошку и, прочитавъ, бросилась цѣловать руки маркизы.

— Что ты? Развѣ можно радоваться несчастію? смутившись, заговорила маркиза.

— Я не радуюсь. Но, вѣдь, вы-то мнѣ дороже всѣхъ, поправилась Дуняша.

Маркиза, облокотясь на ручку кресла, задумчиво смотрѣла на играющее пламя.

Такъ бродятъ послѣ продолжительной грозы отдѣльныя, разо-

рванныя тучки; кой-гдѣ сквозитъ уже лазоревое небо, и солнце прорывается широкимъ, грѣющимъ лучемъ; но какъ опредѣлить: будетъ ли вёдро, или же, сплавившись въ одну свинцовую, сплошную тучу, пары заволокутъ лазурь и будутъ снова метать молніи, подъ грозные раскаты грома?

Старикъ, крѣпостной маркизы, пріѣхавшій съ нею изъ Венеціи, подалъ ей небольшой пакетъ.

— Отъ кого?

— Его превосходительство прислали. Они получили изъ Вѣны отъ ея высочества, отвѣчалъ слуга и вышелъ.

Подъ его превосходительствомъ старикъ разумѣлъ гофмейстера; адресъ писанъ былъ незнакомою рукою на имя эрцгерцогини съ покорнѣйшею просьбою передать маркизѣ ди-Сальма; маркиза распечатала; письмо было французское. «Неизвѣстные друзья рѣшились сообщить вамъ, маркиза, о подозрѣніи, взводимомъ на родственника вашего, поручика русской арміи Катенева. Вы, конечно, знаете, что супругъ вашъ, попавшись въ руки негодяевъ, скончался; объ убійствѣ его производится въ Неаполѣ строжайшее слѣдствіе; Пьера Катенева обвиняютъ въ смерти маркиза: будто бы онъ, бывъ у Лагоца, подкупилъ убійцъ. Эта нелѣпѣйшая клевета уже почти опровергнута нами, но мы рѣшились увѣдомить васъ для того, чтобы васъ не напугали слѣдователи, обратясь къ вамъ за какимъ-нибудь объясненіемъ. Правда восторжествуетъ несомнѣнно, но враги сильны, работаютъ усердно, почему мы и рискнули, повторяемъ, увѣдомить васъ. Просимъ васъ не тревожиться; дѣло объяснится какъ нельзя лучше; вѣрьте, что клевета не устоитъ противъ истины».

Прочтя письмо, маркиза хотѣла встать, но снова опустилась въ кресло, комната пошла кругомъ, полъ заколебался подъ ногами; закрывъ руками лицо, она склонилась безъ чувствъ на плечо подбѣжавшей Дуняши; дѣвушка отвела ее въ спальню; едва успѣла она раздѣть ее и уложить въ постель, какъ начался жаръ и бредъ. Дуняша позвонила и послала слугу за докторомъ. «Да скорѣе, спроси адресъ доктора у гофмейстера», говорила дѣвушка, убѣгая въ спальню. Придворный врачъ уѣхалъ въ Вѣну съ эрцгерцогинею. Бредъ усилился; пораженный мозгъ больной, перепутывая впечатлѣнія, создавалъ картину за картиной: «убійство, кровь, апокалипсическое время», твердила больная, крѣпко прижимаясь къ Дуняшѣ; лицо все горѣло какъ въ огнѣ. Наконецъ, чрезъ часъ, явился докторъ; прописавъ что-то, врачъ

уѣхалъ; на бѣду, онъ не говорилъ по-французски, и Дуняша не могла добиться отъ него, опасна или нѣтъ больная; ночь провела она въ полузабытьи; утромъ жаръ стихъ и маркиза пришла въ себя. Дуняша подала микстуру.

— Письмо у тебя? спросила ее маркиза, принявъ лекарство.

— У меня, отвѣтила горничная.

— Дай мнѣ его.

— Не думайте объ этомъ.. Все это вздоръ.. Какой-нибудь безумный написалъ.

— Дай, говорятъ тебѣ, повторила маркиза.

Дуняша подала письмо, больная прочла его и положила подъ подушку; полежавъ минутъ пять, она подозвала горничную.

— Никого нѣтъ тамъ? спросила она, указавъ на полурастворенную дверь въ гостиную.

— Никого. А что вамъ?

— Послушай, начала больная,—любишь ты меня?

— Вы знаете, люблю ли, отвѣчала улыбаясь Дуняша.

Дѣвушка приняла намѣренно шутливый тонъ, замѣтивъ въ лицѣ больной восторженное настроеніе.

— Скажи мнѣ откровенно, продолжала маркиза,—не скрывая скажи: какъ ты думаешь, могъ онъ рѣшиться?.... Могло это быть?

— Какъ вамъ не грѣхъ такъ думать, отвѣчала, вспыливъ уже, Дуняша.—Да что на немъ креста что ли нѣтъ? Что вы это?

— А зачѣмъ же онъ меня спрашивалъ, ты помнишь: люблю ли я его? Врагъ силенъ. Зачѣмъ ему нужно было знать? спрашивала сквозь слезы больная, приподнявшись съ подушекъ, взволнованнымъ голосомъ.

— Я вамъ ручаюсь Богъ знаетъ чѣмъ, что это сплетня, клевета, отвѣчала Дуняша.

Маркиза успокоилась нѣсколько и легла, подложивъ подъ голову руки. Странно: мучительное, страшное подозрѣніе, нежданно залетѣвшее въ душу, сразу распалось отъ одного слова дѣвушки, словамъ которой въ другомъ случаѣ маркиза не давала большаго значенія; такъ вѣритъ человѣкъ легко тому, въ чемъ ему хочется увѣриться.

Въ полдень явился врачъ; пришелъ гофмейстеръ провѣдать о здоровьѣ больной.

— Какъ вы находите? Нѣтъ опасности? спрашивалъ придворный, расхаживая на носкахъ, чтобы не стучать, по гостиной съ докторомъ.

Врачъ, сухощавый, высокій человѣкъ лѣтъ пятидесяти, отличался неторопливыми манерами; понюхавъ табаку, онъ началъ говорить о кризисѣ, котораго надо ожидать, о необходимости прервать горячку и, заключивъ свою длинную рѣчь латинскою фразою: «ultra posse nemo obligatur», ушелъ къ проснувшейся паціенткѣ.

— Гдѣ вы нашли такого деревяннаго доктора, votre exellence? спросила по-французски Дуняша гофмейстера, проходя гостиною.

— Почему деревяннаго, ma bonne amie? милостиво спросилъ, тоже улыбнувшись, гофмейстеръ.

— Да помилуйте... Его спрашиваютъ: «можно ли дать лимонаду», а онъ чрезъ полчаса отвѣчаетъ: «я подумаю и въ слѣдующій визитъ скажу вамъ, можно ли».

— Остороженъ; это и прекрасно, отвѣчалъ гофмейстеръ, попробовавъ рукою, не дуетъ ли въ окна, и выходя на цыпочкахъ изъ гостиной.

Докторъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ бѣситъ всякая тревога; чѣмъ болѣе тревожилась семья, друзья больнаго, тѣмъ онъ становился сердитѣе и отвѣчалъ медленнѣе, намѣренно разставля слова и дѣлая продожительныя паузы.

Бредъ прекратился, но больная была слаба и лежала въ постели; она мало спала и ночи на пролетъ думала о письмѣ, писанномъ неизвѣстными друзьями; ее мучила неизвѣстность, гдѣ Пьеръ, не схваченъ ли, знаетъ ли княгиня о тяжеломъ, на него взведенномъ подозрѣніи? Подъ врагами она не знала кого разумѣть; Дуняша увѣряла ее, что это кто-нибудь изъ монсиньоровъ и аббатовъ, знакомыхъ маркизу. «Вотъ, попомните мое слово, это какой-нибудь грачъ, въ родѣ вашего сладкаго аббата, пріѣзжавшаго въ Раздолье», говорила дѣвушка.

На четвертый день болѣзни, маркиза, оставаясь въ постели, приняла гофмейстера; поблагодаривъ его за вниманіе къ ней и извинившись, что надѣлала такъ много безпокойства, она спросила, когда будетъ изъ Вѣны ея высочество.

— Я жду на дняхъ. Эрцгерцогъ, кажется, еще пробудетъ съ мѣсяцъ въ Вѣнѣ, отвѣчалъ гофмейстеръ.—Ея высочество уже слышала о вашей тяжкой утратѣ и поручила вамъ передать, маркиза, что она вполнѣ сочувствуетъ вашему горю, прибавилъ, откланиваясь, придворный.

— Эрцгерцогиня такъ добра ко мнѣ, что я не знаю, какъ благодарить ее, отвѣчала маркиза, протянувъ руку гофмейстеру.—

Будете писать, потрудитесь поблагодарить ея высочество и скажите, что я высоко цѣню ея участіе ко мнѣ.

Письмо гофмейстера не могло застать въ Вѣнѣ эрцгерцогиню; она на другой день описаннаго визита, или «пэти леве» маркизы, какъ называли тогда утренніе пріемы, была уже въ Офенѣ; дворецъ ожилъ; гофмедикъ смѣнилъ неторопливаго доктора; фрейлина посѣщала маркизу; камеръюнгферы поминутно бѣгали освѣдомляться объ ея здоровьи: ее любили всѣ во дворцѣ, начиная отъ гофмейстера, оказавшагося добрѣйшимъ старикомъ, и кончая карликомъ, звавшимъ ее: «rûssische Markise» («русская маркиза»). На другой день пріѣзда эрцгерцогиня прислала спросить: можетъ ли она навѣстить ее? Маркиза всполошилась и хотѣла сама встать, но гофмедикъ положительно запретилъ ей еще недѣли двѣ выходить изъ своей комнаты; часовъ въ двѣнадцать вошла въ спальню къ ней эрцгерцогиня; больная сидѣла въ креслахъ.

— Зачѣмъ вы встали? спросила хозяйка, поздоровавшись и усаживаясь подлѣ маркизы.

Маркиза отвѣчала, что ей лучше, и послѣ обычныхъ вопросовъ и отвѣтовъ о здоровьи, о дорогѣ изъ Вѣны, маркиза и эрцгерцогиня замолчали; онѣ желали, замѣтно, поговорить о главномъ—о смерти маркиза; но эрцгерцогиня боялась напоминать больной объ этомъ, а маркиза не смѣла начать рѣчь о себѣ.

— Вы получили, надѣюсь, письмо на мое имя для передачи вамъ? просила эрцгерцогиня.

Маркиза поблагодарила и отвѣчала, что получила.

— Это отъ вашихъ? Здоровы они?

— Нѣтъ.... Это не отъ maman, ваше высочество, отвѣчала маркиза, опустивъ глаза и краснѣя.—Я не хотѣла обременять вниманіе ваше разсказомъ о своихъ тревогахъ, продолжала она послѣ непродолжительнаго молчанія и взглянувъ прямо въ глаза эрцгерцогинѣ,—но такъ какъ вы изволили спросить сами объ этомъ загадочномъ письмѣ, то позвольте мнѣ показать вамъ его.... Я не могу понять, кѣмъ оно писано, какъ ни ломаю голову.... Вотъ оно, окончила маркиза, вынимая письмо изъ бархатнаго маленькаго ридикюля.

Эрцгерцогиня стала читать, пожимая иногда плечами.

— Странно, обратилась она къ маркизѣ, окончивъ чтеніе и возвращая письмо.—Кто это Катеневъ?

— Это одинъ мой сверстникъ, дальній родственникъ нашъ; онъ состоитъ при фельдмаршалѣ, отвѣчала довольно спокойно маркиза.

— Въ самомъ дѣлѣ загадка, говорила эрцгерцогиня.

Маркиза пытливо посмотрѣла на нее изъ подъ опущенныхъ темныхъ рѣсницъ; эрцгерцогиня слегка покраснѣла, и обѣ молодыя женщины, какъ уличенныя въ неискренности дѣти, потупили глаза и замолчали.

— Я припоминаю; я что-то слышала, заговорила, взглянувъ на притворенную дверь эрцгерцогиня.—Не помню, кто мнѣ говорилъ, что....

— Что Катеневъ влюбленъ въ меня, докончила, чтобы вывести изъ затрудненія эрцгерцогиню, маркиза.—Мы вмѣстѣ росли, ваше высочество.... Очень понятная дѣтская дружба всегда существовала между нами. Потомъ онъ мнѣ признался, когда я была уже невѣстою, что любитъ меня.... Я сочла это ребяческою выходкою, увлеченьемъ, и запретила ему напоминать, говорить объ этомъ. Потомъ, продолжала, переводя духъ, маркиза,—въ Италіи, когда онъ былъ въ Анконѣ, онъ прислалъ мнѣ письмо, гдѣ спрашиваетъ вдругъ меня: «люблю ли я его»?

— И что же вы отвѣтили? спросила, придвигая ближе кресло, эрцгерцогиня.

— Я имѣла неосторожность, отвѣчала сквозь слезы маркиза,— написать ему, не прямо, обиняками, что.... Я не писала, что люблю его, но.... почти-что высказала это.... Я боялась за него и не рѣшилась отвѣчать жестко. Мнѣ жаль, что у меня нѣтъ черноваго отвѣта.... Вотъ все, что между нами было.

— Письмо ему вы отправили по почтѣ?

— По почтѣ.

— А его письмо?

— Его письмо доставлено мнѣ однимъ итальянцемъ, прямо мнѣ въ руки, отвѣчала маркиза.

— Маркизъ вѣдь, говорятъ, былъ близокъ съ іезуитами.... Это ихъ дѣло, проговорила эрцгерцогиня. — Перешлите безъименное письмо съ курьеромъ Катеневу....

— Но я боюсь, какъ бы не повредить ему этимъ....

— Чѣмъ повредить? Онъ долженъ знать, заговорила оживленно эрцгерцогиня.—Непремѣнно перешлите.... Конечно, обвиненіе падетъ само собою; истина откроется, но до этого все-таки онъ можетъ подвергнуться непріятностямъ.... Онъ, вѣроятно, тоже

предувѣдомленъ, но на это надѣяться нельзя. Нѣтъ, перешлите, я вамъ совѣтую....

— Я это сдѣлаю.... И вмѣстѣ я думаю все откровенно объяснить maman.... Узнавъ объ этомъ стороною, она перепугается и того гляди сляжетъ. Я виновата передъ ней, что не сказала ей о письмѣ его тотчасъ же, говорила сквозь сверкающія слезы маркиза.

Эрцгерцогиня врядъ ли слышала половину послѣднихъ словъ маркизы; молодое воображеніе ея работало; цѣлый романъ разростался изъ несложнаго сюжета любви артиллерійскаго поручика къ своей кузинѣ.

— Но.... однако мнѣ пора. У меня еще пріемъ сегодня, вставъ съ креселъ, проговорила очнувшись эрцгерцогиня. — Сидите ради Бога, прибавила она, взявъ за плечи и цѣлуя намѣревавшуюся встать маркизу.—Не думайте много объ этомъ.... Croyez moi, все это кончится пустяками.... Фельдмаршалъ, мы всѣ вступимся наконецъ и черезъ годъ.... Ecoutez.... мы пируемъ на вашей свадьбѣ. Нѣтъ, безъ шутокъ, перешлите ему это письмо и, пожалуй, это хорошо, напишите все, какъ есть, княгинѣ. Прощайте.... Я еще навѣщу васъ.

Маркиза встала-было проводить, но эрцгерцогиня притворила дверь съ словами: «ни шагу далѣе, маркиза. Иначе я нажалуюсь на васъ доктору».

III.

Катенева изъ Праги увезъ съ собою въ Теплицъ Милорадиничъ, приглашенный погостить и поохотиться графомъ Орловымъ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, сосланный по смерти императрицы Екатерины въ деревню, исходатайствовалъ у императора дозволеніе поселиться за границею; образъ жизни русскаго барина былъ предметомъ удивленія не только мѣстныхъ жителей, но и пріѣзжавшихъ въ Теплицъ лечиться иностранцевъ. Вдовецъ, вся семья котораго состояла изъ малолѣтней дочери и воспитанника, красиваго мальчика лѣтъ шестнадцати, графъ занималъ чуть не половину городка, держалъ оркестръ музыкантовъ, хоръ пѣсенниковъ, охоту и цѣлую мастерскую нанятыхъ и крѣпостныхъ живописцевъ,—словомъ, жилъ какъ въ

своемъ помѣстьѣ. Русскіе дипломаты, государственные люди проѣзжали мимо его дворца, считая неловкимъ и небезопаснымъ заѣзжать къ опальному; но множество иностранцевъ-знаменитостей и простыхъ туристовъ, художниковъ, ученыхъ постоянно гостили по недѣлямъ у графа. Въ день празднованія коронованія императора Павла, графъ задалъ пиръ на весь міръ, иллюминовавъ не только городъ, но и окрестности; цѣлый день гремѣла у него музыка, пѣлись русскія пѣсни, заливались рожечники и на роскошномъ балѣ танцовалъ весь Теплицъ; для простаго народа были выкачены бочки пива, выставлены жареные гуси, бараны, цѣльные быки съ вызолоченными рогами, ходили по канатамъ акробаты; въ садахъ, на улицахъ горѣли щиты съ вензелями императоровъ Павла и Франца; праздникъ окончился бенгальскими огнями по горамъ и колоссальнымъ фейерверкомъ; императоръ Павелъ, увѣдомленный, чрезъ наше вѣнское посольство, объ этомъ пирѣ, былъ очень доволенъ поступкомъ графа, напоминавшимъ проказы эпическаго Садки богатыря, затѣявшаго въ три дня закупить весь товаръ въ Великомъ Новѣгородѣ; Теплицъ и окрестности долго потомъ разсказывали о богатырскомъ пирѣ, возводя богатство русскаго графа до баснословныхъ размѣровъ. О богатствѣ русскихъ баръ и польскихъ пановъ тогда ходили цѣлыя легенды: такъ, напримѣръ, разсказы о радзивиловскомъ червонцѣ съ жерновъ, который не могъ будто бы размѣнять лондонскій банкъ, и о какомъ-то панѣ, кидавшемъ во время угощенія короля изъ оконъ золотую и серебряную посуду, вы услышите и теперь въ Польшѣ, Литвѣ и Бѣлоруссіи. Эти паны и наши бары и по фигурѣ были, большею частію, люди крупные; у графа Орлова, напримѣръ, начиная съ его львиной головы до рукъ и богатырской груди, увѣшанной всевозможными лентами и орденами, все было массивно; разсказываютъ, что онъ вмѣсто душъ употреблялъ пожарную трубу; ихъ похожденія, даже пороки и добродѣтели были тоже крупны; предъ похожденіями Потемкина, казака Разумовскаго блѣднѣютъ миѳическіе подвиги какого-нибудь «Вани-клюшничка»; отъ хаты-мазанки до дворца сколько сценъ, положеній просятся на холстъ, и нельзя довольно надивиться нашимъ художникамъ, жалующимся на недостатокъ интересныхъ сюжетовъ для картинъ въ русской исторіи.

Охота съ борзыми, которою угостилъ графъ, во владѣніяхъ князя Лобковица (жившаго въ Вѣнѣ), Милорадовича, тоже была

блестяща; доѣзжачіе, псари въ бархатныхъ чекменяхъ и шапкахъ, обшитыхъ серебромъ и бобрами, серебряные вызолоченные рога, уздечки съ серебрянымъ наборомъ, торжковскіе шитые золотомъ ошейники борзыхъ, турецкій разноцвѣтный шатеръ съ персидскими коврами, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ, длинный поѣздъ четверками и тройками, съ русскими бубенцами и бляхами на лошадяхъ, въ линейкахъ и коляскахъ,—все это поражало туземцевъ и пріѣзжихъ невиданною роскошью и широкими размѣрами.

Катенева, любившаго живопись, не столько занимала охота и богатая оружейная графа, сколько собраніе картинъ и статуй, пріобрѣтенное графомъ за границею. Чего тутъ не было? И акварели, масляныя картины, портреты кисти Анджелики Кауфманъ, старыхъ мастеровъ, антики въ превосходныхъ копіяхъ, толстыя папки гравюръ, офортовъ и эскизовъ. Катеневъ цѣлые часы просиживалъ въ графской, размѣщенной кое-какъ, походной галлереѣ; тамъ познакомился онъ съ молодымъ «Рембрандтомъ», сопутствовавшимъ баккалавру, учителю Катенева; художникъ оканчивалъ портретъ во весь ростъ маленькой графини.

— Я жду сюда на дняхъ князя Петра Тунгусова, сказалъ однажды за обѣдомъ графъ.

Катеневъ вздрогнулъ.

— Они въ Венеціи еще? спросилъ онъ.

Поручикъ писалъ изъ Праги Борису, но не получилъ отвѣта.

— Въ Венеціи, отвѣчалъ графъ.—Nadine у эрцгерцогини въ Офенѣ, но и она будетъ сюда; я жду съ часу на часъ ихъ и велѣлъ отапливать домъ. Прекрасный домикъ нанялъ имъ мой управляющій. Княгинѣ велѣно лечиться здѣсь водами.... Курсъ съ весны, но она пожелала провести здѣсь зиму. А ты развѣ знаешь ихъ?

Графъ говорилъ то «вы», то «ты» поручику, но, по барской привычкѣ, разговоръ съ людьми поменьше безъ покровительственныхъ «братецъ и ты» какъ-то у него не ладился.

— Знаю, графъ. Они мнѣ даже нѣсколько сродни, отвѣчалъ Катеневъ.

— А.... Да, они очень убиты.

— Чѣмъ же? спросилъ Катеневъ.

— Какъ «чѣмъ»? Nadine вѣдь овдовѣла. Il est mort, ce petti marquis.... Какъ его? припоминалъ графъ.

— Ди-Сальма? спросилъ Катеневъ.

— Да, ди-Сальма.... Они неосторожно поступили, отдавъ за него дочь, сказалъ графъ.—Вѣдь онъ, говорятъ, оказался всесвѣтнымъ шпіономъ. Jmaginez, продолжалъ онъ, обращаясь къ Милорадовичу,—онъ передавалъ кому угодно не только объ русскихъ, но даже депеши посольства, при которомъ состоялъ.

— Но какже никто не предостерегъ Тунгусовыхъ? спросилъ Милорадовичъ.

— Ихъ предостерегали.... Растопчинъ, говорятъ, узнавъ о подвигахъ проходимца, упросилъ государя выслать его, и его выслали, но канцлеръ опоздалъ.... Маркиза взяли послѣ вѣнца, въ самый день свадьбы.

Катеневъ чуть не упалъ со стула; онъ не слыхалъ объ арестѣ маркиза; кровь бросилась ему въ голову; онъ выпилъ залпомъ стоявшую передъ нимъ рюмку вина; кровь еще сильнѣе хлынула въ голову; молодой человѣкъ почти пересталъ понимать, гдѣ онъ.

— Что съ вами, Петръ Тимоѳеевичъ? спросилъ воспитанникъ графа, сидѣвшій рядомъ съ нимъ

— Не знаю.... Такъ что-то вдругъ, закружилась голова, но теперь лучше, отвѣчалъ поручикъ, проглотивъ глотокъ воды.

— Здѣсь жарко, объяснилъ графъ, оглядывая своими большими зрачками комнату и потрепавъ по щечкѣ дочь, сидѣвшую между нимъ и гувернанткою.

Сидѣвшій по другую сторону хозяина, Милорадовичъ случайно взглянулъ на Катенева, что того заставило еще болѣе смутиться; поручикъ вспомнилъ, что генералъ видѣлъ портретъ маркизы у него въ эскизной книжкѣ; на счастье влюбленнаго, заиграла роговая музыка и разговоръ сдѣлался оживленнѣе между гостями, когда къ десерту поданъ былъ огненный токай и русскія наливки; гостей было человѣкъ тридцать, англичанъ и русскихъ. Милорадовичъ смѣшилъ всѣхъ, разсказывая о способѣ объясненія нашихъ солдатъ съ итальянцами, и особенно утѣшилъ графа разсказомъ о Шереметевѣ, угостившемъ австрійскаго гусара нашею казачьей лошадью на охотѣ на волковъ: гусаръ, принявшій за клячу неказистаго донца, едва усидѣлъ на немъ, когда донецъ понесся за лошадью графа; чѣмъ короче подбиралъ поводья гусаръ, тѣмъ конь, пріѣзженный по-казацки, больше прибавлялъ ходу. Гости смѣялись; Катеневъ едва могъ дождаться конца длиннаго обѣда и ушелъ тотчасъ въ

свою комнату на верху; расхаживая взадъ и впередъ, онъ весь отдался впечатлѣнію, произведенному на него неожиданною новостью: то навѣвала эта вѣсть ему свѣтлыя грезы, подобныя солнечнымъ лучамъ, неожиданно засіявшимъ сквозь туманъ и мглу осенняго, тоскливаго, сыраго утра; то величаво-холодный образъ княгини, словно сѣрое облако, загораживалъ свѣтъ, и на душу налетало опять тоскливое настроеніе, съ которымъ уже сжился, какъ заключенный съ одинокою тюрьмой, безнадежно влюбленный. То вдругъ казалась ему эта неожиданная смерть милостью, ниспосылаемою свыше ему, терпѣвшему безмолвно и безропотно, подчасъ невыносимую, ни на минуту неотходную, боль сердца; то налетала мысль, что и вдовство любимой женщины могло превратиться въ злую насмѣшку надъ нимъ, надъ его пробудившимися надеждами и мечтами. «Можетъ-быть и она», думалъ влюбленный, «давно забыла о привязанности, возникшей въ школьной комнатѣ?» Ему даже казалось, что эти дѣтскія отношенія мѣшаютъ развитію чувства; ему, знавшему изъ романовъ о любви, думалось, что она должна вспыхнуть внезапно, при появленіи гдѣ-нибудь въ окнѣ прекрасной незнакомки незнакомцу, таинственному рыцарю.

Вечеръ Катеневъ просидѣлъ у себя, отказался отъ ужина, подъ предлогомъ головной боли, и не спалъ на пролетъ всю ночь. Утромъ, часовъ въ семь, дверь отворилась и въ комнату вошелъ въ халатѣ, съ трубкой, Милорадовичъ; поздоровавшись, онъ придвинулъ къ письменному столу, противъ котораго сидѣлъ поручикъ, кресло и началъ:

— Послушайте, Петръ Тимоѳеевичъ, я давно хотѣлъ съ вами поговорить.... Вы, вѣдь, на себя не похожи. Послушайте, мы—боевые товарищи, церемониться намъ нечего.... Меня къ вамъ привело не простое любопытство, а.... участіе, желаніе помочь вамъ.... Вы меня мало знаете....

— Нѣтъ, я васъ знаю, Михаилъ Андреевичъ, перебилъ Катеневъ —Я не умѣю говорить, но это еще не значитъ, что не умѣю цѣнить и уважать такихъ людей, какъ вы....

— Благодарю васъ, перебилъ, смущенный этою неожиданною, жаркою рѣчью, Милорадовичъ.—Но не въ этомъ дѣло. Вѣрьте одному: вы во мнѣ найдете человѣка, умѣющаго цѣнить святыню чувства.... Я былъ самъ влюбленъ, прибавилъ онъ съ сдержаннымъ вздохомъ,—слѣдовательно.... Но перехожу прямо къ

дѣлу.... Я замѣтилъ, что извѣстіе о вдовствѣ маркизы поразило васъ.... Вы ее любите?

— Любилъ, отвѣчалъ, вспыхнувъ весь, Катеневъ.

— Любилъ, это прошедшее, продолжалъ, придвинувъ кресло и разсмѣявшись Милорадовичъ.—Но, мой Богъ, что-жь тутъ такого?... Вы ее любите; вѣдь это видно, прибавилъ онъ, взглянувъ на него.

— Но что-жь изъ этого? спросилъ Катеневъ.

— Какъ «что»?... Надобно дѣйствовать, ковать, пока желѣзо горячо.

— Михаилъ Андреевичъ, началъ, задыхаясь отъ волненія и поблѣднѣвъ, Катеневъ:—я никому бы не признался кромѣ васъ, что люблю ее, но что-жь изъ этого?... Мнѣ суждено носить эту любовь въ глубинѣ сердца, ныть, терпѣть, носить... вотъ какъ ношу я этотъ образъ, продолжалъ онъ, хлопнувъ рукою по золотому образку, мотавшемуся подъ разстегнутымъ мундиромъ.

— Развѣ она не отвѣчаетъ на ваше чувство? спросилъ чуть не шепотомъ Милорадовичъ.

— Положимъ, любитъ и она.... Тутъ дѣло не о томъ.... Вы знаете княгиню?

— Знаю.... Мы съ братомъ звали ее Минервою, отвѣчалъ Милорадовичъ.

— Слѣдовательно, вамъ нечего объяснять, что она не выдастъ дочь за дворянина, бѣдняка, не графа, не маркиза. Просить мнѣ у нея руки Nadine—это только подвергнуть ее снова непріятностямъ, упрекамъ, колкостямъ, отъ которыхъ она натерпѣлась вдоволь подлѣ этой мраморной, холодной, ледяной матери.

Катеневъ всталъ и принялся ходить; Милорадовичъ задумался, покуривая трубку.

— А увезти? спросилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— На это она никогда не согласится.... Это не такая «дѣвушка», хотѣлъ сказать Катеневъ, но поправился и прибавилъ:— вы эту «женщину» не знаете....

— Мой Богъ! Знаете что? началъ, хлопнувъ себя по высокому лбу, Милорадовичъ.—Позволите мнѣ сказать объ этомъ фельдмаршалу?

— Фельдмаршалу? спросилъ, остановившись передъ собесѣдникомъ, поручикъ.

— Ну да, фельдмаршалу, повторилъ Милорадовичъ.

Катеневъ попятился и пристально посмотрѣлъ на генерала, какъ бы желая увѣриться, ужь не спятилъ ли онъ съ ума, или весь разговоръ не былъ ли простымъ препровожденіемъ времени для его превосходительства.

— Мой Богъ! Да что вы такъ на меня смотрите? началъ, замѣтивъ пытливый взглядъ юноши, Милорадовичъ.—Что вы думаете, звѣрь что ли лютый князь?

— Я этого не думаю; но все-таки....

— Но что же? Я почти увѣренъ, что онъ приметъ живѣйшее участіе, договорилъ, вскочивъ съ своего мѣста и выпятивъ широкую грудь, генералъ.—И мы васъ женимъ, добавилъ онъ, расхохотавшись и хлопнувъ по плечу Катенева, все еще стоявшаго передъ нимъ съ миною изумленія и испуга на лицѣ.— Позволяете?

— Позвольте мнѣ подумать и.... предварительно списаться съ ней, отвѣчалъ Катеневъ.

— Подумайте, спишитесь, но не вѣшайте голову.... Право же, дѣло вовсе не такъ недостижимо, какъ вамъ кажется. Au revoir.... Князь, кстати, обѣщалъ на дняхъ быть въ Теплицѣ.

Милорадовичъ вышелъ; Катеневъ усѣлся за письмо маркизѣ; онъ долго грызъ перо, ходилъ по комнатѣ, придумывая, какъ начать; одинъ испорченный листокъ замѣнялся другимъ. «Нѣтъ, не годится», рѣшалъ влюбленный, разрывая написанное, и принимался снова ходить, обдумывая планъ письма, рѣшающаго его участь. Врядъ ли когда самому бездарному поэту такъ трудно доставалось риѳмованное стихотвореніе, поэма, ода, какъ влюбленному поручику это, въ самомъ дѣлѣ, мудреное и щекотливое письмо.

Письмо вышло короткое; сначала сочинитель описалъ-было подробно разговоръ свой съ Милорадовичемъ, но потомъ выбросилъ его и прямо просилъ позволенія переговорить съ фельдмаршаломъ: «какъ онъ мнѣ посовѣтуетъ, такъ я и сдѣлаю.... Словомъ, теперь судьба моя въ рукахъ вашихъ, Nadine», писалъ поручикъ. «Отвѣтите—да, я поведу дѣло, скажете—нѣтъ, я покорюсь и буду попрежнему безмолвно и безъ ропота терпѣть и хранить въ сердцѣ чувство къ вамъ, какъ святыню, до конца моей одинокой жизни. Жду отвѣта съ этимъ же курьеромъ». Оглядѣвъ наложенную крѣпко на конвертъ печать, поручикъ положилъ письмо въ карманъ и пошелъ къ Милорадовичу хлопо-

тать о курьерѣ; нарочный, отправляемый Орловымъ зачѣмъ-то въ Петербургъ, по просьбѣ Милорадовича, долженъ былъ заѣхать въ Офенъ и, дождавшись отвѣта, переслать его тотчасъ же въ Теплицъ съ эстафетою. Курьеръ уѣхалъ около полудня. Катеневъ поминутно разсчитывалъ часы, минуты, соображая, скоро ли, и даже въ какое время дня, маркиза получитъ его жаркое посланіе. «Не унывайте», шепталъ ему по временамъ Милорадовичъ. «Вѣдь планъ аттаки сдѣлалъ, а потомъ—раздумывать нечего. C'est le moment, qui donne la victoire *).

Время нельзя сказать чтобы летѣло для Катенева; въ ожиданіи отвѣта, оно плелось, вѣрнѣе, нога за ногу для влюбленнаго, не сокращаясь удовольствіями и забавами, изобрѣтаемыми гостепріимнымъ графомъ: выпавшій небольшой снѣгъ далъ поводъ графу устроить катанье на саняхъ тройками и бѣгъ воронымъ, горбоносымъ, знаменитымъ рысакамъ графскаго завода; воспитанникъ графа, страстный охотникъ, возилъ Катенева на шалаши бить тетеревей, на порошу, точно гдѣ-нибудь въ русскомъ помѣстьѣ; одинокія поѣздки были болѣе по вкусу, занятому одною мыслью, Катеневу, чѣмъ катанья съ многочисленнымъ обществомъ; сидя одинъ въ шалашѣ, или бродя съ ружьемъ по неглубокому, первому снѣгу, въ тиши безмолвнаго кустарника, онъ могъ свободно предаваться своимъ гаданіямъ и думамъ; припоминая каждое слово отправленнаго письма, молодой поручикъ старался угадать, какое впечатлѣніе произведетъ оно на любимую имъ женщину; что она любила его, онъ зналъ изъ письма ея изъ Венеціи, но чѣмъ ближе счастье, тѣмъ придирчивѣе дѣлается человѣкъ къ каждому обстоятельству, факту, намеку на фактъ, говорящему, что ожидаемое можетъ и не сбыться, разстроиться. «Отчего она затушевала, однако, слово: твоя?» придирался влюбленный. Время, точно поддразнивая, казалось, тащилось еще медленнѣе. Въ виду роднаго жилья длиннѣе дѣлаются версты, медленнѣй бѣгъ почтовой тройки, лѣнивѣе движеніе часовой стрѣлки. Къ этому думалось и другое поручику, ожидавшему безапелляціоннаго приговора маркизы: «а какъ да все перемѣнилось; времени прошло не мало отъ письма; она живетъ въ блестящемъ, придворномъ кругу. Кто поручится за женское сердце? Какъ знать, быть-можетъ потянуло давно его къ другому, болѣе

*) Минута даетъ побѣду.

крупному куску магнита? Кругъ молодыхъ ученыхъ, окружающихъ Бориса, петиметровъ, военныхъ, дипломатовъ, служащихъ при эрцгерцогѣ.... Кто знаетъ, что ей приходило въ голову при взглядѣ на гипсовый силуэтъ мальчика-кадета, послѣ бесѣды съ какимъ-нибудь пылкимъ поборникомъ вольности или даже просто съ бойкимъ и отлично выдрессированнымъ версальцемъ, плѣняющимъ чувствительныя женскія сердца разсказами о своихъ живописныхъ несчастіяхъ?»

— Вѣдь это изъ-подъ васъ, Петръ Тимоѳеевичъ, поднялся заяцъ. Вотъ лежка. Какъ вы это не видали? говорилъ съ досадою воспитанникъ графа, подходя на охотѣ къ Катеневу.

Смущенный поручикъ увѣрялъ, что этого быть не можетъ, что заяцъ, вѣроятно, поднялся до него, и шелъ дальше, не видя заячьихъ слѣдовъ и опять принимаясь блуждать и путаться въ сѣтяхъ своихъ предположеній и догадокъ.

Старый графъ тоже нерѣдко вопросительно поглядывалъ на задумчиваго молодаго гостя и разъ даже замѣтилъ ему:

— А я не вижу въ васъ огня и жара юности. Такова ли должна быть юность, jeunesse? Ходите вы всѣ повѣся носъ.... Нѣтъ, молодежь была другая въ наше время.... Въ насъ была жизнь, а вы совсѣмъ застыли, вы точно старики....

— Не слишкомъ веселое время нынче, графъ, оправдывался, сконфузившись, Катеневъ.

— Нѣтъ, это пустяки, любезный, перебилъ графъ. — Вѣдь нельзя поститься, когда человѣкъ здоровъ и обладаетъ аппетитомъ. Такъ ли Михаилъ Андреевичъ?

— Иногда можно, графъ, отвѣчалъ Милорадовичъ.—Я помню, я говѣлъ, когда не было ни гроша въ карманѣ.

— Вотъ, это вѣрно, отвѣчалъ, расхохотавшись, графъ.—Тутъ сдѣлаешься схимникомъ. Нѣтъ, молодежь другая нынче, какіе-то философы. Я помню, въ наше время....

И лицо графа ожило; облокотясь на богатырскую кисть руки, онъ задумался и, можетъ-быть, длинная вереница картинъ, положеній, лицъ, великихъ и ничтожныхъ, смѣшныхъ и грустныхъ, пронеслась панорамой въ его памяти; послѣ минутнаго раздумья графъ вскинулъ свою львиную голову, и величавое спокойствіе лица, какъ занавѣсъ, мгновенно скрыло яркія картины полусказочнаго прошлаго, отъ приладившихся-было посмотрѣть ихъ любопытныхъ зрителей.

Наконецъ, дня черезъ три послѣ отправленія Катеневымъ

письма въ Офенъ, пріѣхали въ Теплицъ Тунгусовы; на другой день ихъ пріѣзда Катеневъ поѣхалъ къ нимъ. «Батюшка, Петръ Тимоѳеевичъ! Вотъ нежданно-негаданно», говорилъ старикъ-буфетчикъ, снимая съ него епанчу. «Да какъ возмужали. .. не узнаешь, сударь, тебя». Старикъ побѣжалъ докладывать. Черезъ четверть часа княгиня приняла гостя. Подойдя къ рукѣ, поручикъ усѣлся на указанный стулъ; княгиня пытливо смотрѣла на него изподлобья, но не начинала разговора; Катеневъ спросилъ о старомъ князѣ, о Борисѣ, маркизѣ: ея сіятельство отвѣчала короткими фразами: «здоровъ, въ Венеціи» и т. п. Поручика изумилъ такой пріемъ; она всегда принимала его не особенно тепло, но холодъ смягчался все-таки, прежде, наставленіями, до которыхъ охотница была ея сіятельство, вопросами объ отцѣ, шутками надъ геройствомъ юнаго воина. Послѣ пятиминутнаго невыносимѣйшаго положенія, Катеневъ раскланялся, съ стѣсненнымъ сердцемъ вышелъ изъ небольшой пріемной и уѣхалъ. Прокравшись къ себѣ въ комнату, онъ сѣлъ къ столу, подперевъ обѣими руками горѣвшую голову; у него хлынули слезы. «За что же это? Что я сдѣлалъ этой женщинѣ»? спрашивалъ онъ мысленно самъ себя. «Слышала, вѣроятно, она, что я думаю просить руки ея дочери. И вотъ отвѣтъ.... Я зналъ это напередъ....» Молодой человѣкъ всталъ, вытеръ глаза платкомъ и принялся ходить по комнатѣ; ему хотѣлось бѣжать куда-нибудь отъ людей, скрыться; онъ, остановившись, посмотрѣлъ на заряженный штуцеръ, стоявшій въ углу.... Погладивъ стѣсненную горемъ широкую грудь, онъ оглядѣлся и, проведя рукою по лицу, проговорилъ: «что это со мною?.... Нѣтъ, будь что будетъ, а.... Гдѣ-жь моя рѣшимость нести крестъ, возложенный на меня Его святою волею?» Юноша перевелъ духъ, какъ человѣкъ только-что взошедшій на гору, и быстро сѣлъ, точно подшибенный налетѣвшею внезапно черною мыслью.

— Письмо вамъ изъ Офена, пропищалъ, вбѣжавшій съ пакетомъ, казачокъ.

Отдавъ письмо, мальчикъ выбѣжалъ. Катеневъ перекрестился и распечаталъ толстый пакетъ.

«Прежде нежели я получила письмо твое, я написала maman обо всемъ, разсказала ей все; теперь судьба обоихъ насъ въ руцѣ Божіей.... Я посылаю тебѣ безыменное письмо, полученное мною; это—пустая клевета; ты не тревожься. Эрцгерцогиня, уѣзжая въ Вѣну, дала мнѣ слово сдѣлать подробнѣйшую справ-

ку черезъ Италинскаго, посла нашего въ Неаполѣ. Будетъ ли хорошо, что такъ скоро ты начнешь рѣчь о нашемъ дѣлѣ съ maman; она огорчена, и твоя поспѣшность можетъ непріятно подѣйствовать на нее. Впрочемъ, дѣлай какъ знаешь; я выѣзжаю черезъ три дня въ Теплицъ. Помни, что il ne faut s'abandonner à Dieu tant, que lorsqu'il semble, qu'il nous abandonne» *).

Вошедшій на цыпочкахъ Милорадовичъ засталъ поручика за чтеніемъ безыменнаго письма.

— Не угодно ли вамъ прочесть это подлое обвиненіе, началъ, вскочивъ и вспыхнувъ, какъ огонь, Катеневъ.—Обвинять безъ доказательствъ человѣка.... И въ чемъ же? Я думаю объ этомъ нужно доложить фельдмаршалу, говорилъ юноша.

Милорадовичъ прочелъ и, опустивъ письмо, тоже поблѣднѣлъ отъ вскипѣвшаго негодованія.

— Непремѣнно доложите.... Какъ же не доложить, мой Богъ? заговорилъ молодой генералъ.—Эта клевета рушится, разумѣется, тотчасъ при слѣдствіи.... Но, все-таки, надобно сказать....

«Неужели, однако, этимъ объясняется жесткій пріемъ княгини, неужели она раздѣляетъ подозрѣніе?» думалъ сквозь слезы Катеневъ, отворотясь къ окну. «Мнѣ нужно съѣздить къ ней, объясниться; иначе, вѣдь, я точно въ самомъ дѣлѣ виноватъ», рѣшилъ онъ и началъ прицѣплять шпагу. Милорадовичъ ходилъ по комнатѣ, негодуя вслухъ на неимовѣрную дерзость обвиненія.

— Куда вы? спросилъ онъ, увидя, что поручикъ взялся за шляпу.

— Къ княгинѣ, отвѣчалъ Катеневъ взволнованнымъ голосомъ.—Страшно, а надо съѣздить. Ей, вѣдь, написала тоже объ этомъ Nadine.

— Да, съѣздите, отозвался Милорадовичъ.—Объяснитесь.

Онъ боялся не менѣе самого Катенева, судя по тревожному выраженію лица.

— Но я не спросилъ васъ: отвѣтъ-то благопріятный?

— Да.... Но что же въ этомъ?... Видите, опять засада, отвѣчалъ Катеневъ.—Опять препятствія.... Но я ужь пойду на ура, прибавилъ онъ, пробуя улыбнуться.

---

*) Тогда именно и нужно полагаться на Бога, когда намъ кажется, что Онъ оставилъ насъ.

*

— Такъ и надо. Смѣлость города беретъ, отвѣчалъ Милорадовичъ.—Въ часъ добрый. Пріѣдете, разскажите, что и какъ.

Милорадовичъ вышелъ; поручикъ уѣхалъ.

Негодованіе взяло верхъ надъ понятною робостью говорить о дѣлѣ такъ близкомъ и важномъ,—говорить, почти безъ надежды на согласіе; но все-таки сердце ныло и замирало у влюбленнаго, когда извощичій фіакръ поворотилъ въ переулокъ, гдѣ жили Тунгусовы; оно готово было выскочить изъ-подъ застегнутаго наглухо мундира, когда экипажъ остановился у подъѣзда и выбѣжавшій слуга, отворивъ дверцу, произнесъ: «пожалуйте, батюшка». Снявъ епанчу, онъ вошелъ въ залу; камердинеръ князя пошелъ докладывать.

— Здравствуйте, Петръ Тимоѳеичъ, обратилась къ нему Прасковья, проходившая съ подносомъ.—Что это, словно похудѣлъ, батюшка? спросила она, остановившись передъ поручикомъ.

— Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ Катеневъ.

— Отъ маменьки-то получаете вѣсточки?

— Давно не получалъ.

— То-то будетъ у нея радости, когда воротитесь, проговорила Прасковья и ушла изъ залы.

— Не осудите, Петръ Тимоѳеичъ, началъ смущеннымъ голосомъ камердинеръ.—Разстроены чѣмъ-то, надо полагать, ея сіятельство, приказали спросить: «что вамъ угодно»?

Катеневъ покраснѣлъ.

— Доложи, что мнѣ нужно видѣть ея сіятельство по одному, очень важному дѣлу, сказалъ онъ послѣ короткаго раздумья.

Камердинеръ ушелъ и тотчасъ вернулся съ приглашеніемъ «пожаловать въ кабинетъ». Поручикъ прошелъ гостиную и вошелъ въ полурастворенную дверь. Княгиня вкладывала въ конвертъ письмо; увидя вошедшаго, она вопросительно взглянула на него и молча указала на стулъ, стоявшій въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ письменнаго столика.

— Я прошу извиненія, княгиня, что обезпокоилъ васъ, какъ вижу, не во-время, началъ по-французски, садясь и задыхаясь, Катеневъ;—но меня нѣсколько оправдываетъ важность предмета, о которомъ я долженъ сообщить вамъ.

Княгиня, потупивъ глаза и выпрямившись, сидѣла, не шевеля ни одною складкой бѣлаго пеньюара, совершенно какъ изваяніе.

— Вы получили копію съ безыменнаго письма, гдѣ говорится

объ ужасномъ обвиненіи меня въ участіи, продолжалъ Катеневъ,— въ....

— Получила, отвѣчала, не поднимая глазъ, княгиня. — Это, вѣроятно, клевета, которую и опровергнетъ слѣдствіе.

— Я очень радъ это слышать отъ васъ, княгиня, началъ уже по-русски Катеневъ. —Меня мучила мысль,—согласитесь, при такомъ обвиненіи всего надумаешься, — не возбудило ли это письмо въ васъ какихъ-либо....

— О, нѣтъ.... Я не особенно склонна къ такимъ романическимъ сюжетамъ.... Вѣдь это бываетъ только въ трагедіяхъ, отвѣчала княгиня, смѣрявъ съ ногъ до головы поручика.—Eh bien.... Это все, что?...

Княгиня, замѣтно, избѣгала мѣстоименій, не желая говорить покровительственно-милостиваго: «ты».

— Я шелъ только съ этимъ, но ободренный вашимъ убѣжденіемъ, что обвиненіе есть не что иное какъ клевета, началъ опять по-французски поручикъ,—я... рѣшаюсь объяснить, что... я.... намѣреваюсь просить у васъ руки вашей дочери.... Вамъ, вѣроятно, писала Nadine о нашихъ отношеніяхъ, о....

— Но вы уже не дѣти съ Nadine.... Женщина двадцати двухъ лѣтъ—не ребенокъ.... Эти отношенія могли быть терпимы въ дѣтской.... Я вамъ совѣтую подумать хорошенько объ этихъ отношеніяхъ.... На первый разъ я возвращу это письмо, отвѣчала княгиня, подавая Катеневу письмо его къ маркизѣ изъ Анконы,—и попрошу оставить нашъ домъ.... Шутить подобными вещами....

— Шутить? перебилъ Катеневъ, поблѣднѣвъ.—Вы ими шутите, не я, не мы.... Я переносилъ молча, безъ ропота боль, я не намекалъ о ней....

— А это письмо?

— Это письмо? Въ этомъ я виноватъ, княгиня; но еслибы вы знали, чего оно мнѣ стоило.... Это невольный вопль, однажды вырвавшійся у меня изъ наболѣвшаго сердца.... Нѣтъ, я не шутилъ и не шучу, княгиня. Я люблю вашу дочь и говорю объ этомъ прямо вамъ, ея матери.... Я не баронъ, не князь, не графъ, княгиня, но считаю свое имя, имя отца, простите, не менѣе честнымъ и такимъ же не запятнаннымъ именемъ, какъ и ваше княжеское имя.

— Mon Dieu! перебила княгиня. — Я говорю вовсе не объ этомъ.... Какое я имѣю право, и потомъ кто-жь сомнѣвается...

Ужь если говорить объ этомъ, то я разумѣю совсѣмъ другое.... Наше положеніе, среда....

— Что касается до среды, то среда бѣднаго дворянина вовсе не такъ ничтожна, какъ вамъ угодно о ней думать, ваше сіятельство. Изъ нея, изъ этой низменной среды, выходили Суворовы, Ушаковы, Разумовскіе.... Этой средѣ мы, русскіе, обязаны многимъ....

Княгиня опять окаменѣла. Нахмуривъ брови, она смотрѣла въ сторону, раздувая ноздри; гордая поза ея прямо говорила: «скоро ли, наконецъ, ты меня оставишь?» Катеневъ поклонился и вышелъ. Онъ не помнилъ, какъ усѣлся въ фіакръ, не видалъ улицы, домовъ, мимо которыхъ ѣхалъ. Вбѣжавъ къ себѣ въ комнату, онъ велѣлъ вошедшему человѣку сказать, что не будетъ обѣдать, кинулся на диванъ и слезы хлынули у него ручьями.

Въ домѣ графа Орлова шли, между тѣмъ, приготовленія къ пріему фельдмаршала; графъ хотѣлъ принять и угостить его на славу, несмотря на то, что фельдмаршалъ писалъ Милорадовичу: «графу скажи, что я заѣду на нѣсколько часовъ, остановлюсь въ гостиницѣ».—«Уговоримъ, останется денекъ, другой», говорилъ гостепріимный хозяинъ и велѣлъ, все-таки, приготовить фейерверкъ. Во флигелѣ крѣпостные и наемные художники принялись расписывать терпентинными красками транспаранты; весь Олимпъ очутился на громадныхъ, прозрачныхъ щитахъ; тутъ была и Слава съ трубою, и Геркулесъ, купидоны, богини съ вѣнками въ рукахъ; рисунки приготовлялъ молодой другъ баккалавра, поклонникъ Рембрандта; въ другомъ флигелѣ графскій оркестръ наигрывалъ: «славься симъ Екатерина». Графъ сидѣлъ цѣлое утро въ кабинетѣ съ Милорадовичемъ, составляя программу праздника. Маленькая графиня зубрила привѣтствіе въ стихахъ, сочиненное француженкою-гувернанткою, и разучивала съ танцмейстеромъ, тоже французомъ, русскій танецъ. Въ сѣняхъ одной изъ оранжерей графскіе охотники начиняли бураки и римскія свѣчи, подъ руководствомъ отставнаго фейерверкера—чеха. Катеневъ, не зная куда дѣться отъ тоски, бродилъ по городу, ѣздилъ съ ружьемъ, съ воспитанникомъ графа, за городъ; но горе, злосчастіе не отставало, вездѣ догоняло его, поддразнивая будто сказочнаго богатыря:

«не уйти-де отъ меня никуда тебѣ, добрый молодецъ». Онъ разсказалъ Милорадовичу весь разговоръ съ княгинею и, не безъ нѣкотораго страха, ожидалъ фельдмаршала, которому хотѣлъ показать анонимное письмо. Милорадовичъ настаивалъ, что нужно разсказать Суворову все, но Катеневъ не рѣшался, потерявъ всякую надежду на бракъ съ маркизою. Къ Орлову пріѣзжалъ съ визитомъ старый князь Тунгусовъ; графъ прислалъ за Катеневымъ; изъ разговора съ княземъ поручикъ узналъ, что княгиня ничего не разсказала мужу о происшедшемъ.

— Твоего родственника, князь, говорилъ Орловъ,—ничѣмъ не развеселишь. Сидитъ цѣлые дни у себя въ комнатѣ за книгою. Не собираешься ли ты, любезный другъ, въ монахи? обратился онъ къ Катеневу.

Князь, уѣзжая, пригласилъ поручика бывать у нихъ чаще и сообщилъ, что на дняхъ ожидаетъ дочь; на вопросъ графа о Борисѣ князь отвѣчалъ какъ-то уклончиво, что «онъ еще, вѣроятно, пробудетъ въ Италіи нѣкоторое время, думаетъ слушать лекціи гдѣ-нибудь въ Германіи».

Наконецъ, насталъ день пріѣзда Суворова; на случай были отправлены нѣсколько экипажей на встрѣчу, хотя фельдмаршалъ ѣхалъ уже безъ свиты, разъѣхавшейся послѣ передачи имъ команды: на воротахъ у графскаго подъѣзда размѣстились боги и богини; фасадъ дома покрылся проволочною паутиною для фонарей и шкаликовъ; въ кухнѣ еще за сутки поднялась тревога; повара, состоявшіе подъ начальствомъ «мусье Гасе», какъ называли они главнаго повара, Guacier, premier cuisinier одного изъ знаменитѣйшихъ обжоръ королевской Франціи, стучали ножами, кастрюлями, перебѣгая дворомъ въ своихъ бѣлыхъ колпакахъ и фартукахъ; звонкій голосъ француза слышенъ былъ даже на улицѣ: «Павлушка, шисти палучше легюмъ.... Готовь маленькій кассероль для трюфъ, Алексисъ».

Въ полдень прискакалъ графскій курьеръ, высланный для доставленія свѣдѣній о фельдмаршалѣ, и объявилъ, что Суворовъ будетъ вечеромъ въ восемь часовъ, остановится въ гостиницѣ Габсбургъ, въ Шёнау (мѣстечко, въ полверстѣ отъ Теплица), гдѣ уже заказаны имъ и нумера письмомъ со станціи, и что онъ намѣревается пробыть сутки въ Теплицѣ. Графъ тотчасъ послалъ управляющаго въ гостиницу осмотрѣть комнаты и иллюминовать подъѣздъ.

Вечеромъ Орловъ, Милорадовичъ съ Катеневымъ и нѣсколько

гостившихъ у графа иностранцевъ отправились въ Шёнау встрѣчать фельдмаршала. По дорогѣ шли толпами жители Теплица; узнавъ о пріѣздѣ Суворова, весь городъ затолковалъ о томъ, какъ бы и гдѣ увидать героя. Кареты остановились у освѣщеннаго подъѣзда отеля; у крыльца стояла почетная стража изъ городской гвардіи; толстый бюргеръ, увидя Милорадовича, молодецки отбрякнулъ ружьемъ; Милорадовичъ, взглянувъ на бюргера, шепнулъ Катеневу: «фигура достойная кисти Гогарта». Пріѣхавшіе вошли на верхъ по лѣстницѣ, уставленной цвѣтами; на площадкѣ стояли бурмистръ и нѣсколько почетныхъ жителей города; графъ поговорилъ съ ними и вошелъ въ пріемную; мощная фигура его, въ красномъ екатерининскомъ мундирѣ, съ портретомъ императрицы, осыпаннымъ брилліантами, на шеѣ, съ лентою и орденами на груди, рѣзко выдавалась изъ-за толпы шедшихъ за нимъ въ темныхъ кафтанахъ иностранцевъ. Милорадовичъ любезничалъ съ плѣннымъ французскимъ генераломъ, лечившимся въ Теплицѣ и тоже пріѣхавшимъ встрѣтить знаменитаго непріятеля. Разсыпаясь передъ французомъ, Милорадовичъ поразилъ его своимъ либеральнымъ образомъ мыслей; русскіе богатыри не прочь были въ салонѣ щегольнуть свободомысліемъ и нерѣдко ставили этимъ въ тупикъ иностранцевъ, думавшихъ: «да почему же они идутъ противъ республики?» Это поддѣлываніе подъ чужой образъ мыслей, изъ любезности, существуетъ у русскихъ и въ наше время; оно напоминаетъ нѣсколько мастерство Чичикова говорить съ Маниловымъ такъ, съ Коробочкою иначе, съ предсѣдателемъ палаты—опять иначе. Впрочемъ тогда образованные изъ суворовцевъ разыгрывали роль вольнодумцевъ только по праздникамъ; они щеголяли свободомысліемъ, какъ новымъ платьемъ, на досугѣ; въ будни, въ рабочіе дни, межъ своихъ, свободомысліе откладывалось въ сторону; нынче любезность русскихъ съ иностранцами доходитъ иногда до того, что изъ-за нея исчезаетъ совершенно ихъ собственный образъ мыслей; въ Швейцаріи мы швейцарцы, въ будни и въ праздники, въ Германіи нѣмцы, въ Парижѣ парижане,—словомъ, наши убѣжденія мѣняются вмѣстѣ съ отмѣткою на паспортѣ: «въ Парижъ, въ Лондонъ, въ Женеву».

Хозяинъ гостиницы, толстый, небольшаго роста старичокъ, въ голубомъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, посматривалъ на часы, умильно поглядывая на графа.

— Huit heures et demi, произнесъ графъ, обращаясь къ Милорадовичу.—Долженъ скоро пріѣхать.

Катеневъ стоялъ противъ окна; духовой оркестръ графа выстроился у подъѣзда; по временамъ фаготъ бралъ двѣ-три ноты, кларнетъ выдѣлывалъ руладу, робко стучала литавра, пробуя свой строй. Наконецъ, къ крыльцу быстро подлетѣла коляска съ фонарями, четвернею; толпа закричала: «lebe hoch»; оркестръ заигралъ: «славься симъ Екатерина», и фельдмаршалъ въ мундирѣ и орденахъ вбѣжалъ на лѣстницу; поблагодаривъ бюргермейстера и горожанъ за вниманіе, онъ подошелъ къ Орлову и кинулся обнимать его.

— Да, много, много совершилось съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались съ тобою, графъ, говорилъ Суворовъ.—И я, и ты не помолодѣли. Миша, здравствуй, обратился онъ къ Милорадовичу.

Потомъ, подойдя къ французскому генералу, онъ началъ припоминать сраженія и окончилъ: «храбрый народъ французы! Я научился отъ нихъ многому». Генералъ откланялся и уѣхалъ. Суворовъ обратился къ Орлову:

— А ты знаешь, графъ, что они оцѣнили мою голову въ шесть милліоновъ ливровъ? Помилуй Богъ, какъ дорого!

— Но какъ же тебѣ, князь, не грѣхъ, началъ Орловъ,—не остановиться у меня?

— Нѣтъ, нѣтъ.... Я—солдатъ, чудакъ, фельдфебель... Вотъ банькой завтра угости, попарюсь, отвѣчалъ фельдмаршалъ.—Утромъ къ тебѣ въ баню, потомъ идолопоклонничать; а вечеромъ опять къ тебѣ и ночью въ Краковъ.

Подали чай; черезъ часъ Орловъ уѣхалъ; Милорадовичъ и Катеневъ остались ночевать въ гостиницѣ; Суворовъ пріѣхалъ безъ свиты, съ однимъ Прошкою; князь Горчаковъ, Фуксъ и Раевскій отправились прямо въ Краковъ. «Останьтесь здѣсь», шепнулъ Милорадовичъ Катеневу, когда фельдмаршалъ пошелъ въ другую комнату переодѣться; поручикъ обмеръ; лакей гостиницы началъ накрывать на столъ. Черезъ полчаса Прошка позвалъ Катенева къ князю; Суворовъ лежалъ на диванѣ въ рубашкѣ и рейтузахъ; Милорадовичъ сидѣлъ подлѣ, въ креслахъ; передъ диваномъ стоялъ столикъ съ двумя свѣчами.

— Покажи письмо, встрѣтилъ фельдмаршалъ Катенева.

Катеневъ вынулъ изъ бумажника безыменное письмо и подалъ.

Фельдмаршалъ прочелъ и молча положилъ его на столъ.

— Что у тебя было съ княгинею? Великая женщина, помилуй

меня Богъ! Богиня! Сядь, разскажи, началъ Суворовъ, обращаясь то къ Катеневу, то къ Милорадовичу.

Катеневъ сѣлъ и началъ разсказывать все подробно о своихъ отношеніяхъ къ маркизѣ, о письмѣ изъ Анконы и, наконецъ, о послѣднемъ разговорѣ съ княгинею; у него явилось вдругъ что-то въ родѣ отчаянія. «Будь, что будетъ», подумалъ онъ, начиная свою исповѣдь, «передамъ все откровенно». Милорадовичъ сидѣлъ, потупивъ глаза; Суворовъ поминутно громко зѣвалъ и, выслушавъ сцену съ княгинею, неожиданно произнесъ: «пѣтухъ, какъ есть пѣтухъ. Пойдемте ужинать». Поручика обдало точно холодною водой; Суворовъ выпилъ рюмку водки, мало ѣлъ и молчалъ во время ужина; его, замѣтно, утомила дорога; тотчасъ послѣ стола онъ ушелъ. Милорадовичъ, выйдя изъ его спальни, объявилъ, что фельдмаршалъ приказалъ быть Катеневу завтра на ординарцахъ.

— Значитъ, дѣло ваше идетъ на ладъ, прибавилъ Милорадовичъ.

Катеневъ поблагодарилъ его за участіе; Милорадовичъ ушелъ въ свой нумеръ; поручику приготовили постель на диванѣ, въ пріемной; онъ до свѣта пролежалъ съ открытыми глазами, разгадывая, то непонятное восклицаніе фельдмаршала, то слова Милорадовича, какъ будто подающія надежду; часа въ четыре прошелъ Прошка съ умывальникомъ къ фельдмаршалу. Катеневъ всталъ и пошелъ отыскивать лакея; едва онъ успѣлъ умыться и надѣть мундиръ, какъ вышелъ Суворовъ; поручикъ поклонился.

— Готовъ экипажъ? спросилъ фельдмаршалъ. — Поѣдемъ, обратился онъ къ Катеневу.

Первый выѣздъ былъ къ графу Орлову, гдѣ была приготовлена русская баня; утро было сѣрое, туманное; снѣгъ стаялъ почти весь, оставивъ послѣ себя грязь; на улицахъ было еще пусто; кое-гдѣ у воротъ поеживался отъ сырости гаускнехтъ (дворникъ) или ѣхалъ на маленькой двухколесной телѣжкѣ продавецъ молока; увидавъ несущійся, ни свѣтъ, ни заря, щегольской графскій экипажъ, встрѣчающіеся съ недоумѣніемъ приподнимали шляпы; иные даже останавливались и долго смотрѣли вслѣдъ. Въ домѣ графа было освѣщено; но кучеръ проѣхалъ мимо подъѣзда въ паркъ, гдѣ выстроена была баня: фельдмаршалъ съ своимъ безсмѣннымъ слугою, Прошкою, остался въ банѣ; Катеневъ воротился въ экипажѣ къ граф-

скому дому и сѣлъ къ камину въ пріемной, гдѣ слуги готовили чай. Черезъ полчаса вбѣжалъ въ комнату, потирая руки, Суворовъ и тотчасъ же вышелъ графъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій всѣ усѣлись около камина; подали чай; Суворовъ выхвалялъ баню, вѣники; потомъ завелъ рѣчь о какомъ-то имѣніи, сосѣднемъ одному изъ графскихъ помѣстій: имѣніе это хотѣлъ купить фельдмаршалъ и разспрашивалъ, позваннаго графскаго управляющаго, о количествѣ запашки, покоса, о числѣ тяголъ и тому подобномъ; протолковавъ съ часъ съ управляющимъ, фельдмаршалъ объяснилъ, что пора идолопоклонничать, простился и уѣхалъ, взявъ съ собою Катенева; Прошка передалъ ординарцу адресы австрійскихъ и прусскихъ генераловъ и дипломатовъ, бывшихъ въ Теплицѣ; Катеневъ долженъ былъ по запискѣ докладывать фельдмаршалу, къ кому онъ входитъ; иногда Суворовъ дѣлалъ скороговоркою краткую характеристику генерала, къ которому ѣхалъ, въ родѣ слѣдующей: «прейсишъ импертинентъ; держитъ слишкомъ высоко голову, какъ мой донецъ, и потому часто спотыкается». Или: «любитъ играть въ жмурки, но имѣетъ привычку глядѣть изъ-подъ платка; отлично ловитъ рыбу въ мутной водѣ; однажды чуть не поймалъ меня, принявъ за окуня». Не зная генераловъ и дипломатовъ, поручикъ не могъ оцѣнить меткости этихъ оригинальныхъ характеристикъ и боязливо поглядывалъ на послѣдній адресъ «князя Тунгусова»; фельдмаршалъ находилъ всѣхъ посѣщаемыхъ, конечно, спящими, но просилъ разбудить и въ нѣкоторыхъ домахъ производилъ немалую тревогу своимъ раннимъ посѣщеніемъ: слуги метались изъ угла въ уголъ, приводя въ порядокъ не прибранныя комнаты; хозяева одѣвались наскоро и съ просонья не знали съ чего начать бесѣду съ знаменитымъ чудакомъ-посѣтителемъ. Катеневъ оставался въ первой пріемной и разъ, несмотря на тяжелое настроеніе, чуть не расхохотался надъ комическимъ положеніемъ хозяевъ, усиливаемымъ намѣренно выходками фельдмаршала; здороваясь, онъ извинялся, что опоздалъ, проспалъ съ дороги, спрашивалъ о здоровьѣ людей вовсе незнакомыхъ, дипломатамъ разсказывалъ планы сраженій, военнымъ говорилъ, что хочетъ предложить императору вооружить армію, вмѣсто штыковъ, гусиными перьями. Наконецъ, послѣ пяти-шести визитовъ, дошла очередь до князя Тунгусова; было одиннадцать часовъ; Катеневъ доложилъ, усѣвшись въ коляску.

— А; къ Минервѣ.... Высунь языкъ; вотъ врагъ твой, проговорилъ Суворовъ, обратясь къ ординарцу.

— Я не былъ болтливъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ, покраснѣвъ, Катеневъ.

— А чертежи отцу?...

— Въ этомъ я виноватъ, но.... я никакъ не думалъ, чтобъ изъ этого могло выдти что-либо важное.

— Не вышло, а могло выйти, перебилъ фельдмаршалъ, выходя изъ коляски на подъѣздъ.

Катеневъ остался при экипажѣ.

— Что-жь ты? обратился къ нему фельдмаршалъ.

— Я докладывалъ вашей свѣтлости, что мнѣ.... началъ-было, вытянувшись и приложивъ руку къ шляпѣ, Катеневъ, но замолчалъ, взглянувъ на выбѣжавшаго лакея.

— Помилуй Богъ.... Неучъ.... Вотъ каково назначать въ ординарцы перваго мальчишку, заговорилъ фельдмаршалъ, входя въ сѣни.

Катеневъ опрометью побѣжалъ за нимъ; князь сбросилъ плащъ и отдалъ ему шляпу; поручикъ вспомнилъ правило, сообщенное адъютантомъ передъ баломъ у Ностица, и вошелъ съ фельдмаршаломъ въ пріемную. Слуга побѣжалъ докладывать; черезъ двѣ минуты старый князь, полуодѣтый, лежалъ уже въ объятіяхъ фельдмаршала.

— Мой старый другъ, говорилъ, цѣлуя князя, Суворовъ.— Давно мы не видались. Я былъ подъ горою, на вершинѣ.... Скоро опять подъ гору.... Пора, окончилъ онъ.

Князь, оправляя полузавязанный галстукъ, повелъ фельдмаршала въ кабинетъ жены.

— Я рано очень къ вамъ, замѣтилъ Суворовъ.

— Она проситъ тебя.... Какъ рады мы, что ты, князь, навѣстилъ насъ, говорилъ, со слезами на глазахъ, хозяинъ.

Катеневъ пошелъ за ними, подумывая про себя: «идти мнѣ или нѣтъ за нимъ», но дверь въ кабинетъ затворилась и Катеневъ остался въ гостиной княгини, смежной съ ея кабинетомъ; вышедшая изъ кабинета Прасковья поглядѣла исподлобья на молодаго гостя и молча поклонилась на ходу.

За дверьми сначала раздались громкія привѣтствія, двиганье стульевъ, мягкій смѣхъ князя, и потомъ стихло, какъ обыкновенно бываетъ передъ началомъ бесѣды людей, давно не видавшихся; наконецъ, полились мягкія ноты голоса княгини (она

говорила необыкновенно мягко и немного нараспѣвъ, когда бывала въ хорошемъ настроеніи). Катеневъ сѣлъ у входа въ гостиную; онъ напоминалъ собою преступника на скамьѣ подсудимыхъ, въ тѣ ужасныя минуты, когда присяжные удалились для постановленія рѣшенія; онъ прислушивался къ долетавшимъ, сквозь не плотно притворенную дверь, словамъ, но кромѣ отрывочныхъ, непонятныхъ фразъ ничего не могъ разслушать; фельдмаршалъ упоминалъ о какомъ-то Лебедевѣ; княгиня спросила о Наташѣ, дочери Суворова, выданной за графа Зубова; но вотъ разговоръ какъ будто разгорался, дѣлался оживленнѣе; голосъ княгини нѣсколько разъ переходилъ изъ мягкаго въ раздражительный, ударяя точно ножомъ въ замиравшее сердце безнадежно-влюбленнаго; даже флегматически-спокойный, старый князь громко проговорилъ: «mais tu dois savoir, ma bonne amie», и при этомъ выглянулъ въ гостиную и плотно захлопнулъ дверь; Катеневъ вышелъ на цыпочкахъ въ залу, подумавъ: ужь не къ нему ли относится справка князя, нѣтъ ли кого въ гостиной. Черезъ четверть часа въ кабинетѣ послышались рыданія княгини; Катеневъ обмеръ. «Плачетъ.... княгиня плачетъ», подумалъ онъ, и воображенію его предстала ея сіятельство съ перевязанною бѣлымъ платкомъ головою; эта перевязка, онъ зналъ хорошо, всегда сопровождалась, какъ упоминали мы, наказаніями людей, выговорами дочери и головомойкою старому князю; одинъ Борисъ, и то не всегда, обладалъ способностью укрощать гнѣвъ матери. «Но Бориса здѣсь нѣтъ», подумалъ Катеневъ съ замираньемъ сердца; «гроза, значитъ, будетъ продолжительная и нешуточная». Онъ взглянулъ на часы: «четверть перваго». Въ залу вбѣжала Дуняша съ воротничкомъ въ рукахъ; увидавъ Катенева, она вспыхнула, кинулась-было къ нему, но пріостановилась и, сказавъ: «здравствуйте, Петръ Тимоѳеевичъ», ушла. «Значитъ, пріѣхала Nadine», подумалъ Катеневъ и уставился смотрѣть въ окно, чтобы скрыть свое волненіе; въ кабинетѣ воцарилась мертвая тишина, прерываемая, по временамъ, голосомъ фельдмаршала, говорившаго съ замѣтнымъ, даже черезъ толстую дубовую дверь, увлеченьемъ.

Въ лакейской, между тѣмъ, люди собрались около Прошки, стоявшаго по серединѣ комнаты въ своей военной, на волчьемъ мѣху, ливреѣ; рѣчь шла у нихъ о странностяхъ фельдмаршала.

— Зачѣмъ по ночамъ-то онъ тебя будитъ? спрашивилъ камердинеръ князя Тунгусова, подчуя табакомъ Прошку.

— По ночамъ? важно переспросилъ Прошка.—А видишь ты: вотъ онъ проснется, не спится ему, и начнутъ у него въ головѣ бродить сраженья, распоряженья разныя. Вотъ онъ вскочитъ и давай дурить, чтобы, значитъ, себя маненько поразвлечь.... «Прошка», кричитъ, «гони вѣтеръ изъ горницы». Отворишь дверь.... Выгналъ, молъ, ваша свѣтлость. «А, хорошо, спасибо.... Позови Мишку повара». Позовешь; съ Мишкой начнетъ: «Сдѣлай мнѣ похлебку турецкую, кашицу нѣмецкую».

Слушатели помирали со смѣху, посматривая въ двери залы.

— Да, видишь.... Стало-быть, онъ, братецъ, спитъ, а все въ головѣ у него свое, замѣтилъ камердинеръ Тунгусова съ видомъ глубочайшаго психолога, подмѣтившаго, наконецъ, фактъ, подтверждающій, какъ дважды-два, его любимую теорію.

— А то какъ же, подтвердилъ Прошка, взглянувъ на камердинера, какъ на профана, только теперь разглядѣвшаго основной законъ, извѣстный давно всему ученому міру.—Не почему и говорятъ про него господа, что цызаря превзошелъ... Вонъ послушай-ка Якова Борисыча.

— Это какого такого цызаря? спросилъ буфетчикъ.—Француза что-ль?

— Какого француза!?.. Славнѣющій, что ни на-есть, былъ рымской полководецъ, отвѣчалъ Прошка, подбочась обѣими руками и уставивъ глаза въ потолокъ съ выраженіемъ въ лицѣ, обозначающимъ: «съ вами неучами толковать все равно, что въ ступѣ воду толочь; этихъ вещей вы понимать не можете».

Лакеи понурились.

— Да; теперь супротивъ его не будетъ нигдѣ фельдмаршала, глубокомысленно замѣтилъ камердинеръ.—Румянцевъ вотъ тоже духъ въ себѣ имѣлъ.

— Ну этотъ, братъ, пожалуй бы и Румянцева.... возразилъ буфетчикъ, поглядѣвъ на Прошку, вѣроятно съ намѣреніемъ вызвать его мнѣніе.

Но Прошка, зѣвнувъ, опять уставился глядѣть въ потолокъ и, поглаживая подбородокъ, произнесъ: «скоро ли онъ тамъ? Вишь, вѣдь, разсѣлся».

Катеневъ продолжалъ стоять противъ окна, заложивъ назадъ руки и поматывая своею и фельдмаршальскою треуголками. Въ кабинетѣ и во всемъ домѣ была мертвая тишина; только шаги дѣвушекъ, по временамъ, раздавались въ сосѣднемъ коридорѣ, да голосъ Прасковьи прошепталъ гдѣ-то: «что же ты

утюгъ-то не поставила, Авдотья? Вишь, вѣдь, безпамятная». Въ кабинетѣ раздался звонокъ. Катеневъ вздрогнулъ отъ едва слышнаго звона колокольчика, точно отъ пушечнаго выстрѣла; камердинеръ побѣжалъ на цыпочкахъ, пряча табакерку въ карманъ.

— Пожалуйте къ ея сіятельству, Петръ Тимофеевичъ, доложилъ онъ, возвратясь.

Катеневъ положилъ фельдмаршальскую шляпу, прошелъ комнаты, мысленно перекрестился, робко отворилъ дверь и, остановившись у входа, поклонился княгинѣ. Она сидѣла опять у письменнаго стола и отирала платкомъ глаза, покраснѣвшіе отъ слезъ; князь Тунгусовъ стоялъ у топившагося камина; Суворовъ у окна читалъ какое-то письмо.

— Здравствуй, Пьеръ, ласково начала княгиня и, обратясь къ Суворову, спросила: «что, прочли»?

Фельдмаршалъ положилъ письмо на столъ, пожалъ плечами и проговорилъ: «я и ожидалъ, разумѣется, что дѣло кончится ничѣмъ».

Катеневъ стоялъ у дверей, ничего не понимая; княгиня убрала письмо въ столъ и начала, послѣ не продолжительнаго молчанія, откинувъ назадъ голову:

— Вчера я погорячилась и была.... къ тебѣ несправедлива, Пьеръ. Благодарю тебя, что ты послѣ моихъ, сказанныхъ въ минуту вспыльчивости, словъ пріѣхалъ къ намъ все-таки....

Катеневъ замеръ.

— Посовѣтовавшись, продолжала княгиня тѣмъ же величественнымъ и нѣсколько торжественнымъ тономъ,—съ княземъ Александромъ Васильевичемъ, твоимъ благодѣтелемъ, другомъ твоего отца и нашимъ, мы рѣшились выдать за тебя Nadine...

Катеневъ кинулся цѣловать руки княгини, потомъ бросился къ князю, къ Суворову; княгиня прослезилась.

— Ты долженъ знать, что обязанъ этимъ заступничеству князя Александра Васильевича, твоего благодѣтеля, продолжала сквозь слезы княгиня,—и вотъ еще кому...

Княгиня показала исписанный по-французски почтовый листокъ съ подписью внизу: «Александра».

— Вотъ кто просилъ меня за васъ, и вы должны оба за нихъ молиться, какъ за людей, которымъ вы обязаны своимъ счастіемъ. Италинскій прислалъ подробную записку эрцгерцогинѣ, уничтожающую всѣ подозрѣнія противъ тебя. Слѣдствіе кончено,

и виновные открыты. Вотъ эта записка; ты послѣ прочтешь ее... Ея высочество прислала ее, была такъ милостива, вчера съ нарочнымъ, такъ какъ получила ее изъ Неаполя по отъѣздѣ Nadine изъ Офена.

Катеневъ слушалъ плавную, торжественную рѣчь княгини, глядѣлъ на ея, будто помолодѣвшее отъ теплаго осіянія чувствомъ, лицо и брался поминутно за голову, думая: «не сонъ ли все это». Княгиня позвонила.

— Что маркиза? спросила она вошедшаго камердинера.

— Сейчасъ будутъ, ваше сіятельство. Одѣваются.

Чрезъ нѣсколько минутъ вошла маркиза въ лиловомъ бархатномъ платьѣ; поцѣловавъ руку матери и отцу, она подошла къ Суворову; старикъ обнялъ ее.

— Никакъ бы не узналъ... Вотъ, вѣдь, какую видѣлъ, заговорилъ онъ, любуясь, стоявшею передъ нимъ потупившись, красавицей.—Да какъ похорошѣла-то... Помилуй Богъ, какъ похорошѣла, продолжалъ онъ, то отступая отъ маркизы, то опять принимаясь цѣловать ее въ голову.

Камердинеръ подалъ князю небольшой образокъ въ золотомъ окладѣ; княгиня поднялась съ своего мѣста; помолвленные стали посреди комнаты, положили по земному поклону и приложились къ образу; фельдмаршалъ тоже благословилъ ихъ послѣ отца и матери и заставилъ поцѣловаться. «Нѣтъ, это сонъ», думалъ Катеневъ, опять потирая себѣ лобъ, когда начались поздравленія.

— А завтра къ арміи, началъ фельдмаршалъ.—Въ Краковъ. Невѣста на меня разсердится; но сердитесь не на меня, на Розенберга; онъ откомандировалъ...

— Для полной нашей радости не достаетъ одного, начала княгиня,—это Бориса, едва договорила она сквозь хлынувшія слезы.

Старый князь вздрогнулъ и началъ поправлять дрова въ каминѣ.

Фельдмаршалъ задумался.

— Да; произнесъ онъ послѣ короткаго раздумья.—Это ужасно; но вся наша жизнь есть цѣпь подобныхъ угощеній... S'humilier et souffrir voila le royal chemin, dans lequel notre Seigneur nous précede.

Маркиза тоже заплакала.

Суворовъ поцѣловалъ руки дамамъ, обнялъ князя и выбѣ-

жалъ; всѣ вышли провожать его. «Ты оставайся, но вечеромъ будь у графа Орлова», обратился онъ къ Катеневу, взявъ отъ него свою шляпу. Катеневъ вышелъ вмѣстѣ съ княземъ на крыльцо проводить его и очутился въ объятіяхъ Милорадовича; фельдмаршалъ уѣхалъ; Милорадовичъ пошелъ съ княземъ къ княгинѣ; Катеневъ ходилъ изъ угла въ уголъ по гостиной съ невѣстою, поминутно цѣлуя ея руки; онъ хотѣлъ-было спросить о Борисѣ, но отложилъ вопросъ, предчувствуя что-то недоброе и боясь, что невѣста его опять расплачется. Милорадовичъ вышелъ отъ княгини и, поговоривъ съ помолвленными, уѣхалъ; княгиня позвала жениха и невѣсту въ кабинетъ; она сочла необходимымъ произнести краткое, но не особенно сильное, наставленіе. Избавляя читателя отъ этого, извѣстнаго больше или меньше всѣмъ, образца ораторскаго краснорѣчія, мы съ достовѣрностію можемъ сказать, что большая половина метафоръ и уподобленій, употребленныхъ кстати и не кстати ея сіятельствомъ, пролетѣла мимо ушей помолвленныхъ; въ ихъ воображеніи, подъ сладкій шепотъ неожиданно налетѣвшаго счастья, созидались цѣлые проекты, планы, картины будущаго,—созидались, несмотря на то, что они оба, изъ признательности, искреннѣйшимъ образомъ принуждали себя слушать полезные совѣты и нравоученія.

Нравоученіе кончилось; помолвленные еще разъ поблагодарили княгиню и князя, глядѣвшаго во время рѣчи въ окно; княгиня сказала, что хочетъ отдохнуть; маркиза, простившись съ женихомъ, ушла къ себѣ; князь, расцѣловавъ еще разъ Катенева (старикъ былъ въ восхищеніи), уѣхалъ куда-то съ визитомъ. Катеневъ пошелъ въ свою квартиру; въ передней обступили его съ поздравленіями люди; Дуняша и Прасковья Ивановна тоже выбѣжали его поздравлять. Расцѣловавшись со всѣми, вышелъ молодой счастливецъ изъ воротъ; улицы, дома съ черепичными кровлями и побурѣвшими отъ осеннихъ непогодъ деревьями, попадающіеся пѣшеходы—все глядѣло веселѣе какъ-то, точно поздравляло; ему хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своимъ счастіемъ, и онъ подумалъ-было: «зайду къ Михаилу Андреевичу», но вспомнилъ, что Милорадовичъ рыскалъ, дѣлая визиты. Зайдя въ магазинъ купить себѣ карандашей, поручикъ чуть не разсказалъ молоденькой нѣмкѣ-прикащицѣ о своей помолвкѣ. Теперь только вспомнилъ онъ, что позабылъ попросить у княгини записку Италинскаго, оправдывавшую его,

забылъ разспросить княжну, почему вступилась за нихъ эрцгерцогиня; онъ подумалъ даже воротиться къ Тунгусовымъ, но не рѣшился, боясь, какъ бы не нашла это неприличнымъ княгиня; взявъ извощика, онъ заѣхалъ въ Шёнау, въ гостиницу; Суворовъ спалъ. «Къ графу Орлову будемъ вечеромъ», говорилъ Прошка, «а поѣдемъ въ ночь». Говоря о фельдмаршалѣ, Прошка любилъ говорить: «мы». Катеневъ усѣлся-было въ пріемной писать письма отцу и князю Борису; но чрезъ полчаса фельдмаршалъ проснулся и отпустилъ его обѣдать къ графу Орлову. За обѣдомъ графъ предложилъ выпить за здоровье помолвленныхъ. «Теперь я понимаю, почему ты ходилъ повѣся голову», замѣтилъ, разсмѣявшись, графъ. «Влюбленные тѣ же мухи», прибавилъ онъ. «Пахнуло весеннимъ тепломъ, обогрѣло солнцемъ— и ожили». Послѣ обѣда Катеневъ пошелъ на верхъ переодѣться и уложить свой чемоданъ; рачитель его казны и бѣлья отправленъ былъ съ главною квартирой прямо въ Краковъ изъ Праги.

Въ семь часовъ, когда Катеневъ, завитой и напудренный графскимъ парикмахеромъ, спустился внизъ изъ своей комнаты, домъ былъ залитъ огнями; транспаранты съ богинями и полубогами пестрѣли въ боковыхъ нишахъ залъ; на хорахъ оркестръ строилъ инструменты; хозяинъ-графъ въ своемъ красномъ мундирѣ, въ лентѣ и орденѣ, съ портретомъ Екатерины, покрытымъ вмѣсто стекла огромнымъ брилліантомъ, расхаживалъ по освѣщеннымъ заламъ, отдавая людямъ приказанія; чрезъ четверть часа начали съѣзжаться гости; ровно въ восемь громкое: «lebe hoch и ура» возвѣстили о прибытіи фельдмаршала; графъ вышелъ встрѣчать его; подъ звуки музыки Суворовъ вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ залъ; оркестръ смолкъ; маленькая графиня, съ лавровымъ вѣнкомъ въ рукахъ, произнесла французскіе стихи; фельдмаршалъ, выслушавъ, поцѣловалъ ее и обратился къ графу.

— Наше свиданье съ тобой, графъ, конечно ужь послѣднее. А вотъ и ангелъ, прибавилъ онъ, взявъ за руку малютку,—который намъ указываетъ путь туда, въ обитель вѣчности.

Графъ прослезился. Суворовъ, идя подлѣ него, въ раздумьѣ говорилъ: «Румянцевы, Потемкины—гдѣ они? А давно ли, кажется, сіяли своими славными дѣяніями?»

Загремѣлъ польскій; дамъ было немного; Тунгусовыхъ не было по случаю траура; фельдмаршалъ прошелъ польскій съ маленькою графинею и сѣлъ въ уголъ подлѣ камина, поминутно толкуя, что ему холодно. Слуги разводили огонь въ каминахъ;

къ концу вечера отъ свѣчъ и тѣсноты въ домѣ была духота невыносимая, но фельдмаршалъ ежился, потиралъ руки и продолжалъ толковать: «какой у тебя холодъ, графъ, точно въ могилѣ».

Въ числѣ гостей было нѣсколько австрійскихъ генераловъ. Хозяинъ попробовалъ двухъ-трехъ представить фельдмаршалу, но спокаялся: въ отвѣтъ на рекомендацію, Суворовъ, расшаркиваясь, дѣлалъ имъ по-нѣмецки странные, иногда оскорбительные вопросы; одного спрашивалъ: «танцуетъ ли онъ цюрихскій менуэтъ», другаго: «не родня ли ему господинъ фонъ-унтеркунфтъ, швагеръ (своякъ) его сіятельства барона Тугута?» Одинъ изъ угощенныхъ этими вопросами уѣхалъ, не простясь съ хозяиномъ, что тогда считалось крайне невѣжливымъ; графъ Орловъ хмурился; Милорадовичъ извинялся предъ нимъ, увѣряя, что фельдмаршалъ боленъ; Орловъ поуспокоился, но велѣлъ прекратить музыку и начавшіеся-было въ залѣ хороводы; во время ужина фельдмаршалъ молчалъ, едва отвѣчая на вопросы хозяина; тотчасъ послѣ стола онъ уѣхалъ. Катеневъ и Милорадовичъ отправились за нимъ въ гостиницу.

IV.

Тихо, медленно совершаются судьбы народовъ, какъ бы на зло дѣтски-нетерпѣливымъ и поспѣшнымъ, современнымъ, революціонерамъ и реформаторамъ. Русскіе съ австрійцами выгнали французовъ, насиловавшихъ свободное теченіе жизни, изъ Италіи; недавно французы выгнали австрійцевъ оттуда же, чтобы послужить тому же свободному теченію судебъ Италіи; піеса повторилась слово въ слово, только актеры помѣнялись ролями, да французы дѣйствовали не безвозмездно, какъ мы русскіе, а взяли себѣ Ниццу и Савойю вмѣсто поспектальной платы. Всѣ рукоплескали имъ, звали освободителями, а намъ, русскимъ, шикали и обзывали варварами, людоѣдами. Но противъ чего же, однако, стояли русскіе съ Суворовымъ, выгоняя изъ Италіи республиканцевъ, заковывавшихъ въ цѣпи, во имя какого-то общаго блага, человѣка чужой націи, садившихъ деревья вольности на мѣстѣ, безпощадно срубленнаго ими, вѣковаго дуба? За что же наши дѣды ратовали въ Италіи, безвозмездно проливая кровь свою, какъ не за право жизни ближняго, какъ не за

то, чтобы дать возможность странѣ жить и располагать собою, какъ ей самой заблагоразсудится? Мы чуть не сто лѣтъ назадъ дѣлали то же въ Италіи, что̀ недавно французы, и между тѣмъ насъ доселѣ проклинаютъ за то самое, за что благословляютъ ихъ.

Судя по послѣднимъ письмамъ фельдмаршала изъ-за границы и особенно вслушиваясь въ слова, сказанныя имъ тому, другому при прощаньи, замѣтно, что онъ въ это время строго допрашивалъ себя, провѣрялъ и взвѣшивалъ свои побужденія и поступки. Сто̀итъ вспомнить только слова, сказанныя имъ въ Прагѣ живописцу Миллеру, чтобы согласиться съ этимъ: «ваша кисть изобразитъ черты лица моего,—онѣ видны; но внутреннее человѣчество мое сокрыто.... Я проливалъ кровь ручьями, содрогаюсь. Но люблю моего ближняго»... Всю дорогу до Кракова онъ былъ неразговорчивъ и разсѣянно, не впопадъ отвѣчалъ на предлагаемые вопросы.

Яснымъ утромъ подъѣзжала польская кибитка фельдмаршала къ Кракову; усатый возница полякъ хлопалъ длиннымъ бичомъ; четверка летѣла по ровному первопутку; Прошка дремалъ, держась за передокъ саней; вдали выступали все яснѣй и яснѣй верхушки башенъ и черепичныя, высокія кровли городскихъ домовъ; за фельдмаршальской кибиткой летѣли легкія открытыя сани тройкою; въ саняхъ сидѣлъ Милорадовичъ, закутанный въ щегольскую медвѣжью шубу, а подлѣ него Катеневъ въ военной фуражкѣ и въ суконной темносѣрой епанчѣ своей; фельдмаршалъ, объяснивъ, что онъ долженъ въ Краковѣ явиться и состоять при начальникѣ артиллеріи, велѣлъ ему ѣхать съ собою, и онъ едва успѣлъ проститься съ своею невѣстою; старикъ, слуга Милорадовича, поминутно обращался къ длинноволосому мальчику-ямщику: «помахивай, мальчуганъ, не отставай». Мальчикъ стегалъ лошадей, и взмыленная тройка во весь окоръ принималась догонять четверку. Путники говорили о встрѣчѣ, готовившейся, по слухамъ, въ Петербургѣ фельдмаршалу.

— Ему, впрочемъ, не до встрѣчъ, замѣтилъ Милорадовичъ.— Нервы у него натянуты не въ мѣру; какъ струны настроенныя высоко, того гляди не выдержатъ.

— Да; онъ съ самой Праги, и мнѣ кажется, перемогается, подтвердилъ Катеневъ.—Онъ даже жаловался, что боленъ; мнѣ разсказывалъ въ Прагѣ князь Андрей Ивановичъ.

Князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ былъ племянникъ Суворова, сынъ родной сестры; онъ состоялъ при немъ, но его по-

чему-то рѣдко видали въ свитѣ; одни объясняли это гордостью племянника фельдмаршала, другіе говорили, что онъ, какъ родственникъ, изъ деликатности не желалъ быть на виду; любя до безумія дядю, племянникъ былъ его нянькою.

— Вы вѣрите въ предчувствія? спросилъ вдругъ Милорадовичъ.

Катеневъ улыбнулся.

— Что вы смѣетесь? спросилъ Милорадовичъ.—Я весь походъ дрожалъ за фельдмаршала и теперь еще дрожу.... Мнѣ кажется, мы врядъ ли довеземъ его живаго.

Катеневъ отвѣчалъ:

— Мнѣ странно встрѣтить вѣру въ пресентименты въ такомъ безстрашномъ человѣкѣ, какъ вы, Михаилъ Андреевичъ.

Милорадовичъ замолчалъ и, покуривая свою пенковую трубку, принялся смотрѣть въ снѣжное поле, разстилавшееся передъ городомъ. Катеневъ разглядывалъ приближающійся городъ; ему, напротивъ, улыбалось все. Праздникомъ глядѣлъ солнечный, зимній, съ легкимъ морозцемъ, день; музыкою звучали мѣдные бубенчики на пестрыхъ, увитыхъ тесьмами, шорахъ почтовой тройки; даже попадавшіеся евреи въ саняхъ и пѣшкомъ, казалось, поздравляли его, почтительно снимая свои широкополыя шляпы и треухи, отороченные лисьимъ вытертымъ мѣхомъ. Вотъ сани въѣхали въ предмѣстье и полетѣли улицей, усѣянной, точно тараканами, жидами; завидя повозки, евреи прекращали разговоръ, сопровождаемый оживленными тѣлодвиженіями, и глядѣли на пановъ-пріѣзжихъ, вѣроятно разсчитывая на поживу; еврейки высовывались изъ оконъ лачугъ и домовъ; торговки калачами, пряниками тоже, приставивъ зонтомъ руку надъ глазами, разглядывали ѣдущихъ. Повозки остановились у подъѣзда каменной гостиницы. Фельдмаршалъ вышелъ изъ кибитки и пошелъ въ верхъ; Милорадовичъ и Катеневъ не успѣли выйти изъ саней, какъ ихъ окружила цѣлая толпа евреевъ; придерживая длинныя полы своихъ черныхъ лапсардаковъ и держа на отлетѣ широкополыя шляпы, евреи крикнули: «виватъ» и заговорили всѣ въ одно время: «а мозетъ-быть сіятельнѣйшимъ генераламъ нужно суконцо англійское? Хустки французскія, was feinstes, шляпы, перчатки, тростоцки для спациру? А мозетъ-быть проворный факторъ нуженъ генералу? Краковянка, мозетъ-быть, первѣйшей красоты?» шепнулъ одинъ изъ жидовъ на ухо Катеневу, пустивъ на него вонючую струю чесноку и

только-что выпитой горѣлки. Поручикъ оттолкнулъ еврея и пошелъ за Милорадовичемъ на лѣстницу.

— Отойдете ли вы, шваль проклятая, христопродавцы, сердито обратился къ напиравшей толпѣ Прошка, вытаскивая изъ повозки чемоданъ фельдмаршала.

— Идьте до дьябла, крикнулъ на жидовъ ямщикъ, передавая футляръ съ шляпой коридорному.

Фельдмаршалъ легъ и не велѣлъ никого принимать. Было часовъ девять утра. Милорадовичъ уѣхалъ отыскивать какого-то знакомого; Катеневъ переодѣлся, при помощи Аѳанасья, занявшаго ему небольшой нумеръ вверху, напился кофе и пошелъ навѣстить Якова Борисовича, а вмѣстѣ взять у него адресъ генерала, къ которому его прикомандировалъ Розенбергъ.

— За вами присылали два раза, встрѣтилъ его Фуксъ.— Вотъ адресъ. А я вотъ бьюсь, сочиняю прощальный приказъ къ арміи... Вы подумайте, прощаніе... И кого?—Суворова. И съ кѣмъ?—Съ богатырями, продолжалъ сочинитель, подходя къ письменному столу и разгибая листъ, исписанный кругомъ тяжелымъ, крупнымъ почеркомъ.—Ужь я и съ княземъ Андреемъ Ивановичемъ совѣтовался... У васъ есть полчаса времени?

— Я не литераторъ; врядъ ли я могу вамъ совѣтовать, отдѣлывался Катеневъ.

Но Яковъ Борисовичъ усадилъ его.

— Думалъ я такъ начать, продолжалъ онъ, поправивъ очки и подвигаясь отъ стола къ окошку:—«герои сѣвера! Богатыри! Доколѣ имя русскаго будетъ жить на землѣ, вѣчныя скрижали исторіи сохранятъ въ памяти вѣковъ грядущихъ сей знаменитѣйшій подвигъ вашъ, свершенный для возстановленія въ народахъ вѣры и вѣрности. Ахиллы!...»

— Вотъ это «Ахиллы», перебилъ поручикъ,—извините, пожалуй не поймутъ солдаты.

— Правда, отвѣчалъ Яковъ Борисовичъ.—Хотя, вѣдь, они многаго не поймутъ, но какъ тутъ быть? Какой вы слогъ употребите здѣсь кромѣ возвышеннаго?... «Воины» развѣ?

— Да, ужь лучше воины.

— «Воины! продолжалъ Фуксъ,—вы не престанете трудиться для славы. Нѣтъ, нѣтъ... Величіе души и возвышенныя чувства ваши...»

— Пожалуйте къ князю Андрею Иванычу, проговорилъ вошедшій Прошка.

— Дуракъ! сердито закричалъ Фуксъ.—Не видишь развѣ, я читаю?

— Приказали просить, объяснилъ Прошка и вышелъ, не дождавшись отвѣта.

Черезъ пять минутъ вошелъ князь Горчаковъ.

— Вамъ не такъ доложили, Яковъ Борисовичъ, началъ онъ, пожавъ руку Катеневу.—Васъ проситъ зайти на минуту фельдмаршалъ.

— Меня не можетъ звать и фельдмаршалъ, когда я занятъ, началъ вспыльчиво Фуксъ.—Кромѣ того, я теперь прикомандированъ къ Розенбергу и дожидаюсь здѣсь его.

Князь Горчаковъ вѣжливо объяснилъ, что князь его просилъ, а не приказывалъ, но Фуксъ закусилъ удила и, расхаживая по комнатѣ, говорилъ, что онъ чиновникъ министерства, имѣетъ свои особенныя порученія, а не военный писарь. Горчаковъ вышелъ вмѣстѣ съ Катеневымъ.

— Что это съ Яковомъ Борисовичемъ, князь? спросилъ Катеневъ.

— Заслышалъ другой вѣтеръ, отвѣчалъ Горчаковъ.—Однако, тебя требовали два раза... Поѣзжай, прибавилъ князь, уходя въ комнату фельдмаршала.

Сознаніе независимости, проявившееся въ Яковѣ Борисовичѣ на обратномъ пути арміи въ Россію, легко объясняется приближеніемъ къ Петербургу; въ статскомъ совѣтникѣ ожило это чувство собственнаго достоинства, какъ оживаетъ муха отъ приближенія вешняго тепла; но вмѣстѣ съ тепломъ начали доноситься до слуха богатырей изъ столицы и другія вѣсти, не похожія на лестные рескрипты, летѣвшіе въ Италію. Чужая душа потемки; но кто знаетъ, не нашелъ ли статскій совѣтникъ болѣе выгоднымъ, во-время, поссориться съ «геніемъ», какъ онъ звалъ Суворова? «У страха», говорятъ, «глаза велики».

У поручика не шевелилось это подозрѣніе на душѣ; онъ не слыхалъ новостей, летѣвшихъ изъ Петербурга.

— Достань мнѣ новую шляпу, сказалъ онъ Аѳанасью, войдя въ нумеръ.

Аѳанасій началъ распаковывать футляръ со шляпою.

— А знаешь ли ты, что я скоро женюсь, началъ, подбочась и вставъ противъ своего дядьки, поручикъ.

— У васъ только шалости на умѣ, отозвался, не оглядываясь, Аѳанасій.—А еще георгіевскій кавалеръ. Я вамъ побрякушку бы повѣсилъ, а не крестъ, на мѣстѣ фельдмаршала.

— Я тебѣ говорю серьезно. Я благословленъ, помолвленъ, продолжалъ Катеневъ, обрадовавшись, какъ всякій счастливецъ, случаю поговорить хоть съ кѣмъ-нибудь о своей нежданной радости.—Вотъ, угадай, на комъ? А ты ее знаешь... Ну, угадайка вотъ?

— На козѣ, отвѣчалъ улыбнувшись Аѳанасій.—Вотъ приданаго-то половину растеряли. Просто напасть... Пріѣдемъ домой, съ барыней не раздѣлаешься.

— Такъ ты не вѣришь? приставалъ Катеневъ.

Аѳанасій подалъ шляпу, всталъ противъ барина, понюхалъ табаку и наставительно проговорилъ: «вотъ бы вы лучше въ адъютанты попросились у фельдмаршала. Эдакой случай... Ковать надо желѣзо, покуда горячо. Пріѣдемъ въ Петербургъ, тамъ ототрутъ; найдется много и безъ насъ охотниковъ.

— Тебѣ говорятъ, женюсь на княжнѣ Надеждѣ Александровнѣ, перебилъ, натягая перчатки Катеневъ.

— Что-жь она, за другаго что ли собралась? спросилъ Аѳанасій.—Шуточки у васъ, я вижу, однѣ на умѣ. Эхъ Петръ Тимоѳеичъ. Молодъ, батюшка, ты еще... Куда какъ молодъ. Эдакій случай теперича, дирекція тебѣ въ ротные, али въ адъютанты. А что ты выслужилъ?... Поручикъ артиллеріи! Велика птица! Другой бы, на вашемъ мѣстѣ, знаете, какой духъ воспріялъ... Шутка сказать, былъ въ свитѣ у свѣтлѣйшаго... Да; смѣйтесь... Вотъ онъ локоть-то близко, а укуси, окончилъ старикъ, вывернувъ руку и указывая на протертый рукавъ синяго сюртука, пожалованнаго передъ походомъ старымъ бариномъ.

— Ну вотъ, ей Богу же, женюсь... Вотъ такъ Ѳома невѣрующій... Вѣдь Надежда Александровна овдовѣла.

— Божиться по-напрасну грѣхъ.... Этимъ шутить... И вправду что-ль, али..., нерѣшительно проговорилъ старикъ.

— Какъ честный человѣкъ... Какъ мнѣ еще увѣрять тебя? Благословили, отвѣчалъ Катеневъ.

Аѳанасій задумался; княжну онъ зналъ еще ребенкомъ, гостивъ не разъ въ Раздольѣ съ кадетомъ-барченкомъ.

— Въ часъ добрый, коли такъ. Поздравляю... Ручку пожалуйте.

Катеневъ обнялъ неизмѣннаго слугу. Аѳанасій прослезился, поцѣловавъ въ плечо барина.

— А Тимоѳею-то Игнатьичу, маменькѣ писали? спросилъ онъ.

— Вчера написалъ. Фельдмаршалъ самъ благословилъ насъ...

— Ну, это... Чтожь? Отъ судьбы не уйдете, не уѣдете, толковалъ сбитый съ толку старикъ.

Пораженный неожиданною радостью, онъ растерялся и все еще недовѣрчиво,—нѣтъ, нѣтъ,—а взглядывалъ на барина.

— Аѳоня, крикнулъ, отворивъ дверь, Прошка.

— Что тебѣ? спросилъ Аѳанасій.

— Съѣзди, братъ, пожалуста за Михаиломъ Андреичемъ; возьми нашу карету... Вотъ адресъ онъ оставилъ... Захворалъ фельдмаршалъ.

— Что съ нимъ? спросилъ испуганно Катеневъ.

— Слегъ... Въ жару весь. Князь Андрей Иванычъ послалъ за докторомъ, отвѣчалъ Прошка, отдавая Аѳанасью адресъ.— Поѣзжай.

— Сейчасъ, отозвался Аѳанасій, взявъ картузъ.—Заприте же смотрите, Петръ Тимоѳеичъ, не равно поѣдете.

Прошка ушелъ. Катеневъ вспомнилъ о предчувствіи Милорадовича.

Черезъ полчаса въ коррпдорѣ началась бѣготня; люди, деньщики бѣгали съ тарелками, горчишниками; двое военныхъ докторовъ расхаживали по корридору, толкуя межъ собой вполголоса.

— Какъ вы нашли его, докторъ? спросилъ Катеневъ одного изъ нихъ.

— У него бредъ... Теперь еще нельзя ничего сказать, отвѣчалъ врачъ.

Катеневъ накинулъ епанчу и вышелъ на крыльцо; сѣвъ на перваго извощика, онъ поѣхалъ къ своему новому начальнику, намѣреваясь отъ него ѣхать—отыскивать Сергѣева. На улицахъ и площадяхъ толпились солдаты; трехаршинный гренадеръ, накинувъ овчинный полушубокъ, повертывался на самой дорогѣ передъ двумя евреями, хлопотливо обдергивавшими полы. «Узокъ», говорилъ, оглядывая полушубокъ, гренадеръ; евреи увѣряли, что «раздастся и будетъ широкъ, если кавалеръ надѣнетъ въ рукава, ей же Богъ, раздастся». Дальше два солдата, пошатываясь и взаимно поддерживая другъ друга, отыскивали центръ собственной тяжести. «Вишь, вѣдь, налопались», замѣтили, подымая грянувшихся, наконецъ, на земь молодцовъ, проходившие мимо гусары. Проѣхавъ довольно большую площадь, усѣянную евреями, бабами, мужиками въ бѣлыхъ, краковскихъ балахонахъ и солдатами, сани поручика повернули въ переулокъ и остано-

вились у каменнаго крыльца высокаго двухъэтажнаго дома; у подъѣзда расхаживалъ часовой.

— Здѣсь живетъ генералъ Б? спросилъ Катеневъ.

— Здѣсь, ваше благородіе, отвѣчалъ, отбрякнувъ ружьемъ, часовой.

Катеневъ разсчитался съ извощикомъ и вошелъ въ верхъ; въ передней дежурный артиллеристъ перетиралъ чайныя чашки; у окна жандармъ, отъ нечего дѣлать, чистилъ на себѣ мундиръ голичкомъ; увидя вошедшаго офицера, онъ швырнулъ голикъ и принялъ епанчу; артиллеристъ пошелъ докладывать генералу. Минуты черезъ двѣ онъ воротился и пригласилъ войдти Катенева. Поручикъ вошелъ въ комнату, уставленную столами; человѣкъ десять военныхъ писарей сидѣли и прилежно писали; скрипъ перьевъ и канцелярскій запахъ бумагою и сургучомъ наводили тоску уже при одномъ входѣ въ эту лабораторію предписаній и рапортовъ; нѣкоторые изъ писарей приподнялись, увидя вошедшаго; изъ сосѣдней комнаты вышелъ небольшаго роста, съ круглымъ брюшкомъ и коротенькими ручками, сѣдой, военный генералъ, съ двумя георгіевскими крестами.

— Это командующій артиллеріей? шепнулъ Катеневъ одному изъ писарей, и получивъ, тоже шепотомъ, утвердительный отвѣтъ, подошелъ къ генералу съ обычнымъ: «поручикъ такой-то, имѣю честь явиться вашему превосходительству».

— А... Прибылъ... Здравствуй, здравствуй сударь... Знаю... Гдѣ адъютантъ?..

Одинъ изъ писарей побѣжалъ на лѣсенку, устроенную въ углу комнаты для сообщенія съ мезониномъ, и съ верху спустился длинный и сухой, еще не старый, адъютантъ генерала.

— Вотъ поручикъ Катеневъ. Приготовь тотчасъ бумагу, что явился такого-то числа, прибывъ... Ты вѣдь пріѣхалъ вмѣстѣ съ его свѣтлостью?

— Точно такъ, отвѣчалъ Катеневъ.

— Такъ и написать въ отношеніи.... На квартиру къ нему послать тотчасъ же.

— Слушаю, отвѣчалъ адъютантъ, подходя къ одному изъ писарей.

— Да поскорѣе.... А ты пожалуй-ка, пожалуй сюда, обратился генералъ къ Катеневу, уходя, переваливаясь съ боку на бокъ, въ сосѣднюю комнату.

Катеневъ вошелъ и всталъ у дверей; генералъ притворилъ дверь и началъ, нагнувшись и глядя въ полъ:

— Родитель живъ?

— Живъ, ваше превосходительство.

— Родительница? спрашивалъ генералъ, приложивъ согнутую пухлую ладонь къ уху, вѣроятно для того, чтобы лучше разслушать отвѣтъ.

— Жива, отвѣчалъ Катеневъ.

— Кто урожденная?

Катеневъ сказалъ.

Генералъ подумалъ минуты двѣ и, покачавъ отрицательно головою, причемъ сѣдая косичка его зашевелилась, произнесъ: «не знавалъ».

— Имѣешь братьевъ, сестеръ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ поручикъ, подумавъ про себя: «родословную мою что ли онъ хочетъ писать?»

— Женатъ?

— Никакъ нѣтъ.... Холостъ....

— Такъ. Есть состояніе?

— Небольшое у батюшки.... Душъ полтараста...

— Такъ, такъ... Батюшку я знавалъ... Сослуживцы. Артиллеристъ, вѣдь, онъ?

— Артиллеристъ, ваше превосходительство.

— Знавалъ, повторилъ улыбнувшись генералъ.—А вотъ родительницу не припомню. А гдѣ воспитывался?

— Въ шляхетномъ артиллерійскомъ корпусѣ.

— Спроси-ка поди у адъютанта: не готова ли бумага?

Катеневъ вышелъ и подошелъ къ адъютанту, пишущему что-то.— Потрудитесь доложить: «начали, молъ, переписывать», отвѣтилъ адъютанъ.

— Начали переписывать, ваше превосходительство, передалъ Катеневъ.

— Такъ, такъ.... Притвори-ка двери-то.

Катеневъ притворилъ.

— Что, какъ здоровье фельдмаршала?

— Докторъ сейчасъ говорилъ мнѣ, бредъ былъ у него; но опредѣлить болѣзнь покуда, говоритъ, трудно.

— Стало-быть нельзя его тревожить, не поѣду сегодня.... Пошлю узнать.

— Если угодно вашему превосходительству, началъ-было Катеневъ, я могу....

— Узнаемъ, перебилъ генералъ.—Сядь-ка, сударь.... Возьми стулъ.... Вотъ сюда къ столу, поближе, а то я тугонекъ на ухо.

Катеневъ сѣлъ; генералъ развернулъ лежавшую на письменномъ столѣ бумагу, прочелъ, опять свернулъ ее и, подвинувъ свое кресло ближе къ поручику, спросилъ его на ухо:

— Ну, а какъ, въ Бога-то вѣруешь, али?...

— Вѣрую, отвѣчалъ поручикъ, посмотрѣвъ на генерала съ цѣлію узнать, не помѣшался ли его превосходительство.

— Не врешь?

— Нѣтъ, ваше превосходительство.

— То-то.... А то вѣдь нынче.... Это, вотъ, слава Богу.... Слава Богу, говорилъ генералъ.

Сложивъ на животѣ свои коротенькія ручки онъ пристально посмотрѣлъ на Катенева своими свѣтлосѣрыми глазами и понурилъ голову; по желтоватой, обрюзглой щекѣ старика покатилась слеза.

Катеневъ глядѣлъ во всѣ глаза, ровно ничего не понимая.

— Не было у тебя никакихъ пустошныхъ разговоровъ съ своимъ братомъ?... Всякіе есть изъ офицеровъ.... Нынче молодежь—«того нѣтъ; другое пустяки», а того не вѣдаютъ—«страхъ Божій начало всей премудрости», толковалъ старикъ.

— Поручикъ согласился съ истиною, высказанною генераломъ, но подумалъ: «если мнѣ доведется состоять лично при немъ, онъ, вижу я, дойметъ проповѣдями и нравоученіями».

— Ты не пугайся, продолжалъ, не дожидаясь отвѣта генералъ.—Никто, какъ Богъ.... Вотъ, хорошо, что вѣруешь.... Можетъ, просто-за-просто, справка какая.... Государь горячъ, вспыльчивъ, но милостивъ. Спросятъ,—говори правду. Ни какого зря не сваливай; лучше обвинить себя, чѣмъ другаго. Человѣка погубить не долго.... У инаго семья, дѣти малыя,—по-міру пустишь, оклевещешь.... Поди-ка спроси, не готова ли бумага? Да притвори дверь поплотнѣе, а то дуетъ....

Катеневъ опять вышелъ: возвратясь съ тѣмъ же отвѣтомъ, что бумагу переписываютъ, онъ, къ удивленію, увидалъ, что старикъ молится передъ серебряною маленькою иконою, поставленною на окошкѣ; увидя поручика, онъ растерялся и жестомъ пригласилъ его опять сѣсть; опустившись въ кресло, старикъ, понурилъ сѣдую голову и сложивъ руки на животѣ, опять повелъ таинственныя свои рѣчи:

— Обидѣлъ кто тебя, лучше забыть.... На то молитва: «И остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ....» Развѣ, что вѣрно знаешь.... Ну, тогда.... А не знаешь навѣрное, лучше смолчи. «Виновенъ, молъ, по-молодости»... Вотъ, говорилъ генералъ полушепотомъ, покачивая головою.

«Онъ меня никакъ хочетъ исповѣдывать», думалъ поручикъ, уже начиная подозрѣвать, что въ загадочныхъ рѣчахъ генерала кроется что-то недоброе.

— Можетъ и испытаніе Богъ посылаетъ, для твоего же вразумленія.... Неси безъ ропота. Его святая воля. Жизнь пережить—не поле перейти.... Со всѣми, и со мной бывало... Меня разъ тоже вдругъ потребовали; еще при матушкѣ.... Явился; и что же, мнѣ же честь, орденъ пожаловали, а доносчика смѣнили.... Злыхъ людей много.... Можетъ и клевета.... Терпи; стерпится—слюбится. Родитель гдѣ проживаетъ?

— Въ деревнѣ.

— Какъ его? Тимоѳей?...

— Тимоѳей Игнатьичъ, подсказалъ Катеневъ.

— Да, Тимоѳей Игнатьичъ.... Старъ, поди?

— Лѣтъ подъ семьдесятъ, отвѣчалъ Катеневъ.

Генералъ замолчалъ; адъютантъ принесъ наконецъ бумагу; старикъ прочелъ внимательно, перекрестился и подписалъ; адъютантъ хотѣлъ взять.

— Оставь... Вѣдь, нумеръ выставленъ.... Самъ запечатаю, остановилъ его генералъ.

Адъютантъ вышелъ; генералъ, переваливаясь, подошелъ къ двери и заперъ ее на ключъ.

— Вотъ такъ. Теперь помолимся вмѣстѣ, сказалъ онъ, принимаясь молиться предъ иконою.

Катеневъ стоялъ, вопросительно посматривая на шепчущаго молитву генерала.

— Молись, строго обратился къ нему старикъ.

Поручикъ началъ молиться.

— Въ землю поклонъ, проговорилъ генералъ.

Катеневъ поклонился въ землю; старикъ перекрестилъ его, обнялъ и, отступивъ нѣсколько шаговъ, взволнованнымъ, но начальническимъ голосомъ произнесъ:

— Поручикъ Катеневъ.... Вашу шпагу....

Катеневъ выпучилъ глаза; онъ едва могъ вытащить, растерявшись, шпагу изъ портупеи и подалъ ее генералу.

— Вы имѣете немедленно отправиться въ Петербургъ, уже болѣе твердымъ голосомъ, произнесъ генералъ, отпирая дверь.— Позвать фельдъегеря и дать мнѣ свѣчку.

Писарь подалъ свѣчу; генералъ запечаталъ акуратно бумагу, надписалъ адресъ и отвалился къ спинкѣ кресла въ ожиданіи фельдъегеря; Катеневъ стоялъ какъ убитый по серединѣ комнаты; минуты черезъ три вошелъ фельдъегерь.

— Вотъ офицеръ, котораго тебѣ поручено сопровождать, началъ генералъ.—Вотъ твоя подорожная, а пакетъ отдашь въ собственныя руки, кому означено на адресѣ.

— Слушаю, ваше превосходительство, повторялъ послѣ каждаго приказанія фельдъегерь.

— Переданы ли тебѣ его письма и бумаги?

— Получилъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ фельдъегерь.

Генералъ всталъ; заложивъ назадъ руки, онъ строго поглядѣлъ на Катенева и, обратясь къ фельдъегерю, произнесъ:

— Въ дорогѣ, сударь, прошу обходиться съ господиномъ поручикомъ вѣжливо, но бдительность не забывать. Съ Богомъ.

Генералъ повернулся, и Катеневъ съ офицеромъ вышли изъ кабинета; пораженный какъ громомъ неожиданнымъ арестомъ, Катеневъ намоталъ на шею шарфъ, поданный, откуда-то явившимся вдругъ, Аѳанасьемъ.

— Не хотите ли, у меня есть волчья шуба? спросилъ офицеръ, натягивая сверхъ мундира крытый сукномъ полушубокъ.— Въ епанчѣ вамъ будетъ холодно; мы ее положимъ съ вашимъ мѣшкомъ въ сани.

Катеневъ надѣлъ шубу и побрелъ за своимъ спутникомъ съ крыльца; у подъѣзда стояли открытыя сани тройкою; рослый солдатъ въ шинели, подсадивъ подъ руку плѣнника и офицера, сѣлъ на облучокъ, крикнулъ: «пошолъ», и тройка тронулась; Аѳанасій поцѣловалъ барина въ плечо, закрылъ лицо обѣими руками и зарыдалъ на голосъ.

Перекладныя сани тройкою неслись день и ночь по гладкому первопутку; поручикъ не видалъ летящихъ мимо лѣсовъ, посеребреныхъ снѣгомъ и инеемъ, — лѣсовъ, напоминавшихъ то серебряное царство, куда попалъ сказочный Иванъ-Царевичъ, отыскивая свою, похищенную Змѣемъ-Горынычемъ, царевну не-

описанной красоты; отдавшись весь догадкамъ, за что взятъ, что ждетъ его, слѣзалъ онъ съ саней на станціяхъ, безсмысленно глядѣлъ на офицера, не отходившаго отъ него, на смотрителя, покрикивавшаго на ямщиковъ, чтобы проворнѣе закладывали, опять садился въ сани и ѣхалъ; въ городкахъ польки съ участіемъ посматривали на молодаго арестанта, можетъ-быть, принимая его за соотечественника; офицеръ говорилъ съ нимъ мало, но обращался вѣжливо; на просьбу Катенева обриться, онъ отвѣчалъ: «извините, нельзя; да и на что бриться дорогою»?— «Боится», подумалъ Катеневъ. «Стало-быть, я политическій преступникъ». Онъ рѣдко брилъ едва пробивавшіеся усы и бороду, но нарочно спросилъ о бритьѣ офицера, чтобъ узнать, что онъ отвѣтитъ; солдатъ сидѣлъ неподвижно на облучкѣ, покрикивая время отъ времени однообразное: «пошолъ, знай».

Быстрѣй самой несущейся, курьерской тройки носилась мысль взятаго поручика то въ Теплицъ, гдѣ такъ ярко озарило-было его, но не надолго, счастье, озарило будто для того, чтобы подразнить только, то въ низенькій, господскій, старый домъ съ грянувшейся на полъ, безъ памяти, старушкою, то въ сибирскіе снѣга, откуда, будто съ того свѣта, нѣтъ возврата, гдѣ человѣкъ отрѣзанъ навсегда отъ дружбы, отъ связей родства, куда не боялось идти за милымъ другомъ одно безтрепетное, жарко любящее сердце русской женщины. Затѣмъ перебиралъ онъ въ памяти всѣ свои встрѣчи, разговоры, письма, стараясь разъяснить мудреную загадку, но ничего не находилъ, за что бы упрекнула его совѣсть. «Ничего я такого не писалъ, кажется», думалъ арестованный; и, напрягая память, опять принимался онъ припоминать слова, разговоры, веденные съ тѣмъ, съ другимъ. «Говаривалъ я, правда, о республикѣ, о вольности», думалъ онъ, «но кто же могъ донести, и что такого въ словѣ, сказанномъ безъ задней мысли, за что бы слѣдовало взять человѣка»? Иногда приходили ему на умъ слова генерала-артиллериста: «можетъ-быть справка или недоразумѣніе». Порою послѣ тысячи догадокъ и гаданій вдругъ наполняла молодую грудь рѣшимость, какую даетъ одна лишь безупречно-чистая совѣсть. «Чего-жь бояться, если я чистъ? Богъ не попуститъ погубить праваго»; и, выпрямившись, бодро заговаривалъ молодой арестантъ съ своимъ сосѣдомъ-офицеромъ, сдѣлавшимся на серединѣ пути поразговорчивѣе. Офицеръ довольно долго служилъ при Аракчеевѣ и разсказывалъ множество анекдотовъ о чудо-

вищной строгости, уже въ это время удаленнаго, любимца. «Тотъ службы не знаетъ, кто не служилъ при Аракчеевѣ», говорилъ офицеръ. «Я лично при немъ два года состоялъ и, могу сказать, виды видывалъ. На смотру, бывало, подзоветъ, взглянетъ,—дрожь пройметъ. А нѣтъ, бывало, хуже, какъ начнетъ вѣжливо разговаривать: «а вы, сударь, ваше благородіе, отчего это въ донесеньицѣ-то наврать изволили? Ась»? Какъ это «вы изволили», да «сударь» пошли, того и жди, ремни надѣнутъ. Человѣкъ строгій, а справедливъ», поправлялся спохватившійся офицеръ, пытливо взглядывая на поручика и думая про себя: «разболтался я сдуру; а кто тебя знаетъ, братъ, что ты за птица»? И опять отмалчивался двѣ-три станціи аракчеевецъ, зѣвая и крестя ротъ рукою; Катеневъ перевертывался на другой бокъ и, запахнувъ волчью шубу, глядѣлъ въ пустыя поля, мимо которыхъ несла его, будто неумолимая судьба, лихая почтовая тройка. Вотъ потянулась длинная деревня съ вереницею бѣдныхъ, закутанныхъ въ омялье и сугробы, хатъ; отворивъ волоковое окно, глядѣла на проѣзжихъ краснолицая баба въ повойникѣ; мужикъ, въ накинутомъ тулупѣ, низко кланяется имъ, быть-можетъ, разсуждая про себя: «курьерская.... Ужь не наборъ ли»? Вотъ городишка; на площади пестрѣетъ толпа мужиковъ, съѣхавшихся на базаръ продать возишко дровъ, сѣнца, корову, чтобъ ублаготворить старосту, пристающаго ежёденъ со сборомъ недоимки; чиновникъ пробирается въ трактиръ съ двумя пузатыми купцами; гауптвахта съ гарнизоннымъ солдатомъ, постукивающимъ нога объ ногу на двадцати-градусномъ морозѣ; церковь съ толпою, выходящею, крестясь, отъ заутрени; острогъ съ деревянною, зубчатою оградой.... Городъ исчезъ, и опять забѣлѣло поле, съ волчьими слѣдами, съ кустарникомъ, робко выглядывающимъ изъ-за сугробовъ, съ русскимъ просторомъ, навѣвающимъ на путника то любованье чѣмъ-то, то непонятную тоску, съ смутною думою не то о будущемъ, не то о невозвратномъ прошломъ.

Морознымъ утромъ, часовъ въ семь, сани, визжа полозьями, подъѣзжали къ Петербургу; ѣдущіе въ городъ съ молокомъ чухонцы, увидя тройку, своротили въ сторону и сняли треухи свои и шапки; тонкіе столбики дыма стояли надъ предмѣстьемъ, вырѣзывавшимся все яснѣе и яснѣй на блѣдно-розовомъ небѣ своими кровлями; морозъ пронималъ ѣдущихъ; мальчикъ-ямщикъ хлопалъ то и дѣло рукавицами, покрикивая на лошадей; сол-

датъ, съ обледенѣвшими бакенбардами и пуклями, надвигалъ на уши свою мѣховую шапку, похваливая морозецъ. По мѣрѣ приближенія къ столицѣ, морозило сильнѣе и на душѣ у молодаго, подневольнаго, путника. Ожиданіе громоваго удара страшнѣе мгновенья, когда разразится онъ надъ головою; нѣмое дуло наведеннаго противникомъ пистолета страшно до выстрѣла.

— Вотъ и Питеръ, весело толковалъ, между тѣмъ, на послѣдней станціи, потягаясь и расправляя избитые на ухабахъ и раскатахъ члены, офицеръ, спутникъ Катенева.

— Тройка готова, доложилъ смотритель.

Путники сѣли, надѣвъ форменныя епанчи и треуголки вмѣсто дорожныхъ шапокъ; кони тронулись; свѣтало.... Вотъ въѣхало они въ предмѣстье; солнце, пробиваясь сквозь туманъ, заиграли въ стеклахъ домовъ. Такъ истина пробивается сквозь тяжелый, густой мракъ неправдъ, ошибокъ, заблужденій, отразивъ первые лучи свои въ двухъ-трехъ душахъ, ждавшихъ давно, нетерпѣливо ея теплаго сіянія. Съ тоской, сквозь слезы, глядѣлъ молодой узникъ на выплывавшее изъ-за кустарника, красное будто уголь, солнце.... «Il ne faut j'amais s'abandonner à Dieu tant, que lorsqu'il semble, qu'il nous abandonne», припомнились ему слова любимой женщины, и вѣра въ помощь святой, неодолимой правды, вдругъ, словно пробудилась въ молодой душѣ его.

Сани подъѣхали къ гауптвахтѣ.

— Пожалуйте, проговорилъ офицеръ, соскочивъ съ саней.

Катеневъ слѣзъ; спутникъ, проведя его межъ караула, ввелъ въ небольшую комнату, сдалъ сонному, дежурному офицеру и, простившись, исчезъ; офицеръ, осмотрѣвъ комнату, тоже вышелъ; у двери щелкнулъ замокъ; Катеневъ оглядѣлъ свое новое жилище; это была квадратная, небольшая комната съ диваномъ, изразцовою печкой и однимъ, съ рѣшеткою, окномъ, сквозь которое видна была нескончаемо-высокая красная стѣна сосѣдняго дома. «На гауптвахту? Стало-быть, не надолго.... Однако, заперли на ключъ», размышлялъ поручикъ, сѣвъ подлѣ столика на жесткій, кожаный диванъ. «А если это только на время? Если въ крѣпость переведутъ? Если надолго, навсегда»? Ему припомнились разсказы о каменныхъ мѣшкахъ; арестованный вздрогнулъ и судорожно прижалъ къ груди образокъ, висѣвшій подъ мундиромъ.

V.

Утромъ, въ длинной и узкой комнатѣ, судя по запаху клеемъ, только-что выкрашенной голубою краскою, князь Борисъ, засучивъ рукава длиннаго, чернаго сюртука, убиралъ книги; на полу, подлѣ шкафа, стоялъ раскрытый дорожный сундукъ, откуда князь и бралъ переплетенные въ сафьянъ, въ бумагу и въ пергаменъ томы и томики; иногда онъ, раскрывъ книгу, начиналъ читать и, зачитавшись, забывалъ о своемъ главномъ занятіи; два окна комнатки выходили въ садъ, съ полуобитыми вѣтромъ деревьями, узенькими аллеями, усыпанными желтыми сухими листьями, и лужками съ зеленью, напоминающею румянецъ чахоточной красавицы. Столъ, стулья, диванъ, желтая масляная картина въ черной рамѣ, распятіе въ углу—напоминали обстановку подворьевъ католическихъ патеровъ въ городахъ средней руки; на столѣ лежала развернутая книга; князь отряхнувъ пыль съ сюртука, затворилъ шкафъ, сундукъ и, пройдясь раза два по комнатѣ, всталъ противъ окна, сложивъ на груди руки. День былъ сѣрый; моросилъ дождичекъ; но по лицу князя не трудно было замѣтить, что онъ глядитъ не видя ничего и весь погруженъ внутрь себя; блѣдное, исхудавшее, длинное лицо его обличало усталость, нравственное насиліе, учиненное надъ собою; князь напоминалъ человѣка, только-что сдѣлавшаго переходъ не по силамъ. Сильное утомленіе видно было и въ темноголубыхъ глазахъ, и въ полураскрытыхъ устахъ молодаго человѣка, несмотря на поминутныя усилія его прибодриться, побороть свое нравственное состояніе.

Въ дверь постучался кто-то; князь, какъ пойманный не за урокомъ школьникъ, вздрогнулъ, оправилъ свои свѣтлые волосы и, повернувшись къ двери, произнесъ: «entrez». Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, служитель церкви, судя по черной, длинной сутанѣ съ маленькими, шелковыми пуговками; кудрявые, остриженные коротко, черные какъ смоль волосы, бойкіе, темные зрачки глазъ и плохой французскій выговоръ обличали въ немъ сразу итальянца; подпершись въ бока руками, обтянутыми узкими рукавами сюртука, молодой человѣкъ взглянулъ на сундукъ, улыбнулся и спросилъ:

— Ну, какъ вы? Уложились?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ, опустившись въ кресла, князь. — Усталъ.

— Да, это скучное занятіе, отвѣчалъ богословъ, придвигая стулъ къ креслу князя.—Не хотите ли сходить къ обѣднѣ?

На дворѣ ударилъ маленькій колоколъ, съ теноровымъ, гнусливымъ звукомъ, похожимъ на смиренный тонъ голоса, какой находятъ, почему-то, необходимымъ употреблять нѣкоторые изъ благочестивыхъ людей, говоря о предметахъ священныхъ и возвышенныхъ.

— Пойдемте, отвѣчалъ князь.—Хотѣлъ отвѣтить матери, но опоздалъ на почту, не успѣлъ дописать письма, провозившись съ книгами.

— Они уже Теплицѣ?

— Въ Теплицѣ... Сестра помолвлена за одного моего сверстника, Катенева. Такъ, вотъ, надобно ихъ поздравить, говорилъ князь, потирая лобъ съ тонкими голубыми жилами, выступающими сквозь нѣжную кожу блѣднаго, измученнаго лица.

Богослова немного передернуло.

— Онъ не нашъ, не римско-католикъ, разумѣется? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, къ сожалѣнію, отвѣчалъ князь.

— Жаль... А ваша maman, княгиня, все еще груститъ? спросилъ, снисходительно разсмѣявшись, молодой богословъ.

— Но, какъ вы хотите, чтобъ она не грустила? началъ, вдругъ вспыхнувъ, князь.—Я, при моемъ, могу сказать, глубокомъ, зрѣломъ убѣжденіи, не могу еще радикально, признаюсь вамъ, излечить боль. Привычка, вы мнѣ возразите. Да, привычка, я согласенъ; но не легко все-таки, трудно человѣку, mon cher, разставаться съ нѣкоторыми привычками.

— Oh... Mais sans doute... Кто говоритъ вамъ, что легко? Но въ этомъ и есть подвигъ. Евангеліе потому и призываетъ насъ чаще всего бороться, противостоять этимъ привязанностямъ, заговорилъ одушевленно молодой богословъ.—Развѣ въ одномъ сознаніи, что ты не безполезенъ, нѣтъ уже щедраго вознагражденія за эти, вѣдь если вдуматься, право ничтожныя, утраты? прибавилъ онъ съ снисходительною улыбкою человѣка, незнакомаго съ бременемъ, удручающимъ молодаго собрата.

— Я вѣдь и нахожу... Но путнику, покидающему навсегда родимый кровъ, простительно оглянуться разъ другой на ис-

чезающее за горою жилье, гдѣ онъ провелъ лучшіе, первые годы свои, отвѣчалъ князь съ навернувшимися на глазахъ слезами.

— Но васъ ждетъ кровъ, вашъ родной, кровъ матери отъ вѣка—единой, истинной, римской церкви, произнесъ, въ тонъ замирающему гнусливому колоколу, молодой богословъ.

Князь вздохнулъ и сталъ перелистывать книгу, лежащую на столѣ.

— Что, вы прочли уже? спросилъ собесѣдникъ, указавъ на книгу.

— Нѣтъ, еще читаю... Удивительное сердце и потомъ необыкновенная ясность доводовъ, отвѣчалъ князь.

— Не правда ли? продолжалъ богословъ. Онъ рано умеръ, лѣтъ тридцати; я зналъ его, и признаюсь, такой зрѣлости сужденій и ясности, съ которою онъ объяснялъ запутаннѣйшія, темныя мѣста, я не встрѣчалъ ни у кого почти.

— C'est vrai. И потомъ съ нимъ бесѣдуешь, читая его творенія, будто съ другомъ, подпѣвалъ собесѣднику и князь уже сладкимъ голосомъ, хотя въ синихъ глазахъ его теплилось непритворное, искреннее чувство.

Молодой богословъ крѣпко пожалъ ему руку, проговоривъ: «я радъ, что вы полюбили его». Подмѣтивъ слабую струну молодаго князя, чувствительность и мягкое сердце, готовое разогрѣться отъ перваго сочувственнаго слова, намека, новые отцы и братья повели съ нимъ сладкіе разговоры о сочувствіи душъ, о какомъ-то «тайнобрачіи сердецъ» и выбирали для него такое же туманное чтеніе; оторванному отъ общества, отъ людей, князю казался этотъ мистическій бредъ, искажающій ясное, простое до художественности, евангелькое слово, неисчерпаемою глубиною премудрости, плодомъ ума, вознесеннаго горѣ, въ недосягаемую высь на крыльяхъ святости. Этимъ родомъ духовной литературы завалены были книжныя лавки въ концѣ прошедшаго и началѣ нашего столѣтій; эти поддѣлки подъ вдохновенную рѣчь шли тогда межъ чувствительными, но не особенно дальнозоркими, читателями и въ свѣтской литературѣ за поэзію; высокопарный слогъ, дикія сравненія, напускной жаръ, выражающійся неистовыми возгласами и поминутными знаками восклицанія, еще не такъ давно, принимались большинствомъ за несомнѣнный признакъ генія. Благочестивое пустозвонство, нагнавшее наконецъ тоску на всѣхъ безъ исключенія, отбило въ обществѣ охоту къ чтенію и дѣльныхъ книгъ

духовнаго содержанія; точно такую же услугу истинной поэзіи оказало и стихоплетство.

Тоскливый колоколъ, точно разсердившись на лѣнивыхъ богомольцевъ, сдѣлалъ нѣсколько спѣшныхъ ударовъ и умолкъ; молодые люди вышли въ длинный и мрачный корридоръ съ дверями по обѣимъ сторонамъ, ведущими въ мирныя кельи отцовъ и братіи; длинный сакристинъ, бѣжавшій съ кадиломъ, съ ручкою, поклонился и почтительно уступилъ дорогу; къ князю и богослову въ корридорѣ присоединилось еще трое молодыхъ людей; пройдя межъ памятниковъ аллеей, усыпанною сухими листьями, молодые богословы вошли въ небольшую церковь.

Это былъ іезуитскій монастырь въ Савоіи, превращенный въ разсадникъ преподавателей и миссіонеровъ. При входѣ въ храмъ, ихъ обогналъ толстый, краснощекій аббатъ-настоятель, бѣлокурый съ просѣдью, но свѣжій человѣкъ лѣтъ шестидесяти; молодые люди дали ему дорогу.

Французъ-аббатъ О., un grand semeur (великій сѣятель), какъ называли его іезуиты, былъ человѣкъ средняго роста, съ высокимъ лбомъ, голубыми глазами и какъ будто ободряющею, хотя нѣсколько насмѣшливою, улыбкою на широкомъ свѣжемъ лицѣ; поклонники аббата находили выраженіе лица его возвышеннымъ и вдохновеннымъ; хотя нужно было имѣть очень небольшой даръ наблюдательности для того, чтобы замѣтить, что эта вдохновенность, возвышенность—все, исключая развѣ насмѣшки, оттѣняющей улыбку, было притворно и надѣто какъ маска. Но легче было разувѣрить магометанина въ святости великаго пророка, чѣмъ убѣдить многочисленныхъ поклонниковъ и поклонницъ вдохновеннаго аббата въ томъ, что аббатъ, какъ и всѣ смертные, имѣетъ нѣкоторыя слабости и пороки; они не вѣрили даже, что отъ него воняетъ страшно рапэ, которое великій сѣятель нюхалъ поминутно и щедро сѣялъ вокругъ себя, даже на собесѣдницъ и собесѣдниковъ. Аббатъ бывалъ въ Россіи и былъ любимцемъ свѣтскихъ дамъ; съѣзжаться на его проповѣди было въ модѣ нѣкоторое время; но сѣяніе успѣшнѣе еще, чѣмъ съ каѳедры, шло у него въ гостиныхъ, на обѣдахъ втроемъ, на soirées intimes, въ будуарахъ; веселый, острякъ, обладавшій французскимъ стариннымъ bon sens, онъ дѣйствовалъ несравненно успѣшнѣе, чѣмъ сухіе, уснащивавшіе рѣчь свою текстами и соборными постановленіями, обратители. Іезуиты это знали хорошо и посылали аббата, имѣвшаго гро-

мадный кругъ знакомства всюду, туда, гдѣ уловъ былъ побогаче и повыгоднѣе. Въ Савоіи онъ поселился на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобъ отдохнуть, какъ объяснялъ самъ, но врядъ ли съ этою только цѣлью, какъ обличала поминутная переписка, отправляемая ежедневно съ особыми курьерами; дѣла ордена были плохи; аббатъ, подобно Суворову, несмотря на гоненія, бралъ крѣпость за крѣпостью и, оставляя въ завоеванныхъ мѣстахъ свои гарнизоны, шелъ съ авангардомъ далѣе. Съ княземъ Борисомъ и его семьею онъ познакомился въ Венеціи чрезъ монсиньора; съ первыхъ же дней Борисъ привязался къ умному, прикрывавшему хитрость веселостью и маскою добродушія, сѣятелю.

— Вѣдь это, право, не такъ страшно, какъ вамъ кажется, говорилъ, понюхивая свой рапэ аббатъ, толкуя съ нерѣшительнымъ княземъ о его переходѣ въ римско-католичество.—Напримѣръ, изъ іезуитовъ люди сдѣлали себѣ какое-то страшилище; іезуитъ—хитрецъ, интриганъ, злодѣй, толковалъ аббатъ, смѣясь своимъ добродушнѣйшимъ смѣхомъ.—Но, вѣдь, mon cher prince, нельзя смотрѣть мыслящему человѣку вѣкъ свой на вещи глазами большинства, всегда пугливаго и близорукаго. Покорись мнѣнію большинства апостолы, они не были бы апостолами.

Привыкшій разгадывать сразу человѣка, какъ всѣ умные бывалые люди, аббатъ прикомандировалъ къ князю молодаго итальянца, котораго видѣлъ читатель сейчасъ, великаго мастера вдохновляться, вполовину искренно, вполовину притворно; итальянецъ былъ похожъ на тѣхъ лгуновъ, которые, начавъ лгать по привычкѣ, увлекаются, наконецъ, до того, что начинаютъ сами вѣрить въ сообщаемыя небылицы. Впечатлительная, привязчивая, искренняя душа князя размягчилась, какъ воскъ, подъ лучами полупритворной дружбы, скоро завязавшейся между молодыми «искателями истины», какъ называли они себя. Для окончательной, нетрудной, побѣды надъ русскимъ, полуученымъ баричемъ, іезуиты увезли его въ глушь, въ Савоію, оторвавъ отъ семьи и отъ возможныхъ встрѣчъ съ людьми, въ родѣ баккалавра, котораго примѣтили въ Венеціи отцы,—и дѣло увѣнчалось успѣхомъ. Князь Борисъ не только перешелъ въ католичество, но и поступилъ въ члены ордена, заявивъ при поступленіи желаніе быть миссіонеромъ; іезуиты обѣщали отправить его въ Америку.

Тяжело, грустно сдѣлалось князю, когда, произнеся свое согласіе, онъ очутился въ длинной, голубой комнатѣ упраздненной обители; это случилось, какъ нарочно, осенью, когда завывающій около стѣнъ и развалившихся капеллъ вѣтеръ увеличивалъ сходство стараго монастыря съ кладбищемъ, позабытымъ, не посѣщаемымъ людьми, утратившими давно перечень зарытыхъ на немъ покойниковъ. За общею трапезой, въ бесѣдахъ съ братіею, съ аббатомъ, онъ оживалъ, но, оставшись одинъ, тосковалъ, плакалъ. Такъ мечется молодой жаворонокъ, попавшій съ воли въ тѣсную, неумолимо-прочную, снабженную и кормомъ, и водою, но скучную до-нельзя, до тоски, снаружи раззолоченную клѣтку. «Я отщепенецъ, перебѣщикъ», размышлялъ князь, лежа въ потемкахъ на своемъ диванѣ. «Да; перебѣщикъ.... Но во имя чего?—Во имя истины.... Я перешелъ по убѣжденію.... Совѣсть не упрекнетъ меня», оправдывался самъ передъ собою молодой отшельникъ. Совѣсть не упрекаетъ, можетъ-быть, и молодую мать, въ темную ночь подбросившую къ чужому, незнакомому крыльцу младенца.... Но зачѣмъ же нагибается она надъ нимъ, цѣлуетъ, плачетъ, пытливо заглядывая въ улыбающееся личико, стараясь разсмотрѣть, нѣтъ ли въ этой улыбкѣ укора ей, упрека? «Виноватъ не я, а отступившіе отъ истины мои соотчичи», продолжалъ утѣшать себя князь; а между тѣмъ воображеніе переносило его домой, въ дѣтство, и видѣлась ему всенощная въ домѣ, старикъ-дьяконъ, съ такимъ благоговѣйнымъ смиреніемъ произносившій: «молимся Ти; услыши и помилуй». «Однако, я не могъ молиться», размышлялъ князь. «А теперь молюсь отъ сердца. А миссіонерство, дѣятельность?.. Принесть первый лучъ животворнаго свѣта въ страну, гдѣ царствовалъ мракъ невѣдѣнія?.. Развѣ для этого одного не стóитъ вытерпѣть и боль, и стоны сердца? Я не ребенокъ; я человѣкъ мыслящій. Мать, сестра?... Но не сказалъ ли Онъ, сама любовь: вотъ моя мать, вотъ мои братья, сестры, указавъ на шедшихъ по стопамъ Его?»

Князь похудѣлъ, постарѣлъ; иногда, бродя одинъ по горамъ, окружавшимъ монастырь, или расхаживая, съ заложенными назадъ руками, межь памятниковъ, по аллеямъ монастырскаго сада, онъ похожъ былъ на помѣшавшагося: братія, аббатъ, даже молодой другъ его, итальянецъ, по переходѣ, сдѣлались далеко не такъ внимательны къ нему, какъ прежде; такъ, напримѣръ, разъ, послѣ перехода, пошелъ онъ, по обыкновенію, вечеромъ, побесѣдовать къ аббату; великій сѣятель за-

ставилъ его ждать себя съ часъ, въ пріемной, увѣшанной потемнѣвшими, плохими картинами, изображающими различныя мученія и флагелляціи (бичеванія), и, выйдя, спросилъ, выразивъ удивленіе на вдохновенномъ лицѣ своемъ: «что вамъ угодно, братъ Антоній?» (князь получилъ при переходѣ это имя). Посѣтитель объяснилъ, что пришелъ такъ, побесѣдовать. Аббатъ смѣрялъ его своими ясными, свѣтло-голубыми глазами, понюхалъ рапэ и, помолчавъ, какъ бы для того, чтобы дать молодому богослову время сообразить все неприличіе своего поступка, произнесъ: «вы зашли бы къ кому-нибудь изъ братьевъ.... Я, вѣдь, занятъ, любезный другъ; письма, потомъ мои ученые труды требуютъ времени. Я очень радъ вамъ всегда, но.... Надобно дѣйствовать, любезный собратъ», прибавилъ онъ, наконецъ, улыбнувшись и хлопнувъ по плечу князя. «Нельзя же все бесѣдовать». Князь вышелъ, обданный какъ варомъ, и съ тѣхъ поръ пересталъ ходить на бесѣду къ «великому сѣятелю». Молодые братья тоже были не особенно ласковы; за глаза они передразнивали его и называли «пойманнымъ снигиремъ»: къ счастію, не замѣчалъ этихъ насмѣшекъ молодой новобранецъ.

Значительная сумма, добытая продажею части имѣнія, была переведена, по совѣту сѣятеля, очаровавшаго княгиню, на одного изъ банкировъ, занимавшихся денежными дѣлами ордена.

При семинаріи была небольшая школа для крестьянскихъ, мѣстныхъ дѣтей, и князю предложили, для развлеченія, взять на себя уроки чистописанія; князь согласился, и три раза въ недѣлю смиренно разлиневывалъ мальчикамъ и дѣвочкамъ тетради и выводилъ своимъ, красивымъ, почеркомъ различныя нравоученія, въ родѣ: «одна добродѣтель даетъ истинное счастіе; трудъ полезенъ, праздность губительна».

— Ну, что же, мой молодой другъ, привыкаете ли вы къ новому образу жизни? спросилъ разъ, по окончаніи вечерни, князя аббатъ-сѣятель.

Шедшіе отъ вечерни братья поглядывали, при этомъ, съ подобострастною улыбкой, то на аббата, то на князя, будто желая сказать: «видите, какъ благосклоненъ къ вамъ, внимателенъ и милостивъ святой отецъ. Вы должны цѣнить это».

— Да; привыкаю, eminence, хотя иногда и грущу.... Мнѣ жаль очень мать и сестру мою, отвѣчалъ князь.

— Вы ихъ увидите, и скоро.... Я вамъ даю слово, отвѣчалъ аббатъ и заговорилъ съ отцомъ-казначеемъ.

Князь, воротясь къ себѣ, думалъ: «Ужь не готовитъ ли мнѣ сюрпризъ аббатъ? Мать я увижу; я увѣренъ, она будетъ подлѣ меня; но сестра... До меня ли ей... Пьеръ пишетъ, что долженъ проводить войска.... Вѣроятно, сестра съ отцомъ поѣдетъ вслѣдъ за нимъ въ Россію».

Такъ проходили день за днемъ; князь работалъ много, подъ руководствомъ друга-богослова, готовясь къ священству; несмотря на это, тоска подчасъ сильно одолѣвала его.... «Назадъ», приходило ему нѣсколько разъ въ голову; но показаться флюгеромъ, повертывающимся по направленію перваго, поднявшагося внутри, на душѣ, вѣтра,—пугало князя больше обвиненій въ ренегатствѣ, больше разлуки навсегда съ отечествомъ, не особенно, правда, и любимымъ имъ, человѣкомъ, въ которомъ съ дѣтства вытравлена была естественная любовь къ родному западными наставниками. Князь даже не отдавалъ себѣ отчета, о чемъ груститъ, чего жалѣетъ; на Россію онъ смотрѣлъ какъ на страну съ великими залогами пожалуй, если (sine qua non) она окатоличится, но пока страну дикую, варварскую. «Что-жь въ ней любить, исключая родныхъ, да двухъ-трехъ прекрасныхъ людей, которые могутъ быть всюду? Они хороши вовсе не потому, что русскіе», размышлялъ князь. Любить народъ?... Но онъ не зналъ его и считалъ чуть не звѣремъ. Въ то время на народъ смотрѣло барство съ высоты своихъ балконовъ и террасъ, уставленныхъ сомнительными антиками. Что-жь удивляться этому незнанію народа въ князѣ, если еще интеллигенція нашего времени благосклонно называетъ простонародье «младшимъ братомъ», чуть не младенцемъ. Изученіе пѣсенъ, эпоса, дѣльные и высокопарные, пустые толки объ изученіи былинъ, быта, о сближеніи и пламенной любви къ народу подвинули, покуда, слишкомъ мало насъ въ народовѣдѣніи. Мы изучаемъ народъ, это правда, но какъ флору, ни на минуту не переставая любоваться, точно чиномъ, своимъ образованіемъ, не допускающимъ до униженія признать, что этотъ «тысячелѣтній малолѣтокъ» во многомъ врядъ ли не поопытнѣе и мудрѣе насъ, и что намъ самимъ можно у него кое-чему поучиться.

«Я счастливъ», писалъ князь по-французски, слогомъ многочисленныхъ переписокъ съ друзьями и наставниками перешедшихъ,—«счастливъ, какъ человѣкъ, достигшій, наконецъ, цѣли продолжительнаго путешествія: но еще, какъ бываетъ въ первыя минуты пріѣзда, я не усѣлся, не устроился какъ слѣдуетъ;

все еще бродятъ въ головѣ впечатлѣнія ночлеговъ, дороги, мелькнувшихъ ненадолго мѣстностей, гдѣ суждено мнѣ было встрѣтить столько любви и вниманія. Откровенно скажу, васъ и сестры мнѣ только не достаетъ для полнаго моего счастія. Аббатъ вамъ кланяется; онъ очень занятъ, но обѣщалъ писать вамъ на дняхъ. Такого яснаго ума, при благодушіи и простотѣ, я не встрѣчалъ доселѣ; на дняхъ онъ спрашивалъ: скоро ли вы пріѣдете? Попросите Nadine, чтобъ она не считала меня за эгоиста. Я знаю, что она не отпуститъ васъ прежде свадьбы, но я вѣдь и не жду васъ раньше, какъ черезъ годъ, полтора. За то какъ свѣтелъ будетъ для меня день, въ который я поцѣлую вашу руку! Прощайте. Помолитесь обо мнѣ; я молюсь о васъ.... Молюсь.... Еслибы вы знали, какъ мнѣ сладко писать, произносить это святое слово!... Поймите же, чѣмъ я обязанъ G. и D., дорогому аббату, а вмѣстѣ съ ними и покойному другу нашему, маркизу.... Я прежде не понималъ его.... Сестра не знала его; мнѣ самому объяснилъ этого замѣчательнаго, несчастнѣйшаго человѣка аббатъ O., разсказавъ подробно жизнь его».

G. и D. были іезуиты, изъ которыхъ одного читатель видѣлъ въ Раздольѣ. Князь началъ вести дневникъ; выдержки изъ него напечатаны не такъ давно за границею, отдѣльною брошюрой; сквозь наружно-спокойную, плавную, мѣстами теплую рѣчь дневника просвѣчиваетъ, точно фольга, подложенная подъ филигранный окладъ образа, глубокая грусть и гнетъ, будто придавившій умъ мыслителя; мѣстами блещутъ на страницахъ исповѣди, точно слезы, живыя воспоминанія дѣтства, родины, юности. Такъ перебираетъ одинокій ссыльный старыя вещицы, напоминающія ему друзей, семью и невозвратные дни, только теперь, по утратѣ, сдѣлавшагося ему дорогимъ и милымъ, прошлаго.

Это была одна изъ легкихъ побѣдъ отцовъ; да можно сомнѣваться даже, бывали ли трудныя, хотя о нѣкоторыхъ и говорятъ хвастливо отцы въ примѣчаніяхъ къ посмертнымъ изданіямъ мемуаровъ своихъ жертвъ: «это была побѣда нелегкая!» Въ библіотекахъ русскихъ баръ того времени такъ же трудно было встрѣтить апостолъ, библію, какъ въ сундукѣ у старовѣра сочиненія Вольтера или Дидро. Зная наизусть всѣ изреченія Мирабо и Робеспьера, люди, въ родѣ князя Бориса, слыхали апостольскія посланія только отъ дьячка, у обѣдни. Баккалавръ пробовалъ, выражаясь его собственнымъ тяжеловатымъ слогомъ, «питать этою пищею духъ ученика», но ученикъ, увлеченный

вскорѣ общимъ потокомъ новаго направленія, бросилъ эту питательную и простую пищу, принявшись за пикантные соте и венегреты, приготовленные модною, умственною кухнею.

Слѣпая вѣра въ одинъ личный, собственный умъ скоро заставила его чуть не съ насмѣшкою смотрѣть на преданіе, юродствомъ называть смиреніе предъ величавымъ теченіемъ судебъ, совершающихся не по человѣческой, а чьей-то другой, высшей волѣ; все мѣряя однимъ аршиномъ разума, онъ и не могъ видѣть далеко, не могъ уразумѣть въ событіяхъ явленій духа и силы высшей, зиждущей втайнѣ, предуставленной отъ вѣка; такая дальнозоркость пріобрѣтается одною вѣрою. Не было бы Распятія, если-бы человѣчество прозрѣвало, предусмотрѣнный отъ вѣка, планъ Зодчаго; личный умъ человѣческій, творя, лишь назидаетъ на основаніи, положенномъ разъ навсегда, на вѣки; люди, какъ ни гордись они, только строители тайнъ, отвѣтственные исполнители предначертаній, данныхъ Зодчимъ. Безъ этого сознанія творчество одинокаго человѣческаго разума будетъ похоже на работу поденьщика, нанятаго на одинъ часъ, а между тѣмъ вздумавшаго выводить зданіе по-своему. Ему говорятъ: «не успѣешь».—«Я уговорю другихъ», защищается поденщикъ, не разсуждая, что другой, пожалуй, примется класть опять по-своему; ибо нельзя подчинить свою мысль мысли другаго, не убѣдившись, что чужая мысль и выше и разумнѣе моей собственной. Зодчій, имѣя въ виду, незримыя рабочими, цѣль и назначенье зданія, глядитъ на безсмысленные хлопоты, разрушаетъ назданное не по плану и ведетъ съ новыми людьми свой величавый храмъ, задуманный отъ вѣка. Старая истина; но человѣку, всегда поклоннику новизны, всего труднѣе согласиться съ старою истиной. Недавно однако, въ наше время, явилась мысль, что существуетъ неразрывная связь между преданіемъ, отдаленною стариною и новыми событіями; но удивительно, почуявъ эту связь, мыслитель не рѣшается, будто стыдится, объяснить ее существованіемъ плана, начертаннаго вѣчнымъ разумомъ. «Куда-жь дѣвать мнѣ свой, мой личный разумъ, если я сознаюсь, что работаю по чужому предначертанію?» И вотъ, въ силу этой ребяческой гордости, рабочій, отворачиваясь отъ лежащаго передъ его глазами чертежа, снисходитъ добровольно на жалкую ступень поденьщика, не разумѣющаго мысли зодчаго, отказывается отъ соучастія въ разумѣніи.

Баккалавръ указывалъ на эту опасную размолвку разума съ вѣковымъ опытомъ и другими органами познаванія шестнадцатилѣтнему ученику, но гдѣ же было устоять умному ребенку противъ ослѣпительнаго блеска мысли, вырвавшейся на широкій просторъ и громившей безъ пощады все старое. Онъ бросилъ оксфордскія лекціи подъ столъ и обложился произведеніями новыхъ философовъ, проповѣдывавшихъ невѣріе или, какъ они называли, «полную свободу мысли». Первые дни этого освобожденія были для него слаще перваго свиданія любовника съ любимою женщиной. «Какъ это я не догадывался прежде?» думалъ князь. Любуясь, точно Чичиковъ подбородкомъ, своимъ, очищеннымъ отъ предразсудковъ, образомъ мыслей, юноша блаженствовалъ. «Такъ, такъ; ясно какъ день», рѣшалъ онъ, читая появляющіяся то и дѣло въ печати подтвержденія своихъ новыхъ догадокъ и выводовъ изъ предположеній, пожалованныхъ въ достоинство аксіомъ и неопровержимыхъ истинъ. Иногда отворачивался онъ съ содроганіемъ отъ крови, проливаемой ревнителями свободы. «Но вѣдь кровь проливалась и въ противномъ лагерѣ», утѣшалъ онъ тотчасъ же себя, не замѣчая, впопыхахъ, что чуть-чуть не вносилъ этимъ оправданіемъ въ сводъ обновленныхъ своихъ понятій отмѣненное давно по безобразію: «око за око и зубъ за зубъ».—«Но это не месть,— это защита или печальная необходимость устранить препятствія», успокоивали его нетерпѣливые поклонники новаго умственнаго движенія. «Истина устранила руку апостола, поднявшаго ножъ на гонителей, и крестнымъ путемъ, путемъ самопожертвованія искони совершала свое шествіе», говорилъ, правда припоминалось князю, баккалавръ. Но на такое возраженіе отвѣчалъ князь, вмѣстѣ съ противниками и друзьями свободомыслія: «такъ могъ поступать Христосъ, а не мы, слабые люди». Признаніе этой собственной слабости не мѣшало, и не мѣшаетъ, однако, друзьямъ свободомыслія считать первую пришедшую имъ въ голову мысль, фантазію чуть не закономъ для общества, для человѣчества.

Іезуиты сначала не упрекали его въ невѣріи, не доказывали бытія Божія; они подманили его другимъ кормомъ. «Вы—умный, образованный юноша, со средствами денежными и ничего не дѣлаете», говорили они. — «Мнѣ противно кровопролитіе; я поэтому не могу примкнуть къ республиканцамъ, хотя имъ сочувствую», оправдывался князь. Отцы начали доказывать,

что орденъ служитъ той же истинѣ, той же свободѣ, но идетъ къ этому не кровавымъ путемъ, а мирнымъ, постепеннымъ. Юноша задумался. «Вѣдь между нами и юнымъ лагеремъ одно недоразумѣніе; и онъ и мы идемъ къ одному и тому же свѣту», подпѣвали іезуиты молодому, незрѣлому мыслителю. Тутъ, словно изъ земли выросъ итальянецъ, молодой богословъ, съ пламенною рѣчью о миссіонерствѣ, о свѣтѣ, который несутъ миссіонеры въ непроходимыя дебри и лѣса, въ среду, утопающую въ невѣжествѣ, и т. д. Князь растаялъ, и черезъ мѣсяцъ колотилъ себя въ грудь передъ подареннымъ ему аббатомъ мраморнымъ распятіемъ. Всего бы ближе было идти ему въ свою, приходскую церковь, увѣровавъ, но отцы-іезуиты доказали ему, что схизма и отвратила его отъ вѣры. Да; ближе была ему своя, русская церковь, но онъ не зналъ ея; чертежъ, набросанный когда-то баккалавромъ, стерся, поблѣднѣлъ въ его памяти; іезуиты разрисовали ему по-своему русскую церковь, русскихъ поповъ, и князь отвернулся отъ картины, гдѣ намѣренно выставлены были на первый планъ одни недуги и слабости. Князь, не размысливъ, разсердясь на чтеца, швырнулъ въ печь святцы, какъ это дѣлаютъ многіе изъ нашихъ ревнителей чистоты нравовъ русскаго духовенства. Мать соглашалась съ сыномъ по слабости къ нему и тоже по незнанію своему; отецъ погоревалъ, но подумалъ: «я человѣкъ темный; онъ ученъ; стало-быть, тамъ вѣрнѣе, лучше духовенство, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, увѣровалъ». Князя и княгиню огорчало одно,—это желаніе, явившееся у сына сдѣлаться священникомъ; это было громовымъ ударомъ для нихъ, аристократовъ, видѣвшихъ въ Борисѣ единственную, послѣднюю отрасль своего княжескаго фамильнаго древа. Грусть, посѣщавшая князя послѣ перехода, могла бы навести его на многое; но онъ легкомысленно объяснялъ себѣ ее простою привычкою къ старому и писалъ матери: «я, послѣ вѣчности, уважаю больше всего время».

Такъ совершился переходъ молодаго Тунгусова въ католичество,—явленіе, къ несчастію, не одиночное въ то время на Руси; другіе перешли, можетъ-быть, при другихъ условіяхъ; не обвиняя никого изъ нихъ голословно, мы не можемъ, однако, не грустить, не сожалѣть объ ушедшихъ изъ семьи братьяхъ. Переселенцы плохо приростали къ чуждой почвѣ; большинство ихъ обманывало себя, повторяя сердцемъ старое, свое, и лепеча устами, выученный твердо, новый символъ.

VI.

Было первое января; Петербургъ встрепенулся, ожилъ, задвигался, точно муравейникъ, разрытый посохомъ прохожаго; было часовъ девять утра; кареты четверками цугомъ, съ форрейторами, покрикивавшими протяжное: «поди», съ трехаршинными напудренными гайдуками на высокихъ запяткахъ, еще не появлялись на улицахъ и около дворца; но сани, возки и небольшія визави съ переряженнымъ въ ливрею солдатомъ-сторожемъ, пѣшеходы уже сновали, несмотря на раннее утро, взадъ и впередъ; мундиры, шляпы, съ плюмажами и безъ плюмажей, выскакивали изъ возковъ и вбѣгали на подъѣзды различныхъ милостивцевъ, фаворитовъ, ихъ сіятельствъ, ихъ превосходительствъ и, просто, Ивановъ Максимовичей, Марій Петровенъ, не превосходительныхъ, но вліятельныхъ; одни обнимались, лобызали другъ друга, другіе кланялись милостивцамъ, ловили руку, цѣловали въ плечо, плакали отъ прилива чувствъ благодарности, признательности, или просто почтенія, уваженія къ заслугамъ и высокимъ душевнымъ свойствамъ отца и благодѣтеля, благодѣтельницы.... Человѣкъ, непосвященный въ таинства столичной жизни, могъ разсолодѣть отъ восторга, подумать: «вотъ трогательное зрѣлище.... Взгляните, какое дружелюбіе, почтеніе къ старшимъ, преданность подчиненныхъ къ начальникамъ и истинно-отеческія отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ! И говорятъ еще, что люди не исполняютъ заповѣди: «возлюби ближняго твоего, яко самъ себя». А это что же?» Не донесись до слуха человѣка непосвященнаго двухъ-трехъ словъ, произносимыхъ иногда на украшенныхъ коврами подъѣздахъ великихъ міра сего, выраженій въ родѣ: «и руки не подалъ, свинья. А? Каковъ? А давно ли чуть не ползалъ передо мною»; или: «что, протобестія, заискивать? Дай срокъ, я проберу тебя еще не такъ; ты у меня по стрункѣ будешь ходить, забудешь гордыбачыть». Не донесись, я говорю, вотъ этихъ словъ, непосвященный въ таинства жизни сталъ бы всѣхъ увѣрять, что царствіе Божіе на земли давнымъ-давно осуществилось; а говорятъ, что его нѣтъ, одни невѣжды, да завистники, или же люди не бывавшіе никогда въ сѣверной Пальмирѣ.

Въ ярко окрашенной мѣдянкою, небольшой комнатѣ, несмотря на высокоторжественный день новаго года, за столомъ, накрытымъ зеленымъ сукномъ, возсѣдалъ необыкновенно угрюмый, лысый и косой военный генералъ, лѣтъ шестидесяти; около него по бокамъ, точно архангелы, сидѣли двое: одинъ— статскій, невысокаго роста, въ золотыхъ очкахъ на ястребиномъ, тонкомъ носѣ, худой, въ бѣломъ галстукѣ, который онъ поминутно оправлялъ и поддергивалъ, хотя галстукъ какъ нельзя лучше сидѣлъ на тоненькой, украшенной орденомъ, шеѣ; другой архангелъ былъ военный, полковникъ, судя по мундиру, упитанный, красивый молодой человѣкъ; этотъ поминутно зѣвалъ, закрывая слегка ротъ пухлою, украшенною двумя бриллiантовыми перстнями, рукою. На столѣ горѣла лампа, такъ какъ солнце не удостоило, несмотря на высокоторжественный день, выглянуть изъ-за тумана, закутавшаго на этотъ разъ Пальмиру такъ ловко, что разъѣзжающiе экипажи поздравителей то и дѣло сталкивались и задѣвали другъ друга.

— Неужели и сегодня весь день просидимъ? спросилъ красивый, обратясь къ угрюмому.

— Какъ Богъ дастъ, отвѣчалъ угрюмый, надѣвъ большiе серебряныя очки и уткнувъ носъ въ лежащую на столѣ предъ нимъ бумагу.

Статскiй поправилъ замысловатый бантъ своего галстука и, вытянувъ шею, произнесъ: «для разъясненiя нѣкоторыхъ недоразумѣнiй не худо бы намъ потребовать, отъ канцлера, копiи послѣднихъ депешъ нашего посланника въ Неаполѣ». Угрюмый генералъ углубился еще сосредоточеннѣе въ чтенiе бумаги.

— Какъ вы полагаете, ваше превосходительство? спросилъ чиновникъ, пощупавъ орденъ и, по дорогѣ, вышитые концы галстука.

— На сей разъ полагать мнѣ нечего, ваше превосходительство: эти депеши у меня давно въ портфелѣ, отвѣчалъ угрюмый генералъ, не отрывая глазъ отъ бумаги.

Чиновникъ заморгалъ и принялся протирать носовымъ, батистовымъ платкомъ золотыя очки свои, какъ бы для того, чтобы впредь, обращаясь съ вопросами, быть осмотрительнѣе и прозорливѣе; красивый зѣвнулъ во всеуслышанiе и развалился въ креслахъ; за окнами раздался гдѣ-то звонъ къ обѣднѣ; угрюмый набожно перекрестился; убравъ бумагу въ столъ, онъ развернулъ толстое дѣло въ сѣрой оберткѣ, лежавшее тутъ

же на столѣ, заложилъ въ немъ одно мѣсто пустымъ конвертомъ и, снявъ очки, принялся глядѣть на выбѣленный, вѣроятно недавно, потолокъ комнаты. Воцарилось молчаніе: по лицамъ и по направленнымъ врознь взорамъ собесѣдниковъ нетрудно было замѣтить, что они давно ужасно другъ другу надоѣли; всѣхъ дружелюбнѣе было лицо упитаннаго полковника, но и онъ, небрежно развалясь въ креслахъ, то игралъ золотою цѣпочкою, блестѣвшею на бѣломъ жилетѣ, то смотрѣлъ на часы, разсматривалъ подробно бриллiанты на своихъ перстняхъ для того, чтобы какъ-нибудь сократить время.

— Да что, Катерина Ивановна пріѣхала? спросилъ онъ, обратясь къ угрюмому.

— Пріѣхала, отвѣчалъ, остановивъ свой взоръ на изразцовой печкѣ, угрюмый.

— Долго она здѣсь пробудетъ?

— Объ этомъ вы ее спросите, отвѣчалъ угрюмый, не сводя глазъ съ печи.

Въ угрюмомъ генералѣ было что-то деревянное; зачесанныя съ висковъ сѣдыя пряди рѣденькихъ волосъ, съ наивною цѣлью прикрыть лоснящуюся, широкую лысину, были точно приклеены; небольшая, торчащая на затылкѣ коса тоже плохо шевелилась и не гнулась, будто вырѣзанная искусно изъ дерева; свѣтлозеленые, косые зрачки генерала не смотрѣли никогда на того, съ кѣмъ онъ говорилъ, а если какъ-нибудь, невзначай, встрѣчались со взоромъ собесѣдника, то тотчасъ боязливо сворачивали, куда ни на есть, въ сторону; застегнутый до горла, по сезону, мундиръ, съ краснымъ отложнымъ воротникомъ, былъ сшитъ неловко, но, какъ видно, крѣпко и, судя по фасону, въ полковой швальнѣ; высунувшійся напередъ широкій носъ, худощавое, съ впадинами и возвышеніями лицо, выдающіяся, угловатыя скулы—тоже были деревянные, до того твердые, что человѣку, намѣревающемуся кинуться въ объятія генерала, весьма легко могло придти въ голову: «какъ бы, однакожь, мнѣ объ него не ушибиться». Только однѣ большія уши и отвисшія губы, которыми поминутно шевелилъ генералъ и укладывалъ на различный манеръ, были сдѣланы природою изъ какого-то очень мягкаго матеріала; губы, необыкновенно подвижныя и мягкія, напоминали животныхъ изъ породы слизняковъ.

— Скоро ли они тамъ? произнесъ генералъ, сложивъ, по

окончаніи вопроса, губы на новый, вѣроятно болѣе удобный. манеръ.

— Девятаго три четверти, замѣтилъ упитанный, взглянувъ на карманные часы и переложивъ иначе ноги въ щегольскихъ, коротенькихъ ботфортахъ.

Опять водворилась тишина.

— Господи, да не яростію обличиши мя, произнесъ неожиданно угрюмый, зѣвнувъ и перекрестивъ нѣсколько разъ ротъ, плохо гнущеюся, рукою.

— Митрополитъ, чай, служитъ, скромно замѣтилъ статскій, все время молча поправлявшій узелъ галстука.

Угрюмый не отвѣтилъ ничего; упитанный, нагнувшись, сталъ разсматривать печатку, прицѣпленную къ часамъ вмѣсто брелока.

— Привезъ, ваше превосходительство, произнесъ, вытянувшись, молодой, похожій на галку, низенькій адъютантъ, появившійся неожиданно въ дверяхъ.

— А.... Ладно.... Введи сюда, отвѣчалъ угрюмый. Да; постой.... Отправилъ рапортъ?

— Отправилъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ адъютантъ, придерживая, замотавшуюся сзади при быстромъ поворотѣ, шпагу.

— Съ кѣмъ? Съ Аксентьевымъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— То-то.... Введи, отвѣчалъ генералъ.

Упитанный бросилъ брелокъ и развалился, стараясь перемѣнить выраженіе безпечности въ лицѣ на строго должностное, что плохо удалось ему; статскій пощупалъ галстукъ и, понюхавъ табаку, поглядѣлъ на дверь взоромъ охотника, замѣтившаго подъ кустомъ притаившагося зайца; угрюмый надѣлъ очки и развернулъ толстое дѣло.

Дверь отворилась и въ комнату вошелъ Катеневъ въ мундирѣ, но безъ шпаги; поклонившись засѣдающимъ, онъ подошелъ къ столу.

— Поближе не угодно ли? замѣтилъ красивый.

Катеневъ подвинулся.

— Вотъ ты сказалъ прошедшій разъ, началъ угрюмый, уставившись на орденъ статскаго, что̀ нѣсколько сконфузило послѣдняго и заставило пощупать галстукъ и крестъ,—ты сказалъ, что прибылъ на эскадру двѣнадцатаго числа, а между тѣмъ

оказывается, что австрійскій корветъ пришелъ къ эскадрѣ осьмаго. Какъ же это такъ? спросилъ генералъ, переведя свой взоръ съ ордена на потолокъ комнаты и накрывъ верхнею губою нижнюю.

— Я могъ забыть, ваше превосходительство.... Мнѣ казалось, отвѣчалъ Катеневъ, что....

— Тутъ не должно казаться, а слѣдуетъ отвѣчать съ точностію, перебилъ угрюмый. А чего не помнишь, отвѣчать: «не припомню».

Катеневъ промолчалъ.

— Кромѣ приказанія передать письмо контрадмиралу Пустошкину тебѣ дана была нѣкая, словесно... инструкція чрезъ господина статскаго совѣтника Фукса. Въ чемъ она состояла? спросилъ угрюмый, обратясь къ печкѣ.

— Дана была; но сообщать ее мнѣ строго запрещено фельдмаршаломъ кому-либо, ваше превосходительство, отвѣчалъ Катеневъ вѣжливо, но спокойно и рѣшительнымъ тономъ,—по долгу присяги. Все, что я могу сообщить, мнѣ кажется, не преступая приказанія фельдмаршала, это то, что она относилась исключительно до фортификаціонныхъ работъ, порученныхъ частію моему наблюденію, подъ руководствомъ генерала Лагоца.

Угрюмый генералъ глухо разсмѣялся, при чемъ лицо его не пошевелилось; можно было подумать, что смѣялся кто-нибудь за него въ сосѣдней комнатѣ.

— А сообщать отцу чертежи могъ? спросилъ онъ, все-таки обращаясь не къ Катеневу, а къ печкѣ.

— Это была моя неосторожность, ваше превосходительство; но я этихъ укрѣпленій не сообщалъ, а посылалъ чертежи осадъ уже оконченныхъ въ Верхней Италіи, отвѣчалъ Катеневъ.

— Такъ, продолжалъ угрюмый.—Долгъ присяги, ты говоришь.... Да кому ты присягалъ?

— Моему государю, ваше превосходительство. отвѣчалъ Катеневъ.—Одному ему я и могу сообщить секретное порученіе.

— Прытокъ, замѣтилъ генералъ, погладивъ свой деревянный подбородокъ.

Всѣ замолчали; Катеневъ переминался съ ноги на ногу; угрюмый, почесавъ у себя за ухомъ, написалъ что-то карандашомъ твердымъ почеркомъ на поляхъ дѣла.

— Дайте ему прочесть и подписать показаніе, произнесъ онъ, обратясь къ статскому.

Статскій вынулъ изъ лежащаго предъ нимъ щегольскаго портфеля бумагу и передалъ Катеневу.

— Прочти.... Вѣрно ли написано? началъ угрюмый, поглядѣвъ исподлобья на допрашиваемаго и потомъ отведя косые глаза на окно.—Если вѣрно, то подпиши.

Катеневъ сталъ читать про себя бумагу; угрюмый пошепталъ что-то сначала красивому полковнику, потомъ статскому и вполголоса произнесъ: «надо написать докладъ.... Прямо на-бѣло можете». Статскій досталъ изъ портфеля листъ бумаги и началъ писать, осторожно выводя каждую букву; Катеневъ, окончивъ чтеніе, доложилъ, что написано все вѣрно.

— Подпиши.... Чинъ, имя, отчество, фамилію, произнесъ, уставясь въ дѣло, угрюмый.

Катеневъ взялъ перо.

— Вотъ здѣсь начинайте.... Тутъ не упишете.... Поручикъ такой-то, объяснилъ очень любезно упитанный, указавъ изящнымъ пальцемъ своимъ, гдѣ надо начинать подписываться.

Катеневъ подписалъ; угрюмый позвонилъ, продолжая глядѣть въ дѣло; вошелъ жандармъ.

— Позови адъютанта, произнесъ угрюмый.

Въ ту же минуту явился адъютантъ.

— Отвези его обратно на гауптвахту, произнесъ генералъ, отмѣчая опять что-то карандашомъ на полѣ толстаго дѣла.

Катеневъ поклонился и вышелъ въ сопровожденіи адъютанта изъ комнаты.

— Готово? спросилъ угрюмый.

— Готово, ваше превосходительство, отвѣчалъ статскій, любуясь написанною четкимъ, круглымъ почеркомъ бумагою.

Угрюмый прочиталъ новорожденную бумагу, переложилъ иначе губы, подписалъ и, поднявшись со стула, какъ поднимаются искусно сдѣланные автоматы, произнесъ, глядя на карнизъ комнаты: «засѣданіе кончено».

Всѣ встали и, молча раскланявшись, разъѣхались; сонный жандармъ потушилъ лампу, подвинулъ къ столу кресла и заперъ на ключъ комнату.

— И праздника нѣтъ.... Жисть! сердито замѣтилъ онъ, выйдя въ переднюю и обратясь къ товарищу-солдату, прибиравшему на засаленномъ столѣ разсыльныя, тоже засаленныя, книги.

Товарищъ, вмѣсто отвѣта, снялъ съ гвоздя шапку и ушелъ.

*

Сани парою, съ Катеневымъ и адъютантомъ, пролетѣвъ двѣ-три оживленныя улицы, остановились опять у дома казенной наружности, выкрашеннаго грязно-желтою краскою; по деревянному помосту гауптвахты, между составленными въ козлы ружьями, шагалъ часовой, скрипя громадными калошами и поёживаясь отъ мороза въ своей волчьей шубѣ; адъютантъ сдалъ плѣнника дежурному офицеру и уѣхалъ; заключенный вошелъ опять въ свою комнату съ окномъ, въ которомъ краснѣла кирпичная стѣна съ небольшимъ кусочкомъ небосклона; сбросивъ на кровать епанчу, поручикъ постоялъ противъ накаленной жарко печки, съ синими кувшинчиками и цвѣтками на изразцахъ, надоѣвшими ему до тошноты, и, сѣвъ на единственный стулъ у столика, принялся припоминать подписанныя только-что показанія; онъ давно понялъ, что взятъ по дѣлу объ осадѣ Анконы и за то, что пересылалъ изрѣдка отцу чертежи расположенія союзной арміи, какъ-то попавшіеся вѣнскимъ чиновникамъ, какъ объяснилъ ему упитанный полковникъ; но по какому поводу поднято дѣло объ Анконѣ, онъ не понималъ, какъ ни ломалъ голову.

Не желая пользоваться правомъ романистовъ—какъ можно долѣе оставлять въ неизвѣстности читателя, для возбужденія такъ-называемаго интереса, я въ короткихъ словахъ объясню причины поднятія дѣла. Осада Анконы, подготовленная, можно сказать, совершенно русскими, окончилась тѣмъ, что австрійцы, какъ мы сказали выше (именно генералъ Фрёлихъ), не посовѣтовавшись съ командующимъ русскою эскадрою, заключили капитуляцію съ осажденными; французскій гарнизонъ, вышедшій съ барабаннымъ боемъ и развернутыми знаменами изъ крѣпости, былъ весь отпущенъ австрійцами; на крѣпости былъ поднятъ одинъ австрійскій флагъ, а наши часовые, явившіеся для занятія постовъ, были безъ церемоніи выгнаны союзниками изъ крѣпости. Государь страшно разгнѣвался, получивъ донесеніе объ этомъ отъ адмирала Ушакова; отнесшись, однакожь, къ дѣлу съ свойственнымъ ему безпристрастіемъ, онъ приказалъ произвести строгое разслѣдованіе—не подали ли русскіе какого-либо повода къ поступку союзниковъ; первое, что кинулось въ глаза слѣдователямъ, отправленнымъ въ Вѣну, это посылка къ Лагоцу офицера до полученія отвѣта, на письмо о Лагоцѣ Суворова, отъ императора Франца; этотъ поступокъ фельдмаршала былъ возведенъ, его иностранными и своими, не-

доброжелателями чуть не на степень государственной измѣны; поручикъ, посланный для устройства насыпей, попалъ въ герои поэмы, сочиненной завистниками фельдмаршала; чертежи давно совершившихся осадъ, отправляемые старому артиллеристу-отцу, тоже пришиты были къ дѣлу и приплетены, хотя довольно бездарно, къ главному сюжету творенія. Слышавъ отъ Милорадовича о взятіи Анконы, но не зная подробностей прискорбной размолвки между союзниками, поручикъ объяснялъ свое «взятіе» единственно неосторожною пересылкою плановъ отцу и, можетъ-быть, какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ, которое забылось имъ при разнообразіи и многочисленности встрѣчъ и знакомствъ во время почти годоваго похода; припоминая письма, замѣтки, чертежи въ своемъ арестованномъ портфелѣ (послѣднихъ онъ теперь боялся, какъ огня), придираясь къ каждому слову своему, чужому, онъ ничего не находилъ даже намекающаго на измѣну, на преступленіе. «Развѣ вотъ пѣсня импровизатора; я ее записалъ, но тамъ говорится о защитѣ родины,—защитѣ, которой, главнымъ образомъ, содѣйствовали мы, наше правительство», размышлялъ поручикъ, убѣждаясь съ каждымъ днемъ сильнѣе, что совѣсть его чиста. Несмотря на это успокоительное убѣжденіе, по временамъ, на него нападалъ страхъ за свою участь. «Развѣ не страдали неповинно люди?» думалъ онъ. «Развѣ клевета не способна истолковать вкривь и вкось самое невиннѣйшее выраженіе?» При этомъ вспоминалось ему слышанное отъ кого-то изреченіе императрицы Екатерины, что за любое слово, объяснивъ его по-своему, можно казнить писателя. Неизвѣстность, знаетъ ли маркиза объ его арестѣ, гдѣ она и какъ объясняетъ себѣ его молчаніе, какъ глядитъ княгиня на его арестъ,—увеличивала душевную тревогу, переходившую по временамъ въ тупое равнодушіе ко всему, если можно назвать этимъ словомъ состояніе души заключеннаго, на всю жизнь, человѣка. Порою онъ принимался молиться; молился жарко, со слезами. Подчасъ, какъ туча, набѣгало сомнѣніе: «да, полно, есть ли Промыслъ? Не жалкая ли букашка-человѣкъ, величающій себя цѣлымъ, отдѣльнымъ міромъ? Не ничтожная ли, беззащитная былинка онъ, смѣняемая черезъ годъ другимъ растеніемъ? И какое дѣло кому, что ее скосили, вырвали съ корнемъ? Мѣсто ея не будетъ пусто—заростетъ; и развѣ чудакъ, влюбленный, влекомый къ этому мѣсту дорогимъ воспоминаніемъ, вспомнитъ, что она росла когда-то тутъ, была

нѣмою свидѣтельницей его пролетѣвшаго счастья». Но тотчасъ же онъ чуть не краснѣлъ отъ стыда и упрекалъ себя въ неблагодарности, пробѣжавъ мысленно прошедшее. «Нѣтъ, кто-то обо мнѣ всегда заботился», размышлялъ онъ, начиная сознавать, что и самая любовь къ кузинѣ дана ему не даромъ, а имѣетъ и имѣла для него тоже воспитательное значеніе; такъ онъ припоминалъ, что, встрѣтившись съ нею тринадцатилѣтнимъ ребенкомъ (она была его старше нѣсколькими мѣсяцами), онъ уже не разставался съ образомъ дѣвушки, жилъ мысленно постоянно съ нею; замышлялъ ли какую-нибудь продѣлку, злую насмѣшку надъ старикомъ-учителемъ въ корпусѣ, припоминалась ему она, и онъ краснѣлъ, оставлялъ злую продѣлку. «И потомъ», припоминалъ поручикъ, «гдѣ бы я ни былъ, всюду она была подлѣ меня, стояла кроткимъ ангеломъ-хранителемъ; смѣялся ли я съ товарищами надъ церковнымъ обрядомъ, передразнивая священника, я вспоминалъ, какъ бы она взглянула на это, и слово насмѣшки замирало на устахъ, и я молился втихомолку отъ товарищей. А почему мнѣ сразу показалась грязною, циничною среда мошенниковъ и игроковъ, куда чуть-чуть не завели меня Б. и Г., и собственная распущенность и неопытность?—Да потому опять, что въ сердцѣ и въ воображеніи стоялъ ея прекрасный образъ, своею дѣвственною красотой сразу обличая грязь и безобразіе жалкаго общества, въ которое попалъ я». И вспоминалъ онъ, какъ онъ уносилъ съ собою ея замѣчанія, слова, вмѣстѣ съ звуками милаго голоса, и хранилъ ихъ вмѣстѣ съ цвѣткомъ, подареннымъ ею же на память. «Да, полюби я другую, легкую, свѣтскую женщину,—я знаю себя,—изъ меня вышелъ бы щеголь, фатъ, «антишамбристъ», какъ говоритъ фельдмаршалъ; стараясь угождать ей, нравиться, я сталъ бы воспитывать въ себѣ остроуміе, способность осмѣивать святыню», думалъ узникъ. «А у меня была-таки къ этому наклонность». Онъ вспомнилъ письмо ея съ попавшимися ей случайно словами евангелія: «я вамъ благовѣствую радость», вспомнилъ тогдашнее мрачное, не безопасное настроеніе свое, и теперь только созналъ, какъ былъ спасителенъ ему тогда этотъ лучъ свѣта и тепла, ударившій въ окно, открытое рукою той же любимой женщины. А этотъ примѣръ покорности, терпѣнья, это богатырство, не поколебавшееся даже передъ неотвратимою гибелью?... Всякъ говоритъ: «безъ воли Божіей волосъ съ главы не упадетъ»; да всякъ ли въ это вѣруетъ? Да, это богатырство:

такъ твердо выстоять подъ тучей стрѣлъ, наносимыхъ судьбою, съ однимъ щитомъ—твердою вѣрою, что Тотъ, кто душу положилъ за міръ, за человѣчество, не допуститъ погубить свое созданіе; это неизмѣримо выше, чѣмъ идти подъ картечь и ядра: здѣсь одинъ мигъ—и нѣтъ меня, а тамъ цѣлая жизнь впереди, жизнь полная оскорбленій, безысходной тоски, цѣлая цѣпь, сѣть положеній, одно другаго невыносимѣйшихъ. А князь Александръ Васильевичъ съ его заботливостью обо мнѣ?.. Теперь я знаю, для чего онъ посылалъ меня къ Лагоцу,—чтобы видѣть ограбленный республиканцами народъ, чтобы слышать изъ устъ бывшаго, яраго республиканца обличеніе республикѣ. «Вѣдь я, пріѣхавъ къ арміи, смѣялся надъ смиреніемъ Сергѣева, котораго теперь цѣню и уважаю несказанно, выше всѣхъ проповѣдниковъ свободомыслія; теперь мнѣ братъ родной—солдатъ, а я вѣдь прежде называлъ его животнымъ, а не разумнымъ существомъ, съ высоты своего пресловутаго свободомыслія. Да, все мнѣ было послано не даромъ, къ пользѣ моей, и не ничтожная былинка—человѣкъ, а существо, о которомъ кто-то непрестанно печется и заботится».

Въ такомъ раздумьѣ проводилъ дни, а иногда и ночи одинокій плѣнникъ, то лежа на своей койкѣ, то расхаживая изъ угла въ уголъ по комнатѣ съ кирпичною стѣною въ окнѣ и съ печью, украшенною синими кувшинчиками съ невозможными цвѣтами; ровно въ часъ, ежедневно, солдатъ приносилъ ему обѣдъ; къ прибору не давались ножикъ и вилка; эта благоразумная, но плохо успокоивающая предосторожность усиливала подозрѣніе заключеннаго, что онъ взятъ далеко не по шуточному дѣлу. Сначала не давали и свѣчъ: комната по вечерамъ освѣщалась свѣтомъ корридорнаго фонаря, мерцавшимъ сквозь дверное окошечко; потомъ стала выдаваться сальная свѣчка. Черезъ два, три дня, а иногда черезъ недѣлю, двѣ, его возили въ зеленую, уже знакомую читателямъ, комнату; эти выѣзды были праздниками для заключеннаго: воздухъ, встрѣча съ людьми нѣсколько освѣжали его, несмотря на печальную необходимость отвѣчать на вопросы, неизвѣстно къ чему клонившіеся. Русская пословица: «скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается», по всей вѣроятности, создана человѣкомъ, находившимся подъ судомъ или, по крайней мѣрѣ, имѣвшимъ тяжбу въ судахъ и палатахъ описываемаго времени. Свѣдѣнія, разъясненія, справки, по недостатку желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, получались не скоро, несмотря на усердіе курьеровъ и фельдъегерей, не жалѣвшихъ

ни кулаковъ своихъ, ни ямщицкой шеи; куча возникшихъ, такъ-называемыхъ «прикосновенныхъ», обстоятельствъ усложняла и запутывала простое дѣло поручика до того, что сами разслѣдователи не безъ труда доискивались подчасъ, какъ то или другое вяжется съ главною, не мудреною темою. О маркизѣ не было помина при допросахъ, что нѣсколько успокоивало заключеннаго. Общее впечатлѣніе, производимое на него вопросами слѣдователей, было, несмотря на это, тяжкое: онъ убѣждался день ото дня болѣе и болѣе, что онъ, поручикъ, послѣднее, незначительное лицо сложной картины, созданной не однимъ, а цѣлымъ обществомъ скромныхъ, но изобрѣтательныхъ художниковъ. Прошли январь, февраль, мартъ; апрѣль приближался къ концу, пустивъ потоки по кирпичной красной стѣнѣ и ожививъ клочокъ небосклона, синѣвшаго въ окнѣ; запахло весной; адъютантскія сани, носившія къ допросу, смѣнились дрожками, а заключенный все сидѣлъ въ пропитанной какимъ-то особымъ, казеннымъ запахомъ комнатѣ гауптвахты.

Однажды, въ концѣ апрѣля, утромъ сидѣлъ онъ подлѣ окна, на неизмѣнномъ кожаномъ стулѣ и читалъ присланныя въ первый разъ дежурнымъ офицеромъ «Петербургскія Вѣдомости»; заключенный такъ обрадовался имъ, что перечелъ безъ пропуска, раза три, все, начиная отъ производствъ и вексельнаго курса до объявленія о продающейся «дѣвкѣ, двадцати лѣтъ, здороваго тѣлосложенія». Въ извѣстіяхъ изъ-за границы говорилось много о «Буонапартѣ», начинавшемъ затмѣвать блескомъ своимъ всѣ другія свѣтила республики. Положивъ газету, Катеневъ началъ-было кормить въ форточку остаткомъ булки голубей, слетавшихся каждое утро на карнизъ окошка завтракать, какъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ тридцати въ флигель-адъютантскомъ мундирѣ.

— Поручикъ Катеневъ? обратился къ нему вошедшій.

— Точно такъ, отвѣчалъ поручикъ.

— Не угодно ли вамъ послѣдовать за мною.

Катеневъ застегнулъ мундиръ, взялъ шляпу и, накинувъ епанчу, отправился вслѣдъ за флигель-адъютантомъ, думая, что его везутъ въ комиссію; выйдя на крыльцо, арестованный и его новый спутникъ сѣли въ линейку, спинами другъ къ другу, изобразивъ собою двуглаваго орла, и щегольская сѣрая пара съ пристяжною, согнувшеюся въ три погибели, понеслась по петербургскимъ улицамъ; спустя нѣсколько времени поручикъ за-

мѣтилъ, что ѣдетъ вовсе не тѣми улицами, какими обыкновенно возятъ его къ допросамъ.

Тогдашній Петербургъ не совсѣмъ былъ похожъ на нынѣшній: Невскій былъ обсаженъ деревьями; только-что отстроенный Михайловскій дворецъ изумлялъ всѣхъ своеобразною архитектурою, надписью на фронтонѣ: «дому Твоему подобаетъ святыня и долгота дней» и краснымъ колеромъ, которымъ былъ покрытъ; частные дома тоже окрашены были разнообразнѣйшими колерами, начиная съ ярко-желтаго до розоваго и зеленаго; переодѣтое въ французскіе кафтаны, треуголки, высшее мужское народонаселеніе, солдаты съ косами, въ мундирахъ à la Frederic le grand, тоже привносили много своеобразія городу; только суровая красавица Нева, такъ же, какъ нынче, отразивъ фасады дворцовъ и будто не плѣнившись гордою ихъ красотою, задумчиво текла къ широкому простору своего роднаго моря.

У Катенева замерло сердце, когда линейка подлетѣла къ одному изъ боковыхъ дворцовыхъ подъѣздовъ.

— Не угодно ли? произнесъ флигель-адъютантъ, уступая ему дорогу.

Катеневъ вошелъ въ переднюю; кто-то снялъ съ него епанчу; спутникъ повелъ его по лѣстницѣ, покрытой ковромъ, потомъ свѣтлымъ корридоромъ и ввелъ въ длинную комнату съ затворенными дверями въ концѣ; при входѣ два рослые гвардейца, въ павловскихъ высокихъ киверахъ кокошниками, отставили ружья, увидя флигель-адъютанта (такъ отдавалась честь во дворцѣ, вмѣсто обычнаго вскидыванья ружья). Дежурный офицеръ поднялся тоже со стула и взглянулъ на портупею поручика, мотавшуюся безъ шпаги; у окна стояли деревянный генералъ и полковникъ, допрашивавшіе Катенева; поручикъ поклонился имъ; полковникъ ласково прошепталъ: «здравствуйте»; генералъ кивнулъ, поглядѣвъ изъ-подъ щетинистыхъ бровей на плѣнника, и отвернулся.

— Подождите здѣсь, произнесъ флигель-адъютантъ, обратясь къ Катеневу.

Осторожно отворивъ дверь въ концѣ пріемной, онъ ушелъ, вѣроятно, докладывать.

Поручикъ всталъ у одного изъ оконъ, поглядывая на затворившуюся за флигель-адъютантомъ дверь: минутъ черезъ пять, показавшихся ему чуть не сутками, дверь отворилась и вышедшій флигель-адъютантъ произнесъ: «пожалуйте къ государю».

Катеневъ пошелъ, творя мысленно молитву; войдя въ полурастворенную дверь, онъ остановился. Государь стоялъ посреди комнаты, заложивъ одну руку за бортъ мундира.

— Ты поручикъ Катеневъ? спросилъ онъ.

— Точно такъ, ваше величество, отвѣчалъ, стараясь осилить нервную дрожь, поручикъ.

— Ты былъ подъ Анконою?

Катеневъ отвѣчалъ: «былъ, государь».

— Какая инструкція тебѣ дана была фельдмаршаломъ?

Катеневъ отвѣчалъ, что фельдмаршалъ, приказавъ ему, по указаніямъ Лагоца и лейтенанта Ратманова, устраивать полевыя укрѣпленія, не велѣлъ, впредь до распоряженія, сообщать объ этомъ никому; на вопросы же австрійскихъ офицеровъ: «зачѣмъ прибылъ въ Анкону», говорить, что присланъ съ депешами къ контръ-адмиралу, командовавшему русскою эскадрою».

— И ты исполнилъ это? спросилъ государь.

— Исполнилъ, ваше величество.

— Когда ты арестованъ?

Катеневъ отвѣтилъ; государь слегка пожалъ плечами, смѣрявъ съ головы до ногъ поручика.

— Струсилъ? спросилъ онъ, улыбнувшись и подходя къ столу, чтобы взять шляпу и трость.

— Въ первыя минуты, государь, отвѣчалъ уже ободрясь поручикъ.—Но меня поддерживала и поддерживаетъ вѣра, что правда будетъ моею лучшею защитницей предъ вашимъ величествомъ.

— Гдѣ ты разстался съ фельдмаршаломъ?

— Въ Краковѣ, государь.

— Ужь онъ былъ боленъ?

— Тогда онъ только-что слегъ....

— Такъ всегда храни ввѣренную тебѣ тайну, произнесъ, надѣвая перчатку, государь и, выходя изъ кабинета, прибавилъ: «поздравляю тебя капитаномъ».

Выйдя въ пріемную, императоръ остановился и, обратясь къ флигель-адъютанту, произнесъ:

— Возвратить ему шпагу. Ce n'est pas la un de vos jeunes gens, qui vivent sous les jupons; voila un jeun homme, qui sait porter les culottes *), проговорилъ онъ, указавъ головою на новаго капитана.

---

*) Этотъ не изъ числа вашей молодежи, привыкшей жить подъ юбками; вотъ молодой человѣкъ, который умѣетъ носить штаны.

Катеневъ преклонилъ, по обычаю, колѣно и поцѣловалъ руку; государь вышелъ и тотчасъ уѣхалъ куда-то; флигель-адъютантъ побѣжалъ доставать шпагу; красивый полковникъ со слезами на глазахъ кинулся обнимать освобожденнаго; генералъ тоже пробормоталъ что-то въ родѣ привѣтствія, но, будто испугавшись, какъ бы не подмѣтили, что онъ не деревянный и способенъ чувствовать, тотчасъ перевелъ свои косые зрачки въ противоположный уголъ комнаты. Полковникъ былъ въ восторгѣ и разъ десять принимался жать руку еще не пришедшему въ себя Катеневу... Русскому трудно превратиться въ холоднаго полицейскаго, жандарма; даже при живѣйшемъ, его собственномъ желаніи остаться вѣрнымъ своей должности, онъ непремѣнно измѣнитъ себѣ; нѣтъ, нѣтъ, а шевельнется, непремѣнно, человѣкъ подъ мундиромъ секретнаго чиновника.

Флигель-адъютантъ подалъ шпагу и, давъ записку на гауптвахту, простился съ Катеневымъ.

— Да, не хотите ли взять мои дрожки? спросилъ онъ, возвратясь.—Я дежурный; мнѣ пока ѣхать некуда.

Катеневъ поблагодарилъ и вышелъ; кучеръ подалъ экипажъ; сѣвъ на дрожки, новый капитанъ вздохнулъ всею грудью; ему хотѣлось не то плакать, не то смѣяться; такіе внезапные переходы отъ горя къ радости, отъ злополучія къ благополучію и наоборотъ—были не рѣдкостью въ то время; одинъ изъ современниковъ, служившій въ troupe dorée, какъ называли конную гвардію, разсказываетъ, что тогда необходимо было имѣть въ карманѣ тысячу, другую рублей, выѣзжая изъ дому, такъ какъ за обѣдомъ трудно было съ достовѣрностью сказать, гдѣ будешь ужинать. Положеніе случайныхъ людей, людей «въ фаворѣ», по тогдашнему выраженію, весьма похоже было на положеніе музыкантовъ въ роговомъ оркестрѣ: взявъ свою ноту, музыкантъ смолкалъ и даже уходилъ изъ хора, предоставляя другимъ, по очереди, доигрывать мелодію; разница между тогдашнимъ придворнымъ и рожечникомъ была впрочемъ та, что рожечникъ зналъ впередъ число тактовъ, послѣ которыхъ надо замолчать, тогда какъ fermato придворнаго было для него самого, большею частію, сюрпризомъ. Отпустивъ флигель-адъютантскія дрожки, освобожденный отдалъ дежурному офицеру записку и, уложивъ наскоро свой мѣшокъ, отправился, на приведенномъ солдатомъ извощикѣ, на постоялый, откуда выѣхалъ, слишкомъ годъ тому назадъ, на боевые

подвиги. Имъ овладѣло какое-то восторженное настроеніе; голосъ государя стоялъ въ ушахъ: «такъ всегда храни ввѣренную тебѣ тайну».—«Стало-быть, оцѣнилъ онъ, призналъ, что я дѣйствовалъ какъ вѣрноподданный, честно исполнилъ долгъ, служилъ ему, какъ умѣлъ, вѣрой и правдою», думалъ молодой воинъ. «Эти слова дороже мнѣ чиновъ и орденовъ». Слезы поминутно навертывались у него; его всего охватило то чувство, которое охватываетъ нашъ народъ при видѣ царя,—чувство безкорыстное, честное, создавшее слова: «надёжа-государь, царь-батюшка»,—чувство необъясненное, смутное пока, но въ которомъ лежитъ неодолимая правда, сила... «Въ огонь и въ воду за него», думалъ юноша: и онъ пошелъ бы, въ эти минуты, безтрепетно въ огонь и въ воду. И сталъ онъ провѣрять свое душевное восторженное настроеніе, допрашивая самъ себя: ужь не пожалованіе ли новымъ чиномъ, не радость ли свободѣ такъ разогрѣли его? Но онъ припоминалъ, что то же самое испытывалъ не онъ одинъ, а и другіе кадеты, когда государь посѣщалъ корпусъ,—испытывали, несмотря на то, что дрожали, ожидая на плацу, подъ дѣтскимъ ружьемъ, пріѣзда строгаго и вспыльчиваго государя. «Нѣтъ, это не то; это не капитанскій чинъ, не чувство освобожденнаго узника говорятъ во мнѣ», думалъ Катеневъ, припоминая, какъ пронимало его то же мощное чувство, когда онъ, бывъ ѣздовымъ, ѣхалъ съ своимъ орудіемъ мимо государя на маневрахъ, гдѣ участвовали и кадеты. И рядомъ съ этимъ вспомнилось ему, какъ онъ, послѣ смотра, никому не разсказалъ о томъ, что чувствовалъ, боясь насмѣшекъ, хотя порывался разсказать; но онъ былъ уже тогда въ выпускномъ, старшемъ классѣ и почитывалъ Рейналя украдкою отъ ротнаго.

— Сюда, что-ль, ваше благородіе, тебѣ? спросилъ извощикъ, остановивъ свою тощую пару у воротъ постоялаго.

Катеневъ очнулся, разсчитался съ нимъ и, взявъ мѣшокъ, отправился отыскивать дворника; отворивъ дверь въ избу, причемъ его обдало тепломъ и сильнымъ запахомъ печенаго хлѣба, онъ увидалъ хозяина, разсчитывавшагося съ какимъ-то мужикомъ, въ верблюжьемъ, гороховомъ кафтанѣ; увидавъ гостя, хозяинъ положилъ счеты на столъ и произнесъ, обычное тогда у крѣпостныхъ: «пожалуйте ручку». Совершивъ этотъ вступительный обрядъ, хозяинъ повелъ капитана въ свѣтелку, знакомую уже читателю, выгналъ двухъ курицъ, расхаживавшихъ по

столу, усѣянному хлѣбными крошками, и сообщилъ, что «Аѳанасій пріѣхалъ съ мѣсяцъ изъ нѣметчины, и вотъ, съ часъ назадъ, ушелъ на графскій дворъ узнать, пріѣхалъ ли фельдмаршалъ».

— Онъ тебя ждалъ, сударь, прибавилъ хозяинъ, прибирая въ избѣ.—Ты, знать, шелъ за арміей?

— Да... Что, нѣтъ вѣстей отъ батюшки? спросилъ Катеневъ.

— Вчера уѣхалъ, вотъ только, нашъ мужичокъ, барышникъ; двухъ жеребятъ приводилъ, такъ сказывалъ, всѣ слава Богу, отвѣчалъ хозяинъ.—Маменька ѣздила, говоритъ, на богомолье.... Какъ онъ назвалъ монастырь? Забылъ... На Покрова Пресвятой Богородицы, говоритъ, уѣхала; а Тимоѳей Игнатьичъ прихворнулъ-было, недѣли съ двѣ лежалъ,—извѣстно, дѣло не молодое, а теперь, говоритъ, ничего, оправился.

Подъ графскимъ дворомъ хозяинъ разумѣлъ домъ графа Дмитрія Ивановича Хвостова, племянника фельдмаршала.

— А о князѣ Тунгусовѣ не говорилъ Аѳанасій?... Воротились они?

— Это о какомъ князѣ?... О Раздольевскомъ? спросилъ хозяинъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавилъ: «тамъ еще за границей, на водахъ, на нѣкакихъ, на теплыхъ, говорилъ управляющій мнѣ Раздольевскій, пріѣзжалъ деньги вносить въ опекунскій... Все продаютъ, говоритъ, и пустоши, и лѣсъ... Имѣніе низовое, богатое, слышь, продали... Да, заграница-то она, сударь, бока-те промоетъ хоть кому. Ты чай ее узналъ теперь... И что имъ это далось? Жили бы да жили у себя въ помѣстьяхъ: прежніе бары не ѣздили, а гляди, какіе здоровые были безъ заграницы, толковалъ мужикъ.

— А не ждутъ ихъ? Не говорилъ управляющій?

— Этого не говорилъ; неча, отвѣчалъ хозяинъ.

— Скоро ли вернется Аѳанасій? спросилъ поручикъ, мучимый вопросами: «знаютъ ли мать, маркиза, отецъ о его заключеніи; какъ они смотрятъ на этотъ арестъ; потрясла, вѣроятно, всѣхъ ихъ страшная вѣсть?»...

— Да, надо быть скоро. Къ обѣднѣ развѣ зашелъ. Все ходитъ онъ въ Казанскій.... Хотѣлъ скоро придти. «Только, говоритъ, узнаю, когда ждутъ фельдмаршала», отвѣчалъ хозяинъ, почесывая спину.—Тебѣ самоваръ не поставить ли?

Но освобожденный не слыхалъ вопроса; взявъ шляпу, онъ вышелъ на улицу и побрелъ, самъ не зная куда; ему не сидѣлось на мѣстѣ; сердце усиленно билось; расходившіеся, потря-

сенные нервы требовали движенія; душевная тревога, поднятая вопросами о маркизѣ, о своихъ, мѣшала наслаждаться свободою; ясный апрѣльскій день, съ оттепелью, жаркіе солнечные лучи увеличивали волненіе. Вспомнивъ слова хозяина, что Аѳанасій бываетъ у обѣдни въ Казанскомъ соборѣ, онъ повернулъ въ переулокъ, чтобы направиться къ Невскому; съ крыльца угловаго высокаго дома сходили двое, жарко споря и поминутно перерывая другъ друга.

— Позвольте.... Вы осуждаете неоконченное произведеніе, говорилъ высокій старикъ въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ и маленькой треуголкѣ, съ портфелемъ въ рукѣ.

— Я осуждаю не планъ, я говорю о частностяхъ, отвѣчалъ спутникъ, оправивъ фризовую шинель и загораживая дорогу сѣрому сюртуку.—Поэтъ заставляетъ созданное имъ лицо молиться, пишетъ молитву... Кончено его произведеніе или нѣтъ,—я вправѣ судить: сердцемъ или одною головою написана молитва.

— Да, однакожь.... началъ-было сѣрый сюртукъ, садясь въ карету четвернею съ форрейторомъ, подъѣхавшую къ крыльцу.

Но фризовая шинель воззрилась въ идущаго офицера; Катеневъ остановился.

— Гаврило Даниловичъ.... Вы? вскрикнулъ онъ, кинувшись обнимать фризовую шинель.

— Кто же? Другаго, я думаю, такого нѣтъ во всемъ Петербургѣ, отвѣчалъ, расцѣловавшись съ бывшимъ ученикомъ и разсмѣявшись баккалавръ.

Старикъ крикнулъ изъ окна кареты: «прощайте Заозерскій», и уѣхалъ.

— Кто это? Лицо знакомое, спросилъ Катеневъ.

— Державинъ, отвѣчалъ баккалавръ.—Давно ли ты освобожденъ? Я порывался къ тебѣ, но хоть говорятъ: «толцыте и отверзется»,—не отверзли. Ахъ, какъ я радъ!... Но куда-нибудь намъ надо уединиться.... Давно ли ты освобожденъ?

— Сегодня утромъ, отвѣчалъ молодой капитанъ.—Но скажите прежде всего, имѣете вы извѣстія о семействѣ князя? Гдѣ они?

— Имѣю... Въ Теплицѣ, но на дняхъ старикъ съ дочерью будутъ въ Петербургѣ. Княгиня и князь Борисъ.... упомянувъ о послѣднемъ, баккалавръ нахмурился.—Ты слышалъ?

— Ничего не слыхалъ.

— Перешелъ въ католичество, продолжалъ баккалавръ.—Я подозрѣваю, не перешла ли и ея сіятельство, но объ этомъ.....

Это мое больное мѣсто и я не стану бередить его теперь, на радостяхъ. Какъ же ты?

— Вы не знаете, здорова Nadine? Знала она объ арестѣ? Вѣдь я помолвленъ.

— Знаю все.... Она въ томъ убѣжденіи, что ты свободенъ, но что потребованъ для слѣдствія и писать тебѣ, до времени, не велѣно... Я увѣдомлялъ, будто бы отъ тебя, ее часто, чуть не ежеденъ, и она,—вотъ я покажу тебѣ письма,—покойна; сколько можно, все сдѣлано, чтобы не встревожить ее.

Катеневъ бросился опять цѣловать баккалавра, причемъ чуть не столкнулъ съ троттуара мимо шедшую пожилую даму.

— Будетъ; но поѣдемъ хоть ко мнѣ, говорилъ баккалавръ, надергивая свалившуюся-было опять шинель.

— Заѣдемте на мою квартиру. Ахъ, какъ мнѣ грустно за Бориса.... Поѣдемте ко мнѣ.... Мнѣ хочется узнать о своихъ отъ Аѳанасья.

— Онъ былъ у меня... Поѣдемъ... Твоимъ написано то же самое... Будь покоенъ, говорилъ баккалавръ, садясь на извощичью линейку.

У Катенева отлегло отъ сердца; черезъ полчаса старые знакомцы сидѣли за самоваромъ въ свѣтелкѣ постоялаго. Катеневъ разсказалъ, что былъ у государя.

— Э, братъ, Петруша.... Это не французская пудра.... Жизнь, братъ, не парикмахеръ,—поприпудрила тебя, замѣтилъ баккалавръ, указавъ два, три серебряные волоса на головѣ бывшаго воспитанника.—Чего, я думаю, ты не передумалъ и не перечувствовалъ, добавилъ Гаврило Даниловичъ сквозь навернувшіяся слезы.

— Да, признаюсь, тяжко было подчасъ... Главное, мучила неизвѣстность, отвѣчалъ въ раздумьи Катеневъ;—но вотъ что странно, не чувствую я озлобленія противъ невѣдомыхъ враговъ, да еще, подивитесь, мягче, добрѣе я какъ-то сталъ.... Вотъ хоть бы давича, выходя отъ государя, такъ я полюбилъ его, такъ отдался, что потребуй онъ отъ меня жизни,—не задумался бы умереть. Я никому этого не скажу, не говорилъ; вамъ только разсказываю, зная, что вы не назовете это холопствомъ или низостью. Я самъ не могу себѣ отдать отчета въ этомъ чувствѣ.

Баккалавръ внимательно слушалъ эту восторженную рѣчь, наливая себѣ чашку чаю.

— Этого чувства не стыдись. У кого оно вытекаетъ изъ низости, тотъ жизни не отдастъ, у того вѣдь и чувства-то нѣтъ,— у того пародія на чувство, а пожалуй и притворство одно, говорилъ ученый съ нѣкоторою робостью, похожею на робость силача съ мускулистыми руками, берущаго хрупкую, изящную вещицу, которая того гляди изломается.—Я, братъ, теперь боюсь объяснять, мѣрять умомъ однимъ подобныя тонкія вещи.... Ты знаешь, я виноватъ одинъ въ томъ, что Борисъ, руководимый любознательностію, пытливостью, превратившеюся у него въ мученіе, въ страсть, въ запой, ушелъ—страхъ выговорить—въ іезуиты.

— Вы? Какъ же это, когда?... началъ-было Катеневъ.

— Я.... Я одинъ; я воспиталъ, зажегъ и безъ того пылкую душу его любовью къ истинѣ,—это услуга; но я пришпоривалъ его раннюю пытливость, тогда какъ ее надо было сдерживать. Ты зѣвалъ, слушая мои лекціи, а Борисъ не спалъ ночи, заставляя мозгъ переваривать пищу, слишкомъ сильную для ребенка.... Я давалъ ему мясо, когда слѣдовало давать молоко.... Я самъ былъ молодъ, я увлекся; меня увлекла самого талантливая натура ученика.... Я вспомнить не могу теперь безъ слезъ этого лихорадочнаго, пристальнаго взгляда его темноголубыхъ глазъ, устремленнаго на меня съ такой любовью, окончилъ баккалавръ сквозь слезы, покатившіяся изъ глазъ.

— Но.... Не преувеличиваете ли вы, Гаврило Даниловичъ?... Не иностранные ли университеты, люди, съ которыми встрѣчался онъ за границею... началъ Катеневъ, остановившись противъ задумавшагося собесѣдника.

— Нѣтъ.... Я началъ учить его не помолясь.... Мнѣ надо было съ вами просто ходить въ церковь, а я принялся пичкать васъ философіею религіи, вздоромъ. Какъ правъ былъ раздольевскій священникъ, замѣтивъ мнѣ однажды: «разсуждайте съ ними поменьше о молитвѣ, а пріучайте лучше ихъ молиться»... Я гордо тогда смѣрялъ сельскаго попа, вздумавшаго учить меня, баккалавра академіи, философа, и продолжалъ вамъ объяснять чуть не Апокалипсисъ; и вотъ страдаю, плачусь, взирая на горькій плодъ, привитой мною не во-время къ вѣткѣ.

— Но Nadine? возразилъ Катеневъ.

— Ее спасла природа, спасло то, что она была дѣвушка: женское, неиспорченное сердце отыщетъ, въ кучѣ мусора, бисеръ—и вышвырнетъ самое ненужное и вредное.... Припо-

миная теперь свои глубокомысленныя, жаркія проповѣди вамъ, я изумляюсь вѣрности природнаго чутья, которымъ угадывала, что въ нихъ правда, что туманъ, если не ложь,—угадывала это сразу, дѣвушка.... Ты чаще спалъ, и я благодарю за это Бога, окончилъ улыбнувшись баккалавръ.—Теперь я, не шутя, жалѣю, что не свелъ Бориса съ масонами; теперь я вижу, что они полезны для нашего высшаго общества, такъ точно, какъ полезны «задостойники» и «херувимскія», какого-нибудь Сарти, на мотивы изъ Моцарта, для молитвеннаго настроенья, офранцузившихъ свой слухъ, религіозныхъ баръ и барынь. Но это чувство-то самоотверженія ты береги, началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Имъ была и будетъ еще велика, славна Россія....

Катеневъ сидѣлъ, боясь проронить слова; теперь только онъ оцѣнилъ, узналъ, увидѣлъ, какое любящее, нѣжное сердце хранилось и хранится подъ неуклюжею корою чудака-учителя.

— Здравствуйте, Петръ Тимоѳеичъ. Слава Богу.... Мнѣ графъ Дмитрій Ивановичъ сказалъ, что вы выпущены. Слава Богу, говорилъ вбѣжавшій Аѳанасій.—Ручку пожалуйте; здравствуйте, Гаврило Данилычъ.... Я къ вамъ вчера заходилъ, да не засталъ.

— Я ночевалъ у Державина, отвѣчалъ баккалавръ.

— Что, не слыхать о фельдмаршалѣ? спросилъ Катеневъ.

— Везутъ.... Не нынче, завтра будетъ. Плохъ, говорятъ.... Ѣдутъ шагомъ, отвѣчалъ Аѳанасій.—Графъ говоритъ, врядъ ли довезутъ живаго.

Катеневъ поблѣднѣлъ.

— Я не говорилъ тебѣ... началъ баккалавръ.—Говорятъ, нѣтъ никакой надежды. Пойдемъ въ Казанскій отслужить молебенъ, прибавилъ онъ, накидывая свой фризъ.

— Вотъ это дѣло.... И меня возьмите. Да папенькѣ отпишите. Я ужь вралъ, вралъ имъ въ письмахъ.... Да еще пишу-то, ровно курица набродила. Вотъ и Гаврило Даниловичъ писали...

— Я, братъ, вралъ не въ однихъ письмахъ, а ежедневно вру, больше твоего несравненно, съострилъ улыбаясь баккалавръ. Сегодня вотъ чуть не цѣлую ночь философствовалъ у Гаврилы Романовича.... Пойдемте-ка, чѣмъ врать, лучше отслужимъ благодарственный молебенъ и за фельдмаршала помолимся.

Катеневъ взялъ шляпу, и всѣ трое вышли изъ воротъ постоялаго. Аѳанасій разсказалъ, что онъ жилъ въ Кобринѣ у фельдмаршала и что фельдмаршалъ писалъ о Катеневѣ въ Петербургъ кому-то нѣсколько разъ.

— Наконецъ ужь я не вытерпѣлъ, уѣхалъ, окончилъ свой разсказъ старикъ.—Пытались вотъ вмѣстѣ съ Гавриломъ Даниловичемъ пробраться къ вамъ, да не пустили, даже денегъ не позволили передать; эдакіе жестокіе!

VII.

Подъ бременемъ семидесятилѣтней жизни, съ болью отъ тяжкихъ ударовъ, досягающихъ, подобно молніямъ, чаще до того, кто стоитъ на вышинѣ величія и славы, съ полуразбитымъ, въ жизненной борьбѣ, сердцемъ, тащился, увѣнчанный лаврами, старый русскій богатырь, въ высокой каретѣ, по вязкому, мѣстами снѣжному апрѣльскому пути, изъ славнаго похода своего къ столицѣ. Удары ударами, а эти мелкія жизненныя дрязги, этотъ хламъ, невольно накопившійся на душѣ, какъ въ одинокомъ углу скряги куча гвоздей, подковъ, старыхъ подошвъ, зачѣмъ-то подымаемыхъ чудакомъ съ грязной улицы.... Прожить семьдесятъ лѣтъ—не поле перейти; чего-чего не наберетъ и не накопитъ человѣкъ въ своемъ сердечномъ ларцѣ; какого хлама не найдется въ немъ подъ конецъ жизненнаго пути, рядомъ съ вещами дивной красоты, цѣны несмѣтной. «Это зачѣмъ я спряталъ? Эту обузу зачѣмъ хранилъ и берегъ?» думаетъ онъ, перебирая скарбъ, накопившійся на сердцѣ. И благо тому, кто, догадавшись во-время, броситъ ненужное, лишь помогающее разводиться моли, тряпье и оставитъ себѣ только то, что нетлѣнно, дорого и стóитъ вѣчнаго храненія. Но кромѣ тяжкой думы о себѣ, была у генія-богатыря другая дума—о Россіи. «Царь гнѣвенъ. Что это? Немилость лишь къ нему, къ провинившемуся подданному, къ Суворову, или же поворотъ убѣжденій на другую, новую дорогу?» Такой вопросъ на краю могилы, когда нѣтъ времени ни оправдаться, ни исправить ошибку свою, предложенъ былъ судьбою больному, истомленному отъ тяжкихъ, почти нечеловѣческихъ трудовъ, на многолюдьѣ одинокому, какъ всякій геній, старцу. Давно ли раздавались, неслись на встрѣчу ему всюду восторженные клики, ликованья толпы, его благословляющей, привѣтствующей его славныя побѣды? И вдругъ очутиться, сразу, послѣ такого праздника, среди безмолвія, загадочной, зловѣще-мертвой тишины, наставшей отчего?... Отъ недоволь-

ства Руси его службою ей? Отъ козней клеветы, внушеній зависти?... «Бороться?..» Но борецъ напрасно расправляетъ старыя мышцы,—силъ больше нѣтъ, въ изнеможеньи падаетъ рука богатыря, когда-то мощная, неодолимая.

Въ такомъ настроеніи духа ѣхалъ фельдмаршалъ, лежа въ каретѣ, а ударъ за ударомъ, знай, летѣли на встрѣчу ему, вмѣсто привѣтствій и «добро пожаловать»; зависть работала. Всего больнѣй ему было за государя. «У ногъ его, у ногъ готовъ молить прощенія», говорилъ старецъ. Его устами говорило не опасенье за себя: чего ему было бояться за день-два до смерти, — душа его болѣла за государя; его устами говорило желанье примирить съ собою честнаго, безбожно разлученнаго клеветниками съ подданнымъ государя,—съ тѣмъ подданнымъ, который больше всего на свѣтѣ, послѣ Бога, любилъ «отца-царя, да мать-Россію».

И думы, одна тяжеле другой, неслись вереницей, будто тучи, недавно несшіяся подъ стопами вождя—тамъ, на сѣдыхъ вершинахъ грозныхъ Альповъ.

Такъ вотъ на что потраченъ этотъ жаръ, еще недавно разгоравшійся широкимъ полымемъ отъ искры—мысли о побѣдѣ, о славѣ родины. Онъ обманулъ меня; блудящій огонекъ казался мнѣ, всю жизнь казался путеводнымъ свѣточемъ. А эти тысячи убитыхъ, тысячи жизней, отданныхъ безъ ропота, съ кроткою слезой о своихъ, о матери, женѣ да дѣтяхъ? Страшный канунъ вѣчности!... Не для того ли ужь нужно было подняться всей этой бурѣ, чтобъ язвами и болью дать способъ человѣку искупить здѣсь, на землѣ, грѣхъ вольный и невольный, вѣдѣнія и невѣдѣнья? Ибо послѣ раскатовъ грома и вздымающихся волнъ всегда сіяетъ солнце, море тихо, лазурь небесъ шлетъ на землю тепло и воздухъ полонъ благоуханія.

Карета ѣхала, порой увязая колесами по ступицы въ колеяхъ грязной, мѣстами еще снѣжной дороги; назади тащились тарантасъ князя Горчакова и коляска придворнаго врача, отправленнаго императоромъ. По ночамъ не ѣхали; фельдмаршала выносили изъ кареты и укладывали на станціяхъ, на неизмѣнномъ его сѣнѣ; больной почти не говорилъ, ночи мало спалъ и, сидя, молился часто до свѣта.

— Не встану. Слышу я, докторъ. Не утѣшай. Пора, отвѣчалъ онъ врачу на увѣренія.

— Богъ дастъ, поправитесь, и скоро, ваша свѣтлость.

Иногда, точно умирающій гладіаторъ, вдругъ подымался онъ

съ своего жесткаго ложа. «Туда, въ Парижъ, въ сердце революціи», шептали хладѣющія уста. Тамъ корень всему злу; тамъ разнуздавшаяся воля создаетъ новый Римъ языческій». И назначалъ онъ путь чудо-богатырямъ, но больной мозгъ отказывался работать, и сѣдая голова стараго воеводы опускалась на походную подушку. Начинался бредъ: осады, битвы, синіе мундиры, шишаки, трехцвѣтныя знамена, будто въ перепутанной панорамѣ летѣли мимо. «Надо».... Но безсильна человѣческая воля предъ волею Того, кому отъ вѣка вѣдомы судьбы народовъ; безмолвенъ каменьщикъ предъ зодчимъ, видящимъ прежде свершенія имъ предначертанное зданье. «Мысль, русская мысль нужна теперь», говорилъ фельдмаршалъ, когда бредъ проходилъ; «пиши по-французски, только думай по-русски». Что же дѣлала русская мысль описываемаго времени? Откликалась ли она на богатырскій зовъ вожатая?—Она откликалась, раскатомъ грома, въ пламенномъ стихѣ поэта. Но это были первые аккорды, увертюра къ ея желанному возрожденію. Опредѣлить составъ этихъ электрическихъ искръ, орудіемъ науки разложить ихъ, сыскать причину ихъ бытія было дѣло русскаго мыслителя.... Но русскій мыслитель боялся, какъ огня, самобытности. «Пожалуй, назовутъ отсталымъ, азіатцемъ, заговори я объ отцахъ церкви, да о смиреніи; поклонникомъ рабства, деспотизма назовутъ», думали русскіе академики, и русская мысль пряталась, туманно, робко высказываясь гдѣ-нибудь, какъ мы уже говорили, на Сѣнной, за самоваромъ чудака, оригинала, баккалавра. Поэтъ пѣлъ врознь, вразладъ съ русскою академическою мыслію. Богатырями мысли были не «первые, а послѣдніе», какъ будто въ подтвержденіе евангельскаго слова-были, въ которомъ искони вѣнчалось и вѣнчается все загнанное и забитое. Дабы вести, повелѣвать, заставить понимать, любить себя, русскій геніальный воевода и долженъ былъ снизойдти внизъ, къ этимъ послѣднимъ, разставшись съ первыми, долженъ былъ воплотить нравственный и умственный образъ, созданный богатыремъ-народомъ,—образъ, доселѣ неразгаданный учеными; только бѣжавъ изъ стана передовыхъ, промѣнявшихъ свои народные пріемы ума на чужіе, иностранные, и вернувшись къ послѣднимъ, къ низшимъ, богатымъ вѣковымъ, дѣднимъ наслѣдіемъ, онъ могъ поднять за собою родной народъ до высоты невиданной міромъ любви, восторга и самопожертвованія.

Не знаменіе ли это? Не прообразованіе ли грядущаго мыслен-

наго вождя, который тоже, облекшись въ старинную мысленную броню, поведетъ родной народъ на бой духовный, тяжелый бой съ сильнымъ противникомъ, вооружавшимся столѣтія? Уже туда, смотрите, встарину, къ живому, вѣчному ключу народной мудрости кинулось новое наше поколѣнье; чего-то ищетъ оно около старыхъ, родныхъ развалинъ, допрашиваетъ ихъ.... Но вѣковые камни нѣмы, пока не отнесется сердцемъ къ старинѣ, къ нимъ вопрошающій. «Туда, въ прошедшее», кто-то зоветъ русскихъ ратаевъ мысли; спасаютъ памятники народнаго творчества, точно отцовское имущество во время внезапнаго пожара; всѣ смотрятъ съ упованіемъ не на потомковъ, а на прадѣдовъ; не отъ грядущаго ждутъ обновленья мысли, возрожденія, а отъ прошедшаго, отъ смолкшей, прежде думали мы, навсегда тысячелѣтней были. И уже не «впередъ», а «стой, осмотрись: никакъ мы позабыли что-то»—нерѣшительно, но ясно произносятъ мыслящіе люди; уже хватились многіе, а скоро хватятся и всѣ, весь длинный поѣздъ молодыхъ, богатыхъ силой и надеждами переселенцевъ, что позабыли взять они съ собою прадѣднюю казну, забравъ второпяхъ, вмѣсто богатыхъ аксамитовъ, мѣшковъ съ бурмицкимъ жемчужнымъ зерномъ, самоцвѣтовъ-камней старорусской воды,—забравъ новокупленную рухлядь, всякій хламъ, который только тяготитъ, обременяетъ путниковъ. Да; мы еще въ дорогѣ.... Въ дорогѣ еще Русь. Не потому ли всѣмъ, отъ ямщика до русскаго поэта,—всѣмъ слышится что-то свое, родное въ яркомъ звонѣ вѣщуна-колокольца, въ неудержимомъ бѣгѣ, разметавшей гривы и ремни, удалой тройки? Да: русская, родная наша мысль еще въ дорогѣ. Тамъ, впереди, на синей полосѣ-каймѣ необозримой дали, словно видать родныя кровли, главы, золотые кресты?... Брось лишній хламъ; укладывай, не покидай дѣдовскихъ кованныхъ ларцовъ, переселенцы; не вѣрь, будто они и пусты, и не нужны. Верхомъ грузи этимъ своимъ старьемъ телѣги, и тогда, съ Богомъ, въ путь, тогда «впередъ» съ молитвою и богатырскою пѣсней.

Замышляемый-было въ Петербургѣ торжественный въѣздъ и пріемъ фельдмаршала были отмѣнены, и модель предполагаемаго монумента, гдѣ онъ, въ образѣ Геркулеса, билъ многоглавую гидру, была перенесена на чердакъ академіи художествъ. Клевета работала, не сознавая, что дѣлаетъ полезное, доброе, дѣло; послѣ тяжелыхъ утратъ, понесенныхъ нами и храбрымъ непріятелемъ, цинично, неприлично было бы торжество и ли-

кованье въ христіанской странѣ; одни язычники производили въ чинъ полубоговъ знаменитыхъ своихъ полководцевъ, возили ихъ на колесницахъ, съ прикованными сзади плѣнными; въ христіанской странѣ послѣ побѣдъ—мѣсто молитвѣ, благодарственнымъ молебнамъ за дарованье «мира мірови», да панихидамъ по убіеннымъ друзьямъ и недругамъ; если война есть лишь необходимое покуда зло, то нельзя возводить христіанскому народу ее въ средство къ прославленію отечества; поэтому, торжество, приготовляемое-было Петербургомъ, могло напомнить потомству Грибоѣдовскаго Скалозуба съ его восторженнымъ восклицаніемъ: «довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ; изъ службы выключатъ однихъ, другіе,—смотришь,—перебиты». Богъ спасъ и здѣсь, какъ и вездѣ спасалъ, Суворова; торжество не состоялось, и карета фельдмаршала, двадцатаго апрѣля, вечеромъ, незамѣтно проѣхавъ по петербургскимъ улицамъ къ Николѣ Морскому, остановилась у подъѣзда огромнаго дома графа Дмитрія Ивановича Хвостова, извѣстнаго страстью читать всѣмъ и каждому свои стихи, племянника Суворова; выбѣжали люди на крыльцо, и больной на рукахъ былъ внесенъ въ лѣстницу; графъ, человѣкъ лѣтъ тридцати, кинулся цѣловать руки утомленному старцу.

— Государь, дядюшка, говорилъ онъ сквозь хлынувшія слезы.—Вы ли это?

— Я, другъ мой, я, отвѣчалъ слабымъ голосомъ Суворовъ.— Вотъ всѣмъ вамъ поученіе, какая гиль и пустошь—человѣческая слава.

Больного уложили на любимое имъ сѣно; комната была жарко натоплена, но онъ велѣлъ еще протопить, замѣтивъ хозяину: «а здѣсь у тебя, Митя, холодно».

Черезъ часъ зналъ весь Петербургъ о пріѣздѣ Суворова, но экипажей останавливалось весьма немного на устланной соломою мостовой, противъ подъѣзда графскаго дома; государь тотчасъ прислалъ узнать о положеніи больного и потомъ присылалъ ежедневно.

Туго, по-петербургски, распускались почки на тощихъ березкахъ садика, примыкавшаго къ дому; быстро развивалась болѣзнь; въ пріемной все озабоченнѣе толковали межъ собою врачи и навѣщавшіе; день ото дня тише и тише дѣлалось въ домѣ и, наконецъ, шестаго мая, Катеневъ, по обыкновенію, подъѣхавъ часу въ девятомъ къ крыльцу, увидалъ въ окнахъ

свѣчи; сердце у него замерло; изъ отворенныхъ дверей передней несло ладаномъ.

— Когда? спросилъ Катеневъ слугъ.

— Вчера, сударь, утромъ, отвѣчалъ одинъ изъ людей.

Катеневъ наканунѣ хлопоталъ объ отпускѣ и не былъ у Хвостовыхъ. Въ пріемной толпилось человѣкъ пять-шесть военныхъ; обойщики обтягивали стѣны чернымъ сукномъ; тѣло покойнаго лежало на столѣ въ сосѣдней гостиной. Катеневъ помолился и, поцѣловавъ руку, глядѣлъ на открытое лицо покойнаго; на лицѣ не было ни малѣйшаго слѣда страданія; фельдмаршалъ будто спалъ; морщины сгладились; на грудь спускалась небольшая, сѣдая борода, отросшая въ послѣдніе дни болѣзни; на золотомъ шитьѣ мундира играло пламя свѣчъ; трупъ точно дышалъ еще... Катеневъ зарыдалъ и отошелъ къ окошку; псаломщикъ однообразнымъ голосомъ читалъ: «отъимеши духъ ихъ, и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся... Послеши Духа твоего, и созиждутся». Комната начала наполняться дамами, генералами, прибывшими на панихиду; всѣ шептались, какъ бы опасаясь нарушить сонъ отшедшаго. Послѣ панихиды Катеневъ уѣхалъ.

— Не стало Александра Васильича, встрѣтилъ его на постояломъ Аѳанасій, зарыдавъ. — Прогнѣвали, знать, мы всѣ Господа Бога.

Прибравъ въ комнатѣ, старикъ ушелъ зачѣмъ-то въ ряды. Катеновъ сѣлъ на лавку и, подперевъ руками голову, безсмысленно разсматривалъ выскобленную хозяиномъ доску дубоваго стола; ему сдѣлалось страшно за себя, за Россію, какъ дѣлается страшно уже понимающему ребенку, сыну, за мать, стоящую безъ копѣйки въ кошелькѣ подлѣ гроба мужа, кормильца и поильца семьи. «Чѣмъ будемъ жить мы? Куда дѣнемся?» думаетъ ребенокъ, поглядывая робко на недвижное, будто окаменѣвшее, лицо молодой матери... И это чувство страха испытывалъ не онъ одинъ,—испытывала вся Россія. «Вся Россія», говоритъ одинъ изъ современниковъ, «будто хоронила съ нимъ славу своего оружія». Великая личность фельдмаршала, помимо его военныхъ подвиговъ, была одна изъ тѣхъ, которымъ выпадаетъ счастье быть любимыми всѣми, каждымъ; безчисленные разсказы о немъ, его изреченія, поступки, еще при жизни его, превратились въ любимую народную быль, въ поученье, въ пословицу; вожатай военной силы, онъ сдѣлался вожатаемъ русской мысли,

русскихъ духовныхъ силъ, русскаго міросозерцанія. Россія не съ такимъ любопытствомъ вслушивалась въ реляціи о его побѣдахъ, какъ въ его рѣчи о религіи, политикѣ, наукѣ, революціи, искусствѣ... Но о чемъ не велъ геніальныхъ рѣчей Суворовъ для того, кто имѣлъ и имѣетъ уши, чтобы слышать? Разсказы о его заступничествѣ за всякаго, кто обращался къ нему, о томъ, какъ воротилъ онъ матери изъ ссылки юношу, единственнаго сына,—какъ обожаемъ былъ солдатами,—я еще помню,—исторгали слезы у стариковъ, не видавшихъ никогда фельдмаршала. Россія ищетъ, прежде всего, сердца въ великомъ человѣкѣ, и если, онъ отвѣтитъ сердцемъ же ей на этотъ святой запросъ, — она уже не разстанется съ нимъ, полюбитъ крѣпко, навсегда, на вѣки.

Свое личное, хотя нераздѣльное съ общимъ, горе охватывало душу молодаго суворовца,—онъ былъ юный пріемышъ этой славной семьи; но долго ли было облюбовать птенцу тотъ кровъ, гдѣ такъ тепло жилось, гдѣ онъ не встрѣтилъ ничего, кромѣ любви къ себѣ и безкорыстнаго участія? «И вотъ, всѣ разбредутся наши, кто куда, какъ рой пчелиный безъ вожака, безъ матки», думалъ юный воинъ. И началъ онъ припоминать каждое слово своего благодѣтеля; только теперь, когда смолкло на вѣки это слово любви,—теперь только получило оно для него настоящую цѣну. «Я не умѣлъ цѣнить его благодѣяній... Я не понималъ, какъ заботливо относился онъ къ моему воспитанію», размышлялъ молодой человѣкъ. Посылка въ баттарею, къ Лагоцу, на ученья австрійской артиллеріи, работы, поручаемыя ему въ штабѣ,—все осмыслилось только теперь для него и связывалось въ стройную, преднамѣренную систему всесторонняго, зрѣлаго воспитанія. Самое прозвище: «пѣтухъ» получило теперь значеніе, когда онъ вспоминалъ свои прежнія заносчивыя рѣчи, вспыльчивый нравъ и неумѣнье сдерживаться тамъ, гдѣ нужно. А это обаяніе, производимое на молодежь оригинальнымъ и изящнымъ образомъ маститаго, но вѣчно юнаго душою, сердцемъ и умомъ вожатая?... Не только тотъ, кто жилъ съ нимъ, кто подлѣ него шелъ, но каждый, кто видѣлъ его разъ, каждый загорался жаркою къ нему любовью, и этотъ огонь любви очищалъ всякаго, какъ очищаетъ вещественный огонь металлъ, первоначально смѣшанный съ грубыми посторонними частицами. «И выходитъ на повѣрку, что вѣдь не этотъ блескъ военной славы, не этотъ величавый громъ», ду-

малъ Катеневъ, «дѣлаетъ безсмертнымъ человѣка, а чуткая, прекрасная душа его, сердце, готовое отвѣтить, подать вѣсть каждому, въ комъ объявилась бы хотя крупица чувства. А эти громы, эти кроволитья, пожалуй, еще заставятъ усомниться, задуматься будущаго повѣствователя надъ отлетѣвшимъ образомъ богатыря,—пожалуй, поднимутъ подозрѣнія: «да, полно, не было ли въ немъ кровожадности? Была ли у него любовь и жалость къ человѣку?»

— Знаете что, сударь, перервалъ думы капитана Аѳанасій.— Пойдемте-ка отслужимъ панихиду... Сейчасъ вамъ легче сдѣлается.

— Нѣтъ, братъ, тутъ панихида не поможетъ... У меня вотъ точно камень лежитъ здѣсь на груди... Тяжко, отвѣчалъ Катеневъ, пройдясь по свѣтелкѣ и уставясь въ окно.

У него брызнули слезы.

— Отслужимте... Пойдемте въ Казанскій, Петръ Тимоѳеичъ, приставалъ Аѳанасій.

— Пожалуй, пойдемъ... Письмо батюшкѣ отправилъ?

— Отправилъ... Вотъ ужь за границу напрасно только деньги отдали... Вотъ поглядите, не застанетъ, проговорилъ онъ и, подавая шпагу, прибавилъ:—вы эту шпагу берегите, Петръ Тимоѳеичъ... Царская...

— Сберечь надо на память; только подлѣ царской она чай и не леживала...

— Какъ такъ? Да нешто въ дворцѣ продаются шпаги?... Извѣстно, шпага самого императора, рѣшительно закончилъ Аѳанасій. — Я вамъ ее въ послѣдній разъ подаю... Спрячу—и не допроситесь; футляръ особый закажу, съ надписью такого-то числа и года.

— Сохранить надо, подтвердилъ Катеневъ, выходя въ сѣни.

Аѳанасій заперъ на замокъ свѣтелку и побѣжалъ за бариномъ.

— Свѣчей я трехкопѣечныхъ возьму, говорилъ онъ, догоняя Катенева.

— Все равно; бери какихъ хочешь.

— Не все равно, сударь... У насъ всего-на-все рублей пятнадцать осталось... А когда еще вышлютъ... Вотъ жалованье надо бы похлопать, чтобы здѣсь выдали... Гдѣ наша рота, Богъ ее вѣдаетъ.

Они подошли къ собору; на крыльцѣ, въ ожиданіи дрожекъ,

стоялъ молодой, расфранченный, напудренный и подвитый гвардеецъ.

— Bon jour, Катеневъ, проговорилъ онъ, прищурясь и подавая узенькую, плотно обтянутую замшевою перчаткою, руку.— Давно ли ты здѣсь?

— Не давно.

— Когда похороны Суворова?

— Не знаю, отвѣчалъ, замѣтно не особенно довольный этою встрѣчею, Катеневъ.

— Mais ecôutez, mon cher... Неужто его будутъ хоронить съ тѣми же почестями, какъ Румянцева? Ты понимаешь: Румянцевъ и... cette bête féroce... И потомъ, какъ на это взглянутъ за границею? Что ты на это скажешь? спросилъ, прищурясь, офицеръ.

Катеневъ вспыхнулъ.

— Я бы тебѣ сказалъ, отвѣчалъ онъ съ дрожащими отъ волненія губами. — Но... здѣсь не мѣсто и не время говорить...

— Ты сердишься? перебилъ офицеръ.

— Да, я было вспылилъ, но вспомнилъ поговорку: дурака учить, что мертваго лечить, проговорилъ, поблѣднѣвъ, Катеневъ и ушелъ въ двери собора, откуда ужь давно кивалъ ему Аѳанасій.

Гвардеецъ посмотрѣлъ ему въ спину въ лорнетъ, повертѣлся и, проговоривъ: «это однакожь дерзость... Надо бы мнѣ... Pourtant, что связываться съ каждымъ parvenu... Я опоздаю къ тетушкѣ»,—сѣлъ въ дрожки и уѣхалъ.

Всего труднѣе, особенно въ концѣ повѣсти, романа, изображать неожиданныя встрѣчи. «Такъ и есть», думаетъ читатель; «ему, автору, нужно, чтобъ они встрѣтились; я это напередъ зналъ». Какое высокое явленіе это требованіе художественной правды, требованіе логики въ картинѣ, присущее каждому изъ созерцателей! Той же послѣдовательности, основанной на неизмѣнныхъ, данныхъ искони законахъ, требуетъ созерцатель отъ художника, какую видитъ въ творчествѣ природы, гдѣ нѣтъ скачковъ и случайностей, гдѣ все совершается по закону внутренней необходимости, гдѣ вѣковая, неразрывная цѣпь явленій состоитъ вся изъ причинъ и ихъ неизбѣжныхъ послѣдствій. Нѣтъ отговорокъ, оправданій художнику предъ читателемъ, если онъ измѣнилъ правдѣ, нарушилъ психологическій, нормальный ходъ,

постепенность роста характера, чувства, мысли, воззрѣнія лица изображаемаго. Между тѣмъ, налагая такія тяжкія бремена на другаго, требуя такъ справедливо постепенности и правды въ картинѣ жизни вымышленнаго или списаннаго съ натуры лица, тотъ же читатель не порицаетъ нетерпѣнія людей, пытающихся измѣнять, по своему благоусмотрѣнію, теченіе широкаго русла народной жизни; тутъ, окрыленный желаніемъ блага человѣчеству, каждый горячій утопистъ-мечтатель можетъ не только судить и рядить, но даже дѣлать безнаказанно опыты надъ живымъ общественнымъ организмомъ; и не караетъ его никто за это упреками,—мало того, еще хвалятъ, называя передовымъ, вожатаемъ, народолюбцемъ; напротивъ, тотъ порицается большинствомъ, кто стоитъ за права жизни, кто ратуетъ противъ кровопролитія; застоемъ и отсталостью зоветъ оно не только отвращеніе, но даже недовѣрчивость къ крутымъ реформамъ и переворотамъ. Кто былъ бы противъ христіанской общности имущества, кто не любуется этимъ небеснымъ, прекраснымъ явленіемъ въ апостольской церкви? Но какъ ввести, какъ примѣнить его между людьми, задыхающимися отъ алчности червонцевъ, золота,— между людьми, у которыхъ одна завѣтная цѣль жизни—быть милліонеромъ? Кто противъ свободы?.. Но какъ осуществится она въ средѣ людей, изъ которыхъ рѣдкій ложится и встаетъ безъ мысли: «какъ бы мнѣ скрутить хорошенько, нагнуть шею этому подлецу, моему ближнему?» Не пора ли увидать и въ жизни народовъ руку художника, все устрояющаго въ ней по предначертанному плану и въ строгой постепенности? Не пора ли и къ теченію народной жизни отнестись съ тѣмъ же требованіемъ постепенности, съ какимъ относится, и относится законно, созерцатель къ картинѣ, выставленной художникомъ? Картину можно бросить, позабыть, но нельзя воротить жертвъ и крови, нельзя ничѣмъ вознаградить слезы цѣлыхъ семействъ, народовъ, на развалинахъ роднаго очага и на могилахъ братьевъ и дѣтей, погибшихъ на аренѣ легкомысленныхъ опытовъ. Можно распинаться за истину, но нельзя распинать ближняго въ ея святое имя.

«Какая дрянь этотъ Б.... Какъ взглянутъ за-границею!... Да намъ-то какое дѣло, какъ тамъ взглянутъ?» думалъ Катеневъ, еще задыхаясь отъ гнѣва, вызваннаго презрѣніемъ къ фельдмаршалу щеголеватаго гвардейца.

Ругая противника, новопроизведенный капитанъ позабылъ

вовсе, что недавно еще самъ порицалъ Суворова за его несочувствіе къ свободомыслію; и такъ почти вѣдь всякій изъ насъ хлещетъ противника, называетъ его и дуракомъ, и дрянью, не признавая пользы противнаго мнѣнія, хотя бы даже какъ огнива, безъ котораго не излетитъ искра изъ кремня; уже это одно даетъ право противнику на нѣкоторое уваженіе.

«Что-жь, еслибы вода, промывъ плотину», продолжалъ, и справедливо, оправдывать любимаго вождя-наставника Катеневъ, «потопила окрестность съ селами и деревнями, погубивъ сотни, тысячи жителей,—что-жь, проходящіе случайно землекопы и плотники должны безучастно глядѣть, какъ гибнутъ добрые люди, имѣя полную возможность загатить, сдержать разбушевавшуюся стихію, спасти край и его жителей отъ неминуемаго бѣдствія?... Не выживи мы изъ Италіи французовъ, они бы до сихъ поръ насиловали, грабили прекрасную страну; до сихъ бы поръ бѣдняки-простолюдины отдавали послѣдній грошъ,—мало того, корку хлѣба этимъ вводителямъ свободы, братства и вольности. Я не повѣрю никому, будто настанетъ время, когда покраснѣютъ русскіе за эти славныя страницы своей исторіи. Кровь жертвъ падетъ на тѣхъ, кто вынудилъ, насилуя народы подъ свое позолоченное ярмо, идти насъ, русскихъ, для освобожденія этихъ закабаленныхъ вольностью....»

И юному богатырю казалось, что, не помѣшай намъ австрійцы, мы были бы въ Парижѣ и похоронили бы навсегда, на вѣки, дѣло революціи. Здѣсь ошибался не одинъ онъ, а и самъ Суворовъ. Рано было торжествовать побѣду надъ революціонными началами: эта побѣда впереди, и совершитъ ее никакъ не сила митральёзъ и нарѣзныхъ орудій, а сила разума. Кто поручится, не обозрѣвъ всю безконечную цѣпь всемірной были, въ ея прошедшемъ, будущемъ, что безполезны были эти ужасающіе взрывы, что ничего не вынесли изъ нихъ народы, пострадавъ тяжко? Произнося свой преждевременный судъ надъ прошлымъ, историкъ рискуетъ не понять плана, цѣлей, ведущаго разными путями, но всегда ко благу, высшаго разума. Быть-можетъ, этотъ скорбный путь нуженъ несчастной Франціи для того, чтобъ она, какъ Магдалина, узнала въ вертоградарѣ Учителя и уже никогда съ нимъ болѣе не разставалась.

Да, впереди день окончательной побѣды. Но не въ цѣпяхъ пойдутъ за колесницею богатыря-мыслителя побѣжденные, на свѣтломъ праздникѣ, въ великій день этой рѣшительной побѣды; не

грубымъ, побѣднымъ, кликомъ, который любитъ одна гордая физическая сила, огласятся славные стогны новаго града.... Въ объятья, сердцемъ къ сердцу, бросятся другъ къ другу побѣжденные и побѣдители, и стройный ликъ хвалебныхъ пѣснопѣній Тому, чей разумъ все привелъ въ созвучіе, украситъ радостное утро вѣчнаго международнаго согласія.

— Пьеръ... Ты? спросила, вспыхнувъ вся, молоденькая дама въ траурѣ, подходя къ привалившемуся къ колоннѣ капитану.

Катеневъ кинулся цѣловать ея руки.

— Вотъ неожиданная встрѣча, говорилъ, любуясь на встрѣтившихся, старикъ со звѣздою на груди, въ темномъ кафтанѣ.— А мы отсюда ѣхали къ Хвостовымъ поклониться праху фельдмаршала и узнать твой адресъ.

Катеневъ обнялъ его и опять обратился къ молоденькой дамѣ, въ которой читатель вѣроятно угадалъ овдовѣвшую маркизу.

— Женихъ и невѣста надо быть? спросилъ священникъ Аѳанасья, ставившаго свѣчи къ панихидному столику.

— Точно такъ, батюшка, отвѣчалъ Аѳанасій, подходя къ рукѣ князя и будущей своей барыни.

Отслушавъ панихиду съ княземъ и невѣстою, Катеневъ поѣхалъ съ ними къ графу Хвостову и оттуда въ гостиницу, гдѣ остановились пріѣзжіе.

VIII.

Двадцатаго мая, часовъ въ семь сіяющаго, не по-петербургски, утра, къ небольшому дому графа Хвостова, въ Коломнѣ, подъѣзжало множество каретъ четверками, колясокъ, дрожекъ; генералы въ полной формѣ, съ орденами и лентами, шитые и не шитые мундиры статскихъ чиновъ вылѣзали изъ каретъ еще на мосту, такъ какъ, чтобы дождаться очереди, по которой добиралась до подъѣзда длинная вереница экипажей, надо было прождать добрый часъ, а то и больше; передъ домомъ и по каналу стояли войска и артиллерія; мимо ихъ и пробирались мундиры, придерживая свои сабли, кортики и шпаги; зеленый можжевельникъ, накиданный у подъѣзда, высокій балдахинъ съ лошадьми въ черныхъ попонахъ и факельщики, въ своихъ длинныхъ плащахъ, давали знать, что гости съѣзжались на похороны; огромная толпа народа, не взирая на убѣжденія жандармовъ и

полицейскихъ, осаждала подъѣздъ; крыши сосѣднихъ домовъ и заборы были покрыты жителями; у крыльца толпились, въ черной ливреѣ, пѣвчіе.

Это были похороны Суворова; Катеневу назначено было ѣхать съ одною изъ артиллерійскихъ, бывшихъ въ походѣ, ротъ, и онъ пристроился къ ротѣ Сергѣева, неожиданно встрѣтившагося ему наканунѣ на Невскомъ.

— Успѣю я сходить въ домъ проститься, какъ вы думаете? Въ церкви, пожалуй, не доберешься, спросилъ Катеневъ Сергѣева, подъѣхавъ къ нему на своей вороной, казенной, лошади.

— Ступайте. Только поскорѣе, отвѣчалъ Сергѣевъ.—Возьми кто-нибудь лошадь у капитана.

Катеневъ слѣзъ съ коня, отдалъ его подбѣжавшему артиллеристу и пошелъ къ дому; съ немалымъ трудомъ пробрался онъ въ залу, обитую чернымъ сукномъ, гдѣ, на высокомъ катафалкѣ, стоялъ малиновый, съ золотомъ, гробъ; вокругъ стояли безчисленные табуреты съ орденами фельдмаршала; дамы, ленты и звѣзды вопросительно и строго посмотрѣли на капитана, когда онъ, послѣ многочисленыхъ: «извините, позвольте пройдти», подошелъ къ гробу. Положивъ три земныхъ поклона, Катеневъ взобрался на ступеньки и поцѣловалъ руку покойника; у него хлынули слезы, когда онъ взглянулъ на недвижное лицо; еще разъ поцѣловавъ руку, онъ не сходилъ съ катафалка, какъ бы желая унести, запечатлѣть навсегда въ душѣ черты незабвеннаго ему человѣка, но кто-то дернулъ его за рукавъ; онъ оглянулся: это былъ Прошка съ двумя золотыми медалями на шеѣ, пожалованными сардинскимъ королемъ.

— Пожалуйте, Петръ Тимоѳеичъ. Сейчасъ выносъ.

Катеневъ тутъ только опомнился и спустился съ ступенекъ катафалка. Началась литія; но капитанъ пошелъ къ своей ротѣ, вытирая платкомъ бѣгущія ручьями слезы.

— Что, пробрались? Не удастся видно мнѣ еще разъ проститься, говорилъ Сергѣевъ, поправляя гриву своей лошади.

— Ступайте, отвѣчалъ Катеневъ, влѣзая на коня.

— Боюсь; генералитета ужь очень много.... Я ходилъ вчера вечеромъ.... Простился. Да, сударь, и отца нашего не стало, проговорилъ Сергѣевъ, понуривъ голову и задумавшись.

— Cineris hîc, fama ubique *), произнесъ, проходившій мимо,

---

*) Прахъ здѣсь, слава повсюду.

статскій генералъ, обращаясь къ шедшему съ нимъ рядомъ молодому монаху съ умнымъ, худощавымъ лицомъ.

Катеневъ оглянулся и узналъ Фукса; онъ поклонился, но историкъ-секретарь не замѣтилъ поклона и исчезъ вмѣстѣ съ монахомъ въ дверяхъ подъѣзда. Сергѣевъ разъѣзжалъ, оглядывая пушки и робко посматривая на толпу, размѣстившуюся на сосѣднемъ тротуарѣ. Минутъ черезъ пять на крыльцѣ показался гробъ; войска опустили на молитву ружья, и глухой трескъ, покрытыхъ крепомъ, барабановъ покрылъ хоръ пѣвчихъ и раздавшійся женскій вопль; толпа заколебалась; гробъ поставили на колесницу, и шествіе тронулось; ордена несли офицеры по два въ рядъ; за ними шли пѣвчіе, длиный рядъ духовенства и опять пѣвчіе; предъ катафалкомъ шли генералы и другіе военные чины; барабаны гудѣли во все время, пока катафалкъ ѣхалъ мимо войскъ; съ полчаса, если не больше, пришлось ждать артиллеріи, помѣщенной въ концѣ поѣзда; наконецъ, Сергѣевъ скомандовалъ: «маршъ; трогай», и орудія двинулись шагомъ, между двухъ стѣнъ народа, усѣявшаго тротуары, окна, балконы, крыши; литавры глухо, словно задумавшись, били тежелый тактъ похороннаго марша.

— Точно въ Италіи, замѣтилъ Катеневъ Сергѣеву.

— Да; только онъ-то самъ не на конѣ, а въ гробѣ, отвѣчалъ Сергѣевъ, отеревъ рукавомъ мундира покатившуюся слезу.—Вотъ наша жизнь, сударь, слава и почести....

Печальный поѣздъ выѣхалъ на Невскій; и тамъ все было запружено зрителями; балдахинъ съ перьями колебался надъ толпою; генералы верхами и пѣшіе сновали мимо ѣдущихъ шагомъ орудій; подручная у одного изъ ѣздовыхъ роты Сергѣева, испугавшись бѣлаго платка, которымъ замахалъ, зачѣмъ-то, проѣхавшій молодой адъютантъ, взвилась на дыбы, взлягнула раза два задомъ и запуталась въ постромкахъ.

— Стой!.. Осади, огладь ее, приказывалъ Сергѣевъ сбѣжавшейся прислугѣ.

Солдаты пробовали взять подъ-устцы коня; но молодой конь снова взвивался на дыбы и снова билъ задомъ, отдѣлываясь отъ опутавшихъ его постромокъ. Сергѣевъ растерялся, увидавъ толпу любопытныхъ, окружившую орудіе.

— Проѣзжай... Что встали? кричали назади.

— Обрубите постромки, посовѣтовалъ Катеневъ. — Есть запасныя?

— Нѣтъ, ваше благородіе, отвѣчалъ одинъ изъ фейерверкеровъ.

Ѣздовой слѣзъ и началъ распутывать, вдругъ присмирѣвшаго и прижавшагося плотно къ своему сосѣду, коня.

— Это что за горе-богатыри, произнесъ проѣзжавшій мимо на сѣромъ конѣ, жолтый, какъ померанецъ, генералъ, смѣрявъ насмѣшливо Сергѣева.

— Вы ошибаетесь, ваше превосходительство, замѣтилъ, вспыхнувъ весь, Катеневъ.

— Какъ, ошибаюсь? спросилъ генералъ, осадивъ свою англизированную лошадь.

— Точно такъ, ошибаетесь, генералъ, твердо повторилъ Катеневъ. «Чудо-богатыри», имѣлъ обыкновеніе ихъ называть фельдмаршалъ.

«Пѣтухъ», будто раздалось изъ качавшагося впереди гроба. Катеневъ покраснѣлъ.

— Ваша фамилія? спросилъ генералъ.

Катеневъ отвѣтилъ; генералъ исчезъ; баттарея тронулась.

— Какъ вы это такъ неосторожны, Петръ Тимоѳеичъ? началъ, вытирая потъ съ лица, Сергѣевъ.—Знаете, какъ за это пострадать можете?.. Мало вамъ было еще...

— Пусть его жалуется... Я не отопрусь... Онъ не посмѣетъ... Онъ виноватъ кругомъ... Онъ этимъ словомъ оскорбилъ честь арміи, проливавшей кровь за отечество, горячился Катеневъ.— Я бы желалъ, чтобъ онъ пожаловался.

— Успокойтесь, говорилъ Сергѣевъ. — Экой, какой горячій вы. А какова оказія-то, сударь,—ась? Я зналъ это: необъѣзженныя лошади... Вынеси только Богъ, толковалъ онъ, робко поглядывая то на народъ, то на ѣздовыхъ своихъ.—Не горячи ее, не дергай поводомъ... Вотъ такъ... Дай волю... Знакомый генералъ-то? Ась?

— Нѣтъ, не знакомый...

— А спросилъ фамилію?

— Спросилъ.

«Государь!» раздалось въ толпѣ; офицеры приправились. На углу, у гостинаго ряда, стояла кучка всадниковъ; впереди на бѣломъ конѣ не трудно было узнать императора; онъ мастерски ѣздилъ и поминутно осаживалъ своего горячаго, извѣстнаго всѣмъ тогда, «Помпона». Толпа колебалась, приподнималась, чтобы лучше видѣть, на носки; когда гробъ поровнялся съ сто-

ящею кучкою всадниковъ, государь снялъ шляпу, поклонился и, приложивъ платокъ къ глазамъ, произнесъ что-то. «Что онъ сказалъ? Сказалъ что-то?» заговорили въ толпѣ.—«Прощай; прости. Жаль, жаль героя», донеслось откуда-то, и черезъ нѣсколько минутъ извѣстны были почти всѣмъ эти слова императора.

— Все этимъ сказано, обратился къ Катеневу Милорадовичъ, проѣзжавшій мимо верхомъ.

— Да; это правда... Правда, что все сказано, подтвердилъ Катеневъ, обращаясь къ Сергѣеву, впившемуся глазами въ пугливаго коня, надѣлавшаго ему столько тревоги.

Печальный маршъ гудѣлъ; знамена колебались, словно плакучія березы надъ сельскимъ одинокимъ кладбищемъ. Государь повернулъ лошадь и поѣхалъ шагомъ назадъ, мимо идущаго войска; Катеневъ и Сергѣевъ отдали честь, когда онъ поровнялся съ ихъ орудіями.

— Здравствуй, сударь, произнесъ императоръ, узнавъ Катенева.—Твоя рота?

— Никакъ нѣтъ, государь. Капитана Сергѣева, отвѣчалъ Катеневъ.

Государь приложилъ руку къ шляпѣ и поѣхалъ далѣе; у молодаго капитана пробѣжала дрожь по членамъ; зашевелилось, закипѣло какое-то мощное чувство въ груди,—чувство любви, преданности, покорности, знакомое каждому русскому. Зови его какъ хочешь, либералъ, но оно вспыхиваетъ—это чувство въ русскомъ при видѣ царя; и ошибется тотъ, кто назоветъ его раболѣпствомъ, подобострастіемъ... Нѣтъ, оно чисто, искренно, безкорыстно и живо до сихъ поръ золотой душѣ богатыря-народа.

Поѣздъ подъѣхалъ къ лаврѣ.

— Не пройдетъ, толковали генералы, народъ, столпившись около остановившагося балдахина, передъ воротами.—Высокъ... Низки ворота... Не пройдетъ.

— Пройдетъ! Онъ вездѣ проходилъ, громко отвѣтилъ старый унтеръ, съ грудью, увѣшанною орденами и медалями.

Балдахинъ тронулся и, въ самомъ дѣлѣ, прошелъ въ сводчатые ворота.

Прошелъ и скрылся навсегда, отъ влажныхъ очей толпы, недолговѣчный, внѣшній образъ человѣка,—толпы, теперь только почуявшей, кого она теряетъ. Духовный ликъ его остался навсегда въ сердцѣ каждаго русскаго; онъ оживетъ и явится во

славѣ, вызванный русскимъ сознаніемъ, русскою мыслью, когда она вступитъ, наконецъ, послѣ долгаго блужданья по чужимъ извилистымъ дорогамъ, на царственный, широкій путь самостоятельной, родной и кровной своей жизни. Съ тоскою, можетъ-быть, глядитъ великій духъ вождя на прошлое, на страшные дни кровавой стычки и борьбы людскихъ ошибокъ, недоразумѣній; но онъ утѣшится, дождавшись, наконецъ, дня разумѣнія, дня пробужденья русской мысли,—дня возвращенія ея домой, къ себѣ, въ свою заповѣдную отчину. И Русь тогда помянетъ и благословитъ, не разъ, богатыря, среди насмѣшекъ, тяжкихъ обвиненій въ притворствѣ, хитрости, ревниво сохранившаго русскія нравственныя черты, свой русскій умъ, русское сердце; жизнь его будетъ вѣчною проповѣдью на Руси для всѣхъ—отъ генерала до простолюдина. Какъ Святогоръ, онъ, лежа подъ землею, пока стоитъ Россія, не перестанетъ надѣлять юныхъ сыновъ ея огнемъ любви къ отчизнѣ, къ вѣрѣ, къ человѣчеству, любви къ народу, къ старинѣ родной, не красной, не казистой съ виду, но теплой вѣрою, любовью, упованьемъ,—старинѣ, еще далеко не разгаданной, не изученной, разгордившимся не въ мѣру, новымъ временемъ.

«Нѣтъ, не дойдетъ», скажетъ на это мнѣ, быть-можетъ, представитель современной, модной, такъ-называемой, общечеловѣческой интеллигенціи,—«нѣтъ, не дойдетъ твой старый вождь, съ своими отсталыми воззрѣніями и юродствомъ, до свѣтлаго храма обновленной русской мысли; онъ будетъ въ немъ чужой и лишній въ своемъ, потертомъ, павловскомъ мундирѣ».—Дойдетъ, отвѣтимъ мы. Да развѣ даромъ, развѣ безъ яснаго предвидѣнья, безъ внутренней причины, тянуло такъ, влекло и донынѣ влечетъ къ нему русскаго, не вытравившаго въ себѣ сердечной связи съ родиной? Развѣ не подавало сердце сердцу вѣсть, когда толпы лѣзли на неприступныя вершины, сквозь громъ и молніи, сквозь ядра и огонь, по мановенію отца-вожатая? Да развѣ ошибался когда-нибудь нашъ чуткій, зоркій богатырь — народъ въ томъ человѣкѣ, котораго онъ полюбилъ всею душою, разъ навсегда, какъ любитъ, и любило искони, русское сердце своихъ избранниковъ? Дойдетъ — и перекатитъ тучею чрезъ неприступный Сенъ-Готардъ односторонней, гордой мудрости и будетъ еще разъ вожатаемъ, но ужь другой, духовной русской силы; опять съ славянами, съ тѣмъ же словакомъ, сербомъ, полякомъ и чехомъ, удалымъ черногорцемъ-

орломъ, засѣвшимъ на скалу, на удивленье Западу, ни съ чѣмъ, съ одною вѣрою и жаркою любовью, да съ мѣднымъ дѣдовскимъ крестомъ на загорѣлой, мощной груди!..

Медленный, неторопливый звукъ орудій точно стучался въ крышку опускаемаго въ землю гроба. Катеневъ слѣзъ съ коня и, кое-какъ пробравшись сквозь толпу въ храмъ, упалъ, рыдая, на гранитъ подлѣ родной и дорогой ему, по многому, могилы.

IX.

Князь съ дочерью остановился въ гостиницѣ, неподалеку отъ Невскаго; они намѣревались, нѣсколько дней пробывъ въ Петербургѣ, ѣхать въ Раздолье; старикъ былъ печаленъ; переходъ Бориса какъ громомъ поразилъ и Катенева; покойный маркизъ, аббатъ, появлявшійся въ Раздольѣ, то и дѣло проносились, какъ злые духи, въ его воображеніи; онъ только теперь понялъ, въ какія тенета попала-было, будто робкая серна, его невѣста, и какъ велика милость Божія, выведшая ее невредимою изъ сѣтей, уже совсѣмъ было ее опутавшихъ; помолвленные не говорили объ этомъ при князѣ, но наединѣ они цѣлые часы толковали о своемъ прошломъ и Борисѣ.

— А княгиня? Будетъ въ Россію? Какъ она пишетъ тебѣ? спросилъ Катеневъ свою невѣсту, возвращаясь съ нею и Дуняшею въ каретѣ изъ лавры, куда они на другой день ѣздили поклониться еще разъ праху Суворова.

— Ты знаешь, какъ она его любитъ.... Она съ нимъ не разстанется, отвѣчала маркиза.

Катеневъ прочелъ, наконецъ, докладную записку Италинскаго эрцгерцогинѣ о подозрѣніяхъ, взводимыхъ на него; и тутъ проглядывала, довольно ясно, работа отцовъ, несмотря на то, что ни одного изъ ихъ именъ не встрѣчалось въ докладѣ. Безъименное письмо маркизѣ было прислано импровизаторомъ и ополченцемъ— духовидцемъ, доставившемъ ей въ Венецію посланіе Катенева; дядя Матчи, передъ своею казнью, разсказалъ все объ убійствѣ, объяснивъ, что Николо былъ подкупленъ убить и Лагоца, но кѣмъ, ему неизвѣстно; къ допросу была привлечена четырнадцатилѣтняя дѣвушка, Люси, сестра Матчи и импровизатора, взятая на воспитаніе однимъ изъ профессоровъ уни-

верситета въ Неаполѣ, товарищемъ по Бонну Henri; братъ и сестра перемѣнили фамилію, опозоренную злодѣйствами Николо; импровизаторъ назывался въ запискѣ литераторомъ и сотрудникомъ одной газеты, издававшейся во Флоренціи, направленной противъ французовъ и республики.

Катеневъ ждалъ отпуска; баккалавръ отказался быть у князя; «духа не хватаетъ», говорилъ онъ Катеневу, терзаемый все еще мыслью, что онъ виноватъ въ переходѣ Бориса. Князь не видалъ никого изъ петербургскихъ знакомыхъ; подозрѣвая, что въ обществѣ знаютъ о переходѣ Бориса, онъ торопился въ деревню и не приглашалъ никого. Въ день отъѣзда, утромъ, лакей гостиницы доложилъ, что пріѣхалъ графъ Растопчинъ; графъ былъ въ опалѣ и сдалъ министерскій портфель; объ этомъ зналъ князь; будучи знакомъ еще съ отцомъ Растопчина, онъ счелъ неловкимъ не принять его.

— Проси, сказалъ онъ слугѣ, и въ комнату вошелъ отставленный министръ въ сѣромъ, простомъ фракѣ, съ звѣздою; Катеневъ всталъ и, пристально разсматривалъ мощную фигуру графа, знакомаго ему по выдержкамъ изъ писемъ Суворову, читанныхъ иногда Фуксомъ; князь представилъ его Растопчину.

— Я пріѣхалъ на похороны фельдмаршала, сказалъ графъ, обнявъ князя и поцѣловавъ руку маркизы, которую видалъ еще ребенкомъ въ Гатчинѣ.—Съ Петербургомъ разстаюсь съ грустью, потому только, что любилъ и люблю государя,—гнѣвъ его не перемѣнитъ чувствъ моихъ къ нему.

— Гдѣ же ты поселишься, графъ? спросилъ князь.

— Въ деревнѣ. Хочу заняться агрономіею, отвѣчалъ Растопчинъ и объяснилъ, что желалъ бы купить лѣсъ и небольшое имѣнье, примыкающее къ его помѣстьямъ, публикованное княземъ для продажи.

Князь обѣщалъ, переговоривъ съ управляющимъ, сообщить графу о цѣнѣ и количествѣ десятинъ. Разговоръ перешелъ на политическія дѣла; ясный взглядъ и простое изложеніе—явный признакъ полнаго пониманія предмета—поразили Катенева; касаясь дѣйствій новаго министра, Растопчинъ блѣднѣлъ, но выражался сдержанно и осторожно. Князь увелъ его въ другую комнату, чтобы разузнать о покойномъ маркизѣ. Растопчинъ разсказалъ, что маркизъ принятъ былъ сначала въ неаполитанское, потомъ въ сардинское посольство по ходатайству іезуитовъ, но, числясь при послѣднемъ, началъ передавать секретныя депе-

ши отцамъ и этимъ надѣлалъ не мало непріятныхъ недоразумѣній ему и обоимъ посланникамъ.

— Я вамъ писалъ объ этомъ, закончилъ Растопчинъ.

Оказалось, что князь не получилъ письма канцлера.

— Дѣло прошлое, князь, а я просилъ государя поспѣшить арестомъ проходимца, чтобы помѣшать свадьбѣ, руководясь при этомъ моимъ къ вамъ расположеніемъ. Вижу, письмо не помогаетъ.... Вамъ вѣдь писалъ, вѣроятно, еще кто-нибудь? говорилъ Растопчинъ.

— Никто; графъ К. былъ даже на свадьбѣ и ничего не сказалъ.

— Графъ не зналъ; когда онъ выѣхалъ къ вамъ, дѣло еще не выяснилось. И потомъ разглашать нельзя было: это могло оскорбить посланника, замѣтилъ Растопчинъ.—Слава Богу, что это все кончилось, что Nadine спасена; но я вамъ совѣтую, князь, и теперь держать ухо востро, не довѣряться іезуитамъ.

Князь заплакалъ и, не вытерпѣвъ, разсказалъ о переходѣ сына, взявъ слово съ посѣтителя держать покуда это въ тайнѣ; посѣтитель обѣщалъ; хоть онъ и разыгралъ предъ княземъ роль человѣка, пораженнаго неожиданностью, новостью, но одинъ взволнованный князь могъ не замѣтить, что новость давно была извѣстна бывшему канцлеру.

— Я не видалъ его никогда, votre fils, но много слышалъ о немъ.... Мнѣ говорили, что это un homme d'esprit и замѣчательной эрудиціи... Какъ жаль.... C'est affreux! Утѣшьтесь однимъ, князь, продолжалъ умный посѣтитель:—вашъ сынъ, конечно, разглядитъ ихъ станъ и, описавъ его, спасетъ, быть-можетъ, многихъ русскихъ отъ подобнаго шага. Это будетъ его заслуга, служба, полезнѣйшая служба Россіи.

— Дай Богъ, проговорилъ, нѣсколько утѣшенный этимъ, старый князь; но слезы знай катились на бархатный камзолъ его.

Растопчинъ уѣхалъ, поздравивъ помолвленныхъ; князь съ дочерью вечеромъ выѣхалъ въ Раздолье; Катеневъ возвратился на свой постоялый и тотчасъ же поѣхалъ отыскивать Сергѣева.

Похоронивъ «отца», семья суворовцевъ бродила по Петербургу; нѣтъ, нѣтъ, а заѣзжалъ почти каждый изъ нихъ, зачѣмъ-то, въ лавру поглядѣть, постоять около могилы обожаемаго человѣка и вожатая....

Такъ, можетъ-быть, за двѣ почти тысячи лѣтъ, бродили около Іерусалима осиротѣвшіе ученики, Святая мать и мироносицы,

припоминая каждое слово, случай, душевное движеніе, весь, дорогой имъ, незабвенный образъ Того, кто духомъ съ ними былъ, и есть, и будетъ, но уже Кто незримъ семьянами, о которыхъ молился: «Отче, соблюди ихъ; да будутъ и они едины, яко же мы.... Ты мнѣ ихъ далъ, они твои.... И пусть же будетъ въ нихъ любовь, которою Ты возлюбилъ меня и Я въ нихъ».

Катеневъ, отыскавъ казармы, гдѣ стоялъ Сергѣевъ, засталъ его около пушекъ; командиръ сбирался съ ротою въ походъ, къ своей инспекціи, куда-то въ Малороссію.

— Прощайте, другъ мой, Петръ Тимоѳеевичъ, говорилъ онъ, обнимая при прощаньи Катенева.—Дай Богъ вамъ всего лучшаго.... Бога помните, сударь,—не пропадете. Я испыталъ на себѣ; ты къ Нему только оборотишься, а Онъ, Отецъ небесный, обѣ руки ужь протянулъ, чтобы помочь, поднять тебя. Увидимся, или разомремся мы съ вами,—не извѣстно, но я прошу васъ, подчасъ, вспомнить стараго сослуживца-чудака; прощайте.

Катеневъ заѣхалъ къ Милорадовичу, но, по обыкновенію, не засталъ его, и на вопросъ: «когда Михаилъ Андреевичъ бываетъ дома», получилъ отъ Сергѣя отвѣтъ: «это мудрено сказать, сударь; по ночамъ, да и то изрѣдка». Баттарея Сергѣева, черезъ два часа, стуча лафетами, плелась отъ Петербурга; командиръ ѣхалъ верхомъ, сторонкою, задумчиво понуривъ голову.

Черезъ недѣлю и Катеневъ, съ отпускомъ и годовымъ жалованьемъ въ карманѣ, летѣлъ на перекладной въ Раздолье,—летѣлъ такъ, что Аѳанасій ругался, подпрыгивая чуть не на аршинъ отъ телѣги, причемъ коса его, точно пойманный угорь, металась изъ стороны въ сторону.

— Легче ты, прахъ тебя возьми, кричалъ онъ на послѣдней станціи на молодаго ямщика, который, будто смекая, почему такъ торопится проѣзжающій, поминутно пускалъ во весь опоръ, не разбирая косогоровъ и овраговъ.

Катеневъ хохоталъ, прибавляя жару ямщику обѣщаніями «на вино». Аѳанасій кричалъ, злился, билъ себя въ грудь и говорилъ, обращаясь къ барину: «ну, Петръ Тимоѳеичъ, расшибетесь,—на меня не пеняйте. Вамъ говорено,—не слушались».

Тройка летѣла; и замиралъ, нѣмѣлъ, звонкій колоколецъ, словно вдругъ струсивъ, испугавшись этого бѣшенаго лёта стрѣлой по извилистому и неровному проселку.

— Легче ты, извергъ рода человѣческаго, вскрикивалъ Аѳа-

насій, придерживая за козырь ваточный картузъ.—Ну, только вывали.... То-есть все кнутовище изломаю о подлеца, прибавлялъ онъ, переводя духъ, когда телѣга вылетала на исправленную, ровную дорогу.

А влюбленному казалось, что едва движется легкая телѣжка: сердце перегоняло коней и разъ десятокъ побывало уже тамъ, въ обѣтованномъ уголкѣ, откуда ему на встрѣчу, выпорхнувъ изъ жаркой груди, готово было летѣть быстрѣе стрѣлы другое, окрыленное сбывающеюся мечтой, дѣвичье сердце. Такъ мощный, молодой соколъ чудною, полною трепета, весеннею порой, погулявъ тамъ, по своду голубаго небосклона, разрѣзывая грудью, крыльями, со свистомъ, чистый воздухъ, стрѣлой несется ко гнѣзду, гдѣ ждетъ его, счастливца, съ утра до вечера ждетъ, красивая, черноокая подруга.

Вотъ, часовъ въ шесть вечера, высунулся изъ-за свѣжей, майской зелени знакомый куполъ княжескаго дома; засинѣлъ прудъ; гуси, вытянувъ длинныя шеи, загоготали на нарушившихъ мирную тишь помѣстья проѣзжающихъ; обогнувъ прудъ и прогремѣвъ плотиною, тройка, со звономъ, во весь духъ, влетѣла въ ворота и остановилась у крыльца.

— То-есть копѣйки не получишь, извергъ, на вино, сердито произнесъ Аѳанасій, отряхивая пыль съ висковъ и грозя кулаками, помирающему со смѣху, ямщику.—Еще смотрителю пожалуюсь. Гляди, какъ ты упарилъ тройку, разбойникъ эдакой, говорилъ онъ, кивая на лошадей и здороваясь съ выбѣжавшею княжескою прислугою.

Катеневъ давно былъ въ домѣ; сіяющія лица слугъ и горничныхъ первыя встрѣтили счастливца; зоркій глазъ молодой подруги далеко, еще тамъ за лѣсомъ, среди вешнихъ, свѣтлозеленыхъ зимей, завидѣлъ, разглядѣлъ клубъ пыли, взвивавшійся изъ-подъ колесъ, летящей птицею, телѣги. «Онъ это, онъ», шептали, прерываемыя сердечнымъ трепетомъ, уста. «Онъ, матушка, княжна», подтвердила, кинувшись опрометью въ переднюю, Дуняша. Катеневъ расцѣловалъ людей и бѣгомъ вбѣжалъ въ залъ, гдѣ, озаренная вся радостью, уже ждала его невѣста. Черезъ минуту вышелъ князь и всѣ усѣлись на террасѣ; какъ ни вздыхалъ, ни охалъ старикъ, но по временамъ и онъ не могъ не улыбнуться, глядя на пару молодыхъ счастливцевъ. Счастье, что красное солнышко, взойдя, кидаетъ всюду лучъ, заглядываетъ всюду въ озаренномъ домѣ; ударивъ даже иногда на ничтожную,

заброшенную вещь, оно раскраситъ ее такъ, что живописецъ не утерпитъ, помѣститъ забытую вещицу на своей, обдуманной до мелочей, строго правдивой, исторической картинѣ.

Катеневъ помѣстился въ кабинетѣ князя Бориса; все было тамъ въ порядкѣ; на письменномъ столѣ стояла та же хрустальная, массивная чернилица на мраморномъ поддонѣ, слоновой кости ножъ, для разрѣзыванья книгъ, съ вырѣзанною змѣею, эмблемой мудрости, на рукояткѣ, колокольчикъ съ головкой средневѣковаго шута въ колпакѣ съ бубенчиками, прессъ-папье съ лежащимъ сфинксомъ; волтеровскія кресла, съ подсвѣчникомъ, подъ зеленымъ шелковымъ абажуромъ, красовались на прежнемъ мѣстѣ подлѣ громаднаго стола; книги стояли чинно, рядкомъ, за стеклами шкафовъ; овальный, масляный портретъ Nadine стоялъ по-прежнему на мольбертѣ, завѣшанный кисеею; подлѣ него на полу бѣлѣлъ досчатый ящикъ, съ надписью на крышкѣ: «Vienne, au soins obligeants» и т. д.; портретъ отправлялся къ Борису, черезъ вѣнскаго банкира. Все было по-старому, но въ самомъ порядкѣ, въ которомъ были размѣщены вещи на столѣ и въ комнатѣ, чувствовалось отсутствіе души, хозяина, исчезъ всякій намекъ на личность удалившагося обладателя; вещи теперь напоминали разставленныя по азбукѣ типографскія буквы, послѣ напечатанія статьи: буквы тѣ же, стоятъ въ порядкѣ, но смыслъ исчезъ, отлетѣлъ отъ нихъ.

Часовъ въ двѣнадцать вечера, простясь съ княземъ и маркизою, Катеневъ вошелъ въ кабинетъ и, отпустивъ Аѳанасья, отворилъ окно; въ саду пѣлъ соловей; съ полей тянулъ медовый запахъ озимаго хлѣба; въ сосѣднемъ лугу трещалъ коростель, перепелъ отбивалъ гдѣ-то вдали свои однообразныя три ноты; долго, часовъ до двухъ, сидѣлъ молодой воинъ, опершись на подоконникъ, мысленно облетая свое прошлое; знакомая обстановка, будто суфлеръ, подсказывала ему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ измѣняла память, и то слезы вдругъ навертывались у него, то улыбка появлялась на устахъ, вызванная смѣшнымъ лицомъ, положеніемъ, случаемъ.... Пропѣли нѣсколько разъ пѣтухи на селѣ, словно освѣдомляясь другъ о другѣ: «живъ ли ты тамъ»; сторожъ давно пересталъ стучать въ чугунную доску, вѣроятно, задремавъ гдѣ-нибудь у амбара, убаюканный ночною тишью и теплотой овчиннаго тулупа; гдѣ-то раздался дребезгъ легкой крестьянской телѣжонки; небосклонъ побѣлѣлъ и потянуло свѣжестью съ полей и пашенъ, — а молодой счастливецъ

все еще грезилъ, цитируя свои мечты о будущемъ воспоминаньями недавней были.

На другой день, послѣ завтрака, небольшая коляска четверкою несла молодаго воина межь свѣтлозеленыхъ полей ржи и яроваго, мимо луговъ, пестрѣвшихъ персидскимъ ковромъ, посылающихъ чудные ароматы на встрѣчу путнику; мѣстами луга словно подрумянились малиновою дремой, задумчиво покачивающейся отъ вѣтерка на своемъ липкомъ стеблѣ. Катеневъ ѣхалъ къ отцу; отпустивъ съ первой станціи княжаго кучера съ лошадьми, онъ взялъ почтовыхъ; экипажъ данъ былъ ему до мѣста. Опять замелькали, передъ его задумчивыми, углубленными внутрь очами, полосатыя версты, мужики въ своихъ телѣжонкахъ, богомольцы съ котомками, партіи ссыльныхъ, съ бабами и дѣтьми на высоко-навьюченныхъ рухлядью телѣгахъ, усадьбы, утонувшія въ зелени, города съ мучными и другими лавками, съ тучею голубей на улицѣ, села съ бѣлыми церквами; замелькали старыя, знакомыя картины, на которыя глядитъ и не наглядится русскій человѣкъ, влекомый къ нимъ воспоминаніями и предчувствіемъ чего-то. Аѳанасій улыбался, сидя на козлахъ, и, поглядывая на озимыя поля и цвѣтущіе луга, толковалъ то ямщику, то барину: «вотъ такъ рожь, а начала никакъ ужь колоситься! И тра̀вы можно чести приписать.... А вотъ еще пошлетъ Богъ дожжичка,—страсть, что за травы будутъ». Кетеневъ мало говорилъ; думы его гуляли, словно ласточки, то опускаясь, будто къ зеркалу тихаго пруда, къ картинѣ будущихъ семейныхъ радостей, то рѣя въ высь и въ ширь по ясному простору счастья, полнаго, безграничнаго, какъ голубой и чистый небосклонъ, раскинувшійся и надъ нимъ, и надъ полями, объявшій все, подобно творческой любви—любви, не знающей предѣловъ.

Солнце сбиралось потонуть; за неширокою, тихою рѣкой, покрывшей цѣлою сѣтью заводей и заливцевъ поемный, луговой берегъ, путешественникъ завидѣлъ наконецъ свою Катеневку; крыши, притаившіяся межь двухъ полосатыхъ пригорковъ усадьбы, прятались другъ отъ друга въ зелени сада, какъ дѣти, играющія въ прятки.

— Однако, видно, нынче порядочный разливъ былъ: вишь, вѣдь, куда сягнула, чуть не подъ самые «Яры», замѣтилъ Аѳанасій, поглядывая на рѣку, когда коляска, повернувъ къ усадьбѣ, покатилась по узенькому проселку, межь двухъ высокихъ межей, обросшихъ желтымъ звѣробоемъ и полынью.

Впереди, къ усадьбѣ, брело стадо, подымая пыль, позолоченную встрѣчными лучами заходящаго солнца; мальчикъ-подпасокъ снялъ свою высокую, увитую берестовою лентой, шляпу, увидя экипажъ.

— Здорово. Дома ли господа? спросилъ Аѳанасій.

— Да, надыть дома, отвѣчалъ мальчикъ, поправивъ на плечѣ кнутъ и опершись на дубинку.

Коровы вскарабкались на межу. Кучка барановъ, заблеявъ, шмыгнула поперекъ дороги; ямщикъ ударилъ по лошадямъ, и четверка, позванивая колокольчикомъ, некрупною рысью начала спускаться съ пологаго холма къ усадьбѣ, прячущейся въ посеребренной цвѣтомъ листвѣ рябинъ, вишни и яблоней. Проѣхавъ небольшую деревушку, раскинутую по луговинѣ, коляска принялась сновать межъ старыми, низенькими житницами, шпунями, закутами, съ обросшими зеленымъ, свѣжимъ мохомъ драницами кровель; то подъѣзжала она къ самому плетню сада, такъ что вѣтви пробовали сорвать картузы съ ѣдущихъ, то опять пускалась вилять межъ ветхихъ людскихъ и кладовыхъ, будто пріѣхавшій изъ-за границы щеголь межъ старыми бабушками и тетками; помѣщичій домъ спрятался такъ ловко, что ямщикъ въ недоумѣніи поглядывалъ на Аѳанасья и раза два спросилъ: «да куда же?»—«Поѣзжай, знай. Куда!.. Видишь, гдѣ торная дорога», отвѣчалъ Аѳанасій. Наконецъ четверка, круто повернувъ влѣво, въѣхала въ низенькіе ворота съ тесовою, узенькою, тоже ветхою, кровлею и остановилась у деревяннаго, низенькаго крыльца, ровесника амбарамъ и воротамъ; крыша, вросшаго чуть не на половину въ землю, дома была несравнено ниже экипажа; изъ дома выбѣжалъ низенькій, бѣлокурый человѣчекъ, лѣтъ тридцати съ чѣмъ-нибудь, въ мухояровомъ домашнемъ казакинѣ и такихъ же штанахъ; выбѣжавъ на крыльцо, онъ ударилъ по поламъ казакина руками и кинулся отворять дверцы коляски.

— Петръ Тимоѳеичъ! На силу-то, сударь... началъ онъ.— Пожалуй ручку.... Аѳанасьюшко!... Вотъ я.... Савишна, барынѣ скажите, обратился онъ скороговоркою къ толстой женщинѣ, повязанной по-русски платкомъ, по виду ключницѣ, бѣжавшей, задыхаясь, черезъ дворъ къ дому.

Но уже на крыльцо, безъ зова, выбѣжала полная, цвѣтущая старушка въ чепцѣ.

— Петруша! вскрикнула она и смокла, упавъ на широкую грудь пріѣзжаго.

Аѳанасій цѣловался съ дворовыми, сбѣжавшимися со всѣхъ сторонъ.

— Ну, всѣхъ ли перецѣловалъ? спросилъ онъ, разсмѣявшись и остановясь передъ толпою.—Теперь пособите, братцы, чемоданъ вытащить.... На плечо вали.... Вотъ, берись за ремень.... Вотъ такъ, училъ онъ широкоплечаго парня въ пестрядинной рубахѣ, взявшагося за чемоданъ; взваливъ на парня чемоданъ, Аѳанасій понюхалъ табаку и началъ вытаскивать изъ кармановъ коляски разную мелочь.

Катеневъ пошелъ въ домъ вмѣстѣ съ старушкою; бравый сѣдой старикъ въ военномъ екатерининскомъ сюртукѣ, опираясь на суковатую палку, шелъ имъ на встрѣчу изъ низенькой, покосившейся двери залы.

— Здорово, встрѣтилъ онъ сына.

Пріѣзжій обнялъ старика и поцѣловалъ его жилистую, загорѣлую руку.

— Сначала побранить бы надо. Какъ же ты, сударь, свататься вздумалъ безъ родительскаго на то благословенія—а? строго обратился къ сыну старикъ, вытянувшись во весь свой богатырскій ростъ и глядя сѣрыми зрачками изъ-подъ сѣдыхъ бровей, клочками нависшихъ надъ впалыми глазами.

— Виноватъ я въ этомъ, государь-батюшка; но такъ все неожиданно случилось для меня самого, что я не успѣлъ увѣдомить.... и не чаялъ, что согласится княгиня, и еслибы не протекторство фельдмаршала....

При словѣ «фельдмаршалъ» старикъ заморгалъ глазами и заплакалъ.

— Не стало отца нашего.... Вотъ что только подлинно тебя оправдываетъ.... Онъ благословилъ. Вотъ и мое благословеніе, проговорилъ сквозь слезы старикъ и, перекрестивъ сына, сѣлъ у растворенного окна и задумался.

— Пожалуйте ручку, Тимоѳей Игнатьичъ, произнесъ Аѳанасій, войдя въ комнату и оправивъ височки.

— Здравствуй, отозвался старикъ и протянулъ руку.

Аѳанасій торопливо поздоровался съ старымъ бариномъ и побѣжалъ въ переднюю; ему, какъ видно, было недосугъ, но поздороваться съ бариномъ онъ забѣжалъ, считая это тоже одною изъ своихъ обязанностей, въ родѣ пересмотра бѣлья или чистки по утрамъ господскаго мундира. «Къ барынѣ бы надо зайдти.... Ну, да ужь послѣ; вотъ поприберусь», замѣтилъ онъ вслухъ, войдя

въ полутемную переднюю и почесавъ за ухомъ. «Давай-ка, братъ, перетаскаемъ это все въ дѣтскую», обратился онъ къ лакею въ мухояровомъ казакинѣ, стоявшему, съ шляпнымъ футляромъ и шпагою въ замшевомъ чехлѣ, противъ чемодана. Черезъ часъ Аѳанасій ужь воевалъ съ ключницею, отпустившею худую наволочку. «А послѣ съ меня цѣлую спросишь», горячился старикъ.—«Да велика ли эта дыра?» защищалась ключница.—«Велика, не велика, а бери назадъ ее.... Это не порядокъ. Я изъ своихъ лучше надѣну», отвѣчалъ Аѳанасій, поуспокоившись, когда старуха принялась распарывать подушку.

Отецъ, разспросивъ подробно сына объ арестѣ (Петръ Тимоѳеичъ написалъ все откровенно ему еще изъ Петербурга), перекрестился нѣсколько разъ и снова задумался, опершись обѣими руками на низенькій подоконникъ.. Пріѣзжій обѣжалъ домъ и пошелъ въ дѣвичью къ матери; старушка хлопотала, чтобы къ чаю подать «то самое, любимое Петрушино варенье» и чтобы какъ, храни Богъ, не ошиблась ключница банками въ подвалѣ, какъ будто отъ такой ошибки могла произойти бѣда нешуточная.

Послѣ итальянскихъ палаццо еще меньше и бѣднѣй казался Катеневу, закутавшійся весь въ густую зелень липъ, сиреней и березъ, отцовскій домикъ; изразцовыя печи съ пестрыми картинками и подписями: «птицу стрѣляю, друга себѣ обрѣлъ, како спасуся, левъ на пути», точно присѣли на корточки,—прежде онѣ ему казались выше и стройнѣе; портреты дѣда, бабушки еще больше потемнѣли и потрескались; оклады образовъ, или «Божьяго благословенія», какъ звали иконы старики, въ кіотѣ, въ образной тоже потускнѣли; вымытый на-чисто, некрашенный полъ покосило; на темныхъ, дубовыхъ стѣнахъ, озаренныхъ заходящимъ солнцемъ, дома прибавилось щелей.... Несмотря на эту неказистую наружность комнатъ, молодому капитану вѣяло отъ этихъ стѣнъ чѣмъ-то своимъ, полузабытымъ, но близкимъ и чистымъ, будто грезы ребенка.

Подали чай: Потапушка (такъ звали лакея въ мухояровомъ казакинѣ) доложилъ, сколько выдано сѣна, овса почтовымъ лошадямъ и подалъ старику большой ключъ отъ амбара; старикъ знай сидѣлъ у окна, задумавшись и отирая навертывающіяся слезы.

— Андрей-то Иванычъ при немъ былъ, когда онъ.... умиралъ? спрашивалъ онъ, время отъ времени, сына.

Сынъ отвѣчалъ, и старикъ снова задумывался.

— Вотъ все онъ такъ, шептала сыну старушка, кивая и боязливо поглядывая на старика.—Словно въ воду опущенъ; просила отца-Григорья почитать надъ нимъ, такъ не соглашается.... А самъ уйдетъ къ себѣ въ свѣтелку, иной разъ часа полтора молится на колѣняхъ.... И одинъ Царь небесный вѣдаетъ, что съ нимъ такое содѣялось; какъ написалъ ты намъ о смерти Александра Васильича, поѣхали мы въ Спасово отслужить панихиду; туда ѣхалъ ничего еще, а воротились, и задумался мой Тимоѳей Игнатьевичъ, да вотъ такъ и по сей день, словно убитый.

— А здоровье-то его какъ? спрашивалъ Петръ Тимоѳеевичъ, усѣвшись подлѣ матери въ ея комнаткѣ.

— Нога побаливаетъ въ ненастье.... Ну, да это и прежде было,—рана; ѣстъ мало, а то, благодаря Бога, болѣсти въ немъ не видать. Вотъ только эта меланхолія его меня тревожитъ.

Такъ потекли день за днемъ; отецъ-Григорій, священникъ села, куда прихожа была Катеневка, пріѣзжалъ повидать капитана суворовца, котораго, когда-то, училъ грамотѣ; навѣщали сосѣди, старые знакомцы Катеневыхъ: отставной повытчикъ, плѣшивый старичишка съ брюшкомъ, говорившій особымъ, подъяческимъ, слогомъ съ поминутными: «понеже, поелику, власно, яко бы», страшный сутяга и ябедникъ; морякъ екатерининскихъ временъ, съ очаковскимъ крестомъ, напивавшійся, обыкновенно молча, за обѣдомъ такъ, что его подымали со стула въ двои руки и уводили отдыхать — лѣтомъ въ бесѣдку, а зимой въ дѣтскую; недоросль, лѣтъ тридцати, владѣлецъ четырехъ мужиковъ, дѣвственникъ, «пѣшешествовавшій», какъ онъ самъ выражался, лѣтомъ по обителямъ, а зиму по благодѣтелямъ, смирный, говорившій тоненькимъ голоскомъ, но охотникъ посплетничать, за что его не разъ сѣкли знакомые....; словомъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ отшедшихъ въ вѣчность, опять явились лица, съ которыми связаны были неразлучно воспоминанія дѣтства молодаго суворовца. Каждую недѣлю получались письма изъ Раздолья; раза два писалъ черезъ сестру Борисъ Катеневу. «Меня винятъ, вѣроятно, въ Россіи», писалъ онъ въ одномъ письмѣ, «но какъ мнѣ разсказать всѣмъ причины моего перехода? Мое положеніе похоже на положеніе мнимо умершаго: его отпѣваютъ, онъ слышитъ это, но отвѣтить, произнести слово не въ состояніи. Будущее, и недальнее, объяснитъ все», оканчивалъ грустное письмо свое молодой богословъ. Кня-

гиня переѣхала къ нему въ Савоію. О переходѣ Бориса Петръ Тимоѳеевичъ не говорилъ своему отцу, боясь раздражить старика, убитаго смертью друга-фельдмаршала; старикъ Катеневъ не зналъ, впрочемъ, молодыхъ Тунгусовыхъ.

Старый князь, по желанію помолвленныхъ, просилъ позволенія у жены сыграть свадьбу до окончанія траура, представляя на видъ безденежье и необходимость сдѣлать все скромно, никого не приглашая; княгиня долго не соглашалась, но наконецъ согласилась, и Катеневы были увѣдомлены объ этомъ письмомъ, присланнымъ съ нарочнымъ; свадьбу условились сыграть въ Катеневкѣ, и Петръ Тимоѳеевичъ нетерпѣливо ждалъ Петрова дня, къ которому должны были пріѣхать князь и невѣста. Старикъ Катеневъ нѣсколько ожилъ, приготовляясь къ свадьбѣ; онъ поминутно отправлялъ жену и Савишну, ключницу, въ городъ за покупками; велѣлъ очистить новую кладовую, думая превратить ее въ спальню для молодыхъ; за садомъ была разбита генеральская палатка, оставленная Суворовымъ, въ одно изъ его посѣщеній Катеневки; молодой капитанъ бродилъ съ ружьемъ и лягавою собакой, подаренною однимъ изъ сосѣдей, по живописнымъ окрестностямъ помѣстья, считая, сколько осталось до Петрова дня; старушка хлопотала въ ожиданіи дорогихъ гостей. Старый домъ будто помолодѣлъ; некрашеный полъ бѣлѣлъ скатертью, изразцовыя печи тоже, словно вылѣзли изъ темныхъ угловъ поглядѣть на ожидаемый праздникъ, и садъ, одѣтый по-весеннему въ пахучую сирень, бѣлый цвѣтъ яблоней и благовонную, липкую зелень березъ, тоже заглядывалъ въ низенькія, уставленныя бутылями съ наливками, окна стараго дома—сверстника, словно желая сказать: «а что, опять никакъ у васъ свадебка; въ часъ добрый». Старый садъ помнилъ много свадебныхъ пировъ въ мирной Катеневкѣ. Петръ Тимоѳеевичъ бродилъ по саду, лежалъ, задумавшись, у рощицы за садомъ, гдѣ онъ бывало, запустивъ змѣй подъ облака, леживалъ часы, любуясь голубою высью небесъ, навѣвавшею цѣлыя вереницы грезъ, дѣтскихъ предположеній и загадокъ.

Молодой суворовецъ другими глазами смотрѣлъ теперь на эту бѣдную жизнь, на русское захолустье, на этотъ черноземъ, въ которомъ вязнетъ по ступицу телѣга, а между тѣмъ отсюда, изъ него, изъ этой крѣпи, вылетаетъ все мощное и богатырское. Пустошкинъ, Ушаковъ, Суворовъ, русскій солдатъ, ратай, избороздившій вдоль и поперекъ Русь неоглядную своимъ,

тысячелѣтнимъ, плугомъ.... «Ихъ всѣхъ вѣдь породила эта крѣпь», думалъ молодой капитанъ.... «А доведется выручать родную страну,—откуда явятся стоятельщики Добрыни, да Ильи Муромцы?—Отсюда, изъ захолустья; здѣсь силы и растительные соки, здѣсь сѣмена для будущаго самъ-двадцатъ русской мысли, славы, а не тамъ, не на паркетахъ и гранитныхъ тротуарахъ». Озираясь въ прошедшее, въ родную быль, насколько зналъ онъ ее изъ плохаго учебника исторіи, и тамъ онъ видѣлъ, что спасала Русь, хоть бы въ шестьсотъ двѣнадцатомъ году, та же крѣпь непроходимая, та же глушь, заросшая «вѣковыми предразсудками» (выражаясь моднымъ языкомъ) и лапухой, но за то вся покрытая золотистымъ, волнующимся океаномъ хлѣбовъ и зелеными, неизмѣримыми коврами тучныхъ луговъ и пажитей. «Что же это такое?» думалъ капитанъ. «Въ нее, въ эту глушь что ли надо залѣсть, къ ней что ли надобно спуститься, чтобы попасть на вѣрную дорогу къ истинѣ? Что-жь, скороспѣлки что ли мы, передовые кони, оборвавшіе постромки и унесшіеся въ даль, Богъ вѣсть куда, не замѣчая, что повозка и коренные остались далеко назади, увязши въ черноземѣ по ступицу? Но, потерявъ повозку, коренныхъ, легкіе кони знай летятъ куда-то, а коренные воззрились на нихъ, подумывая про себя: «куда ихъ понесло? Эхъ, расшибутся!... Развѣ пріостановитъ кто, али упарятся»?...

«Отсюда вылѣзаютъ и Кулибины, и Ломоносовы. Стало, и мысль-то не всегда тамъ, въ академіяхъ. Да и плохо вмѣщается русская мысль въ рамы иностранной логики, а выдирается на Божій свѣтъ, хоть бы у Кулибина, какъ Богъ ей далъ, по-своему; учебникъ часто только ломаетъ ее, навязывая ей чужіе, искусственные пріемы».

И началъ онъ подозрѣвать, что вовсе не такъ смѣшны, какъ прежде казались ему, изреченія старика-отца о томъ, что вдались новомодные умники «въ умъ неискусенъ» и потому «творятъ неподобная», что «въ руцѣ Божіей всѣ мы—и словеса наши, и всякій разумъ и дѣлъ художество», и чтобъ идти вѣрною дорогой, надо молиться: «скажи ми, Господи, путь, въ онь же пойду».—«Право, это не такъ смѣшно, какъ мнѣ казалось прежде», думалъ молодой капитанъ. «Нельзя не признать другой, разумной силы, дѣйствующей неутомимо и непрестанно, хотя и прикровенно, невидимо».

Въ самый Петровъ день, рано утромъ, погнали цѣлый табунъ

лошадей, въ шлеяхъ и хомутахъ, на послѣднюю станцію; всегда чуть не полсотни лошадей высылалось на встрѣчу гостю, ѣдущему въ тяжеломъ экипажѣ въ Катеневку; эта мѣра была необходима для того, чтобы втащить въ небольшую, но крутую гору дорогихъ гостей изъ грязной и болотистой лощины, называемой почему-то «Бабій долъ». Молодой Катеневъ, осѣдлавъ отцовскимъ старымъ сѣдломъ воронаго двухлѣтка, приготовленнаго для него въ строй, поѣхалъ на встрѣчу невѣстѣ; старики отправились къ обѣднѣ, въ приходское село, верстахъ въ двухъ отъ Катеневки; часовъ въ пять вечера высокій дормезъ, едва пробравшись межъ амбаровъ и клѣтей, остановился у крылечка дома, и Катеневъ, соскочивъ съ лошади, ввелъ будущую свою подругу въ домъ родительскій.

— Горленка ты моя, ненаглядная, родная, прибирала ласкательныя слова, цѣлуя новое богоданное дитя, взволнованная избыткомъ чувствъ любви и радости, старушка.

Старикъ тоже то плакалъ, то принимался цѣловать, крестить пріѣзжую; и долго шелъ этотъ безмолвный обмѣнъ чувствъ, похожій на стремленіе родственныхъ звуковъ слиться въ одно, ласкающее слушателя, благозвучіе.

Дуняша весело передавала изъ кареты картонки, ящички, футляры; дѣвушки носили ихъ въ хоромы, съ любопытствомъ приподнимая картонныя крышки, мѣшающія поглядѣть на чудные и, «поди, заграничные» наряды. Аѳанасій сидѣлъ на верху кареты, отвинчивая кофры и баулы съ гардеробомъ его сіятельства. Старый домъ ожилъ и, казалось, силился раздаться какъ-нибудь, чтобы помѣстить дорогихъ гостей, по возможности, удобно, если не затѣйливо.

— Ну, князь, послѣ твоихъ чертоговъ моя солдатская изба—лачужка.... Не взыщи и ты, Надинька, говорилъ Тимоѳей Игнатьичъ.

Но Надинька не отрывала влажныхъ глазъ отъ старушки, все еще не пришедшей въ себя отъ радости и оправлявшей ей то кружевной воротничокъ, то темные, не напудренные волосы; она была не избалована ласками матери и потому цѣнила дорого этотъ жаркій привѣтъ и ласку новыхъ семьянъ своихъ; князь тоже поминутно обнималъ то старика, то молодаго Катенева.

Въ грустное время для княжеской семьи устраивалась свадьба: переходъ Бориса, денежныя дѣла, принуждавшія про-

давать одно за другимъ родовыя имѣнья, угрожающая бѣдность, лишенія, не легкія для людей, привыкшихъ съ дѣтства къ роскоши.

Дня черезъ три помолвленные были обвѣнчаны въ сосѣднемъ селѣ; гостей не звали, по случаю траура, но морякъ и двѣ родственницы, старыя дѣвицы, которыхъ терпѣть не могъ Тимоѳей Игнатьевичъ, пріѣхали безъ приглашенія и прожили почти недѣлю; недоросль-дѣвственникъ не преминулъ насплетничать, что молодуха «безприданница», а князь промотался за границею и т. д., но это не мѣшало счастью молодыхъ и радости стариковъ, любовавшихся на юную пару. Аѳанасій, въ день свадьбы, поразилъ всѣхъ своимъ коричневымъ, съ рѣзными пуговицами, кафтаномъ, бѣлыми чулками при башмакахъ, взбитыми брыжжами манишки и галстукомъ всѣхъ семи цвѣтовъ радуги.

Нарядъ этотъ никто не видывалъ изъ Катеневской молодежи; Аѳанасій одѣвался въ него только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ: въ послѣдній разъ такъ былъ одѣтъ онъ на крестинахъ Петра Тимоѳеевича.

— Что ты это фармасономъ какимъ разодѣлся, Аѳонька? спрашивалъ, застегивая мундиръ, въ ожиданіи молодыхъ изъ церкви, старикъ Катеневъ.

— Нельзя, сударь, отвѣчалъ, нѣсколько смутившись, Аѳанасій.—Вы тоже, вотъ, изволили примундириться. Сегодня торжество; да еще торжество-то изъ торжествъ, прибавилъ онъ, разставляя на подносѣ тарелки съ вареньемъ и конфектами.

Откуда добылъ Аѳанасій этотъ кафтанъ «a la Louis seize», какъ опредѣлилъ его старый князь, знатокъ всего касающагося до гардероба, разсказчикъ, несмотря на всѣ старанія, не отыскалъ никакихъ свѣдѣній ни въ публичныхъ архивахъ, ни въ библіотекахъ сельца Новаго и деревни Катеневки.

Недѣли черезъ двѣ князь уѣхалъ въ Раздолье. Молодой капитанъ подалъ въ отставку, взявшись за устройство дѣлъ по имѣньямъ князя; съ осени должна была начаться постройка дома для молодыхъ, на холмѣ, надъ рѣкою, въ полуверстѣ отъ Катеневки; старикъ Катеневъ самъ выбралъ мѣсто и назвалъ будущую усадьбу дѣтей: «Новое».

Молодые ѣздили мѣсяца черезъ два въ Раздолье проститься съ княземъ, ѣхавшимъ къ женѣ за границу; княгиня занемогла, и не на шутку, какъ увѣдомляли Борисъ и врачъ ея; въ Раз-

дольѣ нашли они Милорадовича, заѣхавшаго поздравить молодыхъ, по пути къ отцу въ Малороссію.

— А къ вамъ опасно было свататься, Надежда Александровна, замѣтилъ онъ Катеневой.

— Почему? спросила она.

— Да какъ же?—Маркиза взяли, положимъ за дѣло; посватался Петръ Тимоѳеичъ, и его увезли тотчасъ же послѣ сговора, отвѣчалъ Михаилъ Андреевичъ.—Вы были, извините, преопасная невѣста.

Погостивъ два дня, Милорадовичъ уѣхалъ; вскорѣ за нимъ отправился князь въ чужіе края, и молодые остались одни въ Раздольѣ. Осенью того же года они были поражены вѣстью о скоропостижной кончинѣ эрцгерцогини Александры Павловны.

«Иромъ» (по-мадьярски «полынь») называется мѣсто около Пешта, гдѣ лежитъ она; въ небольшой храмъ, воздвигнутый надъ ея могилою, доселѣ ходятъ сербы поклониться праху той, которая, пробудивъ въ нихъ надежды на лучшее будущее, оставила такъ рано этотъ міръ.... Небольшой холмъ, гдѣ стоитъ церковь, весь поросъ полынью, горькимъ, но, говорятъ, цѣлительнымъ растеньемъ. Вскорѣ же пронеслась по Россіи страшная вѣсть о смерти императора. Эти извѣстія горькою травою вплелись въ свѣжій, пестрый вѣнокъ, которымъ увѣнчало счастье новобрачныхъ, но для нихъ, несомнѣнно, были цѣлительны жаркія молитвы объ отшедшихъ благодѣтеляхъ и память о прекрасной молодой женщинѣ,—память, хранившаяся во всю жизнь вмѣстѣ съ письмомъ ея, устроившимъ ихъ счастье.

Катеневъ черезъ девять лѣтъ снова сѣлъ на боеваго коня и снова стоялъ противъ французовъ; Санчо-Пансо его, Аѳанасій, былъ оставленъ дома, гдѣ правилъ должность прикащика. Жена съ тремя малютками, сыновьями, жила безъ мужа въ Новомъ, подлѣ старушки-тещи, похоронившей въ этотъ годъ старика. Старушка жила въ своей Катеневкѣ, закутавшейся еще плотнѣе въ зелень стариннаго садика, но ежедневно ѣздила въ Новое, а иногда забирала на недѣлю къ себѣ внучатъ, любившихъ бабушкину деревушку, гдѣ такъ привольно было имъ прятаться въ саду и за скирдами ржи, оступившими со всѣхъ сторонъ старые амбарушки и закуты. Катеневка, какъ хлѣбосольная со-

сѣдка, надѣляла Новое, высившееся на горѣ, возами соленья, варенья и всего съѣдобнаго.

Отецъ-Григорій называлъ Катеневку «древнею», а Новое, съ его каминами и масляными картинами по стѣнамъ,—«новою Россіею». Жители Новаго, дѣйствительно, не могли отдѣлаться вдругъ отъ поползновенія разыграть французскаго, вандейскаго помѣщика, но это не мѣшало имъ любить Россію, мужу стоять за нее, когда это требовалось, а женѣ, твердо, хотя и трепетною рукой благословлять его идти на подвигъ, на защиту дорогой родины.

Князь Борисъ уѣхалъ въ Америку миссіонеромъ; княгиня не пережила разлуки съ сыномъ и скончалась въ Савоіи, черезъ два года послѣ свадьбы дочери; старый князь жилъ въ Раздольѣ, единственномъ имѣньѣ, съ двумя стами душъ, оставшемся по уплатѣ долговъ; баккалавръ поселился въ Москвѣ, продолжая переводить статьи для журналовъ, читать, по-прежнему, ночи на-пролетъ и спорить. Катеневы, бывая въ Москвѣ, увозили его, по временамъ, погостить въ Новое.

Сергѣевъ былъ убитъ подъ Бородинымъ, онъ умеръ на рукахъ у Катенева. Чудо-богатыри доживали свой вѣкъ — кто въ богадѣльнѣ, кто въ золотой, дворцовой ротѣ, кто сторожемъ въ присутственныхъ мѣстахъ, при церкви, разсказывая молодежи про «батюшку Суворова». Юный художникъ бросилъ подражать Рембрандту и мирилъ кистью русское высшее общество съ народомъ, заставлялъ его любить, живописуя крестьянскихъ мальчиковъ, дѣвушекъ и величавыя лица стариковъ, какія встрѣчаются только въ одной Россіи; онъ неожиданно женился на Дуняшѣ, влюбившись въ нее, въ Раздольѣ, гдѣ ежегодно проводилъ лѣто; къ нимъ было переѣхала жить въ Петербургъ Прасковья Ивановна, но скоро надоѣла имъ обоимъ такъ, что они рѣшились попросить ее оставить ихъ; старуха доживала свой вѣкъ въ Раздольѣ, утративъ свое прежнее вліяніе на судьбы дворни и бурмистровъ.

«Что-жь унесетъ созерцатель», замѣтятъ можетъ-быть разскащику, — «что унесетъ отъ этой полутуманной картины «богатырскаго» прошлаго? Вѣдь, много, много, вздохъ, породившій возгласъ средневѣковаго пѣвца: «Oh, gran bontà de'cavalieri antiqui!» (О, гдѣ ты доблесть рыцарей стараго времени!)—и только. Стоило ли, лишь для этого, оглядываться на невозвратимое прошедшее, когда современность ежедневно подымаетъ новые

жизненные вопросы, одинъ важнѣе, насущнѣе другаго? Франція тоже мечтаетъ о Вандеѣ и монархіи, но ей не воротиться къ нимъ». А почему-жь не воротиться, возражу я, если отыщетъ она въ хламѣ прошедшаго крупицу истиннаго, вѣчнаго?

Но Россія не Франція. Между ея прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ есть крѣпкая, вѣчная связь; наши отшедшіе живутъ доселѣ, неразлучно съ нами,—въ вѣчной, соборной русской о нихъ памяти.... И эта, еще не разгаданная міромъ, наша связь сильнѣе, крѣпче связи, основанной на тысячелѣтнихъ бумажныхъ хартіяхъ. Утративъ эту связь съ своимъ прошедшимъ, напрасно будемъ мы искать, придумывать, какъ и съ которой стороны намъ подойти къ народу; напрасно будемъ вздыхать по немъ, словно любовникъ по холодной красавицѣ, не обращающей на него ни малѣйшаго вниманія. Народъ самъ подойдетъ къ вамъ, если замѣтитъ въ васъ что-либо родственное; если въ духовномъ ликѣ вашемъ есть хоть одна старинная, дорогая ему черта,—онъ самъ васъ назоветъ «роднымъ», самъ скажетъ: «этотъ, вотъ, изъ нашихъ».

Отчего русскіе купцы, несмотря на безобразныя, возмутительныя подчасъ отношенія «хозяина» къ фабричному, сидѣльцу,—отчего они ближе къ народу, чѣмъ мы, литераторы?— Оттого, что купецъ съ нимъ вмѣстѣ молится, вѣруетъ, а мы *скептически* относимся къ тому, что дороже всего, дороже жизни нашему народу; жизнью онъ жертвовалъ не разъ, но никогда, нигдѣ не жертвовалъ своею вѣрою; бѣднякъ, удавленникъ—и тотъ снимаетъ съ шеи крестъ, чтобы не обругать своимъ постыднымъ дѣйствіемъ святыню... «Но какъ же мнѣ увѣровать, когда наука идетъ впередъ», возразятъ быть-можетъ мнѣ; «когда она такъ убѣдительно разрушаетъ міръ моихъ прежнихъ, дѣтскихъ вѣрованій?» — Да полно, убѣдительно ли она опровергаетъ то, что и понять-то нѣтъ возможности однимъ умомъ, безъ сердца? Вотъ къ этимъ, мѣняющимся вмѣстѣ съ фасономъ шляпъ, ученіямъ нужно бы относиться скептически. Не ослѣпляетъ ли вамъ глаза новизна идейки отрицанія—новой, вѣдь, только для того, кто не читалъ Екклезіаста? Не вѣруете ли вы, какъ мусульманинъ въ пророка, въ мудреца, поставившаго въ основаніе своего ученія предположеніе, гипотезу, которую, почему-то, приняли за аксіому, за непреложную истину? Нѣтъ?.. Такъ отойдите отъ народа; онъ не пойметъ васъ; вы разстались съ нимъ. Народъ не можетъ не вѣровать; какъ пересталъ онъ вѣровать,

такъ пересталъ быть народомъ; утративъ вѣчную идею, его связующую, имъ несомую въ міровую братчину мысли, онъ потерялъ право на свое существованіе.

Языкъ?... Но языкъ есть только тѣло, мертвое безъ духа; духъ положилъ основы языка, на которыхъ созидаетъ его народъ тысячелѣтія. Народъ, отрекшійся отъ духа, превратится въ стадо, въ акціонерное общество, въ ассоціацію, артель, существованіе которыхъ обусловливается временными, грошовыми, причинами.

Будто одна вѣра способна сблизить насъ съ народомъ?—Вѣра. Пока не подастъ сердце сердцу вѣсть, мы будемъ средь народа иностранцами. Военный, богатырскій кличъ долженъ быть кличемъ русскихъ мысленныхъ дружинъ. «Богъ и Россія»! Заключивъ въ сердцѣ эти святыя, вѣчныя слова, поставь, попробуй, ихъ въ основу твоего міровоззрѣнія, мыслитель и русскій богатырь-народъ освоитъ сразу мысль твою, пойметъ эту, изъ старины свою ему, науку «въ два Суворовскіе перехода».

КОНЕЦЪ.

Eg.

A ar

LIBRARY OF CONGRESS
00023298995